4
В74

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Вопросы грамматики болгарского литературного языка

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1959

inslav

PU
1021
23
Воп

Ответственный редактор
С. Б. БЕРНШТЕЙН

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
1457
59

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследования, публикуемые в данном сборнике, возникли в связи с практическими нуждами. Осмысление грамматических особенностей болгарского литературного языка в связи с аналогичными особенностями русского литературного языка поставило перед советскими болгароведами специальные задачи, которые не стояли перед авторами известных болгарских грамматик (А. Теодорова-Балана, Л. Андрейчина, Н. Костова и др.).

Для исследования были взяты прежде всего такие вопросы, которые для русских представляют наибольшие трудности (употребление падежей и предлогов, глагольный вид, пересказывательные формы). Кроме работ, публикуемых в данной книге, ведутся исследования в области фонетики, употребления членных форм, местоимений, глагольных времен, структуры сказуемого. Эти исследования еще не завершены. Данной книгой лишь начинается публикация трудов по болгарскому литературному языку, над которыми работают болгароведы Института славяноведения АН СССР.

Авторы всех публикуемых работ свою задачу видели не только в сопоставлении фактов болгарского и русского языков. Они большое внимание уделяли проблемам теории. Для всего авторского коллектива характерно стремление последовательно разграничивать современную систему языка и факты, характеризующие уже пройденные этапы ее развития, без чего построение научной грамматики в настоящее время невозможно. В этом отношении специалисты по болгарской грамматике должны еще сделать очень многое.

Методологические принципы исследований, их тематика, материал, вопросы методики всесторонне обсуждались на двух совещаниях по болгарской грамматике, которые происходили в Институте славяноведения в мае 1952 и в декабре 1953 г.

Основные принципы были изложены на первом совещании в докладах С. Б. Бернштейна «Задачи изучения современного болгарского литературного языка», Е. В. Чешко «Об изучении функций предлогов в болгарском языке» и Ю. С. Маслова «О морфологическом членении глагольных

inslav

форм и морфологической классификации глаголов в современном болгарском литературном языке».

Доклады, выступления по докладам и переработанный текст проспекта всей работы были опубликованы в «Кратких сообщениях» Института (вып. 10, 1953). Материалы второго совещания (доклады и информация о прениях по ним) были также опубликованы в «Кратких сообщениях» (вып. 15, 1955).

---

inslav

Е. В. ЧЕШКО

ПАДЕЖИ И ПРЕДЛОГИ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Современный болгарский язык отличается от всех других славянских языков, в том числе и древнеболгарского, своеобразием грамматических средств, с помощью которых выражаются синтаксические отношения существительного (имени и местоимения). Эти отличия состоят в следующем.

1. Основная роль в выражении синтаксических отношений существительного принадлежит аналитическим, а не флективным грамматическим средствам. Болгарский язык относят к языкам аналитического типа именно вследствие этой особенности болгарской именной системы.

2. В отличие от других славянских языков, в которых синтаксические отношения имени существительного и местоимения-существительного передаются с помощью одних и тех же грамматических средств (падежных форм и предлогов), в болгарском языке падежные формы последовательно представлены только в местоимениях. Поэтому в ряде случаев одни и те же синтаксические отношения в именах и местоимениях болгарского языка выражаются разными грамматическими средствами. Так, винительному падежу местоимений соответствует в большинстве случаев общая форма имени существительного (*аз го обичам — аз обичам детето си*), и только у имен мужского рода личного значения встречается еще в литературе специальная форма винительного падежа на *-а* (*дяда*, *Ивана*). Во всех остальных случаях подлежащее и прямое дополнение различаются либо по смыслу, либо при помощи аналитических средств (порядка слов, плеонастического употребления кратких местоимений).

Значения дательного падежа местоимений у имен существительных передаются аналитической конструкцией с предлогом *на*. Вместо формы дательного падежа та же конструкция часто употребляется и в полных местоимениях.

3. Если в других славянских языках в с е синтаксические отношения существительного передаются посредством падежей, которые в известных случаях вступают в смысловое взаимодействие с предлогами, то в болгарском языке даже в местоимениях-существительных с помощью падежей выражаются лишь некоторые синтаксические отношения, причем эти падежи — именительный, винительный и дательный — не вступают в смысловое взаимодействие с предлогами.

Характерной особенностью болгарской падежной системы является то, что это с и с т е м а б е с п р е д л о ж н ы х п а д е ж е й.

В болгарском языке синтаксические отношения существительного могут выражаться или падежами, или предлогами, но не взаимодействием тех и других. Подобное взаимодействие возможно лишь при условии соединения предлогов с разными падежами. Тогда значение падежа и значение предлога взаимно уточняют друг друга. Например, в русском языке предлог *в* может обозначать и направление внутрь предмета и нахождение

inslav

внутри. Падежи, с которыми этот предлог соединяется, дифференцируют эти недифференцированные в самом предлоге значения: предлог *в* с винительным падежом будет обозначать направление, а с предложным — место. Предлоги в свою очередь уточняют значение падежей; так, если винительный падеж указывает на направление движения, то предлоги определяют положение конечной точки движения относительно предмета, к которому направлено движение: *в стол*, *на стол*, *под стол* и т. п.

В болгарском языке такого взаимодействия более общего значения падежа и более частного значения предлога быть не может, так как предлоги соединяются с одной падежной формой — формой винительного падежа, не противопоставленной в своем предложном употреблении другим падежным формам, а потому и не выражающей никакого падежного значения.

Встречающиеся в болгарском языке отдельные случаи параллельного употребления предлогов с другими падежными формами (например, наряду с *върху тях — върху им*; наряду с *за кого — за кой*) только подтверждают данное положение, так как различие падежных форм здесь никак не влияет на значение предлога и значение словосочетания в целом. Например: «Това приставско обявление е оказало решително влияние *върху мен*...» (Бел.); «Опитът и наблюдението, направени в тия «чужди» среди... не са оказвали никакво влияние *върху им*» (Благ.).

Употребление кратких форм местоимений дательного падежа при некоторых отыменных предлогах (*върху*, *между*, *помежду*, *срещу*, *около* и т. п.) не является живым элементом современной грамматической системы. Эти обороты — своеобразный «грамматический фразеологизм». По справедливому, видимо, предположению Л. Андрейчина, он восходит к тому состоянию языка, когда эти предлоги были еще падежными формами существительных, при которых стояли краткие формы дательного падежа в притяжательном значении[1]. В современном языке эти обороты употребляются значительно реже, чем сочетания с полными формами винительного падежа. В обследованных текстах современных писателей (Г. Белева, П. Вежинова, К. Велкова, Ст. Даскалова, Елина Пелина, Й. Йовкова, Г. Караславова, Л. Стоянова) сочетание отыменных предлогов с краткой формой дательного падежа часто встречается только у Й. Йовкова.

Следствием того, что в соединении с предлогами форма винительного падежа не проявляет своего специфического падежного значения, возможно, и является вытеснение ее общей падежной формой в именах существительных, а также в неличных местоимениях, где роль этой общей формы начинает принимать на себя форма именительного падежа. Отсюда возможность параллельного употребления конструкций типа *за кого* и *за кой* в одном и том же значении.

Таким образом, в болгарском языке существуют две автономные системы обозначения синтаксических отношений существительного: с помощью падежей и с помощью предлогов. В определенной сфере эти две системы выражения синтаксических отношений выступают параллельно друг другу. В словах, не имеющих падежных форм, некоторые падежные значения передаются с помощью предлогов. Это относится главным образом к дательному падежу. И здесь мы находим не только соответствие значения отдельных предложных конструкций отдельным значениям дательного падежа, но также такую предложную конструкцию, с помощью которой могут быть выражены любые значения дательного падежа.

---

[1] Л. Андрейчин. За аналитичния характер на българския език.— «Български език». София, 1952, кн. 1—2, стр. 26.

inslav

Возможность такого совпадения значений предложной конструкции и беспредложной падежной формы имеется, видимо, лишь в тех языках, где предлоги и падежи не вступают в смысловое взаимодействие друг с другом в составе одного словосочетания.

4. Характерной особенностью болгарских падежей является, наконец, то, что флективные падежные формы в определенных разрядах слов уступают свои позиции аналитическим средствам. Процесс вытеснения старого способа новым в современном литературном языке отмечается в части форм винительного и дательного падежей. Это проявляется в том, что:

1) в именах существительных мужского рода личного значения формы винительного падежа исчезают из употребления;

2) процесс вытеснения формы винительного падежа формой именительного наблюдается также в неличных местоимениях; однако в личных местоимениях формы именительного и винительного падежей никогда не смешиваются [2];

3) формы дательного падежа местоимений также все чаще заменяются аналитическими конструкциями с предлогом *на*; этот процесс не затрагивает, однако, форм дательного падежа энклитических местоимений.

Таким образом, в современном болгарском языке есть такие категории слов, в которых формы винительного и дательного падежей нормально употребляются и не проявляют никаких тенденций к утрате. Тем не менее некоторые ученые склонны думать, что в болгарском языке падежной системы вообще не существует.

В статье «За аналитичния характер на българския език» Л. Андрейчин пишет: «Существование некоторых регулярно употребляемых падежных форм, главным образом личных местоимений (самостоятельная форма винительного падежа и энклитические формы винительного и дательного) может рассматриваться как количественно небольшой остаток древнейшего состояния, который сам по себе не может свидетельствовать о существовании в болгарском языке падежной системы вообще, так как в отношении имен существительных, которые в данном случае являются основной категорией, в современном национальном литературном языке нельзя в настоящее время говорить о каких бы то ни было падежных формах» [3].

Профессор К. Мирчев также считает, что при решении вопроса о падежах в болгарском языке нельзя опираться на р а з р у ш е н н у ю падежную систему местоимений [4].

По нашему мнению, вопрос о том, представляют ли падежи болгарского местоимения в современном языке определенную грамматическую систему или это не более как остатки разрушенной старой системы, не может быть правильно решен без специального исследования. Без исследования значений болгарских падежей не может быть правильно интерпретирован и такой важный вопрос, как вопрос о так называемых кратких притяжательных местоимениях.

В болгарской грамматике краткие формы дательного падежа личных местоимений в их приименном употреблении интерпретируются по-разному. А. Теодоров-Балан рассматривает эти формы как родительный падеж. Другие лингвисты также склонны отделять их от системы дательного падежа, относя к системе притяжательных местоимений. Так, например, в грамматике Л. Андрейчина читаем: «Краткие притяжательные местоимения *ми*,

---

[2] В некоторых диалектах замена винительного падежа личных местоимений именительным наблюдается в плеонастических оборотах типа: *аз ми се струва*. Литературному языку подобная замена не свойственна.

[3] Л. А н д р е й ч и н. Указ. соч., стр. 26.

[4] К. М и р ч е в. По въпроса за склонението в български език.— «Български език», 1954, кн. 1, стр. 64.

inslav

ти, *му*, *ѝ*, *ни*, *ви*, *им*, *си* являются по происхождению кратким дательным падежом личных местоимений»[5]. Мы склонны присоединиться к мнению лингвистов, которые рассматривают эти формы как формы дательного падежа. Однако считаем, что вопрос этот также нуждается в специальном рассмотрении на основе исследования значений дательного падежа, его внутренней структуры и места в системе других падежей.

Нуждается в исследовании и вопрос о соотношении значений падежных и предложных конструкций. Поскольку в болгарском языке одни и те же синтаксические и смысловые отношения в разных категориях существительных (в именах и местоимениях, а также в разных категориях местоимений) могут выражаться с помощью разных грамматических средств, вопрос о синтаксических эквивалентах и синтаксической синонимике приобретает первостепенное значение. В частности, и вопрос о том, можно ли какие-то предложные конструкции признать аналитическими формами падежей и какие именно, не может быть решен без тщательного исследования значений и синтаксического употребления падежей и параллельных предложных конструкций[6].

Первая часть данной работы посвящена исследованию значений болгарских падежей и выяснению их соотношения с параллельными предложными конструкциями, а также рассмотрению поставленных выше вопросов.

Вторая часть работы посвящается рассмотрению словосочетаний с наиболее многозначными предлогами.

ПАДЕЖИ

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к исследованию болгарских падежей, необходимо определить свое понимание категории падежа, так как в науке не существует единого мнения в отношении определения основных понятий данной категории — ее формы и значения.

Что касается формы выражения категории падежа, то здесь спор идет о том, выражается ли данная категория только флективной формой, или она может быть выражена и другими, например, аналитическими средствами.

Спор о значении категории падежа связан с вопросом, имеет ли падеж морфологическое, т. е. общее значение, или обладает лишь рядом частных значений, проявляющихся в контексте. Для категории падежа вопрос этот очень важен, так как он непосредственно связан с пониманием сущности данной категории, которая разными лингвистами определяется различно.

Последовательное выражение синтаксической концепции находим у А. А. Потебни, который считает, что в каждом отдельном случае употребления падежной формы можно видеть новый падеж, омонимичный другим падежам[7]. В самом деле, если не признавать у падежа никакого общего значения, связывающего между собой отдельные частные значения, то можно игнорировать и наличие общей формы, связывающей эти зна-

---

[5] Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 280.

[6] Под термином параллельные мы подразумеваем как синонимические, т. е. только близкие по значению, так и тождественные по значению синтаксические обороты.

[7] См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II Харьков, 1888.

inslav

чения. Отрицание формы как основы разграничения падежей является, таким образом, логическим следствием синтаксической точки зрения.

Если же падежи можно разграничивать, не принимая во внимание показателей формы и опираясь только на фактор значения, то почему не определять синтаксические падежи в тех языках, где флективных форм нет, как это делает, например, де Бур[8]? Таким образом, синтаксическая точка зрения логически связана с семантической. Между тем, отказ от признания формы как основы для разграничения падежей, лишает исследователя объективных критериев классификации падежей и приводит к подмене изучения форм самих языков изучением того, как в разных языках выражаются определенные логические или понятийные категории.

Морфологическое понимание падежа наиболее убедительно обосновано Р. Якобсоном[9]. В отличие от сторонников синтаксической концепции падежа Р. Якобсон считает, что хотя падеж и выражает синтаксические функции слова, он тем не менее имеет морфологическую, а не синтаксическую природу. Если вопрос о частных значениях падежа относится к учению о связи слов, поскольку отдельные частные значения проявляются в различных словосочетаниях, то вопрос об общем значении падежа относится к компетенции морфологии, так как общее значение падежа не зависит от его употребления.

Общее значение падежа определяется местом данного падежа среди других падежей, его соотношением с другими падежами, разграничение которых в парадигме склонения опирается на показатель формы.

Ошибка сторонников синтаксической концепции падежа состоит в том, что они видят в контексте решающий и конечный фактор, определяющий значение падежа, в то время как в действительности возможность употребления падежа в тех или иных словосочетаниях обусловлена его общим значением, а следовательно, и частные значения падежа определяются не только контекстом, но зависят также от общего значения падежа. Именно поэтому в одних и тех же контекстах разные падежи выражают разное значение (ср.: *погладить руку — погладить рукой*).

Морфологическую точку зрения на категорию падежа следует отличать от формально-морфологической, приверженцы которой в противоположность семантическому определению (падеж есть значение) выдвигают тезис — падеж есть флективная форма, делая отсюда логический вывод: все, что не форма,— не падеж. Такое определение по существу не имеет ничего общего с морфологической точкой зрения, сформулированной выше, так как оставляет открытым вопрос о значении падежа, допуская возможность как морфологического, так и синтаксического понимания значения падежа. Последнее, при всей внутренней противоречивости и эклектичности подобного соединения, является, пожалуй, наиболее распространенной концепцией падежа.

Формально-морфологическое определение (падеж есть форма) является столь же односторонним, как и семантическое (падеж есть значение). Нам кажется, что сама постановка вопроса — что такое падеж — форма или значение? — является неправильной, приводящей к упрощенному пониманию взаимного соотношения формы и значения — этих неразрывных сторон каждой грамматической категории. Ошибочность как того, так и другого определения состоит в предпочтении одной из этих сторон при полном игнорировании роли другой, в то время как задача заключается

---

[8] G. de Boer. L'idée de «cas» ou de «rapports casuels» dans des langues comme le latin et le français.— «Revue de Linguistique Romane», t. IV. Paris, 1928.

[9] R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre.— «Travaux du cercle linguistique de Prague», 1936, № 6.

inslav

в правильном определении роли формы и значения в функционировании данной категории.

Роль формы является решающей в разграничении падежей: ни один падеж не может быть признан самостоятельным, если он хотя бы в части слов не имеет собственной звуковой характеристики, собственной формы, которая выступает в качестве формы-эталона, отграничивающей значение данного падежа от других падежей как значение самостоятельной морфологической единицы.

Однако так как каждый падеж во флективных языках выражается рядом форм, причем отдельные формы разных падежей могут совпадать, различие звуковой характеристики само по себе не может свидетельствовать ни о том, что мы имеем дело с разными падежами, ни о том, что мы имеем дело с одним падежом. Это будут формы разных падежей лишь в том случае, если они несут разную смысловую нагрузку, если они различаются функционально, и формы одного падежа, если они функционально тождественны. Так, в русском языке формы *сестре* и *брату* могут быть формами одного падежа, несмотря на различие их звуковой характеристики, а формы *сестре* и *брате* могут быть формами разных падежей, несмотря на единство их звукового выражения.

Отсюда следует, что фактор значения не является пассивным. Он в значительной степени регламентирует разграничительное действие формы. Последнее может проявиться лишь в том случае, если различие форм соответствует различию значений, в то время как единство значения нейтрализует дифференцирующее действие формы. Показатель формы не играет никакой роли при объединении разных форм в системе одного падежа. Это объединение происходит исключительно на основе единства грамматического значения.

Таким образом, роль формы имеет столь существенные ограничения, что они делают абсолютно неприемлемой формулировку «падеж есть форма», и еще более неприемлемым вывод «все, что не форма,— не падеж», за которым скрывается принципиальное отрицание возможности видеть в каких бы то ни было предложных конструкциях аналитические падежные формы. Если показатель формы не играет никакой роли при объединении разных форм в системе одного падежа, не имеет принципиального значения и то, является ли этот показатель флективным или аналитическим. Важно только, чтобы это был, во-первых, показатель формы, т. е. элемент, не имеющий собственного лексического значения, аналогичный в этом отношении другим аналитическим средствам формообразования (например, служебным словам и частицам в сложных глагольных формах) и, во-вторых, чтобы аналитическая конструкция относилась к форме-эталону так же, как другие формы данного падежа, т. е. чтобы их объединяло с формой-эталоном тождество грамматического значения. Как же проявляется в языке это единство значения различных форм? На основании чего его можно установить?

Категория падежа принадлежит к числу таких грамматических категорий, которые служат для выражения отношений между словами в предложении и словосочетании. Конкретные, или частные, значения падежей есть представления об отношениях обозначенного данным словом предмета к другим предметам, действиям или признакам, выраженным другими словами (существительным, глаголом или прилагательным) данного предложения или словосочетания. Эти конкретные значения проявляются только в контексте словосочетаний и предложений.

Единство значения тех или иных падежных форм, объединяющее их в системе одного падежа, устанавливается на основе единства их синтаксического употребления, единства тех типов словосочетаний, которые они

inslav

могут образовать, тех частных значений, которые они выражают в данных словосочетаниях.

Итак, без звукового различия форм не может быть разграничения падежей, но достаточно наличия разных флективных форм только в части слов, на основании чего можно определить падежи и в тех словах, где они не имеют о с о б ы х флективных форм, так как объединение разных формальных средств в систему форм одного падежа происходит на основании единства их значения, которое проявляется в единстве образуемых ими типов словосочетаний, в единстве синтаксического употребления.

В отношении болгарского языка, где в некоторых случаях имеются параллельные способы выражения синтаксических отношений — флективными падежными формами и аналитическими средствами, естественно возникает вопрос о характере соотношения этих синтаксических эквивалентов. И если обнаружится, что какая-либо предложная конструкция может выразить все частные значения падежа, она может быть признана формой данного падежа на том же основании, как и любая из его флективных форм, совпадающих с формами других падежей или омонимичная каким-либо другим словам (например, краткая форма дательного падежа личного местоимения 1-го лица мн. ч. *ни*, совпадающая с краткой формой винительного падежа *ни* и с отрицательной частицей *ни*).

Как значение падежной формы может быть шире значения данного падежа, поскольку одна форма может одновременно служить формой разных падежей, так и значение предложной конструкции может быть шире значения данного падежа. Это не может быть препятствием к тому, чтобы рассматривать ее как падежную форму. И в том и в другом случае значение падежа будет отграничиваться от других значений только в контексте.

Существенным отличием аналитической падежной формы от аналитической глагольной формы, вытекающим из структурных особенностей категории падежа, является то, что предложная конструкция может выступать только в качестве вторичной падежной формы, дублирующей значение флективных форм. В качестве самостоятельного падежа предложная конструкция выступить не может, так как падежные значения определяются системой флективных падежей данного языка.

Таким образом, признать предложную конструкцию аналитической падежной формой нельзя без наличия в языке флективной падежной системы и способности данной предложной конструкции выражать все частные значения какого-либо из падежей этой системы.

Итак, при определенных условиях предложная конструкция может быть признана аналитической формой падежа. Но если исследование покажет, что конструкция с предлогом *на* в болгарском языке может быть признана аналитической формой дательного падежа, ее нужно будет считать таковой не только в соединении с местоимением, но также и в соединении с именем существительным, так как значение предлога в обоих сочетаниях будет одним и тем же. Между тем имена существительные не имеют в болгарском языке регулярно употребляемых флективных падежных форм. Правомерно ли в таком случае говорить о категории падежа применительно к именам существительным болгарского языка? Не будет ли это незаконным перенесением грамматической категории с одной части речи на другую?[10] Подобные опасения не являются основательными.

[10] Подобные опасения высказывали некоторые исследователи. См. Е. Д. П а н ф и л о в. К вопросу о так называемом аналитическом склонении.— «Вопросы языкознания», 1954, № 1, стр. 49—50; И. Д у р и д а н о в. Понятието падеж и въпросът за българското «склонение».— «Български език», 1954, кн. 2, стр. 150.

inslav

Во-первых, как известно, отсутствие последовательного морфологического обнаружения само по себе не может свидетельствовать об отсутствии данной грамматической категории у той или иной части речи. В подтверждение этого сошлемся на мнение акад. А. А. Шахматова, который, характеризуя грамматические категории русского языка, писал: «Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий, причем, однако, необходимо заметить, что некоторые категории вообще не находят для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других»[11].

Одну из причин этого явления, имеющую непосредственное отношение к интересующим нас частям речи, мы видим в том, что разграничение частей речи обусловлено не одним, а двумя взаимно перекрещивающимися принципами, причем каждый из них определяет наличие тех или иных грамматических категорий и влияет на их оформление.

Части речи, по справедливому определению акад. Л. В. Щербы, относятся к числу таких общих категорий языка, в аспекте которых воспринимается действительность. Они являются выражением определенных форм, с помощью которых расчленяется восприятие объективной действительности, абстрагируются ее отдельные стороны, т. е. свойства, качества, действия представляются отвлеченно от их носителя или производителя. Основные части речи — существительное, прилагательное, глагол и наречие отражают соотнесенность слов с расчленяемым человеческим сознанием восприятием реальной действительности и обычно определяются посредством указания на эту соотнесенность: существительные — слова с грамматическим значением предметности (носителя признаков), прилагательные — слова с грамматическим значением постоянного или пассивного признака, глаголы — временного или активного признака, наречия — слова, обозначающие признак признака.

Местоимения — такая часть речи, которая противопоставляется рассмотренным ранее классам не по принципу соотнесенности с разными сторонами расчленяемого мыслью восприятия, а по способу обозначения этих сторон. В отношении первого принципа местоимения можно назвать дублирующим классом слов, так как они также могут быть существительными, прилагательными и наречиями. Второй принцип — различие в способе обозначения — состоит в том, что имя называет предмет, а местоимение только указывает на него, характеризуя его при этом только в одном определенном отношении, например в отношении к акту речи. С этим связана категория лица у личных местоимений, отсутствующая у имен.

Значение слова как части речи раскрывается в присущих ему грамматических категориях. Разные грамматические категории могут быть связаны с разными принципами разграничения частей речи. Так, у местоимений-существительных общими с именами существительными являются те категории, которые связаны с первым признаком деления частей речи, и различными те, которые связаны со вторым. Это обязывает к тому, чтобы при изучении отдельных грамматических категорий прибегать к различным классификациям слов в зависимости от принципа разграничения, с которым связана данная грамматическая категория.

---

[11] А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. М., Учпедгиз, 1941, стр. 434.

inslav

Категория падежа выражает отношения предмета — носителя признаков (существительного) к его активным признакам (глаголам), пассивным признакам (прилагательным) или другим предметам (существительным). Эта категория связана с первым принципом разграничения частей речи, в отношении которого имена существительные и существительные-местоимения составляют один класс слов. А это значит, что отношения, выражаемые категорией падежа, являются общими для всего класса существительных, и достаточно, чтобы они имели морфологическое обнаружение в части слов данного класса для того, чтобы их считать грамматической категорией всего класса слов. Следовательно, никакого переноса категории из одной части речи в другую здесь нет. А есть две части речи, которые в отношении категории падежа составляют один класс слов и которые отличаются друг от друга тем, что в одной из них категория падежа проявляется морфологически последовательно, а в другой — непоследовательно.

Причины этого связаны со вторым принципом разграничения частей речи. Именно местоименность, указание на предмет, а не его название, делает необходимым сохранение морфологических форм там, где в именах можно выразить те же отношения без помощи форм. Например, подлежащее и прямое дополнение в большинстве случаев легко разграничиваются по значению самих существительных, даже при условии инверсии и отсутствия таких вспомогательных средств, как полный член или плеонастическое употребление местоимений. Например: «Но милост стонът ви да не измоли — От вас навеки *взор отвръща бог*!» (Ракитин, «През векове»).

В предложении *взор отвръща бог* подлежащее и дополнение безошибочно различаются по лексическому значению имен существительных.

Поскольку местоимение не называет предмета, а только указывает на него, отсутствие формальных средств разграничения подлежащего и прямого дополнения создало бы затруднение в понимании текста. Поэтому формальное разграничение именительного и винительного падежей, не обязательное для имен существительных, оказывается необходимым для функционирования личных местоимений.

Что касается формы дательного падежа, то она вытесняется такой аналитической конструкцией, которая имеет формальный показатель данного отношения — предлог *на*. Поэтому процесс вытеснения мог распространиться и на дательный падеж полных местоимений, но не мог затронуть краткие, поскольку они не соединяются с предлогами.

Мы ставим перед собой задачу рассмотреть падежи болгарского местоимения в системе их взаимных соотношений, чтобы определить не только частные значения, но и общее, т. е. морфологическое значение каждого падежа.

Определение общего значения падежа должно отвечать двум требованиям.

1. Общее значение не зависит от контекста, а напротив, обусловливает возможности употребления падежа в тех или иных контекстах и его частные значения. Следовательно, определение общего значения должно быть таким, чтобы оно объясняло и охватывало все случаи употребления и частных значений падежа.

2. Общее значение каждого падежа определяется не контекстом, а соотношением падежей данной падежной системы. Следовательно, определение общего значения должно быть определением отношения данного падежа к другим падежам, его сходства и различия с другими падежами.

Осуществление поставленных задач определяет метод проводимого исследования.

inslav

Выполнение первого требования предполагает проведение семантического анализа, который состоит в исследовании употребления и частных значений падежей.

Исследование употребления есть определение условий контекста, в которых встречаются формы данного падежа: семантическая и грамматическая характеристика управляющего члена словосочетания и слова, стоящего в данной падежной форме, а также учет дополнительных условий, ограничивающих употребление данного падежа или влияющих на его значение (например, наличие и характер определений, порядок слов и т. п.). Эти дополнительные условия для различных падежей могут быть различными.

Исследование частных значений падежа состоит в определении тех конкретных отношений между предметами, действиями и признаками, которые выражаются с помощью данного падежа в определенных условиях контекста, и определении той роли, которую играет слово, обозначенное данным падежом, как член данного отношения. Например, в словосочетании *дом отца*, выражающем отношение принадлежности, родительным падежом обозначен владелец предмета. В предложениях *аз му се любувам* и *той ми се харесва* глагол выражает восприятие, а дательным падежом в одном случае обозначен объект, а в другом субъект данного восприятия.

Определение общего значения падежа, чтобы отвечать первому условию, должно строиться на обобщении результатов семантического анализа. Однако это обобщение не может быть сведено к попытке определения общего знаменателя. Иначе не будет выполнено второе условие определения общего значения падежа. Последнее требует исследования взаимного соотношения падежей, что является предметом структурного анализа. Чтобы осуществить переход от семантического анализа к структурному, необходимо свести все различия в частных значениях падежей к какому-то общему основанию, которое дает возможность их сопоставлять и сравнивать. Точно также необходимо найти общие критерии для определения условий контекста.

Особенностью болгарских падежей является то, что сфера их употребления ограничивается в основном сферой субъектно-объектных отношений в приглагольном употреблении и определительных в приименном. В приименном употреблении известен только дательный падеж, в приглагольном — все три падежа. При этом все три падежа могут быть одновременно употреблены при одном и том же глаголе. В приглагольных сочетаниях и следует в первую очередь разграничить сферы употребления и значений болгарских падежей. Все различия в частных значениях необходимо обобщить до уровня различий в субъектно-объектных значениях, тогда их можно будет сопоставлять и сравнивать.

Субъектно-объектные значения характеризуют отношение предмета к действию. Субъектом является предмет, деятельность которого, а также его состояние или отношение к окружающей действительности обозначены глаголом. Объектом является предмет, на который в той или иной форме простирается обозначенная глаголом деятельность субъекта.

В зависимости от характера действия может изменяться характер объекта или субъекта. Для нас важны такие различия в действиях и, следовательно, в субъектных и объектных отношениях, с которыми связаны различия в употреблении падежей. Оказывается важным, например, различение субъекта активного действия и субъекта восприятия и отношения, так как функцию субъекта восприятия и отношения могут выполнять дательный и винительный падежи, а функцию субъекта действия не могут. Точно также в функции объекта различаются объект восприятия и отно-

inslav

шения и объект действия, так как в роли последнего дательный падеж не употребляется. При глаголах действия дательный падеж может выступать только в функции воспринимающего объекта, обозначая лицо, которое воспринимает данное действие либо в силу того, что это действие ему адресовано, либо в силу своей заинтересованности в данном действии. При этом глагол не характеризует восприятие данного лица, поэтому оно является объектом, а не субъектом.

Таким образом, в болгарской падежной системе отношение к действию может быть охарактеризовано тремя признаками:

1) наличием или отсутствием отношения к действию;

2) характером отношения к действию: субъектом или объектом действия является предмет;

3) характером самого действия, в котором участвует данный предмет: является ли он субъектом (или объектом) активного действия или восприятия (отношения). На этот важный признак разграничения падежных значений до сих пор исследователи падежей не обращали должного внимания.

Любые частные падежные значения могут быть рассмотрены со стороны этих признаков. Это будет их определением в плане отношения к действию. Для характеристики этого отношения мы употребляем термин функция.

Первый признак — наличие или отсутствие отношения к действию — выделяет определительную функцию, которая характеризуется отсутствием отношения к действию. Этот признак разграничивает приглагольное и приименное употребление. Приглагольные функции характеризуются наличием отношения к действию, что предполагает дальнейшую характеристику этого отношения с точки зрения второго и третьего признаков. С точки зрения второго признака мы можем говорить о функциях субъекта и объекта. Учет третьего признака дает максимально точные характеристики функций, разграничивая функции субъекта действия и субъекта восприятия и отношения, объекта действия и объекта восприятия и отношения и, в противоположность функции субъекта восприятия, выделяет функцию воспринимающего объекта. Все многообразие частных значений приглагольных падежей сводится к этим пяти функциям. Отношения между частными значениями и функциями могут быть различными, например: несколько частных значений могут относиться к одной функции (так, выступая в функции воспринимающего объекта, дательный падеж может выражать частные значения адресата, предназначения и заинтересованного лица) или функция может соответствовать лишь одному частному значению (функция и значение в данном случае будут совпадать). Наконец, не исключена возможность, когда одно значение может проявляться в разных функциях. Однако это встречается относительно редко, например, дательный лица, в отношении которого дается определение, может относиться и к субъектной и к определительной функции.

Таким образом, функциональный анализ также относится к семантическому плану, т. е. рассматривает значение падежей в контексте, однако в отличие от семантического анализа значение падежей здесь определяется под общим углом зрения их отношения к действию. Это дает возможность установить основные различия падежей — различия в их функциях, а затем определить различия частных значений разных падежей в пределах общих функций.

Не менее важным для структурного анализа является определение общей основы, на которой может быть рассмотрено употребление падежей, т. е. определение единого принципа, с точки зрения которого могут быть оценены условия контекста. Таким общим принципом, отвлеченным от семантических, грамматических и прочих особенностей сочетающихся слов, является определение условий контекста с точки зрения того, в каких кон-

inslav

кретных противопоставлениях другим падежам возможно проявление данного частного значения или данной функции изучаемого падежа.

Это можно обозначить термином позиционный анализ. В плане позиционного анализа употребление падежей может характеризоваться следующими условиями.

1. Позиция максимального противопоставления падежей, когда с одним глаголом связаны все три падежа.

2. Позиция противопоставления одному падежу (например: именительный — дательный, именительный — винительный).

3. Позиция, в которой падеж выступает один, вне противопоставления другим падежам.

Позиционный анализ дает возможность определить взаимозависимость функций различных падежей и условия их проявления.

Разделы, посвященные рассмотрению отдельных падежей — дательного, винительного и именительного, содержат в себе семантический, функциональный и позиционный анализ падежей, а также исследование некоторых специальных вопросов, возникающих при рассмотрении этих падежей, в частности вопроса предложной синонимики и синтаксических эквивалентов, разграничения собственного и сопутствующего значений и некоторые другие.

Наиболее сложным в этом отношении является раздел, посвященный дательному падежу. Разделы, посвященные винительному и именительному падежам, являются менее многоплановыми. Рассмотрение этих падежей полностью подчинено задаче изучения падежной системы. Функции винительного падежа анализируются с учетом их отношения к функциям дательного падежа, функции именительного — с учетом отношения к функциям двух других падежей. Структурному анализу посвящен заключительный раздел — «Система падежей болгарского местоимения». В нем излагаются принципы структурного анализа падежей и дается его применение к болгарской падежной системе.

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Дательный падеж в болгарском языке является, как мы видели, падежом, с которым связан ряд сложных и спорных вопросов. В данной главе будут изложены итоги исследования частных значений и функций дательного падежа болгарского местоимения в его конкретных противопоставлениях другим падежам — именительному и винительному — и их синтаксическим эквивалентам.

Поскольку формы дательного падежа в современном болгарском литературном языке представлены только в местоименных существительных, а в именах существительных те же синтаксические отношения передаются с помощью аналитических средств, мы ставили перед собой задачу проследить, все ли значения дательного падежа могут быть переданы с помощью его синтаксического эквивалента — конструкции с предлогом *на*, которая выражает отношения дательного падежа без привнесения новых, отличных от дательного падежа оттенков смысла.

Наряду с этим будут рассмотрены некоторые предложные конструкции (с предлогами *към*, *от*, *у*, *за*), выражающие отношения, близкие по смыслу дательному падежу. Сопоставление с этими конструкциями поможет уточнить значения дательного падежа, так как дает возможность отделить собственные значения падежа от тех сопутствующих значений, которые возникают в контекстах, где дательный падеж и указанные предложные конструкции выступают как синонимы.

Нами будет также рассмотрен вопрос о неправомерности выделения

inslav

кратких форм дательного падежа в их притяжательной функции из системы дательного падежа и рассмотрения их в качестве особых форм притяжательных местоимений.

Вопрос этот может быть правильно решен лишь на основании раскрытия системы значений дательного падежа и определения места притяжательной функции в этой системе.

Таким образом, при рассмотрении дательного падежа мы исходим из максимально широкого определения его границ как в отношении форм, так и в отношении значений, т. е. включаем в эти границы и аналитические формы и функцию притяжания. Параллельно примерам с местоименными формами дательного падежа мы будем приводить примеры выражения того же значения конструкцией с предлогом *на*.

Вопрос об общем значении дательного падежа будет рассмотрен в заключительной главе, после рассмотрения системы корреляций болгарских падежей.

1. Дательный воспринимающего объекта

Функция воспринимающего объекта — одна из характерных функций дательного падежа. Выступая в этой функции, дательный падеж обозначает лицо, воспринимающее какое-либо действие. Однако глагол характеризует при этом не восприятие данного лица, а действие другого предмета. Вследствие этого лицо, обозначенное дательным падежом, выступает не как субъект, а как объект данного действия. Например, в предложении «Аз *ти говоря* сериозно», глагол *говоря* характеризует действие субъекта, обозначенного именительным падежом *аз*, но никак не характеризует того, как воспринимается это действие слушающим, или воспринимающим лицом, которое обозначено дательным падежом *ти* 'тебе'.

В отличие от этого в предложении «Не *му се харесваха на дяда Гергя* тия хора» (Йовк.) глагол характеризует чувства воспринимающего лица, его отношение к воспринимаемому. Дательный падеж выступает здесь в функции с у б ъ е к т а восприятия.

Функция воспринимающего объекта обнимает частные значения адресата и заинтересованного лица.

Дательный адресата

В зависимости от значения глагола дательный адресата выступает как адресат предоставления, адресат сообщения или адресат причинения.

Дательный адресата предоставления находим при глаголах, обозначающих реальное движение предметов к принимающему их лицу. Это значение дательного падежа проявляется как в позиции противопоставления именительному и винительному падежам, так и в позиции противопоставления одному именительному падежу.

Дательный адресата п р е д о с т а в л е н и я обозначает лицо, которому действующий субъект (им. п.) передает или предоставляет какой-либо предмет (вин. п.). Например: «Аз *на тоя директор* на завод *ще му пратя* парчетата в колет, за да види каква стока ни е изпратил» (Веж.); «Потърсете случай да го *джиросате* и вие *някому*» («Стърш.»); «той извади голям сноп банкноти и го *подаде на Галунка*» (Йовк.).

Дательный адресата предоставления находим при переходных глаголах движения — *нося*, *водя* и т. п., которые обозначают движение комитативного объекта к принимающему лицу. Например: «Да *ви донеса* ли закуската в стаята» (Кюл.); «Петър *изнасяше* малко хляб *на Анадолеца*» (Йовк.); «Или искаш да *ми доведеш* по дири си агентите» (Вас.); «От кога викам да го *заведем на ходжата* и да му леем куршум» (Карасл.).

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА Академии наук СССР
inslav

Круг непереходных глаголов с адресатом предоставления более ограничен, чем круг переходных глаголов. Это такие глаголы, как *остана*, *падна*, непереходные глаголы движения. В этих случаях предмет, предоставляемый лицу, обозначенному дательным падежом, не является объектом переходного действия, а выступает как субъект действия непереходного, т. е. наряду с такими случаями, как «Тетю *й остави пари*» (Карасл.), имеются и такие, как «Така *му името остана на това момче*» (Е.-П.); «Мамо, ето ви Петето, *каквото* има от баща му *на него да остане*, *на мене ми излезе късмет*, прощавайте» (Карасл.); «Пак *на чича* Митуша *се падна* тежкия *жребий*» (Йовк.); «Ще *ми паднат те на мене!*» (Карасл.).

Значение дательного падежа в этих случаях принципиально не отличается от дательного падежа при соответствующих переходных глаголах. Дательный предоставления при непереходных глаголах движения находим не только в тех случаях, когда речь идет о движении неодушевленного предмета, конкретного или отвлеченного, например: «Ризата му е разгърдена та *да му влиза хлад*» (Влайк.); «...вечер таквиз *мисли идат на човека* — започна пак чичо Митуш» (Йовк.), но даже в тех случаях, когда движущийся предмет является одушевленным, например: «Толкова време не беше *им идвал Манчо* в къщата, че тя го гледаше сега голям...» (Даск.).

При глаголах движения возможны синонимичные конструкции с предлогом *към*, выражающие отношения, близкие по смыслу к отношениям, передаваемым дательным падежом. Например: «Щом тя *отиде към една* от лелите ми, аз напълних кафеничето с вода, пуснах няколко бучки захар и го мушнах в жарта на огнището» (Бел.); «Някакъв синкав *дим*, напоен с чудна миризма, се стелеше на талази и *идеше към нас*» (там же).

При всей кажущейся близости значения приведенных конструкций с предлогом *към* к значению дательного адресата между ними есть существенное различие, которое становится ясным при более широком сопоставлении тех и других конструкций.

Употребление дательного падежа при непереходных глаголах движения, где движущимся предметом является сам субъект действия и где нет реального перехода каких-то предметов от субъекта действия к адресату, позволяет предположить, что дательный падеж обозначает здесь просто направление движения. В индоевропейском и славянском языкознании были попытки определения дательного падежа как падежа цели движения. Для современного болгарского языка такое определение было бы неправильным.

Дательный падеж при глаголах движения действительно определяет направление движения, но этим не исчерпывается его значение. Пространственной целью движения может служить любой предмет, а дательным падежом при рассматриваемых глаголах может обозначаться только лицо, но не предмет. Следовательно, между этим лицом и движущимся предметом устанавливаются отношения более сложные, чем чисто пространственные, такие отношения, которые невозможны при условии, если цель движения будет обозначена неодушевленным предметом. Предлог *към*, который выражает чисто пространственные отношения, может быть употреблен и при обозначении движения к предметам. Например: «Всичко живо *бягаше към гората*» (Бел.); «Вътрата *идваше* и *към наше село* да събира вересиите» (Григ.); «Антон се сепна, поизви глава да види кой е и *отиде към къщи*» (там же).

Обращает на себя внимание и тот факт, что предлог *към* всегда определяет отношения между предметами, внешними друг другу. Дательный падеж употребляется при обозначении движений внутренних — появления у человека мыслей, желаний, качеств и т. п. Например: «На младата

inslav

мома *ѝ идва ума* чак когато си образува своя дома» («Септ.»); «*Дойде* ми една *идея*» (Кюл.).

Если речь идет о движении предметов, то дательный падеж указывает на лицо, в распоряжение, собственность которого поступает данная вещь. Например: «...да посещавам по-първите фамилии на града, когато *ми пристигне* някоя по-елегантна *стока*» («Септ.»).

Предлог *към* выражает чисто пространственные отношения даже в тех случаях, когда указывает на лицо, к которому приближается данный предмет или другое лицо. Например: «Някакъв синкав *дим...идеше към нас*» (Бел.); «Стоян *бързаше към него* като му махаше развълнувано с ръка» (Веж.); «Тя подаде каната на свекъра си, *мина към младите невести* и наведе глава» (Карасл.); «После с едри и малко театрални крачки, *се приближи към него*» (Веж.); «Нещо *се влачи към нас*» (Л. Стоян.).

Разнообразие глаголов, обозначающих движение в конструкциях с предлогом *към*, также свидетельствует о том, что в центре внимания находится характеристика данного движения, направление которого определяется предлогом.

В конструкциях с дательным падежом обычно само действие представлено обобщенно, чаще всего глаголом *ида*, хотя в действительности за ним могут скрываться различные способы передвижения. Например: «...дядовият Манолев син ми е добър гостенин всякога, най-вече когато *ми иде* от толкова далеко място» (Ваз.). Это объясняется тем, что не движение само по себе находится здесь в центре внимания. Итак, дательный падеж, в отличие от предлога *към* не просто определяет направление, а обозначает лицо, принимающее данный предмет (или другое лицо), т. е. выражает значение адресата.

Другой близкой синонимичной конструкцией к конструкциям дательного падежа при глаголах движения являются обороты с предлогом *у*. Например: «То беше през оная нощ, когато не *дойдох у вас* и те излъгах, че съм бил на ливадата» (Карасл.); «Той *отиде у тях си*, написа на Мердевенджиева с почерк, приличен на женски, следните думи...» (Ваз.); «Той виждаше, че е неудобно *да отиде* веднага *у Василеви*, и реши да почака...» (Йовк.). Конструкция с *у* при глаголах движения означает 'прийти к кому-то в дом'.

В отличие от предлога *към* дательный падеж местоимения тоже часто передает это значение. Например: «Веднъж, малко след беритбата на царевицата, *на гости им дойде* зълва ѝ с детето си» (Карасл.); «*Бях му ходил на гости*» (Ваз.). Выражению *на гости им* имеется непосредственное соответствие в конструкциях с предлогом *у*: «Всеки празник те ходеха *на гости у старите*» (Карасл.); «Той случайно се намираше в Бяла-Черква, дето *беше дошъл на гости у един роднина*» (Ваз.).

Однако если предлог *у* при глаголах движения всегда указывает на движение в пределы владений, обычно в дом, данного лица, то дательный падеж сам по себе этого не показывает, и данное значение создается только контекстом. Поэтому в конструкциях дательного падежа часто имеются пояснения, например: «Толкова време не беше им идвал Манчо *в къщата*...» (Даск.). При предлоге *у* такое пояснение было бы излишним. В конструкциях с дательным падежом в центре внимания оказывается лицо как цель движения, в конструкциях с предлогом *у* — пределы его дома, его владений. Таким образом, сопоставление с предлогом *у* в синонимичных конструкциях также показывает, что при глаголах движения дательный падеж выражает значение воспринимающего лица — адресата.

Дательный адресата с о о б щ е н и я представлен при глаголах, обозначающих действия, рассчитанные на слуховое или зрительное восприятие лица, которому они адресованы, например: *казвам*, *пиша*, *разрешавам*, *съобщавам*, *заръчвам*, *показвам* и т. п.

inslav

Дательный адресата сообщения обозначает лицо, которому адресовано какое-либо сообщение. При этом прямое дополнение (вин. п.) может указывать на содержание данного сообщения, например: «*Кажи ми* ти твоето *мнение*, бай Марко» (Ваз.); «Това дето *го е казал на мен* — нищо...» (Веж.).

При глаголах, обозначающих запрещение, разрешение, в прямом дополнении (вин. п.) выражен объект, на который оно распространяется, например: «Аз *ви забранявам* подобни злостни *нападки*» (Кюл.); при глаголах, обозначающих просьбу, требование,—требуемый предмет, например: «През лятото *ви поисках карта* за курорт, казахте —нямаме!» («Септ.»).

При глаголах, обозначающих действия, рассчитанные на зрительное восприятие адресата, это также может быть предмет, объект зрительного восприятия. Например: «Вдигна грамаден юмрук Павел и застрашително със светкавичен поглед *го показа на пирующите*» (Е.-П.); «Аз *ще ви покажа* в Димитровград съветските *младежи!*» (Вас.).

Если употребление дательного предоставления при непереходных глаголах у́же, чем употребление его при глаголах переходных, то употребление дательного сообщения является, пожалуй, более типичным для глаголов непереходных. Именительным падежом при этом обозначается субъект действия, дательным — воспринимающее лицо. Например: «*Ти говори* ли *ѝ* по онзи въпрос?» (Стрелк.); «И цели два деня след това *Севда разправя на майка* си за тоя чуден град» (Карасл.); «Като на майка *ти се моля*» (там же); «Да вземеш нещо хубаво! — *заръча му* старият на тръгване» (там же); « — Нека да дойде и Мика да помогне малко, — *заръча* той *на жена* си» (там же); «Изпърва тя се държеше и *не се оплакваше никому*» (Е.-П.); «*Оплака се* една вечер *на* младата си *жена*, но тя набързо го успокои» (Вас.); «Гарчо пристъпи към сайванта — млад арап *му кимаше* приветствено с глава» (Даск.); «На места Юрталана *кимаше на* ранобудните *стопани*, на места махаше високо с ръка» (Карасл.).

При некоторых глаголах, констатирующих факт обращения, но не раскрывающих содержания данного обращения (*викам*, *подмигна*, *кимна*), параллельно дательному падежу употребляется синонимичная конструкция с предлогом *към*. Например: «Мехмед Синап стоя няколко минути в размисъл, после, като махна с ръка, *извика към* своите *хора*...» (Л. Стоян); «Нена пак даде воля на душата си, отпусна глас и *запищя към общината*» (Е.-П.); «Той ме поздрави, *подмигна* лукаво *към* жадното за любов *кьосе*» (там же).

Значение адресата в этих конструкциях не является собственным значением предлога *към*. Оно создается контекстом, так как предлог *към* указывает лишь направление данного действия, но не предопределяет того, что действие рассчитано на восприятие данного лица. Поэтому возможны случаи, когда знак, направленный в сторону какого-либо лица, ему на адресован, например: «И като се обърна към смълчаните и хитроусмихнати посетители, *кимна с глава към Юрталана*: — Боли го! И как няма да го боли...» (Карасл.), т. е. 'кивнул головой в сторону Юрталана'. Предлог *към*, обозначая направление, не указывает на адресат действия, т. е. на того, кем это действие будет воспринято. Таким образом, отношение адресата предлогом *към* не выражается. Употребление этого предлога при глаголах *викам*, *подмигна* и т. п. связано с употреблением его при глаголе *обръщам се* (*обърна се*), который требует определения направления, обозначая действия — 'повернуться' и 'обратиться', тесно связанные одно с другим. Ср., например: «Той заповяда на подофицера да изнесе вещите навън, после *се обърна към войниците* и ги огледа» (Веж.)— здесь глагол *обърна се* выступает в значении 'повернуться'. В примере «*Ще се обърнем към* околийския *началник*» (Велк.) выступает второе значение.

При глаголах, раскрывающих содержание сообщения, предлог *към*

inslav

не употребляется, так же как он не употребляется и при глаголах, обозначающих действие вручения, т. е. все те действия, которые обязательно предполагают наличие воспринимающего объекта и для которых внешняя пространственная характеристика направления недостаточна.

Дательный адресата причинения находим при глаголах, обозначающих действия, совершаемые субъектом в пользу или во вред данному лицу (*помагам*, *преча*, *угождавам*, *служа*, *вредя*, *бъркам* и т. п.). Например: «—Е, *на тебе* не може *да ти угоди* човек, право» (Даск.); «И ако имаше нещо, което най-много да го успокоява и *да му действува* ободрително, това беше гласът на младия човек — тих и спокоен, испълнен със силна вяра глас» (Март.); «Ако може... *да помогне* и *на него*» (Карасл.).

Дательный адресата причинения обозначает лицо, которому в результате данного действия что-либо причиняется и которое в силу этого выступает как лицо, воспринимающее данное действие.

Дательный адресата причинения встречается не только при непереходных, но также и при переходных глаголах. В позиции максимального противопоставления дательный причинения находим при глаголах *причиня*, *направя*, *доставя*. Прямым дополнением обозначается при этом результат данного действия. Например: «Много *зло ти причиних*» (Вас.); «*На него* само *му направи впечатление*, че тя е наконтена, нагласена, нацапана с пудра и червило» (Карасл.); «Бих желал *да ви доставя това удоволствие*» (Кюл.); «...ако *сме сторили зян някому*, ще си платим» (Гул.); «Прощавайте за тия забележки, аз *ви ги правя* от съчувствие...» (Ваз.).

Дательный причинения находим также при глаголах, обозначающих различные действия, направленные на предмет, являющийся принадлежностью или органической частью воспринимающего лица. Например: «Лекарят изведнаж започва да *ѝ запретва ръкави*» (Стрелк.); «С няколко въпроса Димитров *му запуши устата*» (Кюл.); «Пена *целуна ръка на старите*» (Е.-П.); «...дай да *ти стисна ръката*. — И тя *му я стисна* с голяма благодарност» (Ваз.); «Това *му спасява живота*» (Кюл.).

В этих случаях дательный адресата выражает реальные отношения, тождественные с отношениями принадлежности, так как «пожать ему руку» значит «пожать его руку», «спасти ему жизнь» — «спасти его жизнь» и т. п. Тождественность реальных отношений не означает, разумеется, тождественности грамматических отношений. Однако это является почвой, обусловливающей возможность использования одного и того же грамматического средства для выражения обоих типов грамматических отношений. И неизбежны ситуации, где отношения адресата, выраженные предложной конструкцией, трудно отграничить от отношений принадлежности. Например: «Как тъй ша влезеш в чужди нива, *да тъпчеш на човека стоката* му, *мъката* му?» (Йовк.).

Однако порядок слов в данном примере и общий смысл высказывания подсказывают вероятность такого понимания: 'Как можно зайти на чужую ниву топтать человеку его богатство, его труд?'

Дательный адресата причинения этого типа (при переходных глаголах, означающих действия, направленные на предмет, являющийся принадлежностью воспринимающего лица) в болгарском языке имеет очень широкую сферу употребления, значительно более широкую, чем, например, в русском языке. Так, в болгарском языке дательный адресата мы можем встретить там, где в русском возможны только притяжательные отношения, либо близкий к ним оборот с предлогом *у* (*у меня*). Например: «*Намерили му* в дрехата бунтовни книжа» (Ваз.); «*му изтръгнали* почвата под краката» (Стрелк.). В болгарском можно не только сказать «...вие как *ми ограничвате право* да говоря» (Кюл.), но также «...никой не може *да ми отнеме* правото...» (Вас.), т. е. дательный падеж возможен при глаголах,

inslav

обозначающих действия, в результате которых у воспринимающего объекта отнимается, изымается что-то ему принадлежащее. Например: «Аз *ще ви отнема* думата» (Кюл.); «*Отнехте ми* сина, отнехте ми дъщерята, сега искате и мъжа да ми отнемете» (там же); «Андрешко мислеше за бедния Станоя, *комуто* съдията утре *ще секвестира* житото» (Е.-П.); «Страхил е взел същите волове, които турчинът *му открадна*» (Вас.).

Когда адресат причинения выражен краткой формой дательного падежа, только порядок слов дает возможность разграничить дательный причинения и дательный принадлежности. Если этот критерий исчезает, дательный падеж может быть интерпретирован двояко. Например: «*Умът ли им взе* тоя човек» (Кюл.) можно понять и как 'ум ли их взял этот человек' и как 'ум ли взял у них этот человек'.

Дательный причинения представлен также при некоторых непереходных глаголах, выражающих действие отдаления, например, при глаголах *бягам*, *избягам*, выступающих в значении 'убегать', при глаголе *изплъзна* 'ускользнуть'. Например: «След срещата на кладенеца той се мислеше зле закачен от Цвета, която *му избяга*» (Е.-П.); «Четирима души *ни се изплъзнаха*» (Стрелк.).

Во всех рассмотренных случаях дательный падеж обозначает исходный пункт реального движения предмета, т. е. лицо, от которого в результате данного действия отнимается, отделяется что-либо. Дательный падеж в этом случае выступает как синоним конструкции с предлогом *от*. Например: «Не го убиха, но *избягаха от* него както се бяга от чумав» (Йовк.); «*Ще поискаме от* нашия *поет* Марин Великов специално стихотворение» (Вас.).

Тем не менее выражение аблятивных отношений, так же как обозначение направления движения, не относится к собственным значениям дательного падежа.

В отличие от предлога *от*, который специально служит для выражения аблятивных отношений и может указывать на любой предмет, от которого удаляется или отделяется что-либо, дательным падежом может быть обозначено только лицо. Следовательно, для дательного падежа аблятивность является лишь сопутствующим значением, зависящим от определенных условий контекста, в данном случае — от особого значения глаголов. Собственным значением падежа, которое включает в себя данное сопутствующее значение, как частный случай своего проявления, является значение адресата причинения, так как лицо, обозначенное дательным падежом, выступает как лицо, воспринимающее данное действие, лицо, которому в результате данного действия наносится определенный ущерб.

Таким образом, выражая значение адресата, дательный падеж может попутно передавать прямо противоположные друг другу пространственные значения, выражаемые предлогами *към* и *от*. Однако значение направления и значение аблятивности для дательного падежа не являются собственными значениями, точно так же, как для предлогов *към* и *от* не является собственным значением значение адресата, хотя в определенных условиях контекста они тоже могут передавать это значение. Дательный падеж в болгарском языке выступает как падеж, безразличный к идее направления.

Конструкция с предлогом *на* при глаголах с аблятивным значением употребляется редко, однако случаи такие все же встречаются. Например: «Защо аз, Недялко Пандурски, *на когото* политическите и литературните способности не е могло *да отнеме* ни едно безсловесно животно... да не стана министър» (Хр. Бот.); «...*на тях им искайте сметка*» (Гул.); «Кажи де! кажи! *На кого съм изял* нещо, а? ...— Холан, бай Вълчане! — спокойно се обади някой.—Не викай толкоз. Никому нищо не си бил изял. А двата наполеона от моя хак? Не ги ли изяде?» (Йовк). Глагол *изям* здесь употреб-

inslav

лен переносно, в значении 'взять', 'присвоить', т. е. здесь *на кого* обозначает лицо, у которого изымается нечто. Чаще это значение дательного падежа передается в литературном языке конструкцией с предлогом *от*, но это уже вопрос выбора синонима, а не вопрос о значении конструкции с предлогом *на*. Важно отметить, что подобное употребление предлога *на* с точки зрения болгарского языкового сознания допустимо. Оно является свидетельством забвения собственного значения предлога *на* в конструкциях с дательным адресата.

Дательный заинтересованного лица

Дательный заинтересованного лица находим при непереходных глаголах, обозначающих действия, которые происходят с предметом, принадлежащим данному лицу, либо при глаголах, которые констатируют нахождение чего или кого-либо у лица, обозначенного дательным падежом. Например: «И *на мене ми умря* една телица» (Йовк.), «Коста Божилов успя да убеди Марин да *му гостува* в къщи, вместо да ходи на хотел» (Веж.), т. е. гостить у него в доме, находиться в доме, принадлежащем данному лицу.

Если в роли субъекта действия выступают существительные, обозначающие части тела заинтересованного лица, его физические и психические состояния или процессы, происходящие в его организме, дательный заинтересованного лица может утрачивать чисто объектное значение. Например: «... *мене* вече кокалите *ми скърцат*» (Веж.); «Ще *им оживее* страхът на сърцето» (Ваз.); «Огънят *му мина* — спи сега, — отговори тя» (там же). Эти случаи являются переходными к функции субъекта восприятия.

Дательный заинтересованного лица представляет собой известную параллель дательному причинения при переходных глаголах в случаях, когда обозначает лицо, являющееся владельцем предмета. Однако этот предмет в конструкциях с адресатом причинения выступает как объект действия, а в конструкциях с дательным заинтересованного лица — как субъект действия.

Известную параллель можно установить между дательным заинтересованного лица и дательным адресата предоставления при непереходных глаголах. Ср.: дательный предоставления — «О, нека *ми падне* само *в ръцете!*» (Кюл.) и дательный заинтересованного лица — «Какво значи това тя *ми е в ръцете?*» (Стрелк.) В первом случае представлено движение предмета «во владение» к данному лицу, дательный падеж здесь имеет значение адресата. Во втором случае — констатация нахождения предмета «во владении» данного лица. Дательный падеж значения адресата уже не выражает.

Вместе с тем здесь совершенно ясно выступает притяжательное значение дательного падежа. Не случайно среди примеров, относящихся к этой группе, можно указать случаи, которые являются переходными к притяжательному приименному. Например: «И ще бегам, къде *ми очи видят*» (Даск.); «Огледа се и като не го видя в двора, ревна колкото *ѝ глас държи*» (там же); «Колкото и да *ти е тежко положението*, аз ще ти помогна» (Стрелк.); «*Грях ти на душата*, направи ме да се смея, кога ми сърце не щеше» (Ваз.).

Дательный падеж обозначает здесь заинтересованное лицо именно в силу того, что с субъектом данного действия его связывают отношения принадлежности, часто органической принадлежности.

Разновидностью дательного заинтересованного лица при переходных глаголах является дательный предназначения. Дательный предназначения обозначает лицо, для которого предназначен предмет, создаваемый или приобретаемый в результате данного действия. Например:

inslav

«Да *ви приготвя ли закуската?*» (Стрелк.); «Аз съм длъжна *да му създам* подходящи, добри *условия*» (Вас.); «Ние ще се помъчим *да създадем на нашата рота условията*, които имат другите роти» (Веж.).

В отличие от конструкции с дательным причинения предмет, выступающий в качестве прямого объекта действия, здесь не является принадлежностью лица, обозначенного дательным падежом. Вместе с тем в отличие от конструкций дательного предоставления глагол в рассматриваемых конструкциях не обозначает движения предмета к воспринимающему лицу. Общей чертой дательного предоставления и дательного предназначения является то, что лицо, обозначенное дательным падежом, должно стать владельцем подвергающегося действию предмета. Но в первом случае глагол, выражающий действие предоставления, требует указания лица, которому адресовано действие: таким образом, значение адресата создается взаимодействием значений глагола и падежа. Во втором случае значение глагола ничего не говорит о том, что результат данного действия (предмет, приобретаемый или создаваемый в результате данного действия) должен быть кому-то предоставлен. Следовательно, на предназначение указывает только форма дательного падежа.

Дательный адресата и дательный предназначения связаны рядом переходных случаев. Дательный падеж при одних и тех же глаголах может играть разную роль в зависимости от характера прямого дополнения. Например: «Изведнъж той се спря, *направи знак на Марина* да върви полека» (Йовк.)— перед нами адресат сообщения. В примере «Такава *услуга* баща *на син не би направил*» (Ваз.) —адресат причинения. А в случае «Разправяха —*на зетя* си *направил* и *къща*, и *дюкан*» (Карасл.) — дательный предназначения.

Дательный предназначения в позиции противопоставления одному падежу встречается относительно редко. Как предназначение можно интерпретировать такой пример: «*Чете му* и попът селски: не помогна нищо» (Ваз.), где действие глагола не адресовано лицу, обозначенному дательным падежом, но результат данного действия предназначен для данного лица. (Речь идет здесь о больном ребенке, над которым поп читает молитву об исцелении).

Дательному предназначения синонимичны конструкции с предлогом *за*. Например: «*За него съм я направил*, нова е» (Е.-П.); «Свекървата беше наумила *да тъче* три черги — едната *за Стойка*, една *на Мария* и една *на Алекси*» (Карасл.); «Не беше леко *да се сготви за бъдещ зет*» (там же); «*Чупеше* големи комати хляб *за внучетата* си» (там же); «Те *направиха за него* място в колибата» (Е.-П.).

Однако предлог *за* может выражать предназначение не только для лица, но также для неодушевленного предмета, времени или действия. Например: «Отскачаше до града и все питаше и разпитваше там — какво може *да се направи за Ливадите*» (Карасл.); «...беше успял, както се вижда, и да скъта бели пари *за черни дни*» (Йовк.); «Оправи се време само *за оране*» (Е.-П.); «И когато по-късно баба им ги нареди около малката паралия *за вечеря*, те пак ядоха до пресищане» (Карасл.).

Таким образом, отношения предназначения сами по себе не требуют обязательного наличия воспринимающего лица. Для дательного падежа отношения предназначения являются подчиненными, регламентируемыми собственным значением падежа — значением заинтересованного лица. Дательный падеж выражает отношения предназначения только для одушевленного предмета и выражает их потому, что эти отношения обусловливают заинтересованность лица в совершении действия. Поэтому дательный предназначения можно считать лишь частным проявлением дательного заинтересованного лица.

inslav

Итак, в функции воспринимающего объекта различаются частные значения дательного адресата и дательного заинтересованного лица. Различие этих значений состоит в том, что дательный адресата обязательно предполагает наличие действия, направленного к воспринимающему лицу. Это находим при следующих условиях.

1) Если представлено действие, непосредственно адресованное воспринимающему лицу (адресат сообщения, адресат причинения при непереходных глаголах или переходных глаголах с дополнением, выражающим отвлеченное понятие, которое раскрывает содержание или результат данного действия).

2) Если представлено реальное движение предметов к воспринимающему лицу (адресат предоставления).

3) Если представлены переходные действия, направленные на предмет, принадлежащий воспринимающему лицу (адресат причинения при переходных глаголах).

Нарушение этих условий ведет к тому, что дательный падеж перестает выражать значение адресата.

В дательном предназначения, где действие направлено на реальный предмет, не принадлежащий воспринимающему субъекту, отсутствует второе условие — нет реального движения предмета к воспринимающему объекту; в дательном заинтересованного лица, выступающего владельцем предмета, совершающего действие, отсутствует третье — там нет действия, направленного на этот предмет. Чертой, объединяющей все рассмотренные частные значения, является то, что дательный падеж везде обозначает лицо, воспринимающее данное действие.

2. Дательный объекта восприятия и отношения

Выступая в функции объекта восприятия и отношения, дательный падеж обозначает предмет, на который направлена психологическая реакция субъекта, отражающая его отношение к данному предмету. Например: «Всички *ми се смеят*, татко» («Септ.»); «...обичат го всички и *му се радват*» (Друм.); «...смъртта не дохожда, когато я чакаме, а когато наймалко *ѝ се надяваме*» (Йовк.); «Никой не *му вярваше*» (там же). Бо̀льшая часть глаголов, при которых находим дательный объекта психических движений, представляет собой непереходные глаголы на *се*. Из них наиболее употребительными являются следующие: *радвам се*, *любувам се*, *възхищавам се*, *сърдя се*, *ядосвам се*, *смея се*, *надявам се*, *доверявам се*, *покорявам се* и некоторые др.

Параллельно дательному падежу местоимений при этих глаголах употребляется конструкция с предлогом *на*. Например: «Моор често ги посещаваше и *им се любуваше*» (Кюл.); «И не само *се любуваха на кобилките*» (Йовк.); «Няма защо *да се сърдите никому*» (Вас.); «По-рано Юрталана *се сърдеше на Стойка*» (Карасл.).

Объект восприятия и отношения может быть выражен как одушевленным, так и неодушевленным существительным, так как психологическая реакция или отношение субъекта к объекту может и не восприниматься последним. Например: «Всички гледаха и *се чудеха на тая жена*» (Йовк.); «*Чудеха се на ума ѝ, чудеха се на куража ѝ*» (Карасл.); «Аго помисли, че *се смеят не на него*» (Йовк.); «И той весело и от сърце *се смееше на своята неуместна шега*» (Е.-П.); «Тя *се радваше на живота*» (Карасл.); «Той *се покори на съдбата* с примирението на мъдрец» (Е.-П.).

Дательный объекта психических движений находим при некоторых глаголах без *се*, например, *завиждам*: «Ядосваше се Юрталана, и *завиждаше*

inslav

на брата си» (Карасл.); *вярвам*: «чети «Народни права», ако не *вярваш на мене*» (там же); *прощавам*: «*И мене няма да ми простят*! — поклати весело глава Коста Божилов» (Веж.); *обръщам* (*внимание*): «Без *да му обръща внимание*» (Кюл.).

Объект психологической реакции может восприниматься иногда как причина, вызвавшая или породившая данные чувства. Поэтому при некоторых глаголах наряду с дательным падежом и конструкцией с предлогом *на* встречается синонимичная конструкция с предлогом *от*. Например: «много *му се възхищавам*»;«Ние *се възхищаваме на* вашите *подвизи*» (Ламбр.); «Хората го гледаха с дълбоко съчувствие и *се възхищаваха от* неговия героичен *пример*» (там же); «За съжаление, не можехме да *се насладим на* природните *красоти*, окръжаващи нашия път» (Конст.); «...и там пътниците слязоха от вагоните и още пет минути *се наслаждаваха от* величествената *картина*» (там же).

Есть, наконец, такие глаголы, выражающие проявление чувств, которым в предложном употреблении соответствует только предлог *от*. Это глаголы с оттенком аблятивности — *боя се*, *страхувам се*. Например: «И тя вярваше, че ще се съберат, *страхуваше се* само *от* неговите *родители*» (Карасл.); «*От вълци* аз *не се боя*, приятелю» (Е.-П.).

Глаголы *отдавам се*, *предавам се*, *поддавам се* с объектом, выраженным отвлеченными существительными, также выражают отношения к данному объекту. Например: «Може би и той се *бе поддал на лошото влияние*» (Веж.); «Направиха си сламени легла и *се отдадоха на своя дълг*» (Е.-П.); «Аз вече зная, че за каквото и да се заловиш, ти *му се отдаваш* с цялата си душа» (Веж.).

3. Дательный субъекта восприятия и отношения

Дательный субъекта восприятия и отношения представлен в позиции противопоставления одному именительному падежу или вне противопоставления другим падежам в безличных конструкциях.

В личных конструкциях с дательным субъекта соотношение значений именительного и дательного падежей в известном смысле является обратным тому, которое представлено в конструкции с дательным объекта восприятия и отношения.

Дательный субъекта обозначает воспринимающее лицо при глаголах, которые характеризуют отношение данного лица к чему-либо или оценку с точки зрения данного субъекта других предметов и явлений. Например: «Мене тая градска мода *не ми хареса*» (Карасл.); «И моята картина *ще ви бъде достъпна*» (Вас.); «Кървавите им нападения *дотегнаха* най-после *на селяните*» (Йовк.).

Именительный падеж выполняет в этих конструкциях функцию объекта восприятия.

В безличных конструкциях, где дательный падеж не противопоставлен другим падежам, он обозначает лицо, состояние которого, эмоции и чувства выражены безличным глаголом или безлично-предикативными словами. Например: «Чичо Митуш можеше да подигне малко плуга и тъй *на воловете щеше да олекне*, но той искаше да има равна оран» (Йовк.); «И *на мене ми е... неприятно*, *мъчно ми е* за детето, но всеки трябва да понесе известни жертви» (Вас.).

В отличие от объектных функций, функцию субъекта восприятия дательный падеж может выполнять не только при глагольном, но также при составном сказуемом, состоящем из связки и безлично-предикативного слова, имени прилагательного или имени существительного.

inslav

Дательный субъекта находим при глаголах восприятия, выражающих отношение к воспринимаемой действительности. Эти глаголы могут быть личными и безличными. Личные глаголы, такие, как *харесвам се*, *домилявам*, *омилявам*, *омръзвам*, *дотягам*, выражают отношение к воспринимаемому объекту, обозначенному именительным падежом. Например: «Малкото *селце*, обвито в синкава мъгла, отведнъж *му омиля*» (Даск.); «Кървавите им *нападения дотегнаха* най-после *на селяните*» (Йовк.). Эти глаголы могут употребляться и безлично. Например: «Па и *на мене ми дотегна* вече» (Веж.); «*На момчетата им омръзна* да се шляят сами из полето» (там же). Есть глаголы, которые употребляются только в безличной форме: *дожжда ми се*, *домъчнява ми*, *дожалява ми* и др. Например: «И още повече *му се дояде* сред тия прости и тихи хорица» (Даск.); «*Домъчня ми* за вас, бе хора» (Вас.).

При глаголах, характеризующих степень достоверности восприятия (*струва ми се*, *чиня ми се*, *видя ми се*) или степень доверия к воспринимаемому (*не ми се вярва*), дательный субъекта возможен в двух позициях: а) в противопоставлении именительному, например: «Дали защото срещата им беше при такова изключително обстоятелство, но *на него* тази *мома му се видя* безкрайно мила и привлекателна» (Карасл.); «А че как може без проучване. *Не ми се вярва на мене* тая работа» (Веж.); б) в самостоятельном употреблении вне противопоставления другим падежам, например: «—Изкрещи някъде лисица — *стори им се* че човек се кашли» (Йовк.); ...«*на командира се стори* за миг, че...» (Веж.); «Ще ти духа коня зад врата, мен така *ми се чини*» (Даск.); «...*нему се струва*, че скланя глава на коленете ѝ и задавян от сълзи, говори» (Йовк.).

Отношение субъекта к совершению действия может быть выражено безличной конструкцией с модальными глаголами, обозначающими желание (или нежелание) субъекта совершить данное действие. Например: «Учителите пламваха от възторг и *не им се искаше* да свършат» (Даск.); «*Идваше му* да стане, да надникне през малкото прозорче» (там же); «*На Неча му скимна* да чука с него» (Ваз.); «Като разбра, че вълкът е вече надвит, *на Петра се дощя* да го досвърши» (Йовк.).

Желание или нежелание субъекта совершить действие может быть выражено специальной формой на *се*, обычно безличной. Например: «А *мене* повече *не ми се чака*» (Кюл.); «*Не ми се закусва* толкова рано» (Стрелк). При формах на *се* от переходных глаголов возможно подлежащее, обозначающее объект действия. Например: «А *мене зидарлък ми се работи*, туй ми лежи на сърцето, ама не там» (Веж.). Таким образом, дательный субъекта при формах на *се* от глаголов действия выступает как воспринимающий, а не как действующий субъект.

Дательным падежом может быть обозначен субъект не только при глаголах, которые выражают личное восприятие и субъективное отношение данного лица к предметам, явлениям и действиям, но и при таких глаголах, как *трябва*, обозначающем необходимость чего-либо для субъекта. Дательный субъекта выступает в значении заинтересованного лица. Например: «Като дете беше Шакире, *на нея ѝ трябваха* игри, развлечения» (Йовк.); «Може да е учен, може да е от злато направен — *мене не ми трябва*» (там же); «Що *му е трябвало и на него* да ходи в Шварцвалд!» (Кюл.). Объективная оценка каких-либо явлений, сделанная с точки зрения данного субъекта или в отношении его, выражается глаголами *стига*, *липсва*, обозначающими оценку достаточности или отсутствия чего-либо у субъекта. Например. «Пет души свидетели *ни стигат*» (Кюл.); «Но туй, което *липсваше на тях*, а всички виждаха у Цветана, беше тая непри-

inslav

нудена грация това тънко благородство и достоинство, което идеше от цялото ѝ същество» (Йовк.); глагол *струвам* выражает оценку стоимости чего-либо для субъекта. Например: «И тия министри *на мен скъпо ми струват*» (Е.-П.).

При глаголе *стигам* лицо, в отношении которого дается определение, может быть обозначено и с помощью предлога *за*. Например: «Кожухчетата *не стигнаха за* половината рота» (Веж.). В отличие от дательного падежа предлог *за* употребляется не только для указания на лица, в отношении которых определяется достаточность или недостаточность чего-либо, но и для указания на неодушевленные предметы, действия, явления. Например: «Виното и ракията, дето ни останаха, *ще стигнат за* сватбата» (Карасл.).

Глаголы *случвам се*, *удавам се*, *предстоявам* выражают оценку возможности совершения действия для субъекта. Например: «Лично на мен неведнъж *ми се е случвало*!» (Вас.); «*Предстоят ни* сериозни операции» (Стрелк.).

Дательный субъекта при составном сказуемом с безлично-предикативными словами

В безличных конструкциях состояние субъекта, его восприятие действительности и связанные с этим восприятием эмоции могут выражаться с помощью связки и безлично-предикативных слов. Например: «*На нея ѝ беше безразлично* за коя ще се ожени скъпият ѝ братец» (Карасл.); «*На Станчо му стана весело*» (Е.-П.); «*А на момчетата*, разбира се, *им е неприятно*, мръщат се и гледат да се измъкнат» (Веж.); «*И на нея не ѝ беше стеснително*, че той знае най-потайните ѝ мисли и вълнения» (Карасл.); «Толкова ли *ти е трудно* да бъдеш по-добър, по-мил с хората» (Вас.); «Човек, дето се е родил там *му е добре*» (Йовк.).

Состояние субъекта может определяться косвенно, посредством отрицательного предиката, именной частью которого является существительное с предлогом *до* или *за*. Например: «Съвсем *не ми е до урок* тази сутрин» (Вас.); «*На тези хора не им беше* много *до смях*» (Карасл.); «*И на Алекси*, както на другите, съвсем *не му беше до песни*» (Веж.); «*Не ми е за сядане*» (Кюл.). Именная часть сказуемого может быть отвлеченным существительным без предлога. Например: «...за тая работа толко *не ми е зор*» (Даск.).

Дательный субъекта имеет некоторые параллели в конструкциях с предлогом *за*, который выступает в ограничительном значении. Конструкции с *за* употребляются параллельно безличным конструкциям с составным сказуемым, состоящим из связки и слова, определяющего оценку чего-либо с точки зрения состояния субъекта. Например: «*За Севда не беше трудно* още от първите дни да вземе цялата къщна работа и уредба в ръцете си» (Карасл.); «*За Пенка* това *е лесно*» (Е.-П.); «И *неочаквано за всички*, една вечер Стойко обади...» (Карасл.); «С колкото по-голяма чест излезе нашата партия от войната, толкова *по-добре ще бъде за народа*» (Веж.).

Однако предлог *за* может указывать не только на одушевленный предмет, являющийся воспринимающим субъектом, но вообще на любой предмет, явление, в отношении которого дается оценка чего-либо. Например: «*Бе необикновено топло за февруари*» (Веж.); «Кларне и акордеон — *достатъчно за нуждите* на ротата» (там же).

inslav

В личных предложениях именная часть составного сказуемого может быть выражена именем прилагательным, например: «...аз зная, че много от моите въпроси *са ви неприятни*» (Кюл.); или именем существительным, например: «Ами че нали това *ми е целта* — да се научи» (Даск.). Эти обороты представляют собой предикативное определение подлежащего: «*това... е целта*»; «*въпроси са... неприятни*». Дательный субъекта обозначает лицо, с точки зрения которого дано это определение. Например: «*Противна ми е* вече вашата маска» (Кюл.); «*На мен*, другарко, трудовите процеси изобщо *са ми известни*» (Вас.); «*На Гарчо му става* отведнъж *противен* същият тоя директор» (Даск.). Определение может не выражать субъективной оценки предмета воспринимающим лицом. Например: «Оръжието *им е по-необходимо*, отколкото тия няколко души селяни» (Стрелк.); «Ба, *малко ѝ е на нея* това дете» (Карасл.). В этих предложениях также дается не абсолютное, а относительное определение предмета, оценка его в отношении лица, обозначенного дательным падежом.

В предикативных относительных определениях предлог *за* так же, как и дательный падеж, может указывать на лицо, в отношении которого делается определение данного предмета (подлежащего). Например: «*Поезията е необходима за* всеки един *народ*, а най-повече *за българите*» (Хр. Бот.).

Однако в отличие от дательного падежа конструкцией с предлогом *за* может быть выражен и неодушевленный предмет, в отношении которого дается определение подлежащего. Например: «Аз мисля, че въпросът с писмата *е много важен за настроението* на войника» (Веж.); «Може би нещата *бяха* прекалено *сложни* и *забъркани за неговия ум*» (там же).

Сопоставление синонимичных конструкций дательного падежа и предлога *за* подчеркивает личный характер дательного падежа, выступающего в функции субъекта восприятия и отношения.

Дательный падеж при сказуемом, именной частью которого является существительное, также может обозначать только одушевленный предмет.

Существительное в составе сказуемого, иногда сопровождаемое прилагательным, может определять, чем является для данного лица, обозначенного дательным падежом, другое лицо, предмет или явление. Например: «Тя *му стана* нещо като *дизгините на коня*» (Даск.); «Това *ѝ* беше първата седянка» (там же); «Тя сплати с трепереши ръце свидетелството му в ковчега и, сякаш *това ѝ беше всичката грижа*...» (там же).

Дательный падеж при именном сказуемом не всегда может быть определен как субъект отношения. Таковы предложения типа *аз съм му сестра*, в которых именной частью сказуемого является существительное, называющее лицо по его отношению к другим лицам. Например: «Па аз *съм му сестра*» (Даск.); «Ще те бие я, като *ти е чорбаджия*» (там же); «И като си помисля, че аз *съм ти учителя*!» (Вас.). Существительное в составе сказуемого может сопровождаться прилагательным. Например: «Дядовият Манолов син ми е *добър* гостенин всякога» (Ваз.). Сказуемое в этих предложениях определяет, кем является подлежащее по отношению к лицу, обозначенному дательным падежом. Дательный падеж выступает здесь в том же значении, что и в функции субъекта восприятия и отношения, так как обозначает лицо, в отношении которого дано определение подлежащего. Однако функция дательного падежа не может быть определена как функция субъекта, так как именительным падежом здесь также обозначено лицо, и глагол не дает никаких указаний на то, какое из этих двух лиц является субъектом, а какое объектом.

inslav

Дательный падеж выступает здесь как дательный отношения, т. е. в функции, свойственной ему в приименном употреблении, где субъектно-объектные отношения заменены определительными.

4. Дательный отношения

В непредикативных конструкциях дательный падеж образует словосочетания с именами прилагательными и с именами существительными.

В приадъективном употреблении дательный падеж возможен при относительных или притяжательных прилагательных, выступающих в функции определения. Например: «От него те можеха много повече да научат, отколкото от *съвременните им* автори в областта на икономиката и социология» (Кюл.). Определение *съвременните* дано в отношении к определенным лицам, обозначенным местоимением дательного падежа — *им*. Это местоимение, хотя оно и занимает место так называемого краткого притяжательного местоимения, не является определением к существительному *автори*. Оно относится только к прилагательному, обозначая лицо, с точки зрения которого сделано данное определение.

В том же значении выступают краткие формы дательного падежа при притяжательных прилагательных, обозначающих родственные отношения. Например: «*Бащиният му* гроб отдавна се е изравнил със земята» (Даск.); «Хвърлиха се като кутрета въз него *сестрините му* деца» (там же).

Здесь краткая форма дательного падежа также не образует словосочетания с именем существительным, т. е. не выражает отношения *гробът му* и *децата му*. Дательный падеж обозначает лицо, для которого «могила» является «отцовской», а «дети»— «сестрины», т. е. лицо, в отношении которого сделаны данные определения *бащиният гроб* и *сестрините деца*.

Таким образом, дательный падеж в словосочетаниях с относительными и притяжательными прилагательными выступает в том же значении, что и в предикативных словосочетаниях, обозначая лицо, в отношении которого дается определение или оценка чего-либо.

Сочетания с относительными и притяжательными прилагательными отличаются друг от друга некоторыми особенностями в употреблении форм.

В сочетаниях с относительными прилагательными могут быть употреблены не только краткие, но и полные формы личных местоимений, хотя последние имеют книжный, несколько архаический оттенок. Например: «Благоев пристъпва към разглеждането на художествените произведения на *съвременните нему* български автори» (Кюл.); «Това е *братската нам* съветска литература» (там же); «Те пъркаха от удоволствие, като поемаха с широките си ноздри прохладния и *роден тям* планински въздух» (Ваз.); «...те отрасват и виреят... сред *чужди тям* равнодушни *лица*» (там же). В сочетаниях с притяжательными прилагательными употребляются только краткие формы.

В словосочетаниях с относительными прилагательными дательный падеж может обозначать неодушевленный предмет, например: «Абсолютно необходимо е да не се пренасят механически категории характерни за един език върху друг, да не се изхожда априори, а да се намерят и разкрият *характерните нему* особенности, *характерните нему* категории» (БЕ).

Синонимом дательного падежа в этом значении выступает, как мы видим, конструкция с предлогом *за*. В отличие от дательного падежа конструкция с *за* возможна не только при относительных, но также при качествен-

inslav

ных прилагательных, например: «Беше невисоко момче, със широки плещи и малко *едра за тялото* му масивна глава» (Веж.).

При притяжательных прилагательных, обозначающих родственные отношения, дательный падеж всегда указывает на лицо и синонимичных конструкций с предлогом *за* не имеет.

Особенности употребления дательного падежа при притяжательных прилагательных объясняются, видимо, тем, что эти конструкции образованы от приименных словосочетаний типа *сестра му*, *баща ми*, где возможна лишь краткая форма личного местоимения. В этих конструкциях дательный падеж выражает притяжательные отношения. Однако не трудно увидеть связь рассматриваемых приименных конструкций с приглагольными конструкциями типа *аз съм му сестра*[12]. Таким образом, сочетание *баща ми* означает не только притяжение ('мой отец'), но также указание на отношение к лицу ('отец—мне'). Это значение,—недостаточно четко осознаваемое в сочетаниях типа *баща ми*, *сестра му*, где оно не отделяется от притяжательного значения—выступает в своем чистом виде при образовании от этих существительных притяжательных прилагательных *бащиния ми*, *сестрините му*.

Дательный падеж при именах существительных выступает в функции определения. Он служит для выражения притяжательных отношений, обозначая лицо или предмет, принадлежностью которого является определяемый предмет, например: « *Лицето им*, *косата им*, самите *им клепачи* бяха покрити със ситен черен прах» (Йовк.).

Дательным падежом может обозначаться принадлежность как одушевленному так и неодушевленному предмету: «Той беше се спрял под един стар бук и четеше знаците, които бяха начертани на *кората му*» (Йовк.).

Особенностью приименных конструкций является то, что полные и аналитические формы личных местоимений здесь не употребляются. Принадлежность предмету, обозначенному именем существительным, выражается с помощью аналитических конструкций с предлогом *на*. При этом конструкция с *на* выступает как синтаксический эквивалент дательного притяжательного, способный выразить все оттенки его значения и даже употребляющийся плеонастически. Например: «*Дъската ѝ* хлопа *на моята каруца*, господине» (Е.-П.). Отношения принадлежности выражаются также с помощью синонимичной конструкции с предлогом *от*. Однако конструкция с *от* соответствует лишь некоторым значениям дательного приименного и несколько видоизменяет эти значения. В дательном принадлежности различаются следующие частные значения.

1. *Принадлежность по отношению.* При нарицательных личных именах, называющих лицо по его отношению к другим лицам, дательным падежом обозначается лицо, отношение к которому выражено определяемым существительным, например: *дружката ѝ*; *всичките му по-раншни господари*; *синът му*; *чиракът им*; то же отношение выражает конструкция с предлогом *на*: *родните на кума*; *мъжете на двете му сестри*; *вдовицата на покойния Яначко*; *невестата на Кольо Загорчето*; *годеникът на Василена* и т. п. Предлог *от* в этих случаях употреблен быть не может.

2. В чистом виде отношение принадлежности представлено при существительных, обозначающих предметы, находящиеся в чьей-то собственности или пользовании в данное время. Например: «В гостната *им стая* беше топло и задушно» (Карасл.); «*Салтамарката му* беше закърпена, набита с прах и плява» (там же); «Един човек се спря пред *къщата*

[12] Анализируя приименное употребление дательного падежа в русском языке, акад. А. А. Шахматов предполагает, что «такое употребление дательного падежа вызвано употреблением его при глаголе *быть*» («Синтаксис русского языка», стр. 318).

inslav

на Василя» (Йовк.); «В колата впрегнаха... най-хубавите *волове на чифлика*» (там же); «Нейните малки ръчички докосваха хубавите *дрехи на булка Стояница*» (Е.-П.).

3. Отношение принадлежности устанавливается между предметами, составляющими органическое целое. Дательный органической принадлежности находим при существительных, обозначающих части тела при части предмета. Например: «*Голямата му глава* бе наведена настрани и *бялата му брада* лежеше като пешкир върху отворената книга на *коленете му*» (Е.-П.); «Баталясалият кладенец бе изкопан подълбоко, *водата му* прочистена и осветена» (там же); «През *широкия ѝ отвор* отпреде се показваха издути космати гърди» (там же); «Той донесе стълба, опря я върху *дънера на салкъма*» (Йовк.); «Усмивка не слезе от *лицето на командира*» (Веж.); «Една голяма черна муха се бие в *стъклата на прозореца*» (Е.-П.).

Определяемое может обозначать не только часть тела, но также свойства, проявления и признаки организма, что также является органической принадлежностью. Например: «По *блясъка на очите* и по *въздишките му* бай Камен усети *скритото му желание*» (Даск.); «Не гърмяха вече смехът и *шегите му*» (там же); «*ядът ѝ* премина» (там же); «От всички най-ясно изпъкваше в *паметта ѝ* Манчо» (там же); «*Мъжеството ѝ* се повърна» (Ваз.); «Но хората знаеха *характера на Юрталана*» (Карасл.); «Това дойде най-напред на *ума на чичо Митуша*» (Йовк.); «тя беше наследила *главоболието на майка* си» (там же).

Определяемое может обозначать субстантивированные признаки предмета. Например: «И техните напрегнати движения говореха за общата велика стихийна *сила на войната*» (Е.-П.); ср. также: *трудността на задача*, *чистота на небето*, *зеленина на полета* и т. п. Эти значения конструкцией с предлогом *от* переданы быть не могут.

Определяемое может обозначать место. Например: «...в *средата ѝ* беше Пендо, църковният касиер» (Карасл.); «По *средата на голямата нива* в Сърненица имаше висок, клонест бряст» (там же); «Старите върби, които се редяха от *двете му страни*, бяха посивели от прах» (Е.-П.); «По двете *страни на калното шосе* непрекъснато се точеха безкрайни обозни кервани» (там же); «Скоро *северната част на селото* се подпали» (Веж.). Слово *част* может иметь определение, присоединяемое с помощью предлога *от*, например: «значителна *част от посевна площ* не се обработва» (Ян. Почек.). Предлог *от* употребляется в случаях, когда речь идет о чисто количественном выделении какой-то части. Ср. например: «...Не идваха никакви подкрепления освен *част от конния дивизион*» (Веж.); «...в тази *част на отряда* участвали предани, изпитани бойци» (Гул.), где речь идет о неотделимой части. Предлог *от* выступает здесь в своем выделительном, или отделительном значении. Например: «Спряхме се най-после на един пейзаж — *кът от Рила планина*» (Кюл.), где предлог *от* имеет выделительное значение. «Нейната целебна метода се основаваше на практическия опит и такива помощни средства, каквито имаше под ръка: масур, *дръжка от метла* или кърпа» (Бел.), где *дръжка от метла* в отличие от *дръжка на метла* обозначает не органическую часть, а предмет, отделенный от целого. Точно так же в следующем примере: «...няколко лица се обръщали към автора за позволение да печатат *откъслеци от произведението* му» (Конст.).

При существительных, обозначающих действия и явления, конструкции с *от* возможны лишь в тех случаях, когда это действие воспринимается изолированно от его производителя. Например: «...чуваше се само *шумът от крачките* им» (Кюл.); «На старата се струваше, че това не е *тропот от талигата*, струваше ѝ се, че това са стъпките на времето» (Карасл.); «...пътят ни беше през едни изгубени мочури, из които се разнасяха в пущи-

inslav

нака хиляди *крякания от жаби*» (Веж.). Конструкция с предлогом *от* указывает на источник данного действия или явления, т. е. выражает определение по происхождению.

Если действие или проявление не может быть воспринято изолированно от его носителя, предлог *от* употреблен быть не может. Например: «Сетне дойде и *любовта ѝ* със Стойко» (Карасл.); «Той мислеше за *живота им*, за *съдбата им*, за *дяла им* на този свят» (там же). Напротив, существительные, обозначающие такие проявления, которые могут восприниматься изолированно от их носителя, могут образовать оба типа конструкций. Например: «...*сладкия им мириз* изпълваше всичко и проникваше навсякъде» (Е.-П.); «Приятен *аромат на липов чай* изпълняваше тясната стаичка» (Веж.).

Употребление в подобной конструкции предлога *от* будет указывать на принадлежность по происхождению. Например: «По воздуха са преносвала *миризма от младите треви*» (Л. Карав.). Таким образом, конструкция с предлогом *от* может рассматриваться лишь как синонимичная конструкция, в то время как конструкция с *на* и в приименном употреблении выступает как синтаксический эквивалент дательного падежа.

Итак, рассмотрение дательного приименного приводит нас к двум выводам, связанным с поставленными нами в начале работы проблемами:

1) значения дательного приименного органически входят в систему значений дательного падежа, и внутренних оснований к выделению дательного притяжательного из системы дательного падежа нет;

2) так же как в дательном приглагольном, конструкция с предлогом *на* выступает в качестве синтаксического эквивалента дательного притяжательного в отличие от конструкции с предлогом *от*, которая не может выразить всех значений дательного притяжательного и вносит особые оттенки смысла в те определительные словосочетания, где она выступает параллельно дательному падежу.

5. Различия в употреблении флективных и аналитических форм дательного падежа

В заключение мы еще раз вернемся к вопросу о некоторых различиях в употреблении отдельных форм дательного падежа. Этот вопрос необходимо рассмотреть потому, что различия в употреблении иногда безоговорочно принимают как свидетельство неадекватности падежного значения. Так, например, различия в употреблении кратких и аналитических форм в плеонастических оборотах приводят иногда в качестве аргумента против признания конструкции с *на* аналитической формой дательного падежа. Мы можем добавить к этому, что конструкция с *на* в отличие от кратких форм дательного падежа не употребляется при некоторых глаголах с аблятивным значением (*боя се*, *взема*, *открадна*, *избягам* и т. п.). Одним из аргументов, на который опирается отделение дательного приименного от системы дательного падежа, служит, видимо, тот факт, что в притяжательной функции не употребляются полные и аналитические формы личных местоимений.

Действительно, обязательным следствием различия значений является различие в употреблении. Однако последнее может определяться и другими факторами, важнейшим из которых является языковая традиция. Поэтому не всегда отдельные различия в употреблении грамматических форм или предложных конструкций безоговорочно свидетельствуют о неадекватности их грамматических значений.

Различия в синтаксическом употреблении могут определяться также различиями в значении слов, от которых образуются данные падежные

inslav

формы. Для личных местоимений таковым является различие между краткими и полными местоимениями, выражающими противопоставление слова, на которое не падает, и слова, на которое падает логическое ударение. Этим объясняется, например, тот факт, что краткие местоимения не употребляются в предикативном определении. В предложении «Кучето беше *тяхно*, *на чифлика*» (Йовк.) притяжательное местоимение не может быть заменено краткой формой, хотя форма *им* и выражает значение принадлежности в непредикативном определении.

В непредикативном определении не употребляются полные и аналитические формы личных местоимений. Это объясняется тем, что параллельно кратким формам дательного падежа отношение принадлежности выражается притяжательными местоимениями, которые употребляются в тех случаях, когда на определение падает логическое ударение, т. е. в тех самых случаях, когда могла бы быть употреблена полная форма личного местоимения.

Таким образом, в выражении принадлежности лицу краткая форма личного местоимения дательного падежа оказывается необходимой, а полная форма (флективная или аналитическая) — излишней, так как значение, которое могла бы она выражать, в языке уже имеет закрепленное традицией средство выражения. Это ограничение употребления аналитических форм относится только к личным местоимениям.

В неличных местоимениях аналитическая конструкция с предлогом *на* может выражать отношения принадлежности. Например: «А като остаря, натегна и стана такъв, какъвто е сега—... с вгънат гръб и надебелели нозе, по *глезените на които* е поникнала дълга козина» (Йовк.); «исторически факт е, че когато не се спази това последно условие, *усилията на тия*, които се занимават с изследване на даден език и съставяне на негова граматика, остават безрезултатни» (БЕ).

Таким образом, нетрудно убедиться, что отмеченные выше различия в употреблении форм дательного падежа определены причинами, не имеющими отношения к различию падежных значений, и не могут быть приняты в качестве показателей различия падежного значения этих форм.

Различие синтаксической роли аналитической конструкции с предлогом *на* и краткой формы дательного падежа в плеонастическом обороте типа *на Иван му се сторило* также ничего не говорит о различии в падежных значениях этих форм.

Действительно, заменить один из членов данного плеонастического оборота другим его членом, оставив вторую часть без изменения, т. е. поставить аналитическую конструкцию *на Иван* вместо местоимения *му*, нельзя, так как в данном случае вместо плеоназма получится простое повторение (*на Иван на Иван*), что так же бессмысленно, как и обратная замена (*му му*), так как в плеонастическом обороте обязательно должны быть два разные члена, выражающие одно и то же понятие. Поэтому закономерна лишь такая постановка вопроса: может ли в качестве первого члена выступать местоимение или всегда выступает имя существительное? Могут ли оба члена быть выражены флективной формой дательного падежа или возможно лишь сочетание аналитической конструкции и флективной формы? Может ли, наконец, имя существительное быть вторым членом, т. е. выполнять роль репризы? Ответы на эти вопросы и показывают, что аналитические конструкции существительного с предлогом *на* и флективные формы дательного падежа местоимений могут выполнять одну и ту же синтаксическую роль в плеонастической конструкции.

1. В роли первого члена при местоименной репризе могут выступать не только имена существительные, но также полные формы местоимений. Например: «*На вас* да *ви* дадат властта и вие ще ни тикнете в някоя война»

inslav

(Карасл.). Таким образом, выполнение роли первого члена плеонастического оборота не является специфической особенностью существительного, отличающей его от местоимения.

2. Первый член может быть выражен не только аналитической формой, но также и флективной формой дательного падежа. Например: «*Мене* повече *ми* харесва да живее в село, защото има хубави момичета» (Е.-П.); «В края на краищата *мене* никой не *ми* е дал право да махам и слагам председатели!» (Веж.). Выполнение функции первого члена плеонастического оборота не является, таким образом, специфической особенностью аналитических форм дательного падежа.

3. Краткая форма дательного падежа может выступать не только в роли второго, но также и в роли первого члена, в то время как вторым членом плеонастического оборота, играющим роль репризы, уточняющей смысл, может служить как аналитическая конструкция имени существительного с предлогом *на*, так и обе формы полного местоимения. Например: «Какво ще *му* прави вълк *на таз боримечка*?» (Йовк.); «Дай *му* да яде *на детето* и го слагай да спи!» (Карасл.); «Е, дай *ми* и ти *на мене* такава земя, па ме гледай сетне!..» (там же); «Да *му* дам аз *нему* един милин...» (Йовк.).

Таким образом, плеонастические обороты не могут быть приняты ни в качестве свидетельства различий синтаксической роли имен существительных и существительных местоимений, ни в качестве свидетельства различий в функциях аналитической и флективной формы дательного падежа.

Единственное заключение, которое можно сделать на основании рассмотрения плеонастических конструкций, состоит в том, что в этих конструкциях заменять друг друга могут только имена существительные и полные местоимения, так как они выступают в роли члена, противопоставленного энклитической форме местоимения. Различие в употреблении кратких, полных и аналитических форм дательного падежа и здесь связано с такими особенностями в значении слов, которые не имеют отношения к собственно падежным значениям.

Таким образом, предлог *на* может быть признан показателем формы дательного падежа на том же основании, как и другие его формы, поскольку конструкция с *на* способна выступать во всех функциях дательного падежа как приглагольных, так и приименных и выражать все его частные значения.

Различия в употреблении форм дательного падежа и конструкции с *на* касаются только некоторых глаголов с аблятивным значением (*отнема*, *взема*, *открадна*, *боя се*, *страхувам се* и т. п.), при которых параллельно кратким формам дательного падежа употребляется не конструкция с *на*, а синонимичная конструкция с предлогом *от*. Выражение аблятивных отношений не относится, однако, к собственным значениям дательного падежа, поскольку дательный падеж может быть употреблен не при всяком глаголе, выражающем действие удаления, отделения, а лишь при глаголах, обозначающих действия, требующие указания адресата причинения или объекта психических движений (*боя се*, *страхувам се*). Следовательно, значение аблятивности является для дательного падежа лишь сопутствующим, а не собственным значением. Различия в частных случаях употребления флективных и аналитических форм не могут служить основанием для отрицания падежной эквивалентности этих форм. Употребление может определяться традицией. Конструкция с *на* не употребляется в сочетании с этими глаголами в силу того, что при них имеется близкий синоним, привычный, закрепленный традицией, но вовсе не потому, что собственное предложное значение мешает предлогу *на* выразить данное

inslav

частное значение дательного падежа. О том, что в данном случае дело обстоит именно так, свидетельствуют случаи употребления предлога *на* при глаголах, которые традиционно с предлогом *от* не связаны, так как значение аблятивности является у них переносным, например, глагол *изям* в значении 'взять', 'присвоить' (см. пример из Йовкова на стр. 22). Эти относительно редкие случаи весьма характерны. Они свидетельствуют о полном разрыве между конструкцией с *на* в значении дательного падежа и собственным значением предлога *на*.

Итак, исследование показало, что конструкция с *на* как аналитическая форма дательного падежа выражает такие частные значения, которые никак не связаны с собственным значением предлога, например, дательный субъекта, дательный заинтересованного лица, дательный принадлежности. Отдельные случаи употребления (в конструкциях с аблятивными глаголами) даже противоречат собственному значению предлога. Предлог *на* здесь полностью грамматикализован. Употребление конструкции с *на* регламентируется теми же условиями, что и употребление дательного падежа. Так, например, дательным падежом может быть обозначено предназначение только для одушевленного предмета. При выражении предназначения конструкция с *на* в болгарском языке тоже образуется только с одушевленными существительными. В отличие от синонимичных предложных конструкций, выражающих значения, только близкие по смыслу отдельным частным значениям дательного падежа, конструкция с *на* выражает значения, полностью адекватные значениям дательного падежа. Таким образом, конструкция с предлогом *на* в современном болгарском литературном языке отвечает всем требованиям, необходимым для того, чтобы признать ее аналитической формой дательного падежа.

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

При исследовании винительного падежа мы ставили перед собой задачу определить частные значения и функции винительного падежа и их зависимость от позиции противопоставления другим падежам. Рассматривая частные значения винительного падежа, мы обращали внимание на случаи управления, отличные от русского языка.

Анализ значений и функций винительного падежа подчинен задаче его сопоставления с дательным падежом, определения сходства и различия между этими падежами. Мы должны были выяснить, может ли винительный падеж выступать в тех же функциях, что и дательный, чтобы в дальнейшем определить различия в частных значениях винительного и дательного падежей в пределах одной функции.

Мы разграничиваем и противопоставляем друг другу глаголы, обозначающие восприятие (состояние) субъекта, и глаголы, обозначающие собственно действие. При глаголах со значением восприятия дательный и винительный падежи выступают в одних и тех же функциях: объекта восприятия (например: *аз му завиждам*; *аз го мразя*) или субъекта восприятия (например: *дотегна ми нещо*; *от всичко ме досрамява*).

При глаголах собственно действия функции винительного и дательного падежа различны. Винительный обозначает здесь объект, подвергаемый данному действию, — объект действия. Дательный падеж при этих глаголах может выступать только в функции воспринимающего объекта. Таким образом, функция объекта действия является специфической функцией винительного падежа по сравнению с дательным.

В функции объекта действия наиболее резко противопоставлен значениям дательного падежа так называемый винительный внутреннего объекта, обозначающий предмет, само возникновение которого связано

inslav

с совершением данного действия, например: «Гертруда му *прави знак* с ръце» (Кюл.). Объект здесь создается в процессе совершения действия. Дательный падеж может обозначать лишь внешний объект, т. е. предмет, существующий независимо от совершения данного действия. При этом дательным падежом может быть выражен не любой внешний объект, а лишь такой, которого действие физически не касается. Поэтому в значениях внешнего объекта винительный противопоставляется дательному как падеж, который может обозначать объект внешнего, физического воздействия, в то время как дательный может обозначать лишь объект психологического воздействия — воспринимающий объект. Однако в функции воспринимающего объекта может выступать и винительный падеж, например при глаголах речи, которые обозначают не физическое, а только психическое воздействие на объект.

Подчиняя классификацию задаче сопоставления значений винительного и дательного падежей, рассмотрим сначала значения и функции винительного падежа, наиболее отличные от дательного, затем перейдем к функциям, совпадающим с дательным падежом.

1. Винительный внутреннего объекта. Функция объекта действия

Обозначая предмет, создаваемый или приобретаемый в процессе действия (внутренний объект), винительный падеж имеет ряд значений:

1) Винительный результативного объекта, обозначает предмет, возникновение которого является результатом данного действия. Например: «За него съм *я направил*, нова е» (Е.-П.); «...затова са *ги* (приказки.—*Е. Ч.*) хората *измислили*» (там же).

Винительный результативного объекта может указывать и на одушевленные существительные, например: «И *мене ме е* майка *раждала*!» (Карасл.).

2) Винительный содержания обозначает предмет, раскрывающий содержание данного действия. Например: «За твой интерес ти *го казва*» (Е.-П.); «Тая песен не е нова. Откакто си дошъл все *нея* ли *пееш*!» (Гул.) «Песнопойна работа. Ти *практикуваш* ли *я*?» («Сент.»).

В отличие от винительного результативного винительный содержания не указывает на материальный результат действия, так как то, что создается в процессе этого действия, исчезает вместе с его завершением. Этот винительный возможен только от неодушевленных существительных, не обозначающих материальные предметы.

3) Винительный тавтологический (*спя сън*, *живея живот*) близок к значению винительного содержания, так как существительное здесь также не обозначает предмета, являющегося материальным результатом действия. Отличие состоит в том, что глаголы обозначают не действия, а состояния предмета, не требующие объекта, и единственно возможным объектом может быть при них существительное, образованное от этого же глагола, обозначающее тот же процесс, который выражен глаголом. Например:

«Щом като беше оставил планината и желаеше *да живее мирен живот*, тоя трябваше да *го живее* като всички» (Вас.); «Селото, което до преди няколко минути *спеше дълбок сън*, се пробуди» (Ламбр.) «Уморените бригадирци в палатките са *заспали първия си сън*, дълбок, отморителен и освежителен» (Карасл.).

Винительный результативный и винительный содержания могут употребляться как в позиции противопоставления одному именительному падежу, которым обозначен субъект данного действия, так и в позиции противопоставления двум падежам — именительному и дательному.

inslav

Дательный падеж при винительном результативном может обозначать лицо, которому предназначен результат данного действия (дательный предназначения). Например: «*Да ви приготвя* ли *закуската*?» (Стрелк.). Это может быть также дательный причинения в случае, если прямым дополнением является отвлеченное существительное, обозначающее результат действия. Например: «Един от тия случаи *ми направи* особено *впечатление*» (Кюл.) и т. п.

При глаголах речи с винительным содержания может быть употреблен дательный адресата сообщения. Например: «Ти *на мене* не *ми ги разправяй!* — Кипна Димо» (Карасл.); «Трябва само да ми дойдеш на гости — да *ти обясня* аз по-тънко нашата благородна *професия*!» (Вас.).

2. Винительный внешнего объекта

Винительный внешнего объекта, обозначающий предмет, существующий независимо от совершения действия, имеет ряд частных значений, относящихся к различным функциям.

1) Функция объекта действия. Выступая в этой функции, винительный падеж обозначает объект внешнего воздействия, который представлен при глаголах, выражающих либо физическое воздействие на объект, либо действия, которые, хотя могут физически не касаться данного объекта, влекут за собой определенные изменения в отношениях данного предмета к другим предметам.

Винительный объекта внешнего воздействия может обозначать предмет, являющийся объектом механического воздействия. Это может быть как неодушевленный, так и одушевленный предмет. Например: «Хваща ръката на Пенев и *я друса*» («Септ.»); «Я прибери оглавника, че волът *го застъпя*, ще *го покъса*» (Е.-П.); «Тях нали *ги изгорихме* още миналата неделя?» (Карасл.); «*Нас ни колят и секат* и без да правим нещо» (Ваз.); «Отиде при тях и *ги замилва* по челата» (Е.-П.); «Боне хвана кравата за роговете и полека почна да *я вдига*» (там же); «Стояница грабна детето на ръце, *прегърна го* и *го занесе* в стаята» (там же); «Едно особено, как да кажа, неземно чувство *ме завладяваше* най-вече през есента» (Бел.); «Време за губене нямаше, щабът веднага изпрати из Чирпана дружина партизани, за да *овладеят града*» (Ламбр.).

Винительный внешнего воздействия может быть при глаголах, обозначающих действия, которые непосредственно физически могут и не затрагивать данный предмет, но в результате которых происходят изменения в его положении, функциях, отношениях к нему других предметов и явлений и т. п. Таковы, например, глаголы *купя*, *продавам*, *освободя*, *срещна*, *оставя*, *пращам*, *изгоня*, *спря*, *намеря*, *променявам*, *избера*, *търся*, *пусна*, *оставя* и т. п. Например: «Прегледайте и тая стока. Днеска *я купих*» («Септ.»); (в результате данного действия меняется владелец предмета); «*Оставете ме* на мира» (там же); «Лете понякога *го пращахме* на паша със селските говеда» (Е.-П.); «Като видя Нена, кървава и расплакана, той *я спря* със суров глас» (там же); «Ама *не съм я намерил* още» («Септ.»); «Аз *тебе не променявам* ни за Хаджи Боровите жълтици» (Л. Карав.); «Господин Огнянов идеше да *търси вас* тука» (Ваз.); «Кой *ви пусна* туй!» («Стърш.»); «Но кой ще е тоя неизвестен благодетел, който *спаси мене* от опасност» (Ваз.).

Винительный объекта внешнего воздействия может быть представлен как в позиции противопоставления одному именительному падежу, которым обозначен субъект данного действия, так и в позиции противопоставления двум падежам — именительному и дательному. Дательным падежом в этой конструкции будет обозначаться воспринимающий объект;

inslav

это может быть дательный адресата предоставления, например: «Ще *ти донеса* и тях» (Карасл.); дательный адресата причинения, например: «Вие агнето сте уловили, *нему* кожата *ще дерете*, а вълците — тях никой не закача» (Гул.), или дательный предназначения, например: «Ами децата горкичките! Те майчица никога не могат да *си намерят*» (Е.-П.).

В позиции противопоставления одному именительному падежу винительный падеж может выражать наряду со значением объекта внешнего воздействия еще сопутствующие значения орудия, средства и некоторые локальные отношения. Все эти случаи связаны со строго ограниченной лексикой — определенным кругом глаголов, при которых вместо винительного падежа могут употребляться и предложные конструкции, служащие для выражения этих отношений в их чистом виде.

Винительный объекта физического воздействия при глаголах *махвам*, *размахвам*, *клатя* образует конструкции со значением, близким к отношениям орудийности. Например: «Доктор Юмус изслуша сдържано думите на министра и *поклати глава*» (Веж.); «Момчета не възразяват. «Добре», *клатят* те *глави*» (Карасл.); «Командирът *махна ръка* и отмина» (Веж.); «Черни отхранени гарвани *махаха* бавно *криле* над нивите» (там же); «И сега той *размахваше* дългите си *уши* най-безгрижно, напълно уверен в правото си да яде сърнешката храна» (Е. Стан.).

Параллельно те же отношения в ряде случаев могут быть выражены с помощью предлога *с*. Например: «Писано!— *Махна с ръка* синеокия младеж» (Карасл.); «Тя следваше другарката си неуклонно, като *махаше* неспирно *с крила*» (Е. Стан).

Винительный средства зафиксирован при глаголах *дишам*, *говоря*. Например: «Те *дишат* с наслада свежия *въздух* и в съзерцанието на красота търсят да забравят мизерията на тежкия си живот» («Защита на мира»); «Той *говорил три езика*, обаче по едно вътрешно чувство за стил, избрал мексиканския за добитък» (Е. Стан.). Параллельно возможна конструкция *говоря на тоя език*: «Отдавно не съм *говорил на тоя език*» (Е. Стан.).

Значения орудия и средства действия не могут рассматриваться как собственные значения винительного падежа, они представлены здесь лишь как значения, сопутствующие значению объекта внешнего воздействия. Не случайно прямое дополнение мы находим лишь в тех случаях, когда действие не имеет другого объекта, на который бы оно переходило с помощью данного орудия или средства.

Разновидностью объекта внешнего воздействия можно считать винительный локального объекта, который находим при некоторых глаголах, обозначающих перемещение в пространстве относительно данного объекта. Таковы глаголы со значением приближения и удаления: *доближавам*, *приближавам*, *наближавам*, с одной стороны; *отминавам*, *отбягам* — с другой. Параллельно эти глаголы употребляются с локальными предлогами *до*, *към* и *от*.

Доближавам 'достигать', 'приближать', 'приближаться': «Найсетне *доближавам* едно особено приятно *долче*» (Е. Стан.); «Сетне *доближи* керемидата *до* запалената *свещ* и я държа така, докато да догори всичкият тамян» (Карасл.).

Приближавам 'приблизить', 'приближать,' 'приближаться': «Разговорът е много радушен и ние неусетно *приближаваме Москва*» (Слав.); «*Приближавам един* от стражарите и го питам къде собственно ни водят» (Бел.). Параллельно возможна конструкция с *до*: «*До него приближи* с далечен поклон редакторът на местния вестник» (Веж.); «Ако носят сено, той ще се *доближи до* предната *кола*» (Йовк.).

Наближавам 'приближаться': «Когато *наближиха селото*, старата се дръпа лекичко от сестра си и тръгна сама» (Карасл.); «Когато групата

inslav

наближи лагера на Бауманова та чета, Морозов извика паролата с висок глас» (Ламбр.).

Параллельно употребляется конструкция с предлогом *към*: «Песента се усилваше, колкото повече *наближаваха към дома* на Катя» (Груб.).

Винительный падеж находим при глаголе *отмина-отминавам* 'отходить', 'удаляться', 'миновать'. Например: «Морозов поглеждаше изпод веждите своите доброжелатели и другари, като им правеше знак да мълчат, *отминаваше ги* с благодарност и продължаваше своя опасен като смърт път» (Ламбр.); «Като *отминах* старите крайпътни *върби*, пред мене отново се ширна зеленина» (Бел.); «Славяните сега са едини, страшната опасност *ги отмина*» (Кюл.). Винительный находим и при глаголе *отбягвам* в значении 'избегать', например: «Всички войници се бояха от него и *отбягваха го*» (Л. Стоян.); и при глаголе *евакуирам* 'покинуть', например: «Десетки хиляди граждани бяха *евакуирали града* (Пловдив) поради въздушните бомбардировки на съюзническата авиация» (Ламбр.).

Прямое дополнение находим при глаголах *възлизам*, *възседна*, *изскача*, *завивам*. Например: «Вървеше някъде каруца. Подрънкваше тежко, глухо, навярно *възлизаше* някая *баирчинка*» (Йовк.). Параллельно употребляется конструкция с предлогом *на*: «като *възлязоха на брегът* покараха нататък» (БТР); «Капитанът... *възседна стола*» (Л. Стан.); «Бившият селски ратай и бедняк захвърли старото орало, остави дръгливите кравички и дребните кончета и *възседна* мощни стоманени *коне*» («Лит. фр.»); «Едва, когато *завиваше ъгъла*, забави крачките си, извърна се и му махна с ръка» (Груб.); «От страх не усетих, как *изкачих стръмната улица*» (Бел.); «*Изкачи върха* и пред очите му се разстла клисурата» (Вас.); «И той *заизкачва стълбите* с чувство, че тоя път въздух малко нещо не му достига» (Веж.).

Прямое дополнение находим при глаголах *следвам*, *последвам* в значении 'следовать, последовать за кем-нибудь'. Например: «Люба вървеше сама напред... Луката *я следваше* малко по-отдалеч» (Бел.); «Неволно погледнах назад, дали не *ме следват*» (Ваз.); «Паленцето сви опашка и *последва* своя *господар*» (Ламбр.); «Доганджиите *го* (султана.— *Е. Ч.*) *последваха*, всички мълчаха, чуваше се само тропотът на конете» (Йовк.); «Разбира се, злобата на реакционерите и жалките прислужници на империализма не може да попречи на писателя *да следва своя път*» («Септ.»).

Локальные отношения, выражаемые винительным падежом, в этих словосочетаниях, представляют собой сопутствующее, а не собственное значение падежа, так как винительный падеж может выражать эти отношения лишь при глаголах, которые требуют объекта внешнего воздействия: они обозначают либо физическое воздействие на объект (*възседна*, *възлизал*, *изкачвам*), либо действия, изменяющие положение данного предмета по отношению к субъекту действия. Это действия, в результате которых объект обходится, покидается (*евакуирам*, *отбягам*, *отминавам*) или приближается к субъекту. В последнем случае объект воспринимается как пространственный ориентир только потому, что он является неподвижным. Однако при тех же глаголах (*приближавам*, *доближавам* и пр.) возможен подвижный объект (*приближавам ръка*).

2) Функция воспринимающего объекта. Другим частным значением винительного внешнего объекта является значение объекта психологического воздействия. Это значение находим при глаголах, обозначающих действия, которые могут оказать влияние на объект, только преломившись через его сознание. Поэтому объектом психологического воздействия может быть лишь одушевленный предмет.

inslav

Выражая значение объекта психологического воздействия, винительный падеж, как и дательный, выступает в функции воспринимающего объекта.

Винительный воспринимающего объекта находим при глаголах речи и при глаголах психологического воздействия.

а) Винительным падежом обозначается лицо, к которому обращена речь, при глаголах: *питам*, *викам*, *моля*, *гълча*, *поздравя*, *съветвам*, *нагрубя*, *заговоря*, *заприказвам* и др. Например: «Да *попитаме него*, вътрешен човек е, той по̀ ще знае» (Карасл.); «Много *те моля*, Бате, да не вземеш писмото ми като хвалба!» («Стърш.»); «Затова ли *мене*, старата си майка, *гълчи*, с къщна работа да не те товаря, а?» (Гул.); «Помня, помня невесто... Щеше да умре жената, ако не бяха *ме викали*» (Е.-П.); «Бай Нончо обичаше да ходи по кривите... улички,... да се усмихва на стопаните и *всекиго* с добра дума *да поздрави*» (Гул.).

В ряде случаев наблюдаются расхождения в управлении между русским и болгарским языками. Так, например, винительный падеж употребляется в болгарском языке для обозначения воспринимающего лица при глаголе *съветвам*: «Тале Димов постъпи тъй както *го посъветва* Солунчето» (Бел.); «Ще кажеш, че вълци са го изяли — *посъветва го* (овчаря.— *Е. Ч.*) Камен» (Ламбр.); «Пиши му, *съветвай го* и ти» (Груб.); «Я по-добре си излезте, че да си свършим спокойно работата!— *посъветва ги* директорът» («Стърш.»); «Ако етрополците да си били човеколюбиви хора, то ние би *ги посъветвали* да си обръснат веждите и да те поменат по индийските обреди» (Хр. Бот.). В русском языке глагол *советовать* требует дательного падежа.

При глаголах *заговоря*, *заприказвам* в значении 'начать разговор, беседу', при глаголе *продумвам* 'приговаривать', 'повторять' также употребляется винительный падеж для обозначения лица, с которым ведется разговор. Например: «Всеки път, когато Луката *ми заговорваше*, аз се чувствувах поласкан» (Бел.); «Но струваше му се, че и да заприказва, гласът му ще го издаде. За какво да *я заговори*?» (Карасл.); «Опитва се да *ги заприказва* и гостът, но на него никой не отвърна» (там же); «Аз *го заговорих* няколко пъти, но той не ми отвърна, направи се, че не чува» (Бел.); «Един ден той срещна на улицата стария военен капелмайстор от запаса, Пиколов и *го заприказва*» (Минк.); «На няколко пъти тя се опитва *да го заприказва*, за да види дали не е сърдит за нещо друго» (Карасл.); «След него... вървеше сърдито Кочо и упорито *го придумваше*» (Е. Стан.)

Винительный падеж находим при глаголе *нагрубя*: «Да, господа, особен човек беше този Орце — мълчалив, сдържан, възпитан. Рядко се случаваше да *нагруби някого*» (Бел.).

Глагол *заговоря* встречается и с дательным падежом: «...*заговори им той*» (Е.-П.).

б) Винительный воспринимающего объекта находим при глаголах, которые обозначают действия, физически не затрагивающие объект, но оказывающие на него определенное психологическое влияние. Это такие глаголы, как *лъжа*, *подигравам*, *заплашавам*, *застрашавам*, *насърчавам*, *науча*, *подсетя*, *грозя*, *задължавам* и т. п. Например: «Чичо му *го лъжеше* с птичи гнезда, баба му го гълчеше галено» (Карасл.); «Разбра Махмед, че Йорданчо *го лъже*» (Вас.); «Завистливите и злобни душици *го подигравали* открито» (Е. Стан.); «Много неща ѝ станаха ясни и едвам сега тя разбра голямата опасност, която *я заплашаваше*» (Йовк.); «Сигурно бе счел, че не *го заплашва* никаква опасност» (Е. Стан.); «*Играе ме* един вашенец там, ама тоя път ще му дам да разбере» (Е.-П.); «Хем *него* на ум *ще науча*, хем да ви покажа один пример, та да не кръшкате друг път»

inslav

(там же); «Екзархията... като видя безбожието на болградчани, ме изпроводи да им стана градинарин и *да ги наставя* на път божи» (Хр. Бот.); «...и *ги насърчаваше*...» (Е.-П.).

В отличие от русского, где глагол *грозить* употребляется с дательным падежом, в болгарском глагол *грозя* требует винительного. Например: «Те стремяха от високо, без да държат сметката за опасността, която *грози* самите *тях*» (Ламбр.); «Колко ти струва стоката?— Много пари!— посъвзе се турчинът, като разбра, че *не го грози* беда» (Вас.).

3) Функция объекта восприятия и отношения. Винительный внешнего объекта может быть представлен как объект восприятия. В отличие от рассмотренных выше объектных значений винительный объекта восприятия обозначает предмет, который не испытывает на себе какого-либо активного воздействия субъекта, а является лишь объектом чувственного восприятия, объектом, на который направлена психическая деятельность субъекта.

Объект чувственного восприятия находим при глаголах, характеризующих действия органов чувств (зрения, слуха, обоняния и др.). Например: «И добре че *чухте* — и *него*, и дъщеря му!» (Ген.); «Ти *мене слушай*!» (Гул.); «Калитко дълго не спемаше поглед от нея: тайно *я наблюдаваше*» (Хадж.); «Гледа лулата си, но като че и *нея не вижда*» (Гул.).

Глагол *гледам* (*погледна*) в болгарском языке может иметь двойное управление — винительный падеж или предложная конструкция с *на*. Например: «Погледнеш *на Джерсей* — там стотини фабрични комини» (Конст.); «*На* бившето си *отечество гледа*,— като нещо останало някъде там далече» (там же). Однако в отличие от русского при этих глаголах, употребленных в их основном значении, чаще встречается прямое дополнение. Например: «(Алекси.— *Е. Ч.*) се мъчеше *да не гледа никого* в очите» (Гул.) (в русском языке здесь требуется дательный падеж); «Оставете тая работа, — каза Солунчето, извади часовника и без *да го погледне*, го турна в джебчето си» (Бел.); «Разбира се, *него гледа*, Евстати чувствува това» (Гул.).

Глагол *гледам* в значении 'смотреть', 'оценивать что-нибудь', употребляется только с предлогом *на*. Например: «Семейство Буюкови си живееше щастливо и оптимистично *гледаше на живота*» (Павурджиев); «Привикнаха хората със стопански поглед *да гледат на всяко поточе*, рекичка и река, на всяко пороище» («Лит. фр.»); «А преди вземането на властта аз четох и зная, че *гледах* правилно *на въпроса*» («Раб. дело»).

Винительный падеж находим при глаголе *следя*, употребляемом как в конкретном ('следить глазами'), так и в отвлеченном значении. Например: «Една вечер се втурна бързо в стаята и веднага провери от прозореца *следи* ли *го* някой на улицата» (Груб.); «Хубаво, ама аз нали не съм вчерашен, *всичко следя*» («Септ.»).

В современном русском языке этот глагол требует управления с предлогом *за* (*за кем-то*). Употребление винительного падежа возможно, но этот оборот является устаревшим.

Винительный объекта восприятия обозначает предмет, являющийся объектом не только внешнего восприятия, но также дальнейшей психической деятельности субъекта, его ума, памяти, чувств, воли и т. п., т. е. действий, выражаемых такими глаголами, как *познавам*, *зная*, *разбирам*, *помня*, *забравям*. Другие глаголы выражают отношение к воспринимаемому: *обичам*, *искам*, *желая*, *съжалявам*, *прощавам*, *презирам*, *виня*, *почитам*, *вярвам*, *ядосвам* и т. п. Например: «*Тебе* наистина не може да *те разбере* човек!» (Гул.); «Хаджи Генчо е учител в Копривщица. *Него* всеки *познава*, като червеното яйце» (Карав.); «Ако ще даваме поощрения защо пък *него да забравим*?» (Гул.); «*Беше го обикнала* чорбаджийската

inslav

щерка Милена» (Е.-П.); «Знаеш ли що,— поде пак Станчо,— да *те поискам*, взела ли би ме?» (там же); «—У, дядо Митър...— Мама, бог да я прости, много *те почиташе*» (там же); «Не прави така, миличка! *Съжали ме*!» (там же); «Божана, горката, много *ме ядосваше*» (там же).

Объект психических движений при глаголах, выражающих чувства субъекта, направленные на данный объект, может обозначаться, как мы видели, и дательным падежом. Дательный падеж употребляется не только при глаголах с *се* (*любувам се*, *радвам се*, *възхищавам се*, *чудя се*, *сърдя се*, *ядосвам се* и т. п.), но также иногда при глаголах без *се*, например: *вярвам*, *простя*, *завиждам*. Глагол *вярвам* может употребляться и с дательным и с винительным падежом.

Винительный падеж (и его синтаксический эквивалент) при глаголе *вярвам* был нами зафиксирован только от неодушевленных существительных. Например: «*Това* някои *вярваха*, някои не» (Йовк.); «Младежите... се радваха за доброто следствие на тия невинни лъжи, но най-после и те хванаха *да ги вярват*: ние вярвахме всичко невероятно, само едно не вярвахме; че няма да падне Турция» (Ваз.)

В этом случае возможен также оборот с предлогом *в*: «Те не *вярваха в нейната смърт*» (Ламбр.).

Глагол *простя* в болгарском языке также употребляется и с дательным и с винительным падежом. Например: «Аз *ѝ прощавам*, майко Мария» («Септ.»); «Бог *да ги прости* умрелите, така викам аз» (Е.-П.). Аналогичное положение находим в русском языке.

Винительный объекта восприятия и отношения находим при сложном сказуемом с глаголами *смятам*, *имам*, и т. п. Например: «Като чедо *я имаме*» (Ваз.); «Да *го имам* за верен човек» (Йовк.).

Винительный объекта подчинения находим при глаголах, выражающих отношения владения (*имам*, *владея*, *притежавам*) и при глаголах, обозначающих различные отношения управления (*управлявам*, *ръководя*, *дирижирам*, *разпореждам*, *командувам*, *покровителствувам*). Например: «Тоя имот *го имам от* майка си» (Йовк.); «Найденов...беше блестящ филолог и полиглот. Освен българския език *който владееше* така, както малцина български филолози, писатели и журналисти *го владеят*, той знаеше отлично руски, френски, немски и английски...» («Септ.»); «Пантера наистина *не притежаваше* никакви особени ораторски *дарования*» (Ламбр.); «Тя обичаше Елка като свое дете, жалеше я и *я покровителствуваше*» (Е.-П.).

Глаголы типа *имам*, *владея*, *притежавам*, *покровителствувам* выражают пассивное отношение субъекта к объекту. Здесь очевидна функция винительного падежа как объекта отношения. К этой группе глаголов можно, пожалуй, причислить и глагол *обитавам*, который в болгарском языке также употребляется с прямым дополнением. Например: «Поради жилищната криза в града, на семействата, които *я* (сградата.—*Е. Ч.*) *обитават*, не може да им се дадат засега други квартири» («Стърш.»); «Преди два-три часа оттук бе минал един наш познайник — старият елен, който *обитаваше тия места* над шосето» (Е. Стан.); «А богатите собственици, *обитаващи съседните вили*, се спотайваха в миши дупки» (Дим.).

Другие глаголы этой группы могут обозначать активное воздействие на объект, что особенно наглядно ощутимо, когда речь идет о конкретных единичных актах действия. Например: «Можеше да го хванеш за рогата и с тях *да го* (елена.—*Е. Ч.*) *управляваш* като с юзда,— забелязах аз шеговито» (Е. Стан.); «Учител Александър често отива между тях и нещо им разправя, нещо *ги разпорежда*» («Христ. за II кл.», 1946); «Техният командир е напред и по телефона *командува* от наблюдателницата *огъня* на батареята» (Васев.).

inslav

Когда же речь идет о каких-то постоянных, обычных для данного субъекта действиях, они приобретают характер отношения. Например: «Българската буржоазия *управляваше страната* 70 години, след нейното освобождение от турско робство» («Ново вр.»); «Партийните ръководители трябваше да бъдат сред народа, да поддържат вярата му в победата, да *го ръководят*» (Ламбр.); «Тя беше учителка по музика и *дирижираше младежкия* хор» («Септ.»); «Държеше се така, сякаш *командуваше* целия *хотел* — важно, високомерно» (Бел.); «Руса бригадирка *командова девойките*» (Карасл.).

Сопоставление с дательным падежом, который также возможен при глаголе *командувам*—«Милуш *им командува*» (Йовк.),— наглядно подчеркивает различие этих падежей: дательный падеж употребляется для обозначения лица, которому адресована данная команда, винительным падежом обозначен объект управления. В русском языке им соответствуют дательный и творительный падежи.

4) Функция субъекта восприятия. Винительный субъекта находим в безличных и некоторых личных конструкциях с глаголами, обозначающими физические и психологические состояния субекта. При безличных глаголах: *втресва*, *мързи*, *досрамява*, *доядява*, *доболява*, *домързява*, *досърбява* и т. д. Например: «*Него го беше втресло*» (Ваз.); «*Досраме го* после откак го смъмрах» (Даск.).

При глаголах *боли*, *заболява*, *сърби* возможны безличные и личные конструкции. Например: «Но веднага *го заболя* — разбра, че се е ударил» (Л. Стоян.); «Тъй силно *го заболя* старият неизлечим *мазол*» (там же); «Никой не пита нейното скръбно сърдце, защо *я боли*» (Е.-П.); «Те не знаят, къде *ги сърби*» (Л. Стоян.). Здесь винительным падежом обозначен субъект данного физического или психологического состояния, лицо, воспринимающее, переживающее данные процессы.

То же значение имеет винительный падеж при сказуемых с безлично-предикативными словами — *грижа*, *грях*, *еня*, *смях*, *срам*, *страх*, *яд* в конструкциях типа *страх ме е*, *яд ме е* и т. п. Например: «Как не *я беше грях*, толкова съм им работила...» (Карасл.); «Но съм виновна, та *ме е срам*» (Е.-П.); «Те ти приказват така, защото *ги е яд*. Завиждат» (Карасл.); «—Ха да те водя на движение, какво си се сврела като калугерка тука!— затегли я той, без *да го е еня* много от майка ѝ» (Даск.). Предмет, к которому относится данное чувство субъекта, может быть обозначен с помощью конструкций с предлогами *за*, *на* и *от*. Например: «*За нищо* не бе ме яд, господа съдии, ама за тиквата» (Е.-П.); «Та нали затова се държаха, защото виждаха, че не го е еня *за Гюла* и децата...» (Л. Стоян.); «Никак не ме е грижа *за това*!» (Дим.); «Яд го беше *на самия него*» (Даск.); «Виждаш ли какво казва това? Не ме е грижа *от никого*!» (Ваз.); «Срам я беше *от баща ѝ*» (Даск.); «Не го беше страх нито *от кучета*, нито *от нищо*» (Карасл.); «Само като си помисля какви хора са те — досрамява ме, *от всичко* ме досрамява... И *от мене* си дори ме досрамява...» (Веж.).

Круг глаголов и безлично-предикативных слов, требующих винительного субъекта, ограничивается, в основном, перечисленными выше случаями. Таким образом, в отличие от дательного падежа, субъектное значение винительного связано со строго определенным, ограниченным кругом лексики.

Итак, винительный падеж может выполнять все субъектно-объектные функции дательного падежа: функцию воспринимающего объекта, объекта восприятия и отношения, а также функцию субъекта восприятия и отношения. Значение воспринимающего лица (объекта или субъекта) винительный падеж выражает лишь при условии отсутствия дательного

inslav

падежа. Значение объекта восприятия и отношения проявляется обычно в позиции противопоставления одному именительному падежу, за исключением таких редких случаев, как, например, при глаголе *вярвам*, при котором винительный и дательный падежи могут выступить в одной и той же функции объекта отношения. Дательным падежом обозначается при этом предмет одушевленный — источник сведений, а винительным — предмет неодушевленный — их содержание. Таким образом, в этом случае, как и в других, когда дательный и винительный падежи противопоставлены друг другу в одном контексте, они противопоставляются как падеж одушевленного и падеж неодушевленного объекта.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Именительный падеж в болгарском языке и его синтаксический эквивалент — общая падежная форма в роли подлежащего — может выражать все субъектно-объектные функции, свойственные дательному и винительному падежам, т. е. функции объекта действия (винительный падеж) и объекта восприятия, воспринимающего объекта и воспринимающего субъекта (винительный и дательный падежи). Кроме этого, именительный падеж имеет специфическую функцию, которой не имеют винительный и дательный падежи. Это функция субъекта действия.

Условия проявления различных функций именительного падежа следующие:

1. Функцию объекта действия именительный падеж выполняет в страдательных конструкциях, т. е. в позиции, где он не противопоставлен падежам винительному и дательному. Например: «В тяхната слаба светлина, *която се поглъщаше от околния мрак*, се мярнаха хора» (Е.-П.); «Когато *телците* се събереха и тръгнеха сред облак прах, *подкарани от телечаря*, Белчо се успоредваше с тях» (там же); «*Това*, че заедно бяха ходили на манастира и че Стойко и посред бял ден си отскачаше на гости като годеник, *се тълкуваше от жените* по вратници, на гости, в църквата, по кръщенки и гощавки, *расправяше се от мъжете* из кръчми и кафенета» (Карасл.).

2. При страдательных формах глаголов, обозначающих психологическое воздействие, объект действия будет вместе с тем и воспринимающим объектом. Например: «Той пя с чувство, *сам развълнуван от* напрегнатото *съдържание* на песента» (Карасл.); «*Те бяха удивени от смелостта* ѝ — да пее след такъв голям и прочут певец» (там же).

3. При страдательных формах от глаголов восприятия объект, обозначенный именительным падежом, будет выступать в функции объекта восприятия. Например: «Той спомня ни, че *ний* кога *сме забравени от целий свят*...» (Ваз.).

Таким образом, все объектные функции, которые выражаются при переходных глаголах винительным падежом, может иметь и именительный падеж в страдательных конструкциях при условии, если обозначен логический субъект данного действия. Логический субъект действия обозначается с помощью предлога *от*.

Значение объекта восприятия и отношения именительный падеж может иметь также в позиции противопоставления дательному падежу, которым обозначается в данном противопоставлении субъект восприятия. Например: «*Никому не е затрябвала тя*» (Карасл.); «*Той дотегна на всички*» (Е.-П.).

4. В функции воспринимающего субъекта именительный падеж обычно выступает в позиции противопоставления какому-нибудь одному падежу, винительному или дательному. Винительным и дательным падежами

inslav

обозначается при этом объект восприятия. При переходном глаголе объект восприятия обозначается винительным падежом. Например: «*Той виждаше* само *нея*, нея с черната шамия» (Карасл.); «Като *си я харесваш ти*, и *ние ще я харесаме*» (Е.-П.); «*Никой я не разбра*, никой я не утеши» (там же); «А *тях той ги смяташе* за много твърди» (Карасл.); «*Той я вижда тънка*, пъргава» (Е.-П.); «*Леля* си *той не помняше*» (Карасл.); «*Никого не познава*, *никой го не познава*» («Септ.»).

Именительный падеж может обозначать субъект восприятия при непереходном глаголе. В этом случае объект восприятия может обозначаться дательным падежом или конструкцией с предлогом *на*. Например: «*Никому не завиждаше тя*» (Дим.); «В очите ѝ грее оная неутомима жажда, която се забелязва у всеки човек, *който* обича работата си и никога *не може да ѝ се насити*» («Лит. фр.»); «*Тя се радваше на живота*» (Карасл.); «*Ние се възхищаваме на* вашите *подвизи*» (Ламбр.).

В случаях с невозвратными глаголами *завиждам*, *вярвам*, *простя* возможен и прямой объект. Например: «И *това* Тодор не можеше да *прости на брата* си — дето имаше един учен син» (Карасл.).

Здесь яснее чувствуется косвенная роль объекта, выраженного дательным падежом, так как наряду с ним есть и прямой объект.

Функцию субъекта восприятия и отношения именительный падеж может выполнять в позиции противопоставления предложным конструкциям. Объект восприятия, отношения и оценки может быть выражен конструкцией с предлогом *с*. Это мы находим при таких глаголах, как *запознавам*, *отнасям се*, *помиря се*, *свикна се*, *гордея се*, и некоторых др. Например: «Струва ми се, че *ти* прекалено твърдо и остро *се отнасяш с хората*» (Веж.); «До края на село *той посвикна с ритъма* на конския тръс» (там же); «*Юрталана* вървеше с зетя си и личеше, че *се гордее с него*» (Карасл.); «Аз мисля, че *ние трябва да се задоволим с това*» (Ламбр.).

При некоторых глаголах объект восприятия может быть обозначен конструкцией с предлогом *от*, например при глаголах *интересувам се*, *разбирам*, *срамувам се*, *страхувам се*, *боя се*, *отчайвам се*, *доволен съм*, *нуждавам се*: «Нищо от външния вид на поручик Манев не подсказваше, че *се е заинтересувал от думите* на командира си» (Веж.); «Не *всеки* си *е доволен от професията*» (там же); «*Това* е написано черно на бяло и *от коментарии не се нуждава*» («Раб. дело»).

Некоторые глаголы имеют параллельное управление — предлог *от* или дательный падеж. Это глаголы *страхувам се*, *боя се*, *наслаждавам се*, при которых объект восприятия может рассматриваться вместе с тем и как источник, породивший данное чувство. Например: «И *тя... страхуваше* се само *от* неговите родители» (Карасл.); «Сега может спокойно *да се наслаждаваме от* живота» («Септ.»); Ср. «за да може *той* спокойно *да се наслаждава на* вълшебните рулади на славеите» (Минк.); «Но *аз се побоях* тая минута *от* изпитателния му поглед» (Ваз.).

Есть и другие глаголы, характеризующие чувства и переживания субъекта, при которых значение предлога *от* как указателя на источник, причину осознается столь отчетливо, что дополнение приобретает обстоятельственный характер. Например: «Влизай в клинч! — продължи треньорът вече пооживено като сам *се опиваше от предположенията си*» (Веж.); «Отде да знаеш, *той от нищо не се срамува*» (там же); «...викаше Аго, без ни най-малко *да се стеснява от Василя*» (Йовк.); «Не бива *да се отчайвате от тях*» (Веж.); «Че *ти от нея ли ще се плашиш...?*» (Карасл.); «*Той не се вълнуваше* вече *от* тяхната *миризма*, нито *от* близкото им *присъствие*» (Е. Стан.)

При глаголах мысли и чувства возможно дополнение с предлогом *за*. Именительным падежом при этих глаголах также обозначается субъект

inslav

восприятия, например при глаголах *помня*, *зная*, *науча*, *досещам се*, *разбирам*, *мечтая*, *забравя*, *беспокоя се*, *милея*, *жадувам*, *грижа*, *интересувам се* и некоторых других: «*Тя знаеше за* любовата на Севда» (Карасл.); «Обятията на Стояница, *жадували* толкова години *за* топлото тяло на дете, се разтваряха с нежност» (Е.-П.); «*Те* си легнаха и *мислеха за* идния ден, пълен с такива големи и хубави надежди» (Карасл.); «*Вие сте чували за* Ленинградския фронт» (Веж.); «Чичо Митуш си имаше много работа и скоро *забравяше за* жълтото куче» (Йовк.); «В писмата си Величков не преставаше *да се интересува за* работите в отечеството си» (Ваз.).

Некоторые из этих глаголов имеют, как мы видели, параллельное управление винительным падежом. При глаголах *чувам*, *забравя*, *зная*, *помня* и других объект может быть выражен либо винительным падежом, либо конструкцией с предлогом *за*. Различия в оттенках значения определяются спецификой предлога *за*, который указывает на содержание данного восприятия (ср. его значение при глаголах речи).

5. Функция субъекта действия является специфической функцией именительного падежа в отличие от функции субъекта восприятия, которую может выполнять не только именительный, но также и другие падежи. Ср. приведенный выше пример: «Като си я *харесваш ти*, и *ние ще* я *харесаме*» (Е.-П.) и пример, где при том же глаголе субъект восприятия обозначен дательным падежом: «Той разправи как я видел днес на литията, как не я познал изведнъж и как *му харесала*» (там же).

Именительный субъекта активного действия предполагает обязательное наличие прямого объекта в случаях, когда глагол обозначает внешнее воздействие на объект. Например: «*Той отметна ямурлука* си и *покри добичето*» (Е.-П.); «*Тя отвори очите* си» (там же); «За него съм *я направил*, нова е» (там же).

Если же действие субъекта является психологическим воздействием на объект, последний может быть выражен не только винительным, но и дательным падежом. Например: «*Пиши му съветвай го* и ти» (Груб.).

При глаголах речи и других глаголах, предполагающих наличие адресата сообщения, выраженного косвенным объектом, возможен, кроме того, и прямой объект, обозначающий предмет восприятия адресата. Например: «Позволяваш ли ми само *нему да обадя* твоето *поверение*?» (Ваз.); «Аз *ще ви покажа* в Димитровград съветските *младежи*» (Вас.).

При глаголах речи возможно дополнение с предлогом *за*, раскрывающее содержание высказывания, адресат может быть обозначен при этом дательным или винительным падежом. Например: «Всички в селото *приказваха вече за Севда* и *за Стойка*» (Карасл.); «Той обеща да го следи и постоянно *да пита* учителите *за бележките* и *за* поведението му» (там же); «Той беше сигурен, че Стойко го е *излъгал за болестта*» (там же).

На содержание высказывания при глаголах речи может указывать и дополнение с предлогом *по*. Например: «Всички *говореха* високо, важно, все *по някакви работи* свършени и недосвършени» (Е.-П.).

В отличие от предлога *за* предлог *по* определяет предмет высказывания менее конкретно, указывая лишь на область, к которой относится высказывание. Например: «След като се здрависаха и размениха няколко думи *по тазгодишната ловитба*, онбашият взе карабината на игумена» (Ваз.).

Таким образом, при глаголах речи прямым или предложным дополнением обозначается предмет, который является одновременно объектом действия (для субъекта) и объектом восприятия (для воспринимающего объекта).

Предложными конструкциями может быть выражен объект действия и при других глаголах действия, не предполагающих наличия адресата. Это конструкция с предлогами *с*, *от*, *за* и *по*.

inslav

Объект действия выражается с помощью предлога *с* при следующих глаголах, обозначающих активные действия субъекта: *правя*, *разправя*, *постъпя*, *свърша*, *занимавам се*, *ползувам се*, *шегувам се*, *сдобия се* и некоторых др. Например: «*С офицерите* как да е, *ще се справиш* —продължи поручикът» (Веж.); «Обясняваше се кое беше му побъркало *да се разправи с вълчицата* с кривака» (Йовк.); «Ужасно много *бях зает* в последно време *с щабна работа*» (Веж.); «А какво *ще правите с арестувания*?» (там же); «Изглеждаше замислено, *заето с себе си*» (Йовк.); «Той беше един много особен вол и за туй чичо Митуш обичаше *да се шегува с него*» (там же); «Това кьосе... се казваше Марко и *се ползуваше с голяма известност* из околията» (Е.-П.); «Влайков е първият български писател белетрист, който *се залавя с описването* живота на нашето земеделско и работническо население» («Лит. фр.»); «Той *се занимава с политика*» (Груб.); «Вместо да вземе решителни мерки и *ликвидира с недостатъците* в работата си...» («Раб. дело»).

Объект действия выражается с помощью предлога *от* в следующих случаях:

а) при глаголах *ползувам се*, *възползувам се*; например: «*Възползувахте* ли *се* вие *от тях*?» (Хр. Бот.);

б) при глаголах *ям*, *хапна*, *взема*, *скубя*, *дърпа* и других, обозначающих действия, связанные с приемом пищи, объект действия (предметы еды и питья) может быть обозначен конструкцией с предлогом *от*. Эта конструкция указывает на неполный охват объекта действием, например: «Защо не закусвате... *Взимайте от халвата*» (Веж.) — 'возьмите халвы'; «Стоилка на два пъти яко си *смръкна от* Станчовата *ракия*» (Е.-П.)—'хлебнула... водки'; «Чичо Митуш дори *яде от гозбата* им» (Йовк.)— 'поел их угощения'; «Започна полека да се промъква до софрата и *да дърпа* като коте и *от* другите *ястия*» (Карасл.) — 'попробовать другие блюда'.

Объект действия может быть выражен конструкцией с предлогом *по*. Предлог *по* употребляется в тех случаях, когда предмет, обозначенный прямым объектом, выступает в качестве такового несколько раз в одном и том же количестве. Например: «Всички,... *да пием по чаша* за малкия Иванчо,— викаше Стоян» (Е.-П.); «*получава по едно кило* мамулено брашно на ден» (Йовк.); «Паню се водеше с разни нехранимайковци, а често *пущаше по някоя* тежка *приказка* и за чича си» (Карасл.).

Именительный субъекта при непереходных глаголах может не предполагать наличия какого-либо объекта. Такой именительный находим при глаголах, обозначающих движения субъекта, его состояния и положения, физиологические процессы, изменения в его состоянии и положении. См. примеры из сочинений Елина-Пелина: «*Тя се повали*...»; «*Той се спря*»; «*Той се промени*»; «*Те не ходеха* далече, не се завираха по горите»; «*Белчо пристъпи* еднаж, тя—два пъти»; «И *тя се наведе* с нежност над него»; «*Той въздъхна*, *наведе се*, *плюна и замълча*»; «Нека работят, *ти почивай*», «*Той се прибра* късно и цяла нощ не можа да спи»; «Ами *то спи*,— рече Пена»; «И *аз се уморих*».

Объект может отсутствовать и при глаголах, которые обозначают действия, предполагающие наличие прямого или косвенного объекта. Например: «*Той удари* няколко пъти» (Е.-П.); «*Той обикаляше* отсам — оттам...» (там же); «*Той* дълго *служил*» (там же); «*Аз* така *мисля*» (там же); «Кмете, *ти* защо *се смееш*?» (там же). В случаях безобъектного употребления прямопереходных или косвеннопереходных глаголов внимание сосредоточивается на самом совершении действия субъектом, а его конкретный объект в данном случае оказывается более или менее безразличным.

Таким образом, функция субъекта действия имеет более широкую сферу проявления, чем другие значения именительного падежа. Эта функция

inslav

может проявляться не только в позиции противопоставления двум другим падежам и предложным конструкциям, выражающим объектные отношения, но также в самостоятельном употреблении при глаголах, обозначающих действия, не переходящие на объект. В этой последней позиции другие функции именительного падежа проявиться не могут. Так, например, значение объекта действия именительный падеж имеет при страдательных формах лишь в том случае, если наличествует логический субъект, обозначенный конструкцией с предлогом *от*. В противном случае значение объекта утрачивается и предмет, обозначенный именительным падежом, выступает как субъект действия или состояния.

Точно также значение объекта восприятия, проявляющееся в позиции противопоставления дательному воспринимающего субъекта, исчезнет, если убрать из контекста дательный падеж. Например: «*Мене ми* се счуваше тук глъчка» (Друм.); ср. «чуваше се. . . глъчка».

Наконец, значение субъекта восприятия предполагает обязательное наличие в контексте объекта восприятия, правда, этот объект может быть выражен не только существительным (именем или местоимением), например: «Аз и до днес още *не мога да разбера нейното значение*» (Хр. Бот.), но также дополнительным придаточным предложением или глагольным дополнением, например: «Евстати *разбира*, *че* нему се смеят» (Гул.); «*Вие искахте да си вземете* ранениче, булка Стоянице, ето го на крака ти е доведено...» (Е.-П.).

Если глаголы восприятия употреблены без объекта, именительный падеж утрачивает значение воспринимающего субъекта. Ср. например, предложения *той виждаше само нея* и *той виждаше*.

Выступая без объекта, глагол характеризует определенные свойства субъекта, его способность производить данные действия. Это может быть также и конкретное проявление действия, например: «Кмете, *ти* защо *се смееш*?» (Е.-П.), но без наличия объекта восприятия оно будет характеризовать данный субъект только как субъект действующий, но не как субъект воспринимающий.

Итак, все функции именительного падежа, за исключением функции субъекта действия, являются функциями, проявляющимися в строго определенных условиях контекста, лишь по отношению к определенным, противопоставленным ему в данном контексте другим падежам или иным синтаксическим конструкциям. Наоборот, значение субъекта действия присутствует везде, доминируя над всеми другими значениями, и выступает в своем чистом виде всякий раз, как только нарушаются условия проявления этих относительных (комбинаторных) значений.

Среди относительных значений именительного падежа выделяется группа значений, формально противопоставленная всем остальным: это значение объекта в страдательных конструкциях. Значения объекта действия, объекта восприятия и воспринимающего объекта, выражаемые именительным падежом в страдательных конструкциях, непосредственно соотносятся с теми же объектными значениями винительного падежа. Значение объекта действия является более широким, обнимающим все другие объектные значения. Если значение воспринимающего объекта не может быть формально отграничено от значения объекта действия ни в винительном, ни в именительном падежах, то значение объекта восприятия и отношения в именительном падеже может быть выражено независимо от значения объекта действия. Это значение проявляется в противопоставлении с дательным субъекта. Например: «*Тези хора му се харесват*».

В этих конструкциях предмет, обозначенный именительным падежом, не является объектом активной деятельности другого предмета, как это было в страдательных конструкциях, потому что дательный субъекта

inslav

не выражает значения активно действующего субъекта. Он обозначает субъект пассивный, отношения и эмоции которого, обозначенные глаголом, вызываются кем-то или чем-то независимо от его воли. Не случайно дательный субъекта не всегда требует глагола, дательным падежом может быть обозначен субъект в приименных конструкциях и даже просто лицо, с точки зрения которого или в отношении которого дается оценка воспринимаемого предмета. Например: «*Моята картина ще ви бъде достъпна*» (Вас.). Таким образом, пассивно можно только воспринимать, активно — воспринимать и действовать.

Именительный и дательный падежи могут находиться и в обратном соотношении, т. е. именительный может обозначать субъект восприятия и отношения, а дательный — объект, т. е. предмет, отношение к которому выражено глаголом. Например: *Аз му се любувам. Аз му се сърдя.*

Обозначение объекта восприятия и отношения дательным падежом переводит его на периферию высказывания.

СИСТЕМА ПАДЕЖЕЙ БОЛГАРСКОГО МЕСТОИМЕНИЯ

При исследовании системы падежей мы исходим из теоретических положений работы Р. Якобсона «Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre», которая представляет собой одну из первых попыток применения структурного анализа к категории падежа. Традиционное языкознание ограничивалось проведением семантического анализа, посредством которого определялись частные значения падежей, проявляющиеся в контексте. Отсутствовали критерии определения иерархии значений. В лучшем случае это были этимологические критерии. Не изучались падежи в системе, в их взаимных соотношениях. Р. Якобсон создал первое опирающееся на определенную теорию описание системы русских падежей как определенной морфологической системы.

Выступая против ученых, которые отрицали наличие у грамматической формы общего значения (например, Потебня, который считал, что в каждом случае употребления мы имеем дело с новым падежом, омонимичным другим падежам; или Марти, по мнению которого падеж является носителем целого пучка различных значений), Якобсон считает, что вопрос об общем значении составляет основу учения о грамматической системе языка.

Определение общего значения падежа должно, по мнению Якобсона, охватывать все случаи его употребления. С этой точки зрения, например, оказывается неудовлетворительным традиционное определение именительного падежа как падежа, обозначающего субъект действия, так как в страдательных конструкциях именительным падежом обозначается объект действия.

Общее значение падежа не может быть выведено путем обобщения его частных значений. Оно может быть установлено посредством определения корреляций, в которых находится данный падеж с другими падежами. У Якобсона общее значение падежа представляет собой формулу его соотношений с коррелятивными падежами, определение его сходства и различия с каждым из них в отношении выражаемых им падежных признаков.

В докладе на IV Международном съезде славистов (Москва, 1958) Р. Якобсон подтверждает свою прежнюю точку зрения по вопросу об общем значении падежа. Он пишет: «В отношении к прочим падежам той же системы склонения каждый падеж характеризуется своим инвариантным

inslav

общим значением»[13], которое может быть определено посредством морфологического анализа. «Вслед за регистрацией комбинаторных (синтаксически или лексически обусловленных) значений каждого падежа, должна быть произведена дальнейшая операция — морфологический анализ падежных значений, который открывает лежащую в их основании систему минимальных единиц грамматической информации, т. е. падежных признаков, и по общности признака объединяет падежи в классы»[14].

Отношение между дательным, винительным и именительным падежами Якобсон определяет посредством двух корреляций: корреляции отношения к действию (Bezugskorrelation) и корреляции положения (Stellungskorrelation).

В корреляции отношения к действию винительный и дательный падежи являются маркированными, выражающими определенный признак. Они всегда обозначают предмет, который должен подвергнуться действию, т. е. являются носителями признака направленности.

Именительный падеж выступает как немаркированный член корреляции, он может обозначать как объект, так и субъект действия.

В корреляции положения маркированным падежом является дательный. Он обозначает периферийное положение предмета по отношению к действию. Немаркированными падежами являются винительный и именительный.

Видя цель морфологического анализа в определении соотношений между падежами, которое достигается путем установления падежных корреляций, Р. Якобсон не уделяет достаточного внимания разграничению семантического и морфологического планов. Это проявляется в том, что он оперирует то корреляциями падежных признаков (морфологические корреляции), то корреляциями падежных значений (семантические корреляции), не замечая принципиального различия между ними.

Корреляцией значений является первая корреляция винительного — именительного падежей, корреляция отношения к действию, на основании которой Р. Якобсон определяет главное и специфическое значения именительного падежа.

Эти понятия оказываются необходимыми для характеристики значений немаркированных членов корреляции, которые в противоположность коррелятивному падежу, выражающему какой-то один определенный признак, не являются носителями одного значения, а могут выражать по крайней мере два: одно — совпадающее с коррелятивным признаком (α), другое — отличное от него (не-α).

Значение или ряд значений не-α и являются, по Якобсону, специфическими значениями падежа, т. е. специфическим значением падежа, не содержащего признак, является обозначение отсутствия признака. «Если общее значение именительного в противоположность винительному не объявляет, был ли обозначенный предмет подвергнут какому-либо действию (отсутствие сигнализации об α), то специфическое значение этого падежа указывает, что свидетельство о подобном действии отсутствует (сигнализация о не-α)...

Напротив, в случаях, когда контекст показывает, что предмет, обозначенный именительным падежом, подвергается действию (сигнализация о признаке α), это будет комбинаторное значение именительного падежа,

---

[13] Р. О. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм). «American Contributions to the fourth international congress of slavicists Moskow», September, 1958, стр. 3.

[14] Там же, стр. 8.

inslav

которое оценивается как несобственное значение именительного падежа, совпадающее с винительным»[15].

Таким образом, те значения немаркированного падежа, которые не совпадают с коррелятивным признаком, являются специфическими значениями этого падежа. Для именительного падежа это будут все значения за исключением значения объекта действия. Но одно из этих значений будет главным. «Специфическое значение именительного падежа, которое прямо противопоставлено значению коррелятивного падежа, в данном случае — значение действующего субъекта, или, еще точнее, субъекта переходного действия, является главным значением именительного падежа. В этом значении другой падеж, кроме именительного, невозможен. Можно, например, сказать «детей пришло!», «никого не было!», но можно только сказать «дети собирали ягоды», «никто не пел» и нельзя — «детей собирало ягоды», «никого не пело» [16].

Таким образом, главное значение падежа определяется в контексте.

Якобсон не приводит семантических корреляций других падежей, между тем именно этот тип корреляций является основой структурного анализа, так как представляет собой определенный способ регистрации и сопоставления семантических значений и функций различных падежей.

Вторая корреляция (корреляция положения) представлена у Якобсона как корреляция признаков: дательный падеж обозначает периферийное положение предмета по отношению к действию, именительный и винительный выступают по отношению к данному признаку как немаркированные падежи.

Если в первой корреляции признаки α и не-α могли рассматриваться как значения немаркированного падежа, проявляющиеся в контексте (α— комбинаторное значение объекта действия, не-α —специфическое значение субъекта действия), то во второй корреляции признаки α (периферийность) и не-α (непериферийность) не представляют собой комбинаторного и специфического значений, проявляющихся в контексте, так как в контексте может быть представлен не просто признак периферийности, а периферийный субъект или объект.

Отождествление семантических и морфологических корреляций нарушает последовательность анализа, приводит к ошибочным определениям и выводам. Это касается решения вопроса о главном значении падежа, определения падежного признака в первой корреляции и, наконец, ставит под сомнение основной вывод исследования о делении падежей в отношении к падежным признакам на маркированные и немаркированные.

Непоследовательность концепции Якобсона мы видим в том, что специфическое и главное значения определяются только для немаркированных падежей, следовательно предполагается, что для маркированного падежа это неважно. Это было бы действительно так, если бы речь шла о коррелятивных признаках (маркированный падеж имеет один признак, немаркированный — не один, следовательно для него надо определить главный.)

Между тем вводимый Якобсоном критерий контекста свидетельствует о том, что специфические и главное значения это не что иное, как частные значения падежа. А если это так, то для маркированного падежа они тоже должны быть определены, поскольку и он имеет ряд частных значений, из которых может быть выделено главное, отвечающее тем же требованиям, что и главное значение немаркированного падежа. Так, например, дательный падеж в позиции противопоставления коррелятивным падежам тоже

---

[15] R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre стр. 252, 253.
[16] Там же, стр. 253.

inslav

может выступать не во всех своих значениях, а только в одном определенном значении, которое и будет главным значением дательного падежа.

Падежный признак направленности, хотя и выведен строго логически из первой объектно-субъектной корреляции, не может быть признан дифференциальным признаком, разграничивающим винительный (дательный) и именительный падежи: не только потому, что он не объясняет субъектных функций винительного и дательного падежей («меня тошнит» «мне нравится эта картина», где никакой направленности действия на предмет нет), но также потому,что не объясняет ограниченности функций этих падежей, их «неспособности» выражать значение активно действующего предмета, так как наличие направленности действия на предмет само по себе не исключает активности этого предмета.

Следовательно, отношения, наблюдаемые в семантических корреляциях, не могут быть непосредственно отнесены к морфологическому плану. В связи с этим возникает вопрос, будет ли падеж, занимающий в семантических корреляциях место немаркированного члена, беспризнаковым падежом и с морфологической точки зрения.

Все эти, и некоторые другие вопросы, в нашем исследовании решаются иначе, чем в работе Р. Якобсона.

1. Корреляции болгарских падежей

Соотносительный объем значений приглагольных болгарских падежей может быть представлен следующей схемой:

1. Воспринимающий объект	дат.	вин.	им.
2. Объект отношения и восприятия			
3. Субъект отношения и восприятия			
4. Объект действия			
5. Субъект действия			

Данная схема показывает, что соотношения болгарских падежей подчинены той же общей закономерности, что и соотношения падежей в русском языке, раскрытые в работе Р. Якобсона: падежи находятся в так называемых коррелятивных отношениях друг с другом, т. е. падежи, обладающие более широким кругом значений, могут вместе с тем выражать все функции, свойственные падежам с более узким кругом значений.

Дательный падеж, обладающий наиболее узким кругом функций, естественно, может занять в корреляциях приглагольных падежей только место маркированного члена, по отношению к которому винительный и именительный падежи будут выступать как падежи немаркированные. Именительный падеж, наоборот, может быть в корреляциях только немаркированным членом как по отношению к дательному, так и по отношению к винительному падежу. Таким образом, создаются четыре корреляции: две корреляции объекта, одна корреляция субъекта и одна корреляция действия. Свое название корреляция получает по тому признаку, который служит ее основой, т. е. является общим у всех ее членов. Коррелируется при этом второй признак, который определяет различие функций, поскольку каждая функция характеризуется, как мы видим, комбинацией двух признаков: признака, определяющего роль предмета в совершаемом действии (субъект или объект), и признака, определяющего характер самого действия, в котором участвует данный предмет (восприятие или действие). Три из этих четырех признаков (субъект, объект и действие) являются основами корреляций. Признак восприятия не выступает как основа кор-

inslav

реляции, так как и субъект и объект восприятия могут быть выражены всеми падежами, т. е. на основе данного признака падежи не представляют различий.

Корреляции объекта

1. Дат. — воспринимающий объект Вин. { воспринимающий объект / Им. { объект действия

2. Дат. — объект отношения и восприятия Вин. { объект отношения и восприятия / Им. { объект действия

В этих корреляциях представлены различия падежей в сфере выражения объекта.

В первой корреляции различие в характере объекта связано с его различным отношением к действию, причем это действие может быть одним и тем же, например: *Аз му го давам*,— где винительный падеж обозначает предмет, который подвергается действию, а дательный — предмет, воспринимающий это действие. Корреляция дательного — винительного падежа — это корреляция совместимых функций, т. е. функций, которые свойственны этим падежам при одном и том же глаголе. И винительный и дательный падежи выступают здесь в своих главных функциях, проявляющихся в позиции максимального противопоставления падежей. Именительный падеж в данной корреляции представлен своими комбинаторными, относительными функциями.

Во второй корреляции различие в характере объекта связано с различием в характере действия. Это корреляция несовместимых функций, которые проявляются при разных глаголах и невозможны вместе при одном глаголе. Такой же характер имеет третья корреляция.

3. Корреляция субъекта

Дат. } субъект восприятия и отношения Вин. } Им. { субъект восприятия и отношения / субъект действия

Это также корреляция несовместимых функций, корреляция, в которой различие в значении субъекта связано с различием действия.

В отличие от предыдущих корреляций здесь в качестве маркированных выступают два падежа — дательный и винительный, а именительный падеж как падеж немаркированный, выражая признак, противоположный коррелятивному, выступает в своем специфическом значении.

Четвертая корреляция — корреляция действия — характеризуется тем, что в ней не участвует дательный падеж.

4. Корреляция действия

Вин. — объект действия Им. { объект действия / субъект действия

Эта корреляция имеет черту, общую с первой: она является корреляцией совместимых функций, т. е. коррелятивная функция винительного падежа (объект действия) и функция именительного, противоположная коррелятивной (субъект действия), могут проявляться вместе при одном и том же глаголе.

Четвертая корреляция дополняет две первые, раскрывая соотношение между немаркированными членами первых двух корреляций и показывая, что значение субъекта действия для именительного падежа является главным значением.

inslav

Значение данных формул корреляций заключается в том, что члены этих формул обладают определенными, постоянными свойствами, благодаря чему эти корреляции являются формулами, отражающими суть падежных соотношений.

Главной функцией падежа является та из его функций, которая проявляется в позиции максимального противопоставления падежей. Это не значит, что главная функция не может проявляться в других позициях. Наше понимание главной функции несколько отличается от понимания главного значения падежа у Р. Якобсона. Нам кажется неправомерным ограничивать проявление главного значения только позицией максимального противопоставления падежей, или, по Якобсону, противопоставлением коррелятивному падежу, т. е. считать, например, главным значением именительного падежа не значение субъекта действия вообще, а только значение субъекта переходного действия.

Главную функцию падежа можно определить по формуле корреляций. Для немаркированных падежей это будет функция, занимающая место признака, противопоставленного коррелятивному. Это наблюдение Якобсона требует следующего дополнения. Если в роли немаркированного члена корреляции выступают одновременно два падежа, то функция противопоставленная коррелятивной, является главной функцией только одного из этих падежей, какого именно — определяется дополнительной корреляцией между этими падежами.

Так, в первой и второй корреляциях в роли немаркированного члена выступают два падежа — именительный и винительный, но совершенно очевидно, что одна и та же функция объекта действия не может одновременно являться главной функцией двух падежей. Отношения между этими падежами уточняются корреляцией действия, в которой третий падеж не участвует и которая показывает, что функция объекта действия не является главной функцией именительного падежа, так как занимает в данной корреляции место признака, совпадающего с коррелятивным. Для именительного падежа главной является функция субъекта действия, которая занимает место признака, противопоставленного коррелятивному в третьей и четвертой корреляциях.

В отличие от Якобсона мы определяем главное значение не только для падежей немаркированных, но также и для маркированных. Если падеж выступает в корреляциях лишь в качестве маркированного члена и имеет несколько коррелятивных функций, главной будет среди них та, которая входит в корреляцию совместимых функций.

Так, из трех коррелятивных функций дательного падежа только одна — функция воспринимающего объекта — выступает в корреляции совместимых функций. Это единственная функция дательного падежа, возможная при глаголах действия; она и является главной функцией дательного падежа.

Главная функция винительного падежа, которую мы определяли по корреляции объекта, где она выступает как функция, противопоставленная коррелятивной, является вместе с тем коррелятивной функцией винительного падежа в корреляции совместимых функций (корреляции действия).

Таким образом, главной функцией немаркированных падежей является функция, противопоставленная коррелятивной; главной функцией маркированных падежей — коррелятивная функция в корреляциях совместимых значений.

Итак, главной функцией дательного падежа является функция воспринимающего объекта, винительного — функция объекта действия, именительного — функция субъекта действия.

inslav

В позиции максимального противопоставления, когда все три падежа употреблены при одном и том же глаголе, они могут выступать только в своих главных функциях.

По формулам корреляций можно сделать некоторые заключения об условиях проявления отдельных падежных функций.

Падежи в совпадающих функциях, как правило, являются несовместимыми, т. е. два падежа, выступающие в коррелятивной функции (например, винительный и дательный субъекта восприятия), в функции противопоставленной коррелятивной (именительный и винительный объекта действия) и совпадающей с коррелятивной (например, дательный и винительный воспринимающего объекта), не могут быть употреблены одновременно при одном и том же глаголе. Нами отмечено лишь одно исключение из этого правила: винительный и дательный объекта отношения при глаголе *вярвам*. Падежи во взаимно противопоставленных функциях являются несовместимыми в корреляциях несовместимых значений (вторая и третья корреляции) и совместимыми в корреляциях совместимых значений (первая и четвертая корреляции).

2. Различия в совпадающих функциях падежей

К установлению различий в совпадающих функциях падежей можно подойти путем анализа так называемых обратных корреляций — корреляций выражения.

Так, например, корреляции объекта имеют обратную корреляцию выражения:

Объект действия — им., вин.	Воспринимающий объект, объект восприятия	им., вин. / дат.

т. е. объект действия может быть выражен только именительным или винительным падежами, а объект восприятия не только именительным, винительным, но также и дательным падежом. Объект действия, предполагает обязательную тесную связь предмета с действием, столь тесную, что без наличия объекта данное действие вообще не может быть осуществлено. Объект восприятия и воспринимающий объект находятся в других отношениях к действию. Действие восприятия не предполагает обязательной тесной связи с объектом, так как это действие может осуществляться и без воздействия на предмет.

Объект действия не может быть обозначен дательным падежом, видимо, потому, что этот падеж не обозначает тесной связи предмета с действием, а объект действия иной связи иметь не может.

Объект восприятия и воспринимающий объект могут находиться в двояком отношении к действию. Этим обусловлена возможность выражения этих объектов не только дательным падежом, не обозначающим тесной связи предмета с действием, но также винительным и именительным, которые представляют этот объект как объект, тесно связанный с действием, подвергающийся действию.

Так, например, воспринимающий объект, обозначенный винительным падежом, предполагает бóльшую силу психологического воздействия субъекта, чем тот же объект, обозначенный дательным падежом и являющийся в известной мере факультативным. Ср., например, *говоря му* и *уговорям*, *убеждавам го*. Действие, выраженное глаголом *говоря*, хотя и предполагает наличие слушателей, но не содержит элемента преднамеренности дей-

inslav

ствия, расчета на определенную реакцию объекта, что мы наблюдаем в переходных глаголах *уговорям*, *убеждавам*.

Таким образом, воспринимающий объект, выраженный винительным падежом, есть воспринимающий объект, представленный как объект действия или поставленный в положение объекта действия.

Корреляция субъекта дает следующую корреляцию выражения:

Субъект действия — им. Субъект восприятия { им. / дат., вин.

Субъект действия может быть выражен только именительным падежом, субъект восприятия (отношения, состояния) — не только именительным, но также дательным и винительным падежами.

Глаголы восприятия, отношения не предполагают обязательной активности субъекта, так как нахождение в каком-то состоянии, восприятие и отношение к окружающему может определяться независимо от активной деятельности субъекта, в то время как действие обязательно предполагает его активность. Дательный падеж, как и винительный, не может обозначать активно действующего предмета. В этом их отличие от именительного падежа.

Субъект восприятия и отношения предполагает возможность активного и пассивного отношения к действию, в зависимости от этого обозначается или именительным, или дательным — винительным падежами.

Корреляция действия дает следующую корреляцию выражения:

Субъект действия — им. Объект действия — { им., / вин.

Если значение объекта не предполагает активности предмета, то роль субъекта действия обязательно является активной. Винительный падеж не может выполнять функцию субъекта действия, очевидно, потому, что не может обозначать активно действующий предмет. Это определяет винительный падеж как падеж пассивного предмета.

Объект действия, обозначенный именительным падежом, есть объект, поставленный в положение субъекта действия, т. е. в положение активного предмета. Действительно, пассивным объектом делает его лишь наличие логического субъекта: *дом строится рабочими*. Если же логический субъект опущен (*дом строится*), предмет, обозначенный именительным падежом, начинает выступать как активно действующий предмет, хотя продолжает оставаться одновременно и объектом действия.

Различия совпадающих падежных значений определяются, таким образом, тем, что немаркированный падеж, выражая значение, совпадающее с коррелятивным, не просто повторяет данное значение, но осложняет его своим основным значением.

3. Общее значение падежа

1. Проведенное исследование показало, что, несмотря на все своеобразие, падежи болгарского местоимения образуют в современном литературном языке стройную морфологическую систему, каждый член которой находится в строго закономерных соотношениях с другими ее членами. Эти соотношения определяют морфологическое, или общее, значение каждого падежа, которое не зависит от контекста и определяет возможности употребления, функции и частные значения падежей.

inslav

Общее значение болгарских падежей определяется наличием двух пар дифференциальных признаков, характеризующих: а) пассивное или активное участие предмета в действии; б) отсутствие или наличие тесной связи предмета с действием.

В каждой паре дифференциальных признаков первый ограничивает функциональные возможности падежа, в то время как второй, определяя возможность новых падежных функций, не исключает функций падежа, обладающего противоположным признаком. Это создает коррелятивные отношения между падежами.

2. Общее значение дательного падежа определяется тем, что он обозначает предмет пассивный и не имеющий тесной связи с действием. Оба эти признака являются ограничительными: в силу признака пассивности дательный падеж не может выступать в функции субъекта действия, так как эта функция предполагает обязательную активность предмета; из-за отсутствия тесной связи с действием дательный падеж не может выполнять функцию объекта действия, так как объектом действия является предмет, который тесно связан с действием. При глаголах действия дательный падеж выступает в функции воспринимающего объекта, выражая частные значения адресата, заинтересованного лица или предназначения. При так называемых безличных формах глаголов действия на *се* (например: *не ми се работи*) дательный падеж выступает в функции субъекта восприятия и отношения. При глаголах восприятия, отношения, состояния дательный падеж может выступать и в функции объекта (*аз му се сърдя* — объект восприятия и отношения) и в функции субъекта (*този човек не ми се харесва* — субъект восприятия и отношения).

Приименное употребление дательного падежа в определительной функции обусловлено общим значением дательного падежа — падежа пассивного предмета, не имеющего тесной связи с действием, падежа, который в приглагольном употреблении служит главным образом для обозначения предмета, связанного с другими предметами не действиями, а отношениями. В приименном употреблении дательный падеж выражает отношения принадлежности, обозначая притяжателя.

Дательным падежом при существительных, обозначающих действия, может быть выражен не только объект, но и субъект. Однако дательный падеж представляет его не действующим субъектом, а лицом, которому принадлежит, к которому относится данное действие, выраженное именем существительным. То же самое можно сказать и о дательном объекта.

И в том и в другом случае дательный падеж указывает только на отношение принадлежности.

В приглагольном употреблении дательного падежа отношения принадлежности связывают косвенный и прямой объект, когда дательный падеж выступает в значении адресата причинения при переходных глаголах (*Пена целуна ръка на старите*); те же отношения связывают объект и субъект действия в конструкциях со значением дательного заинтересованного лица (*и на мене ми умря една телица*). Таким образом, выражение отношений принадлежности является органической функцией дательного падежа, и нет никаких оснований искусственно отрывать определительную функцию от прочих функций дательного падежа.

3. Общее значение винительного падежа определяется тем, что он обозначает предмет пассивный и тесно связанный с действием. Обладая признаком пассивности, винительный падеж, как и дательный, не может выступать в функции субъекта действия, предполагающей обязательную активность предмета, однако им может быть выражен субъект восприятия и отношения (или состояния), так как эта функция не предполагает обязательной активности предмета. Второй дифференциальный признак вини-

inslav

тельного падежа — наличие тесной связи с действием — не является ограничительным, так как позволяет винительному падежу выступать не только в функции объекта действия, предполагающей обязательное наличие тесной связи с действием, но также в функциях воспринимающего объекта и объекта восприятия и отношения, которые предполагают возможность как косвенной, так и тесной связи с действием.

Различия в значениях винительного и дательного падежей, выступающих в одной функции, обусловлены их различиями во втором дифференциальном признаке.

Значение пассивного предмета, тесно связанного с действием, предполагает обязательную зависимость от действия, поэтому винительный падеж в приименном употреблении встречается редко, только в сочетании с отглагольными существительными на *-не* и *-ние*, при которых он выступает в той же функции объекта.

4. Именительный падеж не обладает ни одним из ограничительных признаков, и потому его функциональные возможности являются максимально широкими. Он обозначает предмет активный и тесно связанный с действием, т. е. отличается от обоих падежей в отношении первого дифференциального признака и тождествен с винительным падежом в отношении второго.

Признак активности не является ограничительным признаком. Он обусловливает возможность выполнения функции субъекта действия, но не исключает также и функции субъекта восприятия и отношения, так как «воспринимать» и «относиться» можно не только пассивно, но и активно. Признак активности не исключает возможности выполнения объектных функций, поскольку эти функции обусловлены деятельностью другого предмета, которая равным образом может быть направлена как на пассивный, так и на активный предмет. Классической иллюстрацией этого может служить именительный падеж при возвратных или взаимных глаголах, выступающий одновременно в функции субъекта и в функции объекта действия.

5. Если функции и частные значения падежа характеризуют план реальных отношений, выражаемых с помощью падежей (семантический план), то дифференциальные признаки и определяемое посредством их комбинации морфологическое значение падежа характеризуют план грамматических отношений. Признак активного отношения к действию, присущий именительному падежу, находит свое грамматическое выражение в грамматической независимости этого падежа от глагола. И в страдательной конструкции, выполняя функцию объекта, именительный падеж представляет данное слово как грамматически независимое от глагола, управляющее глаголом. Оно выступает как объект только в семантическом, но не в грамматическом плане. Этим объясняется неустойчивость и строгая обусловленность контекстом объектной функции именительного падежа: она проявляется лишь при наличии логического субъекта, обозначенного обычно одушевленным существительным. Объект восприятия и воспринимающий объект в плане реальных отношений не находятся в тесной связи с действием, так как действие физически может данный объект не затрагивать, но выраженный винительным падежом данный объект грамматически оказывается представленным как объект действия. Таким образом, коррелятивные признаки, с помощью которых характеризуются функции, отражают план реальности, в то время как дифференциальные признаки характеризуют план грамматического представления.

В некоторых областях морфологии, например, в разграничении частей речи, план грамматического представления давно нашел свое законное место. Так, например, ни у кого не вызывает сомнений, что в слове

inslav

«белизна», обозначающем признак, или в слове «бег», обозначающем действие, грамматически эти признак и действие представлены как предметы. Так же четко план грамматического представления должен быть отграничен от плана семантики и в области свойств и отношений, выражаемых грамматическими категориями.

Морфологическое значение падежа характеризует план грамматического представления, который остается постоянным, в отличие от плана грамматической семантики, т. е. тех синтаксически и лексически обусловленных значений, в которых неограничительный морфологический признак может иногда нейтрализоваться.

Поскольку нейтрализация неограничительных признаков относится только к плану грамматической семантики и не затрагивает план грамматического представления, мы не считаем возможным рассматривать падежи, обладающие нейтрализующимися признаками, как беспризнаковые падежи. В этом мы видим принципиальное отличие нашего понимания общего значения падежа от понимания Р. Якобсона, вытекающее из различного подхода к вопросу разграничения семантического и морфологического планов.

ПРЕДЛОГИ

Мы установили, что в болгарском языке сфера падежных отношений охватывает сравнительно узкий круг субъектно-объектных отношений. Задача второй части работы — рассмотреть основные типы предложных сочетаний, с помощью которых выражаются другие виды отвлеченных отношений. Нами будут исследованы не все предлоги, а лишь некоторые, наиболее многозначные, выражающие абстрактные значения, именно предлоги *от*, *на*, *с*, *за*.

В болгарском языке предлоги и падежи не вступают в смысловое взаимодействие в пределах одного словосочетания. В предложном сочетании всю полноту грамматического значения выражает предлог. Поэтому одна из основных проблем славянской предложно-падежной системы — проблема взаимодействия падежей и предлогов — в грамматике современного болгарского языка отсутствует. Вместо этого встает проблема синтаксических эквивалентов и предложно-падежной синонимики, которая частично выше была нами рассмотрена. Другим важным вопросом является вопрос о предложном выражении отвлеченных и грамматических отношений. Вопрос грамматикализации предлогов для языков аналитического строя имеет первостепенное значение, так как процесс грамматикализации предлогов в этих языках пошел дальше, нежели в языках с развитой падежной системой. «...Степень формальности, отвлеченности и лексической весомости разных предлогов различна, хотя, в общем, значения предлогов в русском языке гораздо конкретнее, чем, например, во французском»,— пишет В. В. Виноградов [17].

Оценка предлога как определенного грамматического средства, т. е. с точки зрения «степени его формальности» и «лексической весомости», является трудной задачей вследствие неопределенности критериев.

Мы делаем попытку рассмотреть этот вопрос в нашей работе, исходя из понимания предлогов как лексико-грамматического класса слов. Предлоги относятся к лексике, поскольку являются словами, обладаю-

---

[17] В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 677.

inslav

щими индивидуальным, лексическим значением, в основе которого лежит определенное представление о взаимном расположении предметов в пространстве.

Лексическое значение предлога является как бы внутренней формой, обусловливающей употребление данного предлога для выражения более сложных, отвлеченных понятий, содержание которых относится к сфере грамматики, так как это понятия об отношениях между предметами, действиями и признаками, которые выражаются связями слов. Эти отношения в языке не существуют отвлеченно от их носителей в отличие, например, от признаков предметов, выражаемых прилагательными, или действий предметов, выражаемых глаголами, — абстракций, которые представлены в языке как самостоятельно существующие.

Частные значения предлогов, как и частные значения падежей, проявляются лишь в контексте словосочетаний и зависят от значения сочетающихся слов. Различие падежей и предлогов как грамматических и лексических единиц состоит в различии семантических центров, определяющих возможности употребления и частных значений падежа и предлога. Общее значение падежа как грамматической единицы определяется системой падежей данного языка, т. е. факторами, лежащими вне отдельного падежа. Семантическим центром, определяющим употребление предлога как лексической единицы, является его собственное, лексическое значение, т. е. этот управляющий центр находится внутри, а не вне данной лексической единицы. Поэтому выбор предлога может быть мотивированным, сознательным, так как возможности употребления предлога подсказываются его собственным значением, в то время как выбор грамматической формы определяется моделью конструкции и обычно совершается говорящим бессознательно.

Мы говорили о собственном значении предлога как внутренней форме его отвлеченных значений. Своеобразие этой внутренней формы состоит в том, что в отличие от других слов, где внутренняя форма с приобретением словом нового значения может быть забыта, в предлогах она играет более существенную роль. Забвение внутренней формы возможно и здесь, но в таком случае происходит утрата предлогом лексического значения и превращение его в чисто формальный элемент, его грамматикализация, так как употребление предлога теряет внутреннюю мотивировку и начинает определяться моделью конструкции. Единство частных значений предлога как значений определенной лексической единицы обусловлено ощущением внутренней формы, связывающей эти значения. Иногда грамматикализация наблюдается и при сохранении связи отвлеченного значения предлога с его собственным значением. Это происходит в тех случаях, когда выбор предлога перестает мотивироваться его лексическим значением, когда употребление его становится единственно возможным и обязательным в данной грамматической конструкции, например употребление предлога *от* в страдательных конструкциях для обозначения логического субъекта действия.

Связь с внутренней формой важна как мотивировка употребления предлога для выражения данного отношения. Если выбор предлога перестает мотивироваться его собственным лексическим значением, предлог перестает осознаваться как лексическая единица, превращается в грамматический элемент, употребление которого в данном словосочетании определяется моделью конструкции. Исследование путей и типов грамматикализации предлогов, поскольку это может быть прослежено на материале современного языка, является одной из главных задач данной работы.

Задачи исследования могут быть определены следующим образом.

inslav

Описать значения предложных словосочетаний и исследовать эти словосочетания с точки зрения роли всех компонентов в определении данного значения, т. е. с точки зрения роли предлога и роли сочетающихся слов.

Выявление лексических и грамматических особенностей сочетающихся слов (главного и подчиненного компонентов словосочетания) будет определением конкретных условий образования тех или иных смысловых отношений, выражаемых предлогом, т. е. исследованием употребления.

Значения анализируемых словосочетаний будут рассмотрены с точки зрения оценки предлога как определенного грамматического средства: в каком значении — конкретном, отвлеченном или грамматическом — выступает предлог в данном словосочетании?

Под конкретными значениями мы разумеем значения, отражающие непосредственные пространственные представления. Помимо локальных отношений сюда могут быть отнесены и некоторые другие, например значение охвата части предмета, выражаемое предлогом *за* (*хващам я за ръка*). Значения, выражающие отношения, не сводимые к чисто пространственным представлениям, в которых пространственное представление присутствует лишь в качестве внутренней формы, мы называем отвлеченными значениями. И, наконец, отвлеченные значения, утратившие связь с внутренней формой, точнее — значения предлога в словосочетаниях, где употребление предлога определяется не его собственным значением, а моделью конструкции, мы относим к грамматическим. В работе будут рассмотрены также некоторые вопросы предложной синонимики, помогающие уточнить значение предлогов.

При описании значений каждого предлога сначала рассматриваются приглагольные словосочетания, затем приименные. В каждом из этих разделов материал располагается таким образом, чтобы яснее показать взаимосвязь и различие отдельных частных значений. В разделах, посвященных предлогам *от* и *на*, соблюдение данного принципа позволяет вместе с тем выделять в отдельные разделы конкретные, отвлеченные и грамматические значения предлогов. В разделах, посвященных предлогам *за* и *с*, мы этого не сделали, чтобы не нарушать цепи значений.

Граница между отвлеченными и грамматическими значениями не всегда может быть четко проведена, так как есть случаи переходные и в известной степени спорные. Это прежде всего относится к разделам глагольного управления.

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГОМ *ОТ*

Предлог *от* в болгарском литературном языке принадлежит к числу наиболее многозначных и широко употребляемых предлогов. Являясь универсальным предлогом исходности, он служит для выражения широкого круга различных отношений: локальных, временных, количественных, трансгрессивных, генетивных, причинных, аблятивных, партитивных, компаративных, субъектно-объектных и определительных.

Рассмотрение предлога *от* мы подчиняем задаче определения «степени его формальности» и «лексической весомости» в различных типах значений. Будут рассмотрены сначала конкретные значения предлога, затем отвлеченные, которые группируются соответственно их связям с тем или иным конкретным значением, являющимся для данного отвлеченного значения его внутренней формой, и, наконец, грамматические значения, утратившие связь с собственным значением предлога. Согласно принятому принципу приименное употребление предлога будет рассмотрено отдельно.

inslav

Приглагольные словосочетания с предлогом *от*

I. Конкретные значения предлога *от*

1. Значение исходности

В основе лексического значения предлога *от* лежит представление о начальном, исходном пункте движения. Обозначение исходного пункта предлогом *от* не имеет в болгарском языке таких локальных ограничений, как, например, в русском. Исходная точка движения может находиться на поверхности предмета, внутри предмета, рядом с ним или даже за ним, независимо от этого она может обозначаться предлогом *от*. Например: «*Свалете* книги *от оня стол* и седнете» (Веж.); «Старият му баща излезе *от къщи* с вечната си кашлица и потъна някъде в двора» (Е.-П.); «Чичо Митуш видя, че воловете *се връщат от кладенца*» (Йовк.).

Для обозначения тех же положений в качестве конечной точки движения в болгарском языке употребляются разные предлоги, например: «*От клон на клон* подскача»[18]; «Добра *търчеше от ъгъл в ъгъл*» (Карасл.). Повторение действия делает конечное положение исходным, таким образом, одно и то же положение, например, внутри предмета, обозначается предлогом *в* как конечное, предлогом *от* — как исходное. Противопоставление различным предлогам направления показывает разнообразие реальных положений, которые может обозначать предлог *от*.

Следовательно, болгарский предлог *от* сам по себе безразличен к определению положения исходной точки движения относительно отдельных сторон предмета. Различные положения этой точки определяются не предлогом, а контекстом. Если контекст не содержит такого указания, исходным пунктом является предмет в целом, безотносительно к отдельным его сторонам. Например: «Все повече *от близкия фронт долиташе* глухото, тъпо ехо на артилерийските престрелки» (Веж.); «*От дрехите му се стичаше* вода» (там же).

Исходный пункт движения предлог *от* может определять в сочетании с существительными, обозначающими действие, в котором принимал участие субъект данного действия. Например: «*От тази разходка* тя *се върна* замаяна и поразена» (Карасл.); «Их, боже, не мога *от работа да дойда*, да повидя децата» (Е.-П.).

В этом употреблении предлог *от* противопоставлен предлогу *на*, с помощью которого обозначается направление движения через указание на действие, в котором должен принять участие движущийся субъект. Например: «Стойко... *ходеше* редовно *на събрания*» (Карасл.).

При глаголах со значением ‘смотреть’ или ‘подавать голос, знаки, предлог *от* в сочетании с существительными локального значения определяет место, где находится субъект действия. Например: «Галунка... *гледаше* пристигналите каруци *от чердака* на господарската къща» (Йовк); «Попитайте де! — *извикаха* някои *от дъното*» (Карасл.).

Во всех рассмотренных выше случаях употребления предлога *от* со значением исходности он прямо или косвенно определяет место, откуда реально началось движение. Однако предмет, на который указывает существительное с предлогом *от*, может не быть исходным пунктом движения, а служить лишь ориентиром, определяющим направление, в котором находится исходная точка движения. Определение направления не предполагает обязательного начала движения от данного ориентира, указы-

---

[18] Пример взят из грамматики П. Калканджиева («Българска граматика», 1938).

inslav

вая лишь, что движется что-либо со стороны данного ориентира. Например: «*От откритото поле веене* студен насрещен вятър» (Веж.).

Определяя направление (откуда), предлог *от* противопоставляется предлогу *към*. Например: «През нощта *от север към юг минаха* диви гъски» (Йовк.).

Предлог *от* в этом значении часто сочетается с существительными, характеризующими направление (стороны, страны света и т. п.). Например: «*От всички страни* тогаз му *викаха*: ху-ху-ху!» (Йовк.).

Таким образом, предлог *от*, обозначая исходность, оставляет недифференцированными такие оттенки значения, которые при обозначении пространственной цели обычно дифференцируются, а именно, различение ориентира, определяющего направление движения, но не являющегося его конечным пунктом (предлог *към*), и действительного конечного пункта движения (например: *в*, *на*, *до*).

При обозначении конечного пункта движения различными предлогами определяется положение конечной точки движения в отношении предмета, обозначенного существительным с предлогом (положение внутри — *в*, на наружной стороне предмета — *върху*, *на*, положение сзади — *зад*, рядом — *до*, *при*). При определении исходности предлогом *от* эти положения не дифференцируются. Некоторые из этих исходных положений могут быть в болгарском языке обозначены точнее, с помощью параллельных предлогов: положение внутри с помощью предлога *из*, положение сзади с помощью сложных предлогов *отзад* или *иззад*, положение снизу— *отдолу*, наконец, исходное направление может быть обозначено с помощью сложного предлога *откъм*.

В представлении об удаляющемся от какой-то точки предмете можно различить два момента: представление о начальной грани какого-то отрезка пространства, проходимого предметом, которое может быть измерено, например: «Не *бяха изминали* още и пет километра *от града*, а бяха вече потънали в пот» (Йовк.), и представление об отделении одного предмета от другого, например: «Белчо... *откъсна* няколко стръка трева *от синура*» (Е.- П). Эти представления лежат в основе инхоативного и отделительного значений предлога *от*.

2. Значение начальной грани

Обозначая начальную грань какого-то отрезка в пространстве, предлог *от* противопоставляется предлогу *до*, который обозначает противоположную грань — конечный предел. Например: «*От срещния гол бряг до низката дъбова горичка* всичко беше засято с царевица» (Карасл.). Величина отрезка, начало которого обозначено конструкцией с предлогом *от*, может быть определена посредством обстоятельства меры. Например: «*На няколко крачки от тях* спокойно чопкаше из ракитака черният силует на магарето» (Е.- П.); «Истина, гората е *на пет-шест часа от тука*» (Йовк.).

Наконец, указание на начальную грань какого-то отрезка в пространстве может быть не связано с определением его размера или конечной грани. Например: «Тая нива до сега ми беше като трън в петата. До нашата е, синордаши са. Нивата, дето е *от долния край на нашата*» (Карасл.).

3. Отделительное значение

Отделительное значение предлога *от* связано со спецификой глагола. При глаголах, обозначающих действия удаления, отрыва, отталкивания, отстранения, предлог *от* указывает уже не на место, откуда начинается,

inslav

исходит движение, а на предмет, от которого отделяется другой предмет. Здесь преобладают глаголы с приставкой *от* или *из*: *отбивам се*, *отскачам*, *отделявам се*, *отвличам*, *откачам се*, *отвързвам*, *отривам*, *откъсвам*, *отметна*, *измъквам* и т. п. Например: «Хората *се отбиваха* плахо *от пътя*» (Е.- П.); «И песните са затова... да те *измъкнат от истината*» (там же). Особенно ясно значение отделения при глаголах, обозначающих только акт отрыва. Например: «Единият *се откачи от ока* и зацамбурка из блато-то свободен» (Е.-П.); «*Отвързаха ги от каруцата*» (Йовк.); «По едно време той стана и бавно *се отдели от нас*» (Е.-П.). Антонимом предлога *от* в подобных случаях может являться предлог *за* или предлог *с*.

Таким образом, выражая локальные отношения, предлог *от* выступает в значениях: а) исходности, определяя место, являющееся исходным пунктом движения или исходного направления, определяя ориентир, со стороны которого движется предмет; б) начальной грани, определяя начальную границу какого-либо отрезка в пространстве; в) отделительности, указывая на предмет, от которого отделяется другой предмет. Этим частным значениям предлога *от* соответствуют различные предлоги-антонимы.

То или иное значение предлога *от* зависит от характера сочетающихся слов. Предлог как бы поворачивается разными своими гранями, выражая различные частные значения. Недостаточно разграниченные в области пространственных отношений, значения исходности, начальной грани и отделения при переносе их в область отвлеченных отношений разграничиваются более четко, так как каждое из них связано с особым кругом отвлеченных отношений.

II. Отвлеченные значения предлога *от*

Конкретные, пространственные значения предлога *от* — значения исходности, начальной грани и отделительности — служат в качестве внутренней формы для выражения отвлеченных отношений. Со значением начального предела связано выражение временны́х, количественных и трансгрессивных отношений. С отделительным значением связаны аблятивные и партитивные отношения, со значением исходности — генетивные и причинные.

1. Временны́е отношения

Значение начальной грани во времени

При выражении временны́х отношений предлог *от* выступает в инхоативном значении, определяя начальную грань отрезка времени. Эта грань может быть определена прямо, с помощью слов, выражающих временны́е понятия, либо косвенно, путем указания на какие-либо обстоятельства, связанные с данным моментом времени.

При прямом обозначении начальной грани временно́го отрезка предлог *от* сочетается с существительными, обозначающими временны́е понятия (время года, суток, названия дней, месяцев, временны́е стадии процесса — начало, конец и т. п.). Например: «Вие сте в ротата още *от начало*» (Веж.); «*От сутринта стои* пред вратата» (Е.-П.). При этих существительных могут быть уточняющие определения. Например: «За Севда не беше трудно още *от първите дни да вземе* цялата къщна работа и уредба в ръцете си» (Карасл.); «И *от този ден* Стоян *събираше* ротата в часове за информация» (Веж.).

inslav

Обозначая начальную грань во времени, предлог *от* может сочетаться с наречиями времени (*от зимас*, *от вчера*, *от сега*, *от тогава*). Например: «*От сега нататък* надеждите на Петра бяха само на Анадолеца» (Йовк.).

При косвенном обозначении временнóй грани предлог *от* соединяется с существительными, обозначающими какое-либо событие. Например: «Тия шушонки *носеше* едва ли не *от сватбата* им» (Веж.); «В турско време, някога си, той бил учител, и *от освобождението*[19] постоянно *даваше* прошения за пенсия» (Е.-П.).

Начальный момент проявления какого-то действия или состояния может определяться посредством указания на возраст объекта в тот момент, когда начало проявляться данное действие, например: «Баща ми *беше* го *отгледнал от мъничко теленце*...» (Е.-П.); «*от дете я зная*» (там же); посредством указания на место обучения, работы и т. п., с которым был связан субъект в тот период, когда начало проявляться данное действие, данный признак, например: «Аз *обичам* химията още *от гимназията*» (Веж.); «Още *от казармите* те *са приучени* и възпитани да понасят търпеливо несгодите и лишения на войнишкия живот» (там же).

Характерным для болгарского языка является употребление предлога *от* при определении количества времени, прошедшего от начала данного события или действия до момента, о котором говорится. Это выражается сочетанием предлога *от* с существительным, обозначающим количество времени. Например: «Той и без това *чака от половин час*» (Веж.); «Сега аргатинът го нямаше — *от три дни* той *ореше* на угарта при Широкия мост» (Карасл.); «Васил *управляваше* чифлика *от десетина и повече години насам*, още от времето на хаджи Петра» (Йовк.); «*От няколко месеца* Юрталана *се откъсна* от кърската работа» (Карасл.).

Широко употребляется в болгарском языке оборот типа *от години*, *от месеци*, *от часове* без количественного определения. Например: «*От години* между двамата братя *кипеше* една глуха и с нищо необяснима вражда» (Карасл.); «Това конче аз добре го зная — *от месеци стои* в полковите конюшни, но никой не го взима» (Веж.); «Казълбашката ги гощаваше с вкусни и изобилни гостби, черпеше ги с старо винце, скътано и *скрито от години* за такива дни» (Карасл.).

В переводе на русский язык этот оборот означает 'годами', 'месяцами' или 'много лет', 'много месяцев'.

2. Количественные отношения
Значение начальной грани при исчислении

Инхоативное значение предлога *от* проявляется при обозначении количественных отношений. Предлог *от* с количественным числительным указывает на начальный предел при исчислении. Например: «Тъй беше запомнил той от баща си и от дядо си — когато се мери жито, броенето *да започва от хилядо*, та все на хиляди да върви» (Карасл.).

Указание на охват действием известного круга объектов *от — до* (*от малко до голямо*).

---

[19] Болгарские грамматики предупреждают против злоупотребления оборотами с отглагольными существительными, указывая, что более свойственны духу болгарского языка предложения с временнýми союзами *щом*, *откак*. Так, например, Калканджиев в числе случаев ошибочного употребления предлога *от* отмечает и «*от* взет с отглаголно име вместо подчинено изречение: —Човек почва да се учиоще от раждането си (вм.... още щом се роди)» (Указ. соч., стр. 494).

inslav

3. Трансгрессивные отношения
Значение начального состояния

Выступая в инхоативном значении, предлог *от* служит для указания на начальное состояние при выражении перехода от одного состояния в другое. Например: «Кумът вдигна каната и я загледа втренчено, като че ли бяха го *събудили от дълбок и сладък сън*» (Карасл.). Сюда же можно отнести случаи изменения служебного, социального положения, например: «*От прост одаджия* (работник, който приготвя храната) Хаджи Петър го *издигна* начело на работата си» (Йовк.); «*От такъв, дето свири*, човек *не става*» (там же).

4. Партитивные отношения
Значение целого, от которого отделяется часть

Отделительное значение предлога *от* проявляется в выражении партитивных отношений.

а) Предлог *от* указывает на целое, от которого отделяется определенная часть. Это целое может быть выражено существительным, обозначающим совокупность предметов, например: «Излезе, че вълчицата беше останала *от оная глутница*, която се беше появила тая зима надолу по селата» (Йовк.); либо формой множественного числа, например: «*От тях тръгваше*... само тоя, който си чуеше името» (там же). Существительное может сопровождаться количественным определением. Например: «*От дванайсетте вола*, половината бяха впрегнати вече в плуга» (Йовк.).

Целое, от которого выделяется часть, может представлять собой и единичный предмет. Например: «Но *от филма* те видяха само края» (Веж.); «...*от половината хляб* беше останала само една коричка» (Йовк.).

б) Предлог *от* может указывать на целое, от которого берется неопределенная часть. Это отношение неполного охвата действием предлог *от* выражает в соединении с существительными, обозначающими предметы еды и питья. Например: «Юрталана седна *да вземе от хляба им*» (Карасл.); «Чичо Митуш дори *яде от гозбата им*» (Йовк.); «Стоилка на два пъти яко си *смръкна от Станчовата ракия*» (Е.-П.); «...всички лакомо *скубеха от сенето*» (Йовк.).

5. Аблятивные отношения
Значение отстраняемого предмета

Аблятивные отношения характеризуются тем, что предлог *от* указывает на отстраняемый предмет. Например: «Всяка сутрин Белчо ставаше, *отърсваше се от сламата*» (Е.-П). В отличие от рассмотренных выше конструкций с отделительным значением предлога *от* (локальных и партитивных) предлог *от* здесь указывает не на тот предмет, от которого отделяется что-либо, а на тот предмет, который отделяется. Помимо глаголов со значением реального отделения, например: «Стани, Сивушке, стани! — *освободи я от ярема* Боне» (Е.-П.); «Слънцето блестеше ярко по *изчистеното от облаци* небе» (Веж.), сюда относятся глаголы со значением 'избегать' 'спасаться', 'остерегаться' чего-либо, например: «Гледам, *страниш от хората* като говедце» (Е.-П.); «Нали съм ти казал да ги *вардиш от рапицата*» (Йовк.); «В *закритите от вятъра* улици на селото снегът беше почнал да се топи» (Веж.); «*От ножа се отърва*, а от орела не можа» (Йовк.); глаголы со значением 'отказываться', например: «... поради това всички го мислеха, че все пак той е някакъв *отрекъл се от живота* божи служител» (Карасл.); «Не можеше да *се остави от някои свои недостатъци и лоши*

inslav

привички» (Йовк.); глагол *лишавам*, например: «*...лишена от пътища* местност» (Веж.) и т. п.

В аблятивных конструкциях отделительное значение предлога *от* наиболее четко противопоставлено его исходному значению.

6. *Генетивные отношения*

Выражение генетивных отношений связано со значением исходности. Сочетание с предлогом *от* может определять источник, состав или происхождение чего-либо.

а) *Значение источника.* Сочетание с предлогом *от* может обозначать источник получения чего-либо или источник узнавания. Значение источника получения предлог *от* выражает в сочетании с именами существительными, обозначающими лицо, при глаголах со значением 'брать', 'получать', 'хотеть', 'требовать', 'ожидать'. Например: «Бае Стоян *взе* железния гребен *от коларя*» (Е.-П.); «Какво *искаш от Пеня Пандуров*» (Карасл.); «Ще бъде хубаво, ако успеем *да купим от селяните* накое прасенце» (Веж.). Глагол может не обозначать активного действия получающего лица. Например: «Така Юрталана стана господар на всичко, *останало от баща* му в Сърненица» (Карасл.).

Источником получения может быть не только лицо, но также неодушевленный предмет. Например: «Ето, *от тази царевица* той чакаше наймного тази година» (Карасл.); «... и дали ще има някаква помощ и *от това*?» (там же); «Десет коли сено вадеше *от нея* (речь идет о ниве. — *Е. Ч.*)» (там же). Этот предмет может выступать как предмет обмена, продажи. Например: «Четири години наред той вземаше по петдесет-шестдесет хиляди лева *от тютюн*» (Карасл.).

При глаголах со значением 'узнавать', 'слышать', 'учиться' предлог *от* может указывать на лицо или какой-либо иной источник сведений. Например: «Да, да, *научих от войниците*, че сте дошли» (Веж.); «Вече съм го *чувал от устата* на някого» (там же).

При глаголах со значением 'видеть' и 'понимать' предлог *от* может указывать на косвенный источник сведений, в качестве которого могут выступать действия и признаки предметов, обозначенные отвлеченными существительными. Например: «*От лаенето се виждаше*, че кучетата бяха се отдалечили» (Йовк.); «*От стъпките*... Петър *разбра*, че тоя път вълците са били много» (там же); «Като не можа *да разбере* нищо за него *от външността му*, той погледна към ръцете» (Веж.).

б) *Значение происхождения.* Предлог *от* может указывать на предмет, с которым связано происхождение данного действия.

Сочетанием предлога *от* с личным существительным может быть обозначено лицо, от имени которого или по поручению которого производится данное действие. Например: «Ей, момче, на всяка маса по кило вино *да сложиш от мене*» (Е.-П.); «... родините на кума, които той *от свое име канеше* на сватбата» (Карасл.). При глаголе *идвам* сочетание предлога *от* с отвлеченными существительными, обозначающими свойства и признаки, указывает на источник, породивший то или иное явление. Например: «*От къде би идвала* тази дързост, ако не *от сигурността му* в някаква авторитетна подкрепа?» (Веж.); «Всичките ми страхове *идват от твоя упорит, неизменен и затворен характер*» (там же).

Сочетание с предлогом *от* может служить определением лица по месту происхождения, жительства или работы. Например: «Рахманлиец е, *от Пловдивския край*» (Веж.); «Аз съм *от Хаджи Петровия чифлик*» (Йовк.). Сочетание с *от* может указывать на материал или составные части, из которых состоит что-либо. Например: «*От желязо да съм*, не мога да утрая» (Е.-П.). Эти типы значений более свойственны приименным конструкциям.

inslav

7. *Причинные отношения*
Значение причины

Существительное с предлогом *от* выражает причину, породившую либо действие, обозначенное глаголом, например: «Цигарата му *гаснеше от вятъра*» (Веж.), либо признак, обозначенный именем прилагательным или причастием, например: «Едри сиви коне, *мокри от дъжда*, изведнъж извиха и се спряха» (Йовк.); «Той ходеше със смачкано сиво кепе и с дълго джубе, *изтъркано и поизбеляло от носене*» (Карасл.).

С помощью предлога *от* могут быть выражены разнообразные причинные отношения. Он может указывать на причину внешнюю и внутреннюю, физическую и психическую.

Обозначая причинные отношения, предлог *от* может сочетаться с широким кругом различных существительных: с существительными, обозначающими конкретные предметы, неодушевленные и одушевленные. Например: «Но като напече слънцето, като взе да се чува мухата, *от която щръклее* добитъкът, работата стана тежка» (Йовк.); «*От кръвта* му снегът беше зачервен» (там же). Однако чаще причинные отношения выражаются сочетаниями с различными отвлеченными существительными, которые могут обозначать действия, например: «Тотка ... *се стресна от вика* на баба си» (Е.-П.); «От къде толкова години е живял като чорбаджия...? *От хайдутлук*!» (Карасл.); явления природы, например: «Младежкото му лице бе *потъмняло от слънцето и изпръхнало от ветровете*» (Веж.); «Стоилка вървеше рядом с него, *превита от студ*» (Е.-П.); физические и психические явления, происходящие в организме, например: «... очите ѝ *лепнеха от дремка*» (Карасл.); «*Задъхани от умора и радост*, Севда и Стойко се прибраха късно» (там же); «Дребничкото му лице *пламтеше от червенина*» (Веж.); психологические или этические понятия, например: «Очите му *лъщеха от спотаена подигравка*» (Веж.); «В живота човек *прави* отстъпки в името на приличието, а понякога просто *от инертност или стеснение*» (там же) и т. п.

III. Грамматические значения предлога *от*

До сих пор мы рассматривали типы реальных отношений, передаваемых с помощью предлога *от*, где ясно чувствовалось лексическое значение предлога. Кроме этого, можно выделить ряд случаев, где предлог *от* служит для выражения грамматических отношений. Здесь классификационным признаком, оправдывающим выделение той или иной группы случаев, является тип грамматической связи слов. Собственное значение предлога оказывается затемненным, так как в сознании говорящего выбор данного предлога определяется типом грамматической конструкции, а не собственным значением предлога. Сюда относятся:

1) употребление предлога *от* при сравнительной и превосходной степени;

2) употребление предлога *от* в страдательных конструкциях;

3) глагольное управление: случаи, где употребление предлога *от* при том или ином глаголе является обязательным и мотивы этого употребления с точки зрения современного языкового сознания кажутся неясными, затемненными.

inslav

1. Компаративные отношения
Значение объекта сравнения

При степенях сравнения объект, с которым сравнивается что-либо, передается сочетанием существительного с предлогом *от*. Например: «Трябва да е *по-млад от тебе* с една, две години» (Веж.); «*От всички практически трудности* тая досега му се беше виждала *най-тъмна и най-непроходима*...» (там же); «Навярно нямаше *повече от двадесет години*...» (там же). Употребление предлога *от* при сравнительной и превосходной степени связано с его отделительно-аблятивным значением. Однако это значение здесь ясно не осознается, так как мы имеем дело со стабильной грамматической конструкцией, где употребление данного предлога определяется наличием форм степеней сравнения.

2. Субъектно-объектные отношения
Значение логического субъекта действия в страдательных конструкциях

При глаголах страдательного залога и страдательных причастиях сочетанием с предлогом *от* выражается логический субъект действия. Например: «Когато телците се събереха и тръгнеха сред облак прах, *подкарани от телечаря*, Белчо се успоредваше с тях» (Е.- П.); «Това, че заедно бяха ходили на монастира и че Стойко и посред бял ден си отскачаше на гости като годеник, *се тълкуваше от жените* по вратници, на гости, в църквата, по кръщенки и гощавки, *разправяше се от мъжете* из кръчми и кафенета» (Карасл.).

Значения существительных, с которыми сочетается предлог, могут быть самыми различными. Это могут быть существительные, означающие не только живые существа, но также предметы, явления, отвлеченные понятия. Например: «Над окопите легна тъмна, отровна барутна мъгла и, *носена от слабия утринен вятър*, запълзя по ничията земя към българските позиции» (Веж.); «В тяхната слаба светлина, която *се поглъщаше от околния мрак*, се мернаха хора» (Е.- П.).

В зависимости от характера сочетающихся слов, в первую очередь от значения существительного, реальные отношения между действием и его производителем могут видоизменяться. Это могут быть отношения между действием и действующим лицом, например: «Всеки малък път и всяко открито място бяха гъсто *минирани от немците*» (Веж.); между действием и орудием или средством действия, например: «... покривът *се подпираше от един здрав дирек*» (Йовк.); «... и тримата още първата вечер умирали в ръцете ѝ, *задушени от вълните* на косата `» (Е.-П.); между действием-состоянием и причиной, например: «В душата му, *възбудена от милата среща* с Белчо, се пробудиха всички нежни и хубави спомени за дома» (Е.-П.); «Сърцата на всички биеха тревожно, *присвити от някакъв незнаен страх*» (Карасл.). Однако все эти значения для мотивировки употребления предлога *от* не существенны, так как употребление *от* определяется общей для всех случаев грамматической причиной — наличием страдательного оборота, обязательным компонентом которого является предлог *от*, указывающий на производителя действия.

3. Глагольное управление

В болгарском языке есть ряд глаголов, требующих после себя предлога *от*. Среди них встречаются такие, связь которых с предлогом *от* кажется логически немотивированной.

inslav

В числе глаголов, управляющих предлогом *от*, можно указать следующие: *(за)интересувам се от*: «Нищо от външния вид на поручик Манев не подсказваше, че *се е заинтересувал от думите* на командира си» (Веж.); *разбирам от*: «... той беше много малък и още нищо *не разбираше от живота и участта* на хората» (Карасл.); *завися от*: «*От вас зависи* да се бракува солта» (Веж.); *стеснявам се от, срамувам се от*: «Отде да знаеш, той *от нищо не се срамува*» (там же); «... викаше Аго без ни най-малко *да се стеснява от Василя*» (Йовк.); *страхувам се, боя се от* и т. п.: «И тя вярваше, че ще се съберат, *страхуваше се само от неговите родители*» (Карасл.); «*От вълци аз не се боя*, приятелю» (Е.-П.); *обидя се от*: «Иван *се обиди от това*» (Карасл.); *оплаквам се от*: «Дали той не *се е оплакал* на доктора *от работата и от положението в къщи*» (там же); *разболя се от, болен съм от*: «Той *се разболя от гърло*» (Карасл.); «Беше я *горил от лошата пушка*» (Е.-П.); «Докторът каза, че били *болни от сап*» (Йовк.); *доволен съм от*: «Не всеки си *е доволен от професията*» (Веж.); *нуждавам се от*: «Работата ви е съвсем не подходяща за момента и *се нуждае от основна преработка*» (Минк.); *възползувам се от*: «*Възползувахте ли се* вие *от тях*?» (Хр. Бот.); *отчайвам се от*: «Не бива *да се отчайвате от тях*» (Веж.).

Приименные словосочетания с предлогом *от*

То же управление находим в соответствующих оборотах с составным сказуемым. Например: «Ако не *те е срам от хората*, не *те ли е грях от бога*!» (Е.-П.); «*Не го беше страх* нито *от кучета*, нито *от нищо*» (Карасл.); «Със също такова въже беше вързана и черната кобила, но *от него не стана нужда*» (Йовк).

Предлог *от* в значительной части случаев употребления в приименных словосочетаниях не утрачивает своего реального значения, выражая те же отношения, что и в приглагольных конструкциях, например, указывает на происхождение, состав, материал, целое, от которого взята часть, и т. п. Грамматические руководства именно на этом и основывают свои правила, предостерегая от смешения предлогов *от* и *на*, которое обусловлено тем, что оба предлога выступают в одной грамматической функции, выражая отношение принадлежности.

Выступая в роли определения, сочетание с предлогом *от* выражает следующие значения.

1. Генетивные отношения

1) Определение посредством указания на место происхождения, жительства, работы, службы. Например: «Има в ротата *момчета от неговото село*» (Веж.); «Той е Велико, железаринът *от Сърнено*»(Йовк.); «Не приличаше на прежния машинист *от фабриката*» (Веж.).

2) Определение посредством указания на принадлежность лица к какой-либо организации, партии, группе лиц, объединенных общностью интересов, судеб. Например: «Юрталана не се доверяваше твърде много на *агитаторите от своята партия*» (Карасл.); «Не беше много отдавна след като партията им падна от власт, някои *съседи от опозицията* го закачаха и дразнеха» (там же); «Според него Личев, освен службата, бил също така и деен *ратник от софийското ръководство*» (Веж).

3) При словах, обозначающих названия людей по их взаимному отношению друг к другу (*другар, приятел* и т. п.), указывает на сферу, где зародились эти отношения, или сферу распространения этих отношений. Например: «Сетне започна да скита с *другарите от търговската гимназия*»

inslav

(Карасл.); «И той започна... да се обажда и на стари *приятели от набора* или *от фронта*» (там же).

4) Определение посредством указания на источник, породивший данный предмет, признак, явление, результат. Например: «Но едно *писмо от настойника го* покоси» (Карасл.); «Те не могат да се раздават без *заповед от полка*» (Веж.); «... всичко бе покрито съсситен *прах от плява*» (Е.-П.); «Дори тънката *миризма от престояло сяно* му се струваше някак си особена, сладка» (Карасл.); «... и гласът им друг но трептеше над полето като *ек от хиляди* чиличени *звънчета*» (Е.-П.).

5) Указание на материал, из которого сделан данный предмет. Например: «Пред него сложиха... най-пълната чиния с *сутлияш от овче мляко*» (Карасл.); «Казълбашката беше взела... голяма памучна кърпа и дълга женска *риза от домашно платно*» (там же); «Неравният *под от каменни плочи* беше изметен и полян с вода» (Е.-П.).

6) Употребление существительных с предлогом *от* при определении состава чего-либо. Например: «Бае Стоян... следеше с очи тия безкрайни *върволици от коли*» (Е.-П.); «Не било от бога, та от хората! — отсече Юрталана, смукна дълбоко от цигарата и потъна в *облак от тютюнев дим*» (Карасл.).

В аналогичных случаях при словах, означающих совокупность каких-то единиц, можно, а иногда и необходимо опускать предлог *от*, т. е. нужно сказать: *стадо овце*, *върволица коли*, *потоци сълзи* и т. п., если не нужно специально подчеркнуть определяемое [20].

Предлог *от* обязателен, если определение по составу есть вместе с тем количественное определение. Например: «На следната година... Юрталана научи, че се продава още една *ивичка от пет декара*...» (Карасл.); «*Върволицата от шест чифта волове*, след които подръгкваше плугът, се насочиха през зелената поляна към нивите» (Йовк). Болгарские грамматические руководства указывают, что предлог *от* не может быть опущен там, где чувствуется опущенное причастие *съставен*. Это подтверждается нашими наблюдениями. Например: «Ние му вързахме на рогата големи пресни *китки от млада коприва*, иглика и сливов цвят» (Е.-П.); «Голямото литературно *наследство* на Димитър Благоев *от трудове* по политически, икономически, философски, общокултурни и други въпроси... трябва да бъде основно проучено».

Предлог *от* обычно не опускается при переносном употреблении определяемых существительных. Например: «Първите звуци зашумяха... и полека-лека загаснаха, сякаш потънаха в *едно безкрайно море от страсти и скърби*» (Е.-П.); «И внезапно почувствува как в гърдите му се повдигна *вълна от милост и обич към тях*» (Веж.); «*гора от конфликти и умрази*» (там же); «*венец от сини далечни планини*» (Е.-П.); «*поток от звукове*» (там же).

Итак, предлог *от* выражает генетивные отношения при определении существительных, обозначающих названия лиц по месту их происхождения или жительства, месту работы, принадлежности к определенной организации или группе; предметы и явления он определяет посредством указания на источник, с которым связано их возникновение, появление, указания на материал, из которого они сделаны, указания на их состав.

---

[20] См. К. Карагюлов. Ръководство по правописа на български език ч. II. Синтаксични бележки. София, 1889.

inslav

2. Партитивные отношения. Значение целого, от которого отделяется часть

1. Определяемое существительное — название меры или количества. Определение с предлогом *от* может указывать на совокупность однородных единиц, от которых отделено известное число этих единиц. Например: «Полковник Манев... командуваше сега *една от дивизиите* на фронта» (Веж.); «без тая поезия *мнозина от нас* отдавна вече би се удавила в някой мътен *гьол*» (Хр. Бот.). При существительных, являющихся названием меры или части (*част, дял, къс* и т. п.), определение с предлогом *от* может быть названием однородного целого. Например: «Това место някога е било една малка *част от големия имот* на Батраците» (Карасл.); «... зимни облаци, над които прозираха *късове от* също тъй замислено и студено синьо *небе*» (Е.-П.); «Срещу ливадите общината им даде *декар* за декар *от Сухата мера* зад Домуз гьол» (Карасл.).

При определении меры и количества употребление конструкции с *от* является обязательным.

2. Определяемым существительным может быть название одной из однородных единиц, но при этом определяется, какая именно из этих однородных единиц или частей выделена. Например: «... ще ви дам *втора рота от дружината* на майор Славчев» (Веж.). Определяемое существительное может быть названием одной из частей неоднородного целого. Например: «Тук те намираха или *глава*, или *крак от прясно убито животно*» (Йовк.); «...разковаха и намотаха *тела от оградата*» (Карасл.).

В этом случае предлог *от* употребляется лишь тогда, когда речь идет об отделенной от целого части. В противном случае употребляется предлог *на*, указывающий на органическую принадлежность части к целому.

3. Грамматические значения предлога ***от*** *в определительных конструкциях*

1) Указание на содержание определяемого. Например: «Вече в първите най-стари наши писмени паметници се срещат многобройни *примери от дателен падеж* с притежателно значение» (Е. Атанасова. Изрази за притежание в българския език); «Народничеството е извънредно характерно явление за разглеждания *период от време*» (Благ.); «... с опитно око откриваха ту една, ту друга *черта от нрава* им» (Йовк.).

2) Сочетания с предлогом *от* употребляются для выражения качественного определения. Например: «... брат му беше *човек от средна ръка*» (Карасл.); «Нашата официална литература... твърде рядко повдига *въпроси от етическо значение*» (Благ.); «Тебе ти са чужди и неприятни *дребулиите от практичен характер...*» (Веж.).

Только эти случаи аттрибутивного употребления предлога *от* могут рассматриваться как примеры грамматикализованного употребления, в которых не ощущается достаточно ясно реальное значение предлога. Поэтому мы считаем ошибочным определение А. Теодорова-Балана, который рассматривает предлог *от* во всех приименных конструкциях как формальный «обликов» предлог.

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГОМ *НА*

Подробное описание синтаксических отношений, выражаемых с помощью предлога *на* в болгарском литературном языке, сделано в статье С. Бояджиева «Употребата на предлога «на» в българския книжовен език»[21].

[21] См. «Известия на Института за български език», кн. I. София, 1952, стр. 93—120.

inslav

Наличие этой работы несколько облегчает нашу задачу, так как в исследовании Бояджиева с большой полнотой описаны случаи употребления данного предлога. Мы позволим себе дать несколько иную классификацию синтаксических отношений, выражаемых конструкцией с предлогом *на*, подчинив ее задаче определения конкретных, отвлеченных и грамматических значений предлога в этих словосочетаниях.

Частичное совпадение приводимых примеров объясняется в какой-то мере тем, что в основном исследуются одни и те же тексты (Й. Йовков, Г. Караславов, П. Вежинов, И. Вазов, Кр. Григоров и др.). Мы намеренно пользуемся теми же примерами в случаях расхождения формулировки значений. Некоторые удачные или редкие примеры были заимствованы нами непосредственно из работы С. Бояджиева.

I. Конкретные значения предлога *на*

1. Локальные отношения
Значение места и направления

Конкретное значение предлога *на* состоит в указании на предмет как место нахождения чего-либо, например: «Юрталана *лежеше на кревата*» (Карасл.); или место совершения действия, например: «... той... все си *пресмята на цигарената кутия*» (там же); либо в указании на предмет как конечную точку движения, например: «...Майорът стана и *принесе на масата* парче кашкавал» (Веж.).

В отличие от других славянских языков, где значения направления и места различаются формально, посредством различных падежей, с которыми соединяется предлог, в болгарском языке различие этих значений является различием семантическим, так как определяется только значением глагола.

При обозначении направления или места предлог *на* может определять положение точки на поверхности предмета. Например: «Тя *остави* хляба и сиренето *на софрата*» (Йовк.); «Черната рамка на екрана все още *висеше на стената*» (Веж.); «Адвокатът *шибна* сърдито книгите *на стола*» (Е.-П.). Направление движения на верхнюю сторону предмета может быть выражено предлогом *на* при глаголах, обозначающих движение сверху вниз, например: «Той *седна на дървата* между войниците» (Веж.); и движение снизу вверх: «Василена *се качи на една кола*» (Йовк).

Обозначая положение точки на верхней стороне предмета, предлог *на* противопоставляется другим предлогам, определяющим положение в пространстве в отношении данного предмета (*в*, *под*, *зад* и т. д.). Однако он занимает среди этих предлогов особое место, так как его пространственное значение не столь однозначно и определенно, как у других локальных предлогов. Часто предлог *на* указывает на предмет как место действия (нахождения) или конечную точку движения безотносительно к его отдельным сторонам. Например: «Той *дялкаше* нещо *на дръвника*» (Е.-П.).

В этом отношении он близок к предлогу *от*, который, указывая исходную точку движения, также не определяет ее положения в отношении отдельных сторон данного предмета. Это уточняется только контекстом. Предлог *на* тоже может обозначать не только положение на поверхности, но также положение рядом с предметом, внутри или в пределах определенного пространства. Например: «*На масата... седяха* трима чуждоселци» (Е.-П.); «...при толкова работа двата вола не можеха *да лежат* цял ден *на яслата*» (Карасл.); «Всички момичета *работят на градината*» (Григ.); «В неделя, *на църква*, тя *видя* Юрталанката» (Карасл.); «Тез пилета, дето ги яде, *на гърлото му да останат*!» (Йовк.).

То же возможно при определении направления. Например: «Само ня-

inslav

кои селяни, които *бяха ходили на воденица*... разправяха» (Йовк.); «Стойко, Севда и Казълбашката *пристигнаха на Козловец* при залез слънце» (Карасл.); «... той... *забоде* една банкнота *на шапката* му» (там же); «Това, че заедно *бяха ходили на манастира*... се тълкуваше от жените по вратници» (там же).

Разнообразие реальных положений, обозначаемых с помощью предлога *на*, проявляется в локальных конструкциях, имеющих переносный смысл. Например: «... Трима души *са* ми *на ръцете*» (Григ.); «Ей тъй, приказвам, смея се, защото *нямам* лоша мисъл *на сърцето*» (Йовк.); «... кому тук *е дошло на ум*» (Смирн.); «Когато си с народа — не *си на власт*. Когато *си на власт* — не си с народа» (там же); «Говори с хълцане... та все още не може да поеме дъх и *да дойде на себе си*» (Влайк).

Направление и место может быть определено не только посредством прямого названия данного места или предмета, но также путем указания на признак, характеризующий данное место. Например: *на сянка*, *на светлина*, *на слънце*, т. е. там, где солнце, свет, тень (русск. *в тени*, *на солнце*, *на свету*) и т. п. Например: «Те бяха двама селяни, които *стояха* насреща пред саята, *на слънце*» (Йовк.); «... *вързаха* воловете *на сянка*» (Карасл.); «...*да стои* колкото се може повече *на чист въздух*» (там же); «... и трима души... *влязоха* по нея вътре, *на светлото*» (Йовк.).

При глаголах, обозначающих движение и положение, локальное значение данных конструкций очевидно. При других глаголах это значение может быть затемнено, например: «*На лампата* лицето ѝ *изглеждаше* увехнало и застаряло» (Йовк.), где конструкция *на лампата* может восприниматься не как обозначение места, т. е. 'там, где светло', а как обстоятельство, сопутствующее проявлению данного действия, т. е. 'при свете лампы'. Подобные конструкции С. Бояджиев определяет как комитативные, что приемлемо в отношении примеров типа «Мечът му *свети на слънцето*» (Ваз.); «Ама наша Цвета вчера порасте, нека си *поцъфти малко на моминско слънце*» (Е.-П.), но представляет известную натяжку при интерпретации других примеров: «*На пазарлъка имаше* много селяни» (Е.-П.) или «Дядо Димо все така *стоеше на дъжда*» (Бон.), где, несомненно, представлено косвенное обозначение места посредством указания на присущие ему признаки. Впрочем, по нашему мнению, данное определение можно распространить на все рассмотренные случаи.

Комитативность является здесь лишь сопутствующим значением, так как предлог *на* может выражать это значение при условии, когда данное обстоятельство является вместе с тем признаком, характеризующим место действия. Это становится ясным при сопоставлении с предлогом *при*, который может быть употреблен в одном и том же значении комитативности не только в конструкции *работя при силна светлина* (где возможен предлог *на*), но также — *спя при отворени прозореци и вдигнати завеси* [22], где выражено то же самое отношение комитативности, но где предлог *на* употреблен быть не может, так как данные сопутствующие обстоятельства не могут служить косвенным обозначением места действия. Напротив, конструкции типа *на сянка*, *на слънце*, *на сушина*, *на дъжд*, *на месечина*, *на лампа* и т. п. характеризуют свойства и признаки, посредством которых определяется место действия.

Косвенное обозначение направления и места с помощью предлога *на* возможно посредством указания на действия, происходящие в данном месте, например: «... тия войници може би не съзнават, че *са на война*»

---

[22] Примеры взяты из грамматики П. Калканджиева («Българска граматика». Второ допълнено издание. Пловдив — София, 1938, стр. 496).

inslav

(Веж.); «Къде беше? — питаше го той. — *На събрание*» (Карасл.); «Стойко се дигна и *отиде на оран*» (там же); «Съдът *се оттегли на съвещание*» (Е.-П.); «Няма да те *викам на сватбата си*» (Йовк.).

При глаголах движения или побуждения определение направления является вместе с тем определением цели движения. Неустойчивость локального значения данной конструкции проявляется в том, что при наличии второго обстоятельства места предлог *на* с существительным, обозначающим действие, превращается в обстоятельство цели. Например: «И Юрталана взе да си прави вече сметка, *в кой град да* го *изпрати* и *на какво по-горно учение*» (Карасл.); «Бае Стоян *отиде при коларите на разговор*» (Е.-П.).

В отличие от этого рассмотренные выше сочетания *на* с существительным, обозначающим признак, характеризующий данное место, не изменяют своего значения от присутствия второго обстоятельства места. Например: «А като си дойде, *легна на слънцето до стената*» (Йовк.).

Предлог *на* может определять направление, не указывая на конечный пункт движения. Это значение находим как при глаголах, не обозначающих поступательного движения в пространстве [например: «Пазачът *погледна на изток*» (Карасл.); «*Обръщаше се ту на една ту на друга страна*» (Йовк.); «*На юг* от Ливадата *се изпречваше* каменната ограда на една градина с отворена врата» (Ваз.)], так и при глаголах движения [например: «Влакът *потегли на изток* с гром и шумотевица» (Ваз.)].

Разнообразие положений в пространстве, которые может обозначать предлог *на*, определяя направление, заставляет признать его наиболее общим предлогом направления и в этом смысле наиболее полным антонимом предлога *от*, который также способен обозначать различные по отношению к отдельным сторонам предмета положения исходной точки движения (на поверхности, рядом, внутри) или определять так называемое исходное направление.

Параллельно предлогу *на* положение сверху и направление движения на верхнюю сторону предмета обозначается предлогами *върху* и *въз*. Эти предлоги более однозначны, чем предлог *на*. Например: «Върху *меката по-стилка* на каруцата до малкия Иванчо *спеше* сладко едно друго детенце» Е.-П.); «... *върху лицето му не трепваше* ни един мускул» (Л. Стоян.); «Той *падна върху постелята*» (Бел.); «Вуйчо, вуйчо, — *хвърлиха се* като кутрета *въз него* сестрините му деца» (Даск.).

Направление движения в сторону данного предмета выражается двойным предлогом *накъм*: «Ручалото *кривна накъм училището*» (Григ.); «Подхвъркваше птичка, изчуруликваше весело и *се спускаше* като стрела *накъм близката горичка*» (там же).

2. Локальные отношения. Значение «опоры»

Указывая на верхнюю сторону предмета, предлог *на* может выражать не только обстоятельственные отношения. Сочетание с предлогом *на* может обозначать предмет, являющийся опорой, основанием для другого предмета. Например: «Тя *се облегна на рамото му*» (Карасл.); «И два ножа лъснаха, *натъкнати на пушките*» (Йовк.); «... трябва да се *повдига* леко *на стремената* в ритъма на коня» (Веж.); «...*на рамото му... висеше* хармоника» (Йовк.). Переносное употребление: «Хубава фабрика, но до сега *е била стопанисвана на най-груби експлоататорски начала*» (Веж.).

Эти словосочетания выступают в синтаксической роли косвенного дополнения, а не обстоятельства места.

В качестве опоры может служить не только посторонний предмет, но также какая-то часть данного предмета, на которую также может указы-

inslav

вать сочетание с предлогом *на*. Например: «Кумата беше *се подпряла на длан*» (Карасл.); «Спи,— рече Благолажът и *се подпря на лакът*» (Е.-П.).

Эти сочетания находим также при глаголах, обозначающих положение тела (*стоя*, *лежа* и т. п.) или изменение положения тела (*легна*, *изправя*, *скоча*, *падна* и т. п.). Например: «Айа *стоеше* твърдо *на нозете си*, с дигната глава» (Йовк.); «Попа хвана Нена за ръцете, *изправи я на крака*...» (Е.-П.); «... *легна* до стената *на гръб*» (Йовк.); «Изведнъж той си спомни за Севастица и *скочи на крака*» (там же).

Рассмотренные случаи являются переходными между косвенным дополнением, отвечающим на вопрос *на какво*?, и обстоятельством образа действия(*как*?). Значение дополнения выступает ясно, если при глаголах имеются другие слова, выражающие обстоятельства. Например: «Той едвам *се държеше на краката си*» (Е.-П.); «След това тръгна, и като *се крепеше* с усилие *на краката си*, излезе из портата» (там же).

Однако при глаголах, не имеющих отношения к характеристике положения тела, и при глаголах, обозначающих движение, сочетание предлога *на* с существительным, обозначающим часть тела, выступает как обстоятельство образа действия, отвечая на вопрос *как*?. Например: «*На колене* ми *се моли*, ръка ми целува...» (Йовк.); «Но всички *оздравяваха на крак*» (Карасл.); «Вие искахте да си вземете ранениче, булка Стоянице,— ето го, *на крака* ти *е доведено*» (Е.- П.); «Само по куртка, с грижливо лъснати ордени и блестящи сърмени пагони, полковникът търпеливо, почти *на пръсти пристъпваше* по тясната пътечка» (Веж.).

Значение опоры может быть выражено существительным с предлогом *върху*. Например: «До зидовете на черквата... седят като кошарища, *клекнали върху босите си крака*, бедни сирачета» (Е.-П.).

II. Отвлеченные значения предлога *на*

1. Отношения времени

Значение отрезка времени, к которому относится действие

Выражение временны́х отношений связано с основным пространственным значением предлога — определением места на самом предмете (а не рядом с ним: впереди, сзади, около). Выражая отношения времени, предлог *на* также указывает на время, к которому относится данное действие, в отличие от момента времени, за которым следует или которому предшествует действие. Время совершения действия может быть обозначено сочетанием предлога *на* с существительными, выражающими временны́е понятия,— названия времен года и частей суток, например: «Чак *на пролет*... тя се поуспокои» (Карасл.); «*На сутринта* се събуждаше добродушно учуден» (там же); названия отрезков времени с уточняющими определениями, например: «Но момчето не се върна и *на следната вечер*» (там же); «...*на третия ден* ротата вече доста сносно пееше хубавата съветска песен» (Веж.); «...*на другия ден* ги впрегнаха в каруцата» (Йовк.); «*На следната година*, преди Коледа, Стойко каза па майка си да идат и до София» (Карасл.); «Василе, *на твоя ден* и добитъка се радва» (Йовк.); день может быть определен посредством названия праздника или даты, например: *на новата година*, *на Тодоров ден*, *на праздник*, *на 18 май*. Определение отрезка времени, к которому относится действие, возможно посредством сочетания слов *време* или *години* с уточняющими определениями, в роли которых часто выступают указательные местоимения, например: «Два наполеона златни, *на онуй време* те бяха много пари» (Йовк.); «В учението беше слаб, *на тия години* човек като него на никаква служба не можеше да се вреди» (Карасл.); «...тя не била хубава, както *на млади години*» (там

inslav

же); или: *на младини*, *на старини*, например: «...а го остави да живее свободно и леко на старини» (Е.-П.).

Время действия может быть обозначено посредством указания на какое-либо регулярно повторяющееся в одно и то же время суток действие. Оно может относиться либо к природным явлениям (*на съмване*, *на мръкване*, *на залез слънце*), например: «Чак *на залез слънце* си тръгнаха към селото» (Карасл.), либо к распорядку жизни людей, например: «*На обед* заспиваше и спеше до икиндия» (Карасл.).

Время действия может определяться сочетанием предлога *на* с отглагольным существительным, обозначающим определенные стадии в последовательности действий: *на тръгване*, *на излизане*, *на раздяла*, *на влизане*, *на изпроводяк*, *на привършване*, *на отиване* и т. п. Например: «Обед е вече — каза той *на излизане*» (Йовк.); «*На изпроводяк* ми загря още два шамара» (Веж.); «*На разминаване* командирът изведнъж втренчи в него съсгледите си очички» (там же); «Струваше им се, че *на всяка стъпка* могат да ги изненадат» (Карасл.).

Особое значение имеют выражения: *на време* 'своевременно'; *на часове*, *на час* 'в определенный час', 'по часам'; *на часа* 'немедленно', 'сейчас же'. Например: «Тя гледаше да свърши всичко *на време*» (Карасл.); «Не можа да купи воденицата *на времето*, сега го е яд» (Йовк.); «Службата им е чиновнишка — *на часове*. *На час* стават, *на час* лягат, *на час* ги поим и *на час* ги храним» (Е.-П.); «Да ти го оставя — съгласи се *на часа* Иван» (Карасл.).

2. Отношения цели и следствия

Подобно тому, как значение причины у предлога *от* связано со значением исходности, значение цели у предлога *на* связано со значением направления. Сочетание *на* с существительными, обозначающими действие, может, как мы видели, определять направление движения. Например: «А един неделен ден им се падна *да идат и на сватба*» (Карасл.). Однако в случаях, когда при глаголе уже имеется обстоятельство места, данное сочетание с предлогом *на* становится обстоятельством цели. Например: «Подобре *да беше отишъл на почивка някъде*» (Веж.); «Майорът *бе заминал на съвещание в щаба* на армията» (Веж.); «В неделя той *отиде у тях на обяд*, както бе поканен» (Ваз.).

При глаголах, не обозначающих целенаправленного движения, значение цели данная конструкция выражает и без наличия обстоятельства места. Например: «И ние... *събрахме се на приказка*» (Йовк.). Обстоятельство цели может быть выражено конструкцией с существительными вещественного значения. Например: «*Седнахме на чай*,— *на чаша вино*» [23].

Можно согласиться с С. Бояджиевым, который трактует как обстоятельства цели сочетания с предлогом *на* в следующих примерах: «Тя се връщаше от кладенчето, дето вечер селските момиа *отиваха на вода*» (Е.-П.); «Ти *ходил* ли *си на лещници* в планината?» (Ваз.); «Я ставай да те *водим на череши*» (Йовк.) и т. п. Предлог *на* указывает на предмет, за которым направляются в данное место. В отличие от предлога *за* сочетание с предлогом *на* возможно лишь в случае, когда речь идет о природном местонахождении и месторождении данного предмета (вещества, плодов, растений). Однако эти сочетания можно отнести к обстоятельствам цели, так как они не просто обозначают место (т. е. место, где растут данные плоды и пр.), но содержат вместе с тем указание на цель действия — собрать, принести эти плоды и т. д.

---

[23] Пример взят из грамматики П. Калканджиева (указ. соч., стр. 491).

inslav

Значение следствия предлог *на* выражает в сочетании с наречиями. Например: «Дядо, рекох, виж гълъба, *на хубаво е* ще оздравеш!» (Йовк.); «Не *вървеше на добре* Стойко» (Карасл.).

3. *Трансгрессивные отношения*

При выражении трансгрессивных отношений предлог *на* также выступает в значении, противоположном предлогу *от*. Если сочетание с предлогом *от* обозначает начальное состояние изменяющегося предмета, то сочетанием с предлогом *на* обозначается его конечное состояние, являющееся результатом действия превращения. Например: «Преди години... Поптодоровите бяха я работили тази нива, но я бяха изоставили и *се обърна* тя *на целина*, безплодна и загубена целина» (Карасл.); «Страстта е страшна сила... може *агнето да превърне на тигър, а ангела — на демон*» (Ваз.); «*Да станат на раци*! Да живеят като риби под вода» (Йовк.); «Каква лисица е той! Преструва се *на светец*» (Е.-П.). Сочетания с *на* обозначают результат действия, направленного на изменение формы предмета. Например: «*Чупеше* хляба *на малки залъчета*» (Карасл.); «Той извади ножчето и я *наряза* щедро *на дебели парчета*» (Ваз.); «Чивгарите на плуговете му, оставени в полето, *бяха надробени на парчета*» (Йовк.). Возможно, к трансгрессивным следует отнести отношения, выраженные предлогами *от* и *на* в следующем предложении: «*От трима души* дружината *се умножи на петима*» (Ваз.), где предлог *от* указывает на начальное, а предлог *на* — на конечное состояние.

4. *Отношения меры и количества*

С помощью предлога *на* выражаются различные значения, связанные с измерением расстояния и размера, определением возраста, количеством частей при делении.

а) С помощью предлога *на* обозначается величина расстояния от какой-либо точки. Например: «Великовото село беше *на три-четири километра* отсам чифлика» (Йовк.); «...на *пет-шест крачки* от тях беше застанал Комура» (там же); «Ех, с твоя пушка, аз бих ударил врабче *на триста крачки*» (Е.-П.). Предлог *на* может сочетаться при этом не только с существительными, характеризующими меру длины, но также с существительными, обозначающими меру времени. Например: «Истина, гората е *на пет-шест часа* от тука» (Йовк.).

б) Сочетание с предлогом *на* может указывать на размер суммы. Например: «Мълвата изкарваше неговите богатства *на няколко хиляди жълтици*» (Е.- П.); «Дохожда Ананий и всички без Стоила започват да играят на карти. Играят *на много дребни суми*» (Йовк.).

в) Сочетание с предлогом *на* служит для указания на меру отсчета. Например: «Наглеждаше дали се поставят правилно фигурите, с които се отмерваха *на кубици* готовите дърва» (Йовк.); «...когато се мери жито, броенето да започва от хиляда, та все *на хиляди* да върви» (Карасл.).

г) Предлог *на* употребляется при определении количества частей, на которые разделяется что-либо. Например: «В сиромашкия двор на Нане Стоичко беше израснала чудна върба. Още от земя тя се разклоняваше *на пет* здрави и еднакво дебели братя» (Е.-П.); «Изведнъж овцете се подплашиха, разделиха се *на две*» (Йовк.); «Стоичко, Стоичко, *на сто* парчета да те насекат!» (Е.-П.).

д) Предлог *на* употребляется при определении возраста. Например: «...а пък майка му го остави *на девет години*» (Влайк.); «...още като беше

inslav

на два-три месеца... тръгна веднъж с Василя» (Йовк.); «Той беше момък *на двадесет и две-три години*» (Е.-П).

е) Предлог *на* употребляется для определения количества повторений в сочетании с существительным *път*, при котором стоит количественное определение. Например: «... *на няколко пъти* се озъби и на подпоручик Личев» (Веж.); «*На два пъти* майка *ѝ* минава̀ край нея» (Карасл.); «Чу *на два-три пътя* в съня си ръмжение» (Йовк.). Этот оборот соответствует русскому беспредложному *два раза*, *несколько раз* или *дважды*, *трижды* и т. п.

5. Распределительные отношения

а) При выражении распределительных отношений сочетание с предлогом *на* обозначает единицу распределения, т. е. единицу, на которую приходятся определенные равные части чего-либо. Например: «...имат, значи, двайсет и четири вола, по дванайсет *на плуг*» (Йовк.); «... получава по едно кило мамулено брашно *на ден*» (там же); «Ама искаха десет хиляди *на декар*» (Карасл.). То же значение имеет предлог *на* в следующих примерах: «А бе, за ротния фелдфебел не знам, но готвачите *сто на сто* крадат» (Веж.), т. е. на каждые сто приходится по сто; «Знаеш ли, що е бяла лястовичка! Тя, кай, *на сто години* я се появи веднаж, я не» (Йовк.).

б) Сочетание с предлогом *на* может определять, между сколькими единицами распределяется что-либо. Например: «Ние пет комунисти *на пет* различни краища на селото сме пръснати» (Веж.).

в) С помощью предлога *на* определяется порядок следования действий в выражениях *на свой ряд*, *на първо место* и т. п. Например:«— Какво бе, дядо Петре...— разсърди се *на свой ред* Давидко» (Йовк.); «Обвиняват ви в какви ли не неща, а *на първо място*, че сте действували крайно произволно, с насилствени методи» (Веж.).

III. Грамматические значения предлога *на*

К грамматическим значениям предлога *на* в болгарском языке следует отнести не только значения дательного падежа, выражаемые этим предлогом, но также значение образа действия и ряд случаев глагольного управления.

1. Отношения образа действия

Отношения образа действия предлог *на* может выражать при различных глаголах, обозначающих действия и положения, например при глаголах движения: «...воловете *вървят на куп*» (Йовк.); положения: «Благолажът погледи бялото мъниче, което *лежеше* пред него *на купче*» (Е.-П.); речи: «Прошение давам да го съдите,— *заговори на песен* Нена» (Е.-П.); при некоторых других глаголах, например: «... кобилите от хергелята бяха *се събрали на куп* и пръхтяха» (Йовк.); «Но и те *вършат* туй мързеливо, *като на шега*» (там же).

Сочетания предлога *на*, характеризующие образ действия, образуются с неодушевленными существительными, конкретными и отвлеченными. Например: *на купчина*, *на око*, *на групи*, *на шега*, *на припев*. Иногда эти существительные сопровождаются прилагательными, например: *на широки бразди*, *на ситен тръс*, *на широка нога*.

Сочетание образа действия может повторяться: *на вълни на вълни*, *на купчини на купчини*. Например: «...черни дебели клони,... а над тях, *на купчини на купчини*, изрядко, както е у остарелите дървета,— млади зелени листа и бял цвят» (Йовк.).

inslav

Сочетания с предлогом *на* могут характеризовать образ действия:

а) Посредством указания на следствие данного действия. Это находим при глаголах, обозначающих действия, результатом которых является сообщение предмету определенной формы. Например: «Тая болка беше свила нейната млада и изтощена снага *на купчинка*» (Е.-П.); «Думите, като пъстри и миризливи цветя *се изплитаха на венец*» (там же). Это может быть форма совокупности предметов. Например: «Отдалеч ги видяха *събрани на купчина*» (Йовк.).

Глагол, обозначающий действие, следствием которого является приобретение предметом (или совокупностью предметов) определенной формы, может быть опущен, т. е. можно сказать не только «То... легна *свито на кравай*» (Йовк.), но также «...*лежеше* пред него *на купче*» (Е.-П.).

б) Посредством указания на положение предмета или форму совокупности предметов во время совершения действия. Например: «Там *стоят на счичкани купчини* селски момичета»(Е.-П.); «Морни жетварки със смях и песни *се връщаха* в село *на весели групи*» (там же); «...войниците останаха по местата си, *разговаряха* оживено *на групички*» (Веж.); «...ама ми дадоха два, че *на чифт* ги *продават*» (Йовк.); «Хората ту *на групи*, ту един по един почнаха *да си отиват*» (Е.-П.). Сочетание с предлогом *на* может характеризовать форму, которую принимает вещество во время совершения действия. Например: «Из устата му *на тънки жици течеше* лига» (Йовк.); «После приседна и *заяде на големи залъци*» (там же).

в) Посредством характеристики самого процесса действия, например характера движения: «Обикновено кучетата, ... *вървят на ситен тръс*» (Йовк.); «Неприятното друсене бе исчезнало, конят се носеше *на дълги гладки вълни*» (Веж.); «Из полето *на вълни се доносяха* тъжни жетварски песни» (Е.-П.); характера речи или звуков, например: «Станчо-о-о, пък теб съм забравила! — *заговори на припев тя*» (Е.-П.); «И изведнъж, кларнетът трепна-трепна, *изви на плач*...» (Карасл.). Переходные действия также могут быть охарактеризованы с точки зрения того, как они совершаются. Например: «Юрталанката дигна керемидата над овена и го *прикади на кръст*» (Карасл.); «... риза от домашно платно, *тъкана на черни и бели квадратчета*» (Веж.).

В русском языке употреблению предлога *на* могут соответствовать обороты с творительным образа действия.

Сочетание с предлогом *на* может характеризовать образ действия с точки зрения способа совершения действия, посредством указания на орудие действия. Например: «Това кьосе, облечено в груби шаечни дрехи, *шити на ръка*, се казваше Марко» (Е.-П.); «Калугерът *измери* овена *на око*» (Карасл.); «Новото малко продължаваше да млящи с уста и *да суче на ума си*» (Е.-П.).

Сочетание с предлогом *на* может характеризовать действие с точки зрения отношения субъекта к его совершению. Например: «...той *на драго сърце би* го *продал*» (Йовк.); «Бреей! — *учуди се не на шега* поручикът» (Веж.); «Ба, *да* ме *изплаши*! — *отвърна* той като *на шега*» (Карасл.); «*Разказваха на подбив*» (там же).

Сочетание с предлогом *на* может характеризовать образ действия с точки зрения его оценки, например: «... *живееше на широка нога*» (Йовк.); «*Убиха* добитъка *на вятъра*» (там же), т. е. зря, напрасно; «Ще я *продаде на цена*» (Карасл.); «Този тор той го *зве на безценица*» (там же); «След марша подхванаха някаква нова, гражданска песен, която сега *беше на мода*» (там же); с точки зрения протекания во времени, например: «Севде! — *следеше* тя дъщеря си *на всяка стъпка*» (Карасл.).

Конструкциям с предлогом *на* в этих значениях в русском языке соответствуют различные предложные конструкции. Например: *жить*

inslav

на широкую ногу, *говорить что-либо в шутку* (*на шега*), *отдать с удовольствием*. *быть в моде*, *шить на руках*, *измерять на глаз* и т. п.

Возможны в болгарском отдельные случаи и других определений образа действия с помощью конструкции с *на*. Например: «... тя се подплаши, извъртя се и *удари на бяг*» (Йовк.); «И макар да *беше* все *на щрек* и да се пазеше, вълчицата пак дойде» (там же); «...*изглеждаше на безобиден мирен пътник*» (там же); «Севда шеташе, вслушваше се в разговорите им, *дебнеше* ги *на всяка стъпка*» (Карасл.); «... преди *да заговори* бурно и громовито *на цял свят*» (Веж.).

Отношения образа действия могут быть выражены наречными конструкциями с предлогом *на*. Например: «... черпи го и *на дълго* и *на широко* му *разправя* за поразиите на Пеня Пандуров» (Карасл.); «Една сутрин *бях ударил* няколко мастики *на гладно*» (Веж.).

2. Глагольное управление

К глагольному управлению можно отнести употребление предлога *на* для выражения объектных отношений, связь которых с конкретным значением предлога затемнена. Сюда относится обозначение неодушевленного объекта при глаголах *отговарям*, *разчитам*, *махам*, *стрелям*. Например: «Слушатели *отговориха на тоя удар* със страстни възклицания» (Е.-П.); «Бендерата знаеше, че командирът бе *разчитал на киното*» (Веж.); «Юрталана *махна на парите*, които даде в заем» (Карасл.). «... *на аероплана стрелят*,— каза Адамов» (Йовк).

При глаголах со значением 'зачислять', 'поступать куда-нибудь'. Например: «То, знаеш ли, е *зачислено на порцион*» (Йовк.); «човек като него *на никаква служба не можеше да се вреди*» (Карасл.).

При глаголах *уча се*, *навиквам*. Например: *уча се на ум*, *на ред*, *на занаят* и т. п. «Защо го биеш?...— За да се *научи на ум*» (Е.-П.); «И двете кобилки бяха още неопитомени... *навикнали на свобода*, *диви*» (Йовк.); «Като учен той *бе привикнал на подредени лаборатории и определени материали*» (Веж.).

При глаголах со значением 'быть похожим на кого-нибудь'— (*приличам*, *метна*) или в составном сказуемом, именная часть которого выражает то же значение, например, *досущ*, *подобен*: «С тях той *приличаше на стар сватбар*» (Е.-П.); «*На майка си се метнал*» (там же); «тя имаше и две дъщери... те *бяха досущ на майка си*» (Влайк.).

При глаголах со значением 'пахнуть', например: «*Мирише на вино*, *тютюн и манджа*» (Е.-П.); «Подпоручик Нейков се наведе още по-ниско и като го *лъхна на ракия* отново, зашепна» (Веж.).

К глагольному управлению относится употребление предлога *на* после некоторых глаголов для обозначения инструментальных отношений, например глаголов *играя*, *свиря*, *преда*: *преда на гурка*, *на черака*; *свиря на гайда*; *играя на топ*, *на карти*, переносно: *играя на възстание*.

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГОМ *ЗА*

Предлог *за* в болгарском языке не имеет локального значения, свойственного ему в других славянских языках, значения указания на заднюю сторону предмета. Этой цели служат в болгарском языке другие предлоги (*зад*, *след*, *подир*). Значение предлога *за* в болгарском языке можно определить как значение 'охвата, ограничения'. Это один из предлогов с наиболее абстрактными значениями.

inslav

Приглагольные словосочетания с предлогом *за*

1. Отношения охвата части предмета

Конкретное значение предлога *за*, выражающее наглядное представление охвата части предмета, проявляется в сочетаниях с глаголами, обозначающими действия механического присоединения, прикрепления к какому-либо предмету, обозначенному существительным с данным предлогом. Например: «Той *беше завързан* с верига *за железен кол*» (Йовк.).

Существительным с предлогом *за* может быть обозначена также часть подвергающегося действию предмета, которая непосредственно охватывается действием. Например: «Стоян *хвана* нежно момиченце *за ръка*» (Е.-П).; «Айя *беше вързана* с дълго въже *за врата*» (Йовк.).

Отношение охвата, ограничения, выражаемое предлогом *за*, представлено здесь в конкретной, зрительно ощутимой форме.

Другие случаи употребления предлога *за* в болгарском языке связаны с выражением отвлеченных отношений времени, цели, мотива и повода, эквивалентности, предназначения, ограничительных и изъяснительных отношений.

2. Отношения времени

Предлог *за* с существительным, выражающим меру времени, указывает на отрезок времени, в течение которого происходит действие. Например: «Може ли *за три месеца* да не приготвите едни списъци» (Веж.); «Само *за няколко дена* тесна гола стаичка му беше станала съвсем своя и любима» (Веж.).

В этих словосочетаниях предлог *за* выступает в значении ограниченного охвата, определяя обе границы временнóго отрезка.

В отличие от русского языка предлог *за* может указывать на отрезок времени, в течение которого должно длиться какое-либо действие. Например: «... музиката млъкна *за миг*, и в низкия опущен таван удариха кръшните звуци на леко, игриво хоро» (Карасл.), т. е. музыка смолкла, чтобы молчать одно мгновенье; «Той оставаше *за момент* като закован» (там же); «Той не се делеше нито *за час* от ротата» (Веж.). В русском языке в этих случаях может быть употреблен только предлог *на*.

Специфическим является употребление предлога *за* в выражениях *за пръв път* и т. п., соответствующих русскому 'в первый раз'. Например: «И в гласа му *за пръв път* прозвучаха твърди началнически нотки» (Веж.); «Здравейте, войници! — поздрави той *за трети път*» (там же); «Те обикаляха *за последен път* своите хора» (Карасл.); «Та така дойде ред и на Стойка *за пръв път* да заведе младата си булка на сватба» (там же).

3. Отношения цели

Отношения цели предлог *за* выражает при глаголах движения и при некоторых глаголах, обозначающих действия, совершаемые с целью получения, приобретения чего-либо (*боря се*, *мобилизирам*, *напрегна сили* и т. п.).

а) Простейший случай целевых отношений представлен при глаголах движения, когда движение совершается с целью получения, приобретения чего-либо. Существительное с предлогом *за* обозначает предмет, получение и доставка которого является целью движения. Например: «Майката думала на малката и красива Кита да не се облича добре и да не *ходи* често *за вода*» (Карасл.); «Поручик Манев понякога *идваше* на постовете *за информация*» (Веж.); «Но да дойде сам околийският управител и да

inslav

прати нарочно *за него*» (Карасл.). Определяя цель действия, предлог косвенно определяет и его направление, поскольку глаголы движения требуют данного определения.

б) Предлог *за* при глаголах движения может непосредственно указывать на пространственную цель движения. Например: «Обнадеждена и съживена отново, Севда *тръгна за Пловдив*» (Карасл.); «И *за този събор* тя *отиваше* с оня, който беше изпълнил цялото ѝ сърце...» (там же); «По улиците *бързаха за домовете* си последните унгарци» (Веж.); «Тази скала беше изправена като врата точно на пътечката, що *водеше* от параклисчето *за черния междуселски път* долу» (Карасл.); «И сега изведнъж — писмо! — и то преди още да е научила адреса му, изпратено навярно по някой *пътуващ за частта* си офицер» (Веж.).

Существительное с предлогом *за*, как мы видим, может обозначать в этих сочетаниях название населенного пункта, помещения, организации или какое-либо пространственное понятие (*междуселски път*), характеризующее пространственную цель движения. Однако это значение предлога *за* не относится к обычным пространственным значениям предлогов, выражающих локальные отношения. Предлог *за* не определяет здесь положения по отношению к предмету, обозначенному существительным. Не случайно этот предлог в болгарском языке возможен при глаголах движения, но не может быть употреблен с глаголами положения, т. е. обозначая направление, не может обозначать места. Это дает основание рассматривать данное значение предлога *за* как значение цели, а не как значение направления, которое выражается здесь лишь попутно. Не случайно цель при этих глаголах может легко утрачивать пространственный характер. Например: «Пръв път *тя тръгваше за такъв далечен път*» (Карасл.); ср. выше *междуселски път*. Цель может обозначаться посредством указания на действие, в котором примет участие действующее лицо: «Поручик Манев потупа дружески малкия войник и *се запъти за обед*» (Веж.); «Димитър *пристигна* пръв *за съвещание*» (там же).

в) С помощью отвлеченных существительных (часто отглагольных) с предлогом *за* обозначается цель действия при глаголах со значением 'добиваться', 'бороться', 'готовиться' и т. п. Например: «Българският народ *ще се бори* с всички сили *за защита* на своята свобода и независимост» (Г. Димитров); «Но *за превръщането* на тези възможности в една действителност нашата партия трябваше *да води* сериозна и сурова *борба*» (там же); «Партията *напрегна* всичките си *сили за бързото изграждане* на действителния Отечествен фронт» (там же); «Дори Стойко все повече и повече се застояваше вечер на улицата и по кафенетата, дето се препираха по политиката, заканваха се и *се готвеха за събори и избори*» (Карасл.); «В чифлика *се заготвиха за сватба*» (Йовк.).

В рассмотренных нами трех видах словосочетаний, выражающих целевые отношения, наблюдается различная степень отвлеченности предлога. Первый тип (а) может восприниматься как своеобразный эллипсис, где не выражено, но подразумевается действие 'взять'. Ср. в русском языке: *пойти за водой*, *послать за ним* и т. п. Здесь ясно ощущается связь с конкретным значением предлога.

Изменение характера косвенного объекта, выраженного существительным с предлогом *за* (тип б), при тех же глаголах делает предлог *за* выразителем целевых отношений без связи с отношением охвата. В подобных словосочетаниях в русском языке предлог *за* неизвестен.

Единство первого и второго типа поддерживается единством глагольного значения: и в первом и во втором случае указывается цель действия при глаголах движения, косвенно определяющая и направление (куда?).

Третий тип словосочетаний отличается от первых двух значением гла-

inslav

гола, исключающего какое бы то ни было пространственное определение и требующего чистого определения цели. В русском языке предлога *за* требует только глагол *бороться*.

Значение цели тесно связано со значениями мотива и повода действия, а также предназначения.

4. Отношения мотива и повода

Отношение мотива и повода отличается от отношения цели тем, что указывает на обстоятельства уже наличествующие, в то время как определение цели действия указывает на обстоятельства, еще не достигнутые. Например: «Може *за работа да* те *търси* човекът» (Карасл.), т. е. человек имеет к тебе какое-то дело и поэтому тебя ищет. Ср.: «Че пиянствуват — пиянствуват, всички *пиянствуват. За добро*, а не от добро» (Е.-П.), где сочетание *за добро* определяет цель, то, чего еще нет, что подчеркивается противопоставлением *а не от добро*.

Отношение мотива и повода предлог *за* выражает при глаголах со значением 'благодарить', 'поздравлять', 'ругать', 'мстить' и т. п., выражающих действия или чувства субъекта, вызванные определенными обстоятельствами, на которые указывает существительное с предлогом *за*. Это существительное может обозначать свойства и черты характера, действия, поступки, проявления чувств, отношения и т. п. Например: «Чичо Митуш *обичаше* жълтото куче тъкмо *за неговия особен нрав*» (Йовк.); «Много взех да се изморявам! — оплакваше се той, когато тя започваше истински *да* го *хока за неговия мързел*» (Карасл.); «Войниците *извикаха* бурно и радостно «ура» — дали *за победата* или *за печеното*, не можа съвсем ясно да разбере» (Веж.); «Петко Сандък — еминя подкокоросал пашата *да отмъсти за това осквернение* на турската светиня» (Карасл.); «*Благодаря за доверието*, господин полковник» (Веж.); «Когато командирът преди да разпусне ротата, ги *поздрави за добре проведеното учение*, отговориха му отривисто и громко» (там же).

Значение повода может выражать предлог *за* с существительным личного значения при глаголах *пия*, *почерпя* и т. п. Например: «...всички, *да пием* по чаша *за малкия Иванчо*,— викаше Стоян» (Е.-П.); «Хай *да почерпиш* и *за него*» (там же); «Между това гъмжило от жени се мярка и дългата фигура на Станчо Поляка, който като жена *разнася* жито *за покойната* си *съпруга*» (там же).

5. Отношения эквивалентности

Отношения эквивалентности предлог *за* выражает:

а) При указании на предмет, получаемый в результате обмена. Например: «Юрталана *даде* петстотин лева повече *за декар*» (Карасл.); «Готова е *да даде* своя живот *за живота* на едно мъничко, жадувано, безкрайно малко и скъпо същество» (там же).

б) При указании на цену, которую платят за приобретаемое. Например: «Само Казълбашката *купи* една свещ *за двадесет лева* и една *за петнадесет*» (Карасл.).

в) В словосочетаниях, где предлог *за* указывает на предмет, вместо которого выступает другой предмет, выполняя его функции. Например: «Казвал си,... че има кой друг *да свърши за нас* тая работа» (Веж.); «*Аго работеше за двама*» (Йовк.).

г) Поскольку значение 'вместо кого-то' тесно связано со значением 'в роли, в качестве кого-то', предлог *за* служит и для выражения этого значения. Например: «Опълченската рота ... *служеше* ту *за гарнизон* по

inslav

градовете, ту *за стража* по мостовете» (Е.-П.); «*Залепили* ѝ *за подметки* червен ластик и тя сега просто се срамува да ходи с тях» (Веж.).

То же значение имеет предлог *за* в выражениях *има за* (*цел*), *поставя за* (*цел*) и т. п. Например: «Цялата му литературно-критическа дейност *има за цел* именно да подпомогне създаването на литература с прогресивно общественно значение» (Благ.); « — Да го *имам за верен човек...*» (Йовк.).

С отношением эквивалентности, несомненно, связано употребление предлога *за* при глаголах со значением 'считать(ся)', 'находить', 'объявлять' (*смятам*, *мисля*, *обявявам*) и т. п., а также при глаголах со значением введения в новую должность (*избирам*, *назначавам*). Например: «Партията *се обяви* в 1919 г. *за Българска комунистическа партия*» (Г. Димитров); «В същото време той *минаваше за защитник* на селските интереси» (Карасл.); «Един *сочеше* баба си *за защитник*, друг *назначаваше* майка си *за прокурор*» (Ваз.); «Балана и Чивгата ги *почитаха за най-добрите и най-хубави волове*» (Йовк.); «Имаше само едно спасение — в изборите, дето идеха сега, *да* го *изберат за кмет*» (Карасл.); «Ще смените незабавно стария готвач с Григор, а *за помощник ще сложите* войника, който той сам си избере» (Веж.).

Однако в этих конструкциях с полусвязочными глаголами, где существительное с предлогом *за* входит в состав предиката, употребление предлога в значительной степени определяется правилами конструкции, а не его лексическим значением. В этих конструкциях предлог *за* грамматикализуется.

Можно указать несколько конструкций, где значение предлога *за* трудно точно определить, хотя оно, несомненно, связано с рассмотренными выше значениями. Мы относим эти случаи к глагольному управлению, где употребление предлога определяется традицией. Например: *уча се за*: «Той *учеше* там *за адвокат*» (Карасл.); *готвя за*: «Затова мълвата, криво или право *готвеше* Стефчова *за бъдещи зет* на Юрдана» (Ваз.); *застъпя се за*: «Още днес ще влеза във връзка с помощник-командира на армията и ще искам *да се застъпи за нас*» (Веж.); *гласувам за*: «Късно нощем Юрталана ходеше у тях, убеждаваше ги *да гласуват за него*» (Карасл.); «Ама *да не пуснеш за мене*, дето толкова съм ти помагал» (там же); *отговоря за*: «Но сега ние ръководим народа и ние *отговаряме за него*» (Веж.); *годя за*, *женя се за*: «*Годили* я *бяха за един момък* от близките села» (Йовк.); «Той не криеше пред себе си, че *беше се оженил за Севастица* заради зестрата ѝ» (там же).

Рассмотренные нами отношения времени, цели, мотива и повода, эквивалентности составляют комплекс значений предлога *за*, являющихся общими для болгарского и русского языков. Различия касаются только широты употребления предлога *за* в этих значениях.

Специфическим для болгарского языка по сравнению с русским является употребление предлога *за* для обозначения пространственной цели, что в русском языке или невозможно, или имеет другое, чисто локальное значение указания на точку, находящуюся вне или позади данного предмета. Например: *пойти за село*, *уехать за Урал*. С существительными, не выражающими пространственные понятия, предлог *за* в этом значении при глаголах движения в русском языке употреблен быть не может (*пойти на собрание*, *на обед*; *уехать в полк* и т. п.). Не свойственно русскому языку столь широкое, как в болгарском, употребление предлога *за* в предикативных конструкциях. Этим конструкциям в русском языке соответствуют конструкции с творительным предикативным: *выбрать судьей*, *считать порядочным человеком*.

Наблюдаются некоторые расхождения и в других частных случаях реализации отдельных значений. Однако помимо этого болгарский пред-

inslav

лог *за* обладает значениями, которые русскому предлогу *за* вообще не свойственны. Сюда относится употребление предлога *за* для выражения изъяснительных отношений при глаголах мысли, речи и чувства, где предлог *за* грамматикализован и выступает в роли глагольного послелога, а также употребление предлога *за* для выражения ограничительных отношений и относительного определения, где предлог *за* выступает в своем ограничительном значении. По широте употребления эти значения являются преобладающими.

6. Изъяснительные отношения

Употребление предлога *за* при глаголах мысли, речи и чувства для указания на объект и содержание этих действий первоначально, видимо, связано со значением охвата, свойственным этому предлогу. Предлог *о* (*об*), выполняющий эту функцию в других славянских языках, также связан со значением охвата, которое ясно проявляется, когда данный предлог выступает в роли глагольной приставки. Болгарским предлогом *за* было утрачено конкретное значение указания на точку, находящуюся позади, по ту сторону предмета. Единственным конкретным значением этого предлога является значение охвата части предмета, которое стало в силу этого доминирующим представлением, определяющим лексическое значение предлога.

Однако, несмотря на то, что здесь возможно установить логическую связь между отвлеченным и конкретным значениями, предлог *за* в этих словосочетаниях выступает как грамматикализованный предлог, подобно русскому предлогу *о* (*об*) при тех же глаголах. Это обусловлено семантической определенностью группы глаголов, которые требуют данного предлога для обозначения косвенного дополнения, раскрывающего содержание и объект действия.

Изъяснительные отношения предлог *за* выражает при глаголах, обозначающих процессы мышления (*мисля*, *зная*), памяти (*помня*, *забравя*), узнавания (*науча*, *досещам се*, *чувам* и т. п.) и сообщения (глаголы речи). Например: «Андрешко *мислеше за бедния Станоя*» (Е.- П.); «Тя *знаеше за любовта* на Севда» (Карасл.); «Всякога, когато си *спомня за детинството*, *за топлото домашно огнище*, *за родното селце*... в паметта ми изпъква и едрата, кокалеста снага на Белчо — нашия стар вол» (Е.-П.); «Чичо Митуш си имаше много работа и скоро *забравяше за жълтото куче*» (Йовк.); «—Войниците *научиха за победоносния ход* на Съветската войска, *за големите ѝ победи*, *за бягството* на фашиските войски към старите граници на Германия» (Веж.); «Понякога чичо Митуш *се досещаше за него*» (Йовк.); «Той обеща да го следи и постоянно *да пита* учителите *за бележките и за поведението му*» (Карасл.); «Но от филма те видяха само края, защото грешно ги *бяха осведомили за часа* на почването» (Веж.).

Наряду с косвенным дополнением, выраженным существительным с предлогом *за*, при некоторых из этих глаголов может быть и прямое дополнение, раскрывающее содержание сообщения или мыслительного процесса. Например: «Като не можа *да разбере нищо за него* от външността му, той погледна към ръцете» (Веж.); «Никой *нищо не знаеше за нея*» (Йовк.); «*Разкажи* ми *нещо за него*» (Веж.). В этих конструкциях яснее чувствуется косвенное отношение к действию объекта, обозначенного существительным с предлогом *за*: он указывает на предмет, ограничивающий содержание сообщения или мысли.

Дополнения с предлогом *за* требуют некоторые глаголы, обозначающие чувства субъекта, испытываемые по отношению к данному предмету, а именно глаголы *мечтая*, *жадувам*, *милея*, *мъчнея*, *тревожа се*, *беспокоя*

inslav

се, *грижа се* и т. п. Например: «Както виждате, господин поручик, *за по-изпечен фашист не може и да се мечтая*» (Веж.); «Но като някоя стара дълбока рана все си го *наболяваше за златното място*» (Карасл.) «Ето, и аз нямам отдавна писмо от жената, та затова *се тревожех за нея*» (Веж.); «Едва ли не излезе, че господарят *милее за работниците* повече от комитета» (там же); «Обятията на Стояница, *жадували* толкова години *за топлото тяло* на дете, се разтваряха с нежност» (Е.-П.); «Ротният командир, казва, вижда се, не е лош, *грижи се за ротата*» (Веж.); «*Спокоен за* своите *граници*» (Г. Димитров).

7. *Ограничителные отношения*

Если выражение изъяснительных отношений связано со строго определенной семантической группой глаголов, при которых предлог *за* является лишь знаком глагольного управления, лишенным собственного предложного значения, то в выражении ограничительных отношений он выступает во всей полноте предложного значения, хотя это значение и является отвлеченным.

В значительной степени это обусловлено отсутствием строго ограниченного круга слов, как глаголов, так и существительных, с которыми связано проявление данного значения. Предлог *за* в ограничительном значении может сочетаться с самыми различными категориями существительных, причем данное сочетание либо связывается с глаголом в порядке слабого управления, что находим, например, в словосочетаниях, выражающих отношения предназначения: «... не беше леко *да се сготви за бъдещ зет*» (Карасл.); либо может не быть связано с глаголом, а относиться к высказыванию в целом, например: «... *за немците* война вече не върви по строгите правила и по строгата логика» (Веж.).

а) Отношения предназначения. С помощью предлога *за* может быть выражено предназначение для любого предмета (одушевленного и неодушевленного), действия, явления, времени. Например: «Те *направиха за него* място в колибата» (Е.-П.); «Отскачаше до града и все питаше и разпитваше там — какво може *да се направи за ливадите*» (Карасл.); «*Нямаше* тук *място за похвали и одобрения*» (там же); «Черпеше ги с старо винце скътано и *скрито* от години *за такива дни*» (там же).

Широко употребляются в болгарском языке обороты с отглагольными существительными на *-не*, обозначающими действие, для которого что-либо предназначено. Например: «...трябва *да* му *дадат* нещо *за ядене*» (Йовк.); «*Нямаше* овце *за отделяне*» (Карасл.); «Това ми се види като една приказка, а не *нещо за вярване*» (Ваз.).

Самый различный характер может иметь и предназначаемый предмет. Это может быть одушевленный, неодушевленный, конкретный или отвлеченный предмет, создаваемый, приобретаемый или сохраняемый и т. п. для данного лица, действия. Например: «...държеше аргати, *наемаше* работници *за вършитба*, *за коситба*» (Карасл.); «По един брой *задържах за мен* и *за поручик* Нейков» (Веж.); «Като че се боеше да не би с мръдването си *да докара нови беди за Айя*» (Йовк.).

Предназначаться может само действие. Например: «Жълтото куче, може да се каже, *живееше за себе си*» (Йовк.); «Не беше леко *да се сготви за бъдещ зет*» (Карасл.); «Възглавниците и черджетата *изтупа и стъкна като за сватба*» (там же).

Утверждение или отрицание предназначения одного предмета или действия для другого может выражаться посредством вспомогательных глаголов *съм* или *имам*. Например: «Искам да кажа — кончето е припряно... *не е за неопитен ездач*» (Веж.); «Ти като получаваше пощата, преглеждаше ли писмата — *за кого има*, *за кого няма*» (там же); «Време *за бавене нямаше*»

inslav

(Карасл.); «...стана една царевица за чудо. Вършите ѝ още *не бяха за рязане*, можеха да почакат до една седмица» (там же).

Предложения с утверждением наличия, отсутствия, пригодности или достаточности чего-либо для того, кому данный предмет или действие предназначается, составляют переходные случаи между отношениями предназначения и чисто ограничительным значением. Например: «Зиме и лете, делник и празник *за него нямаше почивка и отдих*» (Карасл.); «*За село ги бива*, ама там с такова ли ще обличаш децата си» (там же); «Кожухчетата *не стигнаха за половина рота*» (Веж.). В этих предложениях уже наличествует значение определения чего-либо в каком-то ограниченном отношении: *за село ги бива* 'для села годятся' и т. п.

б) Отношения относительного определения. Выражая ограничительные отношения, предлог *за* указывает на предмет, в отношении которого или с точки зрения которого дается определение ситуации. Например: «*За България* удари дванадесетият час!» (Г. Димитров); «Срам е *за нас* да търпим повече такова положение» (Веж.); «*За него* нямаше опасност да се загуби» (Е.-П.). Сочетания *за България*, *за нас*, *за него* определяют, в отношении кого данное утверждение имеет силу, к кому оно относится.

«*За мене* вола е по-умно и от коня» (Йовк.). Сочетание *за мене* показывает, с чьей точки зрения дается определение.

При наречиях, выражающих оценку (*лесно*, *трудно*, *достатъчно* и т. п.), предлог *за* указывает на предмет, явление и т. п., в отношении которого дается оценка чего-либо. Например: «*За Севда не беше трудно* още от първите дни да вземе цялата къщна работа и уредба в ръцете си» (Карасл.); «*За Пенка* това *е лесно*» (Е.-П.); «Бе необикновено *топло за февруари*» (Веж.); «*И неочаквано за всички*, една вечер Стойко обади» (Карасл.); «Кларне и акордеон — *достатъчно за нуждите* на ротата» (Веж.); «*За хитлеристките окупатори* и техните български агенти *стана ясно*, че България далеч не представлява сигурен тил» (Г. Димитров); «С колкото по-голяма чест излезе нашата партия от войната, толкова *по-добре ще бъде за народа*» (Веж.).

При определениях (простых и предикативных), имеющих относительный характер, предлог *за* указывает на предмет, явление, по отношению к которому дается это определение. Например: «Беше невисоко момче, със широки плещи и *малко едра за тялото му* масивна глава» (Веж.); «*Типичен за левосектантския курс* беше издигнатият от левите сектанти лозунг за «всеобщо, открито, повсеместно настъпление»» (Г. Димитров); «Аз мисля, че въпросът с писмата *е много важен за настроението* на войника» (Веж.); «Може би нещата *бяха* прекалено *сложни* и *забъркани за неговия ум*» (там же); «Думите на господаря ѝ сякаш не *бяха утешителни за нейното болно сърце*» (Е.-П.); «Млад човек, но с ръждиви понятия той *остаяше недостъпен за новото великодушно веяние* на свободолюбивите идеи» (Ваз.); «Но именно затова ѝ възбуждаше ентусиазма на *жадните за ново слово* души в България» (там же); «Ако ние продаваме народността си без никакви причини, то може ли да напредне народ ни и *да бъде достоен за уважение*» (Хр. Бот.).

Итак, сфера употребления предлога *за* в ограничительном значении чрезвычайно широка.

Разнообразие типов словосочетаний, в которых может выступать предлог *за*, выражая ограничительные отношения, заставляет признать ограничительное значение собственным значением предлога, несмотря на его отвлеченный характер.

С ограничительным значением предлога связано употребление его в следующих двух типах устойчивых конструкций.

inslav

Предлог *за* употребляется в выражениях: *за съжаление*, *за щастие*, *за чудо* — 'к сожалению', 'к счастью,' 'к удивлению' и т. п. Например: «*За свое учудване* поручик Манев намери и двамата офицери в ротната канцелария» (Веж.); «Пред разпределителния пункт имаше само две каруци, но една, *за щастие*, се готвеше да тръгна скоро към селото» (там же); «*За голямо чудо*, Аго беше много весел» (Йовк.); «...*за съжаление* ние, най-близките съратници на Д. Благоев, след неговата смърт не съумяхме своевременно да направим необходимата марксистко-ленинска целостна преоценка на всички ценности на революционното минало...» (Г. Димитров); «Партията като цяло, *за разлика* от партиите в много други страни, влезе в Комунистическия интернационал» (там же); «Но *за разлика* от унгарците, българските войници бързо научиха трудните стъпки» (Веж.).

Предлог *за* употребляется в выражении *колкото за...* 'что касается до...' . Например: «*Колкото за Ганка*, той имаше и по-важна причина да зложелателствува на доктора» (Ваз.); «*Колкото за чифлика...* той на драго сърце би го продал» (Йовк.).

Относительное местоимение *колкото* может опускаться, например: «*За храброст — редко* храбър е» (Веж.); «*А за работа*, работиш като волец» (Е.-П.).

Та же конструкция употребляется с союзом *ако*. Например: «—*За измислянето ако* е, има кой да го измисли и да го научи,— подхвърли той» (Карасл.).

Приименные словосочетания с предлогом *за*

В приименных словосочетаниях существительные с предлогом *за* выступают в роли определения.

1. Определение по цели следования при существительном *път* или существительных, означающих средства передвижения. Например: «*Пътят за манастира* беше задръстен от народ» (Карасл.); «Тука през една улица е разпределителния пункт — винаги има *каруци за дружините*» (Веж.).

Выражение *на път за* 'по пути к' или 'в': «*На път за щаба* той продължи усилено да размисля» (Веж.); «Ето ги същите места, по които бе минал, когато... за пръв път се бе качил на Димитровата каруца *на път за ротата*» (там же).

2. Определение по предназначению: «Всичко им дават, разбира се... и сапун, и вакса, и *ножчета за бръснене*» (Веж.); «То беше си пъхнало главата в една *тенекия за масло*» (Йовк.); «Всеки ден Стоян събираше ротата *в часове за информация*» (Веж.); «Един нов *кандидат за борба* излезе в центъра и почна да запретва ръкавите си» (там же); «На младежите се откри най-широко *поле за дейност и развитие*» (Г. Димитров).

3. Изяснителные определения — определения по содержанию: «Интересни и важни са *възгледите на Благоев за спецификата на изкуството и за неговата форма*»; «Но когато дойде *вестта за отчуждаването*, Юрталана беше вече примирен» (Карасл.); «Още същият следобед поручик Манев издаде *заповед за арестуването* на бившия куриер» (Веж.); «Лазо, ти чул ли си *песента за невярната булка Стояница*?» (Е.-П.); «Гласуван бе *закон за конфискуване* на незаконно придобитите богатства» (Г. Димитров); «Днес нашата дружба е закрепена и формално с *договора за приятелство*» (там же).

4. Ограничительные определения. В сочетании с отвлеченными существительными со значением модальности (*желание*, *решимост*, *възможност*, *готовност*, *убеждение*, *воля*, *необходимост*), а также с существительными *цел*, *причина*, *условие*, *основа*, *значение*, *перспектива*, *опасност*,

inslav

влияние, *гаранция*, *вина*, *метод*, *ръководство*, *роля*, *процес* и другими предлог *за* определяет область, ограничивающую сферу действия и распространения выраженных данными существительными явлений и понятий. Например: «Тук изобщо не е имало *условие за създаване* на дисциплина» (Веж.); «Дали това не е *дълбоката причина за тяхната апатия и отпуснатост*, дори *за тяхната враждебност*?» (там же); «*Убеждението за пълната му безпомощност* уби всичката му енергия» (Ваз.); «Без да отричаме следователно *ролята* на предлозите *за ограничаване* на падежните форми, ние не можем да ги сметнем за единствена причина при загубата на падежите в даден език»[24].

СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С ПРЕДЛОГОМ *С*

Предлог *с* в болгарском языке не выражает пространственных отношений. Он обладает только социативным значением, в основе которого лежит представление о совместности, соединении двух предметов в их существовании или действии.

Предлог *с* выступает в своем конкретном значении при выражении комитативных и определительных отношений. Например: «*Юрталана вървеше с зетя си*» (Карасл.); «Висок *войник, с вдигната яка и със свалени наушници*... каза сериозно» (Веж.).

С помощью этого предлога выражаются, кроме того, отвлеченные отношения образа и способа действия, временные, инструментальные и объектные отношения.

В приглагольных словосочетаниях связь главного и подчиненного членов опосредствована действием. Они представлены связанными в процессе или во время совершения действия. Социативная связь обозначает, что подчиненный предмет сопутствует главному во время совершения действия. При этом формальное подчинение не всегда отражает действительную роль каждого из соединяемых в действии предметов. Второстепенный участник действия может быть представлен главным, а тот, кому действительно принадлежит ведущая роль,— подчиненным. Например: «(*Кучето.— Е. Ч.*)... *тръгна* веднъж *с Василя* подир каруцата и ходи чак до града» (Йовк.). Как реальные производители действия оба действующие лица могут быть равноправны. Например: «*Юрталана* започна *да се среща с Гатя Попов*» (Карасл.).

Это противоречие между реальной ролью в действии и формальным представлением приводит к тому, что в славянских языках развиваются конструкции, в которых глагол употребляется во множественном числе, что вводит подчиненный член, обозначенный сочетанием с предлогом *с*, в состав подлежащего. Эта конструкция свойственна и болгарскому языку. Например: «(Чичо Митуш.— *Е. Ч.*)... наедно *с Аго излязоха* пред дама» (Йовк.). В конструкциях с таким согласованием функция предлога *с* в известной степени приближается к функции союза *и*, однако это равенство не является равенством однородных членов.

В конструкции типа «...*ние с тетя ходихме* в корията» (Карасл.) равенство участников действия выражено множественным числом местоимения, а существительное с предлогом *с* является пояснительным членом, показывающим, кто является вторым из этих участников действия. Таким образом, предлог *с* всегда указывает на соединение предметов, один из которых является главным, а второй — сопутствующим, соучаствующим.

---

[24] Пример взят из кн.: К. Мирчев. Историческа граматика на българския език, София, 1958, стр. 266.

inslav

Мы попытаемся представить систему смысловых отношений, выражаемых сочетаниями с предлогом *с*, и рассмотреть их с точки зрения значения всех элементов данного словосочетания — предлога и знаменательных слов, между которыми данный предлог устанавливает отношения.

1. Комитативные отношения

Существительное с предлогом *с* обозначает предмет, который участвует в действии совместно с субъектом или объектом данного действия. Например, комитативность в субъекте: «... в туй време *вълчицата се изгуби* в тъмнината *с овцата*» (Йовк.); комитативность в объекте: «Да ми помниш думата — ще ни продаде, *ще ни заложи с парцалите*» (Карасл.).

По действительной роли главного и подчиненного членов в действии в комитативных отношениях различаются следующие оттенки значений: собственно сопроводительность, соучастие и совместность.

Собственно сопроводительными отношениями мы называем такие, когда участие подчиненного члена в действии, совершаемом главным, оказывается пассивным. Сюда относятся все случаи комитативности в субъекте с неодушевленными существительными, например: «*Тя дойде с голяма чанта*, каквито носеха жените от града и учителките» (Карасл.), или случаи, когда одушевленный предмет пассивен в отношении действия, например: «... на гости им *дойде зълва ѝ с детето си*» (Карасл.).

Если сопутствующий предмет активно участвует в действии наряду с главным, мы имеем отношения соучастия. Этот тип отношений представлен в большинстве случаев комитативности в субъекте с одушевленными существительными. Например: «*Идеше* им най-често Червенакова *Добра с дъщерите си*» (Карасл.); «... те откриваха други скривалища,... гдето *вълчицата се беше спотайвала* някога *с вълчетата си*» (Йовк.).

Отношение совместности характеризуется пассивным участием в действии как сопутствующего, так и главного предмета. Сюда относятся все случаи комитативности в объекте, а также случаи комитативности в субъекте при глаголах состояния, пребывания. Например, совместность в объекте: «— Не, *дай* ми *дървото с земята*. До синора да остане, но да е в моя дял» (Карасл.); «Ще затворят свекъра ѝ, *ще го влачат със Стойка* по съдилищата» (там же).

Совместность в субъекте: «До тях *беше* и *Васил с чича Митуша* и *с Петра овчаря*» (Йовк.); «И тя тръгва да види дали не е нейният *изгорник с дружината си*» (Карасл.).

В комитативные словосочетания входят обычно существительные с конкретным значением; возможны, однако, случаи образования этих словосочетаний с отвлеченными существительными. Например: «Така стремително — мислеше си поручикът,— *човек* се движи, когато е взел някакво решение и *бърза с него* нанякъде» (Веж.); «Лятото съвсем ѝ отплесна мислите. *То дойде с хиляди нови залисии, с тежка, непосилна работа*» (Карасл.). Подобные обороты носят обычно образный характер.

2. Отношения взаимодействия

Отношения взаимодействия характеризуются тем, что действие происходит между двумя субъектами, становящимися в процессе его совершения в равные отношения друг к другу. Например: «На всички *той* раздаде подаръци, *сприятели се с децата*» (Карасл.).

Этот тип отношений возможен лишь при глаголах, которые означают действие, предполагающее обязательное соучастие в нем другого лица — партнера. Существительное с предлогом *с* служит для обозначения лица—

inslav

партнера, вступающего во взаимодействие с субъектом. Характер этого взаимодействия может быть различным в зависимости от значения глагола. Это значение находим:

а) При взаимных глаголах на *се* (типа *боря се*, *карам се*), образованных от переходных глаголов с прямым объектом и обозначающих направленное друг на друга действие двух субъектов, каждый из которых является как бы прямым объектом встречного действия. Существительным с предлогом *с* обозначается второй из взаимодействующих субъектов (первый обозначен подлежащим). Например: «В ума си *той* все *се караше с Панко*» (Йовк.); «Нашата фабрика има добре обзаведена лаборатория, а и работниците са добри момчета и *се разбирам с тях*» (Веж.).

б) При взаимных глаголах без *се* (*приказвам*, *разправям*, *споря*, *общувам* и т. п.), обозначающих взаимно направленное действие двух субъектов, каждый из которых является косвенным объектом встречного действия. Существительное с предлогом обозначает предмет, являющийся косвенным объектом действия, совершаемого подлежащим и субъектом аналогичного встречного действия. Например: «Сега *той разговаряше с хора*, които по-рано и не поглеждаше» (Карасл.); «А *свекървата е говорила със свекъра*» (там же); «Дълго преди да заспи *той* скита в мислите си из унгарските магазини, дълго *спори с продавачите*» (Веж.); «Студен ли е човек, *който* търси *да общува с хората*?» (там же); «*Не дружи с нашите*...» (там же).

в) При глаголах, обозначающих отношение или такое действие, в результате которого устанавливается определенное взаимное отношение. Например: *меря се*, *слея се*, *свържа се*, *сприятеля се*, *водя се* и т. п. Прямым объектом действия является сам субъект, который посредством данного действия ставит себя в определенные отношения к предмету, обозначенному существительным с предлогом, причем отношения эти оказываются взаимными. Например: «С помощта на поручик Манев библиотекарят успя да *се свърже с фронтовия кореспондент*» (Веж.); «Но излезе Юрталана, а *с него* той не можеше *да се мери*» (Карасл.); «След някой и друг месец, след година — две най-късно, това хубаво зелено поле щеше да *се слее със сивата селска мера*» (там же).

Этот тип отношений является в известном смысле переходным к отношениям объектным, так как активно действующим представлен здесь лишь субъект-подлежащее, однако отношения, которые устанавливаются в процессе этого действия, оказываются взаимными, обоюдными, что и позволяет отнести данный тип к отношениям взаимодействия. Сюда же следует отнести обороты типа: «Още днес *ще вляза във връзка с помощник-командира* на армията» (Веж.); «Той е професионален журналист и в миналото *е имал взимане-даване с него*» (там же); «*Да нямате нещо общо с полковник Манев*?» (там же).

3. Объектные отношения

Если отношения взаимодействия характеризовались тем, что соучаствующие в действии лица являлись вместе с тем друг для друга объектами действия или отношения, то при объектных отношениях действие оказывается односторонне направленным. Это мы находим в двух случаях: 1) если при глаголах, предполагающих возможность взаимодействия, появляется объект, не способный быть субъектом встречного действия (это обычно предмет неодушевленный). Например: «Изобщо, да си призная, твърде слабо *съм запознат с положението* в ротата» (Веж.); 2) при глаголах, не предполагающих отношения взаимности. Например: «... обясняваше се кое беше му побъркало *да се разправи с вълчицата* с кривака» (Йовк.).

inslav

Существительное с предлогом *с* в словосочетаниях, выражающих объектные отношения, обозначает: косвенный объект действия, объект отношения и объект оценки.

1) Выражение косвенного объекта действия: «Той се остави *да правят с него* каквото искат» (Йовк.); «...както навярно *бе постъпил с командира* на полка» (Веж.); «Дълго след като Стоян *бе свършил с четенето*, войниците останаха по местата си» (там же); «Трябва да ви кажа, другарю поручик, че *се справихте* отлично *със задачата* си» (там же); «...умееше *да се занимава вече* и *с дребулии — с баки, с ведомости, със заплати, с войнишка чорба*—и това не му тежеше» (там же); «Това кьосе.. се казваше Марко и *се ползуваше с голяма известност* из околията» (Е.-П.); «Той беше един много особен вол и затуй чичо Митуш обичаше *да се шегува с него*» (Йовк.); «Стотици млади невести ходеха там с една молба и с една надежда — като се проврат през Богородичния камък, *да се сдобият с рожби*» (Карасл.).

2) Выражение объекта отношения, сравнения. Существительное с предлогом *с* обозначает предмет или явление, к которому устанавливается какое-нибудь отношение другого лица или предмета: присоединение или отделение, приближение или отдаление, связь или нарушение ее. Например: «Струва ми се, че *ти* прекалено твърдо и остро *се отнасяш с хората*» (Веж.); «Какво *ще ни сравняваш с другите роти*» (там же); «Явно, че *са се помирили с положението* си» (там же); «...*свикна със задухата*» (Карасл.); «...конят... махаше глава надолу-нагоре сякаш и той не бе съвсем *съгласен с това*, което се бе случило» (Веж.); «*Стига с тия дребулии*!— каза рязко войникът» (там же); «Той не знаеше кое повече го дразни — дали наглото безочливо лице на Личев или пък сърдечността на другия, която му пречеше *да се държи* строго *с него* както бе решил» (там же); «Юрталана вървеше с зетя си и личеше, че *се гордее с него*» (Карасл.).

3) Выражение косвенного объекта оценки. В высказывании дается оценка положения дел или обстоятельств, связанных с лицом или предметом, обозначенным существительным с предлогом *с*. Например: «И *с храната* вече *е добре*» (Веж.); «*С хората нещата са по-сложни* — искат се здрави нерви и повече тактичност» (там же); «Така откъснат от света, той не знае *какво става с неговите домашни, с имота му*» (там же).

Предлог *с*, выражая объектные отношения, утрачивает свое социативное значение и превращается в средство выражения глагольного управления.

4. *Орудийные отношения*

Существительное с предлогом *с* обозначает предмет, являющийся орудием или средством совершения действия. Например: «Командирът *потропа с молива* си по масата» (Веж.); «Войниците сновеха между тях, *покриваха с чулове* топлите им влажни гърбове и ласкаво ги потупваха» (там же).

В словосочетаниях со значением орудия действия выступают только неодушевленные существительные с предметным значением. Это могут быть части тела, производящие данные действия, например: «Пелинко въздъхна и *махна с ръка*» (Е.-П.), или посторонние для данного тела предметы: «Децата ще ти *носят* водица *с белия медник*» (Е.-П.). Средство действия может быть обозначено не только конкретными существительными, но также существительными с отвлеченным значением и одушевленными существительными. Например: «Телците... бяха го *обидили с своите немир-*

inslav

ства» (Е.-П.); «*Ще смените* незабавно стария готвач *с Григор*» (Веж.); «*Пристигнал с коня*».

От комитативных словосочетаний, образованных с теми же категориями существительных, орудийные словосочетания отличаются иным отношением подчиненного предмета к действию. Комитативная связь — это связь сопутствующего предмета с субъектом или объектом действия, но не с самим действием, так как совершение данного действия не обусловлено непосредственным участием в нем указанного сопутствующего предмета. В словосочетаниях, выражающих отношения орудия и средства действия, существительное с предлогом *с* обозначает предмет, при посредстве которого субъект совершает действие, т. е. предмет, непосредственно связанный с действием, являющийся необходимым условием совершения данного действия. Вместе с тем участие в действии предмета, обозначающего орудия и средства действия, оказывается принципиально отличным от участия в нем субъекта действия. В этом и состоит нарушение социативной связи, предполагающей известный параллелизм, аналогию в отношении к действию главного и подчиненного членов словосочетания.

Социативная связь в приглагольных конструкциях состоит в том, что два предмета оказываются связанными во время совершения действия, причем подчиненный предмет может либо пассивно присутствовать при главном во время совершения действия, либо действовать параллельно с ним, выступая в той же роли, что и главный. Как только подчиненный предмет начинает играть какую-то особую роль в отношении к действию, отличную от роли главного предмета, социативная связь между существительными нарушается, подчиненный член оказывается теснее соединенным с действием, чем с главным членом. Это мы находим в объектных и в орудийных отношениях, где главный член является субъектом действия, а подчиненный — объектом действия, орудием или средством действия.

5. Отношения образа и способа действия

Выражая отношения образа и способа действия, предлог *с* устанавливает сопроводительную или определительную связь между подчиненным членом и действием. Например: «...наблизо изхвъркнаха диви патки и *с шум се изгубиха*» (Е.-П.); «Докато войникът шеташе около колата, поручик Манев го *наблюдаваше с интерес*» (Веж.); «После с *едри и малко театрални крачки, се приближи* към него» (там же).

При выражении отношений образа и способа действия предлог *с* сочетается с существительными, обозначающими отвлеченные понятия (явления, признаки), реже — с конкретными существительными, при которых стоят определения, несущие на себе смысловое ударение. Например: «Стрехите на старата черква *плачеха с едри сълзи*» (Е.-П.); «Дядо Йорго *слушаше с отворена уста*» (там же).

Характеризуя образ действия, отвлеченное существительное с предлогом может обозначать:

1) Название действий, сопровождающих совершение основного действия, например: «...каруцата *се носеше* из полето *с трясък*» (Йовк.) и характеризующих способ действия, например: «Войниците *с весели подвиквания прескачаха* изкопа» (Веж.).

2) Психические явления, эмоции и переживания субъекта: а) характеризующие состояние субъекта во время совершения данного действия, например: «Севда *заспиваше* и *се събуждаше с една мисъл* и *с едно желание*» (Карасл.); «Той *с болка отвърна* очи от него» (Веж.); «Жените я *гледаха* продължително и *със завист*, мъжете я *проследяваха с някакво особено любопитство*» (Карасл.); б) эмоции и переживания субъекта, выра-

inslav

жающиеся в данном действии, например: «Сивушка едвам отвори очи, *погледна с молба* господаря си» (Е. П.); «Милостиви жени я задърпаха, *заговориха с утеха*» (там же); «Съдиите го *погледнаха с насмешка и съжалително*» (там же); «Димитър *с яд хвърли* цигарата» (Веж.).

3) Внутренние качества, черты характера и признаки субъекта, проявляющиеся в данном действии, например: «...на средата на масата *с важност седеше* Гаврил» (Е.-П.); «Той *с достоинство бе вдигнал* глава...» (Веж.); «Всичко! Всичко! — *повтори* той *с пламенна откровеност*» (Карасл.); «Съвсем не зная, господин поручик,— *с тъпо упорство отговори* войникът» (Веж.); «Нейната жива и весела пъстрота *свети* празнично, *с усмивка* и *с доброта*» (Е.-П.).

4) Признаки, определяющие действие со стороны внутренних усилий субъекта и отношения субъекта к данному действию, например: «*С страшна сила се нахвърли* Юрталана да я работи» (Карасл.); «той *пя с чувство*, сам развълнуван от напрегнатото съдържание на песента» (там же); «*Влачил* оралото дълги години, безропотно, *с великото мълчание* на волската душа» (Е.-П.).

5) Оценку действия, например: «Истина ли беше това, или лъжа, никой не можеше *да каже с положителност*» (Карасл.); «И *с право са* го *казали*» (там же); «Но *се хвалеше с половин уста*» (там же); «... писмата *идват с голямо закъснение*» (Веж.); «Старата сумтеше, шеташе из стаите и само разбъркваше всичко, което Севда след другата работа на полето и в хармана смогваше бързо и *с вкус да подреди*» (Карасл.); «Аз вече зная, че за каквото и да се заловиш, ти му *се отдаваш с цялата си душа*... и не го оставяш, докато не го *завършиш с най-добър успех*» (Веж.); «*С колкото по-голяма чест излезе* нашата партия от войната толкова по-добре ще бъде за народа» (там же).

Эмоциональная характеристика действия может быть выражена с помощью существительных с соответствующими определениями, характеризующими отдельные стороны и проявления этого действия. Например: «Той млъкна за момент, после *започна* вече *със спокоен глас*» (Веж.); «И като се обърна, *попита със сериозен тон*» (Е.-П.); «... и *заговори* пак *с езика на приказките си*» (там же); «По пътя булка Стояница се опита да погали момиченцето и му *заговори с топли думи*» (там же); «Над усоето ...*прозвучаха с тържествено и сладостно съзвучие* камбаните» (Карасл.); «Командирът прегледа набързо книжата, после вдигна очи и *измери с критичен поглед* офицера» (Веж.); «Стрина Тодорана *вървеше* полека, *с бавна, спокойна и безгрижна походка* и викаше» (Е.-П.); «Тогава и Захари се върна и *с твърди решителни крачки тръгна към* Василевата къща» (Йовк.).

Отношения образа действия могут быть выражены некоторыми конкретными существительными с определениями. Чаще всего это существительные, обозначающие части тела (*очи, ръце, глава* и т. п.). Определения, стоящие при этих существительных, обозначают или временный признак, или положение данного предмета, присущее ему во время совершения действия и характеризующее внутреннее душевное или физическое состояние субъекта во время совершения действия, например: «А Севда *шеташе със свито сърце*» (Карасл.); «Само Цено погледна другите *с недоумяващи очи*» (Веж.); «...*постоя* смирено *с наведена глава*» (Карасл.); или способ совершения действия: «...*погледна с едно око* чичо Митуша» (Йовк.); «Седнете, поручик,— каза командирът и като го *погледна с леко примижали очи*, добави...» (Веж.); «Последните думи Благолажът *произнесе* остро и *със стиснати челюсти*» (Е.-П.); «...и тя *видя с едно мъничко крайченце* на окото си, как те се ухилиха многозначително» (Карасл.); «Тя *се обърна с очи* към опасността» (Йовк.).

inslav

Иногда отношения образа действия могут быть выражены с помощью существительных, обозначающих посторонние субъекту предметы, соединенные с ним в момент действия. Они характеризуют образ действия в том случае, если наличие их у субъекта или их положение придает особый оттенок действию. Например: «Той взе *да пази* нощя *с пушка*» (Йовк.).

6. Временные отношения

Сочетания с предлогом *с* определяют приблизительную продолжительность действия посредством указания на меру времени, которой оно измеряется. Существительное, обозначающее меру времени, ставится во множественном числе — *с дни*, *с часове*, *с години*, что означает 'целыми днями' или 'по нескольку дней' и т. д. Например: «Спомням си, съберем се около огъня, говорим, смеем се, а той стои настрана и *с часове не продумва*» (Веж.).

Сочетание предлога *с* с существительным *време* означает 'со временем', 'с течением времени'. Например: «Което трябва да стане, да си стане *с време*» (Карасл.); «Още тогава бях намислил да я разформирувам, но после реших да изчакам дано *с времето* се оправи» (Веж.). Сочетание с предлогом *с* употребляется для указания на разницу в возрасте. Например: «Трябва да е по-млад от тебе *с една*, *две години*» (Веж.).

Приименные словосочетания с предлогом *с*

В приименных словосочетаниях с помощью предлога *с* могут быть выражены определения, характеризующие конкретный предмет в отношении положения и признаков его отдельных частей или соединенных с ним предметов. Например: «По сухото му жално *лице*, *с тънки и увиснали мустаци*, се е отпечатало всеобщото сериозно и тъжно настроение» (Е.-П.); «Едва сега той забеляза между другите дребничкия *библиотекар с вестник* в ръцете» (Веж.).

С помощью предлога *с* образуются словосочетания с определением отвлеченных понятий в отношении предмета, составляющего содержание данного понятия. Например: «Тая възмутителна *история с нафталиновата сол* е направена пак нарочно» (Веж.).

Существительные со значением действия могут иметь дополнение, выраженное словосочетанием с предлогом *с*, которое указывает на лицо, являющееся соучастником данного действия. Например: «Най-напред дойде *любовта ѝ с Стойка*» (Карасл.).

В отличие от комитативных отношений, предполагающих соединение посторонних друг другу предметов в процессе совершения действия, определительные отношения, наоборот, возникают обычно там, где речь идет об органически связанных друг с другом предметах. Это может быть часть предмета или часть тела. Например: «В дъното на двора стои нова *каручка с желязна обковка* и *с изписани ритли*» (Е.-П.); «Телците, тия луди *малчугани с завити опашки* и волни подскачания, бяха го обидили...» (там же).

Словосочетание с предлогом *с* может обозначать также одежду, украшения, знаки отличия и прочие предметы, надетые на кого-то. Например: «Още по-надолу... подскачаха червендалести *рупци с красиви и интересни дрехи*» (Карасл.); «Само по куртка, *с грижливо лъснати ордени* и блестящи сърмени пагони, *полковникът* търпеливо, почти на пръсти пристъпваше по тясната пътечка» (Веж.).

Определение, выраженное существительным с предлогом *с*, обычно само сопровождается определениями, так как характерным для опре-

inslav

деляемого предмета является не наличие у него данной части, а ее отличительные признаки или положения. Возможны, однако, случаи, где само наличие данного предмета представляет отличительную черту определяемого. Например: «На следната година, не си отдъхнал още от купуването на *ивицата с бряста*, Юрталана научи, че се продава още една ивичка от пет декара» (Карасл.).

С помощью предлога *с* может быть выражено определение посредством указания на содержимое сосуда, тары и т. п. Например: «Димитър извади от ръкава си измачкана *кутия с цигари*» (Веж.).

С этим конкретным значением связано определение отвлеченных понятий посредством указания на предмет, раскрывающий их содержание. Например: «Аз мисля, че *въпросът с писмата* е много важен за настроението на войника» (Веж.).

Некоторые из рассмотренных определений могут выступать в качестве предикативных членов при связочных и полусвязочных глаголах. Например: «Той *беше с къси, обърнати назад рога*» (Йовк.); «Севда го *оставяше* буден, *с хлътнали черни бузи*, замислен и нервен» (Карасл.).

Предикативный характер имеют определения в сочетании с глаголами, которые не утратили полностью своего вещественного значения, но не выражают предикативного значения самостоятельно. Например: «Той *ходеше със смачкано сиво кепе* и *с дълго джубе*, изтъркано и поизбеляло от носене» (Карасл.).

Определение с предлогом *с*, входящее в состав предиката, может быть выражено лишь существительными, обозначающими части тела или название одежды и других предметов, надетых на субъекте и потому как бы являющихся его органической частью. Например: «Тя *беше с отрязана и накъдрена коса, с хубава рокля, с тънки копринени чорапи*» (Карасл.).

В предикативное определение могут входить существительные, обозначающие внутренние признаки лица (характер, настроение и т. п.). Например: «Поручик Манев *излезе* на двора подтиснат и *с понижено настроение*» (Веж.).

Таким образом, обязательным условием образования определительных словосочетаний является наличие предмета или явления, органически связанного с определяемым. В случае, когда существительное с предлогом *с* обозначает предмет, не воспринимающийся как органическая часть субъекта, возникают комитативные отношения, указывающие на соединение двух предметов в данном действии.

Все типы смысловых отношений, выражаемых с помощью предлога *с*, можно расположить в порядке постепенного ослабления связи между подчиненным компонентом словосочетания и субъектом и соответствующего возрастания связи между подчиненным компонентом словосочетания и действием.

На первое место нужно поставить определительные отношения, где связь между подчиненным компонентом словосочетания и действием минимальная. Она существует независимо от совершения действия или лишь приурочена ко времени его совершения.

Далее следуют приглагольные словосочетания, выражающие комитативные отношения и отношения взаимодействия. В этих типах словосочетаний предлог *с* выражает социативную связь между двумя предметами, устанавливаемую в процессе совершения действия. Социативная связь — это связь по сообществу, соучастию, предполагающая параллельное, аналогичное друг другу участие главного и подчиненного компонентов отношения в совершении действия. Комитативные отношения предполагают, что предметы участвуют в действии параллельно друг другу, причем роль подчиненного компонента может быть и пассивна. От-

inslav

ношения взаимодействия характеризуются участием двух предметов во встречном действии, направленном друг на друга. В отличие от комитативных отношений, где предметы действуют параллельно друг другу, в одном направлении, в отношениях взаимодействия они действуют друг против друга, выступая одновременно и в качестве субъекта действия, направленного на своего партнера, и в качестве объекта встречного действия. Отношения обоих партнеров к действию тождественны друг другу.

В рассмотренных типах отношений (определительных, комитативных и взаимодействия) предлог *с* выражал социативную связь между двумя предметами, причем в комитативных отношениях и отношениях взаимодействия эта связь ставилась в зависимость от совершения действия, что находило свое формальное выражение в образовании приглагольных словосочетаний.

В словосочетаниях, выражающих объектные и орудийные отношения, мы находим нарушение социативной связи между предметами, участвующими в действии. Так, объектные отношения предполагают отсутствие двусторонности действия. По сравнению с предыдущим типом (отношениями взаимодействия) аналогия в отношении предметов к действию нарушается, тем самым нарушается социативная связь между ними. Предлог *с* выражает здесь отношение между действием и его объектом, отношение, не связанное с социативным значением предлога.

Другой тип нарушения социативной связи представляют собой орудийные отношения. Здесь также роль соединяемых в процессе действия предметов оказывается различной: подчиненный компонент выступает в качестве посредствующего звена между субъектом и действием и оказывается теснее связанным с действием, чем с субъектом. В качестве главного члена отношения здесь выступает действие, так как отношение устанавливается между действием и орудием действия. Собственное социативное значение предлога также не имеет никакого отношения к выражению данного типа связи.

Итак, объектные и орудийные отношения характеризуются нарушением социативной связи между подчиненным членом словосочетания и субъектом действия и установлением отношения между подчиненным членом словосочетания и действием, отношения, не являющегося социативным.

Отношения времени, образа и способа действия характеризуются восстановлением социативной связи, но уже не между предметами, а между основным действием, с одной стороны, и действиями, явлениями и признаками, сопутствующими данному действию и характеризующими его протекание, с другой. В отличие от комитативных словосочетаний, где речь шла о двух предметах, параллельно участвующих в одном действии, в обстоятельственных словосочетаниях речь идет о параллельных действиях, явлениях, признаках, порождаемых одним источником.

Таким образом, социативное значение предлога с, проявляющееся в выражении связи между предметами или действиями по совместному, параллельному существованию и проявлению, ясно выступает во всех типах отношений за исключением объектных и орудийных, где социативная связь оказывается нарушенной. Отношение между действием и объектом, действием и орудием не отражает социативного значения предлога. Предлог оказывается условным знаком данного отношения, но не называет его.

С этим обстоятельством связана другая особенность объектных и орудийных отношений. Мы имеем здесь дело со связанным употреблением предлога, т. е. таким употреблением, которое обусловлено не соответствием смысла предлога смыслу передаваемого отношения, а какими-то внешними условиями.

inslav

Е. А. ЗАХАРЕВИЧ

ПРОИЗВОДНЫЕ ОСНОВЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Словарный состав болгарского языка за последнее время претерпел значительные изменения в связи с изменениями в жизни болгарского народа, вызвавшими мощный подъем производства, дальнейшее развитие науки, техники и культуры. Многие слова вышли из употребления, но еще большее количество новых слов появилось и продолжает появляться в связи с возникновением новых понятий. Особенно интенсивно пополняется новыми словами категория существительных со значением лица.

В эпоху такого бурного развития словарного состава оправданным является интерес к вопросам словообразования, которое представляет собой основное средство обогащения словаря на базе имеющегося языкового материала.

Однако именное словообразование в болгарском языке до сих пор не было еще предметом специального изучения. Правда, большинство грамматик болгарского языка уделяет внимание и этому вопросу [1]. Определена система суффиксов (продуктивных и непродуктивных), образующих существительные со значением лица; выявлен круг основ, с которыми сочетаются суффиксы; намечены основные семантические группы слов; есть ценные замечания об эмоциональной окрашенности слов с определенными суффиксами.

Несомненно, правильным следует считать отказ большинства языковедов от диахронического подхода к фактам словообразования, который имеет место у Ст. Младенова. Нарушение одного из основных требований, предъявляемых к словообразовательному анализу,— подходить к рассмотрению языковых явлений синхронно — приводит Ст. Младенова к антиисторизму. Но нужно сказать, что принцип конкретно-исторического подхода к языковым фактам не до конца выдерживается при рассмотрении конкретного материала. Во-первых, говоря о производных основах, никто не отмечает наличия среди них основ разных типов. Безусловно, разными по характеру являются основы типа *побойник*, *глупак* и *рецензент*, с одной стороны, и *разбойник*, *юнак* и *студент* — с другой, о чем свидетельствует и объяснение этих слов в Толковом словаре. Значение

[1] См. П. В. Калканджиев. Българска граматика. Пловдив, 1938; Н. Костов. Българска граматика. София, 1939; Ст. Младенов, С. Василев. Граматика на българския език. София, 1939; А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940; его же. Нова българска граматика за всякого, дял първи, свезка втора. София, 1955; Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944.

inslav

одних поясняется ссылкой на другие основы (*побойник* — който нанася побой, *глупак* — глупав човек, *рецензент* — който дава рецензии), так как они имеют внутреннюю форму; значение же других объясняется описательно [2], так как у них внутренняя форма отсутствует. Во-вторых, при рассмотрении производных основ не ставится со всей четкостью вопрос о производящей основе, что приводит в отдельных случаях к смешению исторического и синхронного планов. Только этим можно объяснить, например, выделение суффикса *-ец* в слове *страдалец* или суффикса *-ник* в словах *пратеник*, *годеник* и др.

С этим же вопросом (о производящей основе) связано определение характера слов типа *бездомник*. Что это, сложное слово (Л. Андрейчин основы, образованные путем префиксации, типа *поморие*, называет сложными) или производное? На такой вопрос грамматика ответа не дает.

Неясным остается вопрос и о том, что вкладывается в понятие «значение суффикса». Поэтому, прежде чем перейти к рассмотрению конкретного материала, необходимо остановиться на некоторых общих, теоретических вопросах словопроизводства, на основе которых должен проводиться словообразовательный анализ.

Вопросы словопроизводства были предметом внимания многих русских и советских лингвистов. Ими были поставлены и так или иначе решены многие теоретические проблемы, связанные со словопроизводством, в том числе и такие, как принцип определения производности и непроизводности основы слова, вопросы морфологического членения производной основы и значения ее составных частей, положение о необходимости конкретно-исторического подхода к вопросам словопроизводства, вопрос продуктивности словообразовательных элементов и словообразовательных типов.

Основы производные и непроизводные

Производные основы противопоставляются основам непроизводным в первую очередь с точки зрения структурно-морфологической [3]. Слово с непроизводной основой представляет собой неразложимое единство, а слово с производной основой распадается на составные части — морфемы.

Морфологическое членение производной основы осуществляется на основе соотнесения ее с другими основами: 1) с основой непроизводной; 2) с родственными производными основами [4]; 3) с основами, однотипными в структурном отношении [5].

Среди существительных со значением лица, пола есть небольшая группа непроизводных, с точки зрения современного языка, основ: *баща*, *брат*, *дядо*, *жена*, *чичо*, *сестра*, *кум*, *сват* и др. В значительной степени это — общеславянская лексика.

Среди производных основ есть производные с так называемыми связанными основами, выделяемыми лишь при сопоставлении с родственными словами. К числу их относятся такие, как *вдов-ец* (так как есть *вдов-ица*,

---

[2] См. «Български тълковен речник». София, 1955, стр. 715, 834, 965.

[3] Положение Г. О. Винокура о том, что они противопоставлены и с семантической точки зрения, так как слово с непроизводной основой представляет собой «немотивированное» обозначение явлений действительности, в то время как «значение слов с производной основой определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы», не распространяется на все типы производных основ.

[4] См. Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию.—«Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», 1946, № 4.

[5] См. А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ.—«Доклады и сообщения филол. факультета МГУ», вып. V, 1948.

inslav

вдов-ство, хотя непроизводная основа *вдов* утрачена), *друг-ар* (так как есть *друж-ба*, *друж-ество*, хотя непроизводной основы *друг* нет), *дея-тел* (соотносимая с *деец*, *деяние*, от старой основы *дея-ти*), *зрител* (*зрение*, *зрящ*, хотя глагол этого корня утрачен), *сир-ак* (*сир-ота*, *сир-омах* при отсутствии непроизводной основы *сир*), а также *славянин* (соотносимое со *славянски*), *вой-ник* (*вой-на*), *мракобесник* (*мракобесие*) и некоторые др.

К числу производных со связанной основой относятся личные имена существительные, относящиеся к кругу заимствованной интернациональной лексики, соотносительные с существительными на *-изъм* и другими: *комун-ист — комун-изъм*, *социал-ист — социал-изъм*, *идеал-ист — идеал-изъм*, *материал-ист — материал-изъм* и т. д.

Есть и суффиксальные основы, не соотносимые в современном болгарском языке с другими родственными основами, в которых, однако, при сопоставлении с другими суффиксальными основами со значением лица суффикс легко выделяется. Как примеры таких основ могут быть приведены следующие: *приятел*, *свидетел*, *разбойник*, *юнак*. Других основ, родственных с ними по значению, в болгарском языке нет, но значение лица, ясно осознаваемое, связывается с тем элементом в составе основы, который выделяется и в других, аналогичных по значению, основах. К числу подобных основ относится также целая группа слов, являющихся интернациональными. Это такие основы, которые не соотносятся в болгарском языке ни с непроизводными основами, ни с другими родственными производными. В качестве примеров могут быть приведены такие, как *студент*, *клиент*, *аспирант* и др. Считать их отглагольными образованиями, как это делает проф. Л. Андрейчин, механически перенося в болгарский язык те отношения, которые существуют между производящей основой и словообразовательным аффиксом в языке, откуда идет заимствование, было бы неправильным. Для носителей болгарского языка, не владеющих иностранным языком, из которого заимствовано слово, выражаемое им понятие так же не мотивировано, как и у слов с непроизводной основой. Однако, находясь в одном ряду с такими производными основами, как *диригент* (*диригирам*), *конкурент* (*конкурирам*), *проектант* (*проект*, *проектирам*) и обладая общим с ними значением (значением лица), они также выделяют в своем составе соответствующие суффиксы *-ент*, *-ант* и т. д.

Производящая основа и словообразовательный аффикс

Для словообразования важным является понятие о производящей основе, которая выступает носителем лексического значения производной основы, модифицируемого присоединением аффикса. Например: *пиша — подпиша* — значение *пиша* при присоединении аффикса *под-* изменяется таким образом, что производная основа *подпиша* получает значение 'написать внизу, под чем-либо'; таким образом, по отношению к производной основе *подпиша* основа *пиша* является производящей; *вик — викам* — значение слова *вик* 'крик' при присоединении аффикса *-а-м* изменяется так, что производная основа *викам* обозначает 'издавать крик', 'кричать', и здесь основа *вик* по отношению к основе *викам* является производящей; *викам — викач* значение производящей основы *викам* 'кричать' при присоединении суффикса *-ач* изменяется так, что *викач* обозначает того, кто кричит; таким образом, по отношению к *викач* в качестве производящей основы выступает основа *викам* (а не *вик*). Это и значит, что «функция аффикса состоит в том, что он дает возможность увидеть ту же основу в другой перспективе»[6]. Но сам по себе аффикс не существует и имеет «какой-ни-

[6] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 320.

inslav

будь смысл только тогда, когда он применим к какой-либо основе»[7]. Роль словообразовательных аффиксов — префиксов и суффиксов — в процессах словопроизводства различна. «Основное значение первых (префиксов) заключается в указании направления действия, а также в указании пространственных отношений, основное же значение вторых (суффиксов) классифицирующее, т. е. заключающееся в указании класса представлений, в который зачислено данное представление»[8]. Именно поэтому префиксация является основным способом производства глаголов, а суффиксация — имен.

Цель морфологического членения производной основы должна заключаться «не столько даже в установлении того, какие именно звуки в составе каждого данного слова следует отнести к основе, а какие — к суффиксу, сколько в том, чтобы выяснить, с какой непроизводной основой соотнесена данная производная...»[9]

Однако, учитывая то, что в качестве производящей основы может выступать не только непроизводная, но и производная основа, правильнее говорить о соотнесении производной основы не с непроизводной основой, а с производящей, т. е. той самой, с лексическим значением которой связано в данный исторический момент значение данной производной основы. А сама производящая основа может быть и непроизводной (корневой), и производной (т. е. содержать суффиксальные элементы)[10].

При членении производных основ на морфемы мы будем учитывать существующие в настоящее время связи данной производной основы с другими основами, а саму основу делить на две части (независимо от количества морфем в ней) — на производящую основу и суффикс. Так, например, в производной основе *рудничар*, содержащей в своем составе три морфемы (*руд-нич-ар*), в качестве производящей основы выделяется *руднич-*, к которой прибавлен суффикс *-ар*[11], так как значение производной основы указывает на соотношение: *рудница — рудничар* (*рудничар* 'тот, кто работает в руднике').

Функция суффикса *-ар* в данном акте словопроизводства состояла в том, что он так изменил слово со значением места, что новое производное стало обозначать лицо, работающее в этом месте. Суффикс *-ар* так же изменяет значение и других слов со значением места: *железница — железничар*, *тепавица — тепавичар*. Именно это и имеется в виду, когда говорится, что основа индивидуализирует значение слова, внося в него конкретное лексическое содержание (например, определенное место), а суффикс обобщает его, относя данное конкретное понятие к более широкому кругу понятий, в данном случае — лицо; вся же производная основа в целом обозначает лицо, работающее в том месте, которое обозначено производящей основой. Если взять ряд производных основ с тем же суффиксом *-ар*, например: *хляб — хлебар*, *овца — овчар*, *бръсна — бръснар* и другие, то можно увидеть, что все они обозначают действующих лиц, но внутри этой категории они разойдутся по разным рубрикам: *хлебар* 'тот, кто печет или продает хлеб', *овчар* 'тот, кто пасет овец', *бръснар* 'тот, кто бреет' и т. д. Эти более частные оттенки в значении производных основ связаны со значением производящей основы.

---

[7] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 320.

[8] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М., 1935, стр. 93.

[9] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 323.

[10] Конечно, термин «производящая основа», которым приходится пользоваться при словообразовательном анализе, в ряде случаев носит условный характер (в применении, например, к основам, значение которых переосмыслено, или по отношению к заимствованным словам).

[11] Чередование в производящей основе указывает на то, что здесь был суффикс-*jар*.

inslav

В отдельных случаях на первый взгляд создается впечатление, что разные значения производных основ, образованных от одной и той же производящей основы, зависят только от суффикса, из чего делается вывод о том или ином значении суффикса. Например: *планинар* 'альпинист' и *планинец* 'горец'; *вицист*[12] 'лицо сочиняющее короткие веселые рассказы, анекдоты' и *вицаджия* 'лицо, умеющее и любящее их рассказывать'; *атомник* 'тот, кто призывает к атомной войне, атомщик' и *атомист* 'ученый, специалист по атомной энергии, атомник'. Разные значения создаются в этих случаях не разными значениями суффиксов (их значение — указание на лицо мужского пола), а разными основами: *планинар*, *атомист* образованы от существительного, а *планинец*, *атомник* — от основы относительного прилагательного — и кроме того, то или иное значение поддерживается значением производных основ аналогичной структуры, где такие параллельные образования невозможны: так, например, наряду с *вицист* есть *очеркист*, *романист*, *фейлетонист* и т. д., а наряду с *вицаджия* — *сметкаджия*, *шегаджия* и т. д. Говоря о значении суффикса, нужно иметь в виду еще и то обстоятельство, что в процессе самостоятельной жизни производная основа может приобретать новые значения, в частности, и в случаях перехода ее из одной сферы употребления в другую. Такое необычное употребление вызывает своеобразный сдвиг в значении даже основ сугубо терминологического характера. Так, например, слово *икономист*, приближающееся по своему значению к термину 1) 'специалист по экономическим наукам' или 2) 'сторонник политического течения в рабочем движении, известного под названием экономизма', получает в разговорном языке значение 'экономный человек' с оттенком пренебрежения. Например: «Такъв *икономист* човек е Доню Дудунът. Напоследък, обаче, му отпусна краят... почна да пилее пари за щяло и нещяло...» (Чуд.).

Конкретно-исторический подход к вопросам морфологического анализа

Соотношение между производящей основой и аффиксом не остается неизменным. Наиболее верно, с нашей точки зрения, это было объяснено в работе Г. О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию». Эти процессы связаны, как показал Г. О. Винокур, с изменениями в соотношении между производной и производящей основами, которые состоят в том, что производная основа начинает соотноситься не с производящей основой, семантическая связь с которой ослабевает, а с основой непроизводной, например, сначала *хлебн-ик* 'тот, кто связан с хлебным делом', а затем *хлеб-ник* (так как семантическая связь с *хлебный* утрачивается, и производная основа начинает соотноситься с *хлеб*).

В результате появляется новый суффикс *-ник* и новый словообразовательный тип: «основа имени существительного + суффикс *-ник*». Но не всегда в аналогичных случаях будет иметь место переразложение основы. Так, в *ударн-ик*, несмотря на кажущуюся тождественность с *хлебник*, выделяется суффикс *-ик*, а не *-ник*, так как по своему значению эта производная основа связана с прилагательным *ударный*, а не с существительным *удар*, т. е. при членении основы необходимо учитывать существующие в данный момент семантические связи производной основы.

Переразложение в основе может и не привести к появлению нового словообразовательного типа (например, *страдалец*). В этом случае

[12] Слово употреблено в юмористическом журнале «Стършел», 1956, № 11.

inslav

появляется новый суффикс. Суффиксы типа *-лец*, *-ец*, одинаковые по значению, присоединяющиеся к однотипным производящим основам (как, например, в этом случае — к основам глаголов) и лишь несколько отличающиеся своим звуковым составом, принято называть вариантными формами (или вариантами) суффикса. Эти суффиксы новых словообразовательных типов не создают.

Система суффиксов не является чем-то постоянным, раз и навсегда данным. Она изменяется, пополняясь двумя путями: в результате переразложения в основе и за счет активизации суффиксов, иноязычных по своему происхождению. Так, например, во всех славянских языках на базе образований с суффиксом *-ик* от основ прилагательных на *-н* (и страдательных причастий) появился суффикс *-ник*, получивший возможность присоединяться к основам существительных и глаголов. В болгарских грамматиках в производных основах выделяются такие суффиксы, как *-ач*, *-ик*, *-янин*, но *-вач*, *-овач*, *-овик*, *-овак*, *-чанин* и другие, еще не отмечаются, и неясно, являются ли подобные суффиксы вариантными формами первых трех суффиксов, или же они выступают как новые суффиксы, оформляющие новые словообразовательные типы. При решении такого вопроса нужно иметь в виду замечание Г. О. Винокура о том, что в тех случаях, когда мы «имеем звукосочетание, состоящее из первоначального суффикса и звукового комплекса, в известных случаях отходящего к суффиксу от основы», не всегда нужно видеть в нем «именно этот осложненный вариант суффикса» [13]. Семантическая связь такой производной основы, существующая у нее в данный момент, помогает решить этот вопрос. Так, например, при морфологическом членении слов *смъртник* и *конник* будут выделены разные морфемы — *смъртн-ик*, но *кон-ник*, потому что значение первой связано с прилагательным, а второй — с существительным [14]. Например: «„Процесите“ били кратки и делови и при много редки изключения завършвали с произнасяне на *смъртни* присъди. *Смъртниците* били връщани обратно в килиите» (Карасл.). На это же указывает и возможность употребления вместо существительного *смъртник* прилагательного *смъртен*, которое тоже будет обозначать не любого смертного, а именно приговоренного к смерти. Например: «След четвъртата килия отсреща личаха надписи: „*смъртен*“, „*смъртен*“, „*смъртен*“...» (Бар.); «Михаил бързаше да отмине килиите на *смъртните*» (там же).

В этом случае переразложения в основе не происходит, так как значение производной основы связано с особым значением относительного прилагательного, выступающего в качестве производящей основы. В производной же основе *конник* выделяется суффикс *-ник*, так как основа прилагательного выражает то же, что и основа существительного. Разным будет членение основы *размирник* в случаях *размир-ник* (от *размирие*) и *размирн-ик* (от *размирен*) и т. д.

Примером переразложения основы в результате семантической связи значения производной основы со значением соответствующей непроизводной (так как значение производящей основы совпадает со значением непроизводной) могут служить производные основы с суффиксами *-ец*, *-янин* и их вариантами, обозначающие лицо по национальной принадлежности, происхождению или месту жительства.

Многое указывает на связь производных основ этого типа с относительными прилагательными на *-ски*:

---

[13] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 323.

[14] Омоним: *смъртник* ‘мертвец’, ‘тот, кто умер’. Для этой производной основы в качестве производящей выступает основа существительного *смърт*.

inslav

1) общая для относительных прилагательных и производных существительных со значением лица производящая основа в тех случаях, когда она не совпадает с основой непроизводной. Например: *Азия*, но *азиат-ски — азиат-ец. Варна — варнен-ски — варнен-ец. Долмация — долматин-ски — долматин-ец. Москва — москов-ски, москов-ец* (и *москов-чанин*), *Русе — русен-ски, русен-ец. Швеция — швед-ски, швед-ец* и др.

2) место ударения, которое всегда совпадает у относительного прилагательного и производного существительного, но может не совпадать у них с местом ударения в непроизводной основе. Например: *австрѝ-ец, австрѝй-ски*, но *Австрия, америкàн-ец, америкàн-ски*, но *Амѐрика, италиàн-ец, италиàн-ски*, но *Итàлия, будапѐщенец, будапѐщен-ски*, но *Бу̀дапеща*. Особенно показательным является ударение в образованиях, соотносимых со словосочетаниями: они имеют одно ударение, совпадающее по месту с ударением в соответствующих относительных прилагательных. Например: *отѐчествен фрȍнт — отечественофрȍнтовски, отечественофрȍнтовец; срѐдна шкȍла — средношкȍлски, средношкȍлец; млàда гвàрдия — младогвардѐйски, младогвардѐец* (ж. р. *младогвардѐйка*);

3) существительные женского рода, например, *габровка*, также указывают на ту же производящую основу, что и в относительном прилагательном: *Варна — варнен-ски, варнен-ец, варнен-ка*.

Продуктивность словообразовательных аффиксов и словообразовательных типов

Все лингвисты, занимавшиеся вопросами словообразования, указывают на неодинаковое использование разных суффиксов в процессах словопроизводства. Первыми стали говорить об их продуктивности или непродуктивности представители казанской школы Н. В. Крушевский, а затем В. А. Богородицкий и др. [15]

Среди словообразовательных аффиксов выделяются живые (продуктивные), свободно выделяемые путем соотнесения с другими основами, и мертвые (непродуктивные), выделяемые лишь путем этимологического анализа. Среди живых аффиксов различаются непродуктивные, продуктивные, малопродуктивные.

Термины «продуктивный» и «непродуктивный» суффиксы употребляются в последнее время в двух значениях: в старом, где «продуктивный» является синонимом к «живой», а «непродуктивный» — к «мертвый», т. е. могущий быть выделенным лишь с помощью этимологического анализа. И в новом значении: продуктивный суффикс — принимающий активное участие в процессах словопроизводства и непродуктивный суффикс, — с которым нет новых образований. Такое употребление одного и того же термина в разных значениях неудобно. Поэтому в дальнейшем термины «продуктивный» и «непродуктивный» мы употребляем в старом значении. В новом же значении будет употребляться условно термин «активный».

Среди словообразовательных суффиксов, присоединенных в акте словопроизводства к производящей основе, есть как продуктивные, так и непродуктивные. Производных основ со значением лица, оформленных непродуктивными суффиксами (например, *ратай, момък, пастир* и т. д.), немного, и они специально рассматриваться не будут.

---

[15] Это особо подчеркивается А. Теодоровым-Баланом, который различает суффиксы «неплодни» («непродуктивни, мъртви»), «плодни» («продуктивни, живи») и «преплодни» (Указ. соч., стр. 114).

inslav

ПРОИЗВОДНЫЕ ОСНОВЫ МУЖСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Производные основы этой группы существительных оформлены (и оформляются) разнообразными суффиксами. Среди них есть как исконно болгарские, так и иноязычные по своему происхождению.

К числу первых, многие из которых являются общеславянскими, относятся суффиксы *-ар*, *-ач*, *-ак*, *-як*, *-ец*, *-ик*, *-ник*, *-тел* и некоторые др. Ко вторым относятся *-джиј-*, *-ист*, *-чик*, *-ьор*, *-иер*, *-тор*, *-ант*, *-ент*, *-ат*, *-ик*.

Лицо может быть названо по совершаемому им действию, по какому-либо предмету, к которому оно имеет отношение, или по признаку, его характеризующему. В зависимости от того, что кладется в основу наименования лица — действие, предмет или признак, в качестве производящей основы выступают основа глагола, основа существительного или основа прилагательного.

Суффиксы в процессах словопроизводства присоединяются к определенным видам основ. У одних суффиксов эти связи ограничены одним каким-либо видом основ, у других возможно сочетание с разными основами.

Только к одному виду основ присоединяются суффиксы *-ач*, *-тел* (только к глагольным) и *-ик* (только к основам прилагательных и страдательных причастий).

Суффиксы *-ник* и *-ар* могут присоединяться как к основам существительных, так и к основам глаголов, а суффикс *-ец* — ко всем трем видам основ.

Поэтому некоторые из суффиксов будут рассматриваться в разных местах в соответствии с видом производящей основы.

Отглагольные производные основы

Существительные со значением лица образуются от глагольных основ посредством многих суффиксов, активность которых в процессах словопроизводства в настоящий момент является разной. К числу наиболее активных в современном языке относятся суффиксы *-ач* и *-тел*, менее активными являются суффиксы *-ник* и *-ец*. Отдельные производные основы получены присоединением к глагольной основе суффиксов *-ар* и *-ак*.

Суффикс -ач

Это — общеславянский суффикс *-čь* (*-чь*), получивший в болгарском языке большую продуктивность. Обособление суффикса *-ач* связано с переразложением в основе существительных типа *игра-ч*, *кова-ч*, *ора-ч*, где *а* относилось к основе. О том, что это *а* отошло к суффиксу, свидетельствуют производные основы типа *носач* (от *нося*), *пушач* (от *пуша*), где *а* в основе не было.

Казалось бы, что и в современном болгарском языке в некоторых производных основах выделяется суффикс *-ч* как вариант суффикса *-ач*. Его можно выделить там, где производящая основа оканчивается на *-а*, например: *пиша — писах — писа-ч; играя — играх — игра-ч*. Ср. также «Циганинът стоеше прав, както си бе вързан за дървото. Ни един куршум не бе го улучил. *Стрелячите*, вероятно, не бяха в него мерили» (Ваз.).

Производная основа *стреляч* образована от основы глагола *стрелям* — *стреля+ч*, а иначе должно бы быть *стрелач*.

Однако в современном болгарском языке в качестве суффикса, с которым в сознании носителей языка связано значение действующего лица

inslav

(или предмета), выступает, видимо, суффикс *-ач* и в том случае, когда производящая основа содержит в своем составе *а*. Такое утверждение основывается на примерах образования производных основ, у которых в качестве производящей выступает основа типа *затварям — затварач(ка)*[16], где присоединение этого суффикса вызывает фонетическое изменение в основе — утрату мягкости конечного согласного, и морфологическое членение основ такого типа будет следующим: *затвар-ач(ка)*, а также *минув-ач* и т. д.

На основе суффикса *-ач* появились и его варианты *-вач*, *-овач*.

Обособлению суффикса *-вач* могло способствовать:

1) наличие в производной основе с суффиксом *-ач* звука *в* корневого происхождения, которого не было в глагольной основе, например: *шия — ши-в-ач*, *пея — пе-в-ач*;

2) производные основы, у которых в качестве производящей выступает основа глагола несовершенного вида со звуком *в* суффиксального происхождения, но которые могли соотноситься и с основой глагола совершенного вида, где этого суффиксального *в* нет, например: *продавач* от *продавам*, но есть и *продам*, *познавач* от *познавам*, но есть и *позная*.

Суффикс *-вач* выделяется у ряда производных основ, соотносимых сейчас с глаголами, не имеющими в своем составе суффикса *-ва*: *разнося — разносвач*, *подносия — подносвач* и др.

Эти производные основы были образованы от глаголов типа *разносвам*, *подносвам*, которые не употребляются теперь в литературном языке. Но наряду с основами типа *подносвач* возможно употребление *подносач*, т. е. основы, образованной непосредственно от *подносия*. Ср. «— *Подносвач** — извика, изпаднал във въодушевление взводният командир, — дай на Власев още четири патрона!» (Асен)[17]; «Един от *подносачите** отиде в окопа на пехотинците» (Веж.)

Совсем новым (в словаре Герова, например, не отмечено ни одного существительного с этим суффиксом) является суффикс *-овач*, появившийся также в результате переразложения основы. Производящей для таких производных основ является основа отглагольного существительного на *-овка*, а непроизводной — основа глагола, т. е. словообразовательный ряд здесь будет выглядеть так: *полирам — полировка — полировач*.

Говорить о самостоятельной продуктивности данного суффикса пока нет оснований, так как производных основ с этим суффиксом, не соотносимых с существительным на *-овка*, кажется, нет.

В отличие от других славянских языков, где с суффиксом *-ач* возможны образования как от глагольных основ (русск. *толкач*), так и от именных (русск. *бородач*), в болгарском языке этот суффикс присоединяется почти исключительно к глагольным основам[18].

В качестве производящей основы выступает обычно основа переходного глагола несовершенного вида, например: *беля — белач*, *бера — берач*, *водя— водач*, *изследвам — изследвач*, *купувам — купувач*, *нося — носач* и другие; реже — основы непереходных глаголов, например: *бягам — бегач*, *катеря се — катерач*, *минувам — минувач* и т. д.; и только в одном случае —

---

[16] «Работничките-*затварачки* на консерви... при конвейра *затварят* всеки ден около 700 кутии повече от предвиденото» («Раб. дело»).

[17] Звездочкой помечены слова, не зафиксированные толковым словарем болгарского языка («Български тълковен речник». София, 1955).

[18] Среди производных основ этого типа *тръбач* соотносится с именем существительным *тръба* (хотя есть глагол *тръбя*). Но это русизм. Также с основой имени существительного соотносится и *нитач*, являющееся, видимо, новообразованием: «В камерите за мазут са навлезли работници-*нитачи* и са започнали да изрязват повредените нитове» («Наша род.»).

inslav

основа глагола совершенного вида: *подкова* — *подковач*[19] (видимо, под влиянием *ковач*).

Производная основа с суффиксом *-ач* обозначает лицо как производителя действия, выраженного производящей основой. Это действие может быть: а) постоянным, характерным для лица или б) непостоянным, вре́менным.

А. Постоянное действие может быть:

1) действием, связанным с профессией; так как это обычно действие, направленное на какой-то объект и постоянное, оно выражается переходным глаголом несовершенного вида. Например: «*Готвачът* вече им е приготовил топла храна» («Раб. дело»); «В миналото Кобзата се славеше като най-добрия *колач* на свини в селото» (Гул.); «От вагоните наскачаха *спирачи* с омаслени дрехи, навеждаха се и оглеждаха колелетата» (Крал.);

2) действием, не связанным с профессией. Такое действие характерно для лица, является его постоянным, существенным признаком. Например: «Обедът беше вкусен и посипан с най-забавни разкази, спомени и случки от съпротивителната борба. Но от всички най-интересен *разказвач* е Щефан Вагнер...» (Карасл.); «...*пушачите* измъкнаха нетърпеливо табакерите си и жадно запушиха» (там же).

Б. Лицо может, как уже указывалось, быть названным по действию, совершение которого не является для него постоянным признаком. Это действие вре́менное и вообще несущественное для лица. Лицо может быть названо по этому действию только в момент его совершения. Так, например: *посрещач* — это лицо, для которого действие, выраженное глаголом *посрещам*, не является постоянным, и потому его не всегда можно так назвать (так, например, повара — *готвач* или курильщика — *пушач*), а только в момент, когда оно находится в определенном месте с определенной целью. Приведем несколько текстовых примеров: «Едва след това почват да го разпитват. *Разпитвачът* е всеизвестният злодей, началник на държавната сигурност» (Челк); «Проснаха го ничком на поляната. Един от войниците седна на главата му, други двама — на нозете му. Съблеченият по риза войник взе една от тоягите и започна да го удря с все сила... Кузо пищеше и плачеше като дете, но все по-тихо, докато млъкна съвсем. *Биячът* престана да удря» (Тал.); « — В адвокатската! — додаде *викачът*» (Бар.); «Най-отпред вървяха *носачите* на коловете и въжето, след тях — двама с дървени млатове на рамо, които трябваше да набиват коловете» (Мар.); «Наредих се и започнах да наблюдавам младежа, който беше прострял по пода една книжна лента и довършваше лозунг... В това време *писачът* на лозунга отвлече за момент вниманието ми» («Стърш.»).

Производные основы *разпитвач*, *бияч*, *викач*, *носач*, *писач*, которые могут обозначать лицо по постоянно совершаемому, характерному для него действию (т. е. *бияч* 'драчун', *викач* 'крикун' или 'глашатай', *носач* 'носильщик' и т. д.), в данном контексте имеют другие значения — называют лицо в момент совершения им действия по этому действию. Все эти слова в данных контекстах на русский язык могут быть переведены только причастиями. Например: *посрещач* 'тот, кто встречает', т. е. 'встречающий', и т. д.

Это сравнение с русским языком невольно наводит на мысль о том, что развитие данной категории существительных в болгарском связано с

---

[19] О том, что значение этой производной основы связано с глаголом *подкова*, а не с существительным *подкова*, свидетельствует такой пример: «Баща й... беше прост *подковач*,... Като подковеше един чифт волове...» (Лил.).

inslav

ограниченным употреблением в нем категории действительных причастий настоящего времени, которые в народных говорах, как известно, вообще отсутствуют. Но не только сравнение с русским языком указывает на это. В самом болгарском языке есть примеры, подтверждающие наше предположение. Это случаи параллельного употребления производных основ интересующего нас типа и действительных причастий настоящего времени. Например: «*Писачьт* на тези редове мисли, че ще му бъде простено, ако спомене тук и някой свои работи по засегнатите тук въпроси» (ЕПР); «Я-а-а-а! Вие сте били много духовити, бе! — възкликна *пишещият* тези редове» («Наша род.»).

Хотя в современном болгарском языке действительные причастия настоящего времени в функции существительного выступают редко, так как их в этих случаях заменяет существительное на *-ач*, от ряда глагольных основ употребляются только причастия. К ним относятся такие, как *трудещ се* (от *трудя се*), *почиващ* (от *почивам*), *заседаващ* (от *заседавам*), *къпещ се* (от *къпя се*) и др. Например: «*Заседаващите* се съгласиха единодушно» («Стърш.»); «Преди години в град Стара Загора имаше една стара баня, прихлупена една такава, зеленясала и всички мислеха, че тя всеки момент може да рухне и да затрупа *къпещите се*» (там же). От этих глагольных основ образований типа *къпач* не встретилось.

В соответствии с морфологической структурой производных основ с суффиксом *-ач* (и его вариантами) среди них намечаются следующие словообразовательные разряды.

I. Производящая основа — основа глагола, оканчивающаяся на согласный, + суффикс *-ач*. В качестве такой основы могут выступать:

1) глаголы так называемого нового спряжения, т. е. основы типа *бъркам — бъркач* и другие, представленные большим числом образований, а именно: *бъркач, бегач, глазирач*, гледач, драскач, заемач закупвач, запевач*, завивач*, зареждач*, зяпач, извозвач*; издирвач*, измервач, изнамервач, изнудвач, изпитвач, използвач, изпращач, изрезвач*, изследвач, карач, кръстосвач, кръшкач, къркач, купувач, летувач, лъскач, минувач, набирач*, нагледвач, наддавач, обаждач*, обирач, ограбвач*, одумвач, откривач, откупвач, плащач, повтарач, подавач, подвързвач, подигравач, подкладвач*, подкупвач, подпалвач, подсказвач, подслушвач, подсмивач*, познавач, покривач, поливач, помагач, поправач, посрещач*, превозвач, предприемач, прекупвач, преписвач, преподавач, преследвач, прескувач*, прикачвач, присмивач, продавач, последвач* пръскач, раздавач, разигравач*, разказвач, разкрепвач, разсмивач, разстрелвач*, разтоварвач,* разузнавач, рендосвач, рисувач, ритач, седенкувач, скачач*, скитач, сметач, смукач, смъркач, спирач, спускач, срещач, събирач, съветвач, съгледвач, танцувач, тълкувач, ухажвач*;

2) глаголы старого спряжения (I и II) со второй основой (т. е. основой аориста) на *а* + суффикс *-ач*: *играя — играх — играч, кова — ковах — ковач, мажа — мазах — мазач, пиша — писах—писач, режа — рязах — резач, тъка — тъках — тъкач*;

3) другие глаголы старого спряжения; например, в словах: *баяч*[20], *белач*, берач, брояч*, вардач, веяч, водач, возач, гладач, готвач, грабач, дояч, зубрач, кастрач*, катерач, колач, косач, крепач*, крояч, кърпач*, мерач, месач, метач, мияч, носач, орач, пазач, пияч, пластач, плевач, предач, плетач, правач, пушач, пълзач, пълнач, садач, свирач, секач*, сеяч, скубач, товарач, търсач, хранач, чистач, щавач, яздач* (или *ездач*).

---

[20] В этом примере и во всех следующих за ним, где в написании имеем *-яч*, суффиксом является *-ач*, а *j* (*й*) относится к основе. Там, где *j* в основе нет, выступает суффикс *-ач*, например, *белач*, хотя *беля*.

inslav

Сюда же примыкают производные основы с корнем *вод-*(*водя*), соотносящиеся в настоящее время не с глаголами, а с отглагольными существительными, например: *преводач — превод*, так как глагол *превеждам*, *преведа*; *разводач*[21] — *развод*, так как глагол *развеждам*, *разведа*.

II. Производящая основа глагола + суффикс *-вач*. Сюда, в основном, относятся производные от глаголов с корнем *нос-* (*нося*) и отдельные образования от других основ, например: *подносвач**, *преносвач*, *разносвач*, а также *пресмятам — пресметвач*, *товаря — товарвач* (но чаще *товарач*).

III. Производящая основа — основа глагола (главным образом, на *-ирам*) + суффикс *-овач*, например: *брошурам — брошировач**, а так же *дозировач**, *дресировач*, *копировач**, *никелировач*, *полировач*, *регулировач*, *сортировач*, *трамбовач*. Следует отметить, что *фехтовач**, *формовач** соотносятся только с существительным.

По данным словарей и грамматик все производные основы с суффиксом *-ач* имеют ударение на последнем слоге независимо от места ударения в производящей основе. Кроме данных словарей и грамматик, о переносе ударения на суффикс в производных основах на *-ач* свидетельствует и чередование *а/е* на месте этимологического *ѣ*, например: *бягам*, но *бегач*, *смятам*, но *сметач*, *изрязвам*, но *изрезвач*.

Почти всеми грамматиками болгарского языка отмечается широкая употребительность суффикса *-ач*, особенно характерного для народного языка. Большое количество приведенных выше примеров производных основ с этим суффиксом и из литературного языка свидетельствует о большой активности его в современном болгарском языке. Словарный состав языка и сейчас непрерывно пополняется новыми производными основами этого типа. Правда, решить вопрос о том, является ли данное слово в языке новым и когда оно появилось, в целом ряде случаев вообще затруднительно, а для болгарского языка, где до последнего времени не было полного словаря литературного языка, представляет дополнительные трудности. Явными новообразованиями являются существительные с суффиксом *-овач*, относящиеся к кругу специальной лексики [22]. Многие из них появились как дублетные формы к словам, заимствованным из русского языка, например: *регулировач* к *регулировчик*, *дозировач* к *дозировчик*, *формовач* к *формовчик*, *сортировач* к *сортировчик*, *фехтовач* к *фехтовчик* и др. Примеры из текстов: «—Операторът... е и стругар и *регулировчик*... Сам регулира струговете, сам работи на тях...» («Бълг. във. др.»); «Този извод бе потвърден и от стругаря и от *регулировачите*» (там же); «...Младите *формовчици* самостоятелно извършват всички отделни операции при формоването» («Раб. дело»); «...*формовачът* върху специален калъп оформя чиниите» (там же); «Той имаше вид на *фехтовач*, който е нанесъл сполучлив удар» (Нин.).

К числу новых могут быть отнесены слова со значением занятия лица, обозначающие новые профессии: *зареждач*, *крепач*, *извозвач*, *секач* и др. Например: «В смяната на Тодор Дончев работят най-добрите *зареждачи* на пещите... Пламтят огньовете на коксовите пещи. А *зареждачите* неотлъчно са край тях» («Раб. дело»); «*Крепачът*... беше доставил вече подпорен материал и подготвяше условия за поставяне на кюприте» (там же); «Досега те (*извозвачите* и *секачите*) отсякоха и извозиха няколко

---

[21] Образовано от русского слова *развод*, заимствованного в качестве военного термина для обозначения смены караула (русск. *разводящий*).

[22] В отдельных случаях они употребляются и в более широком значении:— «...Статията е озаглавена „Изкуството на *копировач*"...— Това пък какво значи?...— Значи, че нещо е копирано» (Кюл.). В данном случае речь идет не о копировщике, а о человеке, копирующем чужие произведения, т. е. о плагиаторе.

inslav

хиляди кубически метри дървен строителен материал свърх полугодишния план» (там же).

Все приведенные примеры производных основ обозначают лиц по действиям, определяющим их постоянные занятия, и образованы от основ глаголов *зареждам* 'приготовлять что-либо к работе', *крепя* 'крепить, подпирать что-либо', *извозвам* 'вывозить' и *сека* 'рубить'.

Новым является слово *разводач* (русск. *разводящий*), употребляемое в военной лексике. Например: «От землянката на караулката вече тичаха *разводачът* и подчасите, те държаха оръжията си готови за стрелба» («Септ.»).

В болгарском языке слово *разводач* употребляется не только в военной лексике. Оно может называть лицо по тому действию, которое им совершается в данный момент, т. е. тот, кто водит, сопровождает кого-либо, показывая ему что-либо (русск. *провожатый*). Например: «Да се измие и почисти — каза началникът, без да се обръща.— И да се разведе из етажа, да види туй-онуй» («Септ.»).; «Измит, вчесан, освежен Евлоги тръгна из етажа, съпровождан от мързеливия си *разводач*» (там же).

Необходимо отметить ту необычайную легкость, с которой образуются существительные посредством суффикса *-ач* от глагольных основ, и в особенности от основ глаголов нового спряжения. Создается впечатление, что от любого глагола, обозначающего действие, производителем которого является лицо, может быть образовано существительное со значением лица. (Единственным препятствием является наличие в основе глагола суффиксов *-ава-*, *-ява-*). Так, например, от таких глаголов, как *скачам*, *спускам се*, *катеря се*, *спирам*, образованы производные основы, употребляемые в спортивной лексике: *скачач*, *спускач*, *катерач*, *спирач*. Например: «От ранна утрин тренират се и *скачачите** на главозамайващата скишанца». («Наш спорт»); «Най-добрият *спускач** с шейни» (там же); «Испанският отбор по спускане на шейни-двойки падна твърде лошо, но и кормчията и *спирачът* се отърваха с леки контузии» (там же); «Те (българските колоездачи.— *Е. З.*) показаха, че са рутинирани ... *катерачи*... Смятам, че ромънските колоездачи бяха по-добри на равно шосе и на спринта» («Раб. дело»).

Некоторые слова кажутся образованными самим говорящим или пишущим. Например: «Ще играем на една врата, на *вкарвачи** и *разкарвачи**, отбраната срещу нападението» (Ант.); «Ще идват просители, *оплакваачи*[23]» (Бар.); «Това не е отегченият служител, който говори, за да се отърве от досадния *запитвач*...*» («Септ.»); «Макар че външните *снимачи** в София станахме два пъти повече, не сме затруднени да намерим любители на снимки» («Наша род.»). Существительные *вкарвач*, *разкарвач*, *оплакваач*, *запитвач*, *снимач* не вошли прочно в язык и не закреплены для выражения того или иного понятия. Больше того, вне контекста значение их может быть неясным.

Большинство производных основ с суффиксом *-ач* и его вариантами являются однозначными. Но некоторые из них могут быть и многозначными. Их многозначность связана обычно с многозначностью производящей основы. Так, например, разные значения таких основ, как *играч*, *гледач*, *водач*, *копач* определяются разными значениями глаголов. В предложении «Заледената земя кънтеше под тежките стъпки на *играчите*...» (Карасл.) значение слова *играч* связано с одним значением глагола — 'исполняю хоро или танец', 'танцую', а в предложениях «Стените бяха укресени с календари... и обща снимка на футболните *играчи* от националния тим»

---

[23] «Български тълковен речник» дает только существительное женского рода *оплакваачка* со значением 'плакальщица' (по умершему, например).

inslav

(Дим.); «Когато играта завърши, *играчите* намериха торбите си празни» (Лил.); «Вие приличате на *играч*, който непрекъснато тегли карета, но се бои, че противникът му може да покаже кент-флош» (Дим.) — с другим значением того же глагола, а именно — 'заниматься чем-либо для забавы, для развлечения' и т. д.

О том, что перед нами два разных значения, говорит и то, что они имеют разные синонимы. Так, к слову *играч* в первом значении синонимом является *танцьор*, которое не соотносится с *играч* во втором значении.

Также с разными значениями глагола *водя* связана многозначность существительного *водач*. Например: 1. «Всеки партиец да бъде *водач* и организатор на безпартийни маси» (Г. Димитров); «Ти кажи направо, не го усуквай! — настоя едрият мъж, *водач* на тракторната бригада» (Март.). Здесь значение слова *водач* связано со значением *водя* 'быть во главе', 'предводительствовать' (русск. *глава*, *вождь*, *вожак*); 2. «Тя беше обрасла с клони и почти не се различаваше. Само опитен *водач* можеше да води по такива затънтени места» (Авр.). Значение слова *водач* в этом предложении связано с другим значением глагола *водя* — 'направлять движение кого-либо, идя впереди' (русск. *проводник*, *экскурсовод*). 3. «При една чешма автобусът задъхан спря. *Водачът* слезе да напълни вода и да успокои радиатора» («Септ.»). Это значение связано с глаголом *водя* 'приводить в движение'.

Не менее продуктивным является суффикс *-ач* и во втором своем значении — значении предмета, с помощью которого производится действие или который сам производит действие. Например: «Русимов... грабваше *копача*, почистваше стените на кюприята и пак товареше. След пилата дойде ред да се овладее *чукът* и *секачът*» (Мар.). Здесь *копач*, *секач* — предметы, с помощью которых копают (*копая*) и рубят (*сека*). Такое же значение имеют *бръснач*, *дълбач*, *резач*, *лупач*.

От некоторых из этих основ с помощью суффикса *-ач* образуются основы и со значением лица: *копач* 'тот, кто копает'; *секач* 'тот, кто рубит'.

Но чаще производные основы на *-ач* со значением предмета обозначают только действующий предмет. Например: «Солодовников направил защитно приспособление, за да не могат гривните да изскачат от струга, когато *изхвърчачът* откаже да действува» («Бълг. във. др.»); «Само за три години — от 1956 до 1959 ние ще получим от Съветския Съюз трактори, комбайни, виндроуери, *подбирачи*, багери и други селскостопански машини» («Раб. дело»); «Миньорите.. монтират командните касетки за маломасления *прекъсвач*» (там же). В приведенных примерах производные основы на *-ач*: *изхвърчач*, *подбирач*, *прекъсвач* — обозначают названия машин и приспособлений, данные им по выполняемым ими действиям: *изхвърчам*, *подбирам*, *прекъсвам*. Такое же значение имеют существительные *двигач*, *бегач*, *влекач*, *водач*, *кръстосвач*, *плъзгач*, *подметач*, *разбивач*, *свивач*, *сметач*, *бомбардировач*, *буксировач* и др.

Суффикс тел

Суффикс *-тел* относится к числу общеславянских. В современном литературном болгарском языке он является одним из наиболее активных словообразовательных средств.

Имеются и варианты этого суффикса *-ител*, *-ател*, появившиеся как результат переразложения основы в связи с изменениями в структуре основы некоторых глаголов. Так, например, в *поръчител* раньше выделялся суффикс *-тел* (*поръчити* — старая форма инфинитива), а теперь *-ител*, так как основа соотносится с глаголом *поръчам*; в производной основе *покупател* теперь выделяется суффикс *-ател*, так как сопоставить ее мож-

inslav

но только с существительным *покупка*, в *изобретател* — *-ател*, так как *изобретя*, *изобретих* и т. д.

Эти варианты суффикса *-тел* встречаются лишь в очень ограниченном кругу лексики, унаследованной языком от предшествующих эпох или заимствованной из других славянских языков.

Суффикс *-тел* присоединяется к так называемой второй основе (или основе аориста), оканчивающейся на *и*, *а* или *е*.

Глаголы, основа которых может выступать в качестве производящей, могут быть как совершенного, так и несовершенного вида, т. е. видовое значение глагола не является препятствием или, наоборот, предпосылкой для присоединения к его основе суффикса *-тел*; большее значение в этом смысле имеет залог глагола, его переходность или непереходность: суффикс *-тел* присоединяется главным образом к основам переходных глаголов. Есть лишь небольшое число производных с суффиксом *-тел*, образованных от основ непереходных глаголов: *гадател* (от *гадая*), *мечтател* (от *мечтая*), *отмъстител* (от *отмъстя*), *служител* (от *служа*), *състезател* (от *състезая се*), *въздържател* (от *въздържам се*), *вредител* (от *вредя*).

Производные основы с суффиксом *-тел* обозначают того, кто совершает действие, на которое указывает производящая основа. Это действие может совершаться лицом постоянно или быть для него вре́менным, совершаться им однократно.

В большинстве случаев значение производной основы не связано с видовым значением глагола, основа которого выступает в качестве производящей. Так, например, при обозначении лица по действию постоянному, характерному, совершаемому неоднократно, в качестве производящей может выступать основа глагола как совершенного, так и несовершенного вида. Это может быть название профессии, связанной с выполнением какого-либо действия. Например: «Баритонът на *говорителя* съобщаваше за предмостово укрепление на Днестър» (Дим.).

Производная основа *говорител* обозначает лицо, постоянным занятием которого, его профессией, является чтение каких-либо текстов по радио (русск. *диктор*). Она, как и производные основы *писател*, *учител*, *преподавател* и другие, образована от глаголов несовершенного вида. Но в следующих примерах производные основы образованы от глаголов совершенного вида: «Гинка... бръкна в чантата за билета.— По-бързо, другарко! — подкани я *проверителят*» (Дан.); «... вина имат и *снабдителите*, които доставят и приемат недоброкачествени материали» («Раб. дело»); «Плажът се почиства от *спасителите* и градинарите, но това не е тяхна работа» («Наша род.»).

Основами *проверител*, *снабдител*, *спасител* также обозначается лицо по его постоянному занятию: *проверител* 'тот, кто проверяет', *снабдител* 'тот, кто снабжает', *спасител* 'тот, кто спасает утопающих'. Однако необходимо отметить, что существительные со значением профессии редко образуются посредством суффикса *-тел*.

Бо́льшая часть производных основ с суффиксом *-тел* называет лицо по действию, совершаемому им, но не связанному с профессией. Производные основы такого типа, образованные от основ глаголов несовершенного вида, обозначают лицо по характерному для него действию. Например: *мечтател*, *въздържател*, *мислител* — это такие лица, для которых действия, выраженные глаголами *мечтая*, *въздържам се*, *мисля*, являются характерными, постоянными.

Производные же с суффиксом *-тел* от основ глаголов совершенного вида могут обозначать лицо как постоянно совершающее данное действие, так и совершившее его однажды.

inslav

В редких случаях производная основа с суффиксом *-тел*, образованная от основы глагола несовершенного вида, называет лицо по однократно совершенному действию.

В соответствии с морфологической структурой производных основ с суффиксом *-тел* различаются следующие словообразовательные группы.

I. Производящая основа — вторая основа на *-и-* + суффикс *-тел*. Например: *черпих — черпител**, *браня — браних — бранител*, *броя — броих — броител*, *будя — будител*, *вдъхновя — вдъхновител*, а также *вести́тел*, *вложител*, *вносител*, *водител*, *вредител*, *връчител**, *възкресител*, *възобновител*, *говорител*, *гонител*, *грабител*, *дарител*, *доверител*, *заверител*, *задълбочител**, *залесител**, *заявител*, *избавител*, *известител*, *извратител*, *извършител*, *изкусител*, *изкоренител*, *изкупител*, *изложител*, *износител*, *изобличител*, *изобразител*, *изпълнител*, *изразител*, *изтребител*, *изцелител*, *изявител**, *крепител*, *лечител*, *любител*, *мислител*, *молител*, *мъчител*, *нарушител*, *насърчител*, *носител*, *обвинител*, *обединител*, *обновител*, *опозорител*, *опустошител**, *осведомител*, *осветител*, *освободител*, *осигурител*, *осквернител*, *оскърбител*, *осъществител*,* *отмъстител*, *отразител*, *отрицател*, *отровител*, *оценител*, *пазител*, *победител*, *повелител*, *погасител*, *подбудител*, *покорител*, *помирител*, *поробител*, *поощрител*, *посетител*, *потребител*, *похититель*, *предводител*, *представител*, *предявител*, *прелъстител*, *преносител*, *придружител**, *примирител*, *приносител*, *притеснител*, *причинител*, *проверител*, *продължител*, *просветител*, *просител*, *разорител*, *разпоредител*, *разпространител*, *разрушител*, *разточител*, *разхитител*, *рушител*, *родител*, *ръководител*, *служител*, *смутител*, *снабдител**, *спасител*, *спестител*, *строител*, *съблазнител*, *съставител*, *съчинител*, *съхранител**, *уведомител*, *угнетител*, *укротител*, *умирител*, *упълномощител*, *усмирител*, *утешител*, *учител*, *хвалител*, *хулител*, *целител*, *ценител*, *церитель*.

II. Производящая основа — вторая основа на *-а-(-я-)* + суффикс *-тел*. Например: *ваях — ваятел*, *вещая — вещах — вещател*, *въздържам се — въздържах се — въздържател*, а также: *възпитател*, *гадател*, *двигател*, *завещател*, *заклинател*, *избиратель*, *издател*, *ласкател*, *мечтател*, *наематель*, *нападатель*, *обаятел**, *обладател*, *основатель*, *откриватель*, *писател*, *порицател**, *подстрекател*, *посегател*, *почитател*, *предател*, *предизвикател**, *преподавателъ*, *предсказатель*, *приематель*, *ругател*, *следователь*, *слушател*, *съдържатель*, *създател*, *състезател*, *тълкувателъ*, *укриватель*.

Как видно из перечисления, производных основ этого типа значительно меньше, чем первых.

III. Производные основы, составляющие в современном языке непродуктивный славообразовательный тип:

1) Производные, соотносимые в современном языке с непарными глаголами несовершенного вида, содержащими суффикс *-ва-*. Например: *завоевавам — завоевател*, *заседавам — заседател*, *наблюдавам — наблюдател*, *надзиравам — надзирател*, *обитавам — обитател*, *обожавам — обожател*, *отрицавам — отрицател*, *подражавам — подражател*, *подстрекавам — подстрекател*, *притежавам — притежател*.

2) Производные, образованные в древности от основы инфинитива, соотносимые теперь с отглагольными существительными на *-ние*. Например: *преобразование — преобразователь*, *повествование — повествователь*, *пожертвование — пожертвователь*.

3) Производящая основа глагола + суффикс *-ител*: *поръчам — поръчител*, *тъжа се — тъжител*.

4) Производящая основа + суффикс *-ател*: *изобретя — изобретател*, *получа — получател*, *покупка — покупатель*.

inslav

В болгарском языке, как и в других славянских языках, существительные с суффиксом *-тел* в большинстве своем носят книжный характер и почти не встречаются в народных говорах, хотя некоторые проникли и туда. Показателен в этом отношении тот факт, что Н. Геров, ставивший себе цель составить словарь болгарского народного языка, включает в него такие существительные с суффиксом *-тел*, как *водител*, *гонител*, *грабител*, *доброжелател*, *зложелател*, *ласкател*, *мъчител*, *пазител*, *просител*, *служител*, *учител*, *избивател*, *отмъстител*, *покорител*, *родител* и другие, которые, видимо, не были чужды народному языку. Л. Андрейчин[24], отмечая активное использование этого суффикса в процессах словопроизводства в литературном болгарском языке, объясняет это двумя обстоятельствами: 1) широким значением этого суффикса (не только занятие в узком смысле слова) и 2) той легкостью, с которой он присоединяется к основе почти любого глагола. За последнее столетие словарный состав болгарского литературного языка пополнился большим количеством производных основ с этим суффиксом. Особенно интенсивное введение в литературный язык слов на *-тел* связано с именем Л. Каравелова[25].

И в настоящее время создаются новые производные основы с суффиксом *-тел*, обозначающие лицо. К числу таких новообразований относятся *залесител*, *геолого-проучвател*, обозначающие новые профессии.

Но особенно продуктивен сейчас суффикс *-тел* во втором своем значении — значении действующего предмета.

В языке есть такие примеры, хотя и немногочисленные, когда одно и то же по форме существительное употребляется и для обозначения лица, и для обозначения действующего предмета. Например: «Женски глас прикана чрез *говорителите*[26] почиващите за обед» («Раб. дело»); «Баритонът на *говорителя* съобщаваше за предмостово укрепление на Днестър» (Дим.); «Двамата келнера с бързината на атомни *двигатели* ми сервираха чай» («Стърш»); «...той само пътем извежда някои видни *двигатели* на революцията...» (Ваз.). В этих случаях только контекст указывает, с каким из слов мы имеем дело.

Гораздо больше производных основ со значением только действующего предмета, который называется по тому действию, которое он производит. Эта группа существительных непрерывно пополняется новыми образованиями. Например: «.. на комбайн С-6... липсва *държател* на първия *чистител*» («Раб. дело»). Производная основа *държател* образована от второй основы (на *-а*) глагола *държа* и обозначает приспособление для держания (то, что держит что-либо), а *чистител* — от второй основы (на *-и*) глагола *чистя* и обозначает приспособление для чистки. В предложении «...върху катодния *отводител* от 35 000 волт падна гръм» («Раб. дело») производная основа *отводител* обозначает предмет, который выполняет действие, выражаемое глаголом *отведа*. И морфологическая структура приведенных в пример производных основ (вторая основа на *-и-* или *-а-* — в качестве производящей основы), и их значение (то, что производит действие) ничем не отличаются от производных основ со значением лица.

Аналогичны им и следующие производные основы: *възбудител*, *възстановител*, *делител*, *дразнител*, *дъбител*, *закъснител*, *ловител*, *оглушител*, *нагревател*, *отразител*, *охладител*, *показател*, *предавател*, *приемател*, *проявител*, *пълнител*, *разклонител*, *разпределител*, *ускорител*, *удължител*, *умалител*, *унищожител*, *чинител*.

---

[24] Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 91—92.

[25] Л. Андрейчин. Език и стил на Л. Каравелов.— ГСУ, т. XLVI, кн. 4, София, 1949.

[26] Чаще употребляется *високоговорител*.

inslav

Ударение у всех производных основ с суффиксом *-тел* (как со значением лица, так и со значением предмета) — на предпоследнем слоге; исключения — *мнòжител*, *представител*.

Суффикс -ник

Этот суффикс является производным от суффикса *-ик*. Возможность присоединения его к глагольным основам связана с образованиями от основ страдательных причастий на *-н*. Производные основы, связанные по своему значению со страдательными причастиями, имеются в языке. Например: «Ала новите *избраници* на народа не трябва да носят в душите си старата партизанска мътилка» (Карасл.); «Специално пристигналият съветски *пратеник* Соболев направи предложение....» (Б. Ванц.). Значение производных основ *избраник*, *пратеник*, а также таких, как *възпитаник*, *галеник*, *годеник*, *доведеник*, *заварник*, *заключеник*, *заложник*, *изгнаник*, *мъченик*, *подкупник*, *покаяник*, *скопосаник* и некоторых других, указывает, что производящей основой является основа страдательного причастия. Все они обозначают лицо, подвергшееся действию, обозначенному основой: *избраник* 'тот, кто избран' (*избран*), *пратеник* 'тот, кто послан' (*пратен*) и т. д., и в этих производных основах выделяется суффикс *-ик*. Однако от основ страдательных причастий возможны образования и с суффиксом *-ник*, если в основе нет *-н*, например: *проклет* — *проклетник*.

Возможны и переходные случаи, когда производная основа по своему значению может быть связана как с основой страдательного причастия, так и с основой глагола. Например, *преселник* — так может быть назван и тот, кого переселили (*преселен*), и тот, кто переселился сам (*преселя се*); *обесник* — и тот, кто повешен (*обесен*), и тот, кто заслуживает того, чтобы его повесили (*обеся*). Например: «Чертите на този *обесник* бяха изопнати и твърди» (Дим.).; «станал е страшен *обесник*» (ЕТР).

С чисто глагольными основами, как отмечает Л. Андрейчин, суффикс *-ник* соединяется редко [27].

В качестве производящей основы может выступать основа глаголов как несовершенного, так и совершенного видов. Например: «Но докато съм жив аз, ще давам кому каквото си искам, няма ти *съдник* да ми ставаш!» (Карасл.); «Отпуснал се, свил се като запетайка, като че ли не е председател на стопанството, а *прислужник* в селсъвета» («Септ.»); «Там има помощи, но *заместникът* на полковия командир се формализира» (Карасл.). В производной основе *съдник* 'тот, кто судит' в качестве производящей выступает основа глагола несовершенного вида (*съдя*), а в основах *прислужник* 'тот, кто прислуживает' и *заместник* 'тот, кто замещает' основы глаголов совершенного вида *прислужа* и *заместя*. Но значение производных основ не связано с видовым значением глагола, так как *заместник*, например, это и тот, кто замещает (*замествам*) кого-либо (см. пример выше), и тот, кто заместил (*заместя*), как в предложении «—...Виждам, че старият Пиер е оставил достоен заместник! ...» (Дим.), т. е. глагольная основа, выступая в качестве производящей, утрачивает свое видовое значение.

Присоединение суффикса *-ник* возможно к основам как переходных, так и непереходных глаголов. Так, от основ непереходных глаголов образованы следующие производные основы: *застъпник* от *застъпя се*, *изменник* от *изменя*, *изселник* от *изселя се*, *подписник* от *подпиша се*, *отцепник* от *отцепя се*, *преселник* от *преселя се*, *прислужник* от *прислужа* и др. Больше образований от основ переходных глаголов.

---

[27] Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 92.

inslav

Довольно редко производные основы с суффиксом *-ник* обозначают профессию лица: *прислужник*, *работник*, *приемник*, а также новое слово *прикачник*. Например: «Марин Георгиев... вече цяла пролет му помага в работа като *прикачник*.»

Употребление слова *прикачник*, наряду с употребляемым в том же значении *прикачвач*, указывает на то, что в качестве производящей основы здесь выступает глагол *прикача*. На это же указывает и объяснение этого слова толковым словарем.

В большинстве своем производные основы с суффиксом *-ник* называют лицо по действию, не связанному с профессией.

Общей характерной для всех производных основ с суффиксом *-ник* особенностью, касающейся их морфологической структуры, является присоединение суффикса непосредственно к корневой морфеме: *закрил-ник*, *замест-ник*, *прахос-ник*, (*прахосам*), *скит-ник* (*скитам се*), *потис-ник* (*поискам*, *потисна*), *въста-ник* (*въстана*).

Ударение в производных основах этого типа всегда на предпоследнем слоге.

Есть производные основы с суффиксом *-ник*, обозначающие предметы: *засечник*, *подемник*, *приемник*, *проводник*.

Суффикс -ец

Относится к числу общеславянских (*-ьць*). Уже в памятниках старославянского языка есть производные основы с этим суффиксом, образованные от глаголов.

В современном болгарском языке имеется вариант суффикса *-ец* — суффикс *-лец*, который появился на основе образований с суффиксом *-ец* от основ действительных причастий на *-л* (типа *скиталец*). Переразложение в основе явилось результатом утраты производной основой семантической связи с причастием: *владелец* — не только тот, кто владел (т. е. владевший) чем-либо, а и тот, кто владеет чем-либо, *страдалец* — тот, кто страдает или страдал (*страдам*), и т. д.

Производных основ с суффиксом *-ец* в современном языке немного, причем бóльшая часть их относится к кругу общеславянской лексики: *борец*, *глумец*, *гребец*, *лъжец*, *лъстец*, *певец*, *плувец*, *стрелец*, *творец*, *четец*.

Есть производные основы, образованные и на болгарской почве: *броец* (от *броя*), *крадец* (от *крада*), *платец* (от *платя*), *свирец* (от *свиря*), *летец* (от *летя*).

Активность суффикса *-ец* с глагольными основами очень ограничена не только в значении лица, но и в значении предмета. Существительных на *-ец* со значением предмета, с помощью которого совершается какое-либо действие, очень мало: *гледец*, *писец*, *резец*.

Суффиксы -ар и -ак

Продуктивность этих суффиксов в сочетании с глагольными основами очень ограничена. Есть лишь отдельные образования этого типа: *бръснар*, *вапсар*, *зидар*, *калесар*, *леяр*, *печатар*, *писар*, *пъдар*, *близнак*, *завързак*, *изтърсак*, *повторак*. Ударение на суффиксе во всех основах за исключением *пйсар* (русизм).

Подводя итоги сказанному выше, необходимо отметить:

1) наличие в словарном составе болгарского языка огромного количества отглагольных производных основ;

inslav

2) характерную для болгарского языка особенность называть лицо по действию в момент его совершения именем существительным с суффиксом *-ач* и реже *-тел*;

3) возможность образовать названия профессий от глагольных основ.

Производные основы со значением действующего лица, как было показано, оформляются одним из суффиксов: *-ач*, *-тел*, *-ник* или *-ец*, из которых наибольшей продуктивностью обладают *-ач* и *-тел*. Каждый из этих суффиксов связан с кругом производящих основ, который определяется морфологической структурой, грамматическим и лексическим значениями того глагола, основа которого выступает в качестве производящей.

Так, суффикс *-ач* присоединяется только к основам глаголов несовершенного вида (в том числе и с суффиксом *-ва-*) со значением конкретного действия, связанного с физическими усилиями, например: *мазач*, *спирач*, *белач*, *дояч* и т. д.

Суффикс *-тел* может быть присоединен только к тем (в основном переходным) глаголам, у которых вторая основа оканчивается на гласный и значение которых является более отвлеченным, например: *мислител*, *вдъхновител*, *ръководител*, *просветител* и т. д.

Правда, возможно образование с суффиксом *-тел* и от основ глаголов со значением конкретного действия. Но это обычно обусловлено одним из следующих моментов:

1) невозможностью образования от данного глагола производной основы с суффиксом *-ач*: когда глагол несовершенного вида содержит суффиксы *-ава-*, *-ява-*, тогда в качестве производящей основы выступает основа глагола совершенного вида, к которой присоединяется уже суффикс *-тел*, например: *спасявам*, *спася*, *спасител*; *оценявам*, *оценя*, *оценител*; *придружавам*, *придружа*, *придружител*; *преброявам*, *преброя*, *преброител*[28];

2) стремлением разграничить и по форме производные основы со значением лица и со значением действующего предмета, например: от *чистя* — *чистач* (лицо), *чистител* (предмет).

Однако в этом примере, так же как и в *държател* (от *държа*), можно усмотреть влияние русского языка, где названия действующих предметов с суффиксом *-ач* почти не образуются. Но что такое стремление к разграничению в болгарском языке есть, можно проиллюстрировать и другими примерами. Так, от глагола *заместя* существительное со значением лица образуется при помощи суффикса *-ник* — *заместник*, а предмета — с суффиксом *-тел* — *заместител*. Например: «... *заместник*-командирът на втора рота» (Веж.); «маргаринът е *заместител* на маслото» (АкР). И только в отдельных случаях образование производных основ с суффиксом *-тел* от основ глаголов со значением конкретного действия кажется немотивированным, например: *говоря* — *говорител*, *нападам* — *нападател*.

Труднее поддается определению круг основ, к которым присоединяется суффикс *-ник*.

Однако тот или иной круг производящих основ не является чем-то замкнутым. С одной стороны, один и тот же глагол может иметь разные значения, например, обозначать действие как конкретное, так и отвлеченное, с другой стороны, одно и то же лексическое значение может быть выражено глаголом как совершенного, так и несовершенного вида. Следствием этого является наличие в словарном составе языка производных основ, образованных посредством разных суффиксов от одной и той же производящей основы. Например, от глагола *откривам* — *откривач*

---

[28] Ср.«—Добър ден,... по преброяването съм. Преброителят влезе.— Значи, ще ни преброяваш ?» («Стърш. Ант.»).

inslav

и *откриватель*, *пиша* — *писач* и *писатель*, *грабя* — *грабач* и *грабитель*, *свиря* — *свирач* и *свирец*, *придружа* — *придружник* и *придружител* и др.

Ср. образования от разных по виду, но одинаковых по значению глаголов: от *прикачвам* — *прикачвач*, а от *прикача* — *прикачник*, от *одумвам* — *одумвач*, а от *одумам* — *одумник* и др.

Среди производных основ, образованных от одного и того же глагола при помощи разных суффиксов, есть основы, имеющие разные значения, и основы, не различающиеся по значению.

Разница в значении производных основ имеет место в том случае, когда производящая основа выражает разные значения (например, значения конкретного и отвлеченного действия). С конкретным значением глагола связывается суффикс *-ач*, а с отвлеченным *-тел*. Например: «Вазов е великият български *писател* и поет», «*Писачът* на тези редове мисли...» (ЕПР).

В первом случае производная основа *писател* образована от глагола *пиша*, который имеет значение 'сочинять, создавать какое-нибудь словесное произведение', 'творить', и *писател* 'лицо, занимающееся особым видом умственного труда, пишущее художественные произведения'.

Во втором примере производная основа *писач* образована от глагола *пиша* со значением 'изображать какие-нибудь графические знаки на чем-нибудь' и обозначает лицо, выполняющее это конкретное действие (т. е. пишущий). Аналогичны и следующие примеры: «Верен превърженик на всяка реакционна власт, *крепител* на всички противонародни режими...»; «...ще каже... да назначи утре *крепач*... който да постави камерни рамки... и да засили крепенето» («Жената днес»). Значение производной основы *крепител* связано с тем значением 'крепить', 'укреплять', 'делать что-либо прочным, сильным', в котором он употребляется в высоком стиле, а *крепач* — со значением конкретного действия 'крепить', т. е. ставить подпоры во избежание обвала в шахте.

Аналогичным образом определяется разница в значении и таких основ, как *носител* и *носач*, *пазител* и *пазач*, *откриватель* и *откривач*. Ср. «...кооператори — *носители* на новото...» (Даск); «*носител* на ордена, на преходното знаме», а с другой стороны: «... компанията е платила за пренасянето на багажа ви. Не е необходимо да възнаграждавате *носача* си» («Стърш.»). Производная основа *носач* образована от глагола *нося*, имеющего значение 'взяв в руки или нагрузив на себя, перемещать, доставлять что-либо'.

Значение производной основы *пазител* также связано со значением 'беречь, содержать в безопасности что-либо', т. е. с более отвлеченным, чем значение *пазач* 'караулящий, охраняющий что-либо'. Например: «...Тя беше там по партийна работа и отбягваше да се среща с пруските *пазители* на реда...» («Септ.»); «...и там се установи за по-дълго време като *пазач* на някакъв мост по едно дълго шосе» (Е.-П).

Там, где нет разницы в значении производящих основ, не различаются по значению и производные основы. Это касается, в первую очередь, всех параллельных образований от основ глаголов совершенного и несовершенного вида типа: *прикачник* и *прикачвач*, *одумник* и *одумвач* и другие, а также и таких, как *придружник* и *придружител*, *свирец* и *свирач*, что видно из их употребления. Ср. «Влезе Раковски с *придружника* си». (Дич); «Изпращаме чешкия писател за родината му. Пред вратата на бюфета на аерогарата ни спират. —Само един *придружител* с пътника». («Стърш.»)—здесь и *придружник* и *придружител* — 'лицо, сопровождающее кого-либо';—«Пелинко... сложи устни на кавала. Дядо Йорго... впери очи в *свирецa*» (Е.-П.); «Но очаровани от изпълнителското изкуство на *свирачите*, хората не се сещат да ги питат отде имат тия хубави кавали, тия

inslav

гайди и свирки?» («Наша род.»)—здесь и *свирец* и *свирач* не различаются ни по значению, ни в употреблении.

Трудно заметить разницу в значении и таких синонимов, как *грабител* и *грабач*, которые могут употребляться в одинаковом контексте. Ср. «Защо сте коренили гората! Плячкаджии! *Грабители*! Разбойници!» (АкР); «Махнете се! Крадци!... *Грабачи*!.... Оставете ме спокойно да умра» (Даск). Здесь и суффикс *-тел* и суффикс *-ач* присоединены к основе глагола со значением конкретного действия. В других случаях присоединение суффикса *-тел* к основе такого глагола придает значению производной основы особый оттенок. Например: «Колю ги (кесии. — *Е. З.*) лепи... По двеста парчета на ден... Цветанка се наведе над умивалника, за да скрие смеха си от разстроената съпруга на бившия директор, настоящ *лепител*...» (Дан.).

Если существительное *лепач* обозначает лицо по его занятию, то *лепител* не только указывает на занятие лица, но и выражает отношение к нему говорящего—неодобрительно-насмешливое. Возможность не только называть лицо, но и выражать пренебрежительное отношение к нему отмечает проф. Л. Андрейчин для некоторых производных основ с суффиксом *-ач*: *писач*, *рисувач*, *свирач*,—связывая это со значением суффикса [29].

Производные основы от имен прилагательных

Эти производные основы представляют собой результат субстантивации прилагательных. Субстантивироваться могут как качественные, так и относительные прилагательные.

При субстантивации качественных прилагательных признак, характерное для лица качество или свойство становятся его наименованием. Например: «Чуе ли стъпки, трепери. — Значи *страхливец*?» (Бар.); «Дълг на писателския съюз е също така с помощта на здравата литературна критика... да чисти редовете на българските писатели от *некадърници*, *бездарници* и всякакъв вид литературни търгаши» (Г. Димитров).

Существительные *страхливец*, *некадърник*, *бездарник* образованы от основ качественных прилагательных *страхлив*, *некадърен*, *бездарен* присоединением к ним суффиксов *-ец* и *-ик*. Ясно, что субстантивация возможна, когда признаки, качества или свойства являются постоянными, а не временными или случайными.

При субстантивации относительных прилагательных могут быть выделены два случая.

1) Лицо называется по признаку, характеризующему его через отношение к какому-либо предмету. Например: «Нюйоркският *бездомник* Сопи е решил и тази година да прекара в затвора студените зимни месеци» («Стърш.»); «Някой му беше внушил, че е незаменим *държавник* и това го караше да смайва страната и чуждите правителства с непрекъснати дипломатически актове...» (Дим.).

Существительные *бездомник* и *държавник* также образованы от прилагательных *бездомен* и *държавен* при помощи суффикса *-ик*. Но прилагательные в этом случае не обозначают качество или свойство, характерное для лица, а лишь указывают на отношение лица к предметам: *бездомен* 'не имеющий дома', и т. д.

2) Лицо называется по признаку, характеризующему другой предмет, с которым лицо так или иначе связано. Например: «„Процесите“ били кратки и делови и при много редки изключения завършвали с произнасяне на

---

[29] Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 91.

inslav

смъртни присъди. Смъртниците били връщани обратно в килиите». (Карасл.).

Существительное *смъртник* образовано от прилагательного *смъртен*, определяющего не лицо, а другой предмет — *присъда*. Так названо лицо, получившее смертный приговор.

Субстантивация прилагательных производится посредством суффиксов *-ик*, *-ец*, *-ак* и *-як*. Каждый из этих суффиксов присоединяется к определенному (по лексическому значению и морфологической структуре) кругу производящих основ. Так, например, с морфологической структурой производящей основы связано присоединение суффиксов *-ец* или *-ик*. Если производящая основа содержит суффикс *-ен*, субстантивация производится посредством суффикса *-ик*: *нещастен — нещастник*; если же она содержит другие суффиксы (*-лив*, *-ив*, *-ав* и т. д.) или является бессуффиксальной — посредством суффикса *-ец*: *щастлив — щастливец*, *храбър — храбрец*. Случаи параллельных образований как с суффиксом *-ец*, так и с суффиксом *-ик* от одной и той же производящей основы редки, хотя и встречаются. Например: *безумен — безумник* и *безумец*, *безверен — безверник* и *безверец*, *палав — палавец* и *палавник*.

Наиболее продуктивным среди названных выше суффиксов, субстантивирующих прилагательные, является суффикс *-ик*.

Суффикс -ик

Относится к числу общеславянских суффиксов. В настоящее время круг основ, к которым присоединяется этот суффикс, расширился за счет основ относительных прилагательных с суффиксом *-ов*.

В качестве производящих основ, к которым присоединяется суффикс *-ик*, могут выступать производные основы как качественных, так и относительных прилагательных, содержащие суффиксы *-ен* или *-ов* [30].

Производные основы с суффиксом *-ик* могут иметь все те значения, о которых говорилось выше, т. е. называть лицо: а) по характерному для него качеству или свойству; б) по признаку, характеризующему его через отношение к какому-либо предмету; в) по признаку, определяющему какой-либо предмет, с которым лицо тем или иным образом связано.

Среди производных основ с суффиксом *-ик* можно выделить следующие словообразовательные группы.

I. Производящая основа — основа качественного или относительного прилагательного на *-ен* + суффикс *-ик*:

а) *безбожник*, *безверник*, *бездарник*, *безделник*, *бездушник*, *безнравственик*, *безобразник*, *безсрамник*, *безчестник*, *благородник*, *блудник*, *болник*, *виновник*, *въртокъщник*, *гладник*, *гостоприемник**, *грешник*, *грозник*, *двойник*, *двуличник*, *девственик*, *длъжник*, *злонамереник*, *злосторник*, *злочестник*, *имотник*, *къщовник*, *мазник*, *мизерник*, *многознайник*, *многолетник*, *мръсник*, *надвластник*, *наивник*, *нахалник*, *неблагодарник*, *неверник*, *негодник*, *недоволник*, *неграмотник**, *некадърник*, *немирник*, *ненаситник*, *непокорник*, *непослушник*, *нескопосник*, *несретник*, *нехайник*, *нещастник*, *окаяник*, *омразник*, *очевадник*, *остроумник*, *пакостник*, *потайник*, *праведник*, *превърженик*, *предходник*, *престъпник*, *присмехулник*, *продажник*, *развратник*, *разумник*, *ранобудник*, *редник*, *самовластник*, *самоволник*, *самотник*, *сладкодумник*, *смешник*, *сродник*, *умник*, *хищник*;

---

[30] Отмечены лишь отдельные случаи присоединения суффикса *-ник* к другим основам: *чистник*, *палавник*, *нечистник*, *устатник* (нар.).

inslav

*б) бездетник, бездомник, безотечественик, второкласник, държавник, едноименник, обществен*ик, *отговорник, отличник, предходник, пълномощник, редник, столетник, уличник, ударник, частник*;

в) атомник, висококачественик, донаборник, естественик, задочник, зрелостник, идейник*, именик, качественик, корпусник, култпросветник, многомашинник, наднорменик, паважник, петролник, скоростник, смъртник, тежкотоварник.*

II. Производящая основа — основа относительного прилагательного с суффиксом *-ов* + суффикс *-ик*. Например: *кадровик, масовик, плановик.*

Большое количество образований с суффиксом *-ик* от основ прилагательных на *-ен* свидетельствует о том, что и сейчас создаются новые основы по этому словообразовательному типу.

Сравнение с другими языками, и в первую очередь — с русским, показывает, что субстантивация прилагательных в болгарском языке встречается чаще. Многим из приведенных выше (см. I, а, б) примеров производных основ с суффиксом *-ик* в русском языке будут соответствовать сочетания существительных с соответствующими прилагательными, например: болг. *бездарник* — русск. *бездарный человек, неблагодарник — неблагодарный человек, недоволник — недовольный человек* и т. д.

Параллельное употребление как прилагательного, так и существительного возможно и в болгарском. Например: «Ти наистина ли си *наивен* или се правиш на *наивник*?» (Гул.); «Писателят се отправи към *нахалния*... Тогава кипна и се устреми към *нахалника*» (Лил.). Видимо, в живом разговорном языке производные основы этого типа употребляются еще шире. Свидетельством этому служат встречающиеся в литературных произведениях образования, не отмеченные словарями. Например: «Има ли вашият поп синове? — Няма, нашият поп е *бездетник*» («Хоро»); «...бай Никола, който инак беше *гостоприемник* и добър ятак, предупредил нашите другари» (Авр.); «Матьо също го позна и се слиса: по какъв случай този *наивник*, този *неграмотник*, това голямо дете се намира в редовете на партизаните?» (Анг.).

Производные основы *бездетник, гостоприемник, наивник, неграмотник* образованы от основ соответствующих прилагательных *бездетен, гостоприемен, наивен, неграмотен* присоединением суффикса *-ик* и называют лицо по характерному признаку. Продуктивность образований этого типа ограничена лишь количеством прилагательных, каждое из которых может быть субстантивировано, если только оно определяет, характеризует лицо.

К новообразованиям этого типа относятся такие производные, как *челник* и *отличник*. Например: «...били са на гости и много другари, които сега са *челници* в производството» (Б. Вапц.); «След една година специализация в Съветския Съюз, той, заедно с друг *отличник* на миньорския труд... работи на най-трудния забой...» («Септ.»). Существительным *челник*, образованным от прилагательного *челен* 'передовой', называется тот, кто находится впереди (русск. *передовик*), а *отличник*, образованным от прилагательного *отличен*,— тот, кто отлично трудится или учится.

Расширилась сфера употребления существительного *редник*, использовавшегося раньше только в военной терминологии. Например: «...да работи като *редник*, а не да очаква команден пост в стачката» (Дим.).

Еще больше новообразований третьего типа (см. I, в.), хотя по количеству этих производных основ и меньше, чем первых двух. Например: «Ние трябва да разобличаваме вдъхновителите и организаторите на атомна война... *Атомниците* трябва да отстъпят и народите ще постигнат

inslav

това» («Раб. дело»). В слове *атомник* в качестве производящей основы выступает не основа существительного *атом*, а прилагательного *атомен*, употребляемого в сочетании *атомна война*, на что указывает значение производной основы: *атомник* — это тот, кто призывает к атомной войне (русск. *атомщик*). Слово могло появиться не раньше, чем после второй мировой войны.

Еще примеры: «Това спомогна да се разшири многомашинното обслужване... В отдела 40 на сто от работниците станаха *многомашинници*» («Раб. дело»), « Те са нашите *висококачественици*... — майстори на бетона» («Раб. дело»).

Производных основ с суффиксом *-ик*, где в качестве производящей выступает основа прилагательного с суффиксом *-ов*, в количественном отношении довольно мало. Это новый словообразовательный тип. Активность его в большой степени ограничена незначительным количеством прилагательных с этим суффиксом, но «тази наставка показва в днешно време тенденция към разширение в разни посоки»[31].

Почти все существительные этого типа (за исключением *масовик*) обозначают лицо по месту его работы. Например: *плановик* 'работник планового отдела' (*планов отдел*).

Следующие примеры показывают значение существительного *кадровик*: «Тука... вие ли сте *началник кадри*? — надникна плахо при *кадровика* плещест, тридесетгодишен мъж...» («Лит. фр.»). Здесь одно и то же лицо один раз названо *началник кадри*, а второй раз — *кадровик*; «Ножков: Нали затова съм *кадровик*. Всички служащи за мен са така» («Сент.»); «Ножков: ...Но аз като *завеждам отдел кадри*, съм враг на всякакви шеги» («Сент.»).

Слово *кадровик* 'сотрудник отдела кадров' (*кадров отдел*) характерно для разговорного стиля речи. Подобным является значение и существительного *содовик*. Например: «Преди година дойдоха младите *содовици* без професия, без знания» («Бълг. съв. др.»). *Содовик* 'рабочий содового завода' (*завод за сода* или *содов завод*.).

На основе образований с суффиксом *-ик* от основ относительных прилагательных на *-ов* может возникнуть новый суффикс *-овик* и новый словообразовательный тип: «производящая основа — основа имени существительного + суффикс *-овик*». Именно такой суффикс выделяется при морфологическом членении производной основы *крановик*, если исходить из ее значения. «Награден е дописникът..., работник-*крановик* в пристанище Бургас» («Раб. дело»). В слове *крановик* 'лицо, работающее на подъемном кране' (*подемен кран*) нет семантической связи со значением прилагательного *кранов*. Однако говорить о самостоятельной продуктивности этого словообразовательного типа еще рано, так как других примеров, видимо, нет, а в этом случае возможно влияние русского слова *крановщик*.

Бóльшая часть производных основ с суффиксом *-ик* сохраняет ударение соответствующих производящих основ. Ударение переносится на суффикс только в производных основах, образованных а) от основ качественных прилагательных на *-ен*: *болнѝк*, *гладнѝк*, *грознѝк*, *мазнѝк*, *мръснѝк*, *смешнѝк*, *умнѝк*; б) от основ относительных прилагательных на *-ов*.

Суффикс *-ик* в сочетании с основами относительных прилагательных на *-ен* продуктивен и в другом своем значении — значении предмета. Производные основы с суффиксом *-ик*, обозначающие предмет, с точки зрения их структуры ничем не отличаются от рассмотренного выше словообразовательного типа: *адресник*, *азбучник*, *безмоторник*, *вечерник*, *всекидневник*, *годишник*, *двумесечник*, *двуседмичник*, *двутомник*,

[31] Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 324.

inslav

есенник, *многостранник*, *периодичник*, *равнобедреник*, *равноъгълник*, *седмичник*, *седмоъгълник*, *утреник* и др. С переносом ударения: *боченик*, *брашненик*, *зимник* и др.

Суффикс -ец

Это общеславянский суффикс (*ьць*), который еще в старославянском языке часто служил «для придания прилагательному значения существительного»[32]. И в современном болгарском языке посредством суффикса *-ец* производится субстантивация прилагательных. Причем суффикс *-ец* субстантивирует почти исключительно качественные прилагательные. Поэтому производные основы, оформленные этим суффиксом, обозначают лицо по характерному для него признаку, качеству или свойству.

Среди производных основ с суффиксом *-ец* выделяются две словообразовательные группы.

I. Бессуффиксальная производящая основа + суффикс *-ец*. Например: *беглец*, *глупец*[33], *големец*, *мъдрец*, *мъртвец*, *подлец*, *светец*, *скъпец*, *смелец*, *старец*, *хитрец*, *храбрец*, *хубавец*, а также образованные от сложных прилагательных *дебелоглавец*, *твърдоглавец*. В производной основе *младенец* выделяется суффикс *-енец*[34]

II. Суффиксальная производящая основа (кроме суффикса *-ен*) + суффикс *-ец*. Например: *безочливец**, *бъбривец*, *гнусливец*, *горделивец*, *закачливец**, *кекавец**, *ленивец**, *мълчаливец*, *мързеливец*, *нечестивец*, *нетърпеливец**, *пестеливец**, *прозорливец**, *ревнивец*, *страхливец*, *сънливец*, *самозванец*, *себелюбец*, *сластолюбец*, *чорлавец*, *щастливец*, *палавец*, *лакомец*, *любимец*, *питомец*.

Сравнительно небольшое количество производных основ с суффиксом *-ец* второй группы связано отчасти с ограниченным в настоящее время ростом числа качественных прилагательных указанных типов, т. е. тем, что новые прилагательные с суффиксами *-лив*, *-ив*, *-ав* и другими теперь почти не создаются. Что же касается имеющихся в языке прилагательных, то далеко не от всех из них есть производные основы с суффиксом *-ец*. Однако в принципе субстантивация их возможна. В языке литературных произведений встречаются образования указанного типа, не зафиксированные словарями, т. е. слова или редко употребляемые, или созданные самим автором. Например: «...Комара, известен сред младежите *закачливец*...» (Даск.); «Какви *кекавци* сте вие, та сте се уплашили от виенето на простите жени?» (Англ.);«Но имаше и *нетърпеливци*, настроени по-прозаично. Те се скупчиха около чантите и раниците, наизваждаха самуни, сирене, салам» (Гул); «Износеното му палто говореше че е *пестеливец*-пенсионер» («Стърш»); «Между това, някои *прозорливци* съобразиха, че...» (Ваз); «Родерс почувствува, че образцовият разпит се проваля, че този *твърдоглавец* ще упорствува...» (Гул); «Вдигне някой босокрак *чорлавец* при черната дъска, погледне го кротко и го запита...» (Измир).

Существительные *закачливец*, *кекавец*, *нетърпеливец*, *пестеливец*, *прозорливец*, *твърдоглавец*, *чорлавец* образованы от основ качественных прилагательных *закачлив*, *кекав*, *нетърпелив*, *пестелив*, *прозорлив*, *твърдоглав*[35], *чорлав*, обозначающих различные качества людей. Произведен-

---

[32] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 290.

[33] Прилагательное *глупав* содержит в своем составе суффикс *-ав*.

[34] А. Спасова выделяет в этом слове суффикс *-ец* (см. статью «Словообразователната функция на суффикс *-ец* в днешния книжовен български език».—«Български език», 1952, кн. 3—4, стр. 263).

[35] Бессуффиксальная производящая основа.

inslav

ные существительные как бы заменяют собой словосочетания: *безочливец — безочлив човек*, *бъбривец — бъбрив мъж*, *горделивец — горделив човек*[36] и т. д. Но так как нет новообразований среди прилагательных, выступающих в качестве производящих основ, то и неологизмов в полном смысле этого слова, т. е. слов, выражающих новые понятия, с этим суффиксом не создается.

В производных основах с суффиксом *-ец* второй словообразовательной группы сохраняется ударение производящей основы.

Также не отличается большой активностью суффикс *-ец* в сочетании с основами прилагательных и во втором своем значении — значении предмета. Так, А. Спасовой[37] приводятся лишь следующие существительные: *живец*, *киселец*, *къдърец*, *равнец*, *руменец*, *синчец* (видимо, от *синкав*), *щурец*.

Суффикс -ак

Общеславянский суффикс *-ак* не получил особенно большой продуктивности в большинстве славянских языков, в том числе и в болгарском. В качестве производящих основ, к которым присоединяется суффикс *-ак*, выступает или основа качественного прилагательного, или основа относительного прилагательного с суффиксом *-ови*,*-еви*. Этот тип относительных прилагательных возник в болгарском языке под влиянием русских прилагательных на *-овой* и *-евой* и распространен в военной терминологии.

В соответствии с видом производящей основы все производные основы с суффиксом *-ак* распределяются по двум словообразовательным группам.

I. Бессуффиксальная основа прилагательного + суффикс *-ак*. Например: *глупак*, *голак* (или *голтак*), *дебелак*, *дивак*, *дъртак*, *живак*, *левак*, *лютак*, *новак*, *пешак*, *простак*, *слабак*, *трезвак**, *тъпак*, *щурак*.

Существительное *самотак* образовано от прилагательного с суффиксом *-ен*: *самотен*.

II. Основа прилагательного с суффиксом *-ови*, *-еви* + суффикс *-ак*. Например: *боевак*, *броневак*, *нестроевак*, *строевак*, *трудовак**, *щурмовак*.

Бóльшая часть производных основ первого типа эмоционально окрашена. Сферой их употребления является разговорный язык. В художественных произведениях они используются в диалоге, в прямой речи. Например: «— Я мълчи там, бе *простак*»! (Веж.); «...Божаницата... каза троснато:— Изветрял *дъртак*! Ти в чужди работи да се не месиш» (Е.-П.) «—...Старият *дебелак* се преструваше на наивен и ме надхитри...» (Дим.).

При употреблении таких слов, как *простак*, *дъртак*, *дебелак*, не только называется лицо, являющееся носителем каких-то качеств, но и выражается отношение к нему: пренебрежение, презрение или неуважение. Существует мнение, что эту эмоциональную окрашенность придает слову суффикс[38]. Однако вряд ли можно указать на разницу в значении таких двух производных основ, как *глупец* и *глупак*, образованных от одной и той же производящей основы: *глуп*(*ав*), обозначающей отрицательное качество. С другой стороны, если в качестве производящей основы выступает основа прилагательного, не обозначающего отрицательное качество, признак или свойство, то и производная основа в стилистическом отношении является нейтральной (*левак*, *новак*, *пешак*). Например: «Те

---

[36] Примеры взяты из «Речник на съвременния български книжовен език».
[37] См. выше сноску 34.
[38] См., например, Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 94.

inslav

избираха тесни и затънтени пътища, дето рядко, и то само денем, минаваха коли и *пешаци*» (Карасл); «Не преличаше вече на току-що облечен *новак*, а на офицер от бойните части» (Веж.)

Производные основы *новак* (русск. *новичок*), *пешак*, (русск. *пеший*, *пешеход*) эмоционально не окрашены, а потому и употребление их иное: они встречаются чаще в повествовательной, авторской речи. Принимая во внимание сказанное выше, вряд ли можно говорить об эмоциональной окрашенности суффикса.

Производные основы второго типа представлены в незначительном количестве, но сбрасывать их со счета нельзя, так как это сравнительно недавно появившаяся в языке лексика, относящаяся к военной терминологии. Например: «Движението на четата трябва да бъде прикрито от една малка *щурмова група*. *Щурмоваците* ще се придвижат до обекта и ще нанесат първия удар». (Авр.); «А той често идваше. Било да му даде кметът *трудоваци*, за да изчистят вадата, когато е затлачена, като им отметне трудовата, било за някаква друга сделка...» (Даск.). *Щурмовак* и *трудовак* по своему значению связаны с прилагательными *щурмови*, *трудови*.

В производных основах *фронтовак* и *тиловак* в качестве производящей основы выступает основа существительного и выделяется суффикс *-овак*. «...Нема ли тука *фронтовак* да му каже?... Ти що мълчиш бе, Петре, не беше ли на *фронта*... кажи му една дума, та го обърни, че тия женки, *тиловаци*, приказват големи приказки, ама отдалече!..» (Даск).

Значение производных основ *фронтовак* 'тот, кто был на фронте', 'фронтовик' и *тиловак* 'тот, кто во время войны был в тылу', 'тыловик' связано не с прилагательными *фронтови*, *тилови*, а со значением существительных *фронт* и *тил*. Есть основания говорить о появлении нового суффикса *-овак* и нового словообразовательного типа: «производящая основа — основа существительного + суффикс *-овак*».

Все производные основы с суффиксом *-ак* имеют ударение на суффиксе. О переносе ударения на суффикс свидетельствует чередование *а/е* на месте этимологического ѣ: *ляв—левак*.

В других значениях суффикс *-ак* с основами прилагательных выступает очень редко, например: *кривак*, *гнилак*.

Суффикс -јак

С этим суффиксом производных основ еще меньше. В качестве производящей основы при нем может выступать бессуффиксальная основа качественного прилагательного или основа с суффиксом *-ен* качественного или относительного прилагательного. Среди них различаются две словообразовательные группы.

I. Бессуффиксальная основа прилагательного + суффикс *-јак*: например: *веселяк*, *добряк*. В производных основах *здравеняк*, *смелчак* и *хубавеляк* выделяются вариантные формы этого суффикса *-еняк*, *-чак* и *-еляк*.

II. Производящая основа — основа прилагательного с суффиксом *-ен* + суффикс *-јак*. Например: *бедняк*, *западняк*. *запасняк*, *именяк*, *кореняк*, *северняк*, *смачканяк*, *средняк*, *тесняк*, *южняк*.

Производные основы первого типа эмоционально окрашены: будучи образованными от основ прилагательных, обозначающих положительные качества лица, они выражают доброжелательное, добродушное отношение к данному лицу.

inslav

Производные основы второго типа эмоционально не окрашены. С точки зрения значений они очень разнородны. Существительные *бедняк*, *средняк* обозначают лицо в соответствии с их социальной принадлежностью, *тесняк* — по отношению к идейному течению.

На внутреннюю форму существительного *запасняк* (русск. *запасник*) указывает пример, где одно и то же лицо называется один раз *запасняк*, а другой раз — сочетанием существительного с прилагательным *запасен*. Например: «Старият *запасен* фелдфебел... се ползуваше с голямо доверие пред началството...» (Март.). А немного ниже о том же лице сказано: «Старият *запасняк* вдигна скептично рамене» (там же); «Войниците бяха заминали на лагер, в поделението се обучаваха *запасняци*» (Гул.).

Существительные *западняк*, *северняк*, *южняк и кореняк* обозначают лицо по месту происхождения или жительства. Например: «Тук имаше *южняци*, със загорели от южното слънце лица, руси *северняци* от Елзас и Лотарингия, баски откъм Пиринеите, испанци, поляци» (Март.); «Отдавно живея тук, може да се рече *кореняк*». («Наша род.).

В некоторых случаях есть основания говорить о выделении суффикса *-няк*, т. е. о переразложении в основе.

Все производные основы с суффиксом *-як* имеют ударение на суффиксе.

Есть отдельные образования с суффиксом *-як* от основ прилагательных, имеющие значение не лица, а предмета. Например, *горняк* (северный ветер), *долняк* (южный ветер), *северняк* и др.

Подводя итоги сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

1. Производных существительных со значением лица, образованных от основ прилагательных, в количественном отношении значительно меньше, чем отглагольных образований, хотя, как указывалось выше, в болгарском языке прилагательные субстантивируются чаще, чем, например, в русском языке.

2. В настоящее время почти нет неологизмов, образованных от основ качественных прилагательных. Продуктивность тех суффиксов, которые субстантивируют основы только качественных прилагательных, ограничена.

3. Сохранение и даже увеличение продуктивности некоторых суффиксов связано с расширением круга тех основ, к которым они получают возможность присоединяться. Так, суффикс *-ик* присоединяется к основам не только качественных, но и относительных прилагательных с суффиксом *-ен*, а также и к основам относительных прилагательных с суффиксом *-ов*. За счет основ относительных прилагательных на *-ови*, *-еви* расширяется сфера употребления суффикса *-ак*.

4. Пополнение словарного состава языка неологизмами от основ прилагательных идет, главным образом, за счет образований от основ относительных прилагательных. Это связано как с тем, что именно этот разряд прилагательных интенсивно пополняется, так и с характерной для современного языка особенностью не именовать лица по их внутренним качествам или свойствам.

Производные от имен существительных

Производные основы этого типа называют лицо по какому-либо предмету, с которым оно так или иначе связано. Однако это указание на предмет, с которым связано лицо, может выражать не только основа имени существительного, но и основа относительного прилагательного, значение которой всегда выражает отношение одного предмета к другому. Поэтому значение некоторых производных основ, полученных в результате субстан-

inslav

тивации относительных прилагательных, ничем не отличается от значения производных основ, образованных от имен существительных: и те и другие называют лицо через указание на другой предмет.

Производные основы, связанные по своему происхождению с относительными прилагательными, имеют некоторые особенности. Так, наряду с этими производными основами могут употребляться и синонимические им сочетания с относительными прилагательными: «*Планинците* носеха на главите си дебели овчи калпаци» (Тал.); «Само лицето му се руменеше отдалеко — отворено, приветливо лице на здрав, *планински човек*» (там же); «В навечерието на 9 септември партията наброяваше към 25 000 члена — здрави *партийци*» (Г. Димитров); «Ако узнаят *партийните* хора?» (Бар.); «*Браилските българи* искат, първо, точен отчет за начина, по който се разходват даваните от тях средства...» (Дич.); «...*браилците* обръщат внимание парите да не се пръскат за излишни неща...» (там же).

Производные от относительных прилагательных

Особенностью этих производных основ является то, что по своему значению они связаны с именами существительными, а по морфологической структуре — с относительными прилагательными, производными от этих существительных. Но так как при морфологическом членении производной основы учитываются семантические, а не какие-либо другие связи, то в ряде случаев при этом часть производящей основы отойдет к суффиксу.

Производные основы, соотносимые как с существительными, так и с относительными прилагательными, содержат в своем составе один из следующих суффиксов: *-ин*, *-янин*, *-чанин* или *-ец* с его вариантами *-енец*, *-анец*, *-янец*.

Суффиксы *-ин* и *-янин* являются общеславянскими. Суффикс *-инъ* в старославянском языке придавал имени значение единичности: *погани* 'язычники', *поганинъ* 'язычник'. Это значение суффикс *-ин* сохраняет и в современном болгарском языке: *българи*, но *българин*. Суффикс *-ин* входит в состав и суффикса *-янин*. Суффикс -ꙗ*нин* обозначал лиц по принадлежности к какому-нибудь коллективу, по месту жительства и т. д.: *гражданинъ*, *самар*ꙗ*нинъ*, *бол*ꙗ*рин*. Суффикс *-чанин* в старославянском языке отсутствовал. Он появился позднее в результате переразложения производных основ с суффиксом *-янин*.

Производные основы с этими суффиксами имеют следующие значения.

1. Гражданин, уроженец того государства, страны, на которое указывает производящая основа: *българин*, *албанец*, *англичанин*, *шведец*.

2. Житель того места (части света, области, города, села и т. д.), на которое указывает основа. Например: «Азия е с намерение да се управлява с *азиатци*» («Лиф. фр.»); «Като премина и колибите на чергарите, заложени на прашната полянка на края на града, пред него се озова голямо хоро. Някой сиромах *крайчанин* имаше сватба» (Ваз.).

Производная основа может называть не жителя, а уроженца какого-либо места, который в данный момент там не живет. Например: «Той често се тюхкаше, че на време трябвало да изостави триетажната си къща във *Велес* и подгонен като комита,, да се засели тук. А веднъж изсипа цял поток от ругатни, когато друг *велесчанин*... го прекъсна...» (Ант.). Иногда они могут иметь и другие значения, как например: «Добър път, Методи! И при комбайна не забравяй, че си *димитровградчанин*!» (Кор.) Существительным *димитровградчанин* называется здесь строитель этого города, который снова возвращается в свое родное село.

inslav

3. Член организации, на которую указывает производящая основа: *партиец* 'член коммунистической партии', *отечественофронтовец* 'член организации «Отечествен фронт»'.

В соответствии с морфологической структурой все производные основы распределяются по следующим типам:

I. Производящая основа существительного + суффикс *-ин*.

II. Производящая основа существительного + суффикс *-янин*.

III. Производящая основа существительного + суффикс *-чанин*.

IV. Производящая основа существительного + суффикс *-ец* (*-енец*, *-анец*).

Производные основы со значением национальной принадлежности образованы посредством двух суффиксов: *-ин* или *-ец*.

Суффикс *-ин* находим в словах *арабин*, *белорусин*, *българин*, *русин*, *сърбин*, *татарин*, *турчин*, *французин*, *хърватин* и др., т. е. названия национальностей, усвоенные болгарами давно. Новообразований здесь нет.

Шире суффикс *-ин* употребляется в народном языке[39].

Продуктивность суффикса *-ин* в производных основах этого типа ограничивается суффиксом *-ец*.

Производных основ с суффиксом *-ец* гораздо больше. Но и его продуктивность, естественно, ограничена определенным количеством производящих основ: *австриец*, *албанец*, *алжирец*, *аржентинец*, *арменец*, *афганистанец*, *белгиец*, *бразилец*, *германец*, *индиец*, *китаец*, *латвиец*, *македонец*, *мексиканец*, *норвежец*, *унгарец*, *черногорец*, *шведец*.

В существительных *американец* и *италианец* выделяется суффикс *-анец*.

Есть отдельные образования с другими суффиксами: *англичанин*, *датчанин*.

Производные основы со значением 'житель' или 'уроженец (какого-либо места)' оформлены суффиксами *-янин* (*-анин* перед шипящими), *-чанин*, *-ец*.

Меньше производных основ с суффиксом *-янин*: *атинянин*, *батачанин*, *врачанин*, *горянин*, *гражданин*, *перничанин*, *разложанин*, *селянин*.

Для современного языка характерно наименование лица по месту. Поэтому от любого названия места (чаще от имени собственного)[40] может быть образовано существительное со значением лица. Суффикс *-янин* присоединяется к основам, оканчивающимся на заднеязычный *к* или *ц*. Например: *Бистрица — бистричанин*; *Лидице — лидичанин*; *Рудник — рудничанин*, *Сушица — сушичанин* и т. п.

Больше производных основ находим с суффиксом *-чанин*, который на болгарской почве оказался довольно продуктивным. Например: *берлинчанин*, *бургасчанин*, *варшавчанин*, *велесчанин*, *димитровградчанин*, *дрезденчанин*, *ленинградчанин*, *ламчанин*, *лондончанин*, *михайловградчанин*, *московчанин*, *родопчанин*, *цариградчанин*.

От названий сел также образуются производные основы такого же типа. Например: «Ако питаш *богданчанин*, по-богат и по-красив край от техния

---

[39] В народном языке суффикс *-ин* часто присоединяется к производным основам с другими суффиксами, в том числе и к заимствованным. В литературном языке такие основы встречаются при передаче диалектно окрашенной речи или речи простых людей. Например: «Добре хортуваш, цял *адвокатин*...» (Лил.); «Дядо Момчил. Е, Дане, завърши ли я най-сетне, тая пуста наука? Йордан. Завърших. Дядо Момчил... Значи — *инженерин*!» (Карасл.); «Можеш да не разбираш, ама не си вече *фабрикантин*» (Лил.)

[40] Но также и *нашенец*, *вашенец*, *долноземец*, *долнокраец*, *другоселец* и некоторые др.

inslav

няма под родното небе» («Раб. дело»); «Баща му държеше обущарница, майстореше ботуши на *ведровчани*» (Гул.); «Над селото по стръмната височина нагоре започват нивите и лозята на *горскокосовчани*» («Септ.»). Здесь *богданчанин*, *ведровчанин*, *горскокосовчанин*, образованы от названий сел *Богдан*, *Ведрово*, *Горско Косово*.

Еще более продуктивным является суффикс *-ец* и его варианты: *-анец*, *-енец*, *-инец*, *-чанец*, *-еец*. Суффикс *-ец* выделяется в таких производных основах, как *анадолец*, *беломорец*, *габровец*, *калоферец*, *панагюрец*, *плевенец*, *пловдивец*, *разградец*, *самоковец*, *сибирец*, *средногорец*, *софиец*, *тракиец*, *ямболец* и др.; суффикс *-анец*: *африканец*, *венецианец*, *добруджанец*, *мексиканец* и др.; суффикс *-енец*: *будапещенец*, *варненец*, *котленец*; суффикс *-инец*: *далматинец*; суффикс *-еец*: *европеец* и др. О словообразовательной активности суффикса *-ец* в производных основах с этим значением свидетельствует не только количество их, но и новообразования. От названий новых городов, сел и т. п. свободно образуются существительные со значением лица: *готвалдовци*, *димитровци*, *младогвардейци* и др.

Как уже было отмечено выше, оба суффикса *-чанин* и *-ец* являются продуктивными. Нет строгого разграничения их употребления, так что в ряде случаев возможны параллельные образования от одной и той же производящей основы как с суффиксом *-ец*, так и с суффиксом *-чанин*.

Так, например, наряду с *димитровец* 'житель г. Димитрова' (см. пример выше) употребляется и *димитровчанин*; наряду с *браилец* (см. пример выше) употребляется и *браилчанин*, а также *плевенец* и *плевенчанин*, *калоферец* и *калоферчанин*. Например: «Дойде и тоя ден в Димитрово да си имаме дворец... ...в тоя дворец всеки *димитровчанин* се чувствува така, сякаш е построен лично за него» («Лит. фр.»); «Личеше, че мнението на *браилчани* се покрива с неговото» (Дич.); «Тази вечер *плевенчани* изпълниха просторната зала на Дома на офицера» («Раб. дело»); «Някой находчив *калоферчанин* е открил тайната за евтина и бърза украса на града» («Стърш.»).

Суффикс *-ец* может присоединяться и к основам имен существительных, не соотносительных с прилагательными. Значение производных основ такого рода близко значению основ, рассмотренных выше. Поэтому удобнее остановиться на них именно здесь.

В качестве производящих основ выступают: а) основы существительных, представляющих собой название организаций, предприятий, каких-либо коллективов, мероприятий. Производная основа в этом случае обозначает лицо по принадлежности к ним. Например: «В тази богата реколта ще имат дял и *коларовци*, които със своите машини облегчават труда на нашите селяни» («Раб. дело»); «И ето, един *ботевец*... забелязва помпа...» (Карасл.); «*Бачокировци* напуснаха селото доволни, че са отпразнували с бойна акция Деня на народните будители» (Колев); «Започна и завърши Варшавският фестивал. Сега нашите *фестивалци*, които са обещали на своите иноземни приятели да изпратят изглед от България, ще се видят в затруднение» («Стърш»). « За какво ти е? — попитали го *горпромци*» (там же). В приведенных примерах *коларовец* — рабочий завода «Васил Коларов»; *ботевец* — член звена (ядро), носящего имя Ботева; *бачокировец* — партизан отряда «Бачо Киро»; *фестивалец* — участник фестиваля молодежи и студентов; *горпромец* — работник горпрома. Число примеров можно увеличить во много раз, так как производные основы такого рода непрерывно создаются в языке. Сферой их употребления является в основном язык периодической печати.

Реже в качестве производящих основ выступают основы имен существительных на *-ение*. Например: «Аз бях толстоист, *несъпротивленец*... Но после разбрах — с несъпротивленството личен режим не се събаря.

inslav

Трябва борба!» (Бел.); «И в Ружомберок тя безпогрешно попада в едно патриотично словашко семейство, което я свързва със *съпротивленците*». (Карасл.); «Стълбичката бе спусната и всички встъпиха върху меката повърхност на пресъхналото блато. Между *аерокрушенците* само един сияеше» («Стърш.»); «Те вещаеха гибелни последици за организацията и вече бяха започнали да действуват, като истински *корабокрушенци*» (Гул.). Здесь *несъпротивленец* — последователь учения Л. Толстого о непротивлении злу насилием; *съпротивленец* — участник движения сопротивления против фашизма (*съпротивление*); *аерокрушенец*, *корабокрушенец* — лица, бывшие на самолете или корабле, потерпевших крушение (*аерокрушение*, *корабокрушение*).

К приведенным примерам можно добавить еще такие, как *просвещенец* лицо, занимающееся просветительской деятельностью' (*просвещение*); *възрожденец* 'лицо, содействовавшее возрождению болгарского народа' (*възраждение*); *невъзвращенец*, *съглашенец*.

* * *

Производные основы, у которых производящей является основа имени существительного, могут быть оформлены суффиксами как исконно болгарскими, так и иноязычными по своему происхождению. Из славянских суффиксов к основам имен существительных присоединяются *-ар*, *-ник*, *-ин*, *-янин* (*-анин*), *-чанин* и *-ец*, о которых речь шла выше, а из иностранных — *-джиј-* (*-чиј-*), *-ист*, *-чик*.

Среди производных основ с иностранными суффиксами есть основы двух типов: 1) заимствованные из других языков и 2) созданные носителями болгарского языка.

Суффикс -ар

Восходит к латинскому суффиксу *-ārius* [41]. Производные основы с этим суффиксом в латинском языке обозначали профессию. В славянские языки слова с суффиксом *-арь* попадают через германские языки. Затем по образцу заимствованных создаются и славянские слова.

Суффикс *-арь* есть во всех славянских языках. Однако продуктивность его в разных славянских языках неодинакова. И если в современном русском языке производных основ с этим суффиксом очень немного, то в болгарском его роль в системе словопроизводства значительна. Сам суффикс утратил мягкость конечного *р*, которая, однако, сохранилась перед гласным (*винар*, но *винарят*).

Производные основы с суффиксом *-ар* в современном болгарском языке в соответствии с их структурой представляют два типа:

I. Производящая основа, оканчивающаяся на согласный (твердый или мягкий) + суффикс *-ар*. Например: *брадвар*, *въжар*, *медникар*, *коняр*, *огняр* (*кон'ар*, *огн'-ар*). Если в производящей основе есть суффикс *-ка*, он опускается: *гъдулка* — *гъдулар*, *рогозка* — *рогозар* и др.

II. Производящая основа, оканчивающаяся на *-ц* и чередующаяся с *ч* + суффикс *-ар*. Например: *овца* — *овчар*, *воденица* — *воденичар*, *яйце* — *яйчар* и т. д. Чередование *ц/ч* имеет место не во всех случаях (например, *каруца*—*каруцар*), а только там, где *ц* восходит исторически к *к*. Оно — результат воздействия старого суффикса *-јар*.

---

[41] Однако это признается не всеми. См. Ст. Младенов и С. Василев. Указ. соч., стр. 163.

inslav

Производящая основа слов с суффиксом *-ар*, имеющих значение лица, может указывать на объект деятельности лица (предмет в узком смысле слова, рыбу, птицу, животное), орудие действия, предмет изготовления, место (предприятие, учреждение и т. п.) деятельности и на вид оплаты за труд.

Производные основы с суффиксом *-ар* со значением лица широко распространены в литературном и разговорном языке. Например: *баничар*, *боринар*, *ботушар*, *брадвар*, *брашнар*, *бъкличар*, *бърдар*, *бъчвар*, *вестникар*, *винар*, *вретенар*, *въглищар*, *въжар*, *вълнар*, *гребенар*, *грънчар*, *гъбар*, *дървар*, *железар*, *златар*, *камънар*, *кацар*, *керемидар*, *килимар*, *кожар*, *кожухар*, *колбасар*, *копринар*, *коритар*, *котлар*, *кошничар*, *краставичар*, *лешничар*, *лъжичар*, *малинар*, *маслар*, *медар*, *медникар*, *мекичар*, *метлар*, *наденичар*, *ножар*, *обущар*, *овощар*, *опиничар*, *оцетар*, *очилар*, *решетар*, *рибар*, *рогозар*, *сапунар*, *паничар*, *платнар*, *свещар*, *седлар*, *свилар*, *ситар*, *сиренар*, *сладкар*, *сливар*, *солар*, *сукнар*, *талигар*, *цветар*, *часовникар*, *чергар*, *черешар*, *циглар*, *четкар*, *чехлар*, *чизмар*, *хлебар*, *шапкар*, *стъклар*, *биволар*, *воловар*[42], *говедар*, *добичар*, *камилар*, *козар*, *коняр*, *кравар*, *магаретар*[43], *мулетар*, *овчар*, *свинар*, *телчар*, *шилетар*, *яловар*, *веслар*, *въдичар*, *количкар*, *каруцар*, *картечар*, *лодкар*, *лопатар*, *стругар*, *талигар*, *точилар*, *двойкар*, *жабар*, *отпускар*, *учебникар*, *електричар*, *детешар* и др.

Помимо общего значения лица эти производные основы с суффиксом *-ар* имеют более узкие значения, зависящие от значения производящей основы. Ср. например: «Ние всички искаме *рибарят* мирно да продава своята риба» («Лит. фр.») и «Зад тях бяха вързани винтерите 5—6-метрови мрежени цилиндри. Между тях сновяха няколко лодки, срънните *рибари* от бригадата бързо изпразваха един по един винтерите» («Раб. дело»). Из контекста ясно, что в первом примере речь идет о лице, занимающемся продажей рыбы, а во втором — о лице, добывающем ее. Значит, если производящая основа указывает на предмет, то производная основа обозначает лицо, изготовляющее (или добывающее) или продающее данный предмет.

Некоторые производные основы такого типа имеют одно из этих значений. Одни из них обозначают лицо, продающее что-либо, как например: *вълнар*, *гроздар*, *житар*, *книжар*, *крушар*, *любеничар*, *млекар*, *месар*, *пръстенар*, *тиквар*, *черешар*, *ябълкар*, а также *яйчар* (синонимом к которому является *яйцесъбирач*), другие — лицо, добывающее, изготовляющее то, на что указывает основа: *зайчар*, *кацар*, *килимар*, *кучкар*, *лисичар*, *ножар*, *огняр*, *оризар*, *резбар*, *реснар*, *рудар*, *семенар*, *столар*, *стъклар*, *сукнар*, *тухлар*, *часовникар*.

Можно отметить и другие, более частные оттенки значений производных основ разбираемого типа. Так, например, производная основа *колар* обозначает не только того, кто делает или ремонтирует телеги (*кола*), но и того, кто на них работает; *ключар* — это не только тот, кто делает или ремонтирует ключи, но и тот, кто держит, хранит ключи от помещения; *билкар* — это не только тот, кто сибирает травы (*билки*), но и тот, кто лечит ими, и др. Значение той или иной производной основы уточняется контекстом. Например: «Бай Стоян отиде при *коларите* на разговор» (Е.-П.); «Счупило му се нещо на предното колело, та го търкалял към *коларя* за поправка» (Чуд.).

В Болгарии, где во многих районах одним из важнейших занятий населения является скотоводство, лицо, связанное с этой стороной жизни, часто именуется по названию тех животных, которых оно выращивает,

[42] Производящая основа *волов* (а не *вол*) —результат чередования в основах на *й* (*ъ*) *ов*.

[43] Производящая основа *магарет* (а не *магар*) — старая основа на согласный.

inslav

пасет или является погонщиком, а также по названию птицы, шелковичного червя, пчелы и т. п. Например: *кравар* 'тот, кто смотрит, ухаживает за коровами'; *телчар* 'тот, кто пасет телят', *бубар*, *гълъбар*, *гъсар*, *птичар*, *пчелар* и др. Основа *мечкар*, образованная от основы существительного *мечка* 'медведь', обозначает лицо, вырастившее и выдрессировавшее медведя. Например: «Дядо Рамадан *мечкарят*... се прибираше с мечката...» («Септ.»).

Производная основа, образованная от названия музыкального инструмента, обозначает того, кто играет на этом инструменте. Например: «*Цигуларите* стискаха цигулките си...» (Карасл.). *Цигулар* — 'тот, кто играет на скрипке' (*цигулка*). К производным основам с таким значением относятся: *гайдар*, *гуслар*, *гъдулар*, *лаутар*, *тъпанар*. Когда производящая основа указывает на место (учреждение, заведение, предприятие и т. п.), производная основа обозначает лицо, работающее там или являющееся собственником, владельцем, содержателем.

К числу производных основ с первым значением относятся *аптекар*, *архивар*, *болничар*, *будкар*, *библиотекар*, *валявичар*, *вратар*, *воденичар*, *градинар*, *граничар*, *железничар*, *кръчмар*, *лозар*, *мелничар*, *митинчар*, *общинар*, *рудничар*, *тепавичар* и другие, а к основам со вторым значением — *гостилничар*, *кръчмар* и др.

Однако не все производные с суффиксом *-ар* имеют одно из приведенных выше значений, общих для более или менее значительных по количеству основ. Такие производные основы, как *гешефтар*, *годежар*, *жътвар*, *иманяр*, *клюкар*, *коледар*, *лихвар*, *мускетар*, *печалбар*, *сватбар*, имеют агентивное значение, т. е. обозначают действующее лицо, которое занимается тем, на что указывает основа: *гешефтар* 'спекулянт' (от *гешефт*), *годежар* 'устроитель браков' (*годеж*), *иманяр* 'искатель кладов' (*имане*), *отпускар* 'находящийся в отпуске', *опашкар* 'последний в очереди, в танце', а также 'хвостист', *печалбар* 'тот, кто ушел на заработки' (*печалба*), *призовкар* 'служащий суда, разносящий повестки' (*призовка*), и т. д.

Сказанное выше о производных основах с суффиксом *-ар* свидетельствует о большой активности его в процессах словопроизводства в болгарском языке. Это связано с тем, что основы, к которым он присоединяется, обозначают (или обозначали) жизненно важные понятия. Поэтому лексика, оформленная этим суффиксом, является общенародной.

Производные основы с суффиксом *-ар* имеют разные значения, но чаще они называют лицо по профессии. В большинстве случаев это названия ремесленников, занимающихся изготовлением тех или иных предметов и продажей их. Это определяет дальнейшую судьбу как производных основ с суффиксом *-ар*, так и самого суффикса. Для всех современных языков характерным является наименование лиц по профессиям. Однако в экономической жизни Болгарии произошли большие изменения. В современных условиях, когда на смену кустарному производству приходит производство промышленное с применением вместо ручного труда машин и механизмов, названия новых профессий даются не по продукту труда, а по выполняемым действиям или по тем машинам и механизмам, с помощью которых производится работа. В названиях же профессии по этому признаку суффикс *-ар* почти не используется (собственно, только *стругар*)[44]. Это не может не сказаться на степени активности суффикса *-ар* в настоящее время. Более продуктивными становятся другие суффиксы. И если создаются новые производные основы с суффиксом *-ар*, то они, как правило, не обозначают профессий. Например: «Но *водарите* започнаха да се поза-

[44] Ср. также *слухар* 'телеграфист, принимающий текст на слух' и *струяр* 'пожарный, сбивающий огонь водой'.

inslav

бавят със саката» (Мар.) Здесь производная основа *водар* обозначает того, на обязанности которого было доставлять воду. Но это не профессия, не постоянное занятие, а временное, по наряду.

К новообразованиям с суффиксом *-ар* относится *шумкар* (разг.) со значением 'партизан', 'борец против фашизма', *десетар*, образованное от числительного *десет* 'ответственный за группу из десяти рабочих'. Например: «Планът за посевите да се доведе до знанието на отделните стопани чрез *десетарите*» (АкР). Все производные основы с суффиксом *-ар* имеют ударение на суффиксе.

В некоторых случаях присоединение суффикса *-ар* придает производной основе эмоциональную окраску: *граматикар*[45] 'посредственный составитель грамматики' (от *граматик* 'составитель грамматики'), *критикар* (русск. *критикан*) 'недобросовестный критик' (от *критик*), *патриотар* (от *патриот*) 'неискренний патриот'. Это разговорная лексика.

Суффикс *-ар* может придавать производящей основе значение предмета: *буквар*, *върхар*, *жътвар* (насекомое), *звънчар*, *ливадар* (растение). Суффикс *-ар* и в этих случаях ударный. Но если в личном значении в положении перед гласным мягкость конечного согласного сохраняется, то в предметном она может быть утрачена: *букварът*, *върхарът*.

Суффикс -ник

Это суффикс, производный от суффикса *-ик*, который в старославянском языке присоединялся обычно к основам прилагательных на *-ьн*, образованных от существительных. Например: *грѣхъ — грѣшьнъ — грѣшьникъ*. Так как существительные типа *грешник* могли соотноситься не только с прилагательным, но и с существительным, это способствовало обособлению суффикса *-ник*, который получает самостоятельную продуктивность, т. е. возможность присоединяться к основам существительных, несоотносительных с прилагательными.

В словарном составе современного болгарского языка есть целая группа производных основ с суффиксом *-ник*, у которых в качестве производящей выступает основа имени существительного.

С точки зрения морфологической структуры производные основы с суффиксом *-ник* однородны и составляют один словообразовательный тип: «производящая основа, оканчивающаяся на согласный, + суффикс *-ник*». Например: *властник*, *връстник*, *годежник*, *дачник*, *доносник*, *заговорник*, *заповедник*, *затворник*, *защитник*, *излетник*, *изповедник*, *каторжник*, *колхозник* (русск.), *кръвник*, *кръжочник*, *метежник*, *монтажник*, *надзорник*, *ненавистник*, *обирник*, *ответник*, *отчетник*, *пагубник*, *петролник*, *пленник*, *побойник*, *помощник*, *правник*, *проповедник*, *пътник*, *развратник*, *разговорник*, *раздорник*, *разколник*, *сплетник*, *стачник*, *съветник*, *съюзник*, *управник*, *физкултурник*, *фокусник*, *школник*.

Если в качестве производящей основы выступает основа производная, то суффикс *-ник* присоединяется обычно к корневой морфеме. Например: *въстание — въстаник*, *дописка — дописник*, *размирие — размирник*, *собственост — собственик*.

Производные основы с суффиксом *-ник* имеют разные значения, которые определяются значением производящей основы. Среди них могут быть отмечены следующие.

---

[45] В разговорном языке — 'составитель грамматики'. Ср. также *речникар*, *учебникар*.

inslav

I. Название лица по его занятию. Это может быть:

1) Занятие, связанное с профессией лица, например: «Съзнавайки важността на телеграфно-телефонните съобщения, работниците, *надзорниците* и техниците при възела обещават...» («Раб дело»); «В трудния монтаж на тоя огромен кран младите *монтажници* вложиха всичките си сили»(там же); «Сменният тракторист и *отчетникът* зяпнаха с учудени лица...» (Гул.); «Съветската техника въоръжава българските *петролници* със съвършени машини» («Лит. фр.)». Здесь производящая основа в *надзорник* указывает на то, что это лицо, занятием, профессией которого является надзор, в данном случае за телеграфно-телефонной линией связи (русск. *линейный надсмотрщик*); в производной основе *монтажник* — на то, что лицо занимается монтажом; в *отчетник* — учетом (русск. *учетчик*); в *петролник* — добычей нефти (*петрол*).

2) Занятие, не связанное с профессией, например: «Движението на работническите и селски *дописници* израства като сериозен фактор в социалистическото строителство» («Раб.дело»); «Лулето беше раздразнителен, лют, лесно налиташе на бой и се биеше безпощадно. И най-големите *побойници* в квартала говореха със страхопочитание за него» («Септ.»); «Работниците, струпали се наоколо, гласно изказваха мислите си. Всеки доказваше какво е трябвало да се направи, за да не се получи бракът. Но нямаше нужда от *съветници*» («Раб. дело»); «На другия ден на строежа Халачев се запозна със съветския специалист, *съветник* по заводски строежи...» (Кор.).

Производные основы *дописник*, *побойник*, *съветник* обозначают лиц в соответствии с предметом их занятий: *дописник* 'тот,кто пишет корреспонденции (*дописка*) в газету', *побойник* 'тот, кто принимает участие в драках' (*побой*), *съветник* 'тот, кто дает советы' (русск. *советчик*).

Аналогичные значения имеют: *годежник*, *доносник*, *защитник*, *физкултурник*, *фокусник*, *развратник*, *разколник*.

II. Название лица по его участию в чем-либо. Например: «Онзи приклекна и заговори увещателно... — Той се ослуша. Имаше вид на *заговорник*, който се е промъкнал през огън и смърт...» (Бар.); «*Стачниците* искат повишаване на заплатите с 40 на сто» («Раб. дело»); «На първото заседание на кръжока той изнесе доклад, в които очерта задачите и линиите на бъдещата дейност на писателите-*кръжочници*» (Б. Вапц.).

В качестве производящих выступают основы существительных *заговор*, *стачка*, *кръжок*, и производные основы имеют следующие значения: *заговорник* 'участник заговора' (русск. *заговорщик*), *стачник* 'участник стачки, забастовки' (русск. *забастовщик*), *кръжочник* 'участник, член какого-либо кружка' (русск. *кружковец*).

Сюда же по значению относятся и *излетник* 'участник вылазки, экскурсии за город', где в качестве производящей основы выступает основа существительного *излет* 'экскурсия', 'поездка', и *съветник* 'депутат местного совета' с производящей основой — основой существительного *съвет* в значении 'орган государственной власти'[46]. Например: «Вчера... се състоя сесия на Софийския градски народен Съвет. Присъствуваха *съветници* на градския и районните народни съвети, активисти на организациите на Отечествения фронт в столицата и много граждани» («Раб. дело»).

III. Название лица по месту его нахождения. Например: «По улицата маршируват сегашните *летовници* на Чепела-

---

[46] В аналогичном значении оно употреблялось и раньше для обозначения члена общинного совета: «Един път... той се явява в общинския съвет и като *съветник* се изказва» (Лил.).

inslav

ре —стотина пионерчета» («Септ.») «През това време в Париж образувахме дружество за подпомагане останалите в лагерите другари. Устройвахме забави, вечеринки. Увлякохме за помощ на *лагерниците* «икономическата» емиграция в Париж...» (Мар.).

Производные основы *летовник* и *лагерник*, образованные от основ существительных *летовище* 'место летнего отдыха' и *лагер* 'лагерь', обозначают тех, кто находится в месте летнего отдыха, в лагере.

Такое же значение имеет производная основа *каторжник*. С некоторой натяжкой можно сюда же отнести слова: *пътник*, *друмник* 'тот, кто находится в пути' и *конник*.

IV. Производные основы с суффиксом *-ник* называют лицо по характерному для него признаку. Например: «Той беше един от истинските, същинските *властници*, които от много години управляваха страната» (Дим.); «Най-после Краювчето, който минава за вещ *разговорник*, се изкашля и подхваща издалеко» («Стърш.»). Здесь *властник* 'тот, кто обладает властью', *разговорник* 'умеющий вести разговор'. С аналогичным значением: *завистник* от производящей основы *завист*, *заповедник от заповед*, *кървник* от *кръв* и др. Суффиксом *-ник* оформлены также *връстник*, *ответник*, *помощник*, *съюзник*.

Хотя производных основ с суффиксом *-ник* сравнительно немного, этот суффикс следует признать довольно активным, о чем свидетельствуют новообразования *монтажник*, *кръжочник*, *петролник*, вошедшие в употребление, а также *паважник*, *корпусник* и др.

Есть и вариантные формы суффикса *-ник*, которые выделяются в следующих основах.

В производных основах *свързочник*, *смазочник*, *стрелочник* выделяется суффикс *-очник*.

В отношении места ударения производные основы с суффиксом *-ник* не представляют единства: бо́льшая часть имеет ударение на втором слоге от конца: *затво̀рник*, *завѝстник*, *заповѐдник* (от *затво̀р*, *за̀вист*, *за̀повед*); немногие — на суффиксе: *връ̀ст* — *връстнѝк*, *кръ̀в* —*кръвнѝк*— и на третьем слоге от конца: *ѝзлетник*, *фо̀кусник*.

От основ имен существительных образованы также и такие производные основы с суффиксом *-ник*, которые имеют значение предмета. Например: *багажник*, *дрешник*, *игленик*, *катраник*, *лъжичник*, *пепелник*, *рибник*, *свещник*, *спиртник*, *стрелник*, *супник*, *чайник*, *бележник*, *вестник*, *въпросник*, *законник*, *правилник*, а также *съновник*, *писмовник*, *курник*, *разплодник*, *рудник*, *плевник*, *краварник*, *рибарник*, *цветарник*.

Производные основы с иноязычными суффиксами

Суффикс -джиј- (-чиј-)

Это турецкий суффикс, который иногда выступает в вариантном виде *-аджиј-* и *-еджиј-* (например, в словах: *вицаджия*, *чешмеджия*).

В болгарский язык этот суффикс попал вместе с заимствованными из турецкого языка словами. Количество таких заимствований с суффиксом *-джиј-/-чиј-* было велико. Стечением времени многие из таких заимствованных слов были заменены производными основами болгарского происхождения (например, вм. *казанджия* —*медникар*, вм. *бостанджия* — *градинар*, вм. *изполо̂жия* — *изполичар*, вм. *кумюмджия* — *златар* и т. д.), чему способствовала деятельность пуристов; другие устарели и вышли (или выходят) из употребления (например, *айлъкчия*, *бегликчия*, *бахчеванджия*, *гемиджия*, *нишанджия*). Однако некоторое количество заимствованных из турецкого языка слов с суффиксом *-джиј-* прочно вошло в словарный

inslav

состав современного болгарского литературного языка, например: *бояджия*, *занаятчия*, *кавалджия*, *памукчия* и др. В разговорном же языке и особенно в языке народных говоров их гораздо больше[47].

Наличие в словарном составе болгарского языка, наряду с подобными производными основами, основ непроизводных типа *боя*, *занаят*, *кавал* и т. д. способствовало выделению в них сознанием говорящих на болгарском языке суффикса *-джиј-/-чиј-*, с которым связывались два основных значения в соответствии со значением производных основ с этим суффиксом.

Производные основы с суффиксом *-джиј-* обычно обозначают лицо по его профессии, постоянному занятию. Например: «—Преди няколко години боядисвахме Юнион Палас... — Ти *бояджия* ли си?» (Веж.); «Те (мислите на Владо) приличаха на *пощаджии*, всеки един от които носеше в чантата си по една лоша вест» («Септ.»).

Особенно много производных основ с этим суффиксом, обозначающих различных ремесленников и торговцев: *абаджия*, *бакърджия*, *барутчия*, *басмаджия*, *геврекчия*, *зарзаватчия*, *казанджия*, *калайджия*, *калпакчия*, *катранджия*, *кебабчия*, *керемидчия*, *памукчия*, *салепчия*, *самарджия*, *симидчия*, *тенекеджия*, *халваджия*, *чадърджия*, *чешмеджия* и некоторые др.

Реже производные основы с суффиксом *-джиј-* называют лицо по другим признакам: по орудию труда (*бичкиджия* — тот, кто режет дрова пилой, называемой *бичкия*; *даракчия* — тот, кто работает с помощью специального приспособления *дарак*), по названию заведения, которое содержит или в котором работает данное лицо (*дюкянджия*, *кафеджия*, *ханджия* и др.), по виду оплаты за труд (*изполджия*, *парчеджия* — получающий за каждую выработанную вещь), по названию музыкального инструмента, на котором играет (*кавалджия*); в соответствии с характерной для него (т.е. лица) особенностью. Например: «Трябва да поговоря с него.— Ще си докараш само неприятности. Той е *кавгаджия* и мрази българите» (Дим.); «Мале, кажи да ни донесат малко ракия и крастовички. Ако искаш мастика, да донесат. Аз съм *ракиджия*, не обичам правените питиета» («Септ.»). Здесь *кавгаджия* —это тот, кто любит ругаться, устраивать ссоры, драки (*кавга*), *ракиджия* — тот, кто пьет (предпочитает пить) водку (*ракия*).

Аналогичное значение имеют и такие производные, как *гюрултаджия*, *зулумджия*, *ибрикчия*, *келепирджия*, *комарджия*, *лаладжия*, *муфтаджия*, *рушветчия*, *сеирджия*, *сопаджия*, *тютюнджия*, *фитилджия*, *хатърджия* и др.

Конечно, производные основы с суффиксом *-джиј-* могут иметь и другие значения, например, называть лицо по месту его жительства, ср. *балканджия* (от *балкан* 'гора') 'горец' и другие, но указанные выше значения являются основными.

Производные основы с суффиксом *-джиј-* в двух первых значениях совпадают по значению с производными основами, образованными при помощи суффикса *-ар*. Особенно много производных основ с этим суффиксом, обозначающих занятия ремесленников: *абаджия*, *бакърджия*, *басмаджия* и т. п. (как и с суффиксом *-ар*).

Грамматики болгарского языка[48] обычно отмечают суффикс *-джиј-*, *-чиј-* только в словах турецкого происхождения, ничего не говоря о продук-

---

[47] Характерно, что более чем из 130 слов с суффиксом *-джиј-* в «Български тълковен речник» более 40 имеют помету «разг.» и более 10 «обл.» и «нар.».

[48] См. Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 62, а также Л. Андрейчин, Н. Костов, К. Мирчев, Е. Николов, Ст. Стойков. Български език. София, 1955, стр. 93. Только П. Калканджиев говорит об их «производительности» (см. указ. соч., стр. 239).

inslav

тивности или непродуктивности его в болгарском языке. Проф. К. Мирчев [49], отмечая возможность присоединения этого суффикса к основам славянского происхождения, указывает на ограничение его словообразовательных возможностей в современном литературном языке. Одновременно он отмечает, что производные основы с этим суффиксом обычно эмоционально окрашены («иронично-насмешлив» или «пейоративен характер»).

Собранный материал по производным основам с суффиксом *-джиј-* свидетельствует о том, что этот суффикс получил в болгарском языке самостоятельные словообразовательные функции, т. е. посредством его созданы слова от нетурецких по своему происхождению основ.

Одним из примеров производных с суффиксом *-джиј-* от болгарской основы является существительное *ловджия*, которое до сих пор употребляется наряду с *ловец*, на первый взгляд, без какого-либо различия в значении [50]. Один и тот же автор в одном и том же контексте может употребить и слово *ловец*, и слово *ловджия*. Например: «Докато да разберем какво става, пред входа на землянката се изпречи едно ловджийско куче и почна да лае. Човекът не се виждаше, но нямаше съмнение, че кучето е имало *ловджия*. За миг кучето престана да лае, почна да души нашите дири около землянката, повърти се малко и пак се върна. Опитният *ловец* различава добре кога кучето му лае по лов, а кога по човек» (Авр.). Но, видимо, разница в значении есть и в этом случае, и она состоит в некоторой эмоциональной окрашенности, в сниженном значении слова *ловджия* по сравнению с *ловец*. Так назван тот охотник, который, как предполагают партизаны, может их выдать. Когда же речь идет об охотнике вообще, да еще и опытном, употребление слова *ловджия* оказывается невозможным.

В производных основах с суффиксом *-джиј-* (*-чиј-*), образованных на болгарской почве, в качестве производящей выступает обычно основа имени существительного [51]. Это могут быть славянские основы или основы имен существительных, заимствованных из других языков, не считая турецкого.

В следующих производных основах в качестве производящих выступают славянские основы (в том числе и основы, заимствованные из русского языка): *бодкаджия*, *варджия*, *врявaджия**, *вършачкаджия**, *гуляйджия*, *двойкаджия*, *изборджия**, *изкопчия**, *изполджия **, *картофаджия **, *лавкаджия*, *ловджия*, *любовчия **, *оборджия*, *палкаджия*, *погромаджия*, *превратаджия*, *семкаджия*, *сметкаджия*, *сладоледчия*, *трупчия **, *шегаджия*.

Производные основы: *алармаджия*, *бакаджия **, *бетонджия**, *борсаджия*, *бюфетчия*, *вагонеткаджия **, *ваксаджия*, *вицаджия **, *гальотаджия*, *далавераджия*, *дрезинкаджия**, *гратисчия*, *латернаджия*, *каналджия*, *кашкавалджия*, *кифладжия*, *коминджия**, *курортаджия*, *лозунгаджия*, *лимонададжия*, *мандраджия*, *маркаджия*, *митингаджия*, *модаджия*, *мозайкаджия*, *покерджия*, *саламджия*, *скандалджия*, *содаджия*, *талигаджия*, *трамвайджия*, *тунелджия*, *циркаджия* образованы от основ имен существительных, заимстованных из разных западно-европейских языков. Слова *гипсаджия*, *катастрофаджия*, *фараджия* образованы от основ греческого происхождения.

---

[49] К. Мирчев. За съдбата на турцизмите в български език.—«Известия на института за български език», кн. II. София, 1953, стр. 118.

[50] «Български тълковен речник» дает при слове *ловджия* помету «разг.»

[51] Реже в качестве производящей основы выступает глагольная основа, как, например, в *свирджия* (от *свиря*, но, возможно, и от *свирка*). Отглагольные образования с суффиксом *-джиј-*, видимо, не были чужды народному языку. Так, в словаре Герова при толковании некоторых слов нередко приводятся образования типа *писаджия* (от глагола *пиша*). Есть образования и от основ прилагательных: *скъпчия*, *евтинджия*.

inslav

Некоторые из приведенных только что слов уже устарели (*борсаджия*, *черноборсаджия*, *изборджия*), другие носят разговорный характер (*алармаджия*, *будкаджия*, *гратисчия*, *двойкаджия*, *картаджия*, *курортаджия*, *трамвайджия*), третьи относятся к числу новообразований, и неизвестно еще, останутся ли они в языке, но тем не менее все они свидетельствуют о продуктивности суффикса *-джиј-/-чиј-* в болгарском языке.

Производные основы с суффиксом *-джиј-* (*-чиј-*), образованные на болгарской почве, имеют те же самые два основных значения, что и заимствованные из турецкого языка [52]: название лица по профессии и название лица по какому-либо другому характерному для него признаку.

I. Производные основы, указывающие на профессию лица, образованы от производящих основ, обозначающих предмет (в широком смысле слова), с которым названное лицо имеет дело в своей трудовой деятельности. Это может быть название материала, которым пользуется данное лицо в процессе работы, предмета обработки, машины, на которой работает данное лицо, продукта или предмета, получаемого в результате труда, и т. п. Например: *бетонджия* 'тот, кто имеет дело с бетоном' (русск. *бетонщик*), *трупчия* (труп 'ствол') 'лицо, занятое заготовкой и вывозкой леса', *гипсаджия* 'тот, кто имеет дело с гипсом', *ваксаджия* — 'с ваксой' ('чистильщик сапог'), *коминджия* — 'с дымовой трубой' (трубочист), *изкопчия* 'тот, кто делает яму, ров' (*изкоп*), т. е. землекоп; *тунелджия* — 'тот, кто прокладывает тунель,' *картофаджия* — 'человек, получивший задание достать (для отряда) картофель'. Подобные же значения имеют слова *варджия* 'лицо, которое производит или продает известь' (*вар*), *кашкавалджия* — 'приготовляет сыр' (*кашкавал*), *кифладжия* — 'продает булочки' (*кифла*), *каналджия* — 'роет или чистит канавы' (*канал*) [53], *ресораджия* — 'ставит рессоры'; *дрезинкаджия* — 'тот, кто водит дрезину' (*дрезинка*), *вършачкаджия* — 'лицо, работающее на молотилке' (*вършачка*), *вагонеткаджия* — 'работающий с вагонеткой'; *трамвайджия* — 'тот, кто водит трамвай' (русск. *трамвайщик*). Близки им по значению *фараджия* — 'лицо, обслуживающее маяк' (*фар*), *оборджия* — 'лицо, обязанностью которого является наблюдение за скотным двором' (*обор*) и т. п.

Таким образом, целая группа производных основ с суффиксом *-джиј-/-чиј-*, созданных на болгарской почве, имеет значение лица той или иной профессии, занятия.

В этом случае суффикс *-джиј-* выступает как синоним болгарского суффикса *-ар*. В отдельных случаях возможны даже образования от одной и той же производящей основы как с суффиксом *-джиј-*, так и с суффиксом *-ар*. Например: «Станаха само *бакаджията* и един дежурен, които трябваше да донасят кафето от кухнята» (Мар.); «Донесоха вечерната чорба. Борко посрещна *бакаря* лице в лице» (Бар.). Здесь и *бакаджия* и *бакар* обозначают одно и то же: 'лицо, которое в баке разносит арестованным пищу'.

Говорить об эмоциональной окрашенности этой группы основ вряд ли приходится. Правда, можно отметить, что некоторые из производных основ с суффиксом *-джиј-* обозначают лиц, занятых на «черных» работах. Однако в стилистическом отношении они нейтральны, о чем свидетельствует и их употребление. В основном это специальная лексика. Если она

---

[52] В приводимых далее примерах даются только те образования, которые не отмечены толковыми словарями болгарского языка.

[53] Кроме значения, указанного выше, *каналджия* имеет и другое значение, связанное с переносным значением существительного *канал* 'путь проникновения, распространения чего-либо'. Например: «А Ефрем дълго бил *каналджия* при пловдивската организация и бе превеждал нелегални другари чрез гръцката граница» («Септ.»): здесь *каналджия* — 'лицо, осуществляющее связь с партизанами, членами партийной организации'.

inslav

и попадает в язык литературных произведений, то лишь постольку, поскольку это связано с изображением жизни людей того или иного круга.

II. Название лица по какому-либо признаку, характерному для него. Эти слова относятся в основном к кругу разговорной лексики и часто эмоционально окрашены. Например: «Уж *вряваджия*, ама работа чудо свърши. Издържлив е като вол» (Кор.); «Тодоров... нахока здраво по-младия си брат, нарече го ергенаш, *двойкаджия*» (Карасл.). Здесь *вряваджия* 'тот, кто много шумит' (от *врява*), *двойкаджия* 'получающий двойки', 'двоечник'. С аналогичным значением: *гуляйджия*, *сметкаджия*.

Не только называют лицо, но и дают ему отрицательную (точнее порицающую) оценку производные основы с суффиксом *-джиј-*, образованные от основ существительных *погром* и *катастрофа*: «Окъсани войници и офицери държали речи против *погромаджиите*, искали виновниците за народната катастрофа да бъдат наказани» (Карасл.); «Но някои... искат хем да измъкнем народната кола от калта, хем да не се изцапаме... ...Вие мъкнете колата на *катастрофаджиите* и ще се удавите за българската буржуазия» (там же). Здесь словами *погромаджия*, *катастрофаджия* обозначены виновники поражения Болгарии в период первой мировой войны.

«Вгледайте се в постъпките му например, в природната му находчивост, в дръзката му самоувереност... и особено в езика му, език на хулиган, на развей-прах, на *гуляйджия* и *любовчия*» («Септ.»); «В последните години той разбра, че те не са само *лозунгаджии*, а ги бива за работа, понякога и повече от тях, старите» (Даск.); «Досега разпореждаха със съдбините на нашия народ *изборджиите*, *сопаджиите*, побойниците, отсега нататък ще се дава място на най-достойните български синове» (Карасл.).

Производные основы этого типа особенно характерны для разговорного стиля речи. Поэтому в языке литературных произведений они часто встречаются в прямой речи, широко используются в произведениях юмористического и сатирического планов. Например: «Те пристигнаха шумни, весели. Домакинът, знаменит *вицаджия*, пожела да не пропусне случая и разправи няколко вица» («Стърш.»); «...в този момент през салона мина шумно компанията на *покерджиите*» (Дим.).

Ударение в словах на *-ѐжиј-/-чиј-* падает (по данным толкового словаря болгарского языка) или на гласный суффикса (*бояджѝя*, *занаятчѝя*, *кавгаджѝя*, *варджѝя*, *гуляйджѝя* и т. д.), или же на четвертый слог от конца (*лѐладжия*, *хѐйкаджия*, *мозѐйкаджия* и т. д.). Зависимость здесь представляется следующей: если к призводящей основе присоединяется суффикс *-джиј-/-чиј-*, то ударение всегда переносится на него, если же суффикс выступает в расширенном виде *-аджиј-*, то ударение в производной основе может перейти на суффикс (*кавгаджѝя*), или же сохраниться на том месте, куда оно падает в производящей основе (*курóрт — курóртаджия*, *погрóм — погрóмаджия*, *смѐтка — смѐткаджия* и др.). Чаще в этом случае ударение сохраняется на основе. Оно переносится на суффикс лишь в том случае, когда в качестве призводящей основы выступает основа существительного женского рода с ударением на конечном слоге (*кавгà — кавгаджѝя*, *халвà — халваджѝя* и т. д.). Исключение: *фурна*, но *фурнаджѝя*. Итак, 1) суффикс *-джиј-* является продуктивным в современном болгарском языке; 2) производные основы, представляющие собой названия по профессии, эмоциональной окраски не имеют; они могут быть образованы не только от болгарских основ, но и от основ слов, заимствованных из других языков; 3) производные основы, представляющие собой наимено-

inslav

вания лиц не по профессии, а по другим признакам, имеют обычно отрицательное значение. В качестве производящих основ выступают в этом случае преимущественно основы болгарских слов. Эмоциональная окрашенность слова связана с суффиксом *-джиј-/-чиј-*. Ее могут иметь и прилагательные, содержащие в своем составе суффикс *-джийск-*, *-чийск-*. Например: «Разделиха се на групи, не идейни, а приятелски, *интересчийски*, поведоха се борби коя да вземе надмощие» (Даск.).

Суффикс -ист

Суффикс *-ист*, оформлявший первоначально заимствованные слова, относящиеся к кругу интернациональной лексики, стал одним из активнейших словообразовательных средств современного болгарского языка в области специальной лексики, но в разговорном языке основ с этим суффиксом почти нет. В словарном составе имеются определенные пласты лексики, представляющие собой производные основы, образованные посредством этого суффикса на болгарской почве.

В качестве производящей основы при суффиксе *-ист* почти всегда выступает основа имени существительного. Только в двух случаях (*висшист* и *среднист*) производящей основой является основа прилагательного: «— Слушай, — тихо зашепна той, — искам да ти прочета нещо! — Чети! — Ама не е писмо, стихотворение е... Ти си *висшист*, но отбираш от тая материя» («Септ.»); «...искат да ме сложат в счетоводството... казват, ти си *среднист*, за какво си учил!» (Бонев). Так называют людей с высшим и средним образованием[54].

Производные основы с суффиксом *-ист*, образованные от имен существительных, имеют разные значения.

I. Обозначают последователей, сторонников кого-либо в том случае, когда производящая основа — основа имени собственного. Например: «Наред с Гаврил Георгиев Д. Благоев водеше в «Работнически вестник» смела борба с органите на *стамболовистите*, народняците, *радославистите*, демократите и *цанковистите*...» («Септ.»). Все это — наименования буржуазных партий в Болгарии, теперь не существующих, названных по имени их лидеров.

II. Обозначают лицо по принадлежности его к организации или партии, когда производящая основа — основа существительного, являющегося названием организации, партии и т. п., обычно сокращенного (аббревиатуры). Например: «Голямата маса от младежите, близо 90, са *ремсисти*. Останалите са *земсисти*, но има и социалдемократи, звенари, радикали, безпартийни» (Карасл.); «Но си спомни, че на един член на ДСНМ не прилича да лъже... А пък аз, глупакът, си думам: млад, съзнателен, *десенемист*, огън момче!» (Ген.); «Други ден е Първи май. Студентите се готвят да организират голяма акция в отговор на мартенските изключвания. БОНСС е силен в уличните схватки с полицията, в ръкопашните боеве с *ботевистите*. Но *бонссистите* нямат достатъчно опит в индивидуалните акции — свикнали са да действуват дружно, в колектив» (Гул.).

Характерной особенностью производных основ этих двух значений является их исторически преходящий характер. Они сравнительно недолго существуют в языке и быстро переходят в разряд историзмов. Но они являются свидетельством продуктивности суффикса *-ист*.

---

[54] Иногда *висшист* обозначает лицо, которое еще учится в высшем учебном заведении, а *среднист* — в среднем. Например: «Младите *среднисти* и *висшисти* през лятото се завръщат в село да помагат в полската работа» («Жената днес»).

inslav

III. Производные основы с суффиксом *-ист* могут называть лицо по профессии. По значению производящей основы слова эти мы делим на две группы.

1) Название машины, механизма, на котором или с помощью которого работает лицо. Например: «*Багеристът* и помощникът му завиваха мотора на багера с чували» (Кор.); «Той иска да се пише... за *фрезиста**.., който изработва най-сложните части на вертикалната фреза» («Раб. дело»); «Седем години аз работя като *гатерист* в дървообработваща фабрика» (там же); «Радостен труд кипи и в механическия цех. Стругари, шлосери, *фрезисти* и *шлайфисти** се съревновават» (там же); «Два от самосвалите са затънали в калта и боксуват на място. *Скреперистите* им проправят път» (там же); «...направиха ме *автокранист*» («Св. път.»); «Отде да ви взема „*чепелисти*“ [55]» (там же); «...край новата турбина застана на първа смяна старши *турбинистът* Христо Петков» («Раб. дело»). Производные основы *багерист*, *фрезист*, *гатерист*, *шлайфист*, *скреперист*, *автокранист*, *чепелист* образованы от основ существительных (заимствованных из западноевропейских языков), обозначающих разные механизмы: *багер*, *фреза*, *гатер*, *шлайф*, *скрепер*, *автокран*, «*чепел*». Так же образованы и некоторые другие основы: *циркулярист*, *оксиженист*, *електроженист*.

2) Название предмета, изготовлением которого занято лицо. Например: «На най-високите централни блокове на стената, привързани с въжетата или седнали във висещи столчета работят *кофражисти*. Бригадата... монтира кофража на средните устои на железобетонния мост» («Раб. дело»); «Няколко дни след това по грапавата повърхност на бетона ще увиснат люлките на *торкретистите** и изолировчици» (там же) [56]. Подобное же значение имеют *арматурист** ‘строительный рабочий’, ‘специалист по изготовлению арматуры’ (русск. *арматурщик*) и *монтажист* ‘специалист по монтажу’.

В некоторых случаях производные основы с суффиксом *-ист* обозначают специалиста в той области, на которую указывает производящая основа. Например: «Понеже беше инженер-*железобетонист**, той сравняваше живота със сграда» («Септ.»); *железобетонист* — этот не тот, кто непосредственно занимается изготовлением железобетона, а человек, являющийся специалистом по железобетону; ср. *бетонджия* ‘бетонщик’; «Той е *атомист**. Работил е, сещате се, какво. А това са тайни. — Че какво ме интересува? — изкрещя лекарят. — Вас може да не ви интересува. Но правителството е заинтересовано от това, което един *атомист* ще разправя» («Лит. фр.»); *атомист* — ‘ученый специалист, занимающийся изучением радиоактивности атомов’ (русск. *атомник*).

Особенностью производных основ, обозначающих лицо по профессии, является то, что в качестве производящих основ обычно выступают основы иностранных по своему происхождению слов: *багерист* от *багер* (нем.), *гатерист* от *гатер* (нем.), *шлайфист* от *шлайф* (нем.), *кофражист* от *кофра* (фр.) и т. д.

Таким образом, от основы заимствованного слова посредством заимствованного же суффикса *-ист* на болгарской почве создаются новые производные основы, обогащающие словарный состав. В основном, это — или общественно-политическая лексика (первые две группы), или производственная (третья группа). Суффикс *-ист* продуктивнее, нежели суффикс *-ар*.

---

[55] *Чепелист* образовано от названия автомашины венгерской марки «Чепел».

[56] Значение слова *торкретист* помогает понять следующий контекст: «Всяко кътче от екрана на стената бе покрито с *железоторкрет* и грижливо намазано с изолационна смес».

inslav

В словарном составе болгарского языка, кроме приведенных выше, есть и другие производные основы с суффиксом *-ист*, уже прочно вошедшие в язык, многие из которых являются интернациональными терминами. Среди них можно выделить следующие группы:

1) со значением профессии, занятия: *галантерист*, *журналист*, *линотипист*, *маникюрист*, *масажист*, *маневрист*, *машинист*, *мебелист*, *морзист*, *моторист*, *протоколист*, *тракторист*, *телеграфист*, *телефонист*, *транспортист*, *щандист*, а также военной профессии: *радист*, *сигналист*, *снайперист*, *танкист*, *артилерист*;

2) названия специалистов-художников по предмету исполнения: *акварелист*, *баталист*, *карикатурист*, *маринист*, *пейзажист*, *плакатист*, *портретист* и др.;

3) писателей в соответствии с жанровой принадлежностью их произведений, а именно: *белетрист*, *есеист*, *либретист*, *новелист*, *очеркист*, *памфлетист*, *репортажист**, *романист*, *сценарист*, *фейлетонист*;

4) музыкантов-исполнителей по названию музыкального инструмента: *акордеонист*, *алтист*, *арфист*, *виолонист*, *виолончелист*, *китарист*, *обоист*, *пианист*, *кларнетист*, *контрабасист*, *органист*, *фаготист*, *флейтист*, *челист*, *хармонист*;

5) певцов по тембру их голоса: *алтист*, *басист*, *тенорист*;

6) название лиц, занимающихся различными видами спорта: *алпинист*, *баскетболист*, *велосипедист*, *волейболист*, *футболист*, *шахист*, *шахматист*, *спортист*;

7) ученых по профилю их деятельности: *лингвист*, *германист*, *славист*, *русист*.

IV. Суффикс *-ист* обозначает название лица в соответствии с его принадлежностью к чему-либо или пребыванием где-либо: *академист* 'слушатель академии или тот, кто ее окончил', *балетист*, *гимназист*, *курсист*, *курортист*, *провинциалист*, *интербригадист*, *концлагерист*, *конгресист*, *кросист*, *хорист*.

Суффиксом *-ист* оформлены также слова, соотносительные с отвлеченными существительными на *-изъм*: *комунист* (*комунизъм*), *социалист* (*социализъм*), *марксист* (*марксизъм*) и др.

Суффикс -чик

Производные основы с суффиксом *-чик* представляют собой заимствования из русского языка. Часть из этих заимствований относится к периоду после освобождения Болгарии от турецкого ига русскими войсками (такие, например, как *артелчик*, *барабанчик*, *доставчик* и др.). Но в большинстве своем это заимствования, относящиеся к периоду после 9 сентября 1944 г. Слова с суффиксом *-чик* в основном называют лицо по профессии. Эти названия пришли вместе с советской техникой и советскими специалистами, а также специалистами-болгарами, получившими техническое образование или проходившими практику в Советском Союзе: *автоматчик*, *апаратчик**, *водопроводчик*, *генераторчик**, *прокатчик**, *формовчик* и др. Например: «...решиха да монтират генератора за пет месяца... Дребен, може би незначителен наглед случай от ежедневието на заводските *генераторчици**...» («Бълг.- съв. др.»); «*Нормировчикът** ни дава обяснения по изчисляването на нормите» (Болг.); «Операторът... е и стругар и *регулировчик**... Сам регулира струговете, сам работи на тях» («Бълг.- съв. др.»); «Младите *формовчици** самостоятелно извършват всички отделни операции при формоването» («Раб. дело»).

В структурном отношении одни из этих основ соотносятся с основами бессуффиксальными: *прокатчик** — *прокат*, *генераторчик** — *генератор*,

inslav

а также: *автоматчик — автомат*, *апаратчик — апарат*, *водопроводчик — водопровод*, *забойчик* — забой*, *проходчик* — проход*, *протоколчик* — протокол*, *приемчик — прием*; другие — с отглагольными существительными на *-овка*, где в ряде случаев возможно соотношение и с глаголами: *нормировчик* — нормировка — нормирам*; *регулировчик* — регулировка — регулирам*; *формовчик**, *изолировчик**, *облицовчик**, *постановчик**, *пресовчик**, *фехтовчик**, *центровчик**; третьи — с основами существительных на *-ка*: *доставчик* — доставка*, *сварчик**, *закупчик**, *прекупчик**.

Меньше по количеству существительных с суффиксом *-чик*, обозначающих лицо не по профессии. Например: «...у нас се оформи и кристализира един непознат досега съвершено нов тип актьор... Просто чудно е как очеркистите и поетите-*актюалчици**... все още избягват да пресъздадат за поколенията неговия сияен образ» («Стърш.»). Некоторые недавно заимствованные слова, чтобы быть понятными читателю, требуют объяснения, как например, *презастраховчик*: «Казват му «*презастраховчик*»*. Що е то? Човек, заемащ отговорен пост, който знае да се пази от поемане на отговорност... (Те) измислят все нови и нови форми за презастраховка. Те ежечасно, системно се застраховат и презастраховат» («Стърш.»). Также не профессию обозначают слова *беседчик*, *бюфетчик**, *докладчик*, *доносчик*, *рефератчик**.

Некоторые из приведенных выше слов с суффиксом *-чик* имеют синонимы — исконно болгарские слова, например: *доносчик* и *доносник*, *закупчик* и *закупвач*, *регулировчик* и *регулировач*. Возможно, что многие из них со временем выйдут из употребления (характерно, что «Български тълковен речник» не дает большинства из этих слов). Однако суффикс *-чик* изредка образует новые слова. Есть, правда, только отдельные образования с суффиксом *-чик* и от болгарских основ. Например, *сказчик* [57] от *сказка*, *заварчик** от *заварка*, *електроспойчик** от *електроспойка*, *запевчик** от *запев*. Например: «Председателят на читалището.. под предлог, че не познава *сказчика*, отказал да открие събранието» (Б. Вапц.); «...широко, макар и не така чисто и музикално като Младен, пееше новият взводен *запевчик* — Финиша...» («Септ.»); «Оксиженистите режат много небрежно и после ние, *заварчиците*, губим сума време с нарезите да ги стъкмяваме. И за заваряването отиват много електроди» (Кор.).

По аналогии с другими производными образована основа *фехтовчик* (русск. *фехтовальщик*) от *фехтовка*.

Итак, образование новых слов со значением лица производится и от основ имен существительных. Это — существительные в основном двух значений (по месту жительства, принадлежности к какому-либо коллективу, и по профессии). При образовании слов со значением профессии наблюдается оттеснение одних суффиксов, продуктивность которых уменьшается, другими.

Значение таких слов, как *аматьор*, *шофьор*, *агент*, вообще не связано ни с глаголом, ни с существительным. Это основы хотя и суффиксальные, но непроизводные. Все основы с этими суффиксами рассматриваются в одном месте, а не в связи с отглагольными или отыменными образованиями, потому что эти суффиксы не имеют самостоятельной продуктивности в болгарском языке.

Можно привести только одну производную основу с суффиксом *-ьор*, образованную от славянской основы, а именно *кънкьор* (от *кънки*), которая употребляется наряду с *кънкобегач*. Так, например, в заглавии статьи употребляется «Световни постижения на съветските *кънкьори*», а в тексте

[57] «Български тълковен речник» дает при этом слове помету «(рус.)».

inslav

статьи: «...състезания..., в които участвуват *кънкобегачи* от...» («Раб. дело»).

С другими суффиксами таких примеров нет.

Суффикс-ьор

Данный суффикс встречается в основах, заимствованных из французского языка. В болгарском эти основы могут соотноситься:

1) с глагольными основами: *акордьор — акордирам*, *анкетьор — анкетирам*, а также *гравьор*, *гримьор*, *дезертьор*, *контрольор*, *павьор*, *сервитьор* и др.;

2) с основами имен существительных: *коафьор — коафюра*, *мандатьор — мандат*, *миньор — мина*, *рекордьор — рекорд*.

Не соотносятся с другими основы *актьор*, *аматьор*, *шофьор*.

Суффиксы -(и)ер, -онер

Также французские по своему происхождению, суффиксы *-(и)ер*, *-онер* соотносятся только с основами имен существительных: *банкер — банка*; *бижутер — бижу*, *доктринер — доктрина*, *кантонер — кантон*, *линотипер — линотип*, *гардиробиер — гардироб*, *гондолиер — гондола*, *касиер — каса*, *рентиер — рента*, *флотиер — флотация*, *революционер — революция*, *пенсионер — пенсия* и т. д. Несоотносимыми являются *инженер*, *пионер* и др.

Суффикс -(а)тор

Суффикс *-(а)тор* — интернациональный суффикс латинского происхождения.

С глаголами соотносятся такие основы, как *агитатор — агитарам*, *експлоататор — експлоатирам*, а также *информатор*, *консуматор*, *механизатор*, *мобилизатор*, *окупатор*, *организатор*, *пропагандатор*, *рационализатор*, *рецитатор*, *редактор* и др.

С основами существительных соотносятся: *авиатор — авиация*, *атентатор — атентант*, *кооператор — кооперация*, *екзаменатор — екзамен*, *лектор — лекция*. Есть и непроизводные суффиксальные основы, например: *оратор*, *професор*.

Суффиксы -ент и -ат

-ент, *-ат* — интернациональные суффиксы латинского происхождения. Производные основы с суффиксами *-ент*, *-ат* соотносятся с основами глаголов: *диригент — диригирам*, *конкурент — конкурирам*, *кореспондент — кореспондирам*, *рецензент — рецензирам*, *абонат — абонирам*, *делегат — делегирам*.

Есть и несоотносимые основы: *агент*, *клиент*, *кандидат*, *адвокат*.

Суффикс -ант

Суффикс *-ант* — интернациональный, латинский по происхождению.

Основы, оформленные этим суффиксом, соотносятся как с именными основами, так и с глагольными: *акордант*, *арестант*, *диверсант*, *сектант*, *лаборант* и др.

Такое слово, как *комендант*, не имеет в болгарском языке родственных слов.

inslav

Суффикс -ик

Суффикс *-ик* — интернациональный, греко-латинский по своему происхождению. Производные основы, оформленные этим суффиксом, соотносятся только с именными основами: *академик — академия*, а также *ботаник*, *граматик*, *историк*, *математик*, *медик*, *епилептик*, *критик*, *лирик*, *политик*, *техник*, *химик* и др.

Все производные основы на *-ьор*, *-(и)ер*, *-онер*, *-ант*, *-ент*, *-ат*, *-ик* имеют ударение на суффиксе, а основы на *-(а)тор* — на втором слоге от конца. Суффикс *-тор* встречается в словах не только со значением лица, но и со значением предмета: *регулатор*, *сигнализатор*, *изолатор* и др.

ПРОИЗВОДНЫЕ ОСНОВЫ ЖЕНСКОГО РОДА СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛИЦА

Все, кто занимается изучением вопросов словообразования, отмечают вторичность, несамостоятельность образований существительных женского рода со значением лица. Основанием для этого служит:

1) то, что рядом с существительными женского рода почти всегда есть соотносимые с ними по значению существительные мужского рода; случаи, когда понятия, выражаемые существительными женского рода, не могут быть отнесены к лицу мужского пола, редки, например: *девойка*, *родилка*;

2) значительное число существительных мужского рода не имеет соответствующих существительных женского рода, причем не только в том случае, когда это обусловлено характером выражаемого понятия (например: *басист*, *владика*, *артилерист*), но даже и тогда, когда такое лицо женского рода существует в действительности, но для его обозначения используются существительные мужского рода (например: *боец*, *летец* и др.) [58];

3) между способами образования существительных мужского и женского родов существуют закономерные соответствия. Так, например, если существительное мужского рода содержит в своем составе суффикс *-ар* или *-тел* (*млекар*, *учител*), то существительное женского рода этого же значения содержит суффикс мужского рода и дополнительно суффикс *-ка*: *млекарка*, *учителка*, а существительному мужского рода с суффиксом *-(н)ик* соответствует существительное с суффиксом *-(н)ица*: *неверник — неверница* и др. Пользуясь словами Г. О. Винокура, при образовании производных основ женского рода можно говорить о «принудительной связи морфем» [59] — суффиксов мужского и женского рода. С другой стороны, тот факт, что существительное женского рода имеет смысловую связь со значением непроизводной основы [*млекарка* 'та, которая продает молоко (*мляко*)', *учителка* 'та, которая учит' (*уча*)], а также возможность образования существительных женского рода непосредственно от непроизводной основы в случае отсутствия существительного мужского рода (типа *бавачка*), дает основание говорить о переразложении в основе и о выделении в качестве суффиксов лица женского пола сложных суффиксов типа *-арка*, *-телка* и других, т. е. на основании словообразовательного ряда типа *мляко — млекар — млекарка* возникает ряд типа *мляко — млекарка*.

---

[58] Так, например, толковым словарем болгарского языка отмечено 130 слов с суффиксом *-ач* и 170 с суффиксом *-тел*, а женского рода соответственно — 88 и 133.

[59] Г. О. Винокур. Указ. соч., стр. 330.

inslav

Образования такого типа, т. е. непосредственно от непроизводной основы, встречаются: *пилета — пилетарка*, *птица — птичарка* [60]. Это обычно названия лиц по профессии, которой занимаются по преимуществу женщины. Например: «Пеца *пилетарката* стоеше пред къщичката, където беше машината за люпене...» (Даск.); «Трите *птичарки* останаха да нахранят кокошките и да приберет яйцата» (Вас.).

Словообразовательные типы производных основ женского рода

В соответствии со структурой соотносительной основы, видом суффикса и характером связи суффикса с основой намечаются следующие словообразовательные типы.

I. Бессуффиксальная соотносительная основа + суффикс *-(к)иня*. Это небольшая группа существительных, представленная следующими парами: *бог — богиня*, *влах — влахиня*, *монах — монахиня*, *помак — помакиня*, *роб — робиня*, *герой — героиня*, *грък — гъркиня*, *слуга — слугиня*, *цар — царкиня**, *чех — чехкиня*, *шоп — шопкиня**, *юнак — юнакиня*.

Все это образования, относящиеся к древности. В настоящее время по этому типу новые производные основы не создаются.

В отдельных случаях к бессуффиксальной соотносительной основе присоединяется суффикс *-ица* со значением 'жена того, кто указан в соотносительной основе'; ударение в этих словах падает на суффикс. Например: *кмет — кметица*, *крал — кралица*, *цар — царица* и др.

II. Бессуффиксальная соотносительная основа + суффикс *-ка*. Например: *колега — колежка*, *келнер — келнерка*, *член — членка* и др. Это сравнительно новый тип (от основ заимствованных слов), но возможность образования новых основ этого типа ограничена количеством самих непроизводных основ.

III. Соотносительная основа с одним из следующих суффиксов: *-ар*, *-ач*, *-тел*, *-ист*, *-джиј-*, *-тор*, *-ак*, *-ик*, *-ник* + суффикс *-ка*. Уже одно перечисление суффиксов, многие из которых являются очень продуктивными при образовании существительных со значением лица мужского рода, свидетельствует о большой продуктивности данного суффикса. Например: *берач — берачка*, *крояч — кроячка*, *другар — другарка*, *жетвар — жетварка*, *деятел — деятелка*, *писател — писателка*, *антифашист — антифашистка*, *бояджия — бояджийка*, *директор — директорка* и др.

С присоединением суффикса *-ка* к основе, содержащей один из следующих суффиксов: *-ак*, *-ик*, *-ник*, в основе происходит чередование *к/ч*: *бедняк — беднячка*, *гимнастик — гимнастичка*, *глупак — глупачка*, *противник — противничка*, *работник — работничка*, *участник — участничка* и др.

IV. Соотносительная основа, содержащая суффикс *-ец*, который заменяется суффиксом *-ица*. Например: *вдовец — вдовица*, *светец — светица*, *слепец — слепица*, *старец — старица*, *хитрец — хитрица*, *хубавец — хубавица*. Так образованы существительные женского рода, соотносительные с существительными мужского рода на *-ец* от основ корневых качественных прилагательных. Новообразований нет. От некоторых производных основ мужского рода не образуется соотносительных с ними основ женского рода, например: *глупец*, *мъдрец*.

---

[60] Кроме того, в форме женского рода встретились некоторые наименования по профессии, не отмеченные словарями: *отливарка*, *стъклопаковачка*, *ретушировачка*, *глазирачка*, *кантовачка* (работницы фарфорового завода), *увивачка*, *редачка* (работницы кондитерской фабрики), *ръкавичарка* (швейной), *подгъвачка* и др.

inslav

Ударение на суффиксе.

V. Соотносительная основа, содержащая суффикс *-ец*, который заменяется суффиксом *-ка*. Например: *безумец — безумка*, *бразилец — бразилка*, *габровец — габровка*, *динамовец — динамовка*, *европеец — европейка*, *партиец — партийка*, *страхливец — страхливка* и др.

Существительные мужского рода в этом случае являются производными от суффиксальных основ качественных прилагательных или от основ существительных. Новообразования этого типа непрерывно появляются (особенно от основ существительных). Ударение сохраняется на том же слоге, что и в производящей основе.

VI. Соотносительная основа с суффиксом *-ец*, который заменяется суффиксом *-киня*. Например: *борец* [61] — *боркиня**, *плувец — плувкиня**.

К некоторым основам этого типа нет соотносительных образований женского рода, как например, к *крадец*, *летец*. Тип представлен небольшим числом новых образований, словари этих слов не дают.

VII. Соотносительная основа с суффиксом *-ин* (*-янин*,*-чанин*), который заменяется суффиксом *-ка*. Например: *бакалин — бакалка*, *българин — българка*, *партизанин — партизанка*, *селянин — селянка*, *гражданин — гражданка* и др. Основы этого типа создаются в языке для обозначения лица по месту жительства, рождения и т. д.

VIII. Соотносительная основа с суффиксом *-ин*, который заменяется суффиксом *-киня*. Он представлен немногими образованиями: *домакин — домакиня*, *турчин — туркиня*, *русин — рускиня*. Ударение — на суффиксе.

IX. Соотносительная основа с суффиксом *-ик*, *-ник*, который заменяется суффиксом *-ица*, *-ница*. Например: *бездарник — бездарница*, *мръсник — мръсница*, *скъперник — скъперница*, *дописник — дописница*, *закрилник — закрилница* и др. Ударение — как и в соотносительной основе.

Имена существительные женского рода со значением лица, соотносительные с именами мужского рода, образованными от основы имен существительных (реже прилагательных) посредством суффикса *-ник*, могут иметь в своем составе как суффикс *-ница*, так и суффикс *-ничка* (из *-ник + ка>-ничка*).

Производные основы как с одним, так и с другим суффиксом употребляются параллельно: *завистница* и *завистничка**, *защитница* и *защитничка**, *противница* и *противничка*, *участница* и *участничка**, *собственица* и *собственичка** и др. Например: «Сабин ме представи на *собственицата* на бившия хотел като испанец, който поради разклатено здраве имал нужда от свеж въздух. Бедният испанец! — заклати глава *собственичката* — възрастна мулатка...» (Мар.). Здесь и *собственица*, и *собственичка* употреблены по отношению к одному и тому же лицу в авторской речи, никакой разницы, связанной со стилистическим употреблением, между ними нет.

Но параллельное употребление производных основ как с одним суффиксом, так и с другим возможно не во всех случаях. Так, в следующих примерах, где интересующие нас производные основы употреблены в форме единственного числа, они содержат суффикс *-ица*: «Дъбакът... заставаше с чудни движения срещу *противницата* си» (Е.-П.); «...ти си рядка жена.

[61] Слово в форме женского рода имеет не все значения, какие есть у существительного мужского рода.

inslav

Ще бъдеш отлична научна *работница*» (Кор.); ...върла *защитница* на свободната любов...» (Е.-П.).

Эти же самые существительные в формах множественного числа употребляются с суффиксом *-ничка*: «Във всеки случай Лушка умееше да се защити и винаги даваше заслужен отпор на *противничките си*!» («Септ.»); «Тук са *работнички* и служителки от софийските предприятия и учреждения, стари партийни деятелки, *общественички*, народни учителки, *научни работнички*, лекарки» («Раб. дело»); «Като майки и *защитнички* на бъдещото поколение...» («Лит. фр.»).

Особенно широко в языке современной прессы для существительного *участница* во множественном числе употребляется форма *участнички*: «*Участничките* в конгрес изслушаха с голямо внимание речта на представителката на Индия» («Раб. дело»).

Употребление в этих случаях производных основ с суффиксом *-ица* оказывается невозможным из-за совпадения по форме с мужским родом: *работник — работници* и *работница — работници* — может привести к искажению смысла. Формы множественного числа оказывают обратное воздействие на единственное число, что приводит к вытеснению форм на *-ица* и в единственном числе (*излетник — излетничка*, *летовник — летовничка*).

В отдельных образованиях встречаются и другие суффиксы, как например, *-ва*, *-ойка*, *-ша* [62]: *французин — французойка*, *немец — немцойка*, *кум — кума*, *свекър — свекърва*, но они представлены в современном языке лишь в небольшом числе производных основ и, можно сказать, не принимают участия в образовании новых основ (кроме суффикса *-ша*, о котором см. ниже).

Рост соотносительных слов женского рода в современном болгарском языке

Для современного болгарского языка является характерным еще более бурное образование, чем соответствующих существительных мужского рода, новых слов женского рода со значением лица. Это явление отражает те коренные изменения в положении женщины, которые произошли в стране после 9 сентября 1944 г. Аналогичные процессы имели место и в русском языке в связи с победой Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в болгарском языке в сравнении с русским количество образований женского рода значительно больше. Здесь почти нет тех ограничений для образования соотносительных названий женского рода, какие есть в русском языке, где в ряде случаев такие соотносительные существительные вовсе не образуются (например, к *борец*, *агитатор*, *передовик*, *член* и др.) или не являются по значению соотносительными с существительными мужского рода (например, *техник* и *техничка*, *мастер* и *мастерица*). В болгарском языке, как правило, возможно образование существительных женского рода от существительного мужского рода во всех тех случаях, когда речь идет о лице женского пола. Этому, видимо, способствует и то обстоятельство, что такое средство для выражения лица женского рода, как форма глагола при именах мужского рода (типа *товарищ вошла*), не используется даже в тех случаях, где это возможно[63].

---

[62] Образования с суффиксом *-ойка* — результат румынского влияния; суффикс *-ша* встречается в основах, заимствованных из русского языка или образованных по русскому образцу.

[63] А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика за всякого, дял първи, свезка втора. София, 1955, стр. 131.

inslav

Но и в болгарском языке для обозначения женщины может быть употреблено существительное мужского рода, что, однако, считается чуждым для болгарского языка.

Имена женского рода, соотносительные с именами мужского рода

Личные существительные женского рода, соотносительные с именами мужского рода, имеют два основных значения:

1) то же значение, что и существительное мужского рода, но в применении к женщине;

2) название жены по мужу.

Существительные со вторым значением все реже употребляются в современном языке. Сейчас женщина все чаще называется по роду деятельности в самых различных областях жизни.

Особенно интенсивно пополняются группы слов, обозначающих женщин по роду деятельности. Так, в связи с тем, что женщина овладевает новыми специальностями в промышленности, появляются и новые слова. Например: «При норма 220 броя младите *бояджийки* оцветяват 250 телешки кожи» («Раб. дело»); «Ленка, димитровградската *крановичка**, която сега работеше на подемника, тъкмо наливаше щерната на горната вагонетка с вода» (там же); «Тя отвежда до близката мина миньори и *миньорки**, облечени в оранжеви дрехи с донбаски кърдави шапки» («Слав.»); «Още като тръгваше от Ябълково, тя обеща... да се изучи за *машинистка*, та като се върне от Димитровград да кара трактор» (Кор.); «В монтировъчния цех работи средната *техничка* Иванка Видева» («Раб. дело»); «... Младата плувкиня *стругарката*-фрезистка** Теменуга Илиева» («Наша род.»); «Предприятието се гордее със своите *челнички**». («Раб. дело»).

Все это названия новых профессий, которыми овладели женщины, или названия, дающие им качественную характеристику по признаку отношения к труду. Производные основы с таким значением постоянно возникают в языке. Вот еще некоторые примеры их: *ватманка*, *геоложка*, *директорка*, *двунормгничка**, *диспечерка**, *електроженистка**, *инженерка**, *инициаторка*, *кадровичка*, *кондукторка*, *конструкторка*, *оксиженистка*, *отчетничка**, *магазинерка*, *многовретеничка**, *многомашиничка**, *опаковачка**, *отличничка*, *рационализаторка*, *редачка**, *ударничка*, *челничка** (в производстве), *химичка*, *шофьорка** и др.

Изменение положения женщины в деревне также вызвало появление таких новых слов, как *бригадирка*, *звеноводка*, *зоотехничка*, *комбайнерка*, *кооператорка*, *трактористка*, *пилетарка*, *птичарка* и др. Например: «Избраха Елка за *бригадирка* на зеленчукова бригада» («Септ.»); «Работливо и сговорно е звеното на *звеноводката*» («Раб. дело»).

Все эти слова являются явными новообразованиями, так как могли появиться в языке лишь после 1944 г.

Значительное количество вновь появившихся слов связано с участием женщин в общественной, политической, культурной и научной жизни страны: *депутатка*, *дописничка*, *народна представителка*, *научна работница* (или *работничка*), *общественичка*, *професорка*, *ръководителка* и др. Например: «Ваньо, да знаеш как съм изжадняла за работа! Как ще работя в София! Най-сетне! *Асистентка* по физика!» (Кор.); «Домът на *съветничката** бе отворен за всички, които имаха нужда от нея» («Раб. дело»); «Жените и майките в нашата Народна република показаха през изтеклите десет години, че те са достойни и активни *членки* на МОФ, активни *боркини* за мир» (там же); «Нали и аз ужким съм стара *самодейка*» («Септ.»).

inslav

Но в болгарском языке, так же как и в русском, возможно употребление существительного мужского рода для обозначения лица женского пола. Эта возможность связана с тем, что слово в форме мужского рода может обозначать лицо вообще, безотносительно к роду. «Слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке... независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам»[64].

Это употребление формы мужского рода для обозначения лица женского пола возможно не только при отсутствии в языке соответствующего существительного женского рода, но и тогда, когда оно есть. При одних условиях употребляется существительное женского рода, а при других — существительное в форме мужского рода.

Употребление существительных мужского рода для обозначения лиц женского пола

Как уже отмечалось, такое употребление является результатом влияния на болгарский других языков. Характерно, что исконно болгарские основы, обозначающие названия профессий (особенно старых), употребляются по отношению к женщине только в форме женского рода, а заимствованные или созданные вновь по их образцу могут быть употреблены и в форме мужского рода. Это возможно в нескольких случаях.

1) При употреблении существительных мужского рода в общем значении для выражения какого-либо понятия вообще, безотносительно к полу, когда выражение категории рода не является обязательным. Это встречается прежде всего в случаях предикативного употребления имени, в особенности — в сочетании с глаголами в значении 'стать (или быть) кем-либо', 'быть избранным в качестве кого-либо' и т. д. Например: «Уволнена като учителка заради комунистическата агитация, тя става *партиен работник*» («Жената»); «Слабата, несигурна в себе си жена се бе превърнала в опитен, уверен в себе си *ръководител*» («Жената днес»); «...тя беше на времето постоянен *ударник* на фабриката» (там же); «Радке, снощи решихме да те направим *директор* на новото стопанство...» (Станч.); «...тя предпочете да стане *шофьор* на тежкотоварен камион» («Жената»); «...ще стане ли Савина *диригент*?» (Ген.); «...Стига да искаш, и *инженер* можеш да станеш — окуражаваше я партийната секретарка» («Св. път»); «Към края на годината Мара бе избрана за *делегат* на конференцията на стахановците» (там же).

Однако можно говорить лишь о том, что в таких случаях существительные мужского рода употребляются часто, но совсем не обязательно.

При таких же условиях возможно употребление и существительных женского рода. Например: «...а най-малката ѝ сестрица, както хубаво се учи, сигурно и в университета ще постъпи ѝ може да стане и *докторка*, и *инженерка*» (Кор.); «Околийското събрание посочи единодушно Донка за *делегатка* на Трета национална конференция на първенците» (Карал.). Особенно часто употребляется существительное женского рода, когда оно обозначает не должность, а профессию. Например: «...реших, че трябва да стана *трактористка*» (Станч.); «Постъпих...*пресьорка* на ексцентърпреса» (там же); «Василка... отиде да работи като *фрезистка*...» («Св. път»); «...девойката... напусна чистичката, лесна работа като *ръкавичарка* и отиде да работи като *стругарка*...» («Жената»).Некоторое значение имеет и стиль речи.

---

[64] В. В. Виноградов. Русский язык. М.— Л., 1947, стр. 68.

inslav

2) Существительное в форме мужского рода по отношению к женщине употребляется и тогда, когда с ним связывается особое, обычно более широкое значение, чем значение соотносительного с ним существительного женского рода. Например: «Самата тя беше *добър работник*» («Жената днес»); «Ирина Боянова е новаторка, рационализаторка, *артист* в своята професия» (Станч.); «... те работят под нейното наблюдателно и строго око на *учител* и *другар*» (там же). Соотносительные существительные женского рода *работничка*, *артистка* (*актьорка*), *учителка*, *другарка* имеют более узкое, специальное значение.

3) Существительное в форме мужского рода употребляется еще и тогда, когда речь идет о человеке вообще, безотносительно к какому-либо конкретному лицу. Так, в предложении «И тогава... прозвуча гласа на партийния *отговорник* — бледна и слаба девойка...» (Дим.) речь идет о лице, занимающем определенную должность (*партийният отговорник*), причем этим лицом может быть и мужчина, и женщина. Поэтому употребляется существительное мужского рода. Но в предложении «Тишина, другари!...— продължи *партийната отговорничка*» (Дим.), где имеется в виду определенное лицо (*бледна и слаба девойка*), употребление слова мужского рода становится невозможным.

В предложениях «Нямаме такава стая — сухо поясни *директорката*. Въпросът с бюджета е много труден... Райна не отговори. Нима *директорът*, на когото са поверени стотици млади съдби, не заслужава доверието сам да планира и разполага с бюджета на своето училище?» («Септ.»)— говорится о директоре, но в первом предложении — это конкретное лицо, в данном случае — лицо женского пола, и потому употреблена форма женского рода, а во втором — речь идет о директоре вообще, безотносительно к какому-либо определенному лицу, а потому употреблена форма мужского рода.

Существительные в форме мужского рода в применении к женщине употребляются еще в трех случаях.

1) Если дается официальное наименование лица по занимаемой должности, особенно если наименование состоит из двух, трех слов. Например: «Какво? Позна ли ме веднага? — пита Атанаска Енева, *заместник началник* товарна гара в Бургас...» (Станч.); «Днес Елена работи като *младши научен работник* в Института по растениевъдство...» («Жената днес»); «...на трибуната се изкачи др. Донка Годева — *участъков зоотехник*...» («Раб. дело»); «Във фабрика има художествен съвет, ръководен от *заместник-директора* Надя Якова» (там же); «Янка беше *член* на профкомитета и за много работи тичаха все при нея» (Ген.).

При существительном мужского рода в таких случаях часто употребляются имена собственные. Например: «Главният директор ми каза, че днес е излязла заповед за преместването на *архитект* Градинарова в нашия завод — начальник битови строежи» (Ген.); «Докладът...направи *министър* Цола Драгойчева» («Раб. дело»).

Характерно, что в подписях под фотографиями, в заголовках очерков и т. д., где также даются «официальные» названия занимаемых должностей, чаще употребляются существительные мужского рода. Например: «Очерк за Василка Владимирова, *локомотивен машинист*, постоянна стахановка» («Св. път.»); «...първата *жена-механик*» (там же).

Категория рода во всех приведенных примерах выражена в большинстве случаев указанием на лицо путем употребления имени собственного, а иногда формой глагола. Таким образом, выбор существительных мужского рода в этих примерах определяется стилем речи — официально деловым. В другом контексте, в разговорной речи, при неофициальном наименовании по должности, когда оно очень часто фигурирует в сокращен-

inslav

ном виде, широко употребляются существительные женского рода, соотносительные с приведенными выше существительными мужского рода. Например: «...попитах... къде мога да я намеря...—Новата *началничка* ли?» (Станч.); «Моята годеница строи Димитровград... Тя е *архитектка*. Свърши в Москва» (Ген.); «*Зоотехничката* постоянно е между телчарите и краварите, беседва често по работата с тях, учи ги» («Раб. дело»).

Часто в форме мужского рода для обозначения лица женского пола употребляются основы с суффиксом *-чик*, заимствованные из русского языка. Например: «*Доставчикът* на кантините беше млада търговка французойка» (Мар.); «Ж о р о: Ама тук има момиче! Л е ш н и к о в: Тя е *протоколчик**» (Челк.). Одно из стихотворений в журнале «Септември» носит название «Девойка-*облицовчик*», а под фотографией в журнале «Наша родина» читаем: «Амзе Исимова Дамбова — *дозировчик* във Флотационната фабрика в Рудозем». Однако и здесь употребляются формы женского рода. Например: «Облегната на перилата, младата *механичка* се загледа в далечината» («Св. път.»); «Удивително... точно работеше и *диспечерката*...» («Жената»).

Наблюдаются большие колебания в употреблении таких соотносительных пар, как *секретар — секретарка*, *председател — председателка*, *член — членка* и другие, которые также близки в некоторых случаях к официальным наименованиям должностей. Например: «*Секретарят* на градския съвет на българо-съветските дружества Маринка Савова направи доклад за успехите на българо-съветските дружества в града» («Раб. дело»); «*Секретарката* на ОСНМ в ДИП «Вела Пискова» Калутка Гашева направи отчет за работата на дружеството през миналия месец» («Лит. фр».). Нам встретился только один пример на существительное женского рода, соотносительное с существительным мужского рода на *-чик*: *сварчик — сварчица*[65]: « Девойче — обърна се той към *сварчицата*...— кой ви е тук майсторът?» (Кор.) Это несомненно также заимствование из русского языка, но вряд ли можно считать такую форму «удобной» для болгарского языка, так как во множественном числе она совпадает с формой мужского рода: *сварчик — сварчици*, *сварчица — сварчици*.

Для современного болгарского языка характерно стремление к устранению омонимичных форм (см. выше о вытеснении в производных основах женского рода суффикса *-ица* суффиксом *-ничка*).

2) Широко употребляется существительное мужского рода в применении к женщине и в диалоге, при официальном обращении к женщине по занимаемой должности в сочетании с существительным *другарка* (реже *другар*) или именем собственным. Например: «Здравей, *другарко санитар*!» («Св. път»); «Сега какво да правим, *другарко инженер*, за да го изкараме?» («Жената днес»); « Здравейте! — живо поздрави тя...— Здраве желаем, *другарю технически ръководител*! — Здравей, здравей, Ангелинке! — разнесоха се един през друг гласове» (Кор.); «Оставете средновековието, другарка *председател на съда*! Сега сме в епохата на социализма. — Тъкмо защото сме в епохата на социализма! — казва председателката с глас, който не вещае нищо добро...» («Наша род.»); «*Ответник* Кичка Спасова — викна съдията» («Стърш»); «*Ответницата*, седемдесетгодишна бабичка, плахо наднича иззад гърба на своя адвокат» (там же).

3) Формы мужского рода употребляются при обозначении почетных званий, которых удостоены женщины. Например: «Вела Шишкова звеноводка, *Герой на социалистическия труд*» («Раб. дело»); «В концерта

---

[65] «Български тълковен речник» дает и другие: *доставчица*, *докладчица*.

inslav

участвуваха пианистката Еми Бехер, *лауреат* на Международни конкурси...» (там же); «Все така неуморно работи знатната тъкачка.., *носител на орден* Георги Димитров» (там же).

Существительные *герой*, *лауреат*, *носител* вне приведенных выше сочетаний широко употребляются и имеют при себе соотносительные существительные женского рода: *героиня*, *лауреатка*, *носителка*. Например: «Ние прекланяме своите бойни знамена пред незабравимата народна *героиня* Йорданка Чанкова...» (Г. Димитров); «Тя стана *героиня* и ще носи златна звездичка на гърдите си» («Жената»); «Из редовете на телеписките се издигна *лауреатката* на Димитровска награда, стахановката Мария Лютова...» (там же).

Употребление существительных мужского рода при отсутствии соотносительных существительных женского рода

В случае, когда существительного женского рода вообще нет в языке, по отношению к женщине всегда употребляется существительное в форме мужского рода. Но таких существительных всего несколько: *летец*, *деец*, *първенец* и некоторые др.

Отсутствие в языке существительных женского рода от указанных основ мужского рода объясняется во многом системой словообразования.

1) От многих существительных мужского рода с суффиксом *-ец*, образованных от глагольных основ и основ корневых прилагательных, соотносительные с ними существительные женского рода не образуются, потому что данный словообразовательный тип для женского рода оказался по каким-то причинам непригодным.

Существительные женского рода с такими значениями или вовсе не образуются (*летец*), или образуются от других основ (*глупец — глупачка*, соотносительное с *глупак*; *крадец — крадла*, соотносительное с *крадльо* и т. д.). И хотя отдельные образования типа *борец — боркиня*, *плувец — плувкиня* появились в языке в последние годы, при существительном *летец* нет соотносительного существительного женского рода. Для обозначения женщины-летчика используется обычно, если нет других указаний на лицо женского пола, составные названия с *жена*, *девойка* и т. п. Например: «Поздравявам ви най-сърдечно като първи *девойки*-моторни *летци* в нашата народна авиация» (Г. Димитров).

2) От существительного *първенец*, которое наряду с *младенец* составляет непродуктивный словообразовательный тип с суффиксом *-енец*, нет образования женского рода. В этом случае всегда употребляется существительное в форме мужского рода. Например: «Години наред тя бе *първенец* в зеленчуковата бригада» («Раб. дело»); «Предачка, *първенец* в професията» (там же).

3) Существительное *деец* довольно редко употребляется для обозначения рода занятий женщины, причем обычно только в значении 'партийный деятель'. Например: «След въстанието... тя работи като нелегален *деец*[66] в Русе, Варна и Пловдив...» («Жената»).

В других случаях используется существительное женского рода *деятелка*. Например: «...видна *деятелка* в революционното движение» («Жената»).

Итак, характерной особенностью словообразовательной системы болгарского языка является почти полное отсутствие препятствий для образования соотносительных существительных женского рода. Это находится в полном соответствии с самим духом болгарского народного языка, где

[66] Но от *самодеец* есть *самодейка*.

inslav

«може и тряба да се казва с природния род или пол архитектка, докторка»[67] и т. д. Однако возможно употребление и существительных мужского рода. Оно связано обычно со стилем речи (официально деловым) и ограничивается кругом должностных наименований.

Нехарактерным для современного языка становится наименование женщины по занятию мужа [68]. «Речник на съвременния български книжовен език» дает только два существительных женского рода такого типа: *воденичарка* и *златарка*. Немного также и слов с двояким значением, т. е. со значением лица по деятельности и со значением наименования по занятию мужа. Тот же словарь дает такие примеры: *аптекарка*, *бакалка* и др. Широкое применение суффикса *-ка* для обозначения лица по роду деятельности делает его «невыразительным» во втором значении, поэтому подобное слово употребляется лишь при вторичном упоминании. Например: «Откъм къщицата на градинаря се зададоха Каменски, градинарят и жена му... Тя веднага се разприказва с *градинарката*...» (Кор.). В отдельных случаях для обозначения женщины по занятию ее мужа употребляется производная основа с суффиксом *-ша*. Например: «*Жената на коменданта* донесе смокини» (Бар.); «— Не знам какво ще кажете вие, ама тука... — започна да се оплаква тя, но мъжът ѝ я изгледа и *комендантшата* замълча» (Бар.); «Той... отиде в дома на *президента* с един набързо стъкмен доклад. Но там нямаше никой. Вълков остави писмо, с което молеше *президентшата* да се застъпи за преместването му в столицата» (там же).

Суффикс *-ица* в этом значении используется главным образом для образования названия (имен) женщины по имени ее мужа: *Божаница* 'жена Божана', *Иваница* 'жена Ивана', *Петровица* 'жена Петра' (здесь суффикс *-овица*) и т.д., но это характерно лишь для народного языка, для языка крестьян; суффикс *-ица* употребляется также в наименованиях женщин по должности, занятию мужа (типа *генералица*, *министерица*, *офицерица*).

Этот суффикс оказался вытесненным суффиксом *-ка*.

---

[67] А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика за всякого, дял първи, свезка втора, стр. 131.

[68] Существительные женского рода этого значения образуются при помощи одного из следующих суффиксов: *-ка*, *-ица*, *-ша* (обычно в заимствованиях из русского языка, но и *пикьор — пикьорша*, *полковник — полковникша* и др.).

inslav

Ю. С. МАСЛОВ

ГЛАГОЛЬНЫЙ ВИД В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ)

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ

Хотя по вопросу о глагольном виде в современном болгарском языке написано сравнительно немного, в целом за последние десятилетия учение о славянском глагольном виде (или в международной терминологии — аспекте), как и учение о категории глагольного вида вообще, в плане общего языкознания сделало значительные успехи и разрослось в особую, обильную литературой область лингвистической науки. Для обозначения этой области возник даже, как известно, специальный термин — аспектология, т. е. «наука о виде», вместе с соответствующим наименованием ученого-специалиста по видам — аспектолога и с производным прилагательным — аспектологический [1]. Надо признать, однако, что многие основные вопросы теории глагольного вида решаются разными аспектологами с разных, нередко диаметрально противоположных позиций. Так, прежде всего нет еще общепризнанного определения вида вообще и отдельных видов, по-разному освещается характер видовых категорий, вопрос об их месте среди других категорий языка, об отношении вида к лексическому значению глагола и т. д. Далеко не однозначна и ни в коей мере не едина и терминология, используемая в специальных аспектологических исследованиях и в общих трудах по грамматике, затрагивающих вопросы вида. Именно поэтому работу, посвященную изучению вида в отдельном конкретном языке, в данном случае в болгарском, приходится начинать с общего разъяснения некоторых понятий и выражающих их терминов.

Прежде всего надо сказать, что самое слово «вид» употребляется в учении о глаголе не всегда в одном и том же смысле [2]. Вид есть определенная грамматическая категория славянских языков, именно категория совершенности — несовершенности (перфективности — имперфективности) глагольного действия. Далее, используя термин «расширительно», в качестве термина не одной только славянской грамматики, но и общего языкознания, видом нередко называют более или менее аналогичные по

[1] Ср., например, следующие сочетания: «prace aspektologiczne» (E. Koschmieder. Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Próba syntezy. —«Rozprawyi materjały wydziału I Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie», t. V, 2. Wilno, 1934, стр. XI), «Aspektologische Bemerkungen» (H. Reinhold. —Сб. «Polono-Slavica ofiarowane prof. Ułaszynowi». Poznań, 1939), «les aspectologues russes» (Kr. Netteberg. Études sur le verbe polonais. Copenhague, 1953, стр. 66) и т. д.

[2] В следующем здесь рассуждении учтены только «живые» значения интересующего нас термина, т. е. те значения, которые встречаются у современных лингвистов и у тех лингвистов сравнительно недавнего прошлого, чьи работы имеют для нас сейчас не только историческую ценность. О значении термина «вид» в более раннюю пору отчасти говорится ниже, в сноске 167.

inslav

общему грамматическому значению категории других, неславянских языков, например, противопоставление основ аориста, презента и перфекта в древнегреческом [3], форм так называемых Continuous и не-Continuous в современном английском, форм imparfait и passé défini во французском, форм так называемых перфекта и имперфекта в семитских языках (аккадском, древнееврейском) и т. д. [4] В этом же смысле термин «вид» иногда применяют и по отношению к таким явлениям, как противопоставление имперфекта и аориста в некоторых древних и современных славянских языках [5]. Наконец, в наиболее широком и расплывчатом смысле слово «вид» нередко употребляется применительно ко всем вообще явлениям в глаголе (любого языка), так или иначе связанным с характером протекания и распределения во времени глагольного действия или способом представления этого протекания говорящим [6], с ограниченностью или неограниченностью этого протекания временны́м пределом [7], с «количеством», т. е. однократностью или многократностью действия [8], иногда даже с его интенсивностью или неинтенсивностью [9] и т. д.

Подобная многозначность интересующего нас термина, конечно, вызывала возражения. Как известно, уже А. А. Потебня, выдвигая требование различать в славянском глагольном виде, с одной стороны, совершенность и несовершенность, а с другой — то, что он вслед за Г. Павским называл «степенью длительности», подчеркивал, что «во избежание сбивчивости было бы желательно оставить название в и д а за чем-нибудь одним: за совершенностью и несовершенностью или за степенью длительности»[10]. Позже С. Агрелль на материале польского языка выделил и противопоставил понятию вида в собственном или узком смысле, т. е. совершенности и несовершенности (Aspekt), — понятие с п о с о б а

[3] Рассмотрение этого противопоставления как видового получило, как известно, широкое распространение в индоевропейском языкознании.

[4] Так, например, Э. Кошмидер рассматривает все перечисленные сейчас категории как виды (аспекты), ср. указ. соч., стр. 15, 48, 133 и след., а особенно «Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage». Leipzig u. Berlin, 1929. В другом месте («Das türkische Verbum und der slavische Verbalaspekt. Münchener Beitrage zur Slavenkunde. Festgabe für Paul Diels». München, 1953, стр. 137—149) он говорит также о видах в турецком языке.

[5] Именно так, не говоря о некоторых более старых ученых, пользуются термином «вид»(aspect),в частности,Й. Хольт (J. H o l t.Études d'aspect.«Acta Jutlandica.Aarsskrift for Aarhus Universitet», t. XV, 2.Aarhus, 1943) и Х.К. Серенсен (H.Chr.S ø r e n s e n. Aspect et temps en slave. Aarhus, 1949).

[6] Ср. общее определение вида у А. М. Пешковского: «Категория вида обозначает, как протекает во времени или как распределяется во времени тот процесс, который обозначен в основе глагола» («Русский синтаксис в научном освещении». Изд. 6-е, М., 1938, стр. 122); а также примеры, иллюстрирующие это определение: *летит — летает*; *говорит — заговаривает* (оттенок начала процесса)— *договаривает* (оттенок конца процесса).

[7] Ср. различие так называемых терминативных и курсивных (предельных и непредельных) глаголов в германских и романских языках, интерпретируемое многими исследователями как различие видовое (см., например, A. N o r e e n. Vårt språk. Vbandet. Lund, 1904 — 1912, стр.645 и след. или Е.А. Р е ф е р о в с к а я. Категория вида во французском глаголе— «Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», т. VII, 1948, стр. 445—446).

[8] Не говоря о более старых лингвистах, систематически называвших в числе видов славянского глагола «многократный», можно указать, например, на определение вида у Фр. Травничка: «Названием глагольный вид... мы охватываем явления, относящиеся к количеству (действия), совершенности, несовершенности глагола и к его сочетанию с приставками» (Fr. T r á v n í č e k. Studie o českém vidu slovesném.— «Rozpravy České Akademie věd a umění», tř. III, č. 53. Praha, 1923, стр. 1). Ср. также B. T r n k a.O podstatě vidů.— ČMF, t. XIV, 1928, стр. 193—197.

[9] См., например, J. M a r o u z e a u. Lexique de la terminologie linguistique. Ed. 2-e, Paris, 1943, стр. 39 и 120.

[10] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.— Л., 1941, стр. 62.

inslav

действия (Aktionsart)[11]. Этим был сделан важный шаг вперед в деле упорядочения терминологии, как и вообще в деле изучения относящихся сюда вопросов. Впрочем, как сейчас увидим, понятие способа действия не может полностью «разгрузить» старый термин «вид», не может сузить его значение настолько, чтобы он обозначал всегда только совершенность и несовершенность.

Вводя свое терминологическое разграничение, Агрелль понимал под способами действия определенные (не чисто пространственные) смысловые оттенки, которые вносятся в значение глагола приставками, обозначающими, как именно совершается действие, а также известными суффиксами (практически он имел в виду только суффикс *-n-* в таких образованиях, как польск. *błysnąć*, русск. *блеснуть*). Классифицируя эти оттенки, Агрелль выделял 20, а в более поздней своей работе[12] — 22 разных способа действия, например, результативный (*skończyć*), моментальный (*zmilknąć*, *błysnąć*), дуративный (*umilknąc*), эффективный (*wykończyć*), претеритивный (*poczekać*) и т. д. Позже, в работах других исследователей, понятие способа действия (польск. rodzaj czynności[13], чешск. způsob slovesného děje или просто způsob děje[14], фр. espèce d'action[15], англ. manner of action[16] и т. д.), было значительно расширено, применено к различным языкам и, как увидим ниже, существенно углублено. В число способов действия стали включать и некоторые другие разряды глаголов, в частности и такие, которые уже и раньше выделялись в грамматиках славянских языков или

---

[11] S. Agrell. Aspektränderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitwort. Lund, 1908. Для обозначения способа действия Агрелль воспользовался словом, уже давно и широко употреблявшимся в немецкой лингвистической терминологии как эквивалент русского «вид» во всех указанных выше значениях (иногда и сейчас можно встретиться с пережитками такого диффузного употребления). Для обозначения вида в собственном смысле он взял другой, уже существовавший в то время (особенно во французской терминологии) эквивалент нашего термина «вид». Что касается употребленного здесь русского термина «способ действия», то у некоторых авторов он встречается в более развернутых (на наш взгляд, практически менее удобных) вариантах «способ прохождения действия» (см. В. В. Виноградов. Современный русский язык, вып. 2. М., 1938, стр. 413) или «способ протекания действия» (см. В. С. Пачковский. Проблема взаимосвязи между выражением способов протекания действия и управлением глаголов в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Львов, 1955; Б. М. Балин. О роли словосочетаний и контекста в разграничении «способов протекания действия» в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1955). Другие советские авторы употребляют этот термин в его немецкой форме Aktionsart (см. П. С. Кузнецов. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка.—«Труды Ин-та языкознания»,т. II, 1953,стр. 224—225) или в русской транслитерации «актионсарт» (см. В. В. Бородич. Видовые отношения старославянского глагола. Автореферат докт. дисс. М., 1953), а О. И. Москальская в том же приблизительно значении использует сочетание «видообразный оттенок в значении глагола» (см. О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. Морфология. М., 1956, стр. 232).

[12] S. Agrell. Przedrostki postaciowe czasowników polskich. Kraków, 1918. Materyały i prace Komisyi językowej Ak. umiejętności w Krakowie.

[13] Так у Э. Кошмидера (указ. соч.), Л. Андрейчина («Kategorie znaczeniowe koniugacji bułgarskiej».—«Prace Komisji językowej PAU», 26. Kraków, 1938, стр. 9 и др.). В польской работе Агрелля, только что названной, наоборот, rodzaj czynności значит 'вид', а 'способ действия' обозначается словом postać. У более старых и некоторых современных польских авторов вид и способ действия диффузно обозначаются одним термином (либо postać, либо rodzaj czynności, или rodzaj czasowników).

[14] Так почти у всех современных авторов—Польдауфа, Достала, Копечного и др.

[15] Так у Х.К. Серенсена (указ. соч.) и у Кр. Неттеберг (указ. соч.). Кроме того, были предложены и другие варианты, например, l'ordre de procès (J. Brunel. L'aspect et «l'ordre de procès» en grec.— BSL, 42, 1946), la modalité de l'action verbale (A. Mazon. L'aspect des verbes slaves. Moscou, 1958, стр. 5).

[16] См. B. Faddegon. The Categories of Tense or Time, Manner of Action, and Aspect, as expressed by the Verb. «Donum natalicium Schrijnen». Nijmegen-Utrecht, 1929. Были предложены и другие термины; в частности, Р. Х. Ружич называет способ действия (как нам кажется, очень неудачно) сочетанием «verbal type».

inslav

в качестве особых «видов» (либо «подвидов» внутри «основных» видов — совершенного и несовершенного), или просто в порядке изучения глагольного словообразования. Для примера можно назвать инхоативный способ действия в таких глаголах, как польск. *kamienieć*, *blednąć* (русск. *каменеть*, *блекнуть*), обозначающих «постепенный переход из одного состояния в другое» [17]; многократный способ действия в таких глаголах, как польск. *mawiać*, *jadać* (ср. русск. *говаривал*, *едал*) [18], уменьшительный (диминутивный) способ действия в таких, как сербск. *пију́цати* 'попивать' 'to be drinking a little habitually or repeatedly' [19] и т. д. В общем можно сказать, что в настоящее время способами действия называют такие семантические разряды глаголов, которые выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия,

Более точное и развернутое определение понятия «способ действия» будет дано ниже, в разделе 3. Пока же надо подчеркнуть следующее.

По своему смысловому содержанию вид и способ действия тесно соприкасаются друг с другом, можно даже сказать — относятся в общем к одной и той же широкой области значений: и вид и способ действия отражают какие-то различия в типах протекания глагольного действия или в типах представления этого протекания говорящим. Но специфика одного и другого понятия состоит в том, что способы действия остаются в пределах лексических различий между глаголами, дают лексическую группировку глаголов и отражаемых ими типов протекания действия (хотя группировка эта, как увидим ниже, небезразлична и для грамматики), тогда как вид есть чисто грамматическая категория, грамматически обобщающая известные типы представлений о протекании глагольного действия [20]. Отсюда следует, что к способам действия не могут быть отнесены такие вполне грамматические явления, как названные выше английский continuous, французский imparfait в его отличии от passé défini, а также славянские имперфект или перфект в их отличии от аориста. Куда, к какому разряду грамматических понятий надо относить все эти формы?

Не занимаясь здесь разбором того, что представляют собою названные сейчас формы английского или французского языков, обратимся к тем смысловым взаимоотношениям, которые существуют между славянскими аористом, имперфектом и перфектом. Как известно, в грамматике болгарского языка и других славянских языков, имеющих эти формы, они безоговорочно включаются в систему глагольных времен. Может быть, смысловое различие между ними действительно носит чисто временной характер?

Рассмотрим сначала, как обстоит дело в отношении аориста и имперфекта.

По мнению акад. Б. Гавранка, «различие между аористом и имперфек-

---

[17] E. Koschmieder. Указ. соч., стр. 4. Термин «инхоативный способ действия» использует и Агрелль, но в другом значении: он называет так начинательные глаголы типа польск. zagrać (=русск. *заиграть*). См. ниже сноски 97 и 106.

[18] См. E. Koschmieder. Указ. соч., стр. 4, и Kr. Netteberg. Указ. соч., стр. 60 — 61.

[19] R. H. Ružić. The Aspects of the Verb in Serbo-Croatian. Berkeley and Los Angeles, 1943, стр. 21.

[20] В 20-е и 30-е годы некоторые языковеды, в частности Герм. Якобзон («Gnomon», 1926, 2, стр. 396 и след.), Ф. Штибиц («Vid a způsob slovesného děje».— LF, t. 55, 1928, стр. 1—14) и другие пытались истолковать разницу между способом действия и видом с помощью философских категорий «объективного» и «субъективного» (ср. также, несколько иначе в смысле терминологии, но близко по идеям Ed. Hermann. Objektive und subjektive Aktionsart.— IF, t. 45, 1927, стр. 207—228). Однако эти попытки без нужды запутывали дело и в настоящее время оставлены.

inslav

том не имеет никакого отношения к глагольному виду»[21]: аорист есть основная форма прошедшего времени, нулевой, «немаркированный» член в корреляции с имперфектом, а имперфект противополагается ему как выражение одновременности в прошедшем, как выражение действия, сопровождающего другое прошедшее действие. Специально применительно к современному болгарскому языку аналогичную концепцию выдвигает проф. Л. Андрейчин. Он без оговорок включает имперфект в систему «относительных времен», выражающих «двойную ориентацию во времени»[22] и рассматривает его как «настоящее в прошедшем». Имперфект, пишет он, «представляет действие как «настоящее» по отношению к данному посредствующему ориентационному моменту в прошлом (моменту, «о котором говорится», отмеченному или прямо, специальным выражением, или косвенно, через другое действие)»[23]. Указание на то, что «посредствующий ориентационный момент» может быть отмечен и «специальным выражением», т. е. не только через глагольную форму[24], позволяет Андрейчину рассматривать в рамках предложенной им формулировки не только примеры подлинной одновременности двух прошедших действий («той *почиваше*, когато *отидох* при него»), но и такие примеры, когда предложение с формой имперфекта открывает собою повествование, если в этом предложении есть достаточно выразительные обстоятельства времени [«*Тая прохладна майска вечер* чорбаджи Марко, гологлав, по халат, *вечеряше* с челядта си на двора.» (Ваз.)].

Однако в болгарском языке встречаются, как я уже старался показать, и такие примеры, которые не покрываются процитированной сейчас формулировкой проф. Андрейчина, примеры «абсолютного» употребления имперфекта[25]. Особенно интересны в этом отношении случаи, когда вне связного повествования изолированный факт прошлого, выраженный формой имперфекта (не сопровождаемой обстоятельством времени), прямо противопоставляется факту настоящего, положению, наличному в момент речи, например: «Търсим Хасан Кьойли Исмаил — тук някъде *живее*...— Тук *живееше*, *но вече не живее*...» (Л. Стоян.). Показательны также примеры употребления изолированной формы имперфекта (без обстоятельств времени) в контексте исторического настоящего для выражения факта, предшествовавшего временно́му плану повествования: «Слънцето е огряло, гърбовете на ридовете там далеч блестят, мъглата, която *забуляше* главите им е пръсната, очертават се ясно израстъци встрани като уши...» (Даск.). Возможность абсолютного употребления имперфекта засвидетельствована также для старославянского, например: «Отроч҃ же растѣаше и крѣплѣаше сѧ дхомь» (Лука 1,80)[26]; имеется она и в сербохорватском, например: «На што мјериш џефердаром, Драшко? — *Хоћах* убит једну

---

[21] В. Havránek. Aspect et temps du verbe en vieux slave.—«Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939, стр. 225, ср. его же. «Slavia», XXII, 1953, стр. 248. K. Horálek. K otázce významu staroslovenských praeterit.—«Slavia», XVIII, 1947/48, стр. 269—289; A. Dostál. Studie o vidovém systému v staroslověnštině. Praha, 1954, стр. 599.

[22] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 6; его же. Основна българска граматика. София, 1944, § 236; Л. Андрейчин, Н. Костов, К. Мирчев, Е. Николов, Ст. Стойков. Български език. Учебник за педагогическите училища за начални учители.София, 1955,§ 213. Л. Андрейчин. М. Иванов, К. Попов. Съвременен български език. Част II. София, 1957, стр. 32.

[23] Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 256.

[24] Л. Андрейчин и др. Български език, § 237.

[25] См. Ю. С. Маслов. Из наблюдений над категорией вида и времени в современном болгарском языке. Аорист глаголов несовершенного вида.—«Доклады и сообщения филол. ин-та ЛГУ», вып. 1, 1949, стр. 139.

[26] См. Dostál. Указ. соч., стр. 602.

inslav

кукавицу, а жâ ми је фишек оштетити» или Sińora Laura, što oni Tudešak *bravaše*? [27].

Таким образом, и в болгарском, и в других славянских языках, имевших раньше или сохранивших формы имперфекта, эти формы могут употребляться не только для выражения одновременности с другим прошедшим действием или со специально обозначенным прошедшим моментом. Одновременность — лишь частный случай (хотя и очень распространенный) употребления славянского имперфекта, а не его основное значение. Правы те исследователи, которые, как А. Стоичевич, заявляют, что аорист и имперфект «имеют одинаковое временнóе значение» [28], что никакого различия между этими двумя формами во временнóм значении нет. Но если различие между ними не во временнóм значении, а также, разумеется, не в залоге, не в наклонении и т. д., то нам остается или считать, что перед нами — принципиально новая грамматическая категория, еще вообще даже не названная никаким термином и не относящаяся ни к одной из известных глагольных категорий, или же, что различие это — все-таки видовое, но только видовое не в смысле совершенности — несовершенности, а в каком-то более широком смысле. Думается, что это последнее утверждение более правильно и что смысловое различие между интересующими нас формами основывается именно на разном представлении о процессе протекания данного глагольного действия, т. е. должно квалифицироваться как различие видовое. Но мы должны твердо помнить, что здесь слово «видовой» употреблено в широком смысле и что никакого прямого отношения к совершенному и несовершенному виду (к перфективности и имперфективности) славянские аорист и имперфект не имели и не имеют [29]. Конечно, в дальнейшем изложении мы должны попытаться ближе и конкретнее определить не только специфику различия между совершенным и несовершенным видом, но также и специфику различия между имперфектом и аористом, а также попытаться понять взаимоотношения и взаимодействие между видом в собственном смысле и видовой стороной в значении двух названных форм, традиционно относимых к системе времен болгарского глагола.

Рассмотрим теперь, как обстоит дело с перфектом.

В отношении перфекта, а также параллельного ему в формальном и смысловом отношении плюсквамперфекта (и более редкого «будущего предварительного») большинство ученых сходится на том, что в значении этих форм как в современном болгарском, так и в древних славянских языках в большей или меньшей мере ощущается момент, который нередко называют «результативным» или «перфектным» (не «перфективным»!)[30], момент актуальности последствий выраженного действия для более позднего временнóго плана [31]. Ясно, что значение актуально-

---

[27] См. А. Стојићевић. Значење аориста и имперфекта у српскохрватском језику. Ljubljana, 1951, стр. 119 — 120. Ряд подобных примеров приводится и в других местах этой книги.

[28] Там же, стр. 25.

[29] Неправ Серенсен, утверждая, что «категория аорист + имперфект» тождественна по содержанию «категории совершенность + несовершенность», что они «покрывают одну и ту же семантическую зону» (см. H. Chr. Sørensen. Указ. соч., стр. 134).

[30] Нем. perfektisch (не perfektiv!), польск. perfektowy (E. Koschmieder. Указ. соч., стр. 48) или perfektualny (L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 7), но не perfektywny.

[31] Так, проф. Андрейчин пишет об этих формах в современном болгарском языке, что они «не только определяют хронологическое отношение, но также выражают особое восприятие действия (czynność w specjalnym ujęciu) — восприятие, которое мы здесь будем называть перфектным (perfektualnym) и которое основывается на том, что

inslav

сти последствий предполагает временну́ю «двухплановость» интересующих нас форм (само действие лежит в одном плане, его последствия — в другом). Это в известной степени оправдывает трактовку рассматриваемых форм, по крайней мере плюсквамперфекта и будущего предварительного, как «относительных времен предшествия» (включение перфекта в число «относительных времен» затрудняется тем, что здесь «посредствующий ориентационный момент» лежит в настоящем, т. е. практически совпадает с моментом речи)[32]. Очевидно, однако, что актуальность последствий действия для более позднего временно́го плана вовсе не то же самое, что чисто хронологическое предшествие данного действия этому временно́му плану. Хронологическое предшествие может быть и без актуальности последствий. Что же является решающим при употреблении рассматриваемых глагольных форм — чисто хронологическое предшествие или актуальность последствий?

Можно думать, что для перфекта существенна именно актуальность последствий, так как чисто хронологическое предшествие настоящему моменту ничуть не хуже выражают формы аориста или имперфекта. Можно, однако, думать, что и для плюсквамперфекта наиболее важна также актуальность последствий, поскольку в болгарском языке чисто хронологическое предшествие одного действия прошлого другому может оставаться и вовсе невыраженным с помощью глагольной формы. Ср. следующие примеры:

«Колкото за костюмите, те бяха същите, с които *преди три години представляваха* (не *бяха представлявали*! — *Ю. М.*) «Райна Княгиня»» (Ваз.); «Скоро и в Кирилово достигна новината за арестуването на Илия. Донесе я куриерът с червеното конче, от когото *някога* Илия *очакваше* писмо» (Калч.); «...той гледаше тъжно отъпканата ливада, която *някога даваше* найхубавото сено в цялата околност...» (Карасл.); «... той гледаше в лика на светците и търсеше с вълнение неземната по хубост Таис — мечтата, която *движи* живота му и с която го *прибра* всевишния» (Е.-П.) — обстоятелства предшествия при *движи* и *прибра* отсутствуют, но из контекста ясно, что эти действия предшествуют действиям глаголов *гледаше* и *търсеше*; «При Царево село противникът, който вчера *успя* да извърши малък пробив, бе отхвърлен и преследван в западна посока» («Отеч. фр».).

действие рассматривается не непосредственно как конкретный процесс, а в связи с его последствиями, которые представляются актуальными для данной позднейшей ситуации» («Kategorie znaczeniowe...», стр. 7). Приблизительно сходным образом определяют значение перфекта в древних славянских языках А. А. Потебня (указ. соч., II. М., 1958, стр. 256), В. Вондрак («Vergleichende slavische Grammatik», Bd. II. Göttingen, 1908, стр. 279), А. Мейе («Общеславянский язык». М., 1951, стр. 212), Е. С. Истрина («Синтаксические явления синодального списка 1-й Новгородской летописи».— ИОРЯС, т. XXIV, № 2, стр. 115) и многие другие исследователи. Правда, есть ученые, которые вообще отрицают наличие в формах славянского перфекта указанного сейчас оттенка значения, например, Ст. Слоньски («Tak zwane perfektum w językach słowiańskich».— PF, t. X, 1926), А. Стоичевич (указ. соч., стр. 14 и след.), но эти ученые, как нам представляется, неправомерно обобщают явления утраты формами перфекта их основного смыслового отличия от форм аориста и имперфекта,— явления, развившиеся с течением времени в различных славянских языках (но менее всего как раз в болгарском).

[32] Отсюда колебания в отношении места перфекта в системе времен, проявившиеся у Л. Андрейчина: в «Kategorie znaczeniowe...» (стр. 6—7) перфект без специальных оговорок назван в ряду относительных времен, в «Осн. бълг. гр.» (§ 236) ему отводится особое место, в статье «Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език» («Езиковедски изследвания в чест на акад. Ст. Младенов». София, 1957, стр. 57—64) Л. Андрейчин вновь включает перфект в число относительных времен, но специально аргументирует такую его трактовку. На материале некоторых западноевропейских языков подробное рассмотрение вопроса об отношении перфекта к системе относительных времен дал Л. П. Размусен («О глагольных временах и об отношении их к видам в русском, немецком и французском языках». Оттиск из ЖМНП, 1891, стр. 72 и след.).

inslav

Во всех приведенных примерах действия, объективно предшествующие другим прошедшим действиям, выражены формами имперфекта или аориста, но не формами плюсквамперфекта. Обяснить это можно только так, что здесь не имелось в виду подчеркнуть актуальность последствий этих предшествующих действий с точки зрения тех событий, о которых идет речь в повествовании.

В противоположность этому формы плюсквамперфекта используются тогда, когда актуальность результата подчеркивается и выступает на передний план. Например: «Той *беше служил* като фелдшер в един турски табор на черногорската граница, *беше усвоил* добре езика и привичките на турците, (и вследствие этого — *Ю. М.*) пиеше ракия и братуваше с онбашият вечер...» (Ваз.). Ряд примеров такого рода рассматривается ниже.

Из всего сказанного можно сделать вывод — пока предварительный (к этому вопросу мы еще вернемся ниже); значение плюсквамперфекта, а тем более перфекта не исчерпывается указанием на чисто хронологическое предшествие данного действия основной линии повествования или настоящему моменту, т. е. не является чисто временны́м. Термин «относительные времена предшествия» не раскрывает полностью специфики плюсквамперфекта (а также и будущего предварительного) в болгарском языке и в еще меньшей мере способен раскрыть специфику болгарского перфекта. Очевидно, и здесь мы вынуждены будем говорить об определенном в и д о в о м оттенке в значении названных сейчас форм времени, твердо помня, однако, что слово «видовой» употреблено и в этом случае «в ш и р о к о м с м ы с л е» и что оно никак не значит 'относящийся к совершенному или несовершенному виду, к перфективности — имперфективности', а значит нечно иное, скажем, 'относящийся к указанию, помимо самого действия, на его остающиеся последствия, на ту или иную связь этого действия с последующим временны́м планом'. Позже мы еще увидим, в чем состоит взаимодействие между видом в собственном смысле (а также способами действия) и видовым оттенком в значении рассмотренных сейчас временны́х форм.

Словом, когда речь идет о таком языке, как болгарский, мы, даже приняв понятие «способ действия» и широко пользуясь этим понятием, все равно не обойдемся без некоторой двойственности в употреблении термина «вид». И это вполне естественно.

Во-первых, хорошо известно, что формы времени в разных языках, в том числе и в болгарском, выражают не только временны́е значения, но и некоторые другие грамматические значения, например модальные, хотя рядом существуют специальные модальные категории — различные наклонения глагола. Так, формы будущего времени могут выражать во многих языках возможность, предположение, формы имперфекта и плюсквамперфекта очень широко используются в болгарском языке в значении условного наклонения и т. д. Что же удивительного в том, что некоторые формы времени имеют видовые оттенки? [33].

Во-вторых, как только мы покидаем почву славянских языков, термин «вид», если мы сохраняем его, сразу перестает обозначать совершенность — несовершенность и употребляется именно в широком смысле.

---

[33] Правда, между модальными и видовыми оттенками глагольных времен существует та разница, что модальные оттенки совмещаются с временны́ми обычно в порядке «разновременной многозначности» (форма будущего времени, например, выражающая предположение о факте настоящего, не обозначает о д н о в р е м е н н о будущего), а видовые оттенки — по крайней мере те, которые присущи имперфекту и аористу,— сопутствуют временны́м значениям постоянно, в порядке «одновременной многозначности», составляя как бы две стороны одного и того же значения.

inslav

Конечно, найдутся лингвисты, которые скажут, что понятие вида должно остаться понятием только частной грамматики славянских языков. Но, став на этот путь, мы в конце концов пришли бы к ликвидации очень многих, если не всех общих терминов грамматики, а заодно и к ликвидации общей теории грамматики как раздела общего языкознания, что, конечно, было бы неправильно. Мы полагаем, что термин вид имеет право на существование не только в частной грамматике славянских языков, но и в общей теории грамматики, наряду с такими терминами, как время, наклонение, залог, падеж, род, число, подлежащее, сказуемое и т. д. (откуда, конечно, вовсе не следует, будто в с е указанные категории в обязательном порядке присущи всем языкам). Но если термин вид — в общей теории грамматики или в грамматике того или иного неславянского языка — может значить не только совершенность— несовершенность, то почему надо думать, что в грамматике славянских языков этот термин, или производное от него прилагательное «видовой», не может значить ничего другого кроме совершенности — несовершенности?

Итак, с учетом всех высказанных здесь соображений, мы, говоря о фактах болгарского или других славянских языков, будем употреблять в данной работе следующие термины.

1) Термин «в и д» (в интернациональной терминологии «аспект») в у з к о м с м ы с л е , т. е. : а) для обозначения самого противопоставления совершенности (перфективности) и несовершенности (имперфективности) и б) для обозначения каждого члена этого противопоставления, т. е. совершенного вида (перфективного аспекта) и несовершенного вида (имперфективного аспекта).

2) Термин «в и д в ш и р о к о м с м ы с л е», «видовые — в широком смысле — различия» и т. д.— всегда с указанием на «широкий смысл»— для обозначения: а) смыслового различия между имперфектом и противополагающимся ему аористом и б) видового оттенка в значении перфекта и времен его группы. Вид в широком смысле может быть, таким образом, определен как грамматическое (не лексическое, как в способах действия) разграничение различных представлений о характере протекания глагольного действия.

3) Термин «с п о с о б д е й с т в и я» — в обычном, охарактеризованном выше значении.

Таковы необходимые предварительные терминологические замечания.

2. ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Итак, вид, в отличие от способа действия, является не лексической или словообразовательной, а чисто грамматической категорией, категорией морфологии и синтаксиса. Во всех славянских языках члены грамматической категории вида, совершенность и несовершенность, противопоставлены друг другу по грамматическому значению и по ряду объективных морфологических и синтаксических признаков, являющихся внешними показателями этого значения. Определение грамматического значения (грамматической сущности) совершенного и несовершенного вида и подробное описание всех тех смысловых и синтаксических различий между ними, которые удастся выявить в современном литературном болгарском языке, и будет составлять задачу данной работы. Пока же отметим только, что во всех славянских языках объективные различия между совершенным и несовершенным видом могут быть сведены к трем пунктам.

1) Р а з л и ч и я в о б р а з о в а н и и (т. е. в с т р о е н и и и с о с т а в е) г л а г о л ь н о й о с н о в ы. В любом славянском языке

inslav

подавляющее большинство основ совершенного видового значения образовано, как известно, с помощью приставок. За ними следуют основы совершенного вида, образованные с помощью суффикса *-н-* (в таких случаях, как русск. *кольнуть*, болг. *бодна*), а в некоторых славянских языках также с помощью некоторых других суффиксов. Кроме того, во всех славянских языках есть известное количество беспристаточно-бессуффиксных основ совершенного вида, так называемых нехарактеризованных perfectiva (ср. русск. *дать*, болг. *дам*). Основы несовершенного вида образуются от основ совершенного вида с помощью специальных суффиксов имперфективации (например, русск., болг. *-а-*, *-ва-*, русск. *-ыва-*, *-ива-* и др.), которые, по причине их омонимичности и генетической связи с суффиксами упомянутого выше многократного (итеративного) способа действия, нередко называют «итеративными». Кроме того, основы несовершенного вида могут возникать и другими путями, в частности с помощью некоторых словообразовательных суффиксов, или вообще могут не иметь суффиксов (нехарактеризованные imperfectiva), как в русск. *есть*, *ем*, болг. *ям* и т. д. В целом правила, определяющие зависимость вида глагольной основы от ее строения и состава, весьма сложны и помимо общих черт имеют в каждом славянском языке свои специфические особенности.

2) Различия в инвентаре форм, образуемых в пределах одного и другого вида, т. е. в составе парадигмы одного и другого вида. Не все формы, которые свободно образуются в данном славянском языке в несовершенном виде, имеют свои соответствия в числе форм совершенного вида. Так, составное будущее типа русск. *буду писать* в русском, польском, чешском и ряде других языков представлено только в несовершенном виде. Имперфект в современном сербохорватском языке также может быть образован только от основ несовершенного вида; ту же картину наблюдаем в отношении причастия настоящего времени во всех славянских языках, имеющих эту форму, и т. д. В более редких случаях наблюдается и обратная картина. Так, в русском языке формы причастия прошедшего времени страдательного залога свободно образуются от основ совершенного вида (например: *лишен*, *взят*), но не во всех случаях могут быть образованы от основ несовершенного вида: так, болг. *лишаван*, *бран*, не имеют этимологически точных соответствий среди причастий русского языка.

3) Различия в употреблении форм, в их способности вступать в те или иные сочетания с другими словами и выполнять те или иные функции. Так, в болгарском и македонском языках конъюнктив, а в остальных славянских языках инфинитив совершенного вида не сочетается со словами, обозначающими 'начать', 'кончить', 'продолжать', тогда как конъюнктив и, соответственно, инфинитив несовершенного вида свободно вступает в подобные сочетания. Так, формы настоящего времени, образованные от основ совершенного вида, ни в одном славянском языке (кроме, может быть, верхне- и нижнелужицкого) не могут служить ответом на вопрос «чем это ты занят?», т. е. не могут обозначать процесс, конкретно протекающий в момент речи, и т. д.

Наиболее полно грамматическая сущность вида раскрывается в третьем признаке — в употреблении его форм, и в этом смысле вид может быть назван категорией синтаксического порядка. Однако, выражаясь в формах слов, в строении и составе основы, от которой эти формы образуются, вид прежде всего представляет собою морфологическую категорию; именно в качестве таковой он и должен быть рассмотрен в первую очередь. В данном параграфе мы и постараемся выяснить общий характер совершенного и несовершенного вида как морфологической категории болгарского и других славянских языков.

inslav

Важнейшим принципом подразделения морфологических категорий языка является тип их отношения к охватываемой ими лексике. С точки зрения этого принципа морфологические категории разных языков могут быть разделены на классификационные и словоизменительные [34].

В классификационных категориях члены грамматической категории выступают одновременно как рубрики классификации словарного состава, охватываемого данной категорией. Так, категория грамматического рода в имени существительном, являясь классификационной категорией, делит все существительные соответствующего языка на три, как в славянских, или на два, как в романских языках, разряда. Но классификационная категория никогда не создает грамматических противопоставлений в пределах одного и того же лексического значения, если не считать редких исключений типа русск. *зал* — *зала* — *зало*, воспринимаемых скорее всего как однокоренные синонимы [35].

Грамматическая категория словоизменительного типа, наоборот, создает противопоставления в рамках одного и того же лексического значения, в пределах одной лексемы, проявляется в различии грамматических форм одного и того же слова. Так обстоит дело, например, с категорией грамматического рода в именах прилагательных в русском, болгарском и в других славянских языках, с категорией падежа, числа, времени, наклонения и рядом других категорий. Среди грамматических категорий словоизменительного типа имеется опять-таки две разновидности. Одни словоизменительные категории являются по своей природе вполне независимыми от лексики. Каждый член такой грамматической категории повторяется во всех без исключения лексических единицах, охватываемых этой категорией. Так, каждое прилагательное в русском языке имеет формы всех трех родов и обоих чисел. Другие словоизменительные категории по своей природе не являются вполне независимыми от лексики, от лексического значения оформляемых ими слов. В таких категориях тот или иной их член в определенной части лексики наталкивается на «сопротивление лексического материала» и не может проявиться. Возникает явление так называемой недостаточности (дефективности) [36]. Например, некоторые существительные в разных языках не имеют форм множественного или, наоборот, единственного числа (singularia и pluralia tantum), многие прилагательные — форм сравнительной и превосходной степени и т. д. Кроме того, само смысловое содержание противопоставления членов категории может оказаться здесь несколько разным в разных лексических группах. Так, в русском языке конкретное смысловое содержание противопоставления *вино* — *ви́на* (т. е. разные сорта вина) оказывается иным, чем в противопоставлении *окно* — *о̀кна* или в противопоставлении *нежность* — *нежности*.

---

[34] Обычной антитезой понятия «словоизменительный» является «словообразовательный», но так называемые «словообразовательные категории» (например, nomina agentis с тем или иным суффиксом и т. п.) стоят совершенно в стороне от указанного подразделения, так как по своему характеру они вообще не могут считаться чисто грамматическими категориями, а являются лексическими или, если угодно, лексико-грамматическими, хотя в силу ряда причин (именно в силу своего активного взаимодействия с подлинными грамматическими категориями) они могут рассматриваться и в грамматике, а в ряде случаев даже должны рассматриваться и в ней.

[35] Неоспоримым доказательством именно такого их восприятия служит то, что между подобными формами, как вообще между синонимами, обычно возникает та или иная (стилистическая или в иных случаях смысловая) дифференциация. Так, только форма м. р. *зал* воспринимается сейчас как основное (стилистически нейтральное и вполне употребительное) обозначение соответствующего понятия.

[36] В отдельных случаях дефективность может объясняться и некоторыми другими причинами, не имеющими отношения к лексическому значению соответствующих слов, но это не меняет общей картины.

inslav

Указанные сейчас различия между грамматическими категориями, хотя и не закреплены терминологически, в общем довольно хорошо известны каждому лингвисту. Однако в науке нет ясности по вопросу о том, к какому же из названных типов грамматических категорий принадлежит грамматическая категория вида (совершенности — несовершенности) в славянских языках и, в частности, в болгарском.

Традиция школьной, да и не только школьной, грамматики всех славянских языков, отразившаяся и в общепринятой терминологии, в общем рассматривает вид (хотя и не всегда достаточно последовательно) как категорию классификационную: говорят о «глаголах совершенного вида» и «глаголах несовершенного вида», как мы говорим о существительных того или иного рода. Так называемая «перфективация», т. е. образование от глагольных основ несовершенного вида с помощью приставок или суффикса *-н-* совершенных (перфективных) глагольных основ, как и имперфективация — образование от основ совершенного вида с помощью специальных суффиксов несовершенных (имперфективных) основ, рассматриваются как явления «внутриглагольного словообразования», как образование новых глаголов, а не форм того же глагола. Глагольные формы, имеющие противоположное видовое значение, во всех случаях (может быть, кроме случаев communia, основ двойственного видового значения, вроде русск. *родить*, *женить*) считаются принадлежащими разным глаголам. Что касается специально болгарской грамматики, то в ней эта традиционная точка зрения является, можно сказать, безраздельно господствующей. Особенно ярко формулирует ее Н. Костов: «По видам болгарский глагол не изменяется, как он изменяется по временам, лицам, числам и наклонениям. По виду глаголы разделяются на две большие группы. Глаголы *купувам* и *купя* не являются формами одного и того же слова, как не являются формами одного слова существительные *селянин* и *селяк*»[37].

Ясно, что традиция такого рассмотрения видовых образований не является случайной. Само выделение в грамматической науке глагольного вида славянских языков как самостоятельной категории, отдельной от времени глагола, было связано с признанием разных видовых образований разными словами.

Так, уже Юрий Крижанич делит не формы, а самые глаголы описываемого им искусственного общеславянского (фактически русско-сербского), или, по его терминологии, «русского» языка на «однократные» (соответствующие нашему совершенному виду, например: *сéдем* = русск. *сяду*), «многократные» (*сûдам* 'сажусь', болг. *сядам*, укр. *сідаю* и т. д.) и «самостоятельные» (обстôјније ричúни, например: *сидûм* = русск. *сижу*), особо выделяя еще начинательные (починâлније — *билúјем* = русск. *белею* и *обилéл* = русск. *побелел*)[38]. Подлинный создатель учения о славянском глагольном виде чешский грамматист XVII в. Вацлав Иоанн Роса различает «verba perfecta» (*osladil*, *položil* = русск. *усладил*, *положил*) и «verba imperfecta» (*oslazowal*, *pokládal*), а также, независимо от этого деления, «verba singularia» (*sedjm* и *odsednu*) и «verba frequentativa» и «iterativa» (*sedám*, *sedáwám*)[39]. Та же концепция повторяется в польской грам-

[37] Н. Костов. Българска граматика. София, 1939, стр. 106.

[38] См. «Граматúчно изказâнје об рýском језúку, попá Јýрка Крижáница... пúсано вь Сибири: Лита зрод (1665)», изд. О. Бодянским. «Чтения в Об-ве ист. и древн. росс»., год 4, кн. 1, М., 1848, стр. ОГ; ср. и А. А. Потебня. Указ. соч., т. IV, стр. 16 и след.

[39] W. J. Rosa. Grammatica Linguae Bohemicae Quattuor Partibus ...constans. Micro-Pragae, 1672, стр. 141, 197 — 198 и в других местах. Ниже (стр. 229 — 230) говорится еще о verba inchoativa. Вообще категории инхоативных и фреквентативных

inslav

матике Онуфрия Копчиньского 1807 г., где говорится, что глагол (słowo) может быть «parfait, dokonané, complet» или «imperfait, niedokonané, incomplet» и, с другой стороны, «monologue, iednotliwé» или «fréquentatif, częstotliwé»[40], а количество времен сводится до трех в несовершенном и двух в совершенном виде. В 1808 г. Копитар, энергично полемизируя с характерным для русских грамматик того времени «смешением разных глаголов» в одной парадигме и опираясь на традицию, идущую от Росы, различает verba perfectiva и verba imperfectiva как отдельные глаголы, каждый со своим отдельным спряжением[41]. В это же время и у нас в России А. Болдырев (по-видимому, самостоятельно) приходит к необходимости разделения глаголов, как он говорит, «на пять классов»: начинательные (*седеть*, *белеть*), неопределенные (*делать*, *бегать*), учащательные (*делывать*), однократные (*дернуть*) и совершенные (*приделать*), причем «всякий глагол, какого бы рода он ни был, должен спрягаться отдельно от других»[42].

Как видим, все перечисленные ученые (за исключением одного Копитара) отражают в рубриках своих классификаций глаголов не только категорию совершенного и несовершенного вида, но и то, что мы теперь относим к способам действия, которые тогда еще не отличались учеными от видов. В этом, пожалуй, и заключается главная причина того, что формы разных видов, т. е. и разных способов действия, рассматриваются ими как разные глаголы, так как различия в способе действия, конечно, суть различия в самом лексическом значении соответствующих образований. Показательна в этом отношении аргументация Болдырева против приемов современной ему грамматики, объединявшей в одной парадигме формы *дуть*, *дунул*, *сдул* и *дувал*: «Мы знаем из других языков,— писал Болдырев,— что глагол спрягается во всех своих временах, не перемепяя первоначального своего значения; но глагол *дуть* представляет нам (в господствовавшей тогда трактовке.— *Ю. М.*) совсем противное. *Дунул* не значит просто: il souffla, но il souffla une fois. *Сдул* получает также новую идею, которая не была заключена в значении гл. *дуть*; ибо он значит: il souffla de dessus, il emporta en soufflant; или как немцы говорят: er hat weggeblasen. Форма *дувал* не значит: il avait soufflé, но souffla plusieurs fois, à plusieurs reprises»[43].

глаголов были выделены еще в латинской грамматике Доната и отсюда переносились в средневековую славянскую грамматику, например, у Мелетия Смотрицкого (был у Доната и термин verba perfecta, но в значении, не имеющем отношения ни к виду, ни к способу действия). См. «Remigii Autissiodorensis in Artem Donati Minorem commentum». Edidit W. Fox S., I., Lipsiae MDCDII, стр. 46; С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 159 и 176—178.

[40] См. «Essai de gramaire polonaise pratique et raisonnée». MDCCCVII. Varsovie, стр. 89, 90. Зависимость Копчиньского от чешской традиции особенно ясно выступает в его польской терминологии (ср. у Росы в чешских добавлениях к латинскому тексту: gednotliwé и častotliwé slowo).

[41] См. B. Kopitar. Grammatik der Slavischen Sprache in Krain, Kärnten und Steyermark. Laibach, 1808, стр. 302—309. Интересно, что Копитар прямо ссылается на «Grammatica linquae Boëmicae» в изд. 1705 г. как на источник своей концепции, но заменяет термины verbum perfectum (imperfectum) терминами verbum perfectivum (imperfectivum) отчасти, как он пишет, «потому, что verbum perfectum (ῥῆμα συντελικόν) у древних латинских и греческих грамматистов уже означает нечто другое» (стр. 309). Таким образом, Копитара следует считать создателем современных интернациональных терминов, используемых для обозначения совершенного и несовершенного вида.

[42] См. А. Болдырев. Рассуждение о глаголах.—«Труды Об-ва люб. росс. слов. при Моск. ун-те», ч. II. М., 1812, стр. 65—84. В своей второй статье — «Рассуждение о средствах исправить ошибки в глаголе» (там же, ч. III, М., 1812) — Болдырев более не упоминает о начинательных глаголах, но сохраняет остальные четыре класса.

[43] А. Болдырев. Рассуждение о глаголах, стр. 73—74.

inslav

Как видим, Болдырев совершенно справедливо указывает здесь на те оттенки лексических значений, которые сейчас мы назвали бы способами действия. Но он зато вовсе не рассматривает примеров, которые отличаются друг от друга только видом и являются тождественными по способу действия, например, *сдул* и *сдувал*. Таким образом, с нашей точки зрения, Болдырев доказал лишь то, что глаголы разного способа действия — разные глаголы. Вопроса же о виде как таковом он просто не затрагивает. Но неразличение вида и способа действия вело к тому, что то, что доказывалось для способа действия, считалось действительным и для вида.

По-видимому, и в дальнейшем длительное сохранение в числе видов на одном положении с совершенностью и несовершенностью таких категорий, как «многократный вид», «однократный вид» и т. п.[44], т. е. фактически способов действия, содействовало укреплению взгляда на формы разных видов во всех случаях как на разные глаголы[45]. Но сейчас для нас должно быть ясно одно методическое требование: при решении вопроса о характере вида как грамматической категории необходимо (как, впрочем, и в других случаях) строго разграничивать вид и способ действия. Практически это значит — решать наш вопрос в первую очередь для тех случаев, в которых к различию видовых значений не примешивается различие способов действия, т. е. для случаев типа *сдул* — *сдувал*, когда между формами противоположных видов нет никакой разницы в способе действия, в лексическом значении.

Поставив вопрос так, мы без колебаний должны решить его в пользу словоизменительного характера категории вида, в пользу признания форм совершенного и несовершенного вида, выражающих одно и то же лексическое значение, формами одного глагола. Надо сказать, что эта точка зрения, хотя и не стала пока господствующей, тоже имеет свою определенную традицию. Мы не будем говорить сейчас об ученых, вообще не выделявших категорию вида из системы времен (М. В. Ломоносов, Неофит Рилский), так как их позиция в этом вопросе не является показательной. Отметим, однако, что ряд лингвистов XIX в., признававших и отстаивавших виды и много сделавших для их изучения (Н. И. Греч, А. Х. Востоков, С. Шафранов) и для выявления их своеобразия в сравнении с глагольными категориями неславянских языков (К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов),

---

[44] Как указывает акад. В. В. Виноградов (см. «Русский язык», стр. 490 — 491), в России вплоть до конца XIX в. многие ученые принимали три — четыре вида, а в некоторых случаях даже «делались попытки умножить количество видов... до пяти — шести». Даже в XX в. (не говоря о школьной грамматике) такой лингвист, как А. Лескин, говорит о «трех главных видах» славянских языков — совершенном, несовершенном и многократном (см. A. Leskien. Grammatik der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache. Heidelberg, 1909, стр. 215). Фактически считают многократность видом, хотя и не ставят ее на одну доску с совершенностью и несовершенностью, также Пешковский (см. выше сноску 6), Травничек, Трнка (см. выше сноску 8), Шобер (St. Szober. «Gramatyka języka polskiego». Изд. 2-е, 1923, стр. 149—150) и др. О болгарских языковедах речь будет ниже.

[45] Были, конечно, и другие причины, содействовавшие укреплению этого взгляда. Так, акад. В. В. Виноградов (указ. соч., стр. 492) указывает на влияние учения Потебни о слове и на влияние «фортунатовской концепции формы отдельного слова». Впрочем, хотя общее учение А. А. Потебни действительно способствовало взгляду на разные формы слова как на разные слова, сам Потебня непосредственно по интересующему нас сейчас вопросу со своего рода «нигилизмом» заявлял: «...замечу, что и я при дальнейшем изложении буду безразлично называть глаголом и один глагол, принадлежащий к одному известному разряду (имеются в виду разряды Крижанича и др. подобные.— *Ю. М.*), и группу взаимно дополняющих себя относительно вида» (указ. соч., т. IV, стр. 16—17).

inslav

считали необходимым в тех или иных случаях рассматривать формы разных видов (отчасти и способов действия) в качестве форм одного слова [46].

В дальнейшем многие ученые, даже продолжая пользоваться традиционными терминами («глагол такого-то вида»), настойчиво подчеркивали мысль об отсутствии лексических различий между соотносительными образованиями совершенного и несовершенного вида, о том, что тождественные по лексическому значению образования противоположного вида объединяются в «пары», хотя и состоящие каждая «из двух глаголов», но функционирующие как ряд взаимно дополняющих друг друга форм с одним и тем же лексическим значением. Ср. следующие характерные высказывания: «Все русские глаголы, за ничтожными исключениями, распределяются по парам, причем в каждой паре одна форма по оттенку значения (имеется в виду — по грамматическому значению.— *Ю. М.*) принадлежит к тому, что называется совершенным видом, а другая — к тому, что называется несовершенным видом» [47]; «...особенностью славянских языков является наличие системы глагольных пар. Спряжение каждого из двух глаголов любой пары независимо от спряжения другого, но оба эти глагола взаимно дополняют друг друга» [48]; «Хотя совершенный и несовершенный вид и представляет два разных глагола.., все же парные глаголы настолько тесно связаны между собой, что приближаются к единому спряжению» [49]. Или, еще более определенно: «В системе польской грамматики видом называется явление, состоящее в том, что для выражения одного глагольного значения польский язык использует в принципе два глагола, в то время как в неславянских языках обычно выступает только один глагол. Значение обоих членов такой глагольной пары является тождественным: opisać и opisywać имеют значение латинского describere, но различаются тем, что в определенных условиях употребляется только первый, а в других условиях — только второй глагол» [50]; «...глаголы такой пары отличаются друг от друга не по значению и не по стилистической окраске, а только функционально» [51]; «...имперфективному глаголу противополагается перфективный, тождественный ему по значению за исключением различия в виде» [52] и т. д.

В наши дни, когда строгое разграничение вида и способа действия получило широкое признание в аспектологической литературе, под приведенными сейчас или сходными формулировками подпишутся очень многие языковеды, занимающиеся вопросами вида [53]. Каждому ясно, что на деле подобные формулировки (особенно такие, как у Кошмидера и Ружича) уже обозначают признание вида грамматической категорией словоизменительного типа в том смысле, который был выше придан этому термину. Остается сделать последний шаг — прямо заявить о таком признании и отказаться от традиционного способа выражения. Но этот последний шаг делают лишь немногие: В. В. Виноградов, А. Н. Гвоздев, из зарубежных ученых — Э. Зайдель, К. Й. Регнель, Дж. Феррелл. См. следующие

---

[46] Подробнее см. В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 480—482, 484—485 и др.

[47] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 123. Впрочем, исключения, о которых упоминает Пешковский, как увидим ниже, никак нельзя квалифицировать как «ничтожные».

[48] А. Мейе. Указ. соч., стр. 228.

[49] Там же, стр. 229.

[50] E. Koschmieder. Nauka..., стр. 1.

[51] Там же, стр. 2.

[52] R. H. Ružić. Указ. соч., стр. 15.

[53] Резкое несогласие с подобными взглядами выражает, кажется, одна только Кр. Неттеберг. На разборе ее точки зрения по этому вопросу мы остановимся несколько позже.

inslav

высказывания названных сейчас лингвистов: «Соотносительные парные формы совершенного и несовершенного вида — при отсутствии различий в лексических значениях — являются формами одного и того же глагола»[54]; «...соотносительные формы разных видов при этих заменах (имеются в виду замены прошедшего настоящим историческим и др.—*Ю. М.*) так связаны и вызывают одна другую с такой же определенностью, как разные формы одной парадигмы склонения или спряжения»[55]; «...русские формы *делаю*, *делал* и т. д. составляют вместе с соответствующими формами *сделаю*, *сделал* и т. д. один глагол, который мог бы быть записан как *с-/делать*»[56] и т. п.

Для нас является несомненным, что если говорить о формах типа *сдуть* — *сдувать*, *описать* — *описывать*, *решить* — *решать* и т. п. (относительно *делать* — *сделать* см. ниже), то их нельзя признать ничем иным, как только формами одного слова, различающимися между собой исключительно грамматическим значением, именно видом, но полностью совпадающими по лексическому значению и по способу действия. Но если в этих случаях — весьма многочисленных в любом славянском языке — вид выступает как категория, создающая грамматические противопоставления внутри одного и того же лексического значения, т. е. как категория словоизменительного типа, то значит и вообще, принципиально, он является именно такой категорией. Те же случаи, когда то или иное лексическое глагольное значение оказывается неспособным в том или ином славянском языке или во всех них выступать в обоих видах (ср. например, русск. *обожать*, несов., при отсутствии сов. * *обожить* или *рухнуть*, сов., при отсутствии несов. **рухать* и т. д.), следует считать, как это делал уже А. Х. Востоков, первый ученый, давший обширные списки таких глаголов, обычными случаями дефективности (недостаточности)[57]. Так же, как имена существительные, имеющие формы только одного числа, мы называем существительными singularia и pluralia tantum, так и здесь мы должны говорить о глаголах perfectiva и imperfectiva tantum. Наличие в языке таких глаголов и даже их относительная многочисленность нисколько не опровергают словоизменительного характера категории вида, а только доказывают, что категория эта не является вполне независимой от лексики. Подробнее о характере этой зависимости речь будет идти ниже.

Таково принципиальное решение вопроса, к какому типу морфологических категорий относится глагольный вид в славянских языках[58].

---

[54] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 498.

[55] А. Н. Гвоздев. О соотношении форм (не глаголов!— *Ю. М.*) несовершенного и совершенного видов.— «Русский язык в школе», 1955, № 2, стр. 14.

[56] C. G. Regnéll. Über den Ursprung des slavischen Verbalaspektes. Akad. Abhandl. zur Erl. d. Doktorwürde. Lund, 1944, стр. 34.

[57] «Недостаточным,— писал А. Х. Востоков,— называется глагол, не имеющий какого-либо из двух главных видов, неокончательного (т. е. несовершенного.— *Ю. М.*) или совершенного» (см. «Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики, полнее изложенная». Изд. 11-е, СПб., 1867, стр. 126). Еще раньше Востокова на некоторые примеры такого рода указал Н. И. Греч («Практическая русская грамматика». СПб., 1827, §§ 154 и 205). Разумеется, неправильно было бы думать, будто недостаточные глаголы «стоят вне вида». Они тоже охватываются категорией вида, хотя и не могут «изменяться по виду».

[58] Отметим, что не только несовершенный и совершенный вид, но и другие видовые категории, охватываемые понятием «вид в широком смысле», являются категориями словоизменительного, а не классификационного типа. Древнегреческие формы, образованные от соотносительных видовых основ презенса, аориста и перфекта, обычно и рассматриваются как формы одного глагола. Тем более это относится к английским формам Continuous'а и не-Continuous'а, которые, конечно, никто не выделяет в отдельные глаголы. Словоизменительный характер несомненно носят и видовые раз-

inslav

Разумеется, это решение не означает, что любые генетически или семантически связанные образования противоположных видов, которые кем-либо из ученых когда-либо объединялись в качестве форм одного слова, действительно должны рассматриваться таким образом. Наоборот, лишь специальное конкретное исследование может определить, имеем ли мы дело в каждом данном случае с формами, различающимися только видом и потому составляющими формы одного глагола, или с формами, различающимися еще и прежде всего и способом действия и потому относящимися к двум разным глаголам, хотя бы и близким или соотносительным по смыслу и связанным по образованию.

Так, рассматривая смысловые отношения между русск. *колоть* и *кольнуть*, мы замечаем, что между ними различие не только в виде, но и в способе действия: *кольнуть* имеет семельфактивное значение (действие, выполненное в один прием, одним коротким движением), а *колоть*— мультипликативное значение (действие, состоящее из ряда последовательных однородных актов). Значит, эти формы нельзя считать формами одного глагола. Они принадлежат двум разным глаголам, хотя и соотносительным по смыслу, как могут быть вообще соотносительны по смыслу разные слова, особенно, когда одно из них является производным от другого (ср. *учитель* и *учительница* или *учитель* и *учительство*, *черный* и *чернить* и т. д.). То, что *колоть и кольнуть* имеют при этом еще и разное видовое значение, есть уже побочный момент. Интересно, например, что в болгарском языке лексическое значение, выражаемое в русском языке глаголом *кольнуть* и др. подобными, может быть выражено и в совершенном виде (например, *бодна*) и в несовершенном (например, *бодвам* 'делать один укол или несколько отдельных, одиночных уколов' в отличие от *бода* = русск. *колоть*).

Кажется, наиболее трудны для анализа смысловые отношения, складывающиеся между основой, образованной присоединением приставки, и ее производящей несовершенного вида.

Как известно, характеризуя эти отношения, обычно говорят о двоякой функции приставки: с одной стороны, приставка изменяет вид основы, «перфективирует» ее, а с другой стороны, она вносит то или иное изменение в лексическое значение глагола. Считается, что вторая из этих двух функций, «лексическая» функция, необязательно присутствует в приставке, и в зависимости от ее наличия или отсутствия приставки делят на «сохраняющие свои реальные значения» и «несохраняющие» их[59], или, соответственно, «полнозначные» (les préverbes pleins) и «пустые» (les préverbes vides)[60], или «лексические» (lexikální předpony) и «чисто видовые приставки» (prostě vidový předpony)[61]. Первоначально к приставкам, «сохраняющим свои реальные значения», относили только приставки пространственного значения (например, *в-*, *вы-*, *под-*, *от-*, *за-* в таких образованиях,

---

личия между формами, входящими в систему времен, например, между passé défini и imparfait во французском или между аористом и имперфектом в болгарском языке.

[59] Так, например, делят приставки Г. К. Ульянов («Значения глагольных основ в литовско-славянском языке», ч. II. Основы, обозначающие различия по видам». Варшава, 1895, стр. 139 и след.), А. А. Шахматов («Очерк современного русского литературного языка». Изд. 4-е. М., 1941, стр. 181—182) и др. Еще раньше идею подобного разграничения приставок находим у Н. И. Греча («Практическая русская грамматика», стр. 174 — 175).

[60] См., например, A. Mazon. Emplois des aspects du verbe russe.— «Bibl. de l'Inst. français de Saint-Pétersbourg», 4. Paris. 1914, стр. 108; M. Vey. Les préverbes «vides» en tchèque moderne. — RESl, t. XXIX, 1952, стр. 82—107.

[61] Фр. Травничек (указ. соч , стр. 145) приводит термин «prostě vidový předpony» со ссылкой на И. Зубатого, впервые применившего этот термин в чешском языкознании. Сейчас оба понятия широко используются чешскими аспектологами, о чем см. ниже.

inslav

как *вписать*, *выписать*, *подписать*, *отломить*, *зарыть* и т. д.)[62], но затем круг этот был расширен, и у современных аспектологов он обычно охватывает и приставки с четкими значениями того или иного способа действия, например, начинательного (*за-* в глаголе *заплакать*), финитивного (*от-* в *отшуметь*), ограниченной длительности (*по-* в *пописать*) и т. д.[63]. Тем не менее немало приставочных образований (например, русск. *ослабеть*, *погубить*, *сделать*, *написать*, *заржаветь*, *испечь* и т. д.) рассматриваются и сейчас как образования с «пустыми» или «чисто видовыми» приставками, или еще, как называет их акад. Виноградов, «формообразующими» «чисто видовыми префиксами», создающими не новый глагол, а форму совершенного вида того же глагола[64]. Особенно обстоятельно разрабатывался вопрос о «чисто видовых приставках» в последние годы применительно к материалу чешского языка[65]. Посмотрим, каковы объективные критерии, позволяющие отделить «чисто видовую» приставку от «лексической».

В прошлом таким критерием обычно считали наличие или отсутствие рядом с данной приставочной основой производной от нее основы несовершенного вида. Приставка *в-* в форме *вписать* рассматривалась как «полнозначная», так как рядом есть *вписывать*: приставка *в-* настолько изменила значение глагола, что бесприставочная форма уже не могла функционировать как форма несовершенного вида для того же лексического значения, вследствие чего понадобилось образование новой формы несовершенного вида с суффиксом имперфективации. Наоборот, приставка *на-* в форме *написать* рассматривалась как «пустая» или «чисто видовая», так как в литературном русском языке рядом с *написать* нет формы *написывать*. Отсутствие формы типа *написывать* служило доказательством тождественности лексических значений форм *писать* и *написать*. Так или примерно так решался вопрос Ульяновым, Фортунатовым, Шахматовым, Мазоном.

В более позднее время были выдвинуты соображения, существенно ограничивающие применимость указанного критерия.

Так, акад. В. В. Виноградов справедливо подчеркнул, что «отсутствие соотносительной формы несовершенного вида с той же приставкой далеко не всегда может служить признаком того, что данная приставка имеет чисто видовое значение»[66]. В подтверждение этой мысли достаточно указать на упомянутые выше глаголы *заплакать* 'начать плакать', *отшуметь*, при которых нет форм типа *заплакивать* (в смысле начинать плакать), *отшумливать*, но в которых, тем не менее, приставка имеет вполне определенное начинательное или, соответственно, финитивное значение и никак не является «пустой». Вообще, признав существование в языке глаголов perfectiva tantum, мы уже можем не стремиться к тому, чтобы обязательно подобрать «пару» к каждой приставочной основе совершенного

---

[62] Так, например, еще у С. Агрелля, для которого термины «entlokalisierte Präfixe» и «les préverbes vides» равнозначны (см. «Aspektänderung», стр. 7), у А. А. Шахматова (указ. соч., стр. 181—182) и др.

[63] Так у акад. В. В. Виноградова (указ. соч., стр. 515, а особенно стр. 530—533), у Ив. Польдауфа и Фр. Копечного (см. ниже) и у ряда других современных авторов.

[64] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 533—537

[65] Кроме упомянутой работы Вея см. еще следующие работы: I. Poldauf, Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině («Slovo a slovesnost», XV, 1954, стр. 49 — 65. В дальнейшем: SaS); его же, Ještě k «prostě vidovým předponám» v češtině (там же, XVII, 1956, стр. 169—172); Fr. Kopečný. Dvě nové práce o prostě vidových předponách v češtině (там же, стр. 28—35); его же. Odpověd I. Poldaufovi (там же, стр. 172—174); его же. Bemerkungen zu zwei Arbeiten über die schlechthin perfektivierenden Vorsilben im Tschechischen.— «Zeitschrift für Slawistik», IV, 1959, стр. 112—118.

[66] А. А. Виноградов. Указ. соч., стр. 520.

inslav

вида, чтобы обязательно объединить ее с какой-то другой основой — ее производной или ее производящей — в системе форм одного глагола. Иначе говоря, отсутствие в русском языке такой, например, формы, как *написывать*, само по себе еще не доказывает, что формы *писать* и *написать* суть формы одного слова и что *на-* здесь — «пустая» приставка, «чисто видовой префикс».

Еще дальше пошли некоторые ученые, считающие, что не только отсутствие, но даже и наличие производной основы несовершенного вида не может служить достаточным критерием при разграничении «лексических» и «чисто видовых» приставок. Так, Фр. Копечный утверждает, что рядом с основами, образованными с помощью «чисто видовых» приставок, иногда возникают «вторичные imperfectiva», например, чешск. *umývá* (= *myje*) — рядом с *umyje*, *pocituje strach* (= *cítí*) — рядом с *pocítí* и т. д. [67]

В другом месте Фр. Копечный еще добавляет, что в случаях типа *umývá* = *myje* именно синонимия бесприставочной основы и производной несовершенной основы служит критерием, доказывающим, что мы имеем здесь дело с «чисто видовой» приставкой [68]. На этой же позиции стоит и Ив. Польдауф, который пишет: «*Schýlit* является членом пары *chýlit*/*schýlit*, так как дальнейшее образование *schylovat* синонимично форме *chýlit*... Наоборот, не связываются в пары *bát se* и *leknout se*, так как *lekat se* не есть 'bát se'» [69].

Нам было бы трудно согласиться с этими положениями. Несомненно, в случаях типа *myje* — *umýva* или русск. *моет* — *умывает* (например, *лицо*) наличествует синонимия, и иногда бесприставочная основа может оказаться вообще вытесненной из употребления (ср. русск. неупотр. *кажет*, оттесненное формой *показывает*), но можно ли все-таки говорить здесь всегда о полной синонимии, о том, что все оттенки значения бесприставочной основы повторяются в основе с приставкой и суффиксом имперфективации?

Что же касается случаев типа pocituje (strach) — cítí, то и здесь бесприставочный и приставочный глаголы вряд ли могут рассматриваться как форма одного слова уже в силу разного объема лексической семантики того и другого (ср. приводимое самим же Фр. Копечным *cítit zápach* — сов. *ucítit* или русск. *рвать цветы*, *зубы*, *бумагу* и *сорвать*/ *срывать цветы*, *вырвать*/*вырывать зуб*, *порвать бумагу*).

Одним словом, мы приходим к следующему выводу: если отсутствие производной основы несовершенного вида не является достаточным основанием для объединения приставочной и бесприставочной основы в системе форм одного слова, то наличие такой производной основы может служить достаточным доводом против подобного объединения. Если мы попробуем теперь применить таким образом уточненный критерий на практике, мы увидим, что вообще так называемые «пустые» приставки, собственно, не являются вполне «пустыми», что «пустота» их довольно относительна.

В самом деле, если например русск. *слабеть* и *ослабеть* абсолютно тождественны по лексическому значению и представляют собою формы одного слова, то как объяснить форму *ослабевать*? Ср. также у В. В. Маяков-

---

[67] Fr. Kopečný. Morfologické prostředky vidové v nynější češtině.—«Pocta Fr. Trávníčkovi a F. Wollmanovi». Brno, 1948, стр. 242, сноска 2.

[68] Fr. Kopečný. Dvě nové... — SaS, t. XVII, стр. 31 и Odpověd...— Там же, стр. 174.

[69] I. Poldauf. Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu.—«Studie a práce linguistické. I. K šedesátým narozeninám ak. B. Havránka». Praha, 1954, стр. 223, сноска. Ср. его же. Ješte к «prostě vidovým předponám»...— SaS, t. XVII, č. 3, стр. 170.

inslav

ского: «И дети у матерей в животе *онемевали* и слепли» (из цикла стихов об Америке). В болгарском же языке почти в о в с е х подобных случаях образуются производные основы несовершенного вида, ср. *напиша/написвам*, *направя* (=русск. *сделать*) / *направям*, *потъмнея/потъмнявам*, *погубя/погубвам* и т. д. Общая теория не может не считаться с этим фактом.

Очевидно, правильнее будет, если мы скажем, что так называемые «пустые» приставки в минимальной степени все же изменяют (в частности, суживают) значение глагола, что они тем самым создают новый глагол, хотя и почти равный по значению первому, что приставочный и бесприставочный глагол (например, глагол *напиша/написвам* и глагол *пиша*, или глагол *ослабеть/ослабевать* и глагол *слабеть*) являются о ч е н ь б л и з к и м и с и н о н и м а м и, в о м н о г о м, н о н е п о л н о с т ь ю п о к р ы в а ю щ и м и д р у г д р у г а. Иначе говоря, и «полнозначные» и «пустые» приставки имеют обе указанные выше функции, но, так сказать, степень яркости той и другой функции может быть разной. В одних случаях (и таких случаев подавляющее большинство) «перфективирующая функция» является не более как побочным, сопутствующим моментом или, образно говоря, придатком к основной, словообразовательной функции[70], в других (более редких) случаях «перфективирующая функция» выступает ярко вперед и даже несколько заслоняет собою словообразовательную, но дело все же не доходит до полной утраты этой последней. Отметим также, что если лексическая, словообразовательная функция приставки, таким образом, никогда не утрачивается[71], то грамматической функции может и не быть, например, когда производящая бесприставочная основа сама по себе уже является совершенной (ср. *дать* — *выдать*, *толкнуть* — *втолкнуть*), а также в некоторых редких случаях типа *подлежать*, *предстоять* несовершенного вида, которые встречаются во всех славянских языках.

Итак, мы видим, что соотносительность между производящей и производной глагольными основами имеет место в самых разных типах образований, но далеко не всегда наличие у этих основ противоположных видовых значений может служить признаком того, что мы имеем дело с чисто видовой, грамматической их соотносительностью. В этой связи интересно напомнить некоторые мысли, высказанные более 30 лет назад С. Карцевским.

Карцевский был первым и, пожалуй, единственным ученым, резко подчеркнувшим п р и н ц и п и а л ь н о е р а з л и ч и е двух противоположных процессов в системе внутриглагольного основообразования,— и м п е р ф е к т и в а ц и и и т а к н а з ы в а е м о й п е р ф е к т и в а ц и и (осуществляемой с помощью приставок или с помощью суффикса *-н-*). «Перфективацию» Карцевский прямо квалифицирует как «операцию семантического характера» [72], т. е. как процесс создания нового лексического значения. Наоборот, об имперфективации, об образовании от совершенных основ производных основ несовершенного вида, он говорит, что это «чисто грамматический процесс» (n'est qu'un procédé de grammaire) [73]. «Единственные видовые пары, имеющие в языке реальное существование,—

---

[70] Ср. у В. В. Виноградова: «...глаголы, в которых лексические значения настолько далеки и отличны, что видовое различие их является лишь придатком к резкому реальному различию слов (например: *отсидеть* и *сидеть*, ср. *отсиживать*; *накурить* и *курить*; *снести* и *нести*; *нападать* и *падать* и т. п.)» (указ. соч. стр. 515).

[71] Разновидностью словообразовательной функции приставки является и «стилистическая» ее функция, отмеченная в таких случаях, как *спокидаешь* — *покидаешь* (в русских народных песнях) Юзефом Трыпуцько (см. «Slavistična Revija», t. III, N 3 — 4, 1940, стр. 327 — 342).

[72] S. K a r c e v s k i. Études sur le système verbal du russe contemporain.—«Slavia», t. I, 1923, стр. 495; е г о ж е. Système du verbe russe. Prague, 1927, стр. 96.

[73] Там же, соотв. стр. 495 и 96.

inslav

продолжает далее Карцевский,— это грамматические пары (les couples grammaticaux) типа *выиграть — выигрывать*»[74], пары, в которых имеет место «чисто грамматическое противопоставление двух форм без малейшей примеси семантики (sans aucun mélange de valeur sémantique)»[75], т. е. без примеси оттенков лексического значения, способа действия и т. д. Этим подлинным грамматическим парам, возникшим в процессе имперфективации, все остальные обычно выделяемые в литературе типы пар противостоят как неподлинные, не составляющие грамматической реальности, иллюзорные. Так, о паре типа *играть — сыграть* Карцевский говорит, что такая пара, «которую можно было бы назвать смысловой парой (couple sémantique), была бы довольно искусственной (bien factice), так как она не отвечает никакой лингвистической реальности»[76]. Также и «моментальная разновидность совершенного вида (мы бы сказали: семельфактивный способ действия. — *Ю. М.*) не составляет грамматического значения совершенности, и *толкнуть* по отношению к *толкать* должно рассматриваться таким же образом, как *вытолкать*, *протолкать* и другие приставочные образования»[77]. В общем, что касается «первичных глаголов» (т. е. бесприставочных непроизводных и производных неотглагольных основ несовершенного вида)[78], «то они не входят ни в какие видовые пары»[79] — вывод, закономерно вытекающий из всей концепции Карцевского.

К сожалению, эти мысли Карцевского не получили дальнейшего развития в науке. Процессы «перфективации» и «имперфективации» рассматривались по-прежнему как явления одного порядка, и словообразовательная соотносительность основ, возникающая в процессе «перфективации», ставилась по-прежнему на одну доску с той чисто видовой соотносительностью, которая имеет место между основой совершенного вида и производной от нее несовершенной основой. Именно такой, нивелирующий подход к двум принципиально разным процессам был канонизирован в классификации «видовых пар», данной Э. Кошмидером и принятой затем Ружичем, Серенсеном и др.[80] В общем не пошел за Карцевским и В. В. Виноградов, рассматривающий как формы одного слова в одинаковой мере и такие ряды, как *возделать — возделывать*, *решить — решать*, и такие, как *делать — сделать*, *дичать — одичать*[81]. Совершенно правиль-

---

[74] Там же, соотв. стр. 508 и 107.

[75] S. Karcevski. Études..., стр. 506.

[76] Там же, стр. 509; см. его же. Système..., стр. 107.

[77] Там же, соотв. стр. 509 и 108.

[78] Именно так раскрывает Карцевский свое понятие «первичных глаголов» («verbes fondamentaux») в той же статье в «Slavia», t. I, стр. 496.

[79] S. Karcevski. Études, стр. 509; см. также Système..., стр. 107.

[80] Для справок привожу классификацию Кошмидера (см. «Nauka...», стр. 7—11): 1) *krzyczeć — krzyknąć*, 2) *robić — zrobić*, 3a) *wrócić — wracać*, 3b) *zarobić — zarabiać*, 4) *dziać się — stać się* (супплетивный тип: в пары объединяются основы «с одним и тем же значением, но различного происхождения»). Далее Кошмидер оговаривается, что среди пар второго типа есть и «неточные» (dublety niedokładne), например, *nieść — wynieść*, *nieść — przynieść*, и завершает свою схему указанием на глаголы, стоящие вне пар (*stać* = русск. *стоять*, *mieć* и др.), и на глаголы двойственного видового значения (*darować* и др.). Можно сказать, что в приведенной классификации Кошмидер систематизировал и выстроил в одну линию то, что было известно уже и до него, и что, в частности, получило более дифференцированную трактовку в работах Карцевского. Только один четвертый тип Кошмидера, супплетивный тип, не получил у Карцевского принципиального освещения. Карцевский называет случаи типа *брать — взять* и т. п. «les couples lexicologiques» и отказывается их анализировать, ссылаясь на их исключительную редкость.

[81] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 498 и в других местах; но, по-видимому, неслучайно акад. Виноградов не включает в число своих примеров ни одного, принадлежащего к типу *колоть — кольнуть*. Дальше от истины стоит К. Й. Регнель,

inslav

ное положение, что тождественные по лексическому значению образования противоположного вида суть формы одного и того же глагола, будучи безоговорочно распространенным и на «пары» типа *делать — сделать*, теряло в своей убедительности, становилось не для всех приемлемым.

Между тем путь, по которому, как нам кажется, следовало идти в этом вопросе, заключался в дальнейшем углублении намеченного Карцевским дифференцированного подхода к разным типам случаев. Речь могла и должна была идти о более узких группах глаголов, а нередко даже об отдельных глаголах, о том, в частности, что и в процессе имперфективации порой возникают такие производные основы, которые характеризуются особыми оттенками лексических значений, отличающими их от их производящих. Так, рядом с приставочными основами с приставками *по-* и *про-* типа русск. *пожить*, *прожить* (некоторое время) *пошалить* и т. д. образования вроде *поживать* (в выражениях *как поживаете*? и *жить-поживать да добра наживать*), *проживать* (обитать), *пошаливать* представляют собой уже новые глаголы, а не формы несовершенного вида тех же глаголов (но ср. *прожить/проживать деньги* — один глагол). Также и русск. *разговаривать* или болг. *разговарям* 'вести разговор' не есть форма глагола *разговорить* или *разговбря* 'побудить кого-либо вступить в разговор, утешить' и т. д., хотя и *разговорить* или *разговбря* имеют свои формы несовершенного вида, омонимичные соответственно глаголу *разговаривать* или *разговарям*. Подобным же образом, если русск. *познавать* есть только форма глагола *познать*, то в болгарском языке есть два омонима *познавам*: 1) 'познавать', 'узнавать' — форма глагола *позная* (например, *познавам го по гласа* 'узнаю его по голосу') и 2) отдельный глагол, обозначающий 'знать', 'быть, знакомым с чем-либо или кем-либо' (например, *познавам го още от дете* 'я знаю его еще с детства'). Факты подобного рода отмечаются и накапливаются словарями[82], но не осмысляются с точки зрения теории вида, а поэтому они могут казаться (и действительно показались Кр. Неттеберг) говорящими против словоизменительного характера категории вида.

Очевидно, надо считаться минимум с двумя возможностями: 1) с возможностью появления в производных основах несовершенного вида особых значений, нередко (как в примере *поживать*) фразеологически связанных или (как в официально-канцелярском *проживать*) стилистически и терминологически закрепленных, аналогии чему находим иногда и при образовании множественного числа имен существительных (ср. *грязь* и медиц. *грязи*, выделившееся в особое слово, или специальное кулинарное значение формы мн. ч. *мозги*, превращающейся в отдельное слово, и т. п.); 2) с возможностью образования глагольных основ несовершенного вида одновременным присоединением приставки и суффикса имперфективации к производящей основе также несовершенного вида (например, *разговаривать* — прямо от *говорить*, как, скажем, и *припевать* прямо от *петь*, при невозможности образовать форму совершенного вида вроде *припеть*). С точки зрения современного языка практическое разграничение двух указанных возможностей представляется иногда затруднительным, так как сейчас и в том и в другом случае «вторичная» (производная) основа несовершенного вида соотносится прямо с «первичной», независимо от того, была ли она образована от этой «первичной» непосредственно, или же через посредствующее звено — приставочную основу совершенного

для которого именно *делать — сделать* (а не, например, *возделать — возделывать*) является типичным, парадигматическим образцом видовых форм одного глагола (см. выше, стр. 172).

[82] В частности, в связи с приведенными сейчас примерами см. толковые словари русского языка С. И. Ожегова и под ред. Д. Н. Ушакова, а для болгарского—ТР и АкР.

inslav

вида. Что же касается основы совершенного вида, то она, если и существует, остается в стороне, как если бы ее и вовсе не было. Ясно, что все подобные случаи (которые подлежат, конечно, тщательному учету и изучению) не подрывают нашего принципиального тезиса о словоизменительном характере грамматической категории вида и даже не суживают сферу его применения, а только доказывают, что и к основам, образованным с суффиксами имперфективации, нужен, как и в других случаях, дифференцированный, не механический подход.

Дифференцированный подход к разным типам случаев, к разным типам смысловой соотносительности между однокоренными (иногда и разнокоренными, как в случае «супплетивных рядов») образованиями должен стать девизом всякого исследования вида. Это требование прямо вытекает из признания вида грамматической категорией словоизменительного типа. Именно то, что мы признали вид словоизменительной категорией, обязывает нас строго и последовательно отграничивать процессы видового основообразования, протекающие внутри глагольной лексемы, без сдвига лексического значения, от процессов словообразовательных, только сопровождающихся возникновением видовых различий, но направленных, в первую очередь, не на изменение вида, а на получение нового глагола, нового лексического значения. Исходя из всего этого, мы примем следующую практику.

В качестве форм одного глагола будут рассматриваться образования от основы совершенного вида вместе с образованиями от ее производной несовершенного вида, например, *дам*, *дадох* и т. д. и *давам*, *давах*, *даваше* и пр. В подобных случаях мы будем говорить о формах совершенного вида и о формах несовершенного вида, а самый глагол будем обозначать по типу *дам/давам*, *стана/ставам*, *напиша/написвам*, *бодна/бодвам*, *взема/вземам* и т. д. Это же относится и к *дойда/дохождам* (или *дохаждам*) — к редкому в болгарском языке образованию несовершенного вида посредством «чередования корней» (*ид-*: *ход-*), правда, в сочетании с суффиксом имперфективации *-а-* и с обычным для определенных типов производных несовершенных основ чередованием фонем *д* : *жд* (ср., например, *родя* : *раждам*).

Указанное сейчас общее правило рассмотрения производных основ несовершенного вида мы не будем применять механически. Во всех случаях типа рассмотренного выше *познавам* 'знать' мы будем отступать от этого правила, учитывая индивидуальное развитие значения несовершенной основы, приводящее к ее изоляции от ее производящей.

Несовершенные основы, непроизводные от совершенных, мы для болгарского языка во всех случаях будем рассматривать как отдельные глаголы, не образующие форм совершенного вида, т. е. в видовом отношении дефективные. Естественно, мы не отрицаем того, что приставочные основы, как и основы с суффиксом *-н-*, образованные от таких непроизводных несовершенных основ, стоят с ними в тесной этимологической и смысловой связи, что между производящей основой несовершенного и производной основой совершенного вида существует и словообразовательная соотносительность и, зачастую, весьма далеко идущий синонимизм лексических значений, приводящий к взаимозаменимости этих глаголов во многих контекстах. И все же речь здесь должна идти — по крайней мере применительно к болгарскому языку — именно о разных глаголах, а не о разных формах одного и того же глагола, например, о глаголе *пиша* (imperfectivum tantum) и о глаголе *напиша/написвам*, о глаголе *бода* (также imperfectivum tantum) и о глаголе *бодна/*

inslav

бодвам, соответственно *махам* и *махна/махвам*, *тъмнея* и *потъмнея/потъмнявам*, *влияя* и *повлияя/повлиявам* и т. д.

Кроме приведенных сейчас, так сказать, относительных imperfectiva tantum *пиша*, *бода* и т. д., относительных в том смысле, что рядом с ними стоят их лексические синонимы противоположного вида, способные нередко заменить их, — мы встретимся в болгарском языке, как и в любом другом славянском, и с абсолютными imperfectiva tantum, не имеющими даже приблизительных синонимов среди глаголов с формами обоих видов. Примерами могут служить *обожавам* или *имам*, *нямам*, *спя*, *стоя*, *обичам*, при которых образования совершенного вида или вообще отсутствуют, или же вовсе несинонимичны данным глаголам (например, *заспя* 'заснуть' —несов. *заспивам*, *обикна* 'полюбить' — несов. *обиквам* и т. п.).

Наконец, встретятся нам в болгарском языке и глаголы perfectiva tantum типа *заразглеждам* 'начать рассматривать', *заразотиваме се* 'начать расходиться (в разные стороны)' — образования, рядом с которыми нет производных основ несовершенного вида.

Дополнительным доказательством того, что изложенная сейчас схема подходит для болгарского языка и хорошо соответствует языковому чувству болгар [83], являются постоянные и настойчивые жалобы на «смешение глаголов» в сознании «даже образованных болгар», исходящие от сторонников традиционного взгляда на формы противоположных видов как на глаголы, во всех случаях разные. Так, Н. Костов пишет: «Не следует смешивать формы глагола одного вида с формами глагола другого вида. А это делают и даже очень часто. Многие образованные болгары не понимают, что есть различие между глаголом *да дам* и глаголом *давам*. Для большинства форма *дадох* является формой глагола *давам*, в то время как в сущности это форма прошедшего совершенного от глагола *да дам*, потому что несовершенное *давам* в соответствующем случае имеет *давах*» [84]. Акад. Ст. Младенов добавляет: «Если спросить, какого вида глагол *станах* в начале болгарской народной песни *Снощи станах сънен, буден, махмурен*, большинство ответит, что это форма прошедшего совершенного определенного от глагола *ставам*. А в действительности *станах* относится не к глаголу *ставам*, несовершенного вида, а к глаголу *стана*, совершенного или однократного вида» [85].

Характерно, однако, что ни Костов, ни Младенов (хотя они приводят, кроме воспроизведенных здесь, много и других примеров), ни кто-либо другой из болгарских грамматистов нигде не жалуются на то, чтобы кто-нибудь принимал, скажем, *написах* за форму глагола *пиша* или *направих* за форму глагола *правя*. Очевидно, языковое сознание не случайно «смешивает глаголы» в одном случае и не смешивает их в другом. Ряды *дам — давам*, *стана — ставам* (и *напиша — написвам*) представляются языковому сознанию в другом свете, чем ряды *пиша — напиша*, *правя — направя*, *бода — бодна* и т. д. А это свидетельствует о том, что и объективное положение в языке в том и в другом случае — разное. Как мы увидим, пра-

---

[83] В общих чертах, как рабочая схема, она подходит, вероятно, и для других славянских языков, но, конечно, с теми или иными поправками и дополнениями. Так, в русском языке значительно шире и разнообразнее, чем в болгарском, будет область глаголов perfectiva tantum, причем здесь надо будет различать абсолютные perfectiva tantum (*закричать*, *очнуться*), синонимически соотносительные лишь с целыми оборотами (*начинает кричать*, *приходит в чувство*) и относительные perfectiva tantum (*написать*, *сделать*), синонимически соотносительные со своими производящими несовершенного вида (*писать*, *делать*).

[84] Н. Костов. Българска граматика, стр. 112.

[85] Ст. Младенов. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941, стр. XIII.

inslav

вильность предлагаемого здесь подхода к вопросу подтверждается еще и практикой лексикографической работы над болгарским языком (но об этом — в своем месте).

Прежде чем заключить этот раздел, необходимо вкратце остановиться еще на разборе тех возражений, которые были сделаны в научной литературе против признания категории вида словоизменительной и против возможности признания форм противоположного видового значения формами одного слова. Здесь в первую очередь надо сказать о возражениях П. С. Кузнецова и Кристины Неттеберг.

П. С. Кузнецов, собственно, не отрицает того, что формы совершенного и несовершенного вида могут выражать, и в ряде случаев действительно выражают, тождественные лексические значения. Он пишет: «В современном русском языке каждому глаголу несовершенного вида обычно соответствует глагол совершенного вида, имеющий по существу то же самое лексическое (реальное) значение и отличающийся только видом»[86]. Однако проф. Кузнецов считает, что «одной семантической близости для отнесения различных образований к одной лексеме недостаточно. Необходимы основания структурно-грамматические. Между тем каждый из членов видовой пары образует всю систему форм, ему свойственную..., точно так же, как образует ее каждый из двух глаголов, несомненно различающихся в лексическом отношении (например, *нести — принести*)»[87].

Нам представляется, что приведенное рассуждение безусловно правильно в своем исходном тезисе («необходимы основания структурно-грамматического порядка»), но нельзя согласиться с его конкретизацией. Мы думаем, что в случае типа *переписать — переписывать* есть не только «семантическая близость» (точнее: тождество лексических значений), но как раз есть и все основания «структурно-грамматического порядка» для того, чтобы говорить о формах одного глагола (грамматическая «регулярность» формы *переписывать*). Наоборот, в случаях типа *писать — написать* имеется одна только «семантическая близость» и никакой грамматической «регулярности» не наблюдается. Поэтому-то мы в этих случаях и говорим не о формах одного слова, а только о близких синонимах. Что же касается той конкретизации, которую дает своему тезису проф. П. С. Кузнецов, то можно заметить следующее.

Любая глагольная основа образует, конечно, «всю свойственную ей систему форм», так же, как скажем, в имени существительном и в единственном, и во множественном числе образуются все присущие данному языку падежные формы. То, что, например, родительный и дательный падеж образуются в русском языке и в единственном и во множественном числе, и в singularia tantum так же, как в единственном числе нормальных существительных (скажем, *мужества*, *мужеству*, как *стола*, *столу*), а в pluralia tantum так же, как во множественном числе нормальных существительных (скажем, *штанов*, *штанам*, как *столов*, *столам*), не является основанием для того, чтобы считать *стол* и *столы* разными словами. Почему же к глаголу мы должны подходить с другой меркой?

Второе, более общее возражение П. С. Кузнецова против выдвигаемой здесь точки зрения, затрагивающее и категорию единственного и множественного числа существительных, на которую мы постоянно ссылаемся, было сформулировано им в выступлении на втором совещании по вопросам болгарской грамматики в Институте славяноведения АН СССР в декабре 1953 г.[88] П. С. Кузнецов указал здесь на то, что между формами

[86] «Современный русский язык. Морфология». М., 1952, стр. 323.
[87] Там же, стр. 323.
[88] См. Е. В. Чешко. Второе совещание по вопросам болгарской грамматики.— «Краткие сообщ. Ин-та славяноведения», № 15, 1955, стр. 67.

inslav

совершенного и несовершенного вида, так же как и между формами единственного и множественного числа существительных «нет синтаксического различия», т. е. в *я писал письмо* и *я написал письмо* (как и в *я написал письмо* и *я написал письма*) синтаксическое отношение между членами предложения остается тем же. На этот аргумент можно возразить двояко: 1) синтаксического различия в указанном сейчас смысле нет и между глагольными временами (ср. *я пишу письмо* и *я писал письмо*), а между тем вряд ли было бы правильно исключить категорию времени из числа грамматических категорий словоизменительного типа; 2) в иных типах контекста между формами одного и другого вида имеются явные синтаксические различия, о чем подробно речь будет ниже (ср. также синтаксические различия между формами единственного и множественного числа, проявляющиеся в согласовании и в возможности сочетания с числительными).

Кристина Неттеберг исходит в своей концепции из совершенно других позиций. Она вообще отрицает тождество лексических значений совершенных и несовершенных форм как регулярное закономерное явление, заявляя, что такое тождество «является не более как спорадическим (n'est que sporadique)»[89]. Для того, чтобы доказать это положение, она последовательно рассматривает все типы «видовых пар» (в порядке, в котором расположил их Кошмидер)[90] и в пределах каждого типа приводит примеры из современного польского языка, показывающие, что тождества лексического значения между членами «пары» вообще нет или нет в определенных контекстах. В случаях, когда исходной является основа несовершенного вида, это без труда удается, и неудивительно, если учесть все сказанное выше. Так, основы с суффиксом *-n-* привлекаемые Кр. Неттеберг, действительно, все или почти все характеризуются особым способом действия, которого нет в соответствующих основах несовершенного вида, именно, как она это называет, «моментальным» (мы бы сказали: семельфактивным, см. выше) способом действия[91]. Так, рядом с одной бесприставочной основой несовершенного вида, действительно нередко стоит несколько основ с «пустыми приставками», различающихся между собой оттенками лексического значения, например, *słyszeć* и *usłyszeć*, *posłyszeć*, *dosłyszeć*, *zasłyszeć* (ср. также русск. *слышать — услышать*, *прослышать*, *заслышать*)[92], и даже при наличии одной приставочной основы с «пустой приставкой», как в случае *pisać — napisać*, соответствующие приставочная и бесприставочная основы действительно «выступают как дублеты в большом количестве случаев, но в известных других случаях они уже не отвечают друг другу»[93]. Однако материалы Кр. Неттеберг сразу становятся значительно более случайными, как только дело доходит до «пар», несовершенный член которых является производным от совершенного. И неудивительно. Здесь в ее распоряжении для доказательства ее основного тезиса только сравнительно более редкие случаи появления каких-то специальных, нередко фразеологически связанных оттенков значения

---

[89] Kr. Netteberg. Указ. соч., стр. 57.
[90] См. выше сноску 80.
[91] См. Kr. Netteberg. Указ. соч., стр. 37—41.
[92] Там же, стр. 43—47.
[93] Там же, стр. 53. В частности, Кр. Неттеберг отмечает, что в тексте поговорки «Jak cię widzą, tak cię piszą» значение piszą соотносительно не с napiszą, а с opiszą. Иными словами, и здесь, как во многих других случаях, значение простого бесприставочного глагола, мы бы сказали, шире, неопределеннее, чем значение приставочного. Приставка, даже «пустая», уточняет, сужает значение и уже потому не может создавать форму того же глагола, а создает новый глагол, только синонимичный бесприставочному (именно — части его значений).

inslav

в производной несовершенной основе вроде рассмотренных выше случаев типа *поживать* и т. п. (см. выше, стр. 178).

Так, признавая тождество лексических значений внутри «пар» *wyprawiła/wyprawiała skórę*, *wyrobiła/wyrabiała ciasto*, *wyrobił/wyrabiał sobie dobrą opinię* (ср. также русск. *выделать/выделывать кожу* и т. п.), Кр. Неттеберг указывает, что в сочетании *wyprawiała* (или *wyrabiała*) *w domu niesłychane rzeczy* (ср. также русск. *выделывает фокусы*, *вытворяет чёрт знает что*) употребить совершенный член «пары» было бы невозможно[94]. Констатация правильная, но ясно, что здесь речь идет о специфическом «связанном» значении несовершенной формы. Таким же образом Неттеберг противопоставляет *zabił/zabijał skrzynię*, *zabił/zabjiał wiele ludzi* (ср. также русск. *забил/забивал ящик*) и «Krew *zabiła* mu w skroniach» 'кровь забила в висках', «где нельзя поставить *zabijała*, а только *biła*»[95], хотя совершенно очевидно, что здесь речь идет о явных омонимах, последний из которых *zabić* 'начать бить' вообще, вероятно, является глаголом perfectivum tantum, как и русск. *забить* в этом значении. Также либо о явных омонимах, либо о случаях закрепления каких-то специальных значений за формами одного из видов идет речь и в других примерах, приведенных Кр. Неттеберг.

Главный огонь своей критики Кр. Неттеберг направляет против теории «пустых» приставок, и здесь она, вероятно, близка к истине. Но ошибка ее состоит в том, что она неправомерно и безосновательно отождествляет теорию «пустых» приставок со взглядом на вид как на категорию словоизменительного типа. Заявляя о близости своей концепции взглядам Карцевского[96], она на деле почти вовсе игнорирует самое ценное в его взглядах, именно его указание на принципиальное различие между «перфективацией» и «имперфективацией». Собранные Кр. Неттеберг материалы интересны тем, что показывают сложность конкретных взаимоотношений между генетически связанными основами противоположных видов, но ее теоретические выводы в той мере, в которой они направлены против взгляда на вид как на категорию словоизменительного типа, несостоятельны, так же как и ее общий тезис о том, что тождество лексических значений в образованиях противоположных видов «не более как спорадично». Дальнейшее исследование должно учесть конкретные наблюдения Кр. Неттеберг (впрочем, еще больше подобных наблюдений можно собрать, работая с большими толковыми словарями славянских языков), но очень сомнительно, чтобы оно подтвердило ее общую концепцию.

Итак, на вопрос о характере грамматической категории совершенного и несовершенного вида мы можем ответить следующим образом.

Грамматическая категория вида есть категория морфологии и синтаксиса. В качестве морфологической категории она относится к категориям словоизменительным, но зависимым от лексики. Формы противоположных видов, тождественные по лексическому значению, суть формы одного и того же глагола. Но при конкретном исследовании такие формы должны тщательно отделяться от случаев образований совершенного и несовершенного вида, связанных между собой лишь словообразовательной соотносительностью. Как правило, в процессе имперфективации возникают имперфективные формы того же глагола. В процессе же «перфективации» всегда возникают новые глаголы, иногда в лексическом плане синонимичные своим производящим. Так, по крайней мере, обстоит дело в современном болгарском языке. Но с теми или иными поправками в деталях это может быть отнесено и к остальным современным славянским языкам.

---

[94] Kr. Netteberg. Указ. соч., стр. 55.
[95] Там же.
[96] Там же, стр. 67.

inslav

3. СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАТЕГОРИЮ ВИДА

Общее понятие о способах действия дано выше. Здесь нам предстоит несколько уточнить это понятие и рассмотреть ту сторону дела, которая наиболее важна для нашего исследования, именно — вопрос о влиянии способов действия на грамматическую категорию вида.

На основании примеров способов действия, приведенных в § 1, можно думать, что способы действия представляют собой словообразовательные категории глагола, и отчасти это действительно так. Большинство способов действия характеризуется использованием тех или иных словообразовательных средств — приставок или суффиксов, иногда приставок в сочетании с возвратной частицей.

Так, начинательный (ингрессивный) [97] способ действия характеризуется в ряде славянских языков использованием приставки *за-* (ср. русск. *заиграть* — *румянец заиграл на щеках*, болг. *заиграя* 'начать игру, пляску', польск. *zagrać* и т. д.) и с несколько иным смысловым оттенком некоторых других приставок, например, *про-* (болг. *прогледам* 'прозреть', 'стать зрячим', *малкият проходи*, *проговори вече* 'малыш уже начал ходить, говорить', серб. *проговори* и т. д. — везде глагол обозначает первое проявление соответствующей способности). Ограниченно-длительный (детерминативный) [98] способ действия составляют глаголы с приставкой *по-* типа русск. *посидеть* болг. *поседя* и т. д., а в некоторых славянских языках и с другими приставками (русск. и болг. *про-*, например, *пролежать некоторое время*, *пролежа*; болг. *пре-*, например, *преседя* и т. д.), причем между образованиями с *по-* и с другими приставками имеются известные смысловые различия (*полежал немного* — *пролежал долго* и т. д.), так что можно считать, что мы имеем здесь дело не с одним, а с двумя разными, хотя и близко родственными способами действия, с двумя разновидностями детерминативного значения. Комплетивный способ действия [99] характеризуется приставкой *до-*, например, русск. *дописать*, болг. *допиша*, польск. *dopisać* и т. д.; финитивный [100] — приставкой *от-* в таких образованиях,

---

[97]. Термин «ингрессивный», применяемый в этом смысле Г. К. Ульяновым (см. «Значения глагольных основ», ч. II, § 23), Э. Кошмидером («Nauka...», стр. 4), Kr. Netteberg (указ. соч., стр. 72) и другими, представляется нам более удачным, чем «инхоативный», используемый С. Агреллем, Ф. Ф. Фортунатовым (наряду с «ингрессивный» для одной более узкой группы начинательных глаголов), Л. Андрейчиным, Дж. Грубором и другими, так как с термином «инхоативный» прочно ассоциировалось представление о латинских глаголах на *-esco* (senesco, albesco и т. д.), обозначающих постепенный переход в состояние, выраженное соответствующим корнем.

[98] Термин, принятый русскими учеными, в частности в работах Г. К. Ульянова, Ф. Ф. Фортунатова и др. Иначе — глаголы со значением охвата длительности (Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I. Изд. 5-е, переработ., Киев, 1952, стр. 180). Нельзя признать удачным обозначение этих глаголов у С. Агрелля («претеритивный способ действия»), принимаемое Ст. Слоньским, Кр. Неттеберг и др., у А. Мазона и С. Карцевского («глаголы с *по-* atténuatif», т. е. с *по-* «ослабляющим», или просто «les atténuatifs»), у Фр. Миклошича и Дж. Грубора («деминутивные глаголы»). Термин Агрелля вносит ненужную временную окраску, а два последние термина не могут быть отнесены к таким глаголам, как русск. *пролежать*, а главное легко могут быть отнесены к ряду образований, совсем посторонних данному способу действия. Так, у Дж. Грубора («Аспектна значења». — «Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti», knj. 293, 1953, стр. 49) деминутивным называется сербский глагол *свиркати*, т. е. 'помало свирати', у Миклошича [«Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen (=Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Band IV)». Zweiter Abdruck, Wien, 1883, стр. 280] польск. *popchnął mię* 'er gab mir einen leisen Stoss' и т. д.

[99] Термин С. Агрелля, ср. лат. compleo 'дополнять', 'доканчивать'.

[100] Термин «финитивные глаголы» встречается еще у Миклошича («Vergleichende Syntax», стр. 280), но широко введен в научный обиход Ф. Ф. Фортунатовым (см. «Отчет о деятельности ОРЯС за 1910 г., составленный акад. Н. А. Котляревским». СПб., 1910, стр. 15—19).

inslav

как русск. *отшуметь*, болг. *отшумя*, и др.; дистрибутивный [101] — приставкой *по-* в таких образованиях, как русск. *попáдать*, и некоторыми другими приставками, а нередко — сочетанием двух и более приставок, например, *понавыдумывать*, болг. *изпопадаме* 'попáдать' и т. д.

Приставка совместно с возвратной частицей используется в таких способах действия, как, например, сативный [102] (значение полного удовлетворения субъекта произведенным действием), ср. русск. *наесться*, *насмотреться*, болг. *наям се*, *нагледам се*, серб. *најести се* и т. д.; интенсивный [103] (значение особой интенсивности действия), например, русск. *раскудахтаться*, болг. *разкудкудяка се* (*разкудкудякаха се кокошките*), серб. *раскокодакати се* и т. д. [104] и некоторые другие способы действия.

Использованием словообразовательных суффиксов характеризуются упомянутые выше, в разделах 1 и 2, семельфактивный, инхоативный, многократный (итеративный) и некоторые другие способы действия. В частности, семельфактивный («одноактный») способ действия [105] охватывает глаголы, образованные от глагольных основ (и от междометий вроде *ах*!) с помощью суффикса *-н-*, например, упомянутые выше русск. *кольнуть*, болг. *бодна*, русск. *ахнуть* и т. д.; инхоативный [106] — глаголы с другим суффиксом *-н-* [107], например, русск. *сохнуть*, болг. *съхна*, и с суффиксом общеслав. *-ѣ-*, например, русск. *бледнеть*, болг. *бледнея*, польск. *blednieć* (наряду с *blednąć* с суффиксом *-n-* ср. и чешск. *blednouti*); многократный — глаголы, образованные от глагольных основ несовершенного вида с помощью суффиксов *-а-*, *-ва-*, в ряде славянских языков *-ива-*(*-ыва-*) и других, например, русск. *едал*, *бывал*, *говаривал*, польск. *jadać*, *bywać*, *czytywać*, болг. *бивам* [108] и т. д.

Сюда же примыкают со значением многократного, но неинтенсивного действия такие образования, как русск. *пошаливать*, *попивать*, болг. *попийвам* и т. п., в которых, кроме суффикса, использована и приставка.

Рассматривая эти и другие подобные примеры способов действия (мы, разумеется, не исчерпали их списка), мы на каждом шагу сталкиваемся, как и в других областях словообразования глагола или имени, с явлением

---

[101] Термин широко используется разными учеными, в частности уже Г. К. Ульяновым.

[102] Термин, предложенный Дж. Грубором («Аспектна значеньа», стр. 12 и др.), ср. лат. satio 'кормить досыта', 'насыщать', 'удовлетворять'.

[103] Термин широко используется применительно к разным типам образований различных языков. В том смысле, в котором он употреблен здесь, его применяет Дж. Грубор («Аспектна значеньа», стр. 12 и др.).

[104] В ряде глаголов этого способа действия возвратная частица не используется, ср. русск. *рассвирепеть*, болг. *разсвирепея* и др.

[105] Термин «семельфактивный способ действия», применяемый по отношению к этим глаголам Э. Копмидером («Nauka...», стр. 4), Ружичем («The Aspects», стр. 21) и другими, кажется, лучше передает своеобразие их значения (ср. еще A. Mazon. «Morphologie des aspects du verbe russe». Paris, 1908, стр. 13: «verbes d'unité d'action»), чем термин «мгновенные», «моментальные» (у С. Агрелля, С. Карцевского и др.) или «однократные глаголы» (в традиции русской и болгарской школьной грамматики): «мгновенность» присуща и некоторым другим образованиям и не всегда обязательна для глаголов рассматриваемого типа (ср. *он лениво и медленно зевнул*), а однократность есть антитеза многократности и в этом смысле должна пониматься шире, именно — как значение конкретно-единичного, разового действия (такое действие может быть выражено формами как совершенного, так и несовершенного вида).

[106] Этот термин в таком же значении, как здесь, употребляют А. Мазон («Morphologie», стр. 13), Э. Копмидер («Nauka...», стр. 4), что соответствует и словоупотреблению, принятому в грамматиках неславянских языков — латыни (см. выше сноску 97), германских (ср. A. Noreen. Vårt språk, т. V, стр. 613 и след.) и др.

[107] Ср. в русском языке (но не в других славянских) известные различия в оформлении прошедшего времени: *кольнул*, *ахнул* и т. д., но *сох*, *мок*, *креп* и пр.

[108] Впрочем, в отличие от приведенных сейчас русских и польских примеров, болг. *бивам* представляет собою изолированный остаток в целом утраченной категории.

inslav

многозначности и омонимии и, с другой стороны — большей или меньшей синонимии используемых словообразовательных средств. Так, не выходя за рамки приведенных примеров, ср. приставку *про-* в *пролежа* и в *проговоря*, приставку *по-* в глаголах *посидеть*, *попáдать*, суффикс *-н-* в *кольнуть* и в *сохнуть*[109]. С другой стороны, ср. равнозначность *blednieć* и *blednąć*, близость, хотя вовсе не тождественность значений *посидеть* и *просидеть*, наличие в болгарском языке помимо начинательных образований с приставками *за-* и *про-* еще одного ряда начинательных образований — с суффиксом *-н-*, например, *седна* 'сесть', т. е. 'начать сидеть', *цъфна* 'расцвести', 'начать цвести' или с оттенком мгновенности, быстроты действия — *светна* 'засветиться', *пламна* 'вспыхнуть', 'загореться' и т. д. В силу всего этого картина «формального выражения» способов действия является во всех славянских языках довольно сложной: между «формой» способов действия и их содержанием далеко не всегда имеются простые и однозначные соответствия, как, впрочем, повторяю, это наблюдается и в различных других областях словообразования.

Надо, однако, подчеркнуть, что и в болгарском, и в других славянских языках значения некоторых способов действия оказываются присущими и непроизводным глаголам, т. е. глаголам, не имеющим ни приставок, ни словообразовательных суффиксов, ни каких-либо других признаков словообразования.

Так, в качестве особого способа действия должны быть выделены глаголы состояния (статальный способ действия)[110], например, русск. *стоять*, *лежать*, *спать*, *дремать*, *плакать*, болг. *стоя*, *лежа*, *спя*, *дремя*, *плача* и т. д., хотя в словообразовательном отношении (или хотя бы с точки зрения морфологической классификации глагольных основ) глаголы эти не составляют какой-либо отдельной единой группы. Общий элемент в значении всех этих глаголов однотипен значениям других, рассмотренных выше способов действия: он тоже заключается в указании на определенный тип, способ протекания во времени действия этих глаголов, а именно — в указании на то, что выраженное ими «действие» не связано с какими-либо качественными или количественными изменениями в субъекте или в самом своем течении, что оно не направлено к завершению, не предусматривает конечной цели или предела, остается равным самому себе на всех отрезках своего сколь угодно длительного протекания, что в процессе этого «действия», собственно, «ничего не происходит». Объективное существование данного способа действия доказывается не наличием (и узнается не по наличию) в составе основы тех или иных словообразовательных морфем, а иначе: решающим является функционирование этих глаголов в языке и конкретно такие показатели, как тип взаимоотношения данного способа действия с видом, характер участия данных основ в обра-

---

[109] Сюда надо также прибавить отмеченную выше омонимичность суффиксов многократного способа действия и видовых суффиксов имперфективации, к которой присоединяется еще омонимичность всех этих суффиксов или части их словообразовательным суффиксам, используемым при образовании глаголов от именных основ, а в болгарском еще омонимичность видовых и словообразовательных суффиксов суффиксам так называемого простого условного наклонения. Так, ср. суффикс *-ва-* в *мил-ва-м* 'ласкать' (от прил. *мил*), в приведенном выше изолированном (см. предыдущую сноску) *би-ва-м* 'бывать', в *да-ва-м* (от сов. *дам*, *дадеш*) и в *ядвам* 'я готов есть', 'я ел бы' (простое условное наклонение от глаг. *ям*).

[110] Термин «статальный» от лат. status 'состояние' используется в грамматических работах в составе различных сочетаний (например, статальный пассив—пассив состояния, страдательный оборот со значением состояния, скажем, в немецком языке). Для рассматриваемых здесь глаголов состояния Дж. Грубором («Аспектна значења», стр. 7 и след.) был предложен близкий термин «стативные глаголы» (стативни глаголи или глаголи стања).

inslav

зовании основ других способов действия, синтаксические особенности употребления данных глаголов. Впрочем, все эти признаки играют не последнюю роль и при выделении тех способов действия, которые характеризуются определенными словообразовательными морфемами (в частности, в связи с омонимией этих морфем). О взаимодействии способов действия с видом и о различиях в синтаксическом употреблении глаголов, относящихся к разным способам действия, речь будет ниже. Пока же приведем некоторые примеры различий между способами действия при образовании производных глаголов.

Так, от интересующих нас сейчас глаголов состояния возможно образование ограниченно-длительных (детерминативных) глаголов (русск. *постоять*, *поспать*, *подремать*, *поплакать*, болг. *постоя*, *поспя* и т. д.), в ряде случаев — начинательных глаголов (*задремать*, *заплакать*, болг. *заспя* 'заснуть', *задремя*, *заплака*), а также и некоторых других, но невозможно, например, образование семельфактивных глаголов, так как состояние, естественно, не может мыслиться в форме «действия, выполненного одним движением, в один прием». Понятия состояния и такого действия абсолютно чужды друг другу, исключают друг друга (такие образования, как *вздремнуть*, *всплакнуть*, относятся уже к другому, «уменьшительному» способу действия, они и образованы иначе, чем семельфактивные глаголы). По сходным причинам и от глаголов рассмотренных выше способов действия, характеризуемых словообразовательными средствами, не могут быть произведены глаголы некоторых других способов действия, например, от семельфактивных не образуются ограниченно-длительные, от инхоативных не образуются или во всяком случае очень необычны сативные (*я набледнелся* или *насохся по горло* — по типу *насмотрелся* или *наелся*) и т. д.

Другой важный способ действия, не имеющий словообразовательной, «морфемной» характеристики, — мультипликативный [111], уже упомянутый выше и представленный такими глаголами, как русск. *колоть*, *мести* (в прямом значении), *мазать*, *клевать*, *махать*, болг. *бода*, *мета*, *мажа*, (*б*)*лижа*, *режа*, *капя*, *кълва* и др. Правда, в некоторых глаголах мультипликативного значения мы имеем суффикс *-а-* (ср. болг. *махам*, *мигам*, *тропам*), но именно наличие этого суффикса только в части мультипликативных глаголов ясно показывает, что данный способ действия не составляет какой-либо единой словообразовательной категории. Основанием для его выделения является, во-первых, общий момент в значениях всех относящихся сюда глаголов, именно то, что все они обозначают действие «множественное», складывающееся из цепи одинаковых последовательных движений, а во-вторых, общие особенности функционирования этих глаголов, общая для них всех словообразовательная соотносительность прежде всего с глаголами семельфактивного способа действия (*колоть* — *кольнуть*, *бода* — *бодна* и т. д.).

Итак, способы действия нельзя считать словообразовательными категориями, хотя многие способы действия на самом деле характеризуются теми или иными словообразовательными морфемами. Главное различие между способами действия состоит не в этих морфемах, а, во-первых,

---

[111] О значении «мультипликативности» в ряде глаголов болгарского языка говорит Л. Андрейчин («Kategorie znaczeniowe», стр. 20), хотя он и не выделяет эти глаголы в особый способ действия. Ср. еще у В. А. Богородицкого: «действия (как переходные, так и непереходные) представляют собою два класса — непрерывные (например, *несу*, *плыву*) и кратные, представляющие как бы ряд моментов (например, *качать*, *махать*)» («Общий курс русской грамматики». Изд. 5-е, М.— Л., 1935, стр. 176). Иногда мультипликативность называли «лексической итеративностью» (например, A. Dostál. Studie, стр. 479).

inslav

в значении и, во-вторых, в особенностях взаимодействия с видом, синтаксического употребления и словообразовательной соотносительности с другими способами действия. В области имени существительного аналогию способам действия представляют такие понятия, как существительные личные и неличные, одушевленные и неодушевленные, собственные и нарицательные, вещественные, абстрактные, названия парных предметов и т. д. [112] Некоторые из этих групп отчасти характеризуются использованием тех или иных словообразовательных средств, однако главное различие между ними состоит не в этих словообразовательных моментах, но в самом их значении, а также в характере взаимодействия с грамматическими категориями имени, в характере синтаксического употребления соответствующих слов.

Отметим еще один немаловажный момент: способы действия не отделены друг от друга какими-то устойчивыми и вполне четкими перегородками и не составляют звеньев единой стройной системы. Мы видели уже, что в некоторых случаях те или иные способы действия (например, ограниченно-длительный и отчасти начинательный) допускают дальнейшее подразделение на группы, которые в свою очередь можно было бы назвать способами действия. В ряде случаев один и тот же глагол, выступая в разных значениях, принадлежит двум разным способам действия. Так, чтобы не выходить пока за рамки уже названных выше способов действия, многие инхоативные глаголы могут иметь и статальные значения, выступать в качестве глаголов состояния, ср. русск. *белеть* и болг. *белея* 1) 'становиться белым' и 2) 'быть, видеться белым' (второе значение в болгарском чаще передается возвр. *белея се*, ср. также русск. статальное *белеться*); болг. *пустея* — по словарю только 'ставам пуст, пустинен' [113], но у Елина-Пелина читаем: «Беше жетва. То (селото Горно Ровинище. — *Ю. М.*) *пустееше*» — не 'становилось пустынным', а 'было пустынным', 'пустовало' (описание картины села в определенный конкретный момент). Так же и в образованиях с суффиксом *-н-*, например, в русск. *киснуть* 1) 'делаться кислым' и 2) 'быть унылым' и т. д., в болг. *мръзна* 1) 'замерзать (о воде и т. п.)' и 2) 'мерзнуть', 'испытывать холод'. Во всех подобных случаях инхоативное и статальное значения не настолько разошлись, чтобы можно было говорить о распадении глагола на два омонима. Поэтому надо признать, что здесь перед нами глаголы, относящиеся сразу к двум способам действия, как бы стоящие на границе двух способов действия и входящие одной своей стороной в один, другой стороной — в другой способ действия. Наконец в определенных случаях один способ действия может как бы накладываться на другой. Ср., например, сативные или интенсивные образования от мультипликативных глаголов — *нахлебаться* (досыта), *намахаться* (вдоволь), *размахаться* 'начав махать, потерять меру в этом, слишком увлечься', в которых сохраняется и мультипликативное значение.

Словом, если применить образное сравнение, можно сказать, что система способов действия того или иного языка напоминает не шкаф с полочками и ящиками, а скорее лист бумаги, исчерченный кругами разной величины, частично покрывающими или перекрывающими друг друга. Это и не может быть иначе, так как способы действия выделяются не на основании какого-то единого логического «принципа деления», а на основании некоторых (в общем довольно разнообразных) черт сходства между

---

[112] На аналогию между способами действия в глаголах и семантическими группами в существительных указывали В. Порциг («Zur Aktionsart indogermanischer Präsensbildungen». — IF, XLV, 1927, стр. 152 и след.) и Э. Кошмидер («Nauka...», стр. 5).

[113] Так в ТР.: *пустée* 'става пуст, пустинен'; ср. и у Герова: *пустея* 'ставам пуст', 'запустявам', 'опустявам'; АкР дает статальное значение, но с ограничением «о земле».

inslav

глаголами в их лексическом значении и в известных особенностях их употребления, их словообразовательной «активности» и т. д. В этом смысле способы действия также несколько похожи на упомянутые выше семантические разряды имен существительных, которые тоже в большинстве случаев перекрывают друг друга.

Прежде чем на основе всего сказанного приступить к попытке общего определения, что такое «способ действия», рассмотрим еще два очень важных, но до сих пор сознательно не упомянутых здесь способа действия, которые можно назвать общерезультативным и эволютивным.

Общерезультативный способ действия [114] характеризуется направленностью действия на достижение результата. Он охватывает ряд более частных результативных способов действия, представлен глаголами, образованными с различными приставками, например, русск. и болг. *из-*, русск. *вы-* (*изменить*, *изменя*, *изработя*, *выработать*), русск. и болг. *о-* (*ослепить*, *ослепнуть*, *ослепя*, *ослепея*), русск. и болг. *по-* (*помешать*, *попреча*), русск. и болг. *на-* (*написать*, *напиша*, *направя*), русск. и болг. *у-* (*укусить*, *ухапя*), русск. и болг. *с-* (*сделать*, *сложить*, *сложа*) и т. д., нередко — с приставками, сохраняющими четкие пространственные значения (ср. *извадя*, *вытянуть*, *омотая*, *обмотать* и т. д., также с приставками *в-*, *раз-*, *под-*, *над-* и всеми другими). Отметим, что именно тот или иной оттенок результативного значения характеризует и большинство отыменных глагольных основ, образованных с приставками (ср. русск. *вооружить*, *разоружить*, *повторить*, *освободить* и соответствующие болг. *въоръжа*, *разоръжа*, *освободя* и т. д.). В общерезультативный способ действия входят на правах его разновидностей упомянутые выше дистрибутивный (*попáдать*, *изпопадаме*) и комплетивный способ действия (*допиша*, *дописать*). Сюда же относятся и некоторые бесприставочные образования, суффиксальные, например болг. *боядисам* 'выкрасить', 'покрасить', *варосам* 'вымазать известкой', и бессуффиксные, как *родя* (русск. *родить*) и др. Результативное значение или результативный оттенок представлен и в некоторых других способах действия, например, сативном.

Вообще результативность настолько широко распространена в самых различных образованиях совершенного вида, что в ней нередко усматривали суть совершенного вида, его основное значение [115]. Поэтому особенно важно подчеркнуть, что, во-первых, есть перфективные основы, никак не заключающие в себе результативности даже в самом широком и расплывчатом понимании этого термина (например, *посидеть*; *попахали поле, но не вспахали его* и т. д.); во-вторых, если под результативностью понимать, как это сделано в данной работе, направленность действия на результат, а не само реальное достижение результата, то надо признать, что значение результативности в полной мере свойственно и соответствующим производным образованиям несовершенного вида. Ср. русск. *изменять*, *вырабатывать*, *ослеплять*, *складывать*, *вытягивать*, *обматывать*, *вооружать*, *повторять*, *освобождать*, *дописывать*, *рождать*, а в болгарском языке, кроме соответствующих *изменявам*, *изработвам*, *ослепявам*

---

[114] Общерезультативное значение выделял, как известно, Ф. Ф. Фортунатов в таких образованиях, как *сделать*, *написать* (в отличие от «специально-результативного» в *изругать*, *замучить*), но Фортунатов, конечно, считал и ту и другую разновидность результативного значения частным случаем значения совершенного вида. Вообще термин «результативность» очень широко (и не всегда единообразно) используется в аспектологической литературе.

[115] Ср., например, определения совершенного вида у С. Карцевского, И. П. Мучника («О значениях видов русских глаголов».—«Русский язык в школе», 1946, № 5—6, стр. 3—11) и других, а также место, уделяемое результативному значению в системе значений совершенного вида рядом других ученых.

inslav

(от *ослепя*) и пр., еще *ослепявам* (от *ослепея*), букв. 'ослепевать' (ср. упомянутое выше *онемевать*), *попречвам*, *написвам*, *направям*, *ухапвам*, *боядисвам*, *варосвам* и т. д. Разница между совершенным и несовершенным видом состоит здесь в том, что форма совершенного вида всегда предполагает у этих глаголов не только направленность на достижение результата, но и само его реальное достижение, тогда как форма несовершенного вида результативных глаголов, взятая вне контекста, ничего не говорит о реальном достижении результата, хотя в определенных контекстах может подразумевать его достижение (например, в историческом настоящем, заменяющем формы совершенного вида претеритального повествования, также обычно в случае многократности и т. д.).

Однако в этом разделе мы не можем вдаваться в вопросы употребления вида в разных формах и типах контекста. Здесь нам важно только подчеркнуть, что значение результативности, понимаемое как значение направленности действия на достижение результата, никак не может быть признано ни основным, ни даже частным значением совершенного вида, а может быть признано только значением одного из способов действия [116].

Эволютивный способ действия [117] охватывает большое число глаголов, по преимуществу бесприставочно-бессуффиксных, обозначающих действие, не направленное на достижение определенного, указываемого самой глагольной основой результата, но сопровождающееся количественными или качественными изменениями в объекте или в субъекте. Это такие глаголы, как русск. *писать*, *шить*, *расти*, *идти*, болг. *пиша*, *шия*, *раста*, *ида* (несов.) и т. д. Глаголы эти отличаются от статальных тем, что здесь во время действия «что-то происходит», имеет место какое-то движение, развитие или же поступательное перемещение субъекта в пространстве и т. д. С другой стороны эволютивные глаголы отличаются от результативных отсутствием указания в самой глагольной основе на конечную цель, результат действия, тем, что действие само по себе могло бы длиться бесконечно, не будучи ограничено какими-либо пределами. Можно сказать, что этот способ действия занимает как бы промежуточное место между статальным и результативным, причем в зависимости от контекста, в котором употреблен эволютивный глагол, он может приближаться либо к статальным, либо к результативным. В таких предложениях, как «он красиво *пишет*»; «и *пишет* боярин всю ночь напролет»; «она сидела у окна и *шила*»; «дети *растут*, а мы *стареем*»; «мы *шли* вдоль реки»; «часы еще *идут*, хотя я забыл их завести вовремя» и т. п., значение эволютивного глагола стоит ближе к значению статального способа действия. В таких же предложениях, как «он *пишет* письмо, статью» и т. д.; «это пальто *шили* в ателье №3»; «*иду* домой, в университет» и пр., значение эволютивного глагола сближается со значением результативного способа действия.

Теперь можно попытаться обобщить все сделанные здесь замечания в виде итогового определения способа действия. Очевидно, под способами

---

[116] Ср. у А. М. Пешковского: «В слове *разглядел* есть оттенок удачности, оттенок положительного результата действия (то же в *разбил*, *выстроил*, *поставил* и т. п.). Но и это не оттенок совершенного вида, а оттенок приставок *раз-*, *вы-*, *по-* и т. д.» («Наш язык». Учебная книга по грамматике для учителя, ч. II. Изд. 3-е, переработ. М.— Л., 1926, стр. 65).

[117] Термин «эволютивные глаголы» предложен Дж. Грубором («Аспектна значења», стр. 7 и др.), употребляющим этот термин еще и в другой, неинтернациональной форме «развојни глаголи». Содержание термина у Грубора, однако, отличается от того, что имеется в виду здесь: оно у него гораздо шире и практически вмещает в себя все глаголы кроме двух групп — глаголов состояния и производных от них детерминативных глаголов.

inslav

действия следует понимать некоторые общие (часто, но не обязательно выраженные словообразовательными средствами) особенности лексического значения тех или иных глаголов, относящиеся к протеканию действия этих глаголов во времени и проявляющиеся в общих особенностях их функционирования в языке, а именно по линии словообразовательной активности, вида и синтаксического употребления.

Как для теории вида, так и при конкретном изучении вопросов вида в том или ином славянском языке способы действия важны не сами по себе, а именно своим взаимодействием с категорией вида. Поэтому при любом аспектологическом исследовании важно не только четко разграничивать вид и способ действия, как об этом была речь выше, но и правильно понимать характер связи и взаимодействия между одним и другим явлением в системе языка. К этому вопросу мы и переходим.

Первый ученый, выделивший понятие способов действия, С. Агрелль, еще, собственно, не ставил перед собой вопроса о связи между способом действия и категорией вида. Более всего интересовали Агрелля те тонкие нюансы значений (в частности, как мы бы сказали, оттенки результативного значения, в ряде случаев оттенки начинательного значения и т. д.), которыми одна глагольная приставка отличается от другой в образованиях типа польск. *ukończyć*, *skończyć*, *dokończyć*, *wykończyć* или *zmilknąć*, *umilknąć*, *zamilknąć* и т. д. (ср. русск. *смолкнуть*, *умолкнуть*, *замолкнуть*). Эти нюансы Агрелль выделяет и исследует в пределах одного только совершенного вида и почти вовсе не касается вопроса о том, какие способы действия имеются в несовершенном виде. Правда, он отмечает, что тот способ действия, который он называет «результативным» (*skończyć*, *stracić*), представляет собою, так сказать, чистое значение совершенного вида и потому не может выступать в несовершенном виде [118]. Отсюда, очевидно, вытекает, что какие-то другие способы действия, хотя Агрелль изучает их все в рамках совершенного вида, способны выступать и в несовершенном. Но все ли другие способы действия или только некоторые, и какие именно? Об этом Агрелль умалчивает. И так как он, рассматривая любой из своих 22 способов действия, привлекает почти исключительно материал совершенного вида, то практически у него способы действия превращаются в разновидности совершенного вида, в его «подвиды».

Но «подвиды» в рамках одного и другого вида выделялись задолго до Агрелля, задолго до возникновения специфического понятия «способ действия». Так, еще А. Х. Востоков подразделял совершенный вид на «начинательный» (*стану хвалить*, *пойду*, *запою*) и «окончательный» с дальнейшим подразделением на «длительный» («показывающий действие, оконченное в несколько приемов или в некоторое продолжение времени», — *похвалить*, *дойти*, *пропеть*) и «однократный» («показывающий действие, оконченное одним движением», — *кинуть*) [119]. Подобные рубрики внутри одного и другого вида выделялись неоднократно и позже. Ср., например, классификацию значений основ совершенного вида у Г. К. Ульянова [120] и Ф. Ф. Фортунатова [121], подвиды совершенного и несовершенного вида у А. А. Шахматова [122], и — в более позднее время —

---

[118] S. Agrell. Przedrostki postaciowe.... стр. 5, 8, 9 и особенно 103.

[119] См. А. Х. Востоков. Русская грамматика, стр. 66. Там же (стр. 65) дается подразделение несовершенного («неокончательного») вида на «определенный» и «неопределенный».

[120] См. Г. К. Ульянов. Значения глагольных основ..., II, § 22, 23.

[121] См. «Отчет о деятельности ОРЯС за 1910 г.», стр. 16—18.

[122] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941, стр. 474—476.

inslav

«les modalités perfectives» у С. Карцевского [123], «видовые оттенки, входящие в состав двух основных видов», у Л. А. Булаховского [124] и т. д. Конечно, объективную основу всех таких классификаций составляли именно способы действия. Но рассматривались эти способы действия в качестве частных подразделений или вариантов значения одного и другого вида. И вот такую же по существу трактовку получили они и у Агрелля. Начав с теоретического разграничения понятий вида и способа действия, Агрелль в практическом исследовании свел способы действия к таким же (только более дробным) подвидам, какие выделялись и до него и после него. Тем самым на практике он свел на нет теоретическую новизну своей постановки вопроса. Именно в этом главный принципиальный недостаток работ Агрелля и одна из важных причин их в общем малого успеха, несмотря на ту большую роль, которую сыграла в дальнейшем самая идея предложенного им разграничения понятий [125].

Между тем уже А. А. Потебня, полемизируя с Востоковым, правильно подчеркивал, что некоторые значения, которые Востоков считал вариантами значения совершенного вида, на деле оказываются представленными и в несовершенном. Потебня писал: «Значения начинательности и окончательности выходят за пределы совершенности: *заговорю* (начну говорить) есть глагол совершенный, *заговариваю* (с кем, начинаю говорить) — глагол несовершенный, но начинательность в них одинакова; *заговорю зубы* (заговором утолю зубную боль) есть глагол совершенный, *заговариваю* — глагол несовершенный, оба с равным значением окончательности. Согласно с этим мы должны были различать начинательность и окончательность как в глаголах совершенных, так и несовершенных» [126]. Эти мысли Потебни в течение долгого времени оставались недоступными для других ученых, так как IV том «Из записок по русской грамматике» был опубликован только в 1941 г. Взгляд на «начинательность» и на так называемую «окончательность» (или, как мы бы теперь сказали, результативность), да и на ряд других наиболее четко «обозначенных» способов действия как на подвиды был сохранен и даже упрочился. Это мешало выявлению подлинных взаимоотношений между видом и способом действия.

Очевидно, задача состояла в том, чтобы дифференцированно подойти к разным способам действия, выявить их р а з н о е отношение к категории вида. Первую попытку в данном направлении предпринял А. И. Стендер-Петерсен в небольшой статье «О функциях глагольных приставок в русском языке» [127], написанной им по поводу работ Агрелля. В этой статье Стендер-Петерсен отмечает, что в кругу приставочных образований, или, как он выражается, «сложных глаголов» существуют такие способы действия, которые «в силу своего семасиологического характера»

---

[123] См. S. K a r c e v s k i. Études...— «Slavia», t. I, 1923, стр. 501—504.

[124] См. Л. А. Б у л а х о в с к и й. Курс русского литературного языка, I, стр. 180—183.

[125] Вторым существенным недостатком работ Агрелля и, вероятно, важнейшей непосредственной причиной его неуспеха было то, что Агрелль не сумел доказать ни объективного языкового существования выделенных им способов действия, ни того, что устанавливаемые им семантические оттенки действительно играют какую-то роль в языке, что они чем-то важны для грамматики. Ср. резкую критику этого недостатка работ Агрелля со стороны В. Дорошевского («O znaczeniu dokonanym osnów czasownikowych (słownych) w języku polskim».— PF, t. X, 1926, стр. 201 — 208). Надо, однако, сказать, что этот второй недостаток работ Агрелля закономерно вытекал из первого, из того, что Агрелль не ставил вопроса о взаимоотношениях между выделенными им способами действия и категорией вида (как и вопросов о словообразовательной активности и синтаксическом употреблении отдельных способов действия).

[126] А. А. П о т е б н я. Указ. соч., т. IV, стр. 15—16.

[127] А. И. С т е н д е р - П е т е р с е н. О функциях глагольных приставок в русском языке. I. К вопросу о методе.— «Slavia», t. XII, 1933/34, стр. 321—334.

inslav

допускают образование одного только совершенного вида (это иллюстрируется ссылкой на русск. *закричать*, рядом с которым нет производной основы несовершенного вида), тогда как в других случаях «именно параллелизм двух сложных глаголов, одного совершенного вида, другого несовершенного вида, доказывает присутствие в обоих глаголах одного и того же оттенка или уклона (функции) (так Стендер-Петерсен называет способы действия. — *Ю. М.*) по сравнению с простым (т. е. бесприставочным. — *Ю. М.*) глаголом» [128].

В дальнейшем отдельные указания на отношение к виду тех или иных способов действия мы находим у Л. Андрейчина, Р. Х. Ружича. Так, Андрейчин, описав значения болгарских суффиксальных образований совершенного вида с суффиксом *-н-*, указывает, что «прибавлением к глаголам на *-н-* суффикса имперфективации... образуются глаголы несовершенного вида, выражающие... тот же самый способ действия (однократный или инхоативный) (в нашей терминологии соответственно семельфактивный или ингрессивный. — *Ю. М.*): *бод(ну)вам*, *греб(ну)вам*..; *лягам*, *млък(ну)вам*» [129]. Ружич подчеркивает, что производные образования несовершенного вида типа серб. *испи́јати* (= русск. *выпивать*) относятся к тому же способу действия, именно результативному, к которому принадлежат их производящие основы [130].

Попытку более систематического рассмотрения вопроса о взаимоотношениях между различными способами действия и видом дает Кр. Неттеберг. Она делит способы действия польского языка на две группы [131].

1) Способы действия, «безразличные к виду», представленные в обоих видах: ингрессивный, например, *zakrzewić* 'начать выращивать', 'положить начало' и т. д. — несов. *zakrzewiać* (ср. *krzewić* 'растить', 'культивировать'); дистрибутивный, например, *pokropić* 'покропить', 'побрызгать' — несов. *pokrapiać* (ср. *kropić*); результативный, например, *skrócić* — *skracać* 'сократить — сокращать' (ср. другие приставочные образования от *krócić*); «дефинитивный» (в нашем понимании — одна из разновидностей результативного), например, *zamęczyć* 'замучить' — несов. *zamęczać* (ср. *męczyć* 'мучить', 'пытать') и другие, которых Неттеберг не называет.

2) Способы действия, небезразличные к виду, представленные в одном каком-нибудь виде. Сюда относятся многократный (итеративный) способ действия (*bywać*, *chadzać*, *naszać*) [132] и «неопределенный» способ действия в глаголах движения (*chodzić*, *nosić*) [133], представленные только в несовершенном виде, и, с другой стороны, «мгновенно-семельфактивный», охватывающий образования на *-nąć* (и многие на *-ić*) и представленный только

---

[128] А. И. Стендер-Петерсен. Указ. соч., стр. 331. Отметим крайнюю неудачность термина «функции», или «уклоны», предложенного Стендер-Петерсеном для обозначения способов действия. По поводу примера *закричать* и в связи с приведенным выше противоположным примером Потебни *заговорить—заговаривать* надо сказать, что в русском языке начинательные глаголы с приставкой *за-* действительно не обнаруживают единства в отношении образования несовершенного вида. Очевидно, по признаку способности или неспособности образовать форму несовершенного вида здесь следовало бы выделить два разных способа действия, но это — задача русистов.

[129] L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 20.

[130] «Совер. *ѝспити* — результативного способа действия; *ѝспити* есть конечный результат действия *пити*. *Испи́јати* также результативного способа действия, но уже несовершенного вида» (R. H. Ružić. «The Aspects», стр. 19). Надо сказать, что, несмотря на это отдельное правильное замечание, в целом Ружич скорее склонен рассматривать способы действия как разновидности глагольных значений в пределах одного и другого вида, т. е. собственно как «подвиды» (ср. его список способов действия, указ. соч., стр. 13—14).

[131] См. Kr. Netteberg. Указ. соч., стр. 72—74.

[132] Там же, стр. 60.

[133] Там же.

inslav

в совершенном виде. Некоторую неуверенность проявляет Кр. Неттеберг в отношении «претеритивного» (т. е., в нашей терминологии, ограниченно-длительного) способа действия (*poczytać* и т. п.): она говорит, что этот способ действия кажется ей связанным только с совершенным видом («semble se rattacher à l'aspect perfectif»), поскольку при употреблении соответствующей производной основы несовершенного вида происходит «существенное изменение смысла предложения».

Как сказано выше, Кр. Неттеберг выступает против объединения форм противоположных видов в качестве членов одной лексемы. Тем более знаменательно, что целую большую группу способов действия она признает представленными в принципе в обоих видах, очевидно, без «существенного изменения смысла» при переходе от одного вида к другому (иначе было бы непонятно ее мнение о месте «претеритивного» способа действия в данной классификации). В целом эта классификация интересна и могла бы быть развита дальше как в применении к самому польскому языку, так и в применении к другим славянским языкам. В частности, для всех славянских языков, включая и польский, в числе способов действия, представленных в одном несовершенном виде, важно было бы назвать такие способы действия, как статальный (польск. *stać* — русск. *стоять*, *leżeć* и т. д.), мультипликативный (поскольку сама Кр. Неттеберг правильно включает соотносительный с ним семельфактивный способ действия в группу представленных в одном совершенном виде), эволютивный, охватывающий многочисленные бесприставочные глаголы (хотя бы *krzewić*, *męczyć* и другие, с которыми Кр. Неттеберг сопоставляет производные от них приставочные, представленные в обоих видах). В отношении способов действия, «безразличных к виду», как и представленных в одном совершенном виде, между отдельными славянскими языками обнаружились бы значительные расхождения. Так, в русском языке группа «безразличных к виду» оказалась бы у́же, а в болгарском — шире, чем в польском, причем и в том и в другом случае — за счет группы представленных в одном совершенном виде.

Не вдаваясь в детали, подчеркнем одно положение: вопрос о способах действия, представленных в обоих видах или только в одном, есть, по существу, вопрос о границах видовой дефективности. Грубо говоря, способы действия, представленные в одном виде, выражены дефективными глаголами, глаголами perfectiva и imperfectiva tantum, способы действия, «безразличные к виду», представлены «нормальными» глаголами, образующими формы того и другого вида. Оговорку «грубо говоря» мы делаем потому, что в известных случаях видовая дефективность глаголов может объясняться и посторонними причинами, не связанными с характером их значения, со способом действия этих глаголов.

Рассмотрим, как решалась в грамматической литературе проблема видовой дефективности, проблема глаголов, дефективных в отношении вида.

Разной была терминология, связанная с этой проблемой. Одни исследователи, в соответствии со своей общей концепцией вида, говорили о «неполных» (Н. И. Греч), «недостаточных глаголах» (А. Х. Востоков), т. е. именно о видовой дефективности, другие — о «непарных» или «несоотносительных» глаголах одного вида (большинство ученых). По-разному очерчивался круг этих недостаточных глаголов. Это зависело уже не только от концепции, но и от эмпирических наблюдений над материалом. По-разному освещался, наконец, вопрос и о причинах видовой дефективности.

Отметим, что уже Н. И. Греч писал, что «начертание» глаголов, т. е. их свойство «принимать более или менее видов» (подразумеваются

inslav

в соответствии с общей концепцией Греча и такие «виды», как «многократный» и т. д.), «зависит как от наружного устроения так и от смысла» этих глаголов [134]. Но он не уточнял, что же именно — «наружное устроение» или «смысл» — мешает образованию форм совершенного вида от таких перечисленных им «неполных» глаголов, как *обожать*, *ненавидеть*, *обладать* и некоторых др.[135] Более обширные списки недостаточных глаголов русского языка привел, как упомянуто выше, А. Х. Востоков. Он указал на определенные семантические группы глаголов, мы бы сказали теперь — способы действия, не образующие форм совершенного вида, например, в позднейшей терминологии, на длительно-комитативные (сопроводительные) глаголы (*подплясывать*, *приговаривать*), на длительно-дистрибутивные (*разгуливать*) и др.[136], а также отметил, что невозможность образования форм несовершенного вида у таких глаголов, как *бацнуть*, *грохнуться*, связана с тем, что глаголы эти «обозначают действие, которое не может длиться» [137].

В последующий период семантические причины видовой дефективности оставались обычно в тени и большее внимание обращалось на то, что Греч называл «наружным устроением» соответствующих глаголов. Так, показательно, что А. А. Шахматов включает в свой список «глаголов, при которых неизвестны соответствующие образования несовершенного вида», наряду с уже выделенными ранее типами, и такие глаголы, как *купить*, *сесть*, *лечь*, *вернуть*, *положить* и др.[138], причем основанием для этого служит исключительно морфологическая нерегулярность форм *покупать*, *садиться*, *возвращать*, *класть* и т. д., а не какие-либо соображения, связанные с анализом их значения. Зато, например, *любить* не попадает у Шахматова в список «несоотносительных глаголов», поскольку рядом с ним стоит *полюбить*, при котором к тому же нет формы типа *полюбливать*. Глубокое семантическое различие между *любить* и *полюбить*, ингрессивность в глаголе *полюбить*, игнорируется. Что касается причин видовой дефективности, то для большой группы глаголов imperfectiva tantum Шахматов склонен усматривать их в церковнославянском происхождении соответствующих глаголов (*обожать*, *полагать*, *обуревать*, *ожидать*, *опасаться*, *осязать*, *угрожать*, *подобать*, *подражать*, *созерцать*, *изобиловать*, *повиноваться*, *приличествовать* и др.) [139].

Позже видовой дефективностью занимался И. А. Калинин, указавший, в частности, на техническую невозможность, вследствие недопустимости повторения суффикса имперфективации, образования форм несовершенного вида от глаголов с двумя приставками вроде *повыталкивать* [140]. В других случаях, например, для обозначения видовой дефективности таких глаголов, как *прохлаждаться*, Калинин ссылается на их диалектное происхождение [141]. Сходным образом и акад. Виноградов объясняет видовую дефективность глаголов *прочухаться*, *очухаться* [142].

---

[134] Н. Греч. Практическая русская грамматика, стр. 129.

[135] См. там же, стр. 186.

[136] См. А. Х. Востоков. Русская грамматика, стр. 124. Термины даю так, как они даны у В. В. Виноградова («Русский язык», стр. 511).

[137] А. Х. Востоков. Указ. соч., стр. 121.

[138] См. А. А. Шахматов. Очерк..., стр. 187.

[139] См. там же, стр. 186, 188. См. также В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 538.

[140] См. И. А. Калинин. Категория вида в русских глаголах.—«Труды Горьковского пед. ин-та им. А. М. Горького», т. VIII, 1940, стр. 206.

[141] См. И. А. Калинин. Указ. соч., стр. 210.

[142] См. В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 537: «Многие глаголы вошли в литературный язык из народных говоров в форме совершенного вида и не приспособили к себе вариантов вида несовершенного».

inslav

О семантических причинах рассматриваемого явления говорили мало или глухо, либо применительно только к некоторым группам недостаточных глаголов. Показательно в этом отношении следующее осторожное высказывание Э. Кошмидера о таких глаголах, как *stać* (= стоять), *leżeć znać*, *kochać*, *mieć*, *musieć*, *móc*, *śmieć*, *umieć*, *nosić*, *wozić*, *pisywać*, *mawiać* и т. д.: «По какой причине эти глаголы не имеют двойников совершенного вида, этого пока никто не исследовал. Напрашивается мысль, что их значение содержит известные компоненты, не поддающиеся перфективации. В пользу этого говорил бы тот факт, что в определенных языках те же самые, либо подобные семантические группы не имеют категорий, соответствующих совершенному виду польского языка. Мне представляется, однако, возможным также влияние исторического развития категорий совершенности и несовершенности в самом польском языке. В общем вопрос пока остается открытым» [143]. Значительно более определенно, но зато лишь об одной, правда, обширной группе недостаточных глаголов высказывается акад. В. В. Виноградов: «Многие глаголы непосредственно образуются от именных и глагольных основ в форме совершенного вида для выражения такого действия, которое не мыслится без признака ограничения во времени. Например: *соснуть*, *прослезиться*, *осточертеть*, *натерпеться*, *размечтаться*, *полюбиться*, *понадобиться* и др. подобные» [144].

Не отрицая того, что в определенных случаях видовая дефективность может объясняться различными несемантическими причинами, о чем уже упоминалось и еще будет речь ниже, мы полагаем все же, что основной базой этого явления надо считать влияние лексики, лексического значения глаголов на грамматическую категорию вида и прежде всего влияние той стороны лексического значения, которая обобщена в понятии различных способов действия [145].

Аналогичная мысль была высказана в 1942 г. И. Польдауфом [146]. Позже — в 1949 и 1954 гг. — проф. Польдауф дал более развернутое изложение своих взглядов по этому вопросу [147]. Сопоставляя две больших группы чешских глаголов — «парных» глаголов вроде (пример Польдауфа) *dělati* : *udělati* и глаголов imperfectiva tantum [148], Польдауф считает, что в различии этих двух групп проявляется особая категория, которую он назвал «линеарностью» (lineárnost). Категория линеарности не имеет собственных формальных средств для своего выражения, и о

---

[143] E. Koschmieder. Nauka..., стр. 10.

[144] В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 537.

[145] Именно эту мысль я старался доказать в 1948 г. на материале русского языка, хотя в то время я еще не пользовался термином «способ действия» и говорил не о «видовых формах», а о «глаголах того и другого вида» и, соответственно, не о видовой «дефективности», а о видовой «непарности», а кроме того не различал, как теперь, абсолютных и относительных imperfectiva tantum (см. мою статью «Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке».—«Известия АН СССР. Отд-ние лит-ры и языка», т. VII, вып. 4, 1948).

[146] См. I. Poldauf. Mechanismus slovesných vidů v nové češtině.—«Český časopis filologický», R. I, 1942, č. 1, стр. 9.

[147] I. Poldauf. Atemporálnost jako gramatická kategorie českého slovesa?— SaS, t. XI, 1949, стр. 121 и след. и более всего сноски 4 и 5, а особенно его же «Podíl mluvnice a nauky o slovníku na problematice slovesného vidu», стр. 200 и след.

[148] О некоторых типах глаголов perfectiva tantum Польдауф также говорит в своей второй статье, но, по-видимому, не придает этой группе принципиального значения. К тому же,— особенно при той трактовке «пар», которая принята в чешском языкознании (см. выше о теории «чисто видовых» приставок),— она оказывается и количественно значительно меньшей, чем группа imperfectiva tantum и группа недефективных («парных») глаголов.

inslav

существовании ее в языке свидетельствует только ее столкновение с категорией вида. «Линеарное», «линеарно протекающее» действие поддается «конденсации, сгущению, ограничению» (А *pomáhal* В — *pomohl*, А *odchází* — *odešel* и т. д.), т. е. может выступать и в совершенном виде. «Нелинеарные» действия, к которым относятся действия не направленные, не нацеленные на определенный результат (А *pracuje*, А *se vznáší*), а также выражения состояний (А *spí*) и отношений (А *zná* В), не поддаются «конденсации» и потому не могут выступать в совершенном виде. Категория линеарности отражает «лиминальную абстракцию», т. е. абстракцию, лежащую на грани (лат. limen) между лексической и грамматической абстракцией. Аналогию к указанной категории в области другой части речи — имени существительного — представляет, по мысли Польдауфа, категория считаемости/несчитаемости, которая также опирается на «лиминальную абстракцию» и также не имеет своих собственных формальных показателей, но ярко проявляется в невозможности образования некоторых грамматических форм, именно форм множественного числа у несчитаемых существительных, а в других языках также в особенностях употребления неопределенного артикля.

Если отвлечься от некоторых частностей в концепции Польдауфа (именно, от не совсем удачного термина «линеарность», от неразличения абсолютных и относительных imperfectiva tantum и некоторых не совсем убедительных примеров, связанных с этим неразличением, а также от попыток графического обозначения разных вариантов «линеарного» действия) [149], то в целом ее можно принять как очень плодотворную попытку обобщения основных типов отношений, существующих между способами действия и категорией вида, поскольку эти отношения влияют на самый состав парадигмы. Если Кр. Неттеберг дает, как мы видели выше, список (далеко не полный) способов действия, представленных, в частности, в одном несовершенном виде, то И. Польдауф, не давая списка, стремится выявить общий момент в семантике всех этих способов действия и находит такой момент в «нелинеарности». Но что же такое «линеарность» и «нелинеарность»? Чем заменить эти неудачные термины? Как раскрыть содержание этих понятий?

Вместо «линеарности» и «нелинеарности» следует говорить о предельности и непредельности глагольного действия в том смысле, в каком эти термины используются применительно к глаголу ряда неславянских, в частности, германских и романских языков, так как «линеарность» / «нелинеарность» Польдауфа и есть не что иное, как предельность и непредельность, т. е. направленность или ненаправленность действия на внутренний, самим характером этого действия подразумеваемый предел: «линеарные» глаголы Польдауфа обозначают такие действия, которые по своей природе предполагают, хотя бы в отдаленной перспективе, достижение известного предела, кладущего конец действию; «нелинеарные» обозначают действия, не предполагающие по своей природе никакого внутреннего предела, действия, которые могут длиться беспредельно и не содержат в самих себе никаких предпосылок своего прекращения.

Можно сказать, что предельность и непредельность есть высшая абстракция в области способов действия, наиболее

[149] Из графических обозначений, предложенных Польдауфом, удачным представляется нам только одно, именно — обозначение нелинеарного действия,— неограниченная в начале и в конце прямая линия. Отметим, кстати, что этот способ обозначения настолько резко противоречит термину «нелинеарный», что остается удивляться, почему Польдауф не заменил термина.

inslav

общая «скобка» в их грамматической группировке (т. е. в группировке по признаку взаимодействия с грамматической категорией вида). В этом смысле категория предельности/непредельности стоит действительно как бы «на грани» лексики и грамматики, образует собою как бы «переходное звено» между остальными, «низшими» способами действия и грамматической категорией вида. Противополагаясь друг другу, предельность и непредельность делят между собой всю глагольную лексику. Этот «классификационный» характер предельности/непредельности ярко отличает данную категорию от категории вида. С другой стороны, четкая противопоставленность предельности и непредельности друг другу, их «полярность» и «бинарность» ярко отличают их от «низших» способов действия, представляющих собою незамкнутый ряд разнообразных сопоставлений (и часто даже вообще ряд несоотносительных смысловых оттенков, поддающихся перечислению, но не противопоставлению). Эта «полярность» как раз и оправдывает признание предельности/непредельности категорией, хотя бы и «лиминального», лексико-грамматического типа.

Впрочем, несмотря на полярную противопоставленность самих понятий предельности и непредельности, о конкретной границе между ними можно спорить. Совпадает ли она с границей абсолютных или с границей относительных imperfectiva tantum? Или, если пояснить это на примерах: ясно, что *лежать*, *работать*, *знать* — непредельные глаголы, что *выйти/выходить*, *помочь/помогать* — предельные; но к какой группе принадлежат *писать*, *шить*, *расти* и все другие эволютивные глаголы, все относительные imperfectiva tantum, рядом с которыми стоят их близкие синонимы результативного способа действия вроде *написать*, *сшить*, *вырасти*, тождественные им в одних контекстах, но не тождественные в других? Для Польдауфа, не делающего различия между «парами» типа *помочь/помогать* и «парами» типа *писать/написать*, вопрос этот решается просто, так как *писать* есть для него «парный» глагол, следовательно, глагол с «линеарным» значением (ср. его первый пример линеарного глагола: *dělat/udělat*). Но более правильным кажется нам другое, менее простое решение, опирающееся на учет значения «эволютивного» глагола в каждом данном контексте. Нам представляется, что в случаях типа *я пишу письмо* и т. д. глагол *писать* является предельным, в случаях же типа *он хорошо пишет по-французски* — непредельным. Нужно говорить, следовательно, не только о предельных и непредельных глаголах, но, в известной группе случаев, о предельных и непредельных глагольных значениях, так же как толковые словари, рассматривая значения глагола *писать*, выделяют среди них соотносительные с совершенным *написать* и несоотносительные, только несовершенные [150].

Таковы те замечания и поправки, которые хотелось бы сделать к теории Польдауфа. Но прежде чем перейти к другим вопросам, отметим, что взгляды, до некоторой степени близкие к концепции Польдауфа, были выдвинуты еще одним аспектологом, а именно Джуро Грубором, и получили признание среди лингвистов Югославии.

Дж. Грубор, правда, не оперирует понятием дефективных (или «непарных», «несоотносительных» и т. п.) глаголов. Но те две группы, на которые он делит все глаголы сербохорватского языка, в известной мере соответствуют «линеарным» и «нелинеарным» глаголам Польдауфа и выделяются, в сущности, на основании того же признака, только иначе

---

[150] Ср., например, статью *писать* в «Толковом словаре» под ред. Д. Н. Ушакова. Также предельными или непредельными могут быть в зависимости от контекста и многие другие глаголы, например, *рубил топором* — мультипликативный, непредельный (ср. *рубанул*, *рубнул* — семельфактивный), и *рубил дерево* — эволютивный, предельный (ср. лексически синонимичное ему, но результативное *срубил/срубал*).

inslav

осмысляемого. Эти группы — «развојни глаголи» (т. е. «глаголы развития») и «глаголи стана» (т. е. «глаголы состояния»), сокращенно «Р-глаголи» и «С-глаголи» [151]. И та и другая группа представлены и в несовершенном, и в совершенном виде. Взятая в рамках несовершенного вида, вторая группа Грубора несколько у́же, чем группа «нелинеарных глаголов» Польдауфа, и охватывает только глаголы бытия (*јест*, *живи* и т. д.), положения тела (*лежи*, *стоји* и др.), такие, как *спава*, *бди*, *дриј ема*, *мучи*, *може*, *жели* и т. п., а также *зимује*, *данује* и др. со значением 'проводить время', и, наконец, глаголы типа *бијели се* 'белеться' = быть или казаться белым [152], одним словом — глаголы состояния в прямом и точном смысле этого слова. Глаголы же, обозначающие, например, 'работать', 'знать' и т. п. (см. приведенные выше примеры Польдауфа), Грубор нигде не упоминает в числе «С-глаголов»; по-видимому, они, как все остальные первичные основы несовершенного вида (кроме названных типов), относятся им в группу «Р-глаголов». В плане значения «Р-глаголы» характеризуются как обозначающие «действие или становление» [153], а «С-глаголы» — как обозначающие состояние, во время которого «ничто не наступает, ничто не изменяется и не изменяет места» [154]. Из этого различия между той и другой группой вытекает различие в отношении образования производных основ совершенного вида. «Р-глаголы» образуют производные перфективные основы самых различных типов, причем эти производные основы всегда также являются «Р-глаголами» и обозначают «полную завершенность всего действия или становления... или его определенной, отграниченной части» [155]. Наоборот, по отношению к «С-глаголам» речь в совершенном виде может идти, в силу их семантики, лишь о «временској извршености», т. е. о завершенности только в смысле истекшего времени [156]. Поэтому совершенный вид, образованный от «С-глаголов», обозначает только то, «что кто-либо провел (что-либо провело) в данном состоянии определенное количество времени», например, *прележао цијелу ноћ*, *посједио по сата* (= русск. *пролежал целую ночь*, *посидел полчаса*) [157]. Другие возможные образования совершенного вида от «С-глаголов», например, образования начинательного значения (*леже*, *заспа* = русск. *лег*, *заснул*), сативного значения (*належа се* = русск. *належался*) и некоторые другие, являются уже «Р-глаголами», т. е. переходят в первую группу [158].

Грубор нигде не говорит о видовой дефективности, и это связано с тем, что он чрезмерно широко понимает «парность», группируя в «пары» и такие образования противоположных видов, которые весьма далеки по своим лексическим значениям (например, *расплеће* 'расплетает' и дистрибутивный *порасплета* = русск. *расплетать* и *порасплетал*; *расплеће* и сативный *нарасплета се*, букв. 'нарасплетался' и т. п.) [159]. Ясно, что для него и

---

[151] Или еще, в параллельной латинской терминологии Грубора, соответственно «эволютивные» и «стативные» глаголы. Так как в нашей работе термин «эволютивные» закреплен за значительно более узкой группой глаголов, а «стативные» глаголы Грубора называются «статальными», мы во избежание недоразумений, излагая взгляды этого ученого, будем пользоваться не латинскими, а сокращенными сербохорватскими обозначениями.

[152] См. Дж. Грубор. Аспектна значења, стр. 97—100.

[153] Там же, стр. 7.

[154] Там же, стр. 96.

[155] Там же, стр. 8.

[156] См. там же, стр. 96. Ср. в моей статье, указанной в сноске 145, замечание о возможности «перфективации» глаголов imperfectiva tantum «при условии внешнего ограничения... длительности известной «порцией времени», ограничения, никак не вытекающего из внутренней природы самого данного процесса» (указ. соч., стр. 310).

[157] См. Дж. Грубор. Аспектна значења, стр. 105.

[158] Там же, стр. 9 и 99—100.

[159] Там же, стр. 11—12.

inslav

лежи — прележао, сједи — посједио и т. д. тоже составляют «пару». Но Грубор обратил внимание на особый характер основ совершенного вида, производных от глаголов состояния, на особое синтаксическое употребление таких основ (возможность и даже типичность их сочетания с обстоятельствами продолжительности типа *дуго, два сата, цијелу ноћ*)[160] и поэтому самостоятельно пришел к осознанию важного различия между двумя главными группами глаголов — предельных и непредельных, хотя и не совсем правильно провел границу между этими двумя группами, оказавшись в данном вопросе дальше от истины, чем И. Польдауф.

Во всяком случае совпадение основной сущности вполне оригинальных концепций Польдауфа и Грубора свидетельствует о том, что осознание глубокого различия двух главных групп глаголов на нынешнем этапе развития аспектологии несомненно назрело. Однако базой этого различия должна быть не возможность образования ограниченно-длительных основ, широко представленная и у эволютивных глаголов, способных быть предельными[161], а возможность или невозможность для данного лексического значения выступать в совершенном виде.

Приняв это положение, мы можем сказать, что категория предельности/непредельности проявляется в составе парадигмы. Глаголы всегда предельные имеют формы обоих видов или (в известных случаях, о которых ниже) одного совершенного вида. Глаголы, всегда непредельные, и глаголы, способные быть в разных контекстах предельными и непредельными, имеют формы одного несовершенного вида; при этом глаголы всегда непредельные составляют группу абсолютных imerfectiva tantum, а глаголы, способные быть и предельными и непредельными, группу относительных imperfectiva tantum.

К предельным глаголам примыкают и глаголы ограниченно-длительного способа действия. Но предел в них носит несколько иной характер, чем в обычных предельных глаголах: он обусловлен не внутренним содержанием действия, не внутренней логикой его развития, а большей или меньшей, но всегда ограниченной «порцией времени», отведенной на протекание этого действия. С известной точки зрения такой чисто временно́й предел («временска извршеност» Грубора) тоже должен быть назван «внутренним», но только в том смысле, что на его наличие указывает сама форма глагола, его основа (и именно приставка), а не какой-либо «внешний», т. е. «контекстный» ограничитель—другое слово̂ (ведь обстоятельство продолжительности действия лишь уточняет «порцию времени», указание на которую дано уже приставкой). Важно еще подчеркнуть, что действия, выраженные ограниченно-длительными глаголами, либо вообще не имеют никакого другого, «более внутреннего» предела (например, в *поспать, простоять два часа* и т. д.), либо заведомо не достигают этого «более внутреннего», т. е. из самой природы данного действия вытекающего предела (например, в выражении *почитал газету* в отличие от *прочитал ее*).

Но продолжим рассмотрение видовой дефективности. Если глаголы imperfectiva tantum и прежде всего — абсолютные imperfectiva tantum

---

[160] Об этом Грубор пишет во многих местах своего труда, в частности на стр. 9, 10—11, 123—124 и т. д. Сама по себе возможность подобных сочетаний известна давно, но обычно ей не придавали большого значения.

[161] Ср., например, ограниченно-длительные глаголы *пописал* (полчаса), *пропахал* (весь день до вечера) и т. д., образованные от эволютивных. Грубор и сам вынужден признать, что подобные, как он не вполне точно называет, «деминутивные» образования (*поораше мало па одоше*) вполне аналогичны по своему характеру его «перфективным глаголам состояния», но рассматривает эти «деминутивные» образования, исходя из характера их производящих, среди «Р-глаголов» (см. стр. 32—34), что, конечно, с точки зрения его же принципов, непоследовательно.

inslav

охватывают во всех славянских языках один и тот же круг глагольных значений и даже по большей части представлены этимологически тождественными основами, то иначе обстоит дело в отношении perfectiva tantum. Их состав значительно различается от языка к языку.

Ряд способов действия русского глагола не может или лишь с затруднением и в каких-то специальных условиях может быть представлен в несовершенном виде [162]. Однако в ряде случаев и в русском языке дефективность глаголов perfectiva tantum объясняется иначе. Так, некоторые результативные глаголы (типа *написать*) оказываются только совершенными по причине своей лексической синонимичности по отношению к большей части значений своих производящих (в данном случае *писать*), хотя само по себе результативное действие, выраженное глаголом *написать*, могло бы быть «процессуализовано», как это имеет место в болгарском языке, где рядом с *напиша* стоит *написвам*, или в других, близких по типу глаголах в самом русском языке (ср., например, *нацарапать*, рядом с которым не невозможно *нацарапывать*). Кроме того, во многих случаях действуют уже совсем другие причины, вовсе не связанные с семантикой, например, невозможность постановки второго суффикса имперфективации, на что, как отмечено выше, указывал И. А. Калинин.

Если мы от русского языка перейдем к болгарскому, то обнаружим, что здесь почти вовсе нет случаев, когда невозможность образования формы несовершенного вида объяснялась бы семантическими причинами.

Правда, в литературе мы встречаем указания на то, что *почина* в значении 'умереть', 'скончаться' и *помина се* в том же значении не образуют форм несовершенного вида [163]; по всей вероятности, это же относится и к фразеологическим сочетаниям *хвърля топа* (приблизительно = русск. *дать дуба* или *сыграть в ящик*) [164], *светя маслото* 'убить', 'укокошить' и к другим подобным выражениям. Но здесь причины, хотя и семантического порядка, лежат не столько в способе действия (другие глаголы с лексическим значением 'умереть' или 'убить' свободно образуют несовершенный вид), сколько в эмоциональной окраске этих выражений, в их экспрессивности. Действие умирания или убивания может быть «процессуализовано», развернуто во времени, только при его «нейтральной», так сказать, «деловой» передаче в языке; любая же стилистически окрашенная

---

[162] См. названную в сноске 145 мою статью (оговариваюсь: некоторые из приведенных там примеров я трактовал слишком прямолинейно, не учитывая влияния других факторов); ср. С. С. Григорян. Несоотносительные приставочные глаголы совершенного вида в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1951; Е. А. Земская. Типы одновидовых приставочных глаголов в современном русском языке. Сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка». М., 1955, стр. 5—41, особенно стр. 8, 32. Попутно отмечу, что в отношении большой группы глаголов imperfectiva tantum (именно бесприставочных) Е. А. Земская пытается отрицать семантические причины дефективности, правда, не подвергнув эти глаголы исследованию в своей работе, посвященной только приставочным основам (см. там же, стр. 5 и 8). Собственно, только один автор, М. А. Шапиро, в статье «Видовые пары глаголов в русском языке» (Тираспольский гос. пед. ин-т им. Т. Г. Шевченко. «Ученые записки», вып. 1. Кишинев, 1956, стр. 21—31) возражает против того, чтобы искать причины видовой дефективности глаголов perfectiva tantum в лексическом значении этих глаголов (см. указ. соч., стр. 27).

[163] См. L. Beaulieux. Grammaire de la langue bulgare.—«Collection de grammaires de l'Institut d'Études slaves», IV. Paris, 1933; Изд. 2-е — Paris, 1950, стр. 222 и 322; ЕПР под *помина*.

[164] ТР, приводя всю фразеологию, связанную с глаголом *хвърлям/хвърля*, в несовершенном виде (*хвърлям къч*, *око на нещо*, *поглед*, *вина*, *с пушка* и т. д.), одно это выражение дает в совершенном (*хвърлил топа — умрял*; также и под *топ*). У Герова тоже находим только *хвръли топа* (под *хвръл*Ѫ), *врълилъ топа* (под *топъ*) в значениях 1) умер, 2) разорился, обанкротился.

inslav

его передача, как торжественно-приподнятая (*почина*, *помина се*), так и грубовато-ироническая, шутливая (*хвърля топа*, *светя маслото*), сосредоточивает внимание на факте как таковом, на факте в его неразложимой, не поддающейся развертыванию целостности. Такую же картину наблюдаем в соответствующих случаях и в русском языке.

За пределами этой группы случаев глаголы perfectiva tantum встречаются в болгарском языке лишь постольку, поскольку они бывают обусловлены внешней, формально-технической причиной, а именно — невозможностью присоединения к определенным типам основ суффиксов имперфективации [165].

Итак, мы видели, что способы действия, итоговое определение которых дано выше, на стр. 191, влияют на категорию вида и что влияние это отражается у ряда глаголов на самом составе парадигмы. Ряд способов действия, объединяемых вместе как непредельные, не может сочетаться с грамматическим значением совершенности. Так возникают глаголы imperfectiva tantum. В русском и в некоторых других славянских языках, но не в болгарском, некоторые способы действия не могут, наоборот, сочетаться с несовершенностью, что ведет к образованию различных perfectiva tantum. Кроме того, дефективные в отношении вида глаголы, и прежде всего глаголы perfectiva tantum, возникают и в силу других причин, не связанных со способами действия.

Влияние способов действия на вид не исчерпывается, однако, их влиянием на состав парадигмы, на явление видовой дефективности. В ряде случаев само употребление видовых форм, даже само содержание видового противопоставления в тех или иных конкретных формах оказываются неодинаковыми в зависимости от способа действия. Но об этом ниже.

4. РАЗРАБОТКА В ГРАММАТИЧЕСКИХ ТРУДАХ И В СЛОВАРЯХ ВОПРОСОВ ВИДА БОЛГАРСКОГО ГЛАГОЛА

В предыдущих параграфах было дано обозрение некоторых проблем славянского и, в частности, болгарского глагольного вида. Вне поля нашего зрения осталась в этих параграфах проблема грамматической сущности (общего грамматического значения) совершенного и несовершенного вида и тех частных видовых значений, которые характеризуют формы одного и другого вида в определенных типичных условиях контекста. Эти вопросы мы рассмотрим ниже, непосредственно на конкретном материале болгарского языка. Задача настоящего раздела — дать краткий обзор истории и современного состояния разработки вопросов вида не славянского в целом, а специально болгарского глагола и, исходя из того, что сделано в грамматической литературе и в словарях, уточнить круг вопросов, подлежащих дальнейшей разработке.

Необходимость специального параграфа, посвященного систематическому, хотя и краткому изложению «истории вопроса», связана с тем, что в предыдущих разделах, рассматривая те или иные проблемы теории вида, мы не могли дать сколько-нибудь последовательного обзора истории его изучения, поскольку внимание наше было сосредоточено именно на отдельных, хотя и важных проблемах. К тому же нам приходилось в большей мере привлекать высказывания ученых о виде в разных других славянских языках и только в меньшей мере — высказывания о болгарском виде. Это и не могло быть иначе, поскольку некоторые из

---

[165] См. Ю. С. Маслов. По въпроса за видовата дефективност в българския и руския език.—«Български език», VIII, 1958, стр. 510 и след.

inslav

затронутых выше важных вопросов теории вида даже еще и не ставились в применении к болгарскому материалу.

Первый краткий грамматический очерк болгарского языка, данный Вуком Караджичем в его «Добавлении» к словарю Палласа [166], еще вовсе не упоминает о видах глагола. В парадигме спряжения Вук иллюстрирует все отмечаемые им времена и неличные формы глагола только примерами несовершенного вида.

Значительно более интересен для нас замечательный для своего времени труд первого болгарского грамматиста Неофита Рилского «Болгарска Грамматіка сега перво сочинена» (1835). В истории грамматической науки в Болгарии грамматика Неофита занимает приблизительно такое же место, какое в истории грамматической науки в России принадлежит «Российской грамматике» Ломоносова. Подобно Ломоносову, Неофит еще не выделяет глагольного вида из категории времени [167]. Но, рассматривая устанавливаемые им времена глагола, он делает ряд очень тонких и интересных наблюдений, касающихся значения и употребления различных форм совершенного и несовершенного вида, как и самого образования видовых основ.

В болгарском глаголе Неофит выделяет следующие времена [168]: 1) «настоящее» (соответствует нашему настоящему несовершенного вида), 2) «преходящее» (имперфект несовершенного вида), 3) «прошедшее» (перфект несовершенного вида), 4) «давнопрошедшее» (плюсквамперфект несовершенного вида), 5) «непредельное первое», или «учащательное» (аорист несовершенного вида), 6) «непредельное второе», или «однократное» (аорист совершенного вида), 7) и 8) «непредельное третье» и «четвертое» (соответственно перфект и плюсквамперфект совершенного вида), 9) «будущее первое», или «многократное» типа *ще да думам* (т. е. будущее несовершенное), 10) «будущее второе», или «однократное» типа *ще да продумам* (т. е. будущее совершенное), 11 и 12) «будущее третье» и «четвертое» (соответственно, несовершенное и совершенное будущее с усеченной формой инфинитива) [169]. Соответственно в повелительном наклонении Неофит различает два «времени» — «настоящее» (т. е. повелит. несов. вида) и «непредельное» (т. е. повелит. сов. вида) [170]. Наконец он

---

[166] «Додатак к Санктпетербургским сравнитељним рјечницима свију језика и нарјечија, с особитим огледима Бугарског језика». Написао Вук Стевановић ...у Бечу, 1822. Помещенный здесь, на стр. 48—54, «Поговор» представляет собой первый грамматический очерк новоболгарского языка.

[167] Термин «вид» Неофит употребляет, но в другом смысле, а именно — для обозначения «первообразного» или производного характера основы, например, в именах: *дрѐво* — «первообразен вид» и *древя́н* или *дървен* — «произведен вид» (указ. соч., стр. 74); в главе о глаголах «вид», очевидно, в этом же смысле, упоминается, но содержание этого термина Неофит здесь не раскрывает. В таком употреблении термин «вид» представляет собой кальку термина εἶδος античной грамматики и встречается в средневековых грамматических сочинениях, собранных И. В. Ягичем в его «Рассуждениях южно-славянской и русской старины о церковно-славянском языке» (см. в его предметном указателе «вид как «последующее» имени» и «вид как «последующее» речи, т. е. глагола»), а также у Мелетия Смотрицкого, правда, подразделяющего (под влиянием Доната) «производный» вид в глаголе на «начинательный» и «учащательный» (см. Булич. Очерк, стр. 159 и 176—178).

[168] Болгарска грамматіка сега перво сочинена отъ Неофута П. П. сущаго изъ священныя обители Рылскія. Крагуевац. 1835, стр. 125 и след.

[169] Ниже Неофит упоминает еще два времени—«будущее 5-е и будущее 6-е», представляющие собою в действительности условное наклонение с *бих* соответственно для одного и другого вида (сам Неофит говорит, что он не знает, в какое наклонение надо отнести эти два времени — в «изъявительное» или «желательное»; см. указ. соч., стр. 195—196).

[170] В парадигму повелительного наклонения Неофит включает и формы конъюнктива (настоящего времени с частицей *да*), что, впрочем, болгарские грамматисты делают и по сей день.

inslav

выделяет еще «наклонение желательное (или сослагательное) и подчинительное», представленное одним «непредельным» временем *дано продумах*, *дано продумаше* и т. д. (в нашем современном понимании — имперфект совершенного вида в специфическом модальном употреблении).

Таким образом, принцип «раздвоения» всех времен парадигмы в зависимости от вида не доведен Неофитом до конца в трех случаях: 1) в настоящем времени он выделяет только одно время — настоящее несовершенное, т. е. вовсе игнорирует настоящее совершенного вида, 2) в изъявительном употреблении он указывает только несовершенный имперфект, опять-таки игнорируя совершенный, и 3) в модальном употреблении имперфекта он, наоборот, учитывает только совершенный имперфект, игнорируя несовершенный. Все формы совершенного вида обозначены как «однократные», или как «непредельные» (т. е., собственно, «аористические»), причем «непредельным» называется и несовершенный аорист, в отношении которого, однако, подчеркнут как раз момент многократности («непредельное учащательное»), а ниже, в примечаниях к грамматике, еще и момент «протяженности» [171].

Что касается способов образования «однократных» или «непредельных» времен, то Неофит называет ряд таких способов. В частности, он говорит о «наращении» предлога «приличествующего данному глаголу», т. е. о присоединении той или иной приставки (какой именно в каждом случае — об этом «нельзя изложить общих правил») [172]; о «самобытном» образовании «непредельного второго» и подобных форм без помощи «предлога» в таких случаях, как *вдйгам—вдигна́х*, *сла́гам—сложи́х*, *купу́вам—купи́х* и т. д. (т. е., как сказали бы мы теперь, посредством чередования основ с разным суффиксальным оформлением и, в частности, имперфективированной основы с ее производящей) [173] и в таких, как *сънѝвам—сънува́х* (т. е. посредством использования основ двойственного видового значения) [174]. Наконец, Неофит даже отметил наличие в языке глаголов imperfectiva tantum, а именно — в следующей формулировке: «Другие же (глаголы.— *Ю. М.*) вовсе не имеют второго непредельного, но их первое есть и второе и первое, как напр. *стоим—стоях*, *водим—водих*, *мислим—мислих*, *носим—носих*, *сѣчем—сѣкох*, *имам—имах*, *славословим—славослових*, *празднословим—празднослових* и др. подобные» [175]. Соответственно в парадигмах глаголов *бием* и *носим* прочеркнуто и «непредельное второе», и все остальные формы совершенного вида.

По сравнению с трудом Неофита Рилского не представляют интереса такие книги, как грамматика Неофита Бозвели и Эм. Васкидовича [176] или грамматика Богорова 1844 г. [177]: обе эти книги, как и труд Неофита Рилского, не выделяют категории вида из категории времени, но в отличие от грамматики Неофита Рилского они не содержат или почти не содержат каких-либо интересных и новых для своего времени наблюдений по морфологии или синтаксическому употреблению видовых форм. Далекую от действительности картину отношений между формами болгарского

---

[171] См. «Болгарска грамматіка...», стр. 187 и 202.

[172] См. там же, стр. 189; ср. стр. 192.

[173] См. там же, стр. 189. Что касается самого процесса имперфективации, то его Неофит представляет себе как образование форм настоящего времени от форм «непредельного второго», например, формы *отсичам* от формы *отсѣкох*, поскольку, говорит Неофит, «простой глагол *сечем* не может, стоя в настоящем времени, соединиться с предлогами..., как соединяется в греческом κόπτω» (указ. соч., стр. 190—191).

[174] См. там же, стр. 189.

[175] См. там же, стр. 190.

[176] «Славенобо́лгарское дѣтово́дство...», ч. 3. Крагуевац, 1835, стр. 33 и след.

[177] «Пѫрвичка бѫлгарска грамматика». Написа Иванчо Андреовъ. Букурещ, 1844, стр. 55 и след.

inslav

глагола рисует рукописная грамматика Ю. И. Венелина [178], которая искусственно конструирует для болгарского языка категорию «глагольного возрастания», несколько напоминающую схему «степеней длительности», предложенную позже для русского глагола Павским.

Заметный шаг вперед представляет грамматика братьев А. и Д. К. Цанковых 1852 г. Братья Цанковы по-своему уже отделяют категорию вида от категории времени. Они различают «длительные», «окончательные» и «однократные» глаголы («dauernde», «endigende» и «einmalige Zeitwörter») [179]. «Длительные» соответствуют нашему несовершенному виду; «окончательные» и «однократные» — совершенному, причем «окончательные» образуются от «длительных» с помощью приставок или «изменением основы» (имеются в виду бесприставочные основы совершенного вида), а «однократные» по типу *бодна*, *пийна* и т. д. Хотя братья Цанковы нигде прямо не объединяют «окончательные» и «однократные» глаголы под одним общим понятием, они трактуют их одинаковым образом при описании употребления глагольных форм. Ниже в одном месте названы еще «повторительные глаголы» («wiederholende Zeitwörter»), причем имеются в виду формы *ispísuva*, *upékuva* [180]; но вообще образования такого типа с суффиксом *-ува-* и другими подобными со звуком *-в-* (также *grŭmnuva*, т. е. *гръмнува*, *ušíva* и т. д.) рассматриваются авторами не как особые глаголы, а как формы «окончательных» и «однократных» глаголов, именно формы «настоящего условного» и всегда совпадающего с ним (у этих глаголов) «настоящего повторительного» («Präsens der Wiederholung») [181].

Братья Цанковы идут дальше Неофита Рилского также и в отношении полноты парадигмы. В их грамматике по-своему уже отмечены, в частности, настоящее время совершенного вида, имперфект совершенного вида не только в модальном, как у Неофита, но и в изъявительном употреблении, настоящее и прошедшее время простого условного наклонения и т. д. Правда, функции совершенного настоящего и совершенного имперфекта осознаны пока очень расплывчато и неточно, что видно и по терминологии авторов, и по их примерам [182].

В противоположность братьям Цанковым мало интересного по нашему вопросу дают такие школьные болгарские грамматики, написанные во второй половине XIX в., как грамматика Иоакима Груева [183] и «Словница» Ив. Богорова [184]. У Груева уже употребляется термин «вид» (у Богорова — «строй», очевидно, в порядке пуристической замены русского термина), но и в той и в другой грамматике в духе ряда русских грамматик того времени различаются не два, а четыре вида: «неопределенный»

---

[178] См. М. В. Лунина. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю. И. Венелина.— Сб. «Славянская филология». Изд. МГУ, 1951, стр. 108—123, особенно стр. 118—119.

[179] См. A. und D. Kyriak Cankof. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852, стр. 75—77.

[180] См. там же, стр. 88. Болгарские слова и формы братья Цанковы дают в своеобразной транскрипции, которую мы здесь и воспроизводим.

[181] A. und D. Kyriak Cankof. Указ. соч., стр. 78—80. У «длительных» глаголов «настоящее повторительное» всегда совпадает с их «подлинным настоящим», например, As píšè (т. е. *аз пиша*).

[182] Совершенное настоящее отнесено к «повествовательному настоящему» (см. A. und D. Kyriak Cankof. Указ. соч., стр. 74 и след.), совершенный имперфект к «повествовательному имперфекту» (там же, стр. 82—83); примеры того и другого даны вне необходимого контекста и потому не ясны, хотя и не неправильны. Кроме того, отмечено, что обе эти формы употребляются после *ako*, *kato*, *dano* и т. п. (там же, стр. 77, 83).

[183] «Основа за блъгарскѫ грамматикѫ». Отъ І. Груева. Четврьто изданіе, Пловдив, 1865.

[184] «Словница за изучванье бащиныа нашъ языкъ». Отъ Ивана А. Богоровъ. Четвьрто издаванье, Русе, 1882.

inslav

(*лежа*, *ходя*), «определенный» (*написах*, *ще наредя*), «многократный» (примеры Груева: *викам*, *легàх*, *ща сядам*; примеры Богорова: *прочитам*, *ща станвам*) и «однократный» (*викнах*, *ще скокна*). «Многократный» вид представлен здесь, как видим, не какими-либо специфическими образованиями типа *бивам* или *попушвам* или хотя бы, как у Цанковых, формами простого условного наклонения с суффиксом *-ува-* и его вариантами, а без разбора всеми производными основами несовершенного вида, образованными с любым суффиксом имперфективации, и даже основами типа *вика-*, имеющими словообразовательный суффикс *-а-*. Разумеется, выделение всех этих образований в особый вид, как и наименование такого «вида» «многократным», никакими доказательствами в названных грамматиках не подтверждается. Значительно выше в ряде отношений (в частности — в разработке употребления временных форм в связи с видом) стоит синтаксис А. Т. Илиева (1888) [185], но и он сохраняет «многопътните глаголи» в качестве третьего вида наравне с совершенным и несовершенным.

В конце XIX в. были составлены, как известно, два первых больших многотомных словаря болгарского языка — А. Л. Дювернуа (1885—1889) [186] и Н. Герова (1895—1904) [187]. Как ставились и решались в этих словарях вопросы глагольного вида?

Словарь Дювернуа, составлявшийся в 70—80-х годах, знает четыре видовых пометы, но широко пользуется только двумя — «гл. св.» для основ совершенного вида и «гл. дл.» для основ «длительного», т. е. несовершенного вида. Остальные две пометы «гл. многокр.» и «гл. однокр.» встречаются очень редко; как многократная расценена, например, форма *пийнувам* 'выпиваю несколько раз понемножку', но не отнесены к многократным *повървявам*, *плам(ну)вам*, *мах(ну)вам*, *барвам*, *годявам*, *хап(ну)вам*, *мигвам*, *турям* и сотни других производных основ несовершенного вида; как однократные представлены *махна*, *мигна*, но не рассматриваются как однократные такие формы, как *тупна*, *сипна* 'полью, посыплю немножко' [188], *хапна* и многие другие с суффиксом *-н-* совершенного видового значения. Такое очень осторожное пользование понятием «однократных» и «многократных» глаголов представляет отрадный контраст с практикой рассмотренных сейчас школьных грамматик XIX в. с их явно несостоятельными четырьмя или тремя более или менее «равноценными» видами. Однако надо сказать, что в словаре Дювернуа иногда встречаются ошибки в видовых пометах и, в частности, не только при использовании редких помет, о которых сейчас шла речь, но и в разграничении совершенного и несовершенного вида. Так, например, при *вържа*, *гудя*, *платя* ошибочно указан несовершенный вид вместо совершенного, хотя это указание наглядно опровергается приводимым здесь же иллюстративным материалом.

Формы совершенного и несовершенного вида одного глагола, а нередко еще и формы однократного синонимичного глагола, если он не имеет приставки, даются у Дювернуа в одной словарной статье.

---

[185] Ат. Т. Илиев. Българска граматика за гимназиите, IV, Синтаксис на българския език. Пловдив, 1888.

[186] Начиная со II выпуска, словарь выходил посмертно; начиная с III выпуска до конца (до IX выпуска) — в обработке П. А. Лаврова, В. Н. Щепкина, Б. М. Ляпунова, при участии Т. Влайкова и в меньшей мере М. Дринова.

[187] IV и V том (1901 — 1904) вышли посмертно под ред. Т. Панчева, составившего затем еще дополнительный том (1908).

[188] Словарь Дювернуа стремится передать вид соответствующей болгарской основы не только с помощью видовой пометы, но и посредством подбора того же вида в русских переводах заглавных слов, причем настоящее время несовершенного вида переводится настоящим, а настоящее время совершенного вида — будущим временем (последнее искажает значение формы и не может быть признано удачным).

inslav

Определяя ценность словаря Дювернуа для исследователя, надо учитывать, что материал здесь с точки зрения современного литературного языка (даже в более широком смысле слова «современный») в основном мало показателен и почерпнут по большей части либо из произведений народно-поэтического творчества [189], либо из печатных произведений предосвободительной поры, т. е. той поры, когда нормы литературного языка еще не установились и практическое употребление сильно отличалось в ряде пунктов от современного. Данные словаря Дювернуа могут быть наиболее полезны при изучении тех исторических сдвигов, которые произошли в видовом значении отдельных глагольных основ за последние 70—90 лет.

Словарь Герова, над составлением которого автор работал более полувека, занимает, как известно, выдающееся место в болгарской лексикографии и чрезвычайно важен также и для нашей темы. В этом словаре мы находим в основном очень удачную (не только для той эпохи) трактовку вопросов вида.

Правда, приложенный в начале словаря список сокращений-помет содержит гораздо больше «видов», чем нужно, но на практике Геров, как, впрочем, и Дювернуа, пользуется пометами вроде «ед.-кр.», «мн.-кр.» «уч.» («учящателенъ видъ») лишь очень умеренно и, по-видимому, в основном там, где для этого были какие-нибудь специальные основания. Так, если и не совсем ясно, почему *легна* трактуется как «однократный вид», а не просто как совершенный, или *виждам* как «многократный», а не просто как несовершенный, то, например, для *пописвам* (*пописувам*), *попичам*, *попеквам* (*попекнувам*) и многих других помета «мн.-кр.» оправдана тем, что подобные основы (не составляя, конечно, особого «многократного вида») употребляются и сейчас практически только в многократном значении. И если *мигвам* имеет помету «мн.-кр.», а *мигнувам* — «уч.» или *запейвам* трактуется как многократный, а *запявам* — просто как несовершенный вид, то, вероятно, за этими различиями формулировок стоят какие-то тонкие смысловые оттенки, еще чувствовавшиеся во времена Н. Герова, а затем постепенно утраченные (сейчас формы *запейвам* и *мигнувам* вообще не употребляются) [190].

Громадное большинство приведенных у Герова основ распределено, как и у Дювернуа, только между двумя видами — совершенным и несовершенным. Несовершенные основы не сопровождаются никакой видовой пометой, но если это производные основы от совершенных, при них всегда в скобках указывается форма совершенного вида (именно — совершенный конъюнктив наст. вр.); например: «*заплитам* (*да заплета*)», та же практика принята и для мультипликативных основ несовершенного вида, рядом с которыми стоят семельфактивные с суффиксом *-н-*; в этих случаях, однако, в скобках обычно приводятся и образования несовершенного вида с суффиксом имперфективации, например: «*бода* (*бодвам*, *да бодна*)», «*викам* (*виквам*, *да викна*, *викнувам*)», «*мигам* (*мигвам*, *да мигна*, *мигнувам*)» и т. п. Кроме того, все совершенные основы стоят в словаре и отдельно, в качестве отдельного заглавного слова, всегда сопровождаемого пометой «свр.» и — поскольку это возможно — указанием на соответствующую форму настоящего времени несовершенного вида по типу

---

[189] К тому же нередко не из болгарских, а из македонских, что, впрочем, довольно легко распознать, поскольку все примеры документированы.

[190] Иначе в *попийвам* и *попивам*: это глаголы с разными лексическими значениями, вполне употребительные и в нашу эпоху (ср. в ТР: *попийвам* ‘пия умерено, имам известна слабост към спиртни питиета’ и *попивам* ‘впитывать’, ‘впитываться’ и т. д.). В первом глаголе — явный оттенок многократности, что и было отмечено Геровым с помощью пометы «мн.-кр.».

inslav

«*бодна* от *бода*», «*напиша* от *написвам*» (в последнем и других подобных случаях «от» надо понимать не в смысле реального направления этимологической связи, а только в смысле принадлежности к лексеме, в качестве первого представителя которой берется форма несовершенного вида). Имея дело с глаголами, которые мы называем дефективными, в частности, 1) с абсолютными imperfectiva tantum, 2) с теми относительными imperfectiva tantum, при которых нет образований с суффиксом *-н-* семельфактивного значения, и 3) с perfectiva tantum, Геров, естественно, не приводит в данной словарной статье никаких форм другого вида, например: 1) *лежа* (но ср. *лягам*, при котором приведены *да легна*, *легнувам* и *лягвам*); 2) *правя* (но ср. «*направя*... свр. от *направям*») и 3) *заразправям*, *заразтурям* и другие подобные.

Отметим также, что детальная разработка оттенков значения, иллюстративный материал, фразеология как правило дается вместе для одного и другого вида, именно — в статье, где заглавным словом является несовершенная форма; другая же статья с формой совершенного вида в качестве заглавного слова по существу является ссылочной.

Так трактует вид в своем словаре Геров. Вникая в суть этой системы, мы видим: 1) что при тождестве лексических значений Геров явно осознает формы противоположных видов как формы одного глагола, 2) что такое осознание прежде всего имеет место в тех случаях, когда основа несовершенного вида является производной от совершенной, 3) что никогда не осознаются в качестве форм одного и того же глагола приставочные и бесприставочные образования (например, *правя* и *направя*) и 4) что в силу этого «первичные» основы несовершенного вида, непроизводные от совершенных, чаще всего осознаются как глаголы imperfectiva tantum. Именно таков в своих основных чертах и наш подход к категории вида в болгарском языке (см. выше, стр. 179—180), полученный на базе определенных теоретических соображений. Но Геров, как известно, не был «аспектологом», не был даже грамматистом-теоретиком. Он был замечательным лексикографом и знатоком живого болгарского языка. И если, идя от практики, от самой языковой действительности, он дал именно такую трактовку вопросов вида, обнаружил в принципах построения словарных статей именно такое его понимание, то это только показывает, что данное понимание наиболее соответствует действительному положению дела.

Собственно, только в одном пункте итоги наших теоретических рассуждений основательно расходятся с трактовкой вида у Герова. Основы семельфактивного способа действия (у Герова «однократного вида») типа *бодна*, *викна*, *махна*, *мигна* и т. д. Геров объединяет, как мы сейчас видели, не только с их производными (*бодвам* и т. д.), но и с их производящими, не имеющими семельфактивного значения (*бода* и т. д.), получая глагол, формы которого образуются уже не от двух основ противоположных видов, а от трех (или четырех, считая, например, *мигнувам*) — одной совершенной («однократной») и двух (или трех) несовершенных (просто несовершенной и одной-двух «многократных», или «учащательных»). В этом пункте практика Герова представляется нам неправильной. Мы считаем, что необходимое здесь разграничение понятий вида и способа действия требует иной трактовки перечисленных сейчас типов образований, требует отделения, например, *бода* как относительного imperfectivum tantum от недефективного глагола *бодна/бодвам*, сохраняющего в обеих формах, совершенной и несовершенной, свое семельфактивное значение. Но к этому вопросу мы еще вернемся.

Материал словаря Герова чрезвычайно ценен при изучении глагольного вида в народном болгарском языке. Правда, примеры, иллюстри-

inslav

рующие значение и употребление слова, здесь не документируются и чаще всего представляют собою так называемые «речения», нередко — поговорки и т. п. и лишь в отдельных случаях—цитаты (из народных песен). Конечно, в подлинности этих примеров (в смысле их адекватности живому употреблению того времени) сомнений быть не может: Геров, в отличие от составителя и основных сотрудников словаря Дювернуа, был болгарин, прекрасно знал свой родной язык и работал над словарем непосредственно в Болгарии. Но хорошо известно, что в те годы литературная норма еще далеко не установилась, а Геров, в соответствии со своей установкой на живую народную речь, и не стремился следовать литературной норме; он без каких-либо оговорок или помет включал в свой словарь немало такого, что уже тогда носило более или менее диалектный характер и затем не привилось в литературном языке, и сознательно не включал тех слов, которые употреблялись только в книжных стилях, например, глаголов на *-ирам*. Вообще, обращаясь к словарю Герова, надо всегда помнить, что словарь этот отражает вчерашний день болгарского языка, что многое здесь уже не отвечает современному употреблению и даже употреблению начала XX в. Это относится и к составу лексики, и, в некоторых случаях, к указаниям Герова на видовое значение глагольных основ.

Кроме того, для некоторых основ, имевших уже тогда двойственное видовое значение, Геров не указывает возможности выступления в совершенном виде, в частности даже для *видя* в прямом значении 'увидеть' [191], хотя и в языке XIX в., по крайней мере второй его половины, функционирование в совершенном виде было для этой основы и при данном лексическом значении не менее типично, чем функционирование в несовершенном виде (сейчас она, как известно, является обычно совершенной и только изредка выступает с несовершенным значением). В общем, однако, подобные упущения у Герова единичны. В громадном большинстве случаев, включая и наиболее запутанные, видовое значение глагольных основ определено им безошибочно и вполне надежно.

Грамматики болгарского языка, появившиеся на протяжении первых двух десятилетий XX в., характеризуются постепенным оттеснением таких излишних «видов», как «многократный», «однократный» и другие подобные, на положение второстепенных и частных рубрик, подчиненных двум «главным» видам — совершенному и несовершенному.

Так, школьная грамматика Манола Иванова в первую очередь делит все глаголы на совершенные и несовершенные и только затем производит дальнейшее подразделение: совершенных на «мъгновени» (*заплака*, *изгря*, *побеля*, *зайде*, *изми*, *прескочи*) и «еднократни» (*седна*, *стана*, *чукна*), несовершенных на «трайни» т. е. «длительные» (*лежа*, *седя*, *ходя*, *нося*) и «повторителни (или многократни)» (*лягам*, *сядам*, *разоравам*, *прочитам*, *разнасям*) [192]. Таким образом, хотя многократность и низведена здесь на положение, так сказать (применяя термин некоторых русских лингвистов), «подвида», она охватывает, как у Груева и в «Словнице» Богорова, все производные основы несовершенного вида, что представляет собою шаг назад в сравнении с тем, как пользовались термином «многократный вид» Дювернуа и Геров.

В противоположность этому В. Н. Щепкин[193] вообще не включает «многократный вид» в число видовых категорий современного болгарского языка.

---

[191] У Герова *видя*, свр. толкуется только как 1) 'узнать', 2) 'попробовать' и 3) 'позаботиться'.

[192] М. Иванов. Българска граматика за I клас. Изд. 2-е. Пловдив, 1905, § 35; его же. Българска граматика за II клас. Изд. 2-е. Пловдив, 1906, § 67.

[193] В. Н. Щепкин. Учебник болгарского языка. М., 1909.

inslav

В других славянских языках под «многократным (неопределенно-кратным) видом» Щепкин понимает, конечно, вовсе не «вторичные» основы несовершенного вида, образованные с суффиксом имперфективации от совершенных, а только образования типа русск. *едать*, *пивать* и т. д., которые, как он пишет, получили в болгарском языке «значение наклонения», именно «наклонения пассивной готовности» (в нашей терминологии — простого условного наклонения), например, *плетвам*. Что касается традиционного «однократного вида», т. е. основ с суффиксом *-н-* семельфактивного значения, то Щепкин, назвав этот вид рядом с несовершенным и совершенным, признает его затем «частным случаем» совершенного [194]. Интересна у Щепкина и постановка вопроса о взаимодействии вида с категорией времени [195].

Большое количество различных «Aktionsarten» (еще в доагреллевском смысле, т. е. не «способов действия», а «видов») находит в болгарском глаголе Г. Вейганд [196], но и он признает, что из всех этих Aktionsarten только две — перфективная и имперфективная — имеют значение для спряжения.

Надо сказать, что даже и в последующие два-три десятилетия вопрос о количестве и номенклатуре видов болгарского глагола не получил еще вполне единодушного решения в грамматической литературе и в словарях. Так, если в «Истории болгарского языка» проф. Б. Цонева, в болгарских грамматиках Л. Болье, Н. Костова и Л. Андрейчина, в специальных работах Л. Андрейчина, Др. Матеева и других авторов представлена единственно правильная и современная точка зрения по этому вопросу — точка зрения, согласно которой в болгарском глаголе есть только два противопоставленных друг другу вида — совершенный и несовершенный, то в грамматиках П. С. Калканджиева, Ст. Младенова и Ст. П. Василева, Дим. Попова, в словарях акад. Ст. Младенова — этимолого-орфографическом (ЕПР) и толковом (МлТР), и в некоторых трудах акад. А. Теодорова-Балана [197] мы в той или иной степени встречаемся с повторением старых схем видового деления, схем, давно отброшенных самой жизнью.

Так, группа «многократных глаголов», охватывающая не узкий круг основ какой-либо специфической семантики (как это имеет место в словаре Герова), а все или почти все производные основы несовершенного вида, фигурирует в качестве подразделения внутри несовершенных глаголов у Калканджиева и Младенова—Василева и даже в качестве отдельного самостоятельного вида в грамматическом очерке Теодорова-Балана, приложенном к толковому словарю Младенова, и — в 1941 г. ! — в грамматике Дим. Попова. Пометой «мкр.» снабжены в обоих словарях Младенова все основы несовершенного вида, производные от совершенных, образованных с приставками или с суффиксом *-н-*. Остальные несовершенные основы обозначаются термином «длительные» глаголы («трайни», или «траятни»), а термин «несовершенный вид» употребляется мало или даже (например, у Попова, практически и в словарях Младенова) вовсе не употребляется.

С другой стороны, и термин «однократные глаголы» (или «однократный вид») продолжает фигурировать в названных грамматиках и словарях иногда вместо термина «совершенный вид» (так, в словарях Младенова, где все основы совершенного вида сопровождаются пометой «екр.»),

---

[194] См. В. Н. Щепкин. Указ. соч., стр. 47.
[195] См. там же, стр. 48 и след.
[196] G. Weigand. Bulgarische Grammatik. Leipzig, 1907, стр. 90 и след.
[197] Именно — в «грамматическом обзоре», помещенном в первом выпуске МлТР, и в книгах «Нова българска граматика» (София, 1940) и особенно «Състояние на българската граматика». Критична студия (София, 1947, стр. 135, таблица).

inslav

иногда же для обозначения совершенных основ, образованных с суффиксом *-н-* (так у Младенова — Василева), или, наоборот, различных других типов совершенных основ (так у Калканджиева).

Вместе с тем 20-е и 30-е годы характеризуются рядом значительных успехов в изучении глагольного вида в болгарском языке.

Так, в упомянутых выше лекциях проф. Б. Цонева была сделана первая попытка собрать полный список основ, видовое значение которых не подчиняется общим правилам, требует индивидуальных оговорок [198]; там же впервые было обращено внимание на то, что отглагольные существительные на *-не* (в нашей терминологии — отглагольные существительные процессного значения) не могут быть образованы в современном болгарском языке от основ совершенного вида [199].

Очень полное и ценное описание морфологии болгарского глагола, в том числе и морфологической структуры видовых основ дал в своей грамматике Л. Болье [200]. Цель, которую поставил перед собой Болье, заключалась в том, чтобы дать полную морфологическую классификацию современного болгарского спряжения, включая перечни основ для всех непродуктивных типов и обширные списки для типов продуктивных. При этом для всех перечисляемых им основ Болье указывает, какого они вида и как от данной основы или (если она несовершенного вида) от ее приставочной производной образуется несовершенный вид. Материалы Болье представляют большую ценность, хотя текстовых подтверждений указываемого им видового значения он (как, впрочем, и все другие грамматики болгарского языка) нигде не приводит. Пропусков в пределах бесприставочных основ у него немного [201], но некоторые типы основ с приставками (и как раз наиболее интересные в отношении вида типы) в его материалах вовсе отсутствуют.

С 30-х годов, а отчасти уже и раньше [202], начинают появляться и специальные работы, посвященные отдельным проблемам болгарского глагольного вида. Здесь в первую очередь надо назвать большую статью Др. Матеева [203], анализирующую развитие пространственных и временных значений глагольных приставок и образованных с ними глаголов в болгарском языке. В ней излагается ряд интересных наблюдений автора над основами, содержащими приставку, но имеющими по тем или иным причинам несовершенное видовое значение (тип *завися*, *принадлежа*, тип *западам* 'приходить в упадок', в отличие от омонима *западам* совершенного вида 'начать падать' и др.), над приставочными образованиями от основ глаголов движения, над приставочными основами начинательного, суммарно-дистрибутивного и некоторых других способов действия, ряд наблюдений в области исторического развития приставочных основ в бол-

---

[198] Б. Цонев. История на българский език, т. II. Посмъртно издание. Под ред. на проф. д-р Ст. Младенов. София, 1934, стр. 536—537. До Цонева краткие перечни некоторых важнейших случаев (именно—наиболее употребительных бесприставочно-бессуффиксных основ совершенного вида) дали братья Цанковы (указ. соч., стр. 75) и В. Н. Щепкин (указ. соч., стр. 47). Отдельные указания по этому вопросу находим еще у Неофита Рилского.

[199] Б. Цонев. Указ. соч., т. II, стр. 538.

[200] L. Beaulieux. Grammaire..., стр. 204—324.

[201] Все же оказались пропущенными (в том числе и во втором издании) такие употребительные глаголы, как *простя/прощавам*, *сторя/струвам*, *явя (се)/явявам (се)* и некоторые др.

[202] См., например, напечатанную еще в 1901 г. в отчете софийской мужской гимназии статью Н. Начова «Предложните глаголи в новобългарския език». Отпечатък из отчета на Софийската държ. мъжка гимназия за учебната 1900—1901 година. София, 1901.

[203] Др. Матеев. Елементите пространство и време в историята на глаголните видови значения.— «Slavia», т. XIV, 1935/36, стр. 1—42.

inslav

гарском языке и т. д. В другой, более поздней статье [204] Др. Матеев углубил свои наблюдения как над фактами из истории приставочных основ, так и над оттенками их значения в современном языке.

В 1938 г. вышла ценная книга Л. Андрейчина [205], содержащая довольно развернутый очерк болгарского глагола с точки зрения значения и синтаксического употребления его форм. В этой работе Л. Андрейчин — пока единственный из болгарских лингвистов—четко отделяет вид (aspekt) от способов действия (rodzajów czynności); он дает, как нам представляется, наиболее правильное — в сравнении со всеми другими, предложенными по отношению к болгарскому языку — определение грамматической сущности вида [206], о чем еще будет речь ниже, и очень четкое описание морфологического механизма вида в болгарском языке [207]. Далее Л. Андрейчин, описывая подробнее, чем это сделал кто-либо другой, употребление временных форм болгарского глагола [208], впервые привлекает довольно обширный документированный литературный метериал, позволяющий глубже, чем это делалось раньше [209], ставить вопрос о взаимодействии категории вида с категорией времени (хотя сам проф. Андрейчин скорее склонен подчеркивать принципиальное различие видовых и временных категорий, чем их взаимодействие, и, в частности, отрицает наличие каких-либо «видовых» моментов в значении болгарского аориста и имперфекта). Основные положения этой работы Андрейчин повторяет затем в своей упомянутой выше книге «Основна българска граматика» и — с известными изменениями — в ряде коллективных грамматик, в которых ему принадлежат главы, посвященные глаголу.

Из специальных работ 40-х и 50-х годов, кроме упомянутой выше второй работы Др. Матеева, отметим еще статьи по морфологии вида Н. Костова [210], акад. А. Теодорова-Балана [211] и других авторов, статьи проф. Андрейчина о системе форм страдательного залога и о перфекте [212], В. В. Бородич о видо-временном значении аористного и некоторых страдательных причастий и о плюсквамперфекте [213], ряд работ по употреблению времен в говорах болгарского языка (И. К. Буниной, Ц. Младенова) и в раннем новоболгарском (Е. И. Деминой) и т. д.

Остановимся на трактовке вопросов вида в больших болгарских словарях XX в.

О словарях акад. Ст. Младенова — этимолого-орфографическом (ЕПР) и толковом (МлТР) — речь частично уже была выше:

---

[204] Др. Матеев. Семантиката на глаголните представки и нейното отношение към видовото значение на глаголите.—«Известия на Института за български език», кн. I, 1952, стр. 65—91.

[205] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe.

[206] См. там же, стр. 8—9, 14—15.

[207] См. там же, стр. 15—27.

[208] См. там же, стр. 28—54.

[209] Например, в упомянутых выше трудах В. Н. Щепкина и Г. Вейганда.

[210] «Производни несвършени глаголи с двойни форми».—«Език и литература», 1947, II, кн. 3—4, стр. 38—46.

[211] «Видово превращение у наши глаголи».—«Български език», 1952, II, стр. 218 и след.

[212] «Глаголните времена в българското страдателно спрежение».—«Сборник в чест на акад. А.Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина». София, 1955, стр. 69—75; его же. Залогът в българската глаголна система.—«Български език», 1956, VI, стр. 106—120; его же. Към характеристиката на перфекта (минало неопределено време) в българския език.— «Езиковедски изследвания в чест на ак. С. Младенов». София, 1957, стр. 57—64.

[213] «Об одной особенности болгарского глагола».—Сб. «Славянская филология», вып. 2. Под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1954, стр. 76—96; ее же. За функциите на минало предварително време в съвременния български език.—«Български език», 1957, VII, стр. 430—451.

inslav

мы видели, что эти словари исходят из неверной концепции о наличии в болгарском глаголе не двух, а трех и к тому же более или менее равноправных видов — «однократного» (соответствует совершенному), «длительного» и «многократного» (последние два в совокупности соответствуют несовершенному виду). В силу очень широкого пользования пометой «мкр.» («многократен вид») здесь — в отличие от словарей Дювернуа и Герова — полностью стирается разница между основами, действительно характеризующимися значением многократности (ср. *бивам*, *попийвам*), и всеми остальными несовершенными основами.

По широте словника МлТР в пределах охватываемой им части алфавита (А — К) является самым полным из всех существующих болгарских словарей, хотя неологизмы и специфически книжная лексика современного литературного языка представлены в нем все же далеко не достаточно. Что касается иллюстративного материала, то МлТР очень широко повторяет Дювернуа (но без указания источников цитации) и Герова, иногда слегка модернизируя их примеры, и лишь в небольшой мере добавляет новые примеры. Поэтому на всем материале словаря лежит отпечаток некоторой архаичности; многое не соответствует современному употреблению, и даже уже, по-видимому, и употреблению 20—30-х годов. Нет в МлТР четкости и последовательности в принципах построения словарной статьи: формы совершенного и несовершенного вида одного глагола даются чаще всего вместе, в рамках одной статьи, но иногда разделяются по двум отдельным статьям, как это сделано, например, в отношении глаголов *дам/давам*, *държа/връзвам*. Приставочные основы даются, разумеется, отдельно от бесприставочных. В некоторых выпусках словаря в конце статьи следует перечисление приставочных образований от данной глагольной основы, но в большинстве случаев такого перечня не находим.

ЕПР, в соответствии со своими специальными задачами, не дает ни толкований, ни примеров употребления, но стремится при каждой корневой основе перечислить все ее суффиксальные производные (непосредственные и производные от производных), что важно для занятий видом.

Надо сказать, что в МлТР отчасти, а в ЕПР в сильной степени наблюдается тенденция к игнорированию явлений, характерных в области видового значения глагольных основ для современного болгарского языка в отличие от большинства других славянских. Так, например, в МлТР основа *ид-*(*ида*) признается, вопреки очевидным фактам (в том числе и вопреки приводимому здесь же иллюстративному материалу), во всех лексических значениях только несовершенной. В ЕПР, где автор вовсе не был связан показаниями текстов и мог в большей мере руководствоваться априорными соображениями об «исконных» видовых значениях основ, таких примеров больше. Так, здесь безоговорочно признаются несовершенными формами не только *ида*, но и *видя* (в МлТР сов. и несов.), *чуя*, *меня*, *пленя*, *раня*, *реша* и другие, что явно неправильно.

Неизмеримо выше как с точки зрения общих принципов лексикографии, так и специально с точки зрения трактовки вопросов вида стоят два новейших толковых словаря болгарского языка, однотомный 1955 г. (ТР) и рассчитанный на три тома Академический (АкР), первый том которого (А — К) вышел в свет в 1955 г., а второй (Л — П) в 1957 г.

В обоих словарях, стремящихся охватить словарный состав современного литературного языка (от Л. Каравелова, П. Р. Славейкова и Хр. Ботева до наших дней, а более всего — за время после Освобождения), но различающихся между собой объемом словника и в еще большей мере степенью расчлененности значений, степенью развернутости иллюстративного материала и степенью грамматической охарактеризованности

inslav

слова, трактовка вида, как и многое другое, стоит на высоком теоретическом уровне, вполне соответствующем современным научным требованиям. Это, конечно, не значит, будто и в одном и в другом словаре вовсе нет даже отдельных ошибок и неточностей. Они есть, но это — именно отдельные недосмотры, а иногда, может быть, плод сугубо нормативной установки авторов, сурово отсекающей все менее употребительное (особенно в АкР в части, касающейся основ двойственного видового значения), но не результат какой-либо неточности в понимании категории вида.

Разумеется, и тот и другой словари признают только два вида — совершенный и несовершенный, которые и обозначаются при каждой основе соответствующими пометами (в ТР: «гл. св.», «гл. нсв.» и — при основах двойственного видового значения — «гл. нсв. и св.», в АкР: «св.» и «несв.»). Пометы «мнкр.» нет даже в списке сокращений, так как в ней нет нужды, поскольку для редких образований с многократным оттенком достаточно отразить этот оттенок в толковании, например, *бивам* ‘съм (с отсянка на многократност)’ (АкР) или *поносвам* ‘нося понякога, от време на време’ (ТР) и т. п.

Традиционно оба словаря пользуются выражением «глагол такого-то вида», но фактически они объединяют основы противоположных видов, тождественные по лексическому значению, в рамках одной статьи, причем делают это последовательнее, чем Геров, так как во всех случаях объединяют совершенную основу только с производной от нее несовершенной, но никогда не с ее производящей. Во вступительных замечаниях в АкР прямо говорится: «Так как в словарном значении между глаголом совершенного вида и образованным от него (подчеркнуто нами.— *Ю. М.*) глаголом несовершенного вида нет различия, толкование дается в одном месте — при глаголе несовершенного вида, где приводятся и формы совершенного вида. В иллюстративном материале используются примеры на оба вида» [214]. Так же поступает и ТР. Следовательно, и в том и в другом словаре *виквам* и *викна* приводятся вместе (под *виквам*), а *викам* — отдельно, и это правильно, так как между *викам*, с одной стороны, и *виквам / викна*, с другой, имеется различие в способе действия (у Герова, как мы видели выше, все три основы и четвертая архаическая *викнувам* приводятся вместе под *викам*). Основа совершенного вида дается и отдельно (в ТР — если она по алфавиту не соседствует с несовершенной) в порядке чисто отсылочной статьи, например, «*викна*. Вж. *виквам*» (АкР), «*висна* гл. св. вж. *висвам*» (ТР) и т. п. Толкования и примеры даются при основах совершенного вида только тогда, когда эти основы представляют собою perfectiva tantum, или, говоря словами АкР, «когда нет соответствующего глагола несовершенного вида с тем же значением или когда глагол совершенного вида имеет значение, отличное от значения глагола несовершенного вида» [215]. Разумеется, никогда не объединяются в одной статье бесприставочная и производная от нее приставочная основы.

АкР и ТР являются сейчас важнейшими пособиями для справок о видовом значении глагольных основ современного болгарского языка, хотя, как уже сказано, отдельные неточности (и противоречия между одним и другим словарем) есть и здесь [216]. Очень важно также, что по сравнению

---

[214] АкР, стр. XI.

[215] Там же.

[216] Так, например, в АкР указано только несовершенное видовое значение для *забабувам*, *заидвам*, хотя цитируемые здесь же примеры указывают на значение совершенного вида; для *глобя*, наоборот, указан только совершенный вид, хотя даваемый литературный пример говорит о несовершенном видовом значении (последнее замечание относится и к ТР); иногда не разграничены омонимы противоположных видов,

inslav

с Дювернуа, Геровым и МлТР здесь произведено полное обновление иллюстративного материала и большое количество примеров взято из языка современной художественной, научной и общественно-политической литературы, особенно в АкР (ТР ввиду своего меньшего объема зачастую вынужден ограничиваться «речениями»).

Каковы же общие итоги изучения категории вида в современном болгарском языке?

В результате работ последних десятилетий постепенно укрепилось учение о двух видах болгарского глагола — совершенном и несовершенном — и были отброшены старые учения о «многократном», «однократном» и других подобных «видах» или «подвидах». Была, в основном, описана морфологическая система выражения совершенного и несовершенного вида и определено видовое значение громадного большинства глагольных основ. Был установлен состав парадигмы одного и другого вида и описаны важнейшие значения соответствующих форм. Был поставлен, хотя и не получил дальнейшей разработки, вопрос о способах действия.

Вместе с тем не выявлены еще частные видовые значения совершенного и несовершенного вида и нет единодушного мнения по вопросу об их общем значении, т. е. о грамматической сущности вида (последнее относится также к совершенному и несовершенному виду всех других славянских языков). Далеко недостаточно изучен вопрос об употреблении форм совершенного и несовершенного вида и об их взаимодействии с видовыми (в широком смысле) значениями имперфекта, аориста и времен перфектной группы, да и само наличие видовых в широком смысле значений у ряда временных форм, как мы видели выше, пока отрицается многими лингвистами. Также не вполне еще изучен вопрос о взаимодействии вида с чисто временными значениями (в формах настоящего времени и др.) и о видо-временных значениях причастий (и образованных с ними форм страдательного залога). Вовсе не изучен вопрос о взаимодействии вида и способов действия, и, в частности, не получила никакого теоретического осмысления в грамматических трудах болгарских лингвистов проблема дефективных глаголов (хотя практически, в словарях, вопрос их трактовки решается сейчас вполне правильно). Наконец, недостаточно глубоко вскрыты некоторые основные закономерности, управляющие морфологическим механизмом вида, а также имеются отдельные случаи неясности или неполноты в определении видовых значений конкретных глагольных основ. Так, например, ни в одном словаре (включая ТР и АкР) не отмечена возможность совершенного видового значения основы *плю-* (*плюя*, *плюх*), хотя наличие такой возможности явствует из живого употребления соответствующих форм в современном языке.

Одним словом, несмотря на ряд серьезных достижений, многое в учении о виде болгарского глагола требует еще доработки, уточнения, осмысления в свете общей проблематики славянского глагольного вида. Отсюда вытекают задачи дальнейшей работы в этой области, задачи, разрешить которые в полной мере смогут только коллективные усилия многих ученых. Непосредственная задача нашей работы скромнее: поставить некоторые вопросы, ввести в научный обиход ряд материалов для их решения, теснее связать изучение вида болгарского глагола с изучением проблем общеславянской и общей аспектологии, что, как нам кажется, может быть полезно не только для болгарской грамматики, но и для общей теории вида, до сих пор вовсе не учитывавшей данных современного болгарского языка.

например, в АкР *закупувам*: I 'закупать', несов. в. и II 'начать покупать', сов. в. и т. д. Расхождение между АкР и ТР особенно часто встречаем в трактовке видового значения основ с суффиксом *-ира-*.

inslav

5. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВИДА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЕГО ГРАММАТИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ. ПАРАДИГМА СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Как отмечено выше, формы совершенного и несовершенного вида отличаются друг от друга в славянских языках не только по своему значению, но и объективными внешними признаками троякого порядка: 1) строением и составом основы, 2) инвентарем форм, или составом парадигмы и 3) синтаксическим употреблением.

В потоке речи видовое значение каждой глагольной формы устанавливается на основании всех трех признаков, причем практически чаще всего бывает достаточно одного первого, представленного в каждой глагольной форме и в большинстве случаев очень отчетливого [217]. Однако определение грамматической сущности совершенного и несовершенного вида, определение сущности грамматического значения совершенности и несовершенности принципиально не может быть выведено из первого признака, из строения и состава видовых основ. Оно может быть выведено только из функционирования категории вида, т. е. из третьего и отчасти из второго признака, — из различий синтаксического употребления видовых форм, а также из самой возможности или невозможности образования тех или иных форм в пределах одного и другого вида. Короче говоря, чтобы узнать, что такое совершенный и несовершенный вид, мы должны исходить не из анализа морфем, выражающих эту категорию, а из анализа ее функций, что, впрочем, является общим принципом при определении значения любой грамматической категории.

В отношении вида это тем более правильно, что строение и состав видовых основ в разных глаголах одного и того же славянского языка весьма разнообразны и сами по себе не создают единства грамматической категории вида, тогда как важнейшие правила синтаксического употребления видовых форм и самый состав парадигмы каждого вида одинаковы для всех глаголов данного языка и потому именно эти признаки создают единство категории вида в объеме всей глагольной лексики.

В науке уже были предприняты попытки определить основное грамматическое значение совершенного и несовершенного вида, исходя из некоторых важных особенностей употребления их форм, общих для всех глаголов и не зависящих от их лексического значения, способа действия и т. д. Так, Э. Кошмидер стремился опереться в своем толковании сущности вида на такой капитальный факт, как неспособность форм настоящего времени совершенного вида обозначать конкретное настоящее [218], а А. М. Пешковский, еще раньше Кошмидера, — на не менее важный и всеобщий факт несочетаемости форм совершенного вида со словами, обозначающими начало, продолжение или окончание действия [219]. Хотя мы не можем согласиться с теми определениями вида, которые предложили эти ученые, нам представляется, что в принципе путь к определению вида, к выявлению его грамматической сущности, должен быть именно таким. Определение основного значения того или другого вида должно опираться не на анализ отдельных примеров, всегда более или менее случайных, а на те черты из области функционирования вида, которые окажутся

---

[217] Только при недостаточной выразительности основы (например, в случаях омонимии или в случаях основ двойственного видового значения) решающим оказывается второй и третий признак, ср. русск. *буду заходить*, *начал заходить*.

[218] См. E. Koschmieder. Nauka..., стр. 25 и след.; его же. Zeitbezug und Sprache, стр. 2—26.

[219] А. М. Пешковский. Русский синтаксис..., стр. 124 и след.

inslav

наиболее общими, следовательно, наименее зависящими от влияния каких-то других факторов.

Отсюда вытекает, что определению видов должно предшествовать возможно более подробное изучение их функционирования, возможно более широкий учет разнообразных случаев взаимодействия между видом и временем, между видом в узком и в широком смысле, между видом и способом действия и т. д. Нашей задачей и является исследование того, как функционирует категория вида в современном болгарском языке, и выяснение на основании такого исследования собственного грамматического значения одного и другого вида, т. е. определение грамматической сущности этой категории.

Вопрос об инвентаре форм, образуемых болгарским глаголом в пределах одного и другого вида, является выясненным в грамматической литературе, так что нам остается дать здесь краткую справку по этому вопросу. Вопрос же о синтаксическом употреблении видовых форм изучен, как уже сказано, гораздо меньше, и нам придется заняться им подробнее в следующих разделах.

Приступаем к обзору сходств и различий в составе парадигмы совершенного и несовершенного вида в современном болгарском языке.

А. Свободно образуются в обоих видах:

формы всех девяти времен изъявительного наклонения, а именно формы настоящего и будущего времени, аориста и имперфекта, так называемых «относительных времен предшествия» (перфект, плюсквамперфект и будущее предварительное) и двух будущих в прошедшем;

соответствующие формы конъюнктива (сочетание изъявительных форм с частицей *да*);

соответствующие формы пересказывательного наклонения;

формы условного наклонения, простого и составного;

простые (неаналитические) формы повелительного наклонения (за исключением глаголов, не образующих повелительного наклонения в силу семантических причин, не связанных с видом);

формы аористного причастия и причастия имперфекта;

формы страдательного причастия (за исключением глаголов, не способных иметь эти причастия по причинам, также не связанным с видом);

форма инфинитива (за исключением случаев, когда форма инфинитива с трудом образуется в современном литературном языке в силу известных формальных причин, опять же не связанных с видом).

Конечно, далеко не во всех случаях одноименные формы того и другого вида характеризуются одинаковой степенью употребительности; но это уже другой вопрос, который тесно связан с синтаксическим функционированием этих форм.

Отметим также, что все указанные формы образуются в обоих видах одинаковым в принципе способом, т. е. с помощью тождественных или весьма сходных морфем (ср., например, буд. вр. *ще дам* и *ще давам*, в отличие от русск. *дам*, но *буду давать*, где в корне различным является самый принцип образования форм будущего времени).

Б. Образуются только в несовершенном виде, но вовсе не могут быть образованы в совершенном виде:

отрицательные формы повелительного наклонения, 1) выражающие запрещение производить действие (*недей* + инфинитив или *не* + утвердительный императив) и 2) выражающие требование прекратить производимое действие (*стига* + перфект или инфинитив);

формы причастия настоящего времени и деепричастия;

формы существительного процессного значения.

inslav

Так, от основ несовершенного видового значения *става-* или *върв'-* мы имеем *недей става* (*вървя*), *стига си ставал* (*вървял*) или *стига става* (*вървй*), *ставащ* (*вървящ*), *ставайки* (*вървейки*), *ставане* (*вървене*). От основ совершенного видового значения, например, *стан-*, *извърв'-* и всех прочих, ни одна из указанных форм образована быть не может. Подчеркнем, что ограничений противоположного порядка, т. е. таких, которые касались бы способности образования тех или иных форм в несовершенном виде, в болгарском языке нет.

Поэтому возникает предварительный вывод, что в болгарском языке в противопоставлении совершенного и несовершенного вида более ярким и специфическим в смысловом отношении членом противопоставления является совершенный вид, а несовершенный вид более нейтрален и играет роль как бы фона, оттеняющего собою совершенный вид [220]. Этот вывод согласуется с мнением тех ученых, которые рассматривают совершенный вид славянских языков как «положительный», «маркированный» или, несколько иначе, «интенсивный» член видовой корреляции[221]. Но, конечно, следует еще проверить правильность такой оценки на материале синтаксического употребления видовых форм.

6. СОЧЕТАНИЯ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ФАЗОВОСТИ ПРОЦЕССА

Рассмотрение синтаксического функционирования вида в болгарском языке мы начнем с того типа сочетаний, который вслед за А. М. Пешковским[222] считаем наиболее важным и симптоматичным для выявления грамматической сущности вида, а именно — с сочетаний типа «глагол + показатель начала, продолжения (также нарастания и т. д.) или окончания действия». Эти показатели — мы будем называть их показателями фазовости [223] процесса — чаще всего представлены глаголами фазовости, т. е. глаголами, обозначающими 'начать (начинать), продолжать и кончить (кончать) делать что-либо'.

В болгарском языке, как и в других современных славянских языках (см. ниже), глаголы фазовости могут сочетаться только с формами несовершенного вида другого глагола. Сочетание с формами совершенного вида здесь абсолютно невозможно. Знаменательный глагол, сочетающийся с глаголом фазовости, стоит в современном болгарском языке в форме конъюнктива настоящего времени. Конкретно речь идет о следующих разновидностях сочетаний:

---

[220] Очевидно, это относится и к другим славянским языкам, так как во всех них аналогичные ограничения в образовании тех или иных форм отмечаются, как уже было упомянуто выше, в первую очередь в совершенном виде (хотя и не всегда исключительно в нем).

[221] Идею о том, что именно совершенный вид выражает известное положительное содержание, а несовершенный «является только отрицанием» того, что выражено в совершенном, высказывал, как известно, еще А. М. Пешковский («Русский синтаксис», стр. 125). Более развернутое изложение этой точки зрения дали затем Р. Якобсон («Zur Struktur des russischen Verbums». «Charisteria G. Mathesio». Pragae, 1932, стр.74—84), Б. Гавранек («III-e Congrès international des slavistes, Publications du Comité d' Organisation, № 3, Beograd, 1939 стр. 13), Фр. Копечный («Morfologické prostředky vidové», стр. 240 и в других работах), А. Достал («Studie», стр. 15—16), Й. Хольт («Études», стр. 65—66), Х. К. Серенсен («Aspect et temps», стр. 122—132), Кр. Неттеберг («Études», стр. 27 и след., а особенно 31) и другие авторы.

[222] Ср. выше, стр. 216.

[223] Термин заимствую у чехословацких лингвистов Вл. Шмилауэра (см. «Novočeska skladba». Praha, 1947) и И. Ружички («Činnostné a stavové slovesá». «Jazykovedný časopis Slovenskej Akadémie Vied», t. VIII, 1954, стр. 9).

inslav

1) *почна* (*почвам*), *започна* (*започвам*), *захвана* (*захващам*) в значении 'начать', 'начинать' + конъюнктив настоящего времени. Например: «Околийският управител се успокои за мястото си и вечер отново *почна да се заседява* в пивница „Булаир"...» (Дим.); «Белчо заклащаше глава, въздишаше дълбоко и *почваше* бавно *да преживя* с беззъбата си уста» (Е.-П.); «Казака *започна да си развързва* езика...» (Карасл.); «Имаше дни, когато старата се оживяваше, *започваше да приказва*, *да гълчи* Петето» (там же); «...той *захвана да дебне*, *да се оглежда*» (Йовк.); «...още повече се помрачаваше разсъдъкът му и той *захващаше да върши* какви не глупости» (там же) и т. д.

Сюда же относятся сочетания с *начена* (*начевам*) и *хвана* (*хващам*) в том же значении 'начать', 'начинать', для современного языка уже устарелые или диалектные: «Бай Ганю... *начева да се кръсти*» (Конст.); «Огнянов можеше да прибави и трета причина — болежките на крака, които *хвана да усеща* от хода и студа» (Ваз.); «Стойко (зидар, *хванал вече да побелява*)» (П. Тодор.); «*Хващам да чета*» (ТР под *хващам*, 9 значение) и т. д.[224]

Везде здесь несовершенный вид в формах конъюнктива является единственно возможным.

2) *Взема* (*вземам*) также в значении 'начать', 'начинать' + конъюнктив, например: «Много *взех да се изморявам*! — оплакваше се той» (Карасл.); «Беше *взело да се зазаря*, когато Герасим подаде глава през прозорчето...» (Даск.); «Турчетата, стъписани, *вземат да отстъпват*» (Влайк.) и т. д.

При сохранении значения 'начать', 'начинать' замена несовершенного вида в форме конъюнктива совершенным абсолютно исключена. Другое дело, если глагол *взема* не значит 'начать', а употребляется для своеобразного подчеркивания действия, выраженного конъюнктивом, иногда для подчеркивания неожиданности этого действия (ср. русск. *взял и сказал* и т. п.). В этих случаях возможен и даже типичен совершенный вид в конъюнктиве. Ср. следующие примеры: «Хич толкова хиляди избиратели да не *земат да разкъсат* двайсет души жандарми и петдесет души пияна шайка» (Конст.) — не 'начнут разрывать', а 'возьмут и разорвут'; «Защо не *земеш* сега *да* му *платиш* борча...» (Влайк.) 'почему не возьмешь и не заплатишь' (а не 'начнешь платить'); «И премяната си... не *зе да* я *накити*, както други път в кофчега, ами я нафърля без ред и без мерак» (там же); «Ще запея! — реши той мрачно. — *Ще взема да запея*!» (Веж.); «...*ще взема да хвърля* топа...» (Вас.)[225].

Особо отметим конъюнктив совершенного вида в следующем примере: «Иван. Ти какво дялаш? Стойко. *Зех да стегна* наплата на едно колело...» (П. Тодор.). Здесь *зех*, очевидно, надо понимать либо в буквальном смысле 'я взял' (я взял колесо, чтобы починить его), либо переносно 'собрался, приготовился'[226], но только не в значении 'начал'.

---

[224] Проф. Л. Андрейчин в статье «Иван Вазов и българският език» упоминает употребление глагола *хвана* в значении 'започна' в числе особенностей языка Вазова, не сохраненных современным литературным языком. (См. «Иван Вазов. Сборник по случай сто години от рождението му». Под ред. на Т. Павлов, Н. Лилиев и С. Божков. София, 1950, стр. 168).

[225] Чаще в указанном значении используется сочетание типа *взема* + *че* (или *та*) + глагол в той же форме, в которой стоит *взема* (как и в русск. *взял и сказал*, *возьми и скажи*, *возьму и скажу* и т. д.). Вид может быть и совершенным [например: «Виж, на цяло село ергените търчаха по щерка му, а той *все* че я *даде* чак в Еново» (Карасл.)] — и несовершенным [например, в историческом настоящем: «При това настроение... явява се у мен нещо като вдъхновение и *вземам та написвам*... едно стихотворение» (Влайк.), ср. русск. *беру и пишу*].

[226] Ср. еще конъюнктив совершенного вида в сочетании с *завземам се*: «...радвам се и аз, и от възхищение *се завземам* да напиша една ода на това благочестиво събрание» (Хр. Бот.) 'готовлюсь (собираюсь) написать оду'.

inslav

3) *Заловя* (*залавям*) *се* и реже *заема* (*заемам*) *се* или *впусна* (*впускам*) *се* 'начать', 'приняться', 'пуститься' ('начинать', 'приниматься', 'пускаться') + конъюнктив, например: «Огнянов *се залови* с жар *да чете* това вдъхновено умотворение...» (Ваз.); «Надвечер тя взе метлата и *се залови да мете* двора» (Йовк.); «... мъжете се насъбраха в Черковното кафене, а жените по протките, и *се заловиха да тълкуват* новината» (там же); «...*залови се да развъжда* гълъби, *да сади* цветя» (Ман.); «...който (полковникът) *се зае да* я *поучава*» (там же); «Калитко... *се впусна да разказва* за ловните...» (Хадж.) и т. д.

Наряду с этим глагол *заловя* (*залавям*) *се* вместо начинательного значения может получить более широкое значение — вообще 'заняться (заниматься) каким-либо делом'. В этом случае он может сочетаться с конъюнктивом как несовершенного, так и совершенного вида. Пример с несовершенным видом: «Никой *не се залавяше да издирва* издълбоко, отде е таз промяна у Аго...» (Йовк.) не 'никто не начинал разбираться', а 'никто не занимался тем, чтобы разбираться'. Так же и с совершенным видом конъюнктива: «После остави чука и *се залови да смени* камъка, за да го кове» (Йовк.) 'занялся сменой жернова' (тем, чтобы сменить жернов); «Той измърмори нещо под носа си и *се залови да приведе* в известен ред стаята на своя колега» (Ман.) 'занялся приведением в порядок' (тем, чтобы привести в порядок); «Тя *се залови да разреже* агнето...» (там же). Ср. еще: «—Като разбираш, не се цупи, а *се залавяй да поправим* грешката» (там же) с несовпадением лиц глагола *залавям* и конъюнктива, подчеркивающим отсутствие тесной связи между ними ('берись за дело, чтобы нам поправить ошибку'). Этот последний пример показывает нам, что если глагол *залавям се* и не теряет полностью начинательного оттенка в своем значении, он во всяком случае перестает в подобных сочетаниях быть «вспомогательным» глаголом фазовости, связанным со своим «знаменательным» глаголом (конъюнктивом) в одно синтаксическое целое, в один член предложения (составное сказуемое); именно поэтому после *залавям се* и может появляться конъюнктив совершенного вида, который носит здесь финальный (целевой) характер 'чтобы сделать то-то').

4) *Зачестя* (*зачестявам*) 'зачастить, начать делать что-либо часто' + + конъюнктив: «Тя *зачести да ходи* у Юрталанови...» (Карасл.); и *заредя* (с тем же значением) + конъюнктив: «В село завърлува неверна болест... и *зареди да мори* от къща на къща» (Е.-П.). Ср. и с возвратным глаголом: «От тогава момците *се заредиха да пазят* излака дене и нощe» (там же).

5) По-видимому, сюда же можно отнести и некоторые лексически (фразеологически) ограниченные способы выражения начинательности процесса, представленные, в частности, следующими примерами: «Рачко... *търти да бяга* из една улица» (Ваз.).; «...заптиетата са били спогнати от вълците... и *са ударили да бягат*» (там же); «Тогава братята *хукнаха да бягат*...» (Йовк.) и т. д. Сомнительно, чтобы в этих примерах вместо *да бяга* можно было бы поставить *да побегне*, *да избяга* и т. п. Ср. также «Всички... *прихнаха да се смеят*» (Дим.) и — с меньшей степенью фразеологической закрепленности —«Полицията *се разтича да търси* обирачите» (М. Георг.); «Кръна *се спусна да* я *гони*» (Ман.); «*Тръгна да си отива* и той» (Е.-П.) и некоторые др.

6) *Продължа* (*продължавам*) 'продолжать' + конъюнктив и *остана* (с тем же значением) + конъюнктив, например: «... влезе в гората, но *не продължи да върви* в същата посока, а се повърна право назад» (Йовк.); «И *продължава да се пощи* с усърдие, достойно за по-добра участ...» (Л. Стоян.); «Само далечните огнища на звездното небе *останаха да горят* като будни стражи над смълчания бивак» (Хадж.). И в этих случаях замена в конъюнктиве несовершенного вида совершенным абсолютно исклю-

instav

чена, если только *остана* не значит просто 'остаться', — значение, в котором возможно соединение с целевым конъюнктивом совершенного вида ('остался, чтобы...' и т. д.).

7) *Престана* (*преставам*) и иногда *спра* (*спирам*) 'перестать', 'переставать' + конъюнктив. Например: «Невеста Нева *престана да вика...*» (Е.-П.); «За да му обърне внимание, *престава да преживя* и силно изпухтява» (Йовк.); «Той *не преставал да следи* Магдалина и *да ѝ краде* венеца от игличина» (Е.-П.); «Тримата жандармеристи *спряха да се разхождат* и застанаха мирно» (Ман.); «Така преседя около минута, *спираше да вие*, остро душеше въздуха на всички посоки...» (Хадж.); «Между това старият войник *не спираше да бъбри* със своя малко дрезгав, изпечен от тютюна глас...» (там же) и т. д.

Рядом с рассмотренными сейчас фактами, относящимися к синтаксису, к употреблению вида в формах конъюнктива, стоят по существу аналогичные факты, относящиеся, однако, уже собственно к морфологии болгарского глагола. Речь идет об упомянутых выше составных (образованных с инфинитивом или с перфектом) отрицательных формах повелительного наклонения типа *стига писа*, *стига си писал*. Например: «...*стига* си плашила с тия турци децата!» (Ваз.); «Лягай! *Стига* си подсмърчала!» (Калч.) и т. д. Эти формы, выражающие требование прекратить продолжающееся действие ['перестань' или 'перестаньте писать', 'хватит пугать детей', 'довольно распускать нюни', ср. еще: «— Ох, престани, Сливков! *Стига* си лъгал!» (Ман.)], могут быть образованы, как сказано выше, только для несовершенного вида. Входящее в состав этих форм вспомогательное слово *стига* представляет собою застывшую глагольную форму и по значению может быть приравнено к глаголам фазовости.

Кроме того, в болгарском языке (как, разумеется, и в других) есть и неглагольные показатели фазовости, или, шире, процессности действия, обстоятельства *непрестанно*, *все* + сравнительная степень наречия (*все повече* и т. п.), *от ден на ден* + сравнительная степень и другие подобные. В сочетании с этими обстоятельствами, указывающими на непрерывное течение (или повторение) действия, на нарастание его интенсивности и т. д., словом — на процессность, на развертывание действия, употребляются только формы несовершенного вида. Ср. следующие примеры: «Само воденицата в дола... *шумеше непрестанно*» (Е.-П.); «Джелатите *все повече и повече се озверяваха* пред твърдостта на младия партизанин» (Хадж.); «Болестта *от ден на ден по-страшно вълнуваше*, *по-немилостиво косеше*» (Е.-П.); «...*с всеки следващ миг* тревогата в душата му *нарастваше* като тъмен облак...» (Хадж.) и др.

Итак, мы видим, что несочетаемость со словами, указывающими на протекание процесса и прежде всего на фазы в этом протекании, является общей особенностью совершенного вида. Эта особенность присуща не только конъюнктиву, но и другим формам совершенного вида и не зависит от способа действия, лексического значения глагола и т. д. Она по существу не знает исключений как в области сочетаний с глаголами фазовости (включая свободные синтаксические сочетания с конъюнктивом и морфологически-связанные сочетания *стига* + инфинитив или перфект), так и в области сочетаний с наречно-именными обстоятельствами фазовости или процессности. Можно думать, что эта общая особенность совершенного вида вытекает из самой природы его грамматического значения. Очевидно, она должна быть учтена при определении существа этого значения.

О том же, кстати, свидетельствуют данные и всех других современных славянских языков, где формы совершенного вида также не сочетают-

inslav

ся с глаголами фазовости процесса и прочими словами сходного значения (например, русск. *довольно*, *полно*, *полноте* и т. п.) [227].

В общем, из всего этого следует вывод, что само грамматическое значение совершенного вида несовместимо с идеей разделения процесса на отдельные фазы, отрезки, этапы, с идеей развертывания этого процесса. Глагольное действие представлено в совершенном виде как единое, неделимое на фазы целое.

7. СОЧЕТАНИЯ С ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВИЯ

Если отмеченная в предыдущем параграфе неспособность форм совершенного вида вступать в определенные сочетания никак не связана с лексическими различиями глаголов, т. е. объединяет все глаголы, которые вообще могут употребляться в формах совершенного вида, и тем самым характеризует совершенный вид как таковой, то совсем по-иному обстоит дело с сочетаниями, интересующими нас в данном параграфе. Сочетаемость глаголов с теми или иными обстоятельствами продолжительности лишь в известных пределах зависит от вида соответствующих глагольных форм и в значительной мере определяется другими факторами, именно — способом действия данных глаголов, наличием отрицания при глаголе и т. п. Конкретно в болгарском языке мы имеем следующую картину:

I. Обстоятельства продолжительности, образованные с предлогом *по* и указывающие одновременно на неограниченную повторяемость действия, сочетаются, по-видимому, только с формами несовершенного вида. Ср.: «*По цели часове* те *обикалят* селото, *кръстосват* полето...» (Е.-П.); « *По цял ден и цяла нощ* това *мисля* — откъде да взема житото» (Даск.); «Малкият машина майстори, *по цели нощи не спи*» (С. П.); «Моята служба у лелини беше... всяка събота... да нося храна на говедарите в планината, дето *преспивах по две нощи*...» (Е.-П.); «Тежки бяха нощите след погребението. Тошка *плачеше по цяла нощ*, на сутринта ставаше като пребита» (Карасл.); «Крум *по цели дни скиташе* из къра с ловджийска пушка...» (Ман.); «Слушал съм, че в старо време войните *продължавали по трийсет години*...» (там же) и т. д. Во всех этих случаях употребить вместо форм несовершенного вида какие-либо формы совершенного вида *обиколят* или *обиколиха* и т. д.) не представляется возможным [228].

---

[227] Для русского языка, кроме упомянутого выше места в «Русском синтаксисе» А. М. Пешковского, см. A. Mazon. Emplois, стр. 1—3, где дан наиболее полный перечень слов русского языка, не сочетающихся с инфинитивом совершенного вида. Для польского языка см. Koschmieder. Nauka, стр. 63—64 и Кр. Неттеберг. Études, стр. 21—22; для словацкого — Й. Ружичка. Указ. соч., стр. 7 и след. (по утверждению Ружички, словацкое и чешское языкознание до сих пор проходило мимо рассмотренной особенности). Для сербохорватского языка ср. «Rječnik» Югославянской академии под početi (среди приведенных там примеров есть, впрочем, 2 отклоняющихся от нормы) и Ружич, стр. 58 и след. В древних славянских языках встречаются примеры типа др.-русс. *начнеть не дати*, *нача молвити*, но они свидетельствуют не о том, что глаголы фазовости будто бы могли в то время сочетаться с инфинитивом совершенного вида, а только о том, что видовое значение соответствующих глагольных основ было тогда не таким, как теперь (ср. Ю. С. Маслов. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках. «Вопросы славянского языкознания», вып. 1, 1954, стр. 125—126). Невозможность сочетания форм совершенного вида с обстоятельствами типа *непрестанно*, *все более* и т. д. очевидна для русского языка и отчасти отмечена для польского: ср. у Кошмидера («Nauka», стр. 61—62) о сочетаниях с обстоятельствами типа «co raz to bardziej».

[228] В следующем примере имеем формы совершенного вида, но обстоятельство продолжительности с предлогом *по* является здесь обособленным, по сути стоящим вне предложения: «И болестта се усили. Току зачернее човеку пред очите, удари го в глава, отще му се всичко — *легне*, ни жив, ни мъртъв, по цели дни и недели» (Е.-П.).

inslav

II. Обстоятельства продолжительности, выраженные 1) наречиями *дълго, доста, много* в значении 'долго', *малко* 'недолго'; 2) беспредложными конструкциями имен существительных типа *дълго време, доста време, няколко време* и типа *една минута, два часа, цяла нощ, няколко месеца, пет години* и т. д. и 3) предложными конструкциями типа *с часове* (предлог *с* + форма множественного числа существительного, обозначающего временной отрезок), сочетаются с формами несовершенного вида — без всяких ограничений, а с формами совершенного вида — при известных, указанных ниже условиях.

Приведем сперва примеры с формами несовершенного вида.

1) «Той сумти, пъшка, охка, вика... после *се смълчава дълго*, каточе се унася» (Л. Стоян.); «Милко Дългия *доста се оглежда́*, докато забележи сина си» (Калч.); «Севда излезе, но *не се бави много*. Тя се върна с малка кръгла паралия» (Карасл.); «На времето Цвятко наистина беше избиран за горски, но *стоя малко*, защото го замесиха в една кражба на гора...» (Даск.); «...после *дълго оправяше* хамута на впрегнатия едър кон» (Велк.) и т. д.

2а) «*Дълго време* Шибил *мисли* дали това не е примка» (Йовк.); «Вероятно ловците го изгубиха. *Доста време слухтя* Огнянов, но нищо не чуваше» (Ваз.); «Слепецът *свири още няколко време* сред тържествена тишина...» (там же); «*Колко време стоя* така, тя не помнеше» (Йовк.); «Фенерът беше се отворил, свещта беше паднала и *някое време* тъй си *горя*» (там же); «Старият взе лулата и веднага забрави всички ония неприятности, зарад които *толкова време се готви* да се кара на сина си» (Калч.); «Командирът отново излезе пред ротата и *известно време* мълчаливо ги *разглеждаше* — един по един, каточели ги проучваше» (Веж.); «*Около час време* при палатката *се трупаха* партизани» (Хадж.) и т. д.

2б) «*Две лета го диря* вече, чичо Горане, и *още две ще* го *диря*, ама ще го намеря» (Е.-П); «...той клекна до една канара, опря мартинката си на нея и *мери десетина секунди*» (Ваз.); «Всичко това *трая само миг-два*» (Йовк.); «*Дълги часове лежа* той там търпеливо в ожидание на нощта» (Ваз.); «Тоя дъжд *валя два дни*, тих и ситен» (Ген.); «След това лекуване мене ме *тресе цяла седмица*» (Бел.); «...па като умря майстор Джоно, а той се премести при майстор Гоцо, та и при него *чиракува още три години*» (М. Георг.); «*Няколко дни*...целият този кър *ечеше* от удари на брадви, от песни и препирни» (Карасл.); «*Години не съм хапвал*» (Хадж.); «*Две години* той не *бе стъпвал* тук» (Ман.) и т. д.

3) «Бойците от втора рота... гледаха с наслада как *се руши и гине с минути* под съкрушителната мелница на артилерийския огън това, което врагът *бе градил със седмици и месеци*» (Веж.); «Или си лягаше настрана и по-надалеч и *спеше с часове*» (Йовк.); «Пушеше непрекъснато, палеше цигара от цигара и гълташе с остървение тютюневия дим. И *стоеше* той така *с часове*, замислен, съсредоточен, без да продума нито една думичка» (Карасл.); «...любов и милост, *събирана с години*...» (Е.-П.). Во всех подобных примерах содержится либо значение кратности (ср. русск. *сидел часами*), либо постепенности осуществления действия (ср. русск. *накапливалось годами*).

Как видим, в сочетаниях рассмотренных типов представлены как в положительных, так и в отрицательных предложениях глаголы разнообразной семантики и в различных временах — настоящем, аористе, имперфекте [229] и др. Действие, выраженное этими глаголами, в одних случаях

[229] Пользуюсь случаем, чтобы отметить ошибочность моего прежнего утверждения, сделанного в период, когда я только начинал заниматься болгарским видом, в статье «Из наблюдений над категорией вида и времени в современном болгарском языке» («Доклады и сообщения Филол. ин-та ЛГУ», в. I, 1949), о том, что при имперфекте

inslav

мыслится как однократное, в других — как многократное. Но на вопросах однократности и многократности мы остановимся ниже.

Сейчас перейдем к вопросу о том, в каких случаях с обстоятельствами продолжительности перечисленных выше (в п. II) типов способны сочетаться формы совершенного вида. Среди собранных нами примеров выделяются две главных группы: А) глаголы со значением «охвата длительности» (к ним примыкают и некоторые другие глаголы) и Б) примеры с отрицанием. Рассмотрим отдельно ту и другую группу.

А) Глаголы со значением «охвата длительности».

1) «Герасим *се пощура* (аорист сов.) *дълго* след него, дълго погледва (аорист несов.) нагоре към прохода,... дълго се колеба... па махна с ръка, и се прибра» (Даск.) — обращает на себя внимание параллелизм совершенного и несовершенного вида; «*Малко поседяхте* на гости в Украйна, *поядохте* гъски и сланина» (А. Толстой. Навъсено утро; в русском тексте: *недолго погостили... поели*).

2а) «Ех, вярно, дадох дума *да поработя повечко време*» (С. П.); «Соколов *погледна няколко време* в очите на Кандова...» (Ваз.); «Там *постоя доста време*, никакъв шум от улицата не чу» (там же).

2б) «Той *почака един миг* с пръст на запъната» (Ваз.); «—Ще те заведа, тетко, да *постоиш* там *някой и друг ден*, да погостуваш на жената и децата» (Е.-П.); «*Престоях* така затворен *четири часа*, които ми се сториха години» (Ваз.); «Там *преседях две недели*, но уплаших се да не довлека беди на хората... и преминах в Пирдоп» (там же); «Овчарчето се надвеси над убития и *престоя* така *цяла минута*» (Хадж.); «Една гъста серия от неприятелски снаряди го накара дори *да пролежи няколко минути* в едно трапче» (Веж.).

3) «Още същото лято, Ивановата жена падна от колата, повреди се нещо и *пролежа с месеци* в болница» (Карасл.).

О глаголах с приставками *пре-* и *про-* (*престоя*, *преседя*, *пролежа* и т. д.) можно было бы с известным правом сказать, что при них выражения типа *четири часа* представляют собой не обстоятельство продолжительности действия, а прямое дополнение со значением «порции времени». Но для нас в данном случае различие между обстоятельством продолжительности и прямым объектом со значением «порции времени» не играет сколько-нибудь существенной роли. Важен самый факт соединимости форм совершенного вида определенных глаголов с определенными сочетаниями слов, обозначающими продолжительность действия.

В примерах, вроде только что приведенных, интересующие нас формы совершенного вида глаголов «охвата длительности» могли бы, без существенного изменения смысла высказывания, быть заменены формами несовершенного вида соответствующих бесприставочных глаголов. Так, вместо «Герасим *се пощура* дълго след него» можно было бы сказать «Герасим *се щура*» и т. д.; вместо «малко *поседяхте* на гости» — «малко *седяхте*»; вместо «*престоях* така затворен четири часа» — *стоях* и т. д. В результате один и тот же объективный факт, например, нахождение в прошлом говорящего лица где-либо в течение четырех часов, мог бы быть выражен двумя (и даже тремя) разными способами: «*стоях* там четири часа», «*престоях* там четири часа» (и «*постоях* там четири часа»). Между приведен-

---

«как будто бы неупотребительны» обстоятельства продолжительности типа *два часа* (стр. 147). В действительности, если можно, как мы сейчас видели, сказать *няколко дни целият кър ечеше от удари на брадви* (см. один из примеров в п. 2б), то, очевидно, можно сказать и *два дни* (*два часа* и т. п.) *целият кър ечеше* и т. д. Правильно только то, что при аористе подобные обстоятельства продолжительности действия типичны и встречаются особенно часто, однако и при имперфекте все они возможны и звучат вполне естественно (ср. примеры во всех четырех приведенных выше рубриках).

inslav

ными примерами, конечно, есть известное различие в оттенках: «*Престоях* там четири часа» подчеркивает длительность (например, если говорящий предполагал, что пробудет там менее четырех часов или вообще не собирался быть там и т. п. — ср. контекст нашего примера у Вазова: «В К. стигаме по дрезгаво. Затварят ме и там, защото бе още рано, и съдилището не бе отворено. Престоях така затворен четири часа, които ми се сториха години. Най-после изваждат ме пред съдията»). «*Постоях* там четири часа», наоборот, подчеркивает краткость указанного срока (не 'целых четыре часа', а 'всего четыре часа'; например, если говорящий думал, что проведет там значительно больше времени), вследствие чего при *постоя* и других глаголах с *по-* особенно типичны такие обстоятельства, как *малко*, *малко време* и т. д. «*Стоях* там четири часа» дает чистую констатацию факта, без упора на длительность или краткость указанного срока по сравнению с каким-то другим, предполагавшимся сроком. Во многих случаях различие указанных оттенков может быть несущественно и все три формы практически оказываются равнозначными (отсюда возможность обстоятельств *дълго*, *дълго време* и при глаголах с приставкой *по-*, как в примере из Даскалова).

К группе глаголов со значением охвата длительности примыкают, как упомянуто, и некоторые другие. Прежде всего, это глагол *прекарвам/прекарам* с лексическим значением 'проводить (провести) время' и т. д., имеющий, как и некоторые глаголы «охвата длительности», приставку *пре-*, хотя и не стоящий в таком же семантическом отношении к бесприставочному *карам*, как, скажем, *преседя* к *седя* или *престоя* к *стоя*. Ср.: «Никога няма да забравя този страх, който *прекарах* тези няколко минути» (М. Георг.) 'страх, который я перенес за эти несколько минут'[230].

Далее сюда относится несколько глаголов, обозначающих остановку, задержку, отдых, вообще временное отсутствие движения в прямом или переносном смысле. Обстоятельства продолжительности указывают на бо́льшую или меньшую длительность этой остановки или задержки, например: «Потеглихме из Унгария!... Тука пък се запалиха колелата на един вагон!... *Спряхме се дълго време*» (Конст.); «Ясните ѝ небесни очи *се спряха по-дълго* върху него» (Е.-П.); «Очите му намериха малката Цветина къщица... и *дълго се спряха* там» (там же); «Той *се спря един миг*» (Л. Стоян.); «...*няколко минути* той *остана* замислен...» (Ваз.); «Той удари челото си о студените плочи и *дълго остана* така» (Е.-П.); «Тинка *остана* в болницата *две седмици*» (Ген.); «Той направи един силен жест с ръка и, като я изправи към ниския таван, тържествено я *задържа няколко минути*, с очи, вдъхновено спряни върху другарите си...» (Е.-П.); «...това погрешно схващане на патрията и особено на партийното ръководство начело с Димитър Благоев *задържа* партията *дълго време* на позициите на стария марксизъм и ѝ попречи да възприеме своевременно новото в марксизма, което внесе гениалният Ленин...» (Г. Димитров); «Искаше *да си почине няколко месеца*...» (Ман.); «Както и миналия път, ще го (отчет о работе. — *Ю. М.*) *позабавим няколко дни*» (С. П.). Несколько иначе: «*Изседях цяла седмица* там» (АкР под *изседявам*); «Но все пак заслужаваше *да се изчакат още няколко дни*» (АкР под *изчаквам*), где слова, обозначающие продолжительность, скорее представляют собою дополнение (см. выше о *преседя*, *пролежа* и т. п.).

---

[230] В данном примере ясно видно, что *тези няколко минути* — именно обстоятельство, а не дополнение, так как здесь уже есть прямое дополнение *който*. Также несомненно с обстоятельством имеем дело в примере «*Дълго прекарваше* той там, като оставяше децата да пазят малкото му стадо» (Хадж.). Ср. еще пример, в котором при глаголе *прекарвам* нет ни прямого дополнения, ни обстоятельства продолжительности: «За по-голяма сигурност *прекарваха дома*, скрити зад басмените завески на прозорците» (Хадж.).

inslav

Иногда по аналогии с глаголами остановки, задержки и некоторые другие глаголы могут в формах совершенного вида сочетаться с обстоятельствами продолжительности рассматриваемых сейчас типов. В частности, см. примеры с глаголами *услушвам* (*услушам*)*се* и *целувам*/*целуна*: «Благолажът вдигна таинствено пръст, *услуша се дълго* и рече» (Е.-П.) — 'прислушиваясь, застыл на некоторое время', в русском переводе (И. Воробьевой и Н. Толстого)[231]: 'прислушался и, выждав немного, сказал' [ср. с тем же значением в несов. виде: «Обиколи и горния край на корията, извика няколко пъти, *дълго се услушва*...» (Карасл.)]; «...влязоха в стаята си... погледнаха се... притиснаха се и *се целунаха дълго* и ненаситно» (там же) — как бы 'застыли в долгом поцелуе'; «...метна ръце през раменете му и го *целуна* горещо и *дълго*» (там же). При постановке несовершенного вида (*целуваха се дълго* и т. п.) речь шла бы не об одном поцелуе, а о нескольких. У Ив. Хаджимарчева, в языке которого сказывается влияние несколько небрежной разговорной речи, мы встречаем еще следующие примеры: «Сетне *позаспа около две минути*...»; «Върна се обратно по билото на планината... И пак *завървя дълго* и мъчително»; «Той... за трети път *се прицели*, но *по-дълго*».

Наконец в силу своего лексического значения часто сочетается с обстоятельствами продолжительности рассматриваемых типов, независимо от вида, глагол *продължавам*/*продължа*. Ср. например: «Тъй като това нареждане *продължи доста време*, вуйчо Пане не се стърпя и я смъмра» (Бел.); «Товарането *продължи дълго*» (Л. Стоян.); «Речта *продължи доста дълго*, изслушана от войниците с ледено мълчание...» (там же); «...цялата работа... *продължи повече от час*...» (Дим.).

Во всех перечисленных случаях причины того, что формы совершенного вида могут сочетаться с наречиями типа *дълго*, *малко* и со словосочетаниями типа *дълго време*, *два часа*, *цял ден* и т. д., лежат в области способов действия, либо даже непосредственно в области самого лексического значения соответствующих глаголов.

Б) Примеры с отрицанием: «*Цели три месеци* по ясното небе *се не мярна* ни сянка от облачец» (Е.-П.); «... *дълго* никой *не му се обади*» (там же); «*Цели две седмици* той *не я пусна* навън» (там же); «*Няколко дена* след тая случка аз *не я срещнах* никъде, *нито видях* вече нейния тънък силует на канарата, *нито чух* песента ѝ» (там же); «След тая случка двете етърви *не си проговориха* нито думица *цял месец*» (там же); «След тоя удар кулестият *доста време* мълча и *не изцвили*» (Йовк.); «*Цяла нощ* бубулечки и бълхи *не ми дадоха* да мигна» (Бел.); «...*десет години* дума не ми *притече*, път не ми *мина*, искам да ти се отблагодаря...» (Карасл.); «Той викаше като ранено животно и *дълго не млъкна*» (Хадж.). Во всех примерах речь идет о том, что действие, выраженное формой совершенного вида, не осуществилось ни разу на протяжении срока, обозначенного обстоятельством продолжительности.

Такие примеры встречаются довольно редко, и нам не удалось выявить каких-либо определенных лексических границ их распространения. Можно думать, что таких границ и нет, т. е. что любой глагол в форме совершенного вида в принципе способен вступать в подобные сочетания, хотя на практике это случается редко, в частности, может быть, и потому, что несовершенный вид выражает здесь приблизительно то же самое (цели три месеца не *се мярваше* облаче, те *не си проговаряха* цял месец, цяла нощ бубулечки *не ми даваха* да мигна и т. п., ср. выше: «Две години той *не бе стъпвал* тук». Несомненно, наличие отрицания при глаголе является

---

[231] См. Елин-Пелин. Рассказы и повести. Перевод с болгарского. М., ГИХЛ, 1953, стр. 16.

inslav

здесь необходимым (хотя, конечно, недостаточным) условием употребления глагола в форме совершенного вида.

Вне специальных условий, указанных в п. п. А и Б, обстоятельства продолжительности типа *дълго*, *малко*, *няколко време*, *цял ден*, *с часове* и т. д. с формами совершенного вида сочетаться не могут.

III. Обстоятельства продолжительности, выраженные наречием *продължително* (и сочетанием *продължително време*), сочетаются с формами несовершенного вида и — довольно широко — с формами совершенного вида, особенно у глаголов семельфактивного способа действия.

Так, с несовершенным видом: «Това той правеше винаги, когато бе принуден да *мисли по-продължително*...» (Ман.).

С совершенным видом от глаголов начинательного способа действия: «Василев...хвана ръката му и *продължително я застиска*» (Вел.); «Чемшира *се закашля продължително* в шепата си...» (Ман.). В обоих примерах имеется в виду продолжительность того действия, начало которого обозначено интересующей нас глагольной формой.

Сходным образом при глаголах семельфактивного способа действия: «...па като пое палурчето, разклати го до ухото си и *продължително смръкна* от ракийката» (Е.-П.); «...извади от дисагите шише с ракия и *продължително си пийна*» (там же); «Калина ме *погледна* трогателно и *продължително*» (там же); «Русият момък го *изгледа продължително*» (Велк.); «Шели го *изгледа продължително*, с неприкрито любопитство» (Ман.); «Без да слуша, Савата го *изгледа продължително*» (Хадж.). Здесь всюду подчеркивается продолжительность, как бы затяжной характер действия семельфактивного, т. е. выполненного одним движением, в один прием. Эти примеры, наряду с примерами употребления при семельфактивных глаголах наречий *бавно*, *полека-лека* и т. п. [«...сенките на нощта *погълнаха бавно* острова» (Дим.)], наглядно подтверждают, что широко распространенное в литературе обозначение семельфактивных глаголов терминами «мгновенные», «моментальные» и другими подобными не является удачным.

Иногда со словами *продължително*, *продължително време* употребляются формы совершенного вида и некоторых других глаголов. В нашей картотеке имеется всего три примера: «Той не можа да си спомни за никаква Надежда Николова и *продължително се замисли*» (Е.-П.); «И пак *продължително се вгледа*, като напрягаше памет да си спомни...» (Хадж.); «*Попаднала продължително време* в нелегално положение, търпяла тежки поражения и понасяла огромен брой скъпи жертви, нашата партия нито за момент не е преставала да съществува и да се бори» (Г. Димитров).

IV. Обстоятельства продолжительности или срока, в который выполняется действие, выраженные: а) конструкциями с предлогами *за*, *в*, *в продължение на*, *в* (*с*) *течение на*, либо б) конструкциями, указывающими terminus ab quo (с предлогом *от*) и terminus ad quem (с предлогом *до*), сочетаются, по-видимому, без каких-либо ограничений с формами обоих видов, несовершенного и совершенного. Ср. следующие примеры.

а) С предлогом *за*. Несовершенный вид: «Игнат не бързаше да отговори. *За минута* той сякаш *обмисляше* нещо, по-право казано, като че ли *се вслушваше* в далечната стрелба на оръдието...» (Велк.); «Почивките му бяха кратки и неспокойни, затуй никъде *не се задържаше задълго*» (Хадж.). Совершенный вид: «Любов, ревност и обида се сборичкаха в душата му и *за миг поломиха* всичките му алени надежди» (Е.-П.); «Войка *влезе за малко* вътре и пак се яви на вратата» (там же); «*За по-малко от две три седмици ще се дигна* и всичко *ще се заличи и изчезне*» (Хадж.); «Разстоянието, което *бяха извървели за толкова дълго време*, й се струваше нищожно»

inslav

(там же); «...необходимо е... *да се постигне за 15-20 години* онова, което други страни при други условия *са постигнали за цяло столетие*» (Г. Димитров). Приведенные примеры семантически неоднородны: такие сочетания, как *за миг поломиха* (Е.-П.), вообще психологически воспринимаются не как обозначающие продолжительность, а скорее как обозначающие мгновенность, быстроту действия; в других случаях имеем значение продолжительности [в частности, в первом примере (Велк.) при несовершенном виде и несколько иначе в примере *влезе за малко вътре* (Е.-П.) при совершенном виде]. В ряде случаев при совершенном виде речь идет не о продолжительности действия, а о сроке, в пределах которого действие оказывается выполненным, совершившимся, становится целостным, готовым фактом.

С предлогом *в* имеем приблизительно такую же картину. Ср.: «*В миг* един ужасен женски писък *процепи* тишината...» (Е.-П.); «Момчетата *в една секунда налягаха* като подкосени» (Хадж.); с другой стороны: «Така кара две години и половина и *в тия две години и половина изплати* всичкия си борч, *откупи* алатите си, *ожени се* и пак му останаха триста и двайсет и шест гроша сермия» (М. Георг.).

С более сложными предлогами при совершенном виде также имеем значение срока, в пределах которого произошло или должно произойти то или иное действие, например: «И *в продължение на всичките тези години* аз и си *останах* такъв сиромах, какъвто си дойдох някога тука» (Велк.); «... *с течение на времето* всичко *ще се уреди*» (ТР, под словом *с*) и т. д.

б) Terminus ab quo с предлогом *от*. С несовершенным видом: «...ината ти *от време го помня*» (С. П.); «Но *от два дена* той *нямаше* тютюн...» (Е.-П.); «Сега аргатинът го нямаше — *от три дни* той *ореше* на угарта при Широкия мост...» (Карасл.); «...най-сетне беше настъпил моментът, за който *жадуваше от толкова години*» (Дим.); «За нея детето беше наградата за зехтина, който *беше носила от години* в черквата пред иконата на св. Богородица» (Велк.); «Но с нечистия под и *неизмазваните от години* стени не можеше нищо да се направи» (Ман.). С совершенным видом несколько реже: «*От тоя ден нататък* аз *почнах* рядко да ходя на лов» (Е.-П.); «*Отзарана* сума ти големци *дойдоха* от града» (Ман.); «*Откога сте станал* толкова внимателен?»(там же);«...с една усмивка, сякаш *забравена от някога* на лицето му» (Е.-П.). Примеры с совершенным видом неоднородны: иногда в них имеется суммарный оттенок (ср. Ман.), в других же случаях речь идет о начальной грани определенного процесса, положения и т. д.

Terminus ad quem с предлогом *до*. С несовершенным видом: «Тая работа *трая до среднощ*... Свещта *горя до утринта*» (Ваз.); «Дядо Руси се прекръсти три пъти. И *стоя* на пейката си *до тъмно*» (Йовк.); «*До полунощ играхме*» (Карал.); «*До късно през нощта* тате *се разхожда* из двора, като често покашляше» (Бел.); «Ако те не пусне, ние *ще стоим* тук *до довечера*...» (Е.-П.) и т. д. С совершенным видом реже: «Тази работа *се продължи почти до средата на есента*» (М. Георг.); «*До вечерта* отредът *се сдоби* с една брезентова палатка...» (Хадж.).

Сюда же примыкают конструкции с *докато*, *доде* и т. д., в которых также возможно употребление обоих видов. Ср.: «И сам чакà в един трон, *дор трая* изповедта» (Ваз.); «Цели две лета тича дядо Илийко по полето, кръстосва селата, хлопа по вратите с кошница в ръка, *доде натежа* кожената кесия в пояса му» (Карал.); «...оставиха го да лежи в колибата си, *докато му заздравеят* раните. После му помогнаха да прехвърли сръбската граница. *Докато се скиташе* в емиграция, обявиха го в държавен вестник за разбойник...» (Ман.). При несовершенном виде все сочетание значит 'до тех пор, пока продолжалось (продолжается и т. д.) определенное

inslav

состояние или действие'; при совершенном виде — 'до того момента, пока не наступил (не наступит) определенный факт'.

Таковы основные факты, касающиеся вопроса соединимости форм несовершенного и совершенного вида с обстоятельствами продолжительности действия (включая и тесно с ними связанные обстоятельства срока). Положению в современном болгарском языке во многом соответствуют и факты других славянских языков, хотя, конечно, имеются и различия. Сравнивая, например, болгарские факты с русскими, мы заметим, что в болгарском формы совершенного вида в несколько более широких границах вступают в интересующие нас сочетания, чем в русском. Так, в русском литературном языке вряд ли возможно *долго остановился*, *долго вслушался*, *долго поцеловал*, *продолжительно хлебнул*, и вместо *блохи целую ночь не дали мне спать* естественнее сказать *не давали*. Но другие типы находят себе последовательные параллели (ср. *постоял минуту*; *пролежал два дня*; *поправился за неделю*, *в неделю*, *в течение недели* и т. д.)[232].

Из рассмотренного материала прежде всего напрашивается вывод, что сама по себе продолжительность, длительность действия в принципе не препятствует осмыслению этого действия в совершенном виде. Длительность и совершенность не исключают друг друга, поскольку есть немало случаев, в которых те или иные типы обстоятельств продолжительности вполне соединимы с формами совершенного вида или по крайней мере с некоторыми типами таких форм. Есть, правда, и другие случаи, когда соединимость не имеет места, но, очевидно, в этих случаях дело объясняется какими-то дополнительными факторами, а не значением длительности самим по себе.

Так, в нашей первой группе примеров (*по цели часове обикалят* и т. д.) постановка форм совершенного вида невозможна, но здесь момент длительности всегда сочетается с моментом неограниченной повторяемости действия; именно этот второй момент, очевидно, и является решающим. Ниже мы увидим еще, что значение неограниченной повторяемости действия есть одно из важнейших значений многих форм несовершенного вида.

В нашей второй группе, наиболее важной и наиболее широко представленной в языке, существенную роль играют, как мы видели, способ действия и наличие или отсутствие отрицания. Наличие отрицания при форме совершенного вида приближает значение обстоятельства продолжительности к значению обстоятельства срока, в пределах которого не стало или не станет готовым, целостным фактом данное действие. Это сближает соответствующие примеры со многими примерами четвертой группы (типа, «за по-малко от две три седмици ще се дигна» и т. п.), в которых то же значение выступает в утвердительном предложении. Однако ряд других примеров совершенного вида во второй группе (*дадох дума да поработя повечко време*, *преседях две седмици*, *спряхме се дълго време*, *услуша се дълго*, *това продължи повече от час* и т. п.) и все в третьей группе (*продължително* + форма совершенного вида) недвусмысленно говорят о несостоятельности попыток некоторых ученых положить в основу определения видов — и, в частности, видов болгарского глагола — так или иначе сформулированное понятие длительности действия или, соответственно, его недлительности (мгновенности)[233].

---

[232] Так же и в других славянских языках. Относительно польского см. E. K o s c h m i e d e r. Nauka, стр. 62—63, относительно сербохорватского—Д Ж. Г р у б о р. Аспектна значења, стр. 9 и в других местах.

[233] Теория, согласно которой в основе видовых различий совершенности и несовершенности лежит понятие длительности действия, была широко распространена в XIX в. (см., например, Г. К. У л ь я н о в. Значения, II, стр. 117, 337 и др.), что отразилось и на терминологии видов. Однако и в XX в. своеобразный вариант этой теории

inslav

Отметим, кстати, что и обстоятельства мгновенности действия, в частности его внезапности, вовсе не обязательно вступают в сочетания с формами совершенного вида, хотя, конечно, это наиболее типичный случай. Ср. следующие примеры: а) с формами совершенного вида: «Наблизо с нова сила писна кларнето... Гостите... *веднага настанаха*» (Е.-П.); «*Отведнаж* хубавите очи на бедния момък *се засмяха* и *овлажниха*» (там же); б) с формами несовершенного вида: «... кимваха му отдалече и *веднага се залавяха* с някаква работа...» (Ман.) — как и в русск. *сразу же брались за работу* глагольная форма может пониматься только в смысле многократности действия; «До синура... виси пъстра люлка, а в нея *изведнаж изпищява* с прегракнал глас галена рожба и *пронизва* като с остър шиш сърцето на майката» (Е.-П.) — историческое настоящее; «Доброволски (*веднага му подава* чорапите)...» (С. П.) — сценическое настоящее, явная однократность и т. д. Как видим, в особых условиях, например, при выражении многократности, в историческом настоящем и т. д., здесь возможен и несовершенный вид. Это еще раз убеждает нас, что нельзя выводить понятие вида из понятий длительности и мгновенности. Удовлетворимся пока этим, негативным, выводом.

Отметим также, что все же не подлежит сомнению более или менее явное предпочтение, оказываемое несовершенному виду при показателях продолжительности, а также совершенному виду при показателях мгновенности (и внезапности) действия, и что в ряде случаев (например, при сочетаниях типа *по цели часове* и — несколько иначе — при обстоятельствах внезапности типа *веднага, отведнаж*) на первый план выступает момент, нами еще специально не затронутый, момент фактической (объективной) многократности действия, определяющий в этих случаях выбор именно несовершенного вида. Это последнее обстоятельство побуждает нас в дальнейшем изложении обратить внимание на вопрос однократности и многократности выражаемого глаголом действия. Мы, однако, сделаем это не в специальном параграфе, посвященном этой теме, а в ряде параграфов, в которых рассмотрим употребление вида в отдельных временах, наклонениях и неличных формах болгарского глагола.

8. УПОТРЕБЛЕНИЕ СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В ФОРМАХ КОНЪЮНКТИВА

В двух предыдущих параграфах мы рассмотрели вопросы сочетаемости видовых форм с определенными типами слов и выражений. Вопросы эти касались не одного какого-нибудь времени или наклонения, а ряда или большинства форм глагольной парадигмы. Теперь же нам следует приступить к анализу употребления совершенного и несовершенного

отстаивал А. М. Пешковский, усматривавший в совершенном виде «положительное значение недлительности действия» (см. «Русский синтаксис», стр. 125). Более того, даже в самое последнее время встречаются те или иные отражения теории «длительности — недлительности» (в частности, см. определение совершенного и несовершенного вида, которое дает И. П. Мучник в статье «О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке».—«Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 94). В Болгарии представителями «теории длительности» можно считать М. Иванова, называвшего видовое деление делением «по длительности (трайността) действия или состояния» (см. его «Бълг. граматика за 1 кл.», § 35), отчасти П. С. Калканджиева («Бълг. граматика», стр. 102), особенно Д. Попова; мы видели, что и оба словаря Ст. Младенова называют первичные несовершенные основы (непроизводные от совершенных) «длительными глаголами». Надо вместе с тем отметить, что теория «длительности» как базы видового разграничения уже была подвергнута критике как в болгарском языкознании — со стороны проф. Андрейчина («Kategorie znaczeniowe...», стр. 14—15) и Н. Костова («Бълг. граматика», стр. 107), указавших на то, что и формы совершенного вида могут обозначать длительные действия, — так и в аспектологических трудах по другим славянским языкам (см., например, A. Dostál. Studie.., стр. 12)

inslav

вида в пределах отдельных форм, причем во избежание лишних повторений, как и во избежание загромождения нашего изложения большим количеством частностей, не имеющих прямого отношения к теме, мы возьмем не все вообще наклонения, времена и неличные формы, имеющиеся в болгарском глаголе, а только некоторые, наиболее показательные. В качестве таковых мы выбрали конъюнктив (настоящее время конъюнктива); настоящее, аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект изъявительного наклонения; аористное и страдательное причастие; аналитические формы страдательного залога. Конъюнктив будет нас интересовать здесь как форма, в которой видовые противопоставления, во-первых, не осложнены взаимодействием с категорией времени и, во-вторых, в силу очень широкого и разностороннего использования этой формы в болгарском языке достаточно разнообразны и представлены обильным материалом. Конъюнктив мы и разберем в первую очередь, после чего обратимся к анализу остальных форм, характеризующихся различными типами взаимодействия видовых и временных, или видовых в узком и видовых в широком смысле значений.

Напомним, что один тип употребления конъюнктива — употребление после глаголов фазовости процесса — уже был рассмотрен выше. Этот тип в отношении вида является «связанным», так как выбор именно несовершенного вида предопределен в таком конъюнктиве заранее самим характером конструкции, не допускающей совершенного вида. Во всех остальных случаях мы имеем дело со «свободным» употреблением вида в формах конъюнктива [234]: выбор совершенного или несовершенного вида в принципе свободен и служит для выражения тех или иных оттенков мысли (хотя некоторые типы конструкций и обнаруживают вызванное теми или иными смысловыми факторами предрасположение к употреблению именно данного, а не иного вида).

Начнем с конъюнктива совершенного вида. Чаще всего эта форма выражает однократное конкретное действие, отдельный единичный факт. Такое значение назовем конкретно-фактическим.

Например: Конъюнктив после *искам*, *желая*, *мога*, *трябва*, *обещая*, *казвам* и некоторых других глаголов: «Лазо, ти чул ли си песента за неверната булка Стояница?... Искаш ли *да* я *изпея*?» (Е.-П.); «Искам *да* те *прегледат* наздраво» (Карасл.); «И когато след един час тиквата се опече, той пожела сам *да* я *донесе*» (Е.-П.); «Само един по-сърчен селянин се осмелил *да погледне* из прозореца» (Йовк.); «...Марийка чувствуваше, че Рада не е опасна... че неи можеше *да* ѝ *разправи* повече» (Ваз.); «Припни дома и кажи на жената *да даде* там онова шише... тя знае...» (Е.-П.); «Ти каза ли му *да дойде* тази вечер?» (Карасл.) и т. д.

Конъюнктив в качестве самостоятельного сказуемого в значении волеизъявления: «Марине, *да приготвиш* две каруци» (Йовк.); «Утре рано *да си дойдеш*» (Е.-П.). В прямом или косвенном вопросе, выражающем колебание говорящего, неуверенность, как поступить в данном случае: «Разсъждаваха загрижени: — *Да пратим* хора в Стамбул?» (Л. Стоян.); «Той премяташе в ума си петдесетте декара земя, дето имаше, и се чудеше как *да* я *разпредели*» (Григ.) и т. д.

Наряду с этим есть и другие примеры, в которых форма конъюнктива совершенного вида не обозначает конкретного, единичного, разового действия, а выражает действие объективно многократное или даже типичное. Рассмотрим эти примеры. Их можно подразделить на две группы.

[234] Разумеется, поскольку этой «свободе» не мешают обстоятельства продолжительности некоторых типов, рассмотренные в разделе 7; некоторые обстоятельства кратности, о чем см. ниже; или присущая данному глаголу видовая дефективность.

inslav

К первой группе относятся, например, следующие: «Не! *Хиляди пъти да* го *предаде*... пак няма да ѝ даде Голямата нива!» (Карасл.); «На пристанището постоянно се качваха в парахода доброволци за Сърбия, та оттам *да минат на чети* в България»(Ваз.). В первом примере при форме конъюнктива имеется прямое лексическое указание на многократность, во втором обстоятельство *на чети* и общий контекст указывают на то, что действие, выраженное формой *да минат*, мыслится как совершающееся в несколько приемов, не как единичный, конкретный факт, а скорее как сумма ряда фактов. Таким образом, и в первом и во втором примере действие, объективно многократное, множественное, состоящее из ряда отдельных актов, выполняемое не сразу, а в несколько приемов, разделенных промежутками времени, как бы суммируется говорящим в одно целое. Для говорящего важна не столько фактическая множественность конкретного осуществления данного действия, сколько его общий итог, его интегральная целостность. Такое значение конъюнктива совершенного вида назовем с у м м а р н ы м. Это значение является контекстуально обусловленным, так как оно не может появиться без наличия в контексте тех или иных указаний на многократность (обычно — ограниченную кратность) или прерывистость в осуществлении действия. Только глаголы суммарных способов действия, например, суммарно-дистрибутивный *изпотроша* 'перебить все' (несовершенный вид — *изпотрошавам*), всегда в формах совершенного конъюнктива, как и во всех других формах, имеют суммарное значение, например: «...хайде *да* ги *изпотрошим* тези чашки, защо ни реквизираха всичко!» (Карасл.).

Ко второй группе примеров относятся: «Толкова скиташ, пък никога не съм те видяла *да се върнеш* с лов» (Е.-П.); «А и умееше да работи Юрталана, знаеше какво *да посее* и кога *да* го *посее*» (Карасл.); «Старата не умееше нито дрешка *да* му *скрои*, нито копче *да* му *зашие* както трябва, нито закуска сутрин *да* му *приготви*» (там же). Везде здесь форма совершенного конъюнктива выражает действие как будто единичное, но взятое в качестве «представителя» неединичного, неограниченно-повторяющегося, обычного действия, так что все сочетание в целом относится не к одному конкретному случаю, а имеет более общий смысл. Так, во втором примере речь идет о том, что Юрталанов вообще умел вести хозяйство, знал, что́ и когда сеять, в третьем — о том, что старуха вообще не умела ничего делать, но и та и другая констатация выражены не в форме абстрактного общего утверждения, а как бы на конкретном примере отдельных действий. То же можно сказать и о первом примере: 'я не видела, чтобы ты (хоть раз) вернулся с добычей'='я не видела, чтобы ты вообще возвращался когда-нибудь с добычей', но первый вариант (с совершенным видом) выражает то же общее положение как бы на примере конкретного случая.

Это значение можно было бы назвать н а г л я д н о - п р и м е р н ы м («конкретно-репрезентативным») или еще «конкретно-типическим»: форма совершенного вида выражает здесь конкретное действие, но взятое в качестве наглядного примера, иллюстрирующего общее положение, в качестве типичного представителя неограниченно повторяющегося, обычного действия. Как и суммарное значение, наглядно-примерное значение совершенного конъюнктива является контекстуально обусловленным, и, в частности, оно зависит от лексического значения глагола, «управляющего» конъюнктивом, иногда — от наличия при этом глаголе отрицания или показателей неограниченной многократности [235] и т. п.

---

[235] Так, очевидно, можно было бы сказать *рядко съм видяла, да се върнеш с лов*; но просто *видяла съм да се върнеш с лов* вряд ли возможно, в этом случае надо сказать

inslav

Рассмотренным сейчас контекстуально обусловленным значениям совершенного конъюнктива — суммарному и наглядно-примерному— рассмотренное выше конкретно-фактическое значение этой формы противостоит как самостоятельное, т. е. то, которое проявляется в условиях минимальной зависимости от окружающего контекста. Иными словами, будучи взята сама по себе, форма совершенного конъюнктива, как правило [236], обозначает отдельный, разовый факт, имеет конкретно-фактическое значение. Контекст может заставить эту форму выражать многократное, даже обычное действие, но тогда ее перфективная природа проявится в способе изображения этого многократного или обычного действия. Многократное действие подвергнется, если это возможно (например при наличии ограниченной повторяемости этого действия), суммированию, интеграции, произойдет то, что А. Мазон, имея в виду соответствующие явления в русском глаголе, назвал «сведением к единству» (réduction à l'unité) [237] или же, в других условиях, многократное (неограниченно-кратное) или обычное действие подвергнется «экземплификации», или, пользуясь выражением А. Мазона, «партикуляризации»[238], т. е. будет представлено на примере одного конкретного случая.

Обратимся к формам несовершенного конъюнктива. Они также могут обозначать как единичное действие, так и действие многократно-повторяющееся, обычное. Если формы совершенного конъюнктива при отсутствии специальных указаний — прямых или косвенных — на многократность или обычность действия могут обозначать только единичное, конкретное действие, то несовершенный конъюнктив сам по себе, независимо от указаний контекста, может иметь и однократное и многократно-обобщенное значение. Так, форма *да работим*!, используемая в качестве побудительного предложения-призыва, может обозначать и а) 'будем работать сейчас, в данном конкретном случае' (например, после отдыха, перерыва в работе) и б) 'будем вообще работать, трудиться, сделаем работу постоянной нормой своего поведения' (например, в стихотворении И. Вазова: «*Да работим*! Тази славна дума | Нека екне кат камбанен звън»). Только более широкий контекст или — в устной речи — ситуация высказывания позволяют понять, какое из двух значений имеется в виду.

Рассмотрим сперва примеры, в которых несовершенный конъюнктив имеет неограниченно-кратное значение, т. е. обозначает неограниченно-многократное или обычное действие: «Искам да сте облечени!.. не искам *да* ви *гледат* отзад парцалите и кръпките» (Карасл.) — т. е. каждый раз, как вы выходите из дому; «... това е действително една мощна политическа армия, една непобедима сила, която ще може планини *да обръща*, както казва нашата народна пословица...» (Г. Димитров) 'которая может (вообще, а не только в каком-то отдельном случае) переворачивать горы'; «Тя умееше *да се разбира* с него, Аго я слушаше» (Йовк.); «Па и деца са си още, какво *да* ги *правиш*...» (Ман.). Сюда же относятся

да се връщаш с лов, и конъюнктив будет уже обозначать конкретный факт, взятый сам по себе, а не в качестве примера, иллюстрирущего общее положение.

[236] Исключение составляют глаголы суммарных способов действия, ср. приведенное выше *да изпотрошим*.

[237] А. Мазон только говорит «réduction à l'unité par la notion de résultat» («Emplois...», стр. 46). Ссылка на понятие результата представляется, однако, излишней (подменяющей общее положение частным случаем и уводящей в область способов действия). Примеры «сведéния к единству» в русском инфинитиве (функционально соответствующем, как известно, болгарскому конъюнктиву): «По всем соседям шлет просить пожаловать»; «...а Саша по глупости все ее затеи рад исполнить» и т. д. (там же, стр. 46—47).

[238] Пример «партикуляризации» в русском инфинитиве совершенного вида из числа приводимых Мазоном: «Аркадий Павлыч любил... при случае побаловать себя» («Emplois», стр. 49).

inslav

случаи, в которых форма конъюнктива обозначает постоянную способность осуществлять данное действие: «Той не можал още нищо *да говори*, слабо виждал, с едното ухо не чувал никак...» (Е.-П.).

В некоторых из приведенных примеров могли бы быть употреблены формы совершенного вида (например, «тя умееше *да се разбере* с него»), но несовершенный конъюнктив выражает то же значение в более общей форме и, если угодно, «суше», без «экземплификации», вносящей дополнительный элемент своего рода образности, пластичности. Без «экземплификации», несмотря на единственное число существительного *случай*, и в таком примере как «Лихтенфелд... не пропущаше случай да ухажва всяка красива жена...» (Дим.).

Наоборот, «экземплификация» с особым смысловым оттенком преобладает после *не смея*. Конъюнктив совершенного вида подчеркивает здесь категорический характер отрицания, указывает на то, что субъект не смеет совершить или совершать действие даже в малейшей степени, даже в каком-либо частном случае, что общее для данного отрезка времени правило действует внутри этого отрезка без частных исключений: «Често пъти пущаше такива остроти, че срамежливата червеношийка по цял час не смееше *да повдигне* очи и *да погледне* някого» (Е.-П.); «Петър овчаря не смееше *да* го *закачи*» (Йовк.). При употреблении несовершенного вида говорящий и здесь лишь констатирует общее положение, не подчеркивая специально, что оно действует без малейших частных исключений: «...селяните не смееха *да пущат* пред нейно лице любимите си изобилни попръжни» (Е.-П.); «После вече не посмях *да се бъркам* в политиката» (Веж.)

Интересен пример, в котором несовершенный конъюнктив, выражающий общую способность к действию, противопоставлен совершенному, обозначающему интегральную сумму конкретных проявлений данного действия: «—...предстоят ни още изпитания след изпитания. Ще можем ли *да* ги *понесем*?.. —Аз мога *да понасям*!.. твърдо отсече той. — Трябва *да* ги *понесем*» (Хадж.).

Конъюнктив несовершенного вида в неограниченно-кратном значении, естественно, стоит после слов, обозначающих привычку, навык и т. п. Например: «Какво се пулиш, *не си привикнал да чуваш* истината» (Ман.); «Забелязваше се, че придобиваше *навика да се уединява*» (Хадж.) и т. д.

Остановимся теперь на случаях другого типа, в которых несовершенный конъюнктив выражает однократное или непрерываемое действие. Случаи эти неоднородны.

В одной группе примеров речь идет о постоянно-непрерывных действиях, происходящих всегда или в течение долгого времени, о постоянных отношениях, не зависящих от отдельных своих проявлений. Такое, постоянно-непрерывное значение имеем, в частности, в следующих примерах: «Това мъчеше страшно Маринка, но тя не искаше *да вярва*, че той я е оставил» (Е.-П.); «Но господарите не искат *да знаят* какво имат на душата си слугите им...» (Йовк.); «*Да живееш*, Синап!» (Л. Стоян.) и в других лозунгах с *да живее* и т. д. Отметим, что значение это возможно только при определенной лексической семантике глаголов, стоящих в форме несовершенного конъюнктива. Замена несовершенного вида совершенным в отдельных случаях осуществима (*тя не искаше да повярва*), но ведет к изменению смысла (в данном примере изменяется и способ действия — вносится момент начинательности).

В другой группе примеров мы имеем дело с непостоянными, временными действиями или состояниями, с однократными, разовыми фактами в точном смысле этого слова, причем здесь следует различать случаи, когда форма несовершенного конъюнктива образована от глагола imperfectivum tantum, и случаи, когда она образована от нормального недефектив-

inslav

ного глагола. Употребление конъюнктива недефективных глаголов яснее и показательнее, потому мы и рассмотрим его первым. Например:

«— Е, какво искаш, невесто? Ако искаш *да се развеждаш*, дай прошение до владиката — това е негова работа» (Е.-П.). Вполне очевидно, что речь здесь идет об однократном, разовом действии (разводе), о действии, которое, казалось бы, естественнее могло бы быть выражено формой совершенного вида (*ако искаш да се разведеш*). Однако писатель употребил несовершенный вид. То же самое мы видим и в следующих примерах: «Преди малко ми каза, че го е страх да го не убиете... Аз нямам нищо против това. Който иска *да* го *убива*, нека дойде, ето го, нека го вземе и прави с него каквото ще...» (Велк.); «Избягал от частта си. При шумците иска *да отива*» (Кюл.). Ср. еще две последние формы конъюнктива (*да разсипва* и *да освобождава*) в примере: «И за какво ли му трябваше на руския цар да бие толкова път, да троши толкова аскер, *да разсипва* толкова злато — *да* ни *освобождава*!» (М. Георг.). Во всех этих случаях выбор форм несовершенного вида для обозначения разового действия был обусловлен: а) либо тем, что мысль говорящего была направлена скорее на самый процесс действия (особенно в примере из Велкова —'кто хочет его убивать'— или в примере из Георгиева, где подчеркнута сложность процесса освобождения Болгарии, связанность его с другими длительными действиями), причем иногда (в примере из Кюлявкова) сомнительным представляется самый исход дела; б) либо тем, что хотя высказывание касается одного факта, оно ставит вопрос в общем плане (в примере из Елина-Пелина: 'если вообще хочешь разводиться', так же в значительной мере в примере из Георгиева: 'зачем ему понадобилось вообще нас освобождать').

Общую принципиальную констатацию факта мы нередко встречаем в отрицательных предложениях. Например: «Ще разправи той от сърце как е станало и че не е искал *да* го *убива*» (Карасл.); «...аз чиновник не искам *да ставам*, че всички чиновници са лапачи и хайлязи...» (там же) и т. д. Однако ср. совершенный конъюнктив: «Службата му се хареса, той не пожела *да се уволни* и остана свръхсрочно» (Е.-П.) — автор думал скорее о нежелании героя демобилизоваться именно в тот конкретный момент, когда подошел срок окончания его службы, чем о его общем нежелании уходить из армии (в противном случае надо было бы сказать *не пожела да се уволнява*).

Интересно также сравнить ряд примеров совершенного и несовершенного конъюнктива после *не мога*, *трябва* и т. п., и в частности: «И като се ръкува с Цвета, рече ѝ с усмивка, която *не можеше да сдържи*...» (Е.-П.) и «Не ви ли е срам, господине? — каза с укор един от другарите, който *не можеше вече да сдържа* своето негодуване» (Конст.). В первом случае —'не мог сдержать': желание улыбнуться появилось и было в тот же момент осуществлено; быстротечность действия вызывает его представление в качестве целостного, неделимого факта (хотя модальный глагол — *не можеше* — выражает значение несовершенного вида). Во втором случае —'не мог более сдерживать': негодование накапливалось в течение некоторого времени, и сдерживать его постепенно стало невозможно; мысль о постепенном нарастании чувства негодования и, следовательно, о постепенном развитии действия сдерживания ведет к тому, что действие это представляется здесь не в его целостности, а как развертывающийся процесс.

Ср. также после *трябва* в непосредственном соседстве друг с другом и в одинаковом лексическом окружении: «Василев... Но трябваше *да* ги *мина* за трето качество. Доброволски (кипнал). Но защо, дявол да го вземе, е трябвало *да* ги *минавате* за трето, когато са брак!»

inslav

(С. П.). Бракер В. признает свою вину в данном конкретном случае — данную пару чулок надо было отнести к третьему сорту, чего он не сделал; директор фабрики Д. ставит вопрос в более общей плоскости: вообще такой товар не надо было включать и в третий сорт, а просто забраковать.

Одним словом, обозначая однократное непостоянное действие, несовершенный конъюнктив недефективных глаголов либо подчеркивает процессный характер этого действия, либо выражает его обобщенно, как бы в принципиальной плоскости. Первый оттенок (*не можеше вече да сдържа своето негодуване* в приведенном выше примере) назовем конкретно-процессным, второй (*защо е трябвало да ги минавате за трето* в приведенном сейчас примере) — обобщенно-фактическим. Разграничиваются эти оттенки общим контекстом, причем в некоторых примерах возможно двоякое толкование.

Что касается несовершенного конъюнктива от глаголов imperfectiva tantum, употребленного для выражения однократного непостоянного действия, то его специфическое значение в этих случаях определить труднее. Очевидно, речь должна идти о тех же двух основных оттенках — конкретно-процессном и обобщенно-фактическом, но отсутствие противопоставленных форм совершенного вида с тем же лексическим значением ослабляет момент процессности в первом и момент обобщенности во втором оттенке, в силу чего общее значение формы несовершенного конъюнктива может приближаться в этих случаях к конкретно-фактическому значению форм совершенного конъюнктива. Ср.: «На одърчето имаше само двама *да спят* още» (Ваз.); «Първия ден Белчо не иска *да върви* с тия палави дечурлига и се върна обиден...» (Е.-П.); «Полето беше безлюдно... Тая самота беше приятна на отец Игнатий, защото свободно можеше *да си мечтае* и *да си пее* за всичко, каквото желае» (там же) и т. д.

Относительные imperfectiva tantum обнаруживают в формах конъюнктива более ясное смысловое отличие от форм совершенного конъюнктива, например: «Колкото и да беше забъркан и уплашен, Юрталана съобрази какво ще трябва *да прави*» (Карасл.) — 'что делать' (вообще), ср. *да направи*. Но в иных случаях различие значений и здесь является минимальным. Ср., например, параллельное употребление несовершенного и совершенного конъюнктива: «Аз искам човек *да* го *правя*, хее, учена глава *да стане*!» (Карасл.), а также совершенный конъюнктив в очень близком по содержанию примере: «...баща му е искал *да* го *направи* човек» (там же).

Отметим еще, что выражение единичного действия формой несовершенного конъюнктива широко практикуется при использовании конъюнктива в качестве сказуемого побудительного предложения, например: «— Хайде *да излизаме* — рече сухо Марина» (Карасл.). В данном примере говорящее лицо предлагает приступить непосредственно к осуществлению действия, в принципе давно согласованного между собеседниками.

Впрочем, в ряде случаев «вторжение» форм несовершенного конъюнктива в область выражения однократного действия невозможно. Так, в частности, только совершенный вид используется, когда речь идет об однократном действии, предшествующем какому-то другому действию и оконченном до наступления этого другого действия, например: «Тя бързаше *да излязат*, преди учителят да се е нагласил» (Карасл.); «...на всички *да запее*, денем и нощем да пее...» (Вас.); «Искам... *да се метна* на някое конче и лудо да препущам от село на село» (Хадж.); «...всичко е ясно, спокойно, потънало в зеленина и плод — просто *да легнеш* в тревата и да гледаш без насита високото синьо небе...» (Л.Стоян.); «Как? Раята *да дигне* оръжие, да бастисва кули и чифлици, да пали и напада, да убива, да граби, това беше страшно, нечувано...» (там же) и т. д.

inslav

Совершенный вид используется обычно и в тех случаях, когда форма конъюнктива выступает в функции сказуемого временных придаточных предложений непосредственно предстоявшего действия типа: 'когда вот-вот должно было произойти то-то, случилось или (многократно) случалось то-то'. Например: «Настрадин Ходжа сякъл в гората един голям бук и *когато да го отсече*, видял, че той ще натежи към реката и ще падне низ урвата надолу...» (Славейк.); «Купих ги, *току-що да тръгна* за насам» (Ваз.); «*Когато да завие* из уличката на хаджи Гьорга, той се притули до ъгъла... и изкара огнивото» (Карасл.); «*И тъкмо да тръгнат* някой се обажда...» (Даск.);«Синът на бай Крачун е войник и *тъкмо когато да се уволни*, отива на война...» (Цв. Минков, предисловие к кн. Михалаки Георгиев. Избрани разкази. Изд-во Български писател, 1952).

Во всех приведенных примерах форма конъюнктива обозначает непосредственно предстоявшее в данный момент разовое, однократное действие: 'когда уже должен был срубить, когда оставалось только срубить', 'как раз перед тем, как отправиться сюда' и т. д. (в последних двух примерах форма конъюнктива употреблена в контексте с историческим настоящим и также обозначает однократное действие).

При другом типе контекста (например, при имперфекте несовершенного вида в главном предложении) конъюнктив совершенного вида может обозначать в составе такого же придаточного предложения многократное действие, однако только такое многократное действие, каждый отдельный акт которого являлся непосредственно предстоявшим по отношению к каждому отдельному акту действия, выраженного глаголом главного предложения: «Те (орлы.— *Ю. М.*) стояха на страна и не се помръдваха, като вкаменени. *Кога да хвръкнат* (т. е. каждый раз перед тем, как взлететь. —*Ю. М.*), прибягваха с широки крачки, пригърбени, с разперени грамадни крила, и тежко се подемаха» (Йовк.). Употребление совершенного вида во всех рассмотренных и других подобных случаях обусловлено тем, что действие, выраженное формой конъюнктива (или, как в последнем примере, каждый отдельный акт выполнения этого действия), рассматривается и не может не рассматриваться здесь как единое целое, как целостный факт, интересующий говорящего не с точки зрения протекания этого действия, а лишь как точка во времени, служащая для указания времени другого действия.

Лишь редко встречаются (и носят по существу несколько другой характер) аналогичные конструкции с несовершенным конъюнктивом, например: «...да посветиш толкова труд, време, грижи, и *когато да се радваш* на това, което си направил ти...» (Е.-П.).

Таким образом, необходимость выразить определенные хронологические отношения между действиями как в случае предшествия одного действия другому, так и в случае следования определенного действия за моментом, в который произошло или происходило другое, вызывает использование форм совершенного конъюнктива, не заменяемых или даже вообще незаменимых соответствующими несовершенными формами. Это проявляется как в отношении однократных, так даже и в отношении многократных действий (ср. *кога да хвръкнат* в приведенном выше примере из Йовкова).

Наоборот, в некоторых других типах употребления обнаруживается резкое тяготение к использованию форм несовершенного конъюнктива. Такой случай представляет собою прямой или косвенный вопрос, выражающий сомнение в целесообразности совершения того или иного действия, и именно отрицательная форма (обычно «отрицательная половина») такого вопроса. Ср. следующие примеры: «Младенчовица се бо-

inslav

реше в себе си, дали да продума на свекър си, да му каже това, което я мъчеше, *или да му не продумва*» (Влайк.); «Тошка помисли да иде ли, *или да не отива*, поколеба се и отиде» (Карасл.); «Да ѝ кажа ли? попита се тя. *Или да не ѝ казвам*?..» (там же); «Тя ръсеше сол, опитваше как е с черния пипер и се чудеше дали да сложи още малко червен пипер *или да не слага*» (там же); «Дълго се колеба Севда — да иде ли, *или да не ходи*» (там же); «...не знаеше какво да прави — да го разгърне ли, за да види какво ѝ дава свекърът, *или да не го разгръща*» (там же). Впрочем, в отрицательной половине формулы возможен и совершенный вид, например: «Цвета се поколеба да спре ли, *да не спре ли*» (Е.-П.), но такие случаи встречаются значительно реже. Тенденция к замене при отрицании совершенного вида несовершенным, характерная и для некоторых других случаев употребления глагольных форм в болгарском, как и в других славянских языках (ср. русск. *сказать или не говорить*, *пойти на вечер или не ходить* и т. п.), связана, очевидно, с тем, что при отрицании мысль часто, а особенно когда речь идет о действиях только предстоящих, направляется не на интегральную целостность действия, а на самый процесс этого действия, на любую, даже не доведенную до целостности частицу его протекания.

В данном обзоре мы, конечно, далеко не исчерпали всех типов употребления конъюнктива в болгарском языке, да это и не входило в задачу данного раздела. Для нас важно было проследить основные линии разграничения и противопоставления совершенного и несовершенного вида в формах конъюнктива, выявить основные значения форм того и другого вида и общие условия появления этих значений. Подводя итоги, можно сказать, что совершенный конъюнктив используется, когда действие — однократное или многократное — рассматривается как некая целостность, то ли «естественная» (при выражении отдельного, однократного действия), то ли полученная путем «суммирования» или в порядке «экземплификации» (при выражении в соответствующем контексте действия, объективно многократного). Изображая действие в его целостности, совершенный конъюнктив используется и при передаче некоторых типов хронологических отношений между действиями. Несовершенный конъюнктив выражает однократное, непрерывно-постоянное, многократное и обычное действие, причем многократное и обычное действие рассматривается в его неограниченной повторяемости, а однократное — либо в процессе его протекания, либо в общей, принципиальной плоскости. Обобщая эти случаи, можно сказать, что несовершенный конъюнктив обозначает действие без указания его целостности. Он во многих случаях ярко противополагается совершенному конъюнктиву, но в некоторых других — в той или иной мере сближается с ним и отчасти способен заменить его.

9. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СОВЕРШЕННЫМ И НЕСОВЕРШЕННЫМ ВИДОМ В УПОТРЕБЛЕНИИ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Область настоящего времени — та область, в которой во всех славянских языках видовое противопоставление оказывается осложненным и углубленным своеобразным взаимодействием с категорией времени. Основное и прямое значение настоящего времени — значение протекания действия в момент речи, совпадения какого-то «серединного» момента действия с моментом речи [239]. По самой своей природе это значение не вяжется с представлением об интегральной, неделимой целостности действия. Именно поэтому формы настоящего времени от основ совершенного

[239] Невозможно согласиться с теми лингвистами, которые это отрицают, в частности с Н. С. Поспеловым.

inslav

вида, как известно, не могут быть использованы в значении конкретного настоящего и выступают как настоящее время только за пределами конкретного настоящего и только при наличии известных специальных условий или же получают (в ряде славянских языков широко, в болгарском — только в некоторых случаях) значение будущего времени.

Настоящее время встречается в болгарском языке: 1) в прямом употреблении, т. е. как собственно-настоящее время, что не сводится только к конкретному настоящему; 2) в переносном употреблении — как историческое настоящее, как сценическое настоящее или вместо будущего; 3) в относительном употреблении—например после глаголов «идеальной деятельности» в любом времени. Формы настоящего времени могут обозначать однократное, постоянно-непрерывное, многократное, обычное и потенциальное действия. В результате всех этих подразделений мы получаем довольно большое количество рубрик. Рассмотрим, как проявляет себя в каждой из них категория совершенного и несовершенного вида.

А. Собственно-настоящее однократного и постоянно-непрерывного действия (актуальное настоящее)

Однократное, «разовое» действие в собственно-настоящем времени обязательно есть действие, конкретно протекающее в самый момент речи. Такое действие может быть выражено только несовершенным видом. Это и есть так называемое конкретное настоящее, точнее конкретно-процессное настоящее несовершенного вида.

Именно это значение несовершенного настоящего наиболее специфично: в нем и воплощается наиболее полно основное, исходное значение настоящего времени. Ср. следующие примеры: «— Къде ме *занасяш*, бре момче, ще ти се карат там господарите...— вика дядо Матейко и се дърпа да побегне...» (Е.-П.); «— А, ето го и бай Гроздан Грозев *иде* — рече Касаветов и посочи с поглед към кмета» (Карасл.); «Цено ... не сваляше нито за секунда бинокъла си.—*Виждаш* ли окопите? — попита командирът» (Веж.); «...Марийо, я излез, Мариница те *търси*» (Ман.) и т. д.

Как видим, все примеры взяты из прямой речи действующих лиц литературных произведений. Во всех случаях ситуация, описанная автором, а иногда (в последнем примере) и самый контекст в рамках данной реплики, ясно показывает, что речь идет о действии, находящемся непосредственно в процессе своего протекания именно в тот момент, когда говорящий сообщает или спрашивает об этом действии. Специфическая сфера применения такого рода настоящего времени — живая устная речь. Именно потому данный тип настоящего и принято обозначать как «настоящее в смысле ответа на вопрос «что это ты делаешь? чем это ты занят?» [240]. Во всех таких примерах замена несовершенного настоящего совершенным абсолютно невозможна.

Глаголы, по своей лексической семантике обозначающие постоянные, непрерывные действия, проявляют и в собственно-настоящем свое постоянно-непрерывное значение. Например: «—Тé ми булката, дядо Митре, *познаваш* ли я?..— *Познавам* я та.., от дете я *знам*...» (Е.-П.); «Природата *съществува* и *действува* обективно-закономерно, но без каквито и да било цели» (Павл.); «...самият марксистко-ленински мироглед *има* две съставни части или страни: първо, материалистическа теория (или система) и, второ, материалистическа диалектика (или метод)» (там же) и т. д. Форма настоящего времени выражает в этих случаях какой-то посто-

[240] См. B. Kopitar. Grammatik, стр. 310; Fr. Miklosich. Vergleichende Syntax, стр. 274—275; E. Koschmieder. Nauka..., стр. 26 и след.

inslav

янно или всегда существующий факт, «действие», наличествующее постоянно и непрерывно, в том числе и в момент речи. Естественно, что и здесь уместен, собственно, только несовершенный вид. Лишь изредка в переносном смысле со специальным стилистическим заданием подчеркнутой образности оказывается возможным использование в этом значении также и совершенного настоящего, например, в таком контексте: «Пътеката нагоре върви все из дерето.., минава през стари зеленясали дъби, после разсича пояс от тъмнозелени буки и отведнъж, като *се застои* пред падащия от канарата водопад, *завие* встрани и *изпълзи* през шубраците, та горе» (Даск.).

Конкретно-процессное значение и значение постоянно-непрерывного действия могут быть объединены в рамках собственно-настоящего времени под именем «актуального настоящего» [241]. Примерам актуального настоящего противостоят примеры «неактуального настоящего», которое мы рассмотрим ниже.

Б. Историческое и сценическое настоящее однократного действия

В настоящем историческом действии, о котором повествуется, является объективно прошедшим или же вымышленным как прошедшее. Вместе с тем действие это изображается так, как если бы в действительности оно происходило в самый момент речи (если это единичное действие) или в период, охватывающий момент речи (если это действие повторяющееся или потенциальное, о чем речь будет ниже). То же самое относится и к «реферативному» настоящему, представляющему собой некоторый вариант исторического и используемому при пересказе содержания литературных произведений [242], а также к сценическому настоящему, т. е. настоящему сценических ремарок, сопровождающих ход действия в драматическом произведении.

В литературном болгарском языке историческое, «реферативное» и сценическое настоящее, выражающее однократное действие, может быть, как норма, только настоящим несовершенного вида. Это значит, что однократное действие, передаваемое в историческом, «реферативном» или сценическом настоящем, рассматривается как процесс, протекающий в момент, о котором идет речь. Ср. следующие примеры. Историческое настоящее: «Сълза Младенова се усмихна на разсеяността си. Мъничкото ѝ птичо личице *сияе* блаженно,мечтите я *понасят* към нейното щастие, което *не е* вече далеч и за което тя *дава* цялото си сърце, всичката си любов» (Е.-П.). «Реферативное» настоящее: «Първият том на романа засяга любовта на младия учител Тъкачев и селската девойка Станка. Семейството на широкия социалист Тъкачев *е против* женитбата на младежа за Станка. Тъкачев *отстъпва* пред волята на баща си и с това вече *показва* своята безхарактерност и опортюнизъм» (Минк.). Сценическое настоящее: «На една от пейките с лице към салона *седят* майстор Танас... и внукът му Славчо; *закусват* от яденето, което си *носят* в разтвореното помежду им сандъче» (Вас.).

---

[241] Термин «актуальное настоящее» введен Фр. Копечным («Dva příspěvky k vidu a času v češtině».— SaS, t. X, стр. 151—158), называющим так тот тип настоящего, в котором невозможно использование многократных глаголов.

[242] «Реферативное» настоящее можно рассматривать как разновидность исторического, но отличие его от собственно-исторического настоящего состоит в том, что «реферативное» более или менее о б я з а т е л ь н о (при реферировании беллетристических произведений) и не имеет стилистической окраски живости, тогда как историческое настоящее в собственном смысле ф а к у л ь т а т и в н о (всегда можно вернуться к повествованию в прошедшем времени или в пересказывательном наклонении) и характеризуется в большей или меньшей мере такой стилистической окраской.

inslav

В приведенных примерах формы настоящего времени *сияе*, *не е* (*далеч*), *е* (*против*), *седят*, *закусват*, *носят* обозначают действия, во-первых, обладающие известной протяженностью и, во-вторых (особенно ясно это видно в последнем примере), одновременные, не выстраивающиеся в последовательный временной ряд. В силу этих двух обстоятельств их рассмотрение в качестве протекающих процессов представляется вполне естественным. Иначе в формах *отстъпва* и *показва* в примере из Цв. Минкова, а также *понасят* в первом примере. Эти формы обозначают действия, представляющие собою этапы, звенья в поступательном ходе событий. В этих случаях рассмотрение действия в качестве протекающего процесса логически как будто неоправдано. Тем не менее подобные примеры встречаются в большом количестве. Приведем еще более показательные: «Касиерката му *подава* усмихнато остатъка, бай Ганю *се впива* в нея с маслени очи, *поемва* парите и с една своеобразна кашлица си *изказва* чувствата. Тя *прихва* от смях, бай Ганю, възхитен, *засуква* си левия мустак и си *заклатва* главата...» (Конст.); «И когато белият жребец на Индже *трепва* и *отпуща* опашката си чак до земята, а Индже *вдига* ръка, всички *млъкват*» (Йовк.); «—Много е хубаво,— *отговаря* студентката. И тя *остава*, *навлича* сините панталони и синята работническа рубашка... и с кирка в ръка *се покатерва* като коза по стръмните канари, за да проправя Прохода на Републиката» (Карасл.). Так же и в сценическом настоящем: «Светла мълчаливо вдига ръчката. Машината тежко *запухтява* и *спира*» (Гул.).

Мы ясно видим, что во всех этих примерах в формах несовершенного настоящего в качестве протекающих, развертывающихся процессов изображаются действия, объективно быстротечные, мгновенные и, главное, составляющие последовательный временной ряд, сменяющие друг друга на линии повествования. Обращает на себя внимание еще и то обстоятельство, что мы везде здесь имеем дело с формами настоящего времени, образованными от вторичных несовершенных основ (ср. также выше — *отстъпва*, *показва*, *понасят* — вторичные несовершенные основы). Это знаменательно в двух отношениях: во-первых, как дополнительный веский аргумент против еще недавно выдвигавшихся в болгарском языкознании и, может быть, до сих пор не изжитых болгарской средней школой теорий об особом многократном значении вторичных основ несовершенного вида (во всех примерах мы здесь совершенно явно имеем однократное значение); во-вторых, как своеобразное отражение того факта, что при переводе повествования из исторического и других, сходных типов настоящего в прошедшее время или в пересказывательное наклонение мы получили бы здесь формы совершенного вида [243]. Иначе говоря, во всех случаях видовое противопоставление оказалось, так сказать, «нейтрализованным», «снятым» в пользу несовершенного вида. Такова общая закономерность в историческом, «реферативном» и сценическом настоящем в болгарском литературном языке (как и в современном русском литературном языке) [244] при обозначении единичного, однократного действия.

Несколько иначе обстоит дело в некоторых болгарских говорах, в частности в западных говорах, где в настоящем историческом при выражении

---

[243] На то, что формам совершенного вида прошедшего времени (конкретно — формам совершенного аориста) соответствуют в этих случаях в историческом настоящем формы от вторичных несовершенных основ, указал проф. Л. Андрейчин (см. «Kategorie znaczeniowe», стр. 31).

[244] Ср. о современном русском языке: «При переводе повествования из плоскости прошедшего времени в плоскость исторического настоящего все глаголы как совершенного, так и несовершенного вида оказываются уравненными в формах настоящего времени несовершенного вида» (Маслов. Вид и лексическое значение глагола...— «Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка», т. VII, вып. 4, стр. 307).

inslav

единичных, однократных действий в той или иной мере может быть использован не только несовершенный, но также и совершенный вид. Такое употребление вида в историческом настоящем типично для ряда славянских языков [245], но на почве болгарских говоров оно еще детально не исследовалось [246]. Нам приходится вкратце упомянуть о нем, поскольку оно, хотя и редко, проникает в художественную литературу как прием речевой характеристики персонажей, происходящих из Западной Болгарии (преимущественно крестьян-«шопов»).

В более или менее широких масштабах отражено это явление, собственно, только у одного болгарского писателя, Михалаки Георгиева, вообще довольно точно передающего диалектную речь северо-западных районов Болгарии. Кроме одного отрывка из сочинения этого писателя, приведенного Л. Андрейчиным [247], ср. еще следующие: «По едно време, гледам: нема добичето! Море, търсим я, тук магаре, там магаре—нема магаре! *Станем* да го търсим чак по селото. Тамам на завой, низ селската урва, его ти, гледам, Колю Джамбазина кара магарето ми. *Посрещнем* го я, па си сакам магарето, а он ми *каже*, че го купил от дедо попа. *Хванем* я магарето за юлара, а циганина по магарето, па *станеме*, та при попа. Оти си ми, *кажем*, продал магарето на тоя циганин, дедо попе? Попа върти мустак, па ме гледа кръвнишки и ми казва...» (М. Георг.); «Един (адвокат.— *Ю. М.*) се дотътра чак у селото, па ми *каже*, «Дай ми четири жълтици, па я ще ти избавим воденицата».— Мислим, мислим; есапим, есапим: все воденицата повече чини от четири жълтици! Що да правим?.. *Вземем* та *продадем* магарето, *изрежем* до люспа все що имаше нанизец по дечурлигата, па *съберем* наедно, та у градо, при сарафино. *Преброим* ги на сарафино, *купим* четири жълтици, *оплачем* ги, па — у ръцете на двоокатино » (там же); «Некой дошел.. та казал на попа, че Кузман, кръчмарина, неговия ортак, обрал все, що имало готова пара у кръчмата, па възседнал поповия хайгър и хванал дългия!.. Попа, нàдве-нàтри, *ритне* с крак вратата на яхъра, *иде* дома си, *вземе* кобурите, *възседне* друг кон, па се *пусне* да гони ортака си» (там же);«Един ден отивам на воденицата си, а насреща ми иде, запъхтел, моят воденичарин!... Що е? питам. Остави се, *каже*, голема беля!... Селяните... отведоха вадата... и сега вече воденицата стои!.. *Бутнем* коня по-скоро, та там!... Гледам и се чудя!.. Що правите, бре бракя, питам ги...» (там же) и т. д.

Как видим, совершенное настоящее обозначает здесь либо действия, которые выстраиваются в последовательный временной ряд, сменяя друг друга на линии повествования, либо отдельное действие в таком ряду (например, *бутнем* в последнем отрывке). Здесь же используются формы

---

[245] См. кандидатскую диссертацию А. В. Бондарко «Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в славянских языках» (автореферат. Л., 1958).

[246] Л. Андрейчин в «Kategorie znaczeniowe...», (стр. 31) говорит об «обобщении» (upowszechnienie), а в «Основна българска граматика» (§ 243), более осторожно, лишь об «очень широком» использовании форм совершенного вида в настоящем историческом в западноболгарских говорах. Не занимаясь здесь исследованием диалектных данных, поскольку это не входит сейчас в нашу задачу, отметим только, что, например, в диалектных записях К. Попова, сделанных в с. Габаре Белослатинской околии (сев.-зап. Болгария), широко представлены в историческом настоящем оба вида. Ср.: «Офчàра казàл: «Йимам си, ше ти зàкола». И *зѐме* та *вакдле* еднà от нѐговите си òфци» и ниже в том же тексте: « *Дȕпа* бакъйа и *отвàда* за вòда. На герàн'а *намѝра* читѝресе òфци злàтни и двѐ пцѐта злàтни. *Врàшта* са насàт чврсто». (К. Попов. Говорът на с. Габаре,Белослатинско.—«Известия на Института за български език»,т.IV,1956, стр.175). При переводе повествования в план пересказывательного наклонения и в первом и во втором отрывке мы получили бы формы совершенного вида.

[247] L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 31; его же. Основна българска граматика, § 243.

inslav

несовершенного настоящего частично — для обозначения такого же рода действий (ср. *казва* в конце первого отрывка и *каже*, *кажем* в середине его, *питам* в последнем отрывке и др.), частично же для обозначения действий, которые одновременны другим (*иде* и *отивам* в последнем отрывке) или в силу своего подчеркнуто длительного характера в любой временнóй перспективе представляются как нецелостные, несовершенные (*мислим*, *мислим*; *есапим*, *есапим* во втором отрывке) [248].

У других болгарских писателей, описывающих жизнь крестьян западной Болгарии, мы не находим в прямой речи персонажей столь последовательного отражения рассматриваемой диалектной особенности. У них мы встречаемся лишь с отдельными, изолированными формами совершенного вида в историческом настоящем при передаче однократного действия, как например: «— Съгласи се жената... Заръчвам аз вино да се черпим, черпим всички там, що бяха, па й *дам* една фаша царвули и една стотарка...Като хора, знаеш — да се знае, що е речено и казано. Изпратих я като своя...» (Е.-П.). Ср. также: «Веднъж дядо Цено се връщал с чувал... Слуша нещо врещи. Оглежда се наоколо — няма нищо. *Тръгне* пак, *повърви* и току изведнъж — Вре-е-е! — врещи коза. Обръща се и гледа...» (Л. Стоян.).

В. Многократное и потенциальное значение форм настоящего времени

Если в рассмотренных до сих пор случаях, т. е. при выражении однократного действия, формы настоящего времени в функции исторического (и сценического) настоящего представляют свои специфические особенности, требующие специальных оговорок и отдельного (от собственно-настоящего) изложения, то в тех случаях, к которым мы теперь переходим, при выражении многократного или потенциального действия между собственно-настоящим и историческим (или сценическим и т. д.) настоящим фактически нет большой разницы. Поэтому мы можем рассматривать здесь оба типа настоящего вместе.

При многократном значении форма настоящего времени указывает на действие, повторяющееся то или иное (обычно — неопределенное) число раз в период, охватывающий момент речи, или при историческом (сценическом и т. д.) настоящем — в период, охватывающий момент, до которого достигло повествование. При потенциальном значении она указывает на действие, реализация которого возможна в любой данный момент такого периода. И многократное, и потенциальное значения (на практике не всегда четко отграниченное одно от другого) выражаются несовершенным видом, но, при наличии известных условий, здесь довольно широко применяется и совершенный вид.

Приведем сначала примеры несовершенного вида. На многократное и специально на неограниченно-кратное значение отчетливо указывают лексические элементы контекста — обстоятельства типа *често*, *понякога*, *винаги* (последнее — если глагол по своему лексическому значению в данном контексте не может обозначать постоянно-непрерывного действия), *всяка вечер* и другие подобные, например: «— Нашият ратай Лукан *често* ми *говори* за тебе» (Е.-П.); «Писмата *винаги идват* със закъснение, а някои, както казва Стоян, даже *се губят*» (Веж.). Впрочем, и без прямых лексических указаний, в зависимости от ситуации высказывания

[248] Конечно, более развернутая характеристика употребления совершенного и несовершенного видов в историческом настоящем в говорах, отраженных у Михалаки Георгиева, была бы возможна только на основе широкого привлечения подлинных диалектных записей, что не входит сейчас в нашу задачу.

inslav

(если она не предполагает конкретно-процессного значения), формы несовершенного настоящего могут выступать в значении неограниченной кратности или обычности действия, например: «— Кога ще дойде беят на конака? — Подир един час — той рано *иде*» (Ваз.). Значение обычности или потенциальное значение явствует нередко из общего состава высказывания, носящего характер сентенции, закона и т. п., например: «... когато добитъкът *е* болен, *не яде*» (Йовк.); «— То, лошото, свато, *не иде* самичко» (Карасл.) Ср. также в пословицах: «Който *гони* два заека, и двата *изпуща*» (Славейк.); «Който *захваща* много работа, той ни една *не свършва*» (там же); «Който *пада* сам, *не плаче*» (там же); «Която мома *не аресва* ирген, тя на старец *са пада*» (там же); «Която овца *са дели* от стадото, вълкът я *изяда*» (там же) и т. д.

Примеры с историческим настоящим: «...*Всяка секунда заскимтява* картечница или *профучава* граната, която, като сляпа птица, след секунда *се удря* в скалите с остър и зловещ писък...» (Л. Стоян.); «Пред изборното място са наредени на дълги опашки хора, които чакат реда си да гласуват. Ония, които са гласували, *излизат* усмихнати, *остават* да погледат хорото, или *се улавят* да поиграят» (Славнн.) и т. д.

Примеры со сценическим настоящим: «Майстор Брайно (който *ту влиза* в черква.., *ту излиза*: *нагледва*, *командува*, *разпорежда* всички и сам *работи*)» (П. Тодор.); «Откъм село, *отвреме навреме*, *иде* някой старец или жена и *влиза* в черква» (там же).

Как видим, рассмотренные нами примеры как собственно-настоящего («неактуального»), так и исторического или сценического настоящего относятся к тому типу значения, который выше (в разделе, посвященном конъюнктиву) мы назвали неограниченно-кратным. В историческом и сценическом настоящем возможно также ограниченно-кратное значение (т. е. сочетание глагола с обстоятельствами ограниченной кратности типа *на два пъти*). Так, в историческом настоящем можно сказать не только *Той отстъпва пред волята на баща си* (см. выше, на стр. 240, пример из Минкова), но и *Той отстъпва на два пъти пред волята* и т. д. Такое ограниченно-кратное значение несовершенного настоящего, очевидно, тоже есть результат своеобразной «нейтрализации» видового противопоставления (и соответствует рассматриваемому ниже суммарному значению совершенной формы в претеритальном повествовании). В собственно-настоящем в примерах типа *Скъп два пъти плаща* (Г., под *плащам*) обстоятельство ограниченной повторяемости не придает ограниченно-кратного значения глагольной форме, сохраняющей свое значение обычности, т. е. неограниченной кратности ('каждый раз, как нужно платить, скупой платит не по одному, а по два раза').

Обратимся к примерам совершенного настоящего. Здесь прежде всего обращает на себя внимание «гномическое употребление», употребление совершенного настоящего в пословицах и сентенциях (примеры из Славейк.): «Кога *викнат* сички «пиян си», и да не си пиян, ставаш»; «Кога *викнат* сички на едно куче «бясно е», и да не е, бяс го хваща»; «Кога *падне* човек в морето, той и за сламка са улавя (или: тои за змия са хваща)»; «Кога *са катурнат* колата, тогаз много пътища са отварят»; «Кога *умре* човек, тогаз стая добър»; «Котката, отдето я *фърлиш*, на краката си пада»; «Дето *влезе*, сух не излиза»; «Дето *падне* въглена, там и изгаря» и т. д. Ср. и в художественной литературе: «Добро или лошо когато *тръгне* някому, върви му» (Йовк.); «*Хванеш* ли се на това хоро, мъчно се пущаш» (Л. Стоян.); «*Изброиш* до сто — и готово! Ризата се явява на бял свят» (Гул.). В стихотворном тексте у Хр. Ботева: «Тоз, който *падне* в бой за свобода, той не умира...» и т. д.

Во всех приведенных примерах настоящее совершенного вида употреб-

inslav

лено в придаточном предложении (временно́м, условном и других типов), тогда как в главном стоит настоящее несовершенного вида. В целом сложноподчиненное предложение представляет собой двучленную формулу, в которой выражена типичная, регулярная, даже обязательная связь двух событий, двух действий: одно действие, будучи совершено, став фактом, вызывает второе, и оба действия вместе повторяются неограниченное число раз в период, охватывающий момент речи, или могут вновь произойти в любой данный момент этого периода. Такой тип связи двух действий и вообще такой тип контекста назовем кратно-соотносительным парным типом, или для краткости — кратно-парным типом. Можно считать, что в кратно-парном типе настоящее время совершенного вида выступает как своего рода относительное время — время предшествия другому действию, выраженному во второй половине формулы.

Впрочем, предшествие может остаться в аналогичных случаях и невыраженным. Как мы видели выше, при точно таком же соотношении действий придаточного и главного предложения в придаточном может быть использован и несовершенный вид (*Който пада сам, не плаче* и другие подобные примеры). Иногда между формами настоящего времени одного и другого вида наблюдается ясное смысловое различие, например: «Кога, *са дави*, пуща брадвата; кога *са избави*, жалей топоришката» (Славейк.). *Кога са дави* — «конативное», или «тендентивное», значение, значение тенденции к действию, еще не осуществившегося действия; *кога са избави* — значение осуществившегося факта. Но даже глаголы, способные иметь конативное (или тендентивное) значение в формах несовершенного вида, не обязательно его имеют (ср. хотя бы *който пада* в приведенном выше примере, где имеется в виду не тенденция упасть, а осуществившееся в каждом отдельном случае падение).

Таким образом, различие между формами несовершенного и совершенного настоящего в подобных придаточных предложениях можно определить так: несовершенный вид возможен в любом случае, при любом характере действия; совершенный вид возможен только в тех случаях, когда действие придаточного предложения каждым своим актом предшествует каждому акту действия главного предложения, т. е. когда отношение двух этих действий определяется формулой «каждый раз, как произойдет то-то, происходит то-то». Совершенное настоящее закрепилось в ряде формул и привычных выражений типа пословиц, но в принципе оно нигде не является единственно возможной формой и всегда может быть заменено несовершенным настоящим. Употребление совершенного настоящего в этих случаях однозначнее. Оно точнее и рельефнее подчеркивает ту мысль, что уже каждый отдельный акт первого действия, каждый отдельный случай, в котором это действие оказывается совершившимся, влечет за собой проявление второго действия. В силу этой рельефности употребление форм совершенного вида связано здесь и с большей эмоциональной насыщенностью и наглядностью высказывания: общее правило как бы оказывается «экземплифицированным», выраженным на конкретном примере отдельного случая. Иными словами, мы имеем здесь дело с наглядно-примерным («конкретно-репрезентативным») значением. Именно этой наглядностью и объясняется широкая распространенность такого употребления совершенного настоящего в устной разговорной речи, в языке художественной литературы и в пословицах.

С другой стороны, отметим, что в кратно-парном типе совершенный вид бывает представлен, хотя и намного реже, и в главном предложении, если действие носит характер внезапный, быстротечный, или вообще так или иначе стимулирующий восприятие действия в его целостности. Так, например: «...Сегашната младеж тъй правят. Харесат се и без да питат тъй,

inslav

току ти я *тропнат* на вратата» (Даск.). Конечно, и здесь совершенный вид тем более не является обязательным.

Рассмотренный кратно-парный тип есть наиболее четкое выражение соотносительности повторяющихся, связанных между собой действий. Но соотносительность таких действий может быть выражена и в сложносочиненном или «слитном» предложении (или в соподчиненных предложениях), где она уже не будет подчеркнута синтаксическими средствами (средствами подчинения). В этом случае мы будем говорить о кратно-соотносительном цепном, или, короче, о кратно-цепном типе, в котором мы имеем в принципе неограниченный ряд действий, повторяющихся с одинаковой или с неодинаковой периодичностью. Так,ср. «Нейната усмивка приличаше на слънце, което в миг *пробие* облаците, *светне* над полето и пак *се скрие*» (Е.-П.) и, с другой стороны, «Война като война: един *падне* мъртъв, друг *осакатее*, трети *се куртулише*, каквото всяка война, това и тука!» (М. Георг.). В последнем примере отчетливо выступает нерегулярная повторяемость и как бы необязательность в каждом отдельном случае именно данных перечисляемых действий, в сочетании с их общей типичностью для рассматриваемого временнóго отрезка. Совершенное настоящее и в этих примерах, конечно, не является обязательным. Но оно пластичнее передает описываемую картину и особенно четко выражает потенциальное значение, например: «Сега у нас в Каратопрак гроздето е узряло... *Станеш* и *набереш* опзи ми ти хафуз-али, едри салкъми, като ханаански гроздове, сладък като захар...» (Л. Стоян.).

Специальный случай потенциального настоящего совершенного вида представляют собою конструкции с отрицанием, в которых глагол обозначает действие, возможное в любой момент, но в данный момент не совершаемое субъектом. Так, например: «Остани!—Остани ти! Защо *не останеш* ти?» (Ваз.); «Но защо *не се преоблечеш*, така ли ще ходиш?» (Гул); «Добър вечер! Защо *не запалите* електричеството. Тъмно е вече» (С. П.). В несколько иной синтаксической конструкции: «— Луди сте, та се блъскате на стари години — коряха ги съседите,— ами се *не дигнете* та при Милен у София. Нали ви вика човеко» (Даск.). Во всех подобных примерах соотносительность с другим действием уже не имеет места; речь идет об изолированной форме совершенного вида в значении потенциального настоящего.

Рассмотрим теперь примеры исторического настоящего совершенного вида. В значительной своей части они также относятся к кратно-соотносительному (парному и цепному) типам.

Парный тип представлен, например, в следующих случаях: «По тоя повод бае Цоло казва, когато го *задянат* за тънката струна...» (М. Георг.)— в точно таком же оформлении этот пример исторического настоящего мог бы представлять и собственно-настоящее. Ср. с прошедшим временем в главном предложении: «— Като че не е нашата челяд, бе...— трупаха се като смутен добитък старите, когато в празник младежта *наизлезе* облечена модерно» (Даск.) С совершенным видом и в главном предложении (с переходом в кратно-цепной тип): «Така всяка вечер. Щом *падне* мрак, *наобиколят* го селяни, той *пусне* мотора, вършачката *запее* и мирис на нафт и жито *се разнесе* наоколо» (Даск.); «Пише си и си повтаря на ум. И *станат* ли дванайсет, *викне* сам на чорбаджията и му я *тръсне* в чувала» (там же). Здесь мы имеем такие же двучленные формулы, выражающие регулярную связь двух многократно повторяющихся фактов, предшествующего и последующего, какие нам встретились выше в рамках собственно-настоящего. Всюду здесь возможен был бы и в придаточном предложении несовершенный вид («бае Ц. казва, когато го *задяват*» и т. д.), но при употреблении совершенного вида отношение данного действия к другому и

inslav

самый характер каждого его акта, предшествующего каждому акту другого, соотносительного действия, как бы выступает пластичнее, рельефнее, как это мы наблюдали и в других случаях так называемой экземплификации многократного действия.

Кратно-цепной тип представлен в «слитном» и в сложносочиненном предложении: «А орелът все се виеше. *Плющне* дваж-триж криле па пак ги *простре* неподвижни и черни във въздуха» (Ваз.); «Днес не вървеше... Изгърмяха си патроните. *Раниш* го проклетия му заек, *повлече* си краката, *забута* се в храсталака и го няма никакъв» (Е.-П.); «После поглеждаше към харманя — там Марин и старецът правеха нещо. *Поспрат се*, *погледнат* в ръцете си и пак *заработят*» (Йовк.) и т. д.

Далее следуют примеры, в которых уже имеем длинные цепи форм совершенного настоящего для обозначения многократных действий, перемежающихся или следующих друг за другом в рамках повторяющегося цикла. Ср., например, выражение перемежающихся действий (с использованием союза *ту — ту*): «Той... играеше твърде лудешки и ексцентрично и даваше на безкрайната жива верига, която го следваше, най-капризните криволения и фигури: ту хорото заприличваше на безукоризнено правилен полукръг, *ту се завие* около себе си като заспал смок и пак *се развие* и *преобърне* в права линия, или пък изобразява разни фантазии» (Ваз.). Примеры с последовательными действиями: «Дамян забрави колко пъти беше опитвал на връщане край плетищата, *вземе* кавала, *продуха* няколко негови си свирни и *почне*. Но отведнъж току *засече*, пръстите му *се вдървят* и *останат* да висят във въздуха, гърлото му *пресъхне*. Жена му, станала като чорбаджия над главата му, *настои* и той *опита* пак» (Даск.); «Той работеше денонощно, но някак и нему не вървеше. *Ушие* дрехата на някой другоселец, *дойде* тоя с шише ракия у нас, *пийнат* с баща ми, *поразговорят се* и току баща ми *сгъне* дрехата, *превърже* я с кълчищен конец и *рече*: — Хайде, Манаси, със здраве да я носи момчето ти... Другоселецът *поклима* глава в знак на благодарност, *пъхне* дрехата в шарената торба и *вземе* да се стяга за път» (Григ.).

Именно сюда следует отнести совершенное настоящее в стихах Хр. Ботева: «*Настане* вечер — месец *изгрее*, |звезди *обсипят* свода небесен;| гора *зашуми*, вятър *повее*, — |Балканът пее хайдушка песен!» Отличие от предыдущих примеров состоит только в том, что, как это естественно для лирической поэзии, здесь менее ясно чувствуется «исторический» характер этого настоящего, оно может восприниматься и как собственно-настоящее неактуальное[249].

В кратно-цепном типе, как и в кратно-парном, рядом с формами совершенного настоящего нередко стоят формы несовершенного (например, *изобразява* в приведенном выше примере из Вазова). Часто эти формы обозначают более длительные процессы, служащие как бы фоном, на котором развертывается несколько более кратких действий в пределах повторяющегося цикла: «Нали с назе е работила цяло лято... *Стане* пладне, ние *полегнеме* да си отпочинем, само тя *не ляга*. *Яде* я така отвътре и току *земе* бъклите, та в доло за вода» (Даск.). Ср. еще: «Кога навърши Младен двайсета година, а он стана един мъжага — и баща си надрастна!..

---

[249] Др. Матеев («Семантиката...», I, стр. 67) называет совершенное настоящее, в частности в этом примере из Ботева, «несоотносительным», или «иррелативным», временем, так как оно выражает действие «без отношение спрямо момента „сега“». Можно, однако, сказать, что в этом смысле «иррелативным» будет всякое историческое настоящее (независимо от вида), настоящее в смысле будущего и т. д. С другой стороны, название, предложенное Матеевым, неудобно еще и потому, что соотносительность здесь как раз наличествует, хотя это и не есть соотносительность с моментом речи, а соотносительность с другим действием (или ряда действий друг с другом).

inslav

Хване Младен в ръце оня голем чук, а бае Крачун *държи* с клещи нагорещеното железо на наковалнята, па като го *завърти* в ръце като некое перо, па туп-ха, туп-ха,— *чука* така юнашки, та искрите *летят* като дъжд от железото!» (М. Георг.)

Иногда формы несовершенного настоящего могут обозначать действия, вполне однотипные со всеми другими действиями цепи. В этих случаях смысловое различие между совершенными и несовершенными формами является минимальным, например: «Бучение се разнася високо над кошера и пчелите се сгъстяват на тъмно кълбо. Тогава тя стане, натрие приготвеното кошарище с маточина, дигне го с дъното към тях и *запява* (вполне можно было бы сказать *запее.— Ю. М.*) «мат, мат, мат...» Целият рояк се завърти унесен от песента ѝ, па току се смъкне помамен та в кошарището. След това тя излизаше само зачервена...» (Даск.).

Наконец, в ряде случаев форма совершенного вида может быть употреблена в историческом настоящем многократного действия и вне соотносительности с другим действием, которое повторялось бы с той же периодичностью. Ср. например: «Майката е досъщ Тинка... Зад бледината на лицето... се крие нявгашна хубост. Тя слуша дъщеря си, слуша, па *въздъхне*: (далее следует прямая речь. — *Ю. М.*)» (Даск.); «И замъкнах катъра у дома. А той беше един голям, малко черничък, току слухти с уши и *отвреме-навреме* тропне с преден крак» (Григ.) и т. д.

Итак, многократное и потенциальное действие может быть выражено в собственном и в историческом настоящем как в несовершенном виде (неограниченно-кратное, а в историческом настоящем также и ограниченно-кратное значение), так и в совершенном виде (наглядно-примерное значение, главным образом при наличии соотносительности с другим кратным действием, но иногда и вне такой соотносительности).

Рассмотрим теперь вкратце остальные типы употребления форм настоящего времени.

Г. Настоящее в значении будущего

Формы настоящего времени в значении будущего употребляются в болгарском языке в трех типах случаев: 1) в случае так называемого пророческого настоящего (praesens propheticum)[250]; 2) в случае четкой запланированности будущего действия или ряда таких действий; 3) в придаточных предложениях временных и условных, относящихся к главным, сказуемое которых стоит в форме будущего времени, повелительного наклонения или конъюнктива, а иногда и в некоторых других формах.

Первый случай — самый редкий, но мы начнем с него, так как он в принципе аналогичен только что рассмотренному историческому настоящему. Суть «пророческого настоящего» заключается в наглядном изображении (как бы перед глазами говорящего и слушателя или читателя) воображаемой картины будущих действий, однократных или многократных, одновременных друг другу или последовательных. Закономерности употребления видов должны быть здесь, по-видимому, те же, что и в историческом настоящем. Но литературные примеры весьма редки. Нам встретились только случаи с несовершенным настоящим, например: «Представете си, Драголов, че вашият строеж е завършен... Лампите на сцената и в салона светнали, младежите и децата *се стичат*... Вашият син, дъщеричката ви *седят* в новото салонче и *слушат* ей с такива светнали

[250] Некоторые авторы (например, A. Mazon. Emplois..., стр. 125) называют всякое настоящее, употребленное в значении будущего, praesens propheticum, но это представляется нам менее удобным.

inslav

очи!.. *Расте* образованието в нашия квартал, *расте* културата, *расте* силата ни!» (Вас.).

Второй случай встречается чаще. В нем возможен только несовершенный вид. Несколько примеров: «— Не, няма и да жънем — рече тя,— от утре *почваме*, а сега изкарай воловете да пасат» (Калч.); «— Има телеграма!.. Утре *пристигат* немците, а с тях и Зара...» (Дим.); «Тази нощ *хващам* балкана» (там же). Обычно в подобных случаях в предложении имеются какие-нибудь слова, указывающие на будущее время. Значение несовершенного настоящего в таких примерах скорее всего можно квалифицировать как чистое указание на факт, как значение, близкое к конкретно-фактическому.

Третий случай самый распространенный. В придаточных предложениях временны́х и условны́х, образованных с союзами *когато*, *като*, *ако*, *ли*, *щом*, *след като*, *докато* и относящихся к главным, сказуемое которых стоит в форме будущего времени, повелительного наклонения или конъюнктива (а иногда, как мы сейчас увидим, и в других формах), употребление настоящего времени вместо будущего является в современном литературном языке правилом. В таких придаточных предложениях чаще всего речь идет о действии, предшествующем в своей целостности действию главного предложения, и потому в них наиболее обычен совершенный вид. Однако, как указал проф. Андрейчин, встречается и несовершенный[251], именно в случаях, когда действие придаточного предложения одновременно действию главного [252], т. е. протекает в момент, о котором идет речь, и, следовательно, не может быть представлено как целостное. Приведем примеры. С совершенным настоящим: «Ще се сърди, и *като иде* при нея, ще се отсърди» (Карасл.). С несовершенным настоящим: «*Ако не се боят* от мене, ще се качат на главата ми!» (Дим.). При главных предложениях, не содержащих форм будущего, повелительного или конъюнктива, но тем не менее в сочетании с данным придаточным относящихся к будущему: «—Ще стигнем рано, господине... *Като прехвърлим* оня баир, ниския, и то, кажи-речи, сме стигнали!» (Е.-П.); «*Докато не видя* Юрталана в къщата си.. аз тая работа не я имам за опечена» (Карасл.)

Надо, однако, отметить, что даже при наличии в главном предложении формы будущего времени мы не всегда имеем в придаточном указанных типов значение будущего времени. Дело в том, что само будущее время может не иметь в болгарском языке значения будущего, может, в частности, употребляться для выражения повторяющихся действий настоящего или прошедшего [253], между прочим, и в качестве гномического будущего в пословицах, сентенциях и т. д. Ясно, что совершенное настоящее временны́х и условных придаточных предложений, относящихся к главным с таким «несобственным будущим» (гномическим, историческим и т. д.), не имеет футурального значения и относится не к рассматриваемой сейчас рубрике, а к рубрике гномического настоящего. Так, например, обстоит дело в следующих пословицах (примеры из Славейк.): «Каквото *надробиш*, таквоз ще сърбаш»; «Каквото *посееш*, таквоз ще изникне»; «Каквото *постелиш*, на таквоз ще легнеш». Так же с несовершенным настоящим: «Каквото *правиш*, таквоз ще патиш» (Славейк.); «Както *живееш*, така ще са прочуеш» (там же) и т. д. Везде мы имеем в придаточном предложении гномическое настоящее, в главном — гномическое будущее.

Значение гномического настоящего должно рассматриваться как

---

[251] L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 36.

[252] Его же. Основна българска граматика, § 245, в.

[253] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 49; его же. Основна българска граматика, § 269, б; Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики. М., 1956, стр. 243.

inslav

наглядно-примерное (в случае совершенного вида) или неограниченно-кратное (в случае несовершенного вида), а футуральное значение в придаточных предложениях указанных типов обычно как конкретно-фактическое (при совершенном виде) и конкретно-процессное (при несовершенном).

Д. Относительное настоящее

Выше говорилось о том, что совершенное настоящее в кратно-соотносительном типе употребления могло бы рассматриваться как относительное время предшествия действию главного предложения. Но в болгарском языке есть и другие, более несомненные случаи относительного настоящего, а именно: 1) совершенное настоящее в придаточных предложениях, образованных с союзом *докато* и относящихся к главным, сказуемое которых стоит в форме прошедшего времени; 2) несовершенное и совершенное настоящее в предложениях, зависящих от глаголов «идеальной деятельности». Рассмотрим эти случаи.

В придаточных предложениях с *докато*, относящихся к претеритальным главным, совершенное настоящее обозначает действие, составляющее временной предел, ранее которого совершается (или вплоть до которого продолжается) действие главного предложения. Например: «Докато Хаджият *разбере* за какво приказват, Тиха излезе» (Йовк.); «И докато *разберат* кой е, какво е, втори гърмеж се чу от същото място» (там же); «Там той хвалеше народните обичаи, ядеше и пиеше докато *падне* и *заспи*» (Карасл.). Это употребление близко напоминает рассмотренное выше употребление конъюнктива в придаточных предложениях непосредственно предстоявшего действия. Как и там, глагол придаточного предложения может обозначать здесь не только однократное действие (как в первых двух примерах), но и многократно повторявшееся действие (как в последнем примере), — в зависимости от того, какие формы и в каком именно смысле употреблены в главном предложении. Соответственно следует и здесь говорить о конкретно-фактическом или наглядно-примерном значении совершенного настоящего. При наглядно-примерном (многократном) значении отмечается наличие регулярной соотносительности с действиями главного предложения, вследствие чего мы можем говорить об известной разновидности кратно-соотносительного типа, которую можно было бы назвать кратно-предельным типом.

В предложениях, грамматически или логически зависящих от глаголов «идеальной деятельности», т. е. от глаголов мысли, речи и чувственного восприятия, настоящее время, как и в других славянских языках, используется как относительное время одновременности, т. е. обозначает одновременность независимо от того, в каком времени стоит глагол идеальной деятельности. Формы несовершенного и совершенного настоящего употребляются здесь в общем в соответствии с правилами их употребления в собственно-настоящем, но только вместо момента реальной речи говорящего они ориентированы на момент идеальной деятельности (восприятия, мысли или речи), выраженной формой глагола главного предложения (иногда — одного из предшествующих предложений). Ср. следующие примеры: «...само когато *забележеше* с някое око, че *се готвят* да му станат на крака, той се извръщаше...» (Ваз.) — несовершенное настоящее, выражающее «конкретную» одновременность моменту восприятия, переданному формой *забележеше*; «Той с негодувание *слушаше*, че клепалото *ту престане*, *ту пак забие*...» (Ваз.) —совершенное настоящее, выражающее «неконкретную» одновременность, т. е. многократность в одновременности (ср. выражение многократности в собственно-настоящем с помощью совершенного настоящего); «И не беше мъчно *да се разбере*...

inslav

защо, като *вдигне* чашата си, *поглежда* към къщата на хаджи Вълка и *остава* тъй замислен» (Йовк.) — совершенное и несовершенное настоящее, объединенные между собой в «кратно-соотносительном типе» и передающие «неконкретную» (многократную) одновременность действию главного предложения; «...все му *се струваше*, че.. ако *се върнат* по светло, колкото души го *видят*, кой знае какво *ще* си *помислят*...» (Карасл.) — непосредственно от глагола мысли зависит будущее *ще помислят*, выражающее последование во времени по отношению к *струваше се*, а совершенное настоящее употреблено в придаточных с *ако* и *колкото*, зависящих от будущего и потому, в соответствии с общими правилами, получающих его значение, т. е. в данном случае тоже значение последования, значение «относительного будущего». Эти примеры показывают, что картина употребления несовершенного и совершенного настоящего после глаголов идеальной деятельности, так сказать, параллельна их употреблению в остальных рассмотренных выше случаях.

Е. Выводы

Подведем итоги данного раздела.

Мы видели, что настоящее время несовершенного вида обозначает в соответствующем временно́м плане (собственно-настоящего, исторического настоящего и т. д.) все возможные типы действий — однократные, многократные и потенциальные действия — и, таким образом, осуществляет всю полноту функций, присущих в болгарском языке формам настоящего времени. Главными значениями несовершенного настоящего являются конкретно-процессное и неограниченно-кратное. В специальных условиях появляются постоянно-непрерывное (только в глаголах с соответствующей семантикой, когда этому не препятствует контекст) и ограниченно-кратное значение (в историческом и сценическом настоящем при наличии указателей ограниченной кратности), а в известных случаях несовершенное настоящее дает лишь чистое указание на факт, не подчеркивая его процессности (при употреблении вместо будущего в условиях четкой запланированности будущего действия). По-видимому, с ослаблением процессности мы должны считаться и в таком историческом настоящем однократного действия, которому в прошедшем времени или в пересказывательном наклонении соответствовала бы форма совершенного вида. Здесь в форме настоящего можно, пожалуй, говорить о фикции процессности (как вообще в историческом настоящем — о фикции презентности), по существу же несовершенное настоящее скорее всего только указывает на факт в последовательном ряду других фактов. Вместе с тем знаменательно, что несовершенное настоящее с ослабленной процессностью ни в историческом настоящем (поскольку речь идет о норме литературного языка), ни в смысле будущего не может быть заменено совершенным настоящим, т. е. ведет себя так, как будто бы оно полностью сохраняло свое процессное значение, органически противоречащее представлению о целостности действия.

Что касается настоящего совершенного вида, то оно употребляется в несравнимо более узких рамках и, собственно, всегда только при наличии каких-то специальных условий контекста. Однако и здесь можно выделить обозначение однократных и многократных действий.

Однократное конкретное действие может быть выражено формой совершенного настоящего только при ее использовании 1) вместо будущего (в придаточных предложениях указанных выше типов) или 2) в функции относительного времени предстоявшего действия — предела (в придаточных с *докато* при прошедшем времени в главном), а также 3) у отдельных писателей в функции исторического настоящего однократного действия

inslav

(в соответствии с западноболгарской, в сущности, нелитературной практикой). Во всех этих случаях совершенное настоящее имеет конкретно-фактическое значение, но не является по существу настоящим. Можно думать, что в этих случаях (кроме редкого третьего) здесь нет и фикции настоящего, а есть только одна его форма. Отметим также, что совершенное настоящее в значении будущего в придаточных предложениях известных типов, как правило, не может быть заменено несовершенным настоящим, хотя это последнее, как мы знаем, встречается в тождественных синтаксических условиях.

Многократное, обычное и потенциальное действие выражается с помощью совершенного настоящего шире, чем однократное, и, в частности, в собственно-настоящем, в историческом (сценическом и т. д.) настоящем, иногда и в других типах настоящего (ср. выше, на стр. 250, «докато падне и заспи»), причем употребление это во всех случаях связано с определенными условиями контекста (наличием соотносительности с другим действием и т. д., как это было описано выше). Объективная многократность действия передается здесь в порядке «экземплификации», в порядке показа на конкретном примере (наглядно-примерное значение). Совершенное настоящее, выступающее в таком наглядно-примерном значении, в большинстве случаев может быть заменено без существенного изменения смысла несовершенным настоящим.

Такова общая картина основных соотношений между совершенным и несовершенным видом в настоящем времени. В части несовершенного настоящего картина эта близка к той, которую показывает нам русский язык. В части совершенного настоящего различия между болгарским и русским языком на первый взгляд очень велики, да это и не может быть иначе, поскольку в русском совершенное настоящее и совершенное будущее не разграничиваются морфологически; но, присмотревшись ближе, мы и здесь уловили бы большие черты сходства, особенно в сфере выражения многократного и потенциального действия в прошлом и в настоящем. Впрочем, вникать в это сравнение (как и в сравнение с другими славянскими языками), мы, разумеется, здесь не можем.

10. ВИДОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПРОСТОМ ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

Термин «простое прошедшее время» не принят в болгарской, как и вообще в славянской грамматике. Обычно говорят о двух совершенно отдельных временах — аористе (в болгарской терминологии — «минало свършено») и имперфекте (в болгарской терминологии — «минало несвършено»). Нам представляется, однако, целесообразным объединить аорист и имперфект в понятии простого прошедшего времени. Для такого объединения имеются очень веские основания как формальные, так и, прежде всего, семантические. Как известно, аорист и имперфект — единственные прошедшие времена болгарского глагола, образуемые «синтетическим», флективно-суффиксальным способом. В четырех лично-числовых формах из шести окончания аориста и имперфекта полностью совпадают, причем совпадение это в значительной мере есть плод интенсивного взаимодействия между обоими временами, говорящего об их тесной связи друг с другом в языковом сознании. По своему временно́му значению аорист и имперфект по сути тождественны, хотя эта суть во многих случаях бывает скрыта под сложной игрой видовременно́го взаимодействия. Наконец, у такого важного глагола, как глагол 'быть', основной ряд форм прошедшего времени — *бях*, *беше* (*бе*) и т. д. — стоит вообще вне противопоставления «имперфект —аорист» (см. ниже, стр. 292 и след.).

inslav

Термин «простое прошедшее» уместен в двояком отношении: как с формальной стороны (так как речь идет о «синтетической» форме), так и со стороны значения (в отличие от «прошедшего, актуального для последующего момента» т. е. от перфекта и плюсквамперфекта).

Внутри простого прошедшего времени мы имеем два перекрещивающихся противопоставления: 1) противопоставление совершенного и несовершенного вида — видовое в узком смысле и 2) противопоставление имперфекта и аориста — также видовое, но уже не в узком, а в широком смысле (см. выше, стр. 160—165). В результате получается четыре возможности:

	несовершенный вид	совершенный вид
аорист	несовершенный аорист *ставáх*	совершенный аорист *стáнах*
имперфект	несовершенный имперфект *стáвах*	совершенный имперфект *стáнех*

Особенно широко используются совершенный аорист и несовершенный имперфект, наиболее четко противопоставленные друг другу в системе форм простого прошедшего времени. Несовершенный аорист занимает в смысловом отношении промежуточное место между этими двумя полюсами, противополагаясь по линии вида в узком смысле — совершенному аористу, а по линии вида в широком смысле — несовершенному имперфекту. Совершенный имперфект представляет собою обособленное явление; его употребление возможно лишь в специальных синтаксических условиях. В связи с этим мы примем следующий способ рассмотрения материала: сначала рассмотрим совершенный аорист и несовершенный имперфект в их противопоставлении друг другу, затем несовершенный аорист в его противопоставлении двум названным сейчас формам и, наконец, совершенный имперфект. После этого на основе обобщения рассмотренных отношений мы постараемся определить содержание каждого из двух видовых противопоставлений внутри простого прошедшего времени.

А. Совершенный аорист и несовершенный имперфект

Совершенный аорист, т. е. аорист, образованный от основ совершенного видового значения, чаще всего выражает единичное (однократное) конкретное действие, рассматриваемое в его целостности, как конкретный совершившийся факт. Иными словами, наиболее обычное значение совершенного аориста — конкретно-фактическое значение. Оно характерно для форм аориста как при их употреблении в изолированном высказывании или в контексте других временны́х форм, так и при их «цепном» употреблении (в цепи форм совершенного аориста), в связном повествовании. Приведем примеры.

В изолированном высказывании: «Една звезда се совна и преряза небето с огнена черта. — Някой сиромах *предаде* дух, — проговори Лазо. — Я някоя млада булка *се предаде* другиму, — рече неподвижно Благолажът...». (Е.-П.); «Димитър извади от ръкава си измачкана кутия с цигари и предложи на поручика. — Кога *пристигна* от България? — запита той» (Веж.) В контексте других временны́х форм: « — От къде *доде* ти?

inslav

Кой си? Какъв си? — питаше го Мавроди» (Йовк.); «Ще ида до портиера, — *помоли* ме да му занеса една книга» (Гул.); « — Викай го, след като го *уби*! — изхлипа Севда» (Карасл.) и т. д.

В связном историческом повествовании «цепь» совершенных аористов: «След малки препирни и възражения, *съгласихме се* най-после с упоритя Бенковски... Пълномощното *се съчини* от Волова, което Бенковски *допълни* тук -там. Когато *се свърши* всичко това, ние *слязохме* пак в Оборище и любопитните представители ни *заобиколиха*. Привременният секретар... *преписа* на чисто съставеното вече пълномощно. Бенковски *обяви* на представители...» и т. д. (З. Стоян.) Аналогично и в связном беллетристическом повествовании о событиях, относящихся к воображаемому временно́му отрезку, безотносительному к моменту речи: «Момъкът *се спря* сред ливадите, *вслуша се* и *се обърна*. Чичо Горан му *махна* с ръка, и Рустем *се опъти* към него.... Той *дойде* срещу чичо Горан, *спря се* на брега и *се подпря* на тоягата като овчар. Усмивката *избяга* от сухото му, младо, мургаво циганско лице» (Е-П.). В этих примерах мы видим, как, выступая в своем конкретно-фактическом значении, совершенный аорист служит в связном повествовании средством последовательного развертывания событий. Каждая форма совершенного аориста фиксирует новый, следующий этап в их поступательном движении, и таким образом, как бы толкает, двигает повествование вперед.

Впрочем, при наличии в контексте соответствующих указаний (например, некоторых союзов и т. п.), форма совершенного аориста в цепи других таких же форм может обозначать и более раннее, предшествующее действие, как непосредственно предшествующее данному моменту на линии повествования [например: «После седна до печката, като *остави* вратата отключена, и почна да плете» (Дим.)— русск. оставив дверь незапертой], так и более отдаленное [например: «Велка легна в стаичката, дето *умря* баба ѝ» (Калч.) — бабка, как известно из контекста, умерла намного раньше] и т. д. В этих случаях последовательность форм аориста в тексте не совпадает с последовательностью самих действий (так называемый «регресс в повествовании»). Ср. еще следующие примеры: «Краличът още повече приличаше на призрак с белите си долни дрехи, които му *даде* дякопът» (Ваз.); «Уви, чичо Кола нямаше ни пушка, ни куче! Пушката *заложи* за дълг в кръчмата, кучето му *умря* от мъка, че нямаше с кого да ходи на лов» (Е.-П.); «Тя живееше срещу зоологическата градина в опушен и сив кооперативен дом. Когато я *доведе* в София, Чакъра ѝ *намери* квартира в едно чиновническо семейство» (Дим.) и т. д.

Эти и подобные случаи ясно показывают, что значение следования во времени за другим действием никак не присуще формам совершенного аориста как таковым (хотя поставленные в один ряд они обычно обозначают следование одного действия за другим): существенно только значение конкретного факта, совершившегося в какой-то момент времени.

Вторым значением форм совершенного аориста, после конкретно-фактического, является с у м м а р н о е. Выступая в этом значении, совершенный аорист обозначает не однократный конкретный факт, а известное множество фактов, некоторую их совокупность, рассматриваемую, однако, как замкнутое целое. Ср., например, значение формы *извърши* в следующем отрывке: «Лила се върна в стаичката, измъкна от сламениците десетина книги..., уви ги в пакет и ги зарови бързо в купчината въглища под сайванта на двора. *Всичко това* тя *извърши* със свито сърце, но хладнокръвно, без паника» (Дим.).

Частным случаем суммарного значения является употребление аориста совершенного вида с обстоятельствами кратности действия (*два пъти*, *на три пъти*, также и с не указываемым точно количеством

inslav

«крат» — *няколко пъти* и т. п.). Например: «... това тя *направи три пъти*, като сé продължаваше да пъпне нещо-си...» (М. Георг.); «*На два-три пъти* Захария *изказа* съжалението си, че не се е сетил да вземе една дамаджана с вино» (Йовк.); «Освен това, *два пъти* го *подкупих*, като му *хвърлих* тайно няколко житни зърна» (Е.-П.); «—Ех, ех, ех! — издаде копнеещи звукове Доне и *заклати десет пъти* таралежоподобната си глава» (там же); «Учител Нонин *повтори много пъти* тая фраза...» (там же); «... дорде свикна, *няколко пъти се чукна* по челото...» (Григ.) и т. д. Во всех этих примерах многократное действие оказывается сведенным к интегральной целостности, что и позволяет выразить его формой совершенного вида.

Конкретно-фактическое значение совершенного аориста надо рассматривать как свободное; суммарное его значение — как контекстуально-обусловленное. Так, по крайней мере, обстоит дело у большинства глаголов. Что же касается глаголов суммарного способа действия [например: «Децата се пръснаха и *изпокриха* кое де свари» (Е.-П.)], то их суммарное значение остается в силе в любом случае, но знаменательно, что употребляться-то они могут только в специфических «суммарных» контекстах (ср. невозможность такого сочетания, как *аз се изпокрих* и т. п.).

Переходим к несовершенному имперфекту, т. е. имперфекту, образованному от несовершенных основ. Он диаметрально противоположен совершенному аористу и обозначает либо единичное (однократное) конкретное действие в процессе его протекания, либо многократное (обычное, потенциальное и т. д.) действие в его неограниченной повторяемости (или неограниченной возможности повторения). Первое значение квалифицируем как конкретно-процессное (мы уже не раз встречались с этим значением выше), второе — как неограниченно-кратное (также нам уже не раз встречавшееся). Разграничиваются оба значения контекстом. В тех же случаях, когда контекст минимален (особенно в изолированном высказывании), иногда очень трудно, а то и невозможно бывает определить, идет ли речь об однократном или многократном действии.

Так, в примере «Игнате, ти право *говореше* — тук е фронт и аз няма да го зарежа...» (С. П.) форма *говореше* в равной степени может пониматься и в смысле однократности ('давеча ты говорил') и в смысле многократности ('ты всегда, или во многих случаях говорил'). Только знание всей ситуации высказывания может подсказать нам, и то не всегда, о каком из двух значений идет речь. Ср. также следующие примеры: «В един миг Рада беше при него.— Бай Колчо!— Радке! Тебе *търсех* — ...» (Ваз.) (по описанной ситуации — однократность); «... само преди една седмица стоманата на нашите буталца *се огъваше* като тел. А последният опит... какво показва?» (Гул.) (очевидна многократность и даже потенциальное значение: 'имела свойство гнуться, как проволока'); « — Карай пред мене! Ти никак *не правеше* сметка, че за овчарчето Калитко още не е излян куршум...» (Хадж.) (по ситуации скорее однократность: 'ты в данном случае не отдавал себе отчета'); «Тоз камък мене *притискаше*, нека притиска сега него!» (Йовк.) (постоянное, непрерывное действие) и т. д.

В связном повествовании о прошлом конкретно-процессное значение имперфекта и его неограниченно-кратное значение обычно разграничены достаточно ясно.

Ср., например, конкретно-процессное значение: «Веднъж, докато *траеше* дъждът, чичо Митуш и Аго *седяха* на сундурмата пред дама» (Йовк.) (однократность обозначена лексически словом *веднъж*); «Днес той беше весел и като *сядаше* още, каза с победоносен вид...» (Ваз.) (однократность очевидна на основе отношения одновременности с действием, выраженным формой совершенного аориста в конкретно-факти-

inslav

ческом значении); «Денят мина, *свечеряваше се*» (Е. П.) (однократность подсказывается предшествующей формой совершенного аориста); «И ето, *заспиваше* вече, когато му се стори, че някой ходи на пръсти по двора» (Хадж.) (соотношение форм, подобное тому, которое мы видели сейчас в примере из И. Вазова, плюс еще подчеркивание конкретно-процессного значения с помощью *ето*); «Слънцето току-що *залязваше* и дебелата сянка на планината *пълзеше* все по-нататък» (Хадж.) (ср. *току-що* и весь контекст, говорящий об описании наступления одного конкретного вечера) и т. д.

Неограниченно-кратное значение имеем в следующих примерах. Простейшие случаи с прямыми лексическими показателями неограниченной кратности: «Желязното черковно клепало, разлюляно от халата, *изрядко*... тихо и отсечено *прозвънтяваше* в мълчаливата нощ» (Е.-П); «*Понякога* тя може би го *обичаше*» (там же); «*Някой път*... тя нарочно *влизаше* във воденицата и *се скриваше*» (там же); «*Мярваше се* в училището *от време на време* само да се види с децата...» (Хадж.); «Писарят не беше пушач, но *сегиз — тогиз вземаше* по цигара в уста...» (там же); «В градината на хотела ловните *често пъти си устройваха* такива гуляи...» (там же); «Но той *час по час излизаше* навън и дълго *се вглеждаше* в тъмния масив на планината» (там же); «... *всяка пролет* в тях *идеха* и *мътеха* дванадесет чифта щъркели...» (Е.-П.); «*На всяка крачка* той *се спираше* и *ровеше* дълго с тоягата си из тревата...» (там же); «... *ту килваше* оръфания си каскет на чело, ... *ту* го *тикваше* назад...» (там же); «Той знаеше, че между помаците има верни хора, които *при случай винаги помагаха* на партизаните» (Хадж.) и т. д.

Иногда вместо прямых указаний на повторяемость выступают те или иные косвенные. К числу их относится, например, наречие *винаги*, если действие по своему лексическому значению не может мыслиться как непрерывное: «И винаги ходеше гологлав, с безредно распилени коси» (Хадж). В ряде же случаев соотношение с другими формами и общий характер контекста недвусмысленно указывает на неограниченную повторяемость действия, например: «На разни точки на града нови пламъци *бликваха* над покривите...» (Ваз.); «Той *поставяше* капани, примки, *копаеше* вълчи трапове, *хвъргаше* стръв и *живееше* с мечтани приходи от продадени кожи на неуловени вълци и мечки» (Е.- П.) (обобщенное значение — вообще обычно занимался расстановкой капканов, рытьем волчьих ям и т. д.).

Помимо двух рассмотренных сейчас главных значений — конкретно-процессного и неограниченно-кратного, формы несовершенного имперфекта выступают иногда и в некоторых других, впрочем, примыкающих к тому или иному из главных значений.

Так, к конкретно-процессному значению тесно примыкает, или даже, скорее, составляет его вариант так называемое конативное (или тендентивное) значение, т. е. значение безуспешной попытки, неосуществленного, не доведенного до конца действия (imperfectum de conatu): «— Плати му човекът — потвърди Петър Чопа.— В общината му плати, с очите си видях... И сто лева бакшиш му *даваше*...— Взех ли ги? — кресна Казака.— Не, не ги взе, ама *даваше* ги човекът» (Карасл.). Здесь *даваше* 'давал' в смысле 'пытался дать'. Значение это обусловлено лексическим значением (и способом действия) данного глагола и общим контекстом.

Близко к конкретно-процессному значению стоит постоянно-непрерывное, уже встречавшееся нам выше. Это значение, также обусловленное лексическим значением некоторых глаголов и контекстом, выступает, например, в следующих предложениях: «Още от земята

inslav

тя (верба во дворе у нане Стоичко) *се разклоняваше* на пет здрави и еднакво дебели братя» (Е.-П.); «Пътят, който *извеждаше* от селото, *се раздвояваше* при самата гора» (Хадж.) и т. п.

Рядом с рассмотренными выше примерами неограниченно-кратного значения изредка (собственно, лишь в порядке исключения) встречаются и такие, в которых несовершенный имперфект используется при лексическом указании на ограниченную повторяемость действия, например: «... *тая заран* той *на два пъти* вече *получаваше* известие от подполковника...» (Хадж.).

Следует подчеркнуть, однако, что предложения, содержащие форму несовершенного имперфекта и обстоятельство типа *на два пъти*, обычно имеют несколько другое значение. Они нередко выражают своеобразное сочетание ограниченной и неограниченной повторяемости действия, например: «*На три, на четири пъти влизаше* Севда, докато да го измъкне от стаята» (Карасл.); здесь общий контекст показывает, что действие, обозначенное формой *влизаше*, повторялось каждое утро по три — четыре раза (ср. там же выше: «Сутрин той се излежаваше унесен в някаква полудрямка... Севда постоянно влизаше при него и го буташе внимателно» и т. д.). Также и в следующих примерах выражена ограниченная повторяемость в рамках более широкой неограниченной повторяемости или обычности: «Войка му *улавяше* главата с две ръце и го *целуваше* в устата *няколко пъти наред*...» (Е.-П.); «Настроението му резко *се менеше по няколко пъти на ден*» (Ман.). Очевидно, во всех подобных случаях употребление имперфекта связано именно с моментом неограниченной повторяемости.

В связном повествовании несовершенный имперфект, независимо от того, выступает ли он в конкретно-процессном, постоянно-непрерывном или неограниченно-кратном значении, используется для описания ситуаций, наличных в момент (или в период) времени, о котором идет речь в повествовании, для изображения сопутствующих обстоятельств, параллельных основной линии действия, т. е. одновременных тем или иным действиям этой линии.

Так, ср. имперфект — в контексте с аористом — при описании ситуации: «Стефан млъкна, тежка въздишка се отпусна от гърдите му и бавно се разби в стените. Настана тишина. Само старият напрашен будилник равномерно *съскаше*. Навънка *бе* (здесь простое прошедшее *бе* имеет значение имперфекта, так же, как форма *беше* в начале следующего ниже примера.— *Ю. М.*) черна зимна нощ и в мрака сякаш *се спотайваше* някой чужд, незнаен...» (Смирн.)— ситуация, наличествовавшая в момент, на котором приостановился поступательный ход повествуемых событий. В других случаях описание ситуации может открывать собой повествование, создавая фон для начала поступательного движения событий, например, ср. первые строки романа «Тютюн» Д. Димова: «Гроздоберът *беше* към края си. От малките вили и кирпичените постройки всред лозята *се разнасяха* ту задружни песни..., ту самотни и провлечени гласове .., наситени с печал, която *се издигаше* към синьото небе. Слънцето *грееше* меко, листата на черниците, крушите и дюлите... *капеха* при всяко полъхване на вятъра, а жълтите пръчки на лозите, привързани с лико, *висяха*, огънати безпомощно под тежината на изобилния плод. По песъчливата и рохкава почва между дънерите *сновяха* с кошници гроздоберците...» и т. д.

Имперфект обозначает отдельное действие, параллельное основной линии повествования: «Поручик Манев се огледа и подвикна на един войник, който *минаваше* по улицата с бака чай.— Хей, момче!.. Войникът спря и остави баката на снега» (Веж.).

inslav

Как и форма совершенного аориста, форма несовершенного имперфекта при наличии в контексте соответствующих указаний может обозначать и более раннее действие, объективно предшествующее действиям основной линии повествования. Ср., например: «В ъгъла зееше полуотворена врачкà на килерчето. Там *преди три години нощуваше* покойният Левски» (Ваз.); «Ей там, под краката му, на мястото на новата постройка *стоеше някога* бащината му къща! Сега от нея нямаше и следа» (Велк). Некоторые другие аналогичные примеры приведены выше на стр. 163.

В ряде случаев несовершенный имперфект, будучи употреблен совместно с совершенным аористом, обозначает действие, развертывавшееся в прошлом, а затем прерванное в своем протекании другим или просто сменившееся другим прошлым действием, выраженным формой аориста. Так, в изолированных высказываниях о прошедших событиях: «Аз я *мислех* самата невинност, брате, а какво *излезе*?» (Ваз.); «Как си *представях* живота! А какво *излезе*? Пустота!» (Гул.); «—... *Имаше* един безгрижен, весел живот!.. — *Отшумя*, Жорж!» (там же) и т. д.

Изложенное рассмотрение важнейших значений и типов употребления совершенного аориста и несовершенного имперфекта целесообразно дополнительно проиллюстрировать примерами прямых контекстуальных противопоставлений аориста и имперфекта от одного и того же глагола. Ср., например, конкретно-фактическое и конкретно-процессное значение: «*Току-що* Стефчов *излезе* днес от дядови си, за да иде при бея, след него *излазяше* жена му. Дъждът... още валеше...» и т. д. (Ваз.)—первое действие констатируется как имевший место конкретный факт, второе рассматривается в процессе его протекания, в связи с целой картиной определенной конкретной ситуации. Так же, но с тем различием, что речь идет об одном и том же действии: «Кандов не дочака свършека на погребението и *излезе* на улицата пак. Странно! Той *излазяше* малко поободрен» (Ваз.); «Нашите *отстъпиха*. Наистина *не отстъпваха* безредно, а пълзяха назад или притичваха до първите падинки, но все пак *отстъпваха*» (Веж.). Ср. также контекстуальное противопоставление аориста и имперфекта близко синонимических глаголов, выражающее противопоставление конкретно-фактического и неограниченно-кратного (именно обобщенного) значения: «Когато той... пое покрай плета, някой *свирна* зад него. Имаше в гората едно птиче, което *изсвирваше* тъй и стряскаше човека» (Йовк.).

Таковы основные нормы употребления в современном болгарском языке двух главных видовых вариантов простого прошедшего времени — совершенного аориста и несовершенного имперфекта. Что касается периферийных и специальных случаев их употребления, то таковых следует отметить два, а именно — футуральное употребление аориста и модальное употребление имперфекта.

Футуральное употребление совершенного аориста являет собой ясный случай переносного употребления временнóй формы в разговорной, эмоционально-окрашенной речи: предстоящее действие, живо затрагивающее говорящего, представляется уже случившимся, например: «— *Отидохме си*, братко, *изгоряхме си*! — шепнеха си сега най-разпалените по-преди съзаклетници» (Ваз.). Это употребление было отмечено Л. Андрейчиным [254], который, как и при описании ряда других отмеченных им значений аориста, не делает различия между совершенным и несовершенным видом. Однако и сам Андрейчин приводит, и нам встретились в текстах примеры футурального употребления только

[254] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 39; его же Основна българска граматика, § 251. Ср. в русском: «Ну, теперь мы пропали!»

inslav

совершенного аориста, что, по-видимому, не случайно: представление будущего действия прошедшим имеет смысл только при изображении этого действия как завершенного целого.

Модальное употребление имперфекта настолько специфично, что могло бы рассматриваться не как многозначность грамматической формы, а как своего рода омонимия. Во всяком случае оно стоит настолько особняком, что здесь мы можем его и вообще не рассматривать [255].

Б. Несовершенный аорист

Несовершенный аорист, т. е. аорист, образованный от основ несовершенного вида, употребляется, как уже упомянуто выше, значительно реже, чем две рассмотренные до сих пор разновидности простого прошедшего времени. Некоторые цифровые данные на этот счет были приведены нами в другом месте [256]. Не повторяя их полностью, укажем только, что на первых 50 страницах романа Л. Стоянова «Зазоряване» совершенный аорист встречается по нашим подсчетам 674 раза, несовершенный имперфект — 502, а несовершенный аорист всего 18 раз. Приблизительно такое же соотношение — с колебаниями в ту или другую сторону — находим и у других болгарских писателей. При этом бо́льшую часть примеров составляют несовершенные аористы, образованные от глаголов imperfectiva tantum, прежде всего — абсолютных, но также и относительных. Таким образом, частота употребления аориста несовершенного вида от недефективных по виду глаголов еще ниже общей частоты этой формы в болгарском тексте. Тем не менее в языке нет или почти нет глагола, который, если он вообще образует несовершенные формы, не мог бы образовать несовершенного аориста [257]. Поэтому неправильно было бы думать, что несовершенный аорист образуется и используется только там, где не может быть образован совершенный, что он представляет собою «суррогат» совершенного аориста в тех случаях, когда последний не может быть образован. Есть случаи, когда, несмотря на наличие у данного глагола совершенного аориста, говорящий или пишущий избирает несовершенный аорист. Более того, в некоторых случаях форма несовершенного аориста недефективного глагола является даже, как мы увидим, единственно правильной и не могла бы быть заменена ни формой совершенного аориста, ни формой несовершенного имперфекта.

Основные типы употребления несовершенного аориста в современном болгарском языке представляют, на первый взгляд, довольно пеструю картину. Эти типы могут быть перечислены следующим образом: 1) тип с подчеркнутым значением длительности действия; 2) тип с подчеркнутым значением кратности действия; 3) тип с «пучком» чередующихся или параллельных действий, вместе относящихся к одном отрезку времени; 4) тип со значением аннулированности непосредственных результатов действия; 5) тип с обобщенно-фактическим значением в изолированном высказывании о факте прошлого; 6) тип, в котором формы несовершенного аориста от глаголов imperfectiva tantum выступают без какого-либо из перечислен-

---

[255] См. Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики, стр. 242.

[256] См. Ю. С. Маслов. Из наблюдений...—«Доклады и сообщения Филол. ин-та ЛГУ», вып. I, 1949, стр. 141 и след.

[257] Исключение составляют только неправильные глаголы, вообще не образующие ряда форм (например, *не ща* 'не хочу'), многократный глагол *бивам*, а также, по-видимому, глаголы *сядам* и *лягам* (но не *ставам*). В отношении *сядам* это было уже отмечено: Н. С. Калкандживв в своей грамматике в таблице времен совершенного и несовершенного вида (стр. 102—103) пропускает форму аориста в колонке *сядам*.

inslav

ных оттенков, просто за неимением форм совершенного аориста. Пользуясь этой классификацией, надо помнить, что рубрики ее отчасти перекрывают друг друга и главное далеко не равноценны как в отношении частотности, так и в отношении принципиальной важности отдельных значений и самого характера их обусловленности. Перейдем к рассмотрению каждого из указанных типов употребления, имея в виду задачу вскрыть стоящие за пестротой названных шести рубрик более глубокие семантические черты несовершенного аориста, его своеобразные смысловые отличия от уже рассмотренных вариантов простого прошедшего времени.

I. Значение подчеркнутой длительности действия встречается как при использовании несовершенного аориста в изолированном высказывании о прошедшем событии, так и при его использовании в связном повествовании, как при формах аориста, образованных от глаголов imperfectiva tantum, так и при формах, образованных от глаголов недефективных в видовом отношении. Значение это представлено большим количеством примеров и очень типично для несовершенного аориста [258]. Тем не менее оно должно рассматриваться как контекстуально-обусловленное. Типы контекстов, в которых оно имеет место, в основном, следующие.

Во-первых, предложения с обстоятельствами продолжительности, рассмотренными выше в разделе 7. Кроме приведенных там примеров, ср. еще следующие: «Защо ни *държа цял час* на пътя, керата?«(Ваз.); «Муратлийски се изтегна цял на камъка, сключи ръцете си под главата и в това покойно положение *дълго разказвà* историята си» (там же); «— Чакай! Чакай, не бързай — ще дойда — рече калугерът и пак *дълго се вглежда*» (Е.-П.); «Доктор Харалампи... *игра до късно* на карти..., прибра се в два часа през нощта и *спа до десет сутринта*. Той *се излежава дълго* в кревата, стана бавно...» (там же); «И *цели два деня* след това Севда *разправя* на майка си за тоя чуден град...» (Карасл.); «Веднъж, като *помагá десетина дни наред*, Тюлев му подаде десет лева» (там же); «Гологлавов отново извади стария си часовник и *дълго* и внимателно *отваря* капаците му» (Калч.) и т. д.

Во-вторых, предложения, в которых длительность действия, обозначенного формой несовершенного аориста, подчеркивается повторением этой формы, ее удвоением (так сказать, «полная редупликация»)[259]: «Бай Ганю извади кесията си..., нарина една шепа монети..., *ровù, ровù* из монетите, избра една и я подаде на берберина» (Конст.); «*Мислих, мислих*, па си рекох...» (М. Георг.); «Той *гледà, гледà* докато му се замъгли погледът, изтри очите си с ръка и пак гледа» (Е.-П.); «Ходжата взе две дръвчета, *търка* ги, *търка* ги, докато се запалиха» (Йовк.); «То *пищя, пищя* след нея, най-после седна на земята и почна да яде пръст» (Л. Стоян.); «Като водите на придошлия Искър, той (новият живот.— *Ю. М.*) *се надигà-надигà*, докато най-после проникна и в най-затънтените падини» (Даск.); «*Седя* самичка под червения абажур, *седя*, па току се надигна посмело» (там же) и т. п.

[258] Показателно, что уже Неофит Рилский, говоря о несовершенном аористе (в его терминологии — «непредельном I»), приводит примеры как раз с обстоятельствами продолжительности: «вчéра весь дéнь *носúх* водá,или дървá. Зáвчера вездéнь *лежáх*, вчéра вездéнь *сушúх* жито-то» (см. «Болгарска грамматіка», стр. 202). В другом месте своей грамматики (стр. 187) Неофит называет «первое непредельное», в частности, «протяженным». Впрочем, впоследствии никто не формулировал положения о том, что длительное значение типично для несовершенного аориста.

[259] «Усилительное» удвоение глагольной формы встречается, конечно, не только в случаях несовершенного аориста, но здесь оно особенно типично. Напомним, что аналогичное явление в русском языке («он *кричит, кричит*, а толку все нет») акад. Шахматов («Синтаксис», стр. 475) склонен был рассматривать как особый «усилительный подвид» несовершенного вида.

inslav

В-третьих, предложения, в которых длительность действия явствует из основательного, подробного описания хода последовательного осуществления этого действия: «... и пак почна думата си. Отново *приказва* за чумата, *после* за глада, *после пак* за чумата. Най-после той свърши и рече...» (Йовк.); «... седна на стол отстрани и така *свири ту* дълги, проточени свирни при раздаване на даровете.., *ту* пък ситни и тропливи хора след това...» (Даск.).

Наконец, предложения, в которых длительность действия явствует из последующего отрезка текста — из постановки после формы несовершенного аориста придаточного предложения временнóго предела с союзом *докато* или из постановки при следующей глагольной форме обстоятельств типа *най-после*, *в края на краищата* и т. д. Например: «Сетне доближи керемидата до запалената свещ и я *държа* така, *докато* да догори всичкият тамян» (Карасл.); «... задигна от скритите наполеони триста парчета, прогуля ги из Пловдив, *губи се*, *най-после* Хаджията узна, че станал музикант в някой тракийски полк» (Бел.). Ср. слова *докато*, *най-после* и т. п. и в некоторых примерах, приведенных выше.

Конечно, действие, длительность которого подчеркнута, может быть выражено в рамках простого прошедшего времени не только несовершенным аористом, но также и несовершенным имперфектом и — при наличии условий, указанных выше (раздел 7),— совершенным аористом. В чем же заключаются специфические смысловые различия между этими тремя возможностями?

1) Несовершенный аорист и несовершенный имперфект.

При сочетании обстоятельств продолжительности с формами несовершенного имперфекта речь обычно идет либо о неограниченно повторявшемся действии, либо о действии однократном, но называемом в ряду других параллельных, выраженных тоже формами имперфекта. Приведем примеры.

Неограниченная повторяемость длительных действий: «Но в село Стефан *малко стоеше — ден-два*, колкото да раздаде чаканите армагани, писани хурки и кобилици» (Йовк.); «Или си лягаше настрана и по-надалеч и *спеше с часове*» (там же); «Само дъщеря ѝ Йовка, най-голямото ѝ дете, постоянно я обикаляше, *седеше дълго* около нея и я питаше: — Мамо, какво ти е?» (Е.-П.) и т. д. Всюду здесь имеется в виду длительность каждого отдельного акта неограниченно повторявшегося действия. Такое же значение находим и в примерах с обстоятельствами продолжительности типа *по цяла нощ*, приведенных на стр. 222. Аористу несовершенного вида подобное значение чуждо. Несколько иной, менее типичный вариант значения отмечаем в следующем примере с формой несовершенного имперфекта: «*Дълго време* Въкрил *възобновяваше* в съзнанието си този сън» (Карасл.). Здесь имеется в виду не длительность отдельного повторяющегося акта, а длительность всего периода, в течение которого происходило повторение действия; оттенок неограниченности повторения здесь несколько ослабевает. Аналогичное значение выражается и несовершенным аористом, например: «Коста Деянов.. *цели пет години* го *лъга* и *ограбва*» (Карасл.); «*Десет години* тя *се мъчи*..., *десет години работи* като добиче и *се свива* пред свекър и свекърва...» (там же). Здесь можно было бы сказать также *лъжеше*, *ограбваше*, *мъчеше се* и т. д. При употреблении имперфекта прерывистость действия была бы выражена более четко. В целом все рассмотренные в этом абзаце случаи несовершенного имперфекта вполне подходят к данному выше описанию неограниченно-кратного значения.

Длительность однократного действия в ряду других, обозначенных формами несовершенного имперфекта: «*Познаваше се*, че нещо му е много загорчело, бедния... *Дълго време трябваше* да чакат присъствуващите..,

inslav

докато развълнуваната душа на бае Гавриила можа да влезе в своя улей, след което той разказа...» (М. Георг.); «Тя също се смути и засрами. *Дълго време* и тя и той *не знаеха* какво да кажат, и *не можеха* да се погледнат в очите» (Е.-П.); «Припомни си той, с каква жар ѝ *шепнеше*... А тя *дълго време* му *не отговаряше*. Само *криеше* лицето си в ръце, *трепереше* и *мълчеше*» (там же); «Командирът отново излезе пред ротата и *известно време* мълчаливо ги *разглеждаше*... каточели ги *проучваше*. *Срещаше* погледи—повечето апатични, пусти, в някои *имаше* даже нарочна враждебна незаинтересованост...» (Веж.) и т. д. Очевидно, во всех случаях мы имеем дело с конкретно-процессным значением несовершенного имперфекта.

Реже встречаются примеры, в которых форма несовершенного имперфекта, сопровождаемая обстоятельствами продолжительности, обозначает однократное, разовое действие и вместе с тем стоит вне контекста других форм несовершенного имперфекта, например: «Той си пийна още няколко пъти от шишето в дисагите, и неговата калугерска душа бе се освободила от черното расо, което *тъй дълго* я *покриваше*» (Е.-П.); «А. П о п о в: *Дълго се колебаех*, Камене. Но преди малко обадих» (Гул.); «Наведе глава, свря я между коленцата си... и *дълго потреперваше*» (Хадж.). В этих случаях несовершенный имперфект, как и в предыдущей группе примеров, выступает в конкретно-процессном значении.

В противоположность этому несовершенный аорист, обозначая однократное длительное действие, изображает его не в самом процессе протекания, а просто как факт. В изолированном высказывании об отдельном событии прошлого различие между несовершенным аористом и имперфектом будет минимальным. Но в связном повествовании различие выступает отчетливее: несовершенный аорист указывает на факт в последовательном ряду других фактов. Длительное действие, о котором идет речь, изображается как этап в последовательном развертывании рассказа. Наоборот, при употреблении имперфекта, рассказ как бы приостанавливается в своем последовательном течении, приостанавливается для обозрения имевшейся в наличии ситуации.

В общем, таким же образом обстоит дело и в других случаях подчеркнутой длительности действия при употреблении несовершенного имперфекта. Ср., например, случай, где длительность действия выражена удвоением формы имперфекта: «Дъбакът и Корчан... сѐ *работеха* и *работеха*. В село по цял ден се чуваха ударите на острите им брадви... те не жалеха труд, не сещаха умора...» (Е.-П.).

Интересны примеры, в которых длительное действие, выраженное формой несовершенного аориста, затем повторно выражается формой несовершенного имперфекта того же глагола. Приведем эти примеры в их широком контексте: «Павел видя снахите и жена си как излязоха от селото... Петровица и Божаница вървяха напред заедно. Далечко след тях вървеше Елка... Павел я *гледа* дълго, дълго, докато тя изчезна зад нивите. *Гледаше* я той и не чувствуваше нищо, ни жалост, ни мъка, ни любов, ни радост, *гледаше* я като нещо чуждо, далечно, интересно и си мислеше равнодушно: — Как ли живее тая жена?» (Е.-П.). Аорист *гледа* только включает обозначаемое им действие как этап в последовательный ход повествования. Имперфект *гледаше* останавливает внимание на более подробном рассмотрении этого действия в самом процессе его протекания. Аналогичное соотношение мы видим и в следующем примере: «Тошка се сгърчи от мъка. Нещо я пресече в гърдите, загорча ѝ на гърлото... Целия ден тя жъна и *плака*. *Плачеше* скришом, завираше се в ръкойките, отскачаше на синорите, преглъщаше сълзите си» (Карасл).

2) Несовершенный и совершенный аорист.

Совершенный аорист используется в сочетаниях с обстоятельствами про-

inslav

должительности только в определенных рамках, очерченных выше, в разделе 7 (см. стр. 224 и след.). Как показывают приведенные там примеры, аорист совершенного вида полностью сохраняет в этих случаях свое однократное конкретно-фактическое значение. Несовершенный аорист называет тот же факт либо в другом способе действия (ср. *той стоя малко—той постоя малко*: факт объективно тот же, но во втором случае больше подчеркнута «малость» отрезка времени и т. д.), либо же отличается только отсутствием четкого представления об однократности данного действия (ср. *той се услуша дълго*—действие обязательно разовое, длительность непрерывна и *той се услушва дълго*—может быть один раз и непрерывно, но может быть и в несколько приемов, с перерывами). И в том и в другом случае несовершенный аорист несколько менее конкретен, чем совершенный.

Удвоение глагольной формы в случае, если это форма совершенного аориста, обозначает не длительность действия, а его особую интенсивность, особую силу его проявления. Ср.: «На очите му *притъмня-притъмня*, като че да са го удариле в главата с пещо тежко» (Влайк.).

В общем, если кратко сформулировать, в чем заключаются рассмотренные сейчас различия, можно сказать, что несовершенный аорист, обозначающий длительное действие, а) отличается от имперфекта «непроцессностью», отвлеченностью от самого протекания действия и в этом смысле «фактичностью»; наряду с этим б) отличается от совершенного аориста меньшей конкретностью, более общим и неопределенным характером указания на обозначаемый факт. Ясно, что на практике эти тонкие различия часто не ощущаются и обе несовершенных формы, а в определенных границах и обе формы аориста могут оказаться взаимозаменимыми.

II. Значение подчеркнутой кратности действия и прежде всего его ограниченной кратности. Это значение, как и рассмотренное длительное, встречается в изолированном высказывании и в связном повествовании о прошлом, в примерах с несовершенным аористом от дефективных и от недефективных глаголов. Как и предыдущее значение, оно очень типично для аориста несовершенного вида (и в силу этой типичности было отмечено в болгарской грамматической литературе)[260]. Однако и это значение должно рассматриваться как контекстуально обусловленное. Оно встречается в следующих типах контекстов.

В предложениях с обстоятельствами ограниченной, точно указываемой кратности: «Тогава Стефан дигна пистолета си и *стреля два пъти* във въздуха, после захапа свирката, като даде тревожен сигнал» (Калч.); «*На два пъти* майка ѝ *минава* край нея...» (Карасл.); «Една постоянна грижа има за брадата си. Най-напред той я остави цяла дълга... после *още един или два пъти* ѝ *дава* друга форма. Сега има големи руски бакенбарди» (Йовк.).

Чаще — в предложениях с обстоятельствами ограниченной, но точно не указываемой кратности (типа *няколко пъти*), например: «Напразно тя *се опитва няколко пъти*, под разни предлози, да иде до окопите и да се види поне за минута с него...» (Ваз.); «Във време на съставяне бюрото и при самите избори кюскията на нашия герой *влазя няколко пъти* в действие...» (М. Георг.); «Председателят на съда *няколко пъти вади* часовника

---

[260] Так, еще Неофит Рилский называл несовершенный аорист («первое непредельное время») «учащательным» и говорил, что форма *думáх* обозначает «многократно думáне» («Болгарска грамматіка», стр. 187). В наше время типичность использования несовершенного аориста при выражении законченного многократного действия подчеркнул проф. Л. Андрейчин («Kategorie znaczeniowe...», стр. 39; ср. его же. Основна българска граматика, § 250).

inslav

си, понеже бързаше» (Калч.); «*Колко пъти* Тинка *излиза* вън да надникне от вратника...» (Даск.).

Аналогично, но более чем с одной формой несовершенного аориста: «*Няколко пъти* той *се връща* и *кръстосва* около водениците» (Йовк.); «*На няколко пъти* през нощта Калитко *ставà* и *проверява* будилника» (Хадж.). Также, но с подчеркиванием чередования двух действий в пределах повторявшегося цикла: «*Няколко пъти ту пристъпва* към него, *ту се връща* и най-после... избяга...» (Йовк.); «Дълго време той се вайка по мегдана като слисан, и нерешително *тръгва няколко пъти* из тесните улици... и *пак се връща*» (Е.-П.).

Наконец, в предложениях, в которых нет прямых обстоятельств кратности, но значение кратности явствует из других элементов контекста внутри данного предложения или из наличия обстоятельств кратности в предыдущем предложении. Например: «Той същият беше натоварен после да лае като ловджийското куче на графа. Той и на това *правѝ* доста упражнения» (Ваз.); «И при други дървета *се спира* Крайналията и други хайдушки истории *разказва*» (Йовк.); «Но скоро още два пъти през същото лято конят бегà и се връща в чифлика. И все тъй го *заварва* чичо Митуш — отвън вратника стои, чака» (там же) и т. п.

Отметим, что действие, ограниченная или неограниченная кратность которого подчеркнута, может быть выражено в рамках простого прошедшего времени также и другими его разновидностями: при ограниченной кратности — совершенным аористом (изредка, как сказано на стр. 257, и несовершенным имперфектом), при неограниченной кратности — имперфектом (несовершенным или в известных случаях, как увидим ниже, совершенным). Различие между названными формами при выражении многократного действия состоит в том, что если совершенный аорист выражает многократное действие с оттенком суммирования всех «крат», число которых ограничено (и обычно точно указано), а имперфект несовершенного вида — как неограниченный, незаконченный и потому не поддающийся суммированию ряд повторений, то несовершенный аорист используется в тех случаях, когда ряд повторений ограничен, но не суммируется в одно целое, и потому особенно часто при неопределенном указании на ограниченное число «крат» (*няколко пъти*, *на няколко пъти*).

Ср. употребление имперфекта и несовершенного аориста в следующих примерах: «Три години лежиш. Три лета се изнизаха като дълъг керван... *Пееха* косенцата на вишната. И тя *три пъти налива* чер плод» (Карал.); «Петър *се въртеше* неспокойно, *няколко пъти става*, *ходи* до прозореца, *поглежда* и тревожно *се ослушва*..» (Калч.). И в том и в другом примере действие, выраженное формой имперфекта, повторялось неограниченное число раз, тогда как при форме аориста имеются ограничения повторяемости. В других случаях формы имперфекта могут давать известную детализацию, развитие повторяющейся ситуации, бегло намеченной формой аориста: «Васил *няколко пъти дохожда* в малката къщичка..., *вземаше* тефтери, *вземаше* разни книжа и пак *се връщаше* при Захария» (Йовк.); «Лентата *прекъсва на два пъти*, неспокойните зрители *тропаха* с краката си, *свиркаха* с уста и пак *започваше* веселата игра» (Калч.); «На няколко места той *слиза* от колата уж да си запали цигара от някой рано буден стопанин, който се връщаше с натоварена кола, и съвсем плахо и предпазливо го *подпитваше* за новини от селото. «Нищо още няма!» *успокояваше* се той и същевременно *трънпнеше* от страх» (Карасл.).

На практике различия иногда стираются. Несовершенный аорист может стоять там, где мы скорее ожидали бы имперфект, например: «Кандов мина няколко пъти из тая улица и *поглежда* ту към зида... ту към сянката. Тя ужасно бавно слазяше от степата на срещната къща...» (Ваз.).

inslav

Менее четко проводится в случаях подчеркнутой многократности указанное выше семантическое различие между двумя вариантами аориста — совершенным и несовершенным. В общем, совершенный аорист употребляется в этом значении реже несовершенного, особенно при обстоятельствах точно не указываемой повторяемости. Встречаются примеры параллельного употребления совершенного и несовершенного аориста в одном и том же значении и в одном и том же контексте. Так, ср.: «Два пъти дядо поп *вдигна* треперящите си старчески ръце... Два пъти *зимá* кадилницата и *кади* из олтаря, два пъти *прави* смирени поклони... и *целува* каменното подножие» (Е.-П.). Обычно же в повествовательном контексте формы несовершенного аориста, сопровождаемые обстоятельствами повторяемости, бывают окружены формами совершенного аориста, обозначающими однократное, разовое действие. Ср. пример, в котором мы имеем такое противопоставление, представленное формами одного и того же глагола: «*На няколко пъти* той *изменя* посоката на пътуването си. На десетия ден... той тръгна за село Василино и съвсем *измени* посоката си» (Калч.).

III. Особую группу случаев составляют формы несовершенного аориста, употребленные в виде «п у ч к а» ф о р м, обозначающих несколько чередующихся между собой или — реже — параллельных по времени действий, совместно относящихся к одному отрезку прошедшего времени. Обычно такой «пучок» встречается в контексте исторического или эпического повествования, причем действия, обозначенные формами несовершенного аориста, вместе составляют определенный этап в поступательном ходе этого повествования. Реже бывает, что «пучок» стоит вне контекста повествования и сам по себе составляет сообщение об определенной ситуации прошлого. В «пучок» могут входить формы несовершенного аориста от любых глаголов — дефективных и недефективных. Приведем ряд примеров,

С действиями, хотя бы отчасти п а р а л л е л ь н ы м и: «*Живя* той, *радвà се*, *труди се* и си отиде. Няма да се върне вече» (Карасл.); «... обиколи той всички фронтове, *би се*, *гни* из окопите, но се върна жив и здрав» (там же); «И не се върна. *Ходи* той от град в град, дълго *носи* чирашката престилка, *спа* по голите дъски на работилниците, *гладува* и най-после се изъмкна с професия в живота» (Велк.).

С действиями, ч е р е д у ю щ и м и с я между собой в правильной или неправильной последовательности, например при описании тех или иных поисков: «Двама следователи и двама прокурори *ходиха*, *връщаха се*, пак *ходиха* и пак *се връщаха* и — най-накрая какво излезе?.. Не може и не може да се намерят хаирсъзите!» (М. Георг.); «Три дни се губи тъй навътре в планината. *Катери се* по най-върлите урви, *слиза* в най-дълбоките усои. Най-после намери трите бели кози...» (Йовк.); «Но дългия го нямаше никакъв. *Търсиха* го под дърво и камък, *обхождаха* селото и планината, зарад него два пъти *преглеждаха* между труповете при Кавашката воденица, *биха* баща му до смърт, но безрезултатно» (Велк). Аналогично в следующих случаях: «Пратиха, та повикаха и доктора. *Гледа* го, *обръща* го, *чука* го по гърба, *чука* го под ребрата, написа на една хартишка...» (М. Георг.); «Той го прегледа внимателно, *дърпа* го за опашката, *тегли* му ушите, *обръща* му клепачите, най-после му надуха с цев някакъв лютив черен прах в носа...» (Е.-П.); «Скореца непрестанно ги забавляваше. *Свири* им като славей, като скорец, *обажда се* като пъдпъдък, като сойка, като сврака. Хората го харесаха...» (там же); «-..хвърли го в огън и цели две седмици го мъчи проклетата редушка. *Вариха* му лайкучка, синап му *налагаха*, с топлитрици го *връзваха*, и мина му...» (Карасл.); «Той седна да пише отговор, *плюнчи* молива, *започва*, *мисли* и току го захвърли» (там же); «Юсуф *писа*, *бърса*, *писа*, *бърса* и в края на

inslav

краищата отново се задържа иероглифно написаната дума „истълб“» (Бел.); «*Галихме* я, мама ѝ *слага* от трички, *подрязва* ѝ косми на челото, за да не я хванат уроки, червен конец ѝ върза на едното ухо и какво ли не» (Григ.) и т. д.

Как видим, рассматриваемый тип употребления довольно близок к обоим рассмотренным выше типам. Отрезок времени, представленный «пучком» глагольных действий, во всех случаях выступает как более или менее длительный (ср. обстоятельства типа *най-накрая*, *най-после*, *в края на краищата* при первой же форме совершенного аориста в ряде примеров). Внутри этого отрезка в большинстве случаев более или менее отчетливо выступает многократность отдельных действий, их повторяемость на протяжении данного отрезка времени, но повторяемость неограниченная (если нет специальных указаний на ограниченное число крат, как в приведенном выше примере из К. Велкова). Если на фоне многократных действий то или иное действие является однократным, его однократность может быть подчеркнута употреблением совершенного аориста (ср. *върза* в последнем примере).

Что же касается вообще семантического размежевания с совершенным аористом и несовершенным имперфектом, то применительно к рассматриваемому типу употребления надо сказать следующее: последовательный ряд форм совершенного аориста обычно (т. е. при отсутствии специальных противоположных указаний) выражает, как мы уже видели, естественную последовательность действий и притом обычно действий однократных. Таким образом, совершенный аорист вовсе не может выступать в роли эквивалента несовершенного аориста в рассматриваемом типе. Несовершенный имперфект, наоборот, широко употребляется целыми «пучками» в контексте исторического или эпического повествования, как мы могли видеть выше, или и вне такого повествования, причем нередко именно в неограниченно-кратном значении. Тем самым имперфект тесно соприкасается с несовершенным аористом в описанном сейчас типе употребления, а иногда и смешивается с ним. Ср., в частности, следующие примеры: «Вечерта по тъмно Женда пак дойде при баба Ана. *Плака*, *окайва* себе си, *окайва* Върбана. *Заричаше се*, че няма да ходи никъде и само него ще гледа» (Йовк.); «Волчетата си бяха добре. И *пасяха*, и вода *пиха*. А този, Комура, *се боричкаше* с другите» (там же); «Ходихме почти цял ден. Тя беше необикновено жизнерадостна. *Катерѝ се* по скалите, *беше* извънредно нежна към мен, *пееше*, *разправя се* продължително с ехото на долове-те, *викаше* моето име там...» и т. д. (Велк.). Как правило все же подобное смешение аориста и имперфекта не имеет места. Обычно все действия, параллельные или чередующиеся в пределах одного временнóго отрезка, обозначаются или имперфектом (если они рассматриваются в самом процессе их протекания или неограниченной повторяемости), или несовершенным аористом (если самый процесс протекания остается в тени и упор делается на включение этих действий в поступательный ход рассказа).

IV. Количественно более редким типом употребления несовершенного аориста является его употребление в значении действия однократного, но такого, непосредственные результаты которого аннулированы, устранены последующими событиями. Этот тип представлен глаголами движения и некоторыми близкими им по лексическому значению глаголами, главным образом, недефективными. Встречается и в изолированном высказывании о прошедшем событии, и в контексте связного повествования. Ср. следующие примеры: «— Кой тропа?... — Отворете! — Заманов *дохождá* — пошепна булка Мичовица... Докторът заметна пак вратата...» (Ваз.), т. е. 'Заманов приходил', в смысле 'пришел и уже ушел'; «Правѝ

inslav

го лани господин старшио, кога князо ни *дохаждà* у град, па, божем, рекоха, че ще дойде и у наше село, па, ете, да видиш, не дойде...» (М. Георг.); «Брат ти, офицерина, *идва* тука, правиха обиск...» (Ман.); «Онзи ден, в събота, Велка *ходи* на пазар в града. Като се връщала, не била сама...» (Калч.); «...от деня, в който за втори път *ходи* у Казълбашеви да моли снаха си, се беше изминала цяла вечност» (Карасл.); «Снощи дядовият Манолов син ме *нимирà* наистина, но мина през стряхата, та причини врявата...» (Ваз.), т. е. 'приходил, но ушел'; «Ти *праща* за Райка, нали? Аз ти я не дадох тогава» (Влайк.), т. е. 'ты посылал (сватов), но я вернул их' и т. д.

Рассматриваемое значение очень ограничено лексическими рамками, но является ярким и бросающимся в глаза. Недаром оно уже было отмечено в грамматической литературе [261]. Яркость этого значения обусловлена его четким противопоставлением значению наличия непосредственных результатов однократного действия (пространственного движения) в совершенном аористе типа *дойдох*, *отидох* (и, как увидим в своем месте, в совершенном перфекте типа *дошъл съм* и т. д.). Так, если бы в первом примере мы заменили форму *дохожда* формой дойде, это значило бы, что в момент, когда Мичовица произносила свою реплику, Заманов еще был здесь, еще не ушел. Правда, в контексте связного повествования различие двух противопоставленных форм аориста может несколько сглаживаться, так что, скажем, в таком примере, как «Веднаж в Стипоне *дохожда* Петко Каравелов. Беше в опозиция. Околийският му каза да си върви» (Бел.), можно было бы употребить и *дойде* или *пристигна* и т. п., и в сущности это было бы даже логичнее (поскольку лишь дальше следует «околийският му каза да си върви»). Очевидно, представление о том, что лицо, о котором идет речь, не задержалось в Стипоне, присутствует в сознании и в момент упоминания о прибытии этого лица туда, что и подсказывает выбор формы несовершенного аориста. Имперфект в этих случаях не употребляется, очевидно, в силу присущего ему значения неограниченной кратности (*дохождаше*, *идваше* 'приходил и уходил какое-то количество раз') или подчеркнутой процессности (*идваше* 'как раз шел сюда', находился «в процессе прихождения»).

V. В принципиальном отношении важным значением несовершенного аориста является его о б о б щ е н н о - ф а к т и ч е с к о е з н а ч е н и е. Особенно отчетливо выступает оно при употреблении несовершенного аориста в изолированном высказывании о прошедшем событии (сообщении или вопросе), когда в предложении не отмечается ни подчеркнутой длительности, ни подчеркнутой кратности, когда нет ни «пучка» форм несовершенного аориста, ни значения аннулированности результатов действия. В обобщенно-фактическом значении способны выступать формы несовершенного аориста любых глаголов — дефективных и недефективных. Заключается это значение в общем, принципиальном указании на факт прошлого, без какой-либо конкретизации, без рассмотрения этого факта в конкретных условиях его осуществления. Приведем ряд примеров.

В изолированном вопросе о факте прошлого: «— А как уби тоя заек? *Гърмя* ли? — любопитствуваше Бойчо» (Ваз.); «— Бе, що чудо села станаха на пепел — обади се друг, — ти *виждà* ли как свети нощес небето?» (Ваз.); «Ами не *среща* ли нейде едно сиво теле с червен конец на шията?» (Влайк.); «— *Търсиха* ли ме? — наведе се той към жена си...» (Карасл.); «Ти *пита* ли момчето, че да го срамиш така?» (Ген.) и т. п. Во всех случаях спрашивающего интересует, имел ли место вообще данный факт; причем даже неважно, имел ли он место один раз или несколько раз

[261] См. L. A n d r e j c z i n. Kategorie znaczeniowe..., стр. 39.

inslav

(скажем, в первом примере, — стрелял ли спрашиваемый один раз или несколько раз), как и вообще неважны, не интересуют спрашивающего и прочие обстоятельства конкретного осуществления называемого действия.

Таким же образом в изолированном сообщении о факте прошлого форма несовершенного аориста дает простую констатацию этого факта: «Златно сърце беше тоя момък... Той ме *гледа* като майка» (Ваз.); «... той... си знаеше едната: „Нападнат бях — *браних се*!“» (М. Георг.); «— Ходиш ли на училище? —*Ходих* до четвърти клас. Сега работя в къщи» (Л. Стоян.); «—... всички чорбаджии лъжат и обират беднотията... — Право — потвърди Казака... — *Лъга* ме той...» (Карасл.); «Едно време хеее — ... той ме *защищава*» (там же); «К а м е н: И никакво огъване? Р а б о т н и к ъ т: Никакво! С микрометъра *мерихме*» (Гул.) и т. д.

Обобщенно-фактическое значение несовершенного аориста было отмечено в литературе[262].

Значение это противостоит конкретно-фактическому значению совершенного аориста и конкретно-процессному значению имперфекта в рамках таких же изолированных высказываний об отдельном факте прошлого. Ср., например, с одной стороны, «*Търсиха* ли ме?» в приведенном выше примере (Карасл.), с другой —«Радке! Тебе *търсех*» (Ваз.). В одном случае спрашивающего интересует самый ф а к т, искал ли, спрашивал ли его кто-нибудь за время его отсутствия. Во втором случае говорящий, обрадованный тем, что кончились его долгие и настойчивые поиски, изображает действие прошлого в его течении, как протекавший, бесперспективно длившийся в течение какого-то времени п р о ц е с с. Конечно, он мог бы употребить здесь и форму несовершенного аориста, как сделал в другом случае герой А. Гуляшки («—Чети! За това те *търсих*»), и тем самым не подчеркнуть оттенка «процессности», течения процесса.

Не менее показательны сопоставления с совершенным аористом. Ср. примеры контекстуальных противопоставлений форм близких по смыслу глаголов или одного и того же глагола: «—... от толкова място и баба ми би го измерила... — Мерихме бе — управяше се един от закачаните. — Мерихте, ама *мижахте*... —Истина, аз *замижах*...» (Ваз.); еще яснее: «... патроните ми са слаби... Миналата година ги *пълних* с италиянски барут. *Напълних* пак пушката» (Е.-П.), т. е. вообще наполнял — в данном случае наполнил; и особенно пример: «—...Що тъй се забави?—Аз?—попита Соколов в недоумение.— Марийка късно ли те *намери*?—Коя Марийка?— Как? Не *намира* ли те тя?— извика Огнянов смаяно.— Аз я пратих до тебе с писмо тая заран...» (Ваз.). Здесь первый вопрос («Марийка късно ли те *намери*?») задан в предположении, что действие, выраженное глаголом, имело место, вопрос касается деталей дела (когда оно было?) и, таким образом, носит совершенно конкретный характер. Второй вопрос («*Не намира* ли те тя?»), наоборот, поставлен в общем плане: спрашивающий уже понимает, что факта, о котором он спрашивает, вообще не было, отсюда — отрицание *не* и использование несовершенного аориста, придающего вопросу общий характер («Как, она *вообще* тебя не нашла?»).

Хотя обобщенно-фактическое значение наиболее ярко представлено только в изолированном высказывании и при отсутствии таких специальных моментов, как подчеркнутая длительность, повторяемость и т. д., по существу оно должно рассматриваться как важнейшее значение несовершенного аориста, так как из всех его значений оно наиболее с в о б о д н о (проявляется в условиях максимальной независимости и от окружаю-

---

[262] См. L. A n d r e j c z i n. Kategorie znaczeniowe..., стр. 39; е г о же. Основна българска граматика, § 251.

inslav

щего контекста и от лексического значения глагола, от способа действия и т. д.). Более того: нетрудно убедиться, что и в некоторых других рассмотренных выше значениях несовершенному аористу в той или иной мере присущ оттенок своего рода неопределенности, неконкретности (в сравнении с совершенным аористом) и вместе с тем «непроцессности» (в сравнении с имперфектом), т. е., собственно говоря, то же обобщенно-фактическое значение, только осложненное теми или иными дополнительными, специальными наслоениями, зависящими главным образом от контекста.

VI. Вне рассмотренных пяти групп примеров остается еще одна группа, в которой несовершенный аорист оказывается употребленным просто потому, что от соответствующих глаголов нет формы совершенного аориста. Это несовершенный аорист глаголов imperfectiva tantum, употребленный без какого-либо специального значения. Можно было бы сказать, что он употреблен в «обобщенно-фактическом значении» — наиболее общем и неопределенном из всех значений несовершенного аориста, но это значение объективно узнается по контрасту с конкретно-фактическим. [263] Здесь же или замена несовершенного аориста какой-либо формой совершенного аориста, или окружающий контекст таких форм скорее говорят в пользу равнозначности одного и другого способа выражения. Например: «... Караджов, подир като изпя песента «Боят настава, тупат сърца ни», *държа* пламенно слово и Клисура с възторжени викове и при звона на камбаната се прогласи въстанала» (Ваз.) — вместо *държа* возможно было бы также *каза* и т. п., т. е. совершенный аорист с конкретно-фактическим значением. Аналогично: «Динко е хвърлил отряда в едно безсмислено нападение, което *струва* живота на трима души...» (Дим.) — вместо *което струва живота* возможен был бы совершенный аорист с суммарным значением: *което предизвика смъртта на трима души* и т. п. Ср. еще следующие примеры: «После се върна в къщи, беше спокойна, *приказва* с Галунка́. Василя го нямаше и те си легнаха рано» (Йовк.); «Тинка отмаля, загуби почва под краката си... Тя го *гледа* с изплашени очи изпърво, после току прихна в неудържим плач» (Даск.); «Илия дигна стомната и жадно *смука* студената, пресна вода, после седна до вратата...» (Калч.) — во всех этих случаях действия, выраженные формами несовершенного аориста, не представляются какими-то менее конкретными, чем те, которые выражены соседними формами совершенного аориста. Правда, между теми и другими можно ощутить различия в длительности, но значение длительности здесь никак не подчеркнуто специально и связано только с непредельностью соответствующих глаголов. В общем, можно сказать, что всюду здесь форма несовершенного аориста дает чистое указание на факт, лишенное каких-либо дополнительных оттенков.

Таковы основные типы употребления несовершенного аориста. Мы остановились на рассмотрении этой разновидности простого прошедшего

---

[263] В свете данного замечания может показаться непоследовательной наша практика приведения в предшествующих пяти группах наряду с формами недефективных глаголов также глаголов imperfectiva tantum. Но там, кроме контраста с формами совершенного аориста, у нас был и другой критерий — одинаковость синтаксических условий, в которых находились те и другие формы в каждой нашей крупной и мелкой рубрике. Здесь же, в шестой группе, речь идет только о глаголах imperfectiva tantum и рядом нет недефективных глаголов с тем же значением форм несовершенного аориста. В отношении недефективных глаголов можно сказать, что типы употребления их несовершенного аориста исчерпываются пятью указанными выше группами.

inslav

несколько подробнее, так как считаем ее особенно важной для правильного понимания взаимоотношений внутри простого прошедшего между видом в узком и видом в широком смысле слова. Ясно, что не все перечисленные рубрики равноценны. Сопоставляя их между собой, мы пришли к выводу, что важнейшим и наиболее общим значением несовершенного аориста, значением, лежащим в основе ряда других, является обобщенно-фактическое; рядом с ним для основ imperfectiva tantum надо поставить отсутствие всякого специфического оттенка, т. е. значение простого, чистого указания на факт прошлого, голой констатации этого факта. Это значение близко к обобщенно-фактическому значению. Для удобства дальнейших рассуждений оба близких значения — обобщенно-фактическое и «нулевое» значение голой констатации факта — можно объединить под названием «общефактического» значения. На это-то общефактическое значение и накладываются в различных условиях контекста оттенки подчеркнутой длительности, многократности, перемежающейся последовательности действий и т. д., в результате чего именно эти оттенки чаще всего и бывают представлены в формах несовершенного аориста. И это естественно: когда говорящему надо выразить, например, подчеркнуто-длительное действие, он не всегда может воспользоваться формой совершенного аориста; если он не имеет оснований подчеркивать процессность этого длительного действия, для него исключается и несовершенный имперфект; таким образом, ему остается только несовершенный аорист. Вообще в ряде случаев, подчеркивая такие моменты, как длительность, ограниченную (но не определенную ближе) кратность, перемежающуюся последовательность действия, аннулированность его непосредственного результата, говорящий предпочтет форму семантически более емкую, т. е. не подчеркивающую других моментов — процессности или, наоборот, целостности действия. Такой формой и является несовершенный аорист, общее отличие которого от несовершенного имперфекта и от совершенного аориста именно и состоит 1) в отсутствии значения процессности, присущего имперфекту, и 2) в отсутствии значения целостности действия, присущего совершенному аористу, как и всем другим формам совершенного вида. Как видим, и в том и в другом случае общее отличие форм несовершенного аориста от других форм простого прошедшего носит отрицательный характер. Но это нисколько не мешает этой форме получать в определенных условиях ее употребления те или иные более или менее яркие положительные значения, рассмотренные выше.

В. Совершенный имперфект

Совершенный имперфект, т. е. имперфект, образованный от основ совершенного вида, употребляется, как уже упомянуто выше, только в некоторых специальных типах контекстов. В другом месте мы дали довольно подробное описание его употребления в современном болгарском языке [264], что позволит нам ограничиться здесь лишь самым кратким изложением этого вопроса.

Оставляя в стороне, как это сделано выше и в отношении несовершенного имперфекта, модальное употребление интересующей нам формы [265], мы можем сказать, что имперфект совершенного вида используется всегда только в одном «к р а т н о-п е р ф е к т и в н о м» значении, т. е. в значении многократного действия, представленного в совершенном виде, и именно в порядке «экземплификации» этого многократного действия,

---

[264] См. Ю.С. М а с л о в. Имперфект... — «Вопросы славянского языкознания», 1954, № 1, стр. 68—138, особенно стр. 104—111 и 116—121.

[265] См. там же, стр. 116—121.

inslav

его показа на конкретном примере отдельного, целостного акта. Такое значение, встречавшееся нам уже и в формах совершенного конъюнктива и особенно в формах совершенного настоящего, было названо выше наглядно-примерным (конкретно-репрезентативным). Как и в формах совершенного настоящего, это значение обычно (можно сказать, почти всегда) реализуется в кратно-соотносительных типах контекста (включая случаи «скрытой соотносительности», о которых см. ниже), чаще всего в рамках придаточного предложения (времени, условия и др.), но иногда также в рамках главного предложения, а также в рамках сложносочиненного или слитного предложения. Приведем несколько примеров.

Совершенный имперфект в кратно-парном типе как в главном, так и в придаточном предложении: «Нарочно край тях минаваха дружките на Тинка, като си идеха от пазар и ако го *видеха* сред двора, *викнеха* му, та махалата чуе...» (Даск.); «Вечер, щом чиновниците *тръгнеха* да се разхождат по чаршията, Русин Дуров винаги *закачеше* кафеза с птицата на прозореца към улицата» (Бел.).

Совершенный имперфект в кратно-парном типе только в придаточном предложении (в главном — несовершенный имперфект): «Анко Разпопчето се спряпаше от срам, колчим *срещнеше* човек в панталони от черно сукно» (Ваз.); «... и децата, които често влизаха в градината да берат сливи, щом го *видеха*, не слизаха, а просто нападваха и бягаха, колкото им крака държат» (Йовк.); «Но времето омекна и когато из снега *минеха* каруци, оставяха дълбоки следи, които бързо се пълнеха с вода» (там же); «Нямаше кой дърва да им насече... Ратайче, ако *вземеха*, крадеше ги и те го изпъждаха» (Даск.); «*Прибереше* ли се ключарят, Илия пак се появяваше» (Калч.) и т. д.

Совершенный имперфект в кратно-цепном типе (в сложносочиненном предложении): «Често пъти тези свои разговори той придружаваше и с по някоя мимика: или *подигнеше* разперени пръстите от дясната си ръка... и шаваше (несов. имперфект. — *Ю. М.*) с малкия и другия до него пръст; или *свиеше* джуните си и *изблещеше* очи, като да се чуди на нещо; или *свиеше* дясното си око и *шавнеше* с левия си мустак...» (М. Георг.).

Сюда же примыкает совершенный имперфект в кратно-предельном типе, в придаточном предложении временнóго предела (в главном предложении — несовершенный имперфект): «... Марко полагаше голяма грижа да вдъхне на синовете си религиозно чувство. Вечер, *доде изчетеше* повечерката си пред иконостаса, големите бяха длъжни да присъствуват на молитвата» (Ваз.); «Той се вслушваше в стъпките им, *докато заглъхнеха* в нощта» (Даск.); «Ние бъркахме в дълбоката калена паница, където се бистреше топлата водица и само по някое бобено зърно плуваше ту към единия край, ту към другия, въртеше се в кръг, *дорде* някой го *улучеше* и *попаднеше* в лъжицата му» (Григ.).

Совершенный имперфект в придаточном предложении без главного или при отсутствии в главном предложении глагольной формы, которая прямо выражала бы соотносительное действие, повторяющееся с той же периодичностью (случаи «скрытой соотносительности»): «Като взе шише, той се зачука с всички под ред; то беще звън и кълкотения, рядко кръчмата на бай Тодор беше виждала таквоз чудо. Само когато *почнеха* по-рано изборите» (Даск.) — очевидно, шумные собрания в корчме имели место всякий раз, когда начиналась предвыборная борьба, но это, собственно, лишь вытекает из предыдущей фразы («рядко кръчмата на бай Т. беше виждала» и т. д.), прямо это не выражено. Ср. еще: «(Игнат. — *Ю. М.*) остави си шапката пастрана и почна да сваля каквото му *попаднеше* на ръка от рафтовете на куп сред бакалницата...» (Велк.).

inslav

Во всех примерах, как мы видим, дело обстоит так, что каждый отдельный акт повторяющегося действия, выраженного формой совершенного имперфекта, именно в силу своей тесной связанности во времени с отдельным актом другого повторяющегося действия, естественно воспринимается как целостный, «завершенный», как это мы наблюдали выше в аналогичных случаях употребления совершенного настоящего. Именно эта связанность двух или нескольких с одинаковой периодичностью повторяющихся действий, их внутреннее отношение друг к другу, отношение предшествия и последования внутри каждого цикла и подсказывают говорящему или пишущему выбор совершенного вида. Если нет соотносительности с другим повторяющимся действием, хотя бы скрытой, совершенный вид, за редчайшим исключением, не найдет себе места [266]. Однако даже и при наличии соотносительности совершенный имперфект во всех случаях [267] может быть свободно заменен несовершенным.

Так, в приведенных выше примерах вместо *ако го видеха.., викнеха му* (Даск.), *щом... тръгнеха.., закачеше* (Бел.) и т. д. вполне возможно было бы и *ако го виждаха.., викаха му..*; *щом тръгваха.., закачваше* и т. д. В главном предложении постановка несовершенного имперфекта является в современном языке правилом (см. почти все приведенные выше примеры), а постановка совершенного имперфекта — исключением. В придаточном несовершенный имперфект всегда способен заменить собою совершенный. Так, с данными выше примерами ср.: «... колчем *настаяха* трезвите минути, минутите на размишлението, горките мисли като съскливи змии се разбуждаха в душата и жилеха, жилеха немилостиво» (Ваз.) или с параллельным употреблением несовершенного и совершенного имперфекта в придаточном предложении: «И когато някой ден *дохаждаше* и *изприкажеше* всичко на Ганаила, струваше й се, че са я ограбили» (Йовк.).

Во всех этих случаях возможна также постановка совершенного настоящего (*ако го видят, викнат му.., щом тръгнат, закачи.., колчем настанат трезви минути* и т. д.), в чем убеждают примеры, приведенные на стр. 246 и след., или примеры параллельного употребления совершенного настоящего и совершенного имперфекта: «... дядо Рачо Бейката беше общият смехотворец, без когото Донювото кафене губеше непременно посетителите си. Например дойде някой до вратата и попита: тук ли е Бейката? Ако *кажат*: тука, той влизаше; ако ли *кажеха*: няма го, той се връщаше...» (Ваз.); «*Крекнеше* ли само кокошка, тя рипваше от сън... А *пропее* ли червеният петел и кокошките *закуткудячеха* в хор из кошлетата — това беше за нея празник, с такава радост обираше топлите яйца, с каквато по жътва — първите ръкойки» (Даск.).

При использовании форм совершенного вида (совершенного настоящего или совершенного имперфекта) действие выражается «пластически», на наглядном примере отдельного его акта; при использовании несовершенных форм (несовершенного имперфекта, также и несовершенного настоящего, примеры см. выше, на стр. 247—248) «пластичность» и «наглядность» изображения отсутствуют, соотношение двух действий в повторяющемся цикле или ряда действий в повторяющейся цепи оказывается выраженным в более общей и «сухой» форме.

Кроме того есть, разумеется, случаи, когда самый характер повторяющегося (в рамках цикла или цепи) действия таков, что оно может быть выражено только несовершенным видом. Показателен следующий пример:

---

[266] В языке XIX в. изредка встречаются примеры совершенного имперфекта в значении многократного действия, несоотносительного ни с каким другим действием, например: «Вечер големия двор, дето са саите и отлуканата, *се напълнеше* с добитък» (Влайк.).

[267] Разумеется, кроме случаев глаголов perfectiva tantum.

inslav

«Той взе да пази нощя с пушка, но вълкът не дохождаше. Нямаше го, когато *пазеше*, дохождаше, щом *се прибереше*» (Йовк.). Оба придаточных предложения — и *когато пазеше* и *щом се прибереше* — выражают повторявшиеся, для какого-то отрезка времени, так сказать, типичные ситуации: всякий раз, как имело место то-то, волк вел себя так-то, всякий раз, как имело место иное, вол вел себя иначе. Но при наличии в обоих придаточных значения повторяемости они существенно отличаются друг от друга. Придаточное 'когда караулил' указывает на повторявшийся, длившийся процесс и закономерно содержит в себе форму несовершенного имперфекта; придаточное 'как только уходил, как только, бывало, уйдет' («щом *се прибереше*») указывает на повторявшийся момент, на такое действие, которое каждый раз «завершалось», становилось «готовым, целостным фактом», прежде чем могло наступить действие, выраженное глаголом главного предложения (приход волка). Именно это специфическое значение и вызывает здесь употребление имперфекта, образованного от основы совершенного вида. Вполне аналогично: «Когато хаджи Станьо *минаваше* важно с бастун по чаршията, всеки му сваляше шапка и му ставаше на крака. Но щом *отминеше*, веднага се чуваха подмятания и псувни» (Бел.). С одной стороны — 'когда проходил' (повторявшийся процесс), с другой стороны — 'как только, бывало, пройдет' (повторявшийся момент).

Таким образом, как это мы видели и в разделе о настоящем времени, совершенная форма в наглядно-примерном значении всегда может быть заменена и на практике часто заменяется несовершенной, но не наоборот: не всякая несовершенная форма в рамках кратно-соотносительного типа может быть заменена формой совершенного вида. Так, в приведенных только что примерах *пазеше* и *минаваше*, хотя они употреблены в рамках придаточных предложений, не могли бы по самому характеру выражаемых ими действий быть заменены какими-либо формами совершенного вида.

Г. Выводы о характере видовых различий в простом прошедшем времени

Мы рассмотрели основные случаи употребления в современном болгарском языке всех четырех видовых вариантов простого прошедшего времени. Попытаемся теперь сформулировать, в чем же заключается сущность обоих противопоставлений, создающих эти четыре видовых варианта, т. е. а) сущность видового — в узком или собственном смысле — противопоставления совершенного и несовершенного вида (занимавшая нас и на протяжении предыдущих разделов) и б) сущность видового — в широком смысле — противопоставления имперфекта и аориста, своеобразно накладывающегося в простом прошедшем времени на собственно-видовое противопоставление.

Сущность видового в узком смысле противопоставления, т. е. противопоставления совершенности и несовершенности, в рассмотренном сейчас простом прошедшем времени та же, что и за его пределами, например, в формах конъюнктива или настоящего времени. Совершенный вид обозначает действие в его целостности — «естественной» целостности единичного конкретного факта или более или менее «искусственной» целостности, возникшей путем «конденсации», «суммирования», объединения в одно целое объективно не единого действия, или же путем «экземплификации» — путем показа объективно-многократного действия на единичном наглядном примере отдельного конкретного случая, единичного акта этого действия. Несовершенный вид обозначает действие без указания на его целостность. В корреляции с совершенным видом несовершенный вид

inslav

оказывается отрицательным членом противопоставления. Такова общая картина.

Сущность видового в широком смысле противопоставления, т. е. противопоставления имперфекта и аориста, иная. Имперфект обозначает действие в процессе его протекания или неограниченного повторения как развертывающийся или неограниченно-повторяющийся процесс. Аорист обозначает действие без указания на самый процесс его протекания или неограниченного повторения. Положительным членом в корреляции имперфект — аорист является имперфект, аорист же характеризуется отрицательно: тем, что ему не присуще процессное значение имперфекта.

Очерченные таким образом смысловые различия между совершенным и несовершенным видом, с одной стороны, и между имперфектом и аористом, с другой, выступают во взаимодействии между собою, создавая те смысловые оттенки в четырех видовых вариантах простого прошедшего времени, которые были рассмотрены нами на протяжении данного раздела. Положительное значение совершенного вида — значение целостности действия — наиболее полно гармонирует с отрицательным значением аориста — с отсутствием указания на процессность, и, наоборот, положительное значение имперфекта — значение протекающего (или повторяющегося) процесса — наиболее полно гармонирует с отрицательным значением несовершенного вида, с отсутствием указания на целостность действия. В силу этого именно аорист совершенного вида и имперфект несовершенного вида представляют собою наиболее употребительные варианты простого прошедшего времени в болгарском языке. В аористе несовершенного вида действие изображается без указания на его целостность (так как вид здесь несовершенный) и без указания на его процессность (так как это не имперфект). Это вдвойне отрицательное значение и характерно для несовершенного аориста; оно выступает в нем как обще-фактическое или обобщенно-фактическое значение, но в зависимости от окружающего контекста может получать ту или иную конкретизацию, как мы это видели. В имперфекте совершенного вида положительное значение совершенного вида и положительное значение имперфекта накладываются друг на друга таким образом, что эта форма обозначает действие, каждый отдельный акт которого рассматривается в его целостности, а все действие — в его неограниченной повторяемости. Потребность в таком специфическом рассмотрении действий возникает в случаях особой соотносительности данного действия внутри повторяющегося цикла или цепи действий с другим или другими действиями, когда неограниченная повторяемость всей цепи или цикла требует использования имперфекта, а характер хронологического отношения данного действия к другому в пределах каждого цикла или каждой цепи подсказывает использование именно совершенного вида. В сущности, употребление такой вдвойне положительной формы, как совершенный имперфект, всегда факультативно (всегда возможна замена несовершенным имперфектом или совершенным настоящим).

Такова общая картина видовых отношений в простом прошедшем времени современного болгарского литературного языка. Читатель, знакомый с литературой о славянском виде и, в частности, с книгой Серенсена «Aspect et temps en slave», легко заметит, что изложенная нами концепция, несмотря на ряд точек соприкосновения, существенно отличается от теории Серенсена. Момент сходства состоит только в том, что в качестве положительных (или, у Серенсена, в соответствии с терминологией датских структуралистов «интенсивных») членов противопоставления и здесь и там названы совершенный вид и имперфект, а несовершенный вид и аорист рассматриваются как отрицательные (у Серенсена «экстенсивные»)

inslav

члены корреляции. Но сходство этим и ограничивается. Разным является само содержание одного и другого противопоставления: у Серенсена оно идентично как для категории совершенный + несовершенный вид, так и для категории имперфект + аорист и состоит в понятии ограниченности или неограниченности пределом (limitation — alimitation — antilimitation), здесь же, как видит читатель, речь идет о двух противопоставлениях, разных и по содержанию, а не только по распределению положительного и отрицательного члена.

Именно подход к противопоставлению совершенного и несовершенного вида, с одной стороны, и имперфекта и аориста — с другой, как к разным, нетождественным по содержанию категориям, и дает, как нам кажется, возможность правильно понять специфические оттенки значений таких форм, как несовершенный аорист и совершенный имперфект, форм, которые не могут получить удовлетворительного объяснения в рамках теории Серенсена. Да Серенсен, собственно, и не пытается анализировать значения этих форм в живых языковых контекстах, ограничиваясь ссылками на определения их значения у тех или иных авторов [268].

11. СОВЕРШЕННЫЙ И НЕСОВЕРШЕННЫЙ ВИД В ФОРМАХ ПЕРФЕКТА И В ДРУГИХ ВРЕМЕНАХ ЕГО ГРУППЫ

Как уже отмечено выше, перфект и другие времена его группы характеризуются специфическим значением актуальности последствий выраженного действия с точки зрения более позднего временнóго плана. Для перфекта речь идет об актуальности в плане настоящего времени (в плане реального настоящего момента речи) или в другом временнóм плане, обозначенном формами настоящего времени (ср. например, историческое настоящее); для плюсквамперфекта — об актуальности с точки зрения плана прошедшего времени (чаще всего — плана повествования); для редкого «будущего предварительного»[269]. — об актуальности с точки зрения какого-то момента будущего. При этом в каждой из названных форм значение актуальности последствий действия может выступать в ряде разновидностей и прежде всего в двух главных вариантах — статальном (в центре внимания — состояние, явившееся в результате предшествовавшего действия) и акциональном (в центре — действие, оставляющее по себе те или иные последствия и так или иначе связанное с последующим временнýм планом). Задачей данного раздела будет рассмотрение того, как эти разновидности значения актуальности последствий взаимодействуют со значениями совершенного и несовершенного вида.

А. Статальное значение

Статальное значение перфекта, плюсквамперфекта и т. д., т. е. значение состояния, явившегося в результате предшествовавшего ему действия, встречается только в формах совершенного вида и только у глаголов, обозначающих переход субъекта в новое состояние, изменение его местоположения в пространстве, его внешнего облика и т. д. Объективным доказательством наличия статального значения является присутствие в окру-

---

[268] Для болгарского при этом он ссылается на грамматики Вейганда и Болье. Более новые и более полные описания значения простых прошедших времен в современном болгарском языке остались неучтенными в его книге.

[269] «Будущее предварительное» чаще употребляется в значении предположения, относящегося к прошлому (так, и для будущего времени нередко характерно значение предположения, относящегося к настоящему, см. Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики, § 224, 4 и § 225).

inslav

жающем контексте каких-либо моментов, способствующих выдвижению мысли о состоянии. Мысль о действии, об изменении, приведшем к этому состоянию, остается в этих случаях в тени, почти вовсе исчезает.

Примеры с формами перфекта: «...Майки, та ти си лед, *вкоченясал си се*...» (Ваз.) — предшествующее сказуемое ясно показывает, что речь идет о состоянии субъекта в момент речи, а не о переходе в это состояние, относящемся к прошлому. Аналогично: «От потеря главата си не можеш да покажеш... Балканът *е червясал* от турци и черкези...» (Ваз.). Так же, но в контексте исторического настоящего: «Тя е с един китен от скъпата боя сукман... Изпод него се подават кенарлиовите поли на бялата ѝ риза... Въз сукмана *е облякла* един къс гиджелик от морав джамфес. *Запасала е* въз него извезан с пъстри коприни поес и отпреди *е закопчала* позлатени чопразе. *Превързала е* въз кенаровите нагръдки... гердан жълтици... *Забрадила е* назад една тънка, филибелишка пиринка... *Возсукала е* до под лактето бели като сняг ръкаве. *Обула е*... ония чохени чехли с коприненн китчици. Така накитена и пременена... то вече не можеш да ѝ се нагледаш!» (Влайк.); «Доле между върбето...шумоли малката река... Покрай пътеката и нататък *са се зелнале* зимнини като едно море» (там же); «Обръщам се и диря с очи живата усмивка на Лазар Ливадийски. Какво му е наистина? Той *се е отпуснал* в окопа, безсилен да се държи на краката си. Гласът му *е пресипнал*. Пръстите му *са посинели*. Очите му гаснеят...» (Л. Стоян.). На почве статального значения перфекта уже почти идиоматично *седнал е да приказва*; *това се е видяло* = *това се вижда*, например: «То *се е видяло*, че и днес няма да се пожъне» (Е.-П.).

Примеры с формами плюсквамперфекта: «Големите черни очи... гледаха дръзко, дяволито, снагата ѝ *беше се източила*, тънка, гъвкава, разцъфнала като дива шипка» (Йовк.); «Дядо Йорго слушаше с отворени уста. Цинцаринът мечтаеше. Гаврил *беше се подпрял* на тезгяха, с изкривена глава, като че хвърчи нейде високо-високо, и унесено *бе склопил* клепки. Очите на Марко *се бяха удвоили*. А кавалът все повече и повече унасяше» (Е.-П.); «На малка моравка... седяха двамата непознати. Единият беше около тридесетгодишен, гологлав и облечен в овехтяло сако... Другият — по-млад, с бял каскет на главата, *беше нахлул* изтъркан голф в орехов цвят и носеше винтяга...» (Хадж.); «Челото му беше рунтаво, космите *се бяха завили* на малки колелца, бяха къдрави като на човек, което рядко се среща у говедата» (Григ.); «После стъпи с крак върху изгорялото и когато го отмести, на пода *бе останало* само едно черно петно...» (Ман).

В других контекстах формы перфекта и плюсквамперфекта тех же или аналогичных глаголов уже не будут иметь статального значения. Так, с приведенным выше «Обула е ... чехли с коприненн китчици» (Влайк.), которое, собственно, значит 'на ногах у нее туфли' и т. д., ср. «Михалаки носеше прозвището Алафрангата твърде заслужено: той пръв *беше обул* панталони преди тридесет години в града и продумал френски» (Ваз.), где *беше обул* обозначает действие, предшествовавшее (как указано — на 30 лет) плану повествования, но оставившее по себе след, актуальный с точки зрения этого плана (именно прозвище Алафрангата).

Не следует думать, что между статальным значением перфекта, плюсквамперфекта и т. д. и их акциональным значением существует вполне определенная и резкая граница. Наоборот, мы обнаруживаем здесь постепенный переход. Имеется ряд примеров, в отношении которых трудно сказать, на чем в большей мере сосредоточено внимание говорящего — на состоянии или на действии. Ср. например, «Стани, *дошли са* за тебе...» (Карасл.); «Иди обади на бай Нено да дойде, че *е пристигнал* новия учител» (Л. Стоян.); «Денят бе душен и тежък. Слънцето упорито *бе се спряло* посред синия небесен купол и сипеше огън и жар от висините» (Е.-П.).

inslav

Б. Акциональное значение

Акциональное значение, т. е. значение действия, оставляющего по себе те или иные результаты, последствия, следы и т. д., распространено и в перфекте и в других временах его группы гораздо шире, чем статальное. Оно представлено в обоих видах, совершенном и несовершенном.

У результативных глаголов, совершенный перфект и плюсквамперфект которых в той или иной степени способен иметь статальное значение, объективным доказательством наличия акционального значения являются обстоятельства времени, относящиеся ко времени самого действия, а иногда и другие обстоятельства, относящиеся именно к действию, а не к состоянию. Ср. *преди тридесет години* в приведенном выше примере (Ваз.), а также следующие примеры 1) с формами перфекта: «Каблешков *е дошел снощи късно*, у мене е — каза Бързобегунек» (Ваз.); «*От три деня съм тръгнал* за Бяла черква и виждате доде съм стигнал...» (там же); «*Токо що са изкласиле* и зафатат вече и да цъфтят» (Влайк.); «*Три години се навършват откакто е постъпил* в нашия завод» (Гул.) и 2) с формой плюсквамперфекта: «И наистина господин Фратя го нямаше между другарите му. Той *бе изклинчил* благоразумно *още когато се запя* опасната песен...» (Ваз.) (заметим попутно, что здесь, как и в ряде других случаев, хронологически предшествующее действие выражено формой аориста, а не плюсквамперфекта).

У глаголов других способов действия формы совершенного перфекта и плюсквамперфекта и у любых глаголов формы несовершенного перфекта и плюсквамперфекта выступают только в акциональном значении, которое в свою очередь может быть подразделено на ряд оттенков в зависимости от характера связи выраженного действия с последующим временным планом. Рассмотрим важнейшие из этих оттенков, помня что в живой языковой действительности они отчасти переплетаются и, кроме того, связаны между собой бесконечным количеством переходов.

1) Актуальность действия, выраженного перфектом или плюсквамперфектом, для последующего временнóго плана может заключаться в сохранении к соответствующему моменту прямых и непосредственных р е з у л ь т а т о в действия (результатов, прямо называемых с помощью причастия данного глагола). Из всех оттенков акционального значения этот первый относительно наиболее близок к статальному. Он может быть проиллюстрирован всеми примерами, приведенными двумя абзацами выше, а также еще и следующими: а) с формами перфекта: «...нашият емигрант, като пръв и законен наследник на класическия ни хайдутин, *приел* и *упазил е* завещаната борба с всичките му социални стремления, които са едни от най-хубавите черти на народния ни характер» (Хр. Бот.); «Затова има приказки, затова *са* ги хората *измислили*» (Е.-П.); «Я дай сега да видя как Чона ти *е превързала* раната. Ба! Не е лошо» (Л. Стоян.); б) с формой плюсквамперфекта: «Обитателите шумно хъркаха. Топлият и задушен въздух *беше овлажнил* мътните стъкла на прозорчетата, върху стената висеше извехтял, издраскан календар» (Калч.) и т. д. Рассмотренный оттенок значения имеют только формы совершенного вида.

2) Актуальность выраженного действия для последующего временнóго плана может состоять в наличии тех или иных производных или косвенных результатов действия, его л о г и ч е с к и х п о с л е д с т в и й. В этом случае возможно использование как совершенного, так и несовершенного вида. Приведем примеры.

а) Совершенный вид. Формы перфекта: «Огнянов, — казваше той надуто и авторитетно — през плет *не е видял* театър» (Ваз.), т. е. не видел

inslav

и потому не знает, что такое настоящий театр; «Не съм и за пушенето. Но *забелязал съм*, че цигарата е приятел на човека» (Л. Стоян.), т. е. заметил это и продолжаю так думать; «Матей Матов вървеше зад колите спокоен, без да показва нетърпеливост, като военачалник, който *е спечелил* сражението и сега се ползува от плода» (там же) и т. д. Форма плюсквамперфекта: «Госпожа Христина имаше лоша слава. Тя минуваше за патриотка и се мешеше в комитети. Веднъж Левски *беше пренощувал* у нея» (Ваз.) — то, что монахиня Х. однажды прятала у себя Левского, имело в качестве последствия «дурную» (в глазах чорбаджийской партии) славу о ней, сохранявшуюся и в период, о котором идет речь в романе.

б) Несовершенный вид. Формы перфекта: «Тук сте в пълна безопасност. В тази килия *съм крил* и Левски. Тук не иде никой...» (Ваз.) — то, что говорящий когда-то в прошлом укрывал в этой келье Левского, позволяет заключить, что келья эта — надежное пристанище для людей, преследуемых властями; «Той беше със страшно измахнато лице... както трябва да е един човек, който десетина денонощия *се е борил* с трудове, с безсъници, с човеците, със стихиите, с глада...» (там же); «Боя се само да не обърне колата. Той *е правил* вече това» (Дим.); «Ние *сме се клели* да служим на братята си и ще се борим до последен час» (Л. Стоян.). Форма плюсквамперфекта: «Не каза даже и благодаря, понеже никой *не беше* го *учил* на вежливост, но в очите му светеше безкрайна благодарност» (Калч.).

Во всех этих случаях из фактов, сообщаемых в формах перфекта или плюсквамперфекта одного и другого вида, вытекают те или иные выводы, важные соответственно для настоящего момента или для основного плана повествования. Ради возможности сделать эти выводы, собственно, и сообщается тот или иной факт, выраженный интересующими нас формами, причем этот факт может быть обозначен как конкретный и целостный в формах совершенного вида, или обобщенно, без указания его целостности, в формах несовершенного вида, как это мы наблюдали в приведенных сейчас примерах (ср. «Веднъж Левски *беше пренощувал* у нея» и «В тази килия *съм крил* и Левски» — неизвестно, сколько раз, в течение какого времени и т. д.).

3) Близким к предыдущему, но своеобразным оттенком в формах перфекта обоих видов является оттенок действия, предположительно восстанавливаемого говорящими по его следам, наблюдаемым в момент речи. Предположительный оттенок в формах перфекта отмечен, наряду с другими значениями этой формы, Андрейчином, проиллюстрировавшим его рядом примеров, в частности таким (из Каралийчева), как «Тя *е дошла* отляво — личи, как е поломила житото»[270], где вторая форма указывает на следы (рожь остается помятой в момент речи), а первая восстанавливает по этим следам действие, непосредственный результат которого уже устранен. Ср. далее с формами перфекта несовершенного и совершенного вида: «Внезапно... той можá да забележи и някакви бели димчета, каквито произвожда огнестрелно оръжие... — Бунт! Бунт е това в Бяла черква! — извика той радостно. — Верните ми приятели... *не са кръстосвали* ръце... Види се, въстание е *избухнало* сега и на други места... Загасналият пожар *се е съживил*...» (Ваз.); «Ами звънарци, какво мислиш е станало с тях? — ... Мисля, че *са* ги *разпръснали* и *избили* с два - три залпа, когато *са идвали* тази вечер насам... Тия зверове *са надушили* по някакъв начин, че ще се събираме тази вечер тук, и ето че ни чакат...» (Велк.). С формами несовершенного пер-

---

[270] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe... стр. 45—46; его же. Основна българска граматика, § 262, г.

inslav

фекта: «Разбира се, това са бабини деветини. Я пиян *е бил* дядо Цено, я...» (Л. Стоян.); «Изглежда, че полицията *е спала*!» (Дим.) и т. д. Формы совершенного перфекта и здесь обозначают действие как конкретный и целостный факт, формы несовершенного перфекта — действие в процессе его осуществления (например, «когато *са идвали* насам») или обобщенно («*не са кръстосвали* ръце» — вообще не сидели без дела).

4) Актуальность действия, выраженного формами перфекта или плюсквамперфекта, для последующего временнóго плана может состоять в том, что время, к которому отнесено совершение (или несовершение) этого действия, обозначается с помощью тех или иных средств как простирающееся вплоть до соответствующего момента (момента речи, момента, на котором остановилось повествование, и т. д.). Этот оттенок предполагает в глагольной форме значение продолжительности действия и потому особенно широко встречается в несовершенном виде. В совершенном он представлен в отрицательных предложениях.

а) Совершенный вид. В формах перфекта: «И нейна работа ще е, да си намери друг, ако *не си е намерила досега*...» (Е.-П.); «Въпреки че ти пиша за трети път вече, но от тебе *досега не съм получил* никакъв отговор...» (Велк.). В плюсквамперфекте: «Тогава ми дойде нещо в главата, което *през целия си живот не бях помислил*» (Ваз.) — «през целия си живот», т. е. вплоть до того момента.

б) Несовершенный вид. В формах перфекта: «Всички деца, които... *до сега са стоели* вън от училището, да се запишат и веднага пратят там» (Велк.); «Ние *сме имали винаги* ясното съзнание, че премахването на фашизма... е неразривно свързано с нашата крайна цел — социализма и комунизма» (Г. Димитров); «*Никога не сме бягали* от трудности» (Даск.); «В бара забелязах нещо, което *не си вършил никога*. За половин час изпи три чаши коняк» (Дим.); «От нашия род *до ден днешен* изедник *не е излизал*, ти си първият» (Ман.). Обстоятельственных слов типа *винаги*, *никога*, *до днешен ден*, *досега* и т. п. может и не быть в предложении, но форма перфекта может выступать с тем же оттенком, как в нижеследующем примере: «Видиш ли ме, докторе, аз съм побелял от търговията и чуждо писмо *не съм разпечатвал*» (Ваз.). Ср. далее: «Ама аз го направих днес, за пръв път и за последен». В форме плюсквамперфекта: «За нея детето беше наградата за зехтина, който *беше носила от години* в черквата» (Велк.).

При отрицании, таким образом, здесь встречается и совершенный и несовершенный вид. При несовершенном отрицание носит более общий характер, а иногда, именно — в сочетаниях с *досега*, *до ден днешен* и некоторыми другими, привносит оттенок противопоставленности предыдущего положения — последующему (ср. «до сих пор из нашего рода не выходило разбойников — а ты оказался разбойником», «до сих пор не распечатывал писем — а сейчас распечатал», «до сих пор не пил столько коньяку — а сейчас выпил» и т. д.). Иногда это значение противопоставленности еще более подчеркивается употреблением — вне повествовательного контекста — формы плюсквамперфекта. Так, с приведенным выше «... досега *не съм получил* никакъв отговор...» (Велк.) ср. «Игнат: Бърза поща е, бай Тройо. Ето пише там!.. Тройо: Я гледай, досега бърза поща *не бях получавал*» (С. П.) 'до сих пор не получал, а вот получил'.

5) Наконец, наиболее ослабленный оттенок связи выражаемого действия с последующим временнымм планом состоит в том, что действие это констатируется в контексте и на фоне форм, относящихся к позднейшему временнóму

inslav

плану. Рассматривая этот оттенок, будет удобнее отдельно говорить о перфекте и отдельно о плюсквамперфекте.

а) Для перфекта обоих видов ср. следующие примеры: «... онуй, що вчера *е било* незиблема истина, необходимо условие, днес е вреден предразсъдък; онуй, що *се е считало* за утопия, днес е исторически факт» (Хр. Бот.); «Колко кърви, пот и сълзи *са се пролели* и колко ще се пролеят, за да стане монархията на конституция, конституцията на република, републиката на община!! Няма предел умът човешки!» (там же); «Днес ще ви предам един твърде интересен случай, макар и той да не е станал в последните години... Това *се е случило* при Ипър...» (далее — повествование в пересказывательном наклонении) («Варненски новини», 7.IX.1944 г.) и т. д. Во всех подобных примерах семантическая специфика перфекта ослаблена в максимальной степени, но не утрачена полностью, так как перфект не превратился здесь, как и нигде в болгарском языке, в средство связного повествования. Действия, обозначенные формами перфекта, даже если их несколько подряд, не составляют связного, последовательно развертывающегося повествования, а соотнесены, каждое в отдельности, с моментом речи. Ср.: «Ти нито знаеш, колко сълзи *е проляла*, когато те откараха за К., и каква радост *е била*, когато *са* те *освободили*. Рада всичко това *е видяла*» (Ваз.).

б) В формах плюсквамперфекта рассматриваемый оттенок представляет собою указание на чисто хронологическое, временнóе предшествие выражаемого действия другому, обозначенному формами простого прошедшего.

Как известно, именно это «относительное» значение «предпрошедшего», или «прошедшего предварительного», обычно считается главным значением плюсквамперфекта (ср. и болгарский термин для этой формы —«минало предварително»). Тот или иной представитель традиционного воззрения мог бы сказать, что «относительное» временнóе значение плюсквамперфекта поглощает и включает в себя всё его значения, перечисленные выше, и что, собственно, выделять их не было нужды. Однако с этим можно и нужно поспорить. Как уже было отмечено выше, хронологического предшествия часто бывает недостаточно для употребления форм плюсквамперфекта. Чисто хронологическое предшествие нередко остается невыраженным специальными языковыми средствами. Поэтому надо выяснить, когда же оно все-таки выражается, когда именно плюсквамперфект бывает строго необходим. Это, как нам кажется, и показывают случаи, группирующиеся в приведенные выше пункты. За их рамками, т. е. на долю чисто хронологического значения плюсквамперфекта, остается лишь небольшая часть всех примеров.

Наиболее отчетливо значение чисто хронологического предшествия выступает там, где подряд следует несколько форм плюсквамперфекта, т. е. где делается попытка (обычно не доводимая до конца) передать в формах плюсквамперфекта какой-то более длинный эпизод, представляющий собой отступление назад от основной линии повествования («регресс», по терминологии Кошмидера). Ср., например: «Къде се дяна Лалка, Радо? Я иди я повикай — обърна се Хаджи Ровоама... към младата мома в черно. Лалка подир думите на Стефчова... *беше се оттеглила* полека и *беше влязла* в една стая; там се *бе тръшнала* на миндеря с глава надолу и *заплакала* с глас. Порой сълзи се изляха (переход, как обычно в таких случаях, в простое прошедшее. — *Ю. М.*) из очите ѝ» (Ваз.).

6) Своеобразным оттенком в значении форм плюсквамперфекта, представляющим собою как бы отрицание его основного значения, является оттенок аннулированности, отсутствия последствий прошедшего действия, характерный для форм плюсквамперфек-

inslav

та при их употреблении вне повествования, в контексте форм настоящего времени или перфекта или в изолированном высказывании о событии прошлого. По существу значение формы остается здесь тем же: она указывает на актуальность последствий действия для прошедшего временнóго плана; но актуальность для прошедшего времени по контрасту означает отсутствие актуальности для настоящего, для момента речи. Приведем примеры этого своеобразного употребления.

Совершенный вид: «Знаеш, аз *бях приготвил* Клеопатра за него... Той тържествува...» (Ваз.), т. е. я было приготовил [271] Клеопатру (но сейчас уже не могу ее использовать); «Нали е свикано събрание у Есемето? — Свикано е. — Хубаво. Ние *бяхме решили* да стане у нас, ама щом си разгласил за там... нищо...» (Карасл.), т. е. вопрос о месте собрания был решен, но теперь решение изменено; «— Та той бил цял адвокатин, поразията — чудеше се шепнешком някой. — Пък мязаше на вол. — От мерак да стане чорбаджийски зет, *беше* си *изгубил* мозъка сиромахът» (там же), т. е. если в прошлом он «потерял рассудок», то теперь вновь обрел его; «— Не крия нищо!.. — Павел се изсмя.— Просто *бях забравил*, че съществува!» (Дим.), т. е. я уже забыл о ней, а сейчас ты мне напомнила.

Несовершенный вид: «Ето... Тука си държах всичкото богатство — петстотин жълтици (до того, как они были украдены. — *Ю.М.*). Една по една *бях* ги *спестявал* четиридесет години време. Сега... Проклети да са!» (Е.-П.); «До миналата година *не бях ходил* на море» (ТР под *до* в знач. 'преди определено време') — подразумевается, что в прошлом году я поехал на взморье; ср. также приведенное выше «... досега бърза поща не бях получавал» (С. П.) и т. д.

Итак, мы рассмотрели важнейшие случаи употребления перфекта и плюсквамперфекта в современном болгарском языке. В стороне осталось только модальное значение плюсквамперфекта и перфекта, нами не рассматриваемое, и специальные по существу фразеологически связанные случаи употребления перфекта вроде *добре дошли*! или *дявол те взел*, относительно которых, впрочем, можно было бы заметить, что в них бывает представлен только перфект совершенного вида. Все рассмотренные значения и оттенки тесно связаны и представляют собою развитие одного основного значения, охарактеризованного выше как значение актуальности последствией действия для последующего временнóго плана. И в перфекте, и в плюсквамперфекте это значение представляет собою положительный признак, по отношению к которому простое прошедшее время оказывается в корреляции с перфектом и плюсквамперфектом нулевым членом противопоставления.

Перфект абсолютно противопоставлен аористу (и имперфекту) связного повествования. Для повествования всегда характерно забвение, отсутствие соотносительности каждого отдельного действия с настоящим моментом, а нередко (в чисто эпическом повествовании) и полная отрешенность от настоящего момента всего течения событий в целом. Поэтому в повествовании как таковом нет места перфекту, указывающему на связь прошлого с настоящим. Если в повествовательном контексте и появляются формы перфекта, то лишь там, где имеется отход от чистого повествования (историческое настоящее, либо сравнение повествуемых событий с какими-либо «вневременными», т. е. «неактуально-презентными», событиями,

---

[271] Перевод на русский с помощью «недействительного наклонения» не случаен: конечно, эта русская форма возникла на базе именно такого употребления славянского плюсквамперфекта. Таким же образом можно перевести и все нижеследующие примеры, по крайней мере, совершенного вида.

inslav

либо указание на связь отдельного факта, выхватываемого из повествовательной цепи, с чем-либо последующим и именно — современным рассказчику, либо оценка события, размышление по его поводу, предположение и т. д.). Ср. следующие примеры: «И като грабна копанята с разсипаните трици, тя се отдалечи с походката на вълчица, която *е отхапала* със месо от някое живо добиче» (Е.-П.) — сравнение повествуемой ситуации с типичной «вневременной» ситуацией; «Той подсвирваше безгрижно, най-напред влезе в кухнята, но види се там *не е имало* никого, защото, когато отвори вратата на стаята си и видя стария,.. пребледня...» (Карасл.) — предположение (ср. *види се*) и т. д. В эпических литературных произведениях именно отступления такого рода, а также, в широких масштабах, прямая речь персонажей только и могут дать материал по перфекту [272].

Именно неспособность болгарского перфекта повествовать, отсутствие в болгарском языке perfectum historicum, т. е. связного рассказа о прошлом в формах перфекта, и является важнейшим отрицательным признаком, указывающим на основное положительное значение форм перфекта, видовое (в широком смысле слова) значение актуальности последствий прошедшего действия для настоящего момента и — очень разнообразной, как мы видели, в разных конкретных случаях — связи этого прошедшего действия с настоящим моментом.

Не является абсолютным противопоставление перфекта простому прошедшему отдельного высказывания о прошлом событии [273] (т. е. аористу или имперфекту, употребленному в «синтаксическом индикативе», по терминологии акад. Белича). В первую очередь речь, конечно, идет об аористе. При этом надо учитывать, что совершенный аорист (как и другие совершенные формы) результативных глаголов обозначает действие, достигшее своего результата, и что при отсутствии в контексте противоположных указаний естественно предполагается сохранение этого результата в дальнейшем, в частности и в момент речи, если аорист употреблен в каком-то соотношении с этим моментом, т. е. вне связного повествования. Отсюда следует, что в области результативных глаголов различие между совершенным аористом вне повествования и совершенным перфектом обычно состоит не в объективном отсутствии или наличии результата в момент речи (результат присутствует в обоих случаях), а только в том, подчеркнут ли факт наличия этого результата самой грамматической формой. Ясно, что различие это очень тонкое, что нередко оно может зависеть от субъективных факторов.

Приведем некоторые примеры.

Ср., с одной стороны, «Ех, невясто, *грухнала съм* вече, не мога...» (Елайк.) со статальным значением перфекта и, с другой — употребленную в точно таком же контексте и у того же писателя форму аориста того же глагола: «А аз *грухнах*, бае Славчо, не можа». Далее: «Ц е к о: Ела, кажи какво *стана*... С ч е т о в о д и т е л я т: Какво *се е случило*?» (Даск.); или «Та на нас ни предстои работа — *дали сме* обещание» (Гул.) и «Какво ще правим?.. Нали *дадохме* обещание? Как ще гледаме хората в очите?» (Гул.) и т. п. В частности, следует подчеркнуть субъективность

---

[272] Такова же в принципе картина и в собственно-историческом повествовании с той только разницей, что здесь вместо простого прошедшего основной костяк повествования составляют пересказывательные формы, а перфект широко используется для предположительных утверждений автора и для констатации отдельных наиболее крупных и общеизвестных событий. См. L. A n d r e j c z i n. Kategorie znaczeniowe..., стр. 62—63; е г о ж е. Основна българска граматика, § 312—314.

[273] Здесь под «отдельным высказыванием о прошлом событии» расширительно понимается любое высказывание о прошлом, кроме повествовательного.

inslav

размежевания форм *дошъл съм* и *дойдох*. Выше мы видели, что несовершенный аорист этого и ряда других семантически близких глаголов нередко обозначает действие, результат которого был аннулирован последующим ходом развития. По контрасту к этому значению совершенный аорист особенно широко употребляется при наличии неустраненного результата.

Достаточно широкое поле для субъективных решений оставляют и случаи подчеркивания или неподчеркивания косвенных, вторичных последствий действия, когда речь идет уже о выборе между перфектом и аористом в рамках каждого из видов, а тем более — простое упоминание прошлого факта в контексте форм настоящего времени (здесь оказывается возможным еще и несовершенный имперфект в «абсолютном» употреблении). В результате всех подобных соприкосновений между перфектом и аористом в языке выработался даже определенный тип их совместного употребления, в котором семантическое тождество обеих форм получило своего рода формальное закрепление. Этот тип состоит в том, что при тождестве глаголов утверждению, сделанному в форме аориста, нормально противопоставляется в контексте отрицание в форме «неполного» (без причастия) перфекта, например: «Иван ги (кокошките. — *Ю. М.*) *фана*, аз *не съм*» (Даск.); «— А до Пловдив *ходи* ли? — *Не съм*. Че какво да правя в Пловдив?» (Карасл.); «— Милке, *направи* ли си палто? — *Не съм*. Купих на децата шушонки» (Дим.). Во всех этих случаях вспомогательный глагол перфекта выступает как заместитель формы аориста.

Однако из всех этих фактов нельзя, конечно, сделать вывода об общей семантической тождественности перфекта и аориста в его неповествовательном употреблении, точно так же, как из всегда имеющейся возможности заменить уменьшительную форму существительного неуменьшительной нельзя сделать вывода, будто уменьшительные формы равнозначны неуменьшительным, произнесенным, скажем, в ласковом тоне. Постоянно встречаются примеры, в которых при контекстуальном соседстве форм перфекта и аориста семантическая специфика первых чувствуется очень ясно. Ср.: «— Какво има? —много се забави... Що *си пребледнял*? — попита той бързо. — Що мълчиш, Викентий? Извади ли парите?» (Ваз.); «... откъде взе тези жълтици? Кой ти ги подари, че *си* ги *окачила* на шията си?» (Калч.); или: «... откак отказах да стана демократ, много *се е надул* нещо» (Карасл.) и т. п.

Довольно четко противостоят аористу формы перфекта, выступающие в третьем и в четвертом из вышеуказанных оттенков, например: «—... Лалка умря. —Умря?... Колко нещастия в късо време... Той я *е убил*, тоя подлец! — изкрещя Огнянов. — Да, той я *уби*» (Ваз.) — здесь предположение о факте противопоставлено его точному знанию; или: «Дяконе Викентие! *Откога* окаяният сатана *е влязъл* в душата ти? Откога тая алчност за злато и грабительство?.. Кажи ми, защо *влезе* тука, яко тат нощний?» (там же), где имеем *откога* при форме перфекта. Довольно остро чувствуется обязательность перфекта, его незаменимость аористом при *никога*, *винаги* и т. п. [274]

Плюсквамперфект также абсолютно противопоставлен простому прошедшему основной линии повествования и неабсолютно, относительно — простому прошедшему, обозначающему события, предшествующие этой линии. Приведем некоторые примеры контекстуального соседства форм плюсквамперфекта и простого прошедшего.

[274] Аорист и имперфект естественно сочетаются с *никога* и *винаги* только в рамках повествования. Вне его подобные сочетания (особенно с *никога*) даже воспринимаются как ошибка. Так, произнесенная иностранцем фраза «Никога *не бях* на Витоша» была сразу же поправлена собеседником-болгарином: «Никога *не съм бил* на Витоша».

inslav

Примеры без ощутимого, объективно доказуемого смыслового различия между одними и другими формами: «Мисълта, че има въстание в Бяла черква, *беше* го *галванизирала* и му *повърна* всичките физически и нравствени сили» (Ваз.); «Казака знаеше, че Елпезето имаше някакъв ученик в Пловдив... дори го *беше видял* на хорото... но особено внимание *не* му *обърна*» (Карасл.); «След безсънната и задушна нощ плуването го *бе освежило*, но *не можа* да разсее мрачното чувство за разруха...» (Дим.). То же с несовершенным плюсквамперфектом: «Захария се чудеше отгде Аго взема тия сили: *слизал беше* вече толкоз пъти, *отиваше* напред да гледа за път, *поправяше* нещо на хамутите, *тикаше* шейната, когато затънеше» (Йовк.); «Една юнска вечер Стоичко Данкин влезе уморен и потиснат в кръчмата на Джони, след като сутринта *бе сякъл* дърва в гората, а следобеда *помогна* на жена си да прекопае тютюна» (Дим.). Обращает на себя внимание то, что во всех таких примерах форма плюсквамперфекта стоит первой. Она как бы осуществляет переключение в более ранний временной план, после чего для обозначения последующего действия или ряда действий этого плана уже может быть использовано простое прошедшее. Именно такое употребление времен является нормой, когда в повествовании бывает нужно сделать более пространное возвращение назад, охватывающее ряд действий.

Более типичны примеры с ощутимыми смысловыми различиями между формами плюсквамперфекта и простого прошедшего: «Той беше сиромах, но не му се работеше, обичаше да продава чорбаджилък. А от как *почнаха* да го избират за кмет, *беше се* и *пропил*» (Е.-П.); «*Бе изминала* една година от деня, в който Борис *постъпи* в склада на „Никотиана“» (Дим.); «На Верчето много ѝ се искаше да не се пролива тоя ден кръв. Едва седмица *се бе изминала*, откакто *дойде* в отреда и *не беше се нарадвала* на своя Марин...» (Хадж.). Во всех этих примерах аорист обозначает хронологически более раннее действие, чем плюсквамперфект (лишний аргумент против «хронологической» теории плюсквамперфекта!), действие, которое в данном контексте служит только для указания точки во времени, для датировки начальной грани другого действия, выраженного плюсквамперфектом. Ср., также следующие примеры: «... после тая дреха остана в ръцете на заптието... В джоба ѝ аз *бях преместил* от съдрания джоб на сетрето си вестник „Независимост“ и една прокламация, която ми *дадоха* в една троянска колиба, дето *пренощувах*...» (Ваз.) — действия *дадоха* и *пренощувах* относятся к более раннему времени, чем *бях преместил*, но существенно было подчеркнуть результат именно этого последнего действия, так как важно, что газета и прокламация остались в кармане и попали в руки полиции; «Боян... усещаше, че го изпълня някакво... радостно чувство... За миг *бе забравил* ... потърсването и гнева, който *преживя*...» (Ман.).

Так обстоит дело с семантическим размежеванием между интересующими нас здесь формами — перфектом и плюсквамперфектом — и формами простого прошедшего. Хотя противопоставление обоих рядов форм в некоторых положениях лишь относительно, самое наличие и указанный выше общий характер семантической специфики перфекта и плюсквамперфекта не подлежит сомнению. Что же касается частных вариантов основного значения этих форм, то, как мы видели выше, эти варианты определенным образом связаны с различиями совершенного и несовершенного вида, что проявляется в отношении статального и в отношении первого и четвертого оттенка акционального значения (при этом свою роль играет также способ действия и другие факторы). В тех оттенках акционального значения, которые одинаково свободно представлены в обоих видах (втором, третьем, пятом и шестом), совершенные и несовершенные формы про-

inslav

тивополагаются друг другу в духе тех же принципов, которые действуют и за пределами перфекта и времен его группы. Поскольку эта последняя сторона была освещена лишь вскользь при разборе отдельных оттенков акционального значения, целесообразно будет закончить этот параграф некоторыми примерами контекстуальных противопоставлений форм противоположных видов одного и того же глагола или глаголов-синонимов.

Ср.: «... Позна ли ме?.. — Познах те, господи... — Не *си* ме *познал*, окаяний... и не *си* ме *познавал*. Не ме познава оня, който с гняв и злоба изпълнява заповедите ми» (Е.-П.) — т. е. ты меня не знал и не знаешь теперь, в данном конкретном случае, и вообще никогда меня не знал[275]; «— Ти *виждал* ли *си* Индже, старче? — Де ще го видя, синко. Онзи, който го *е видял*, не е оживял» (Йовк.)—вопрос ставится в общем плане, смысл ответа: 'кто хоть раз его увидел, не остался в живых'; «—Ами вие наистина ли сте комунист?.. — А вие къде *сте чули* това? — *Чувала съм*. — Людмила се изчерви» (Ман.) — вопрос ставится совершенно конкретно, ответ дается уклончиво, с нарочитой неопределенностью; «В най-лошия случай той трябва да разбере какво *е станало* с явката, ако изобщо нещо *е ставало*» (там же); «Дали това Мангалче... господ да го порази, не се е разприказвало нещо..., дали не е замесило и Ивана?.. Сигурно е приказвало, инак нямаше да ги търсят... Ама защо толкова късно го викат? Ако *е разказвало*, то още тогава *е разказало*...» (Карасл.) Во всех приведенных примерах противопоставлены конкретно-фактическое и обобщенно-фактическое значения, как это мы не раз наблюдали и в предыдущих разделах.

12. ВИДО-ВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ АОРИСТНОГО И СТРАДАТЕЛЬНОГО ПРИЧАСТИЙ

В этом разделе аористное причастие (т. е. образованное от основы аориста причастие действительного залога с суффиксом *-л-*) и страдательное причастие с суффиксами *-н-* и *-т-* рассматриваются только вне сочетания с глаголом *быть*, иными словами — в атрибутивной функции (в широком смысле, включая также употребление в качестве обособленного определения и предикативного определения при несвязочных и «полусвязочных» глаголах), в обстоятельственной функции (в «абсолютных оборотах») и в функциях субстантивированного прилагательного. Видо-временнóе значение совершенных причастий действительного залогового значения (аористных и так называемых «формально-страдательных» причастий, т. е. страдательных по форме, но образованных от непереходных возвратных глаголов) уже было предметом специального исследования (именно, в одной статье В. В. Бородич)[276]. Видо-временное значение подлинно страдательных причастий и всех причастий несовершенного вида специально не исследовалось[277].

Аористное и страдательное причастие совершенного вида, рассматриваемое вне сочетаний с глаголом «быть», обозначает состояние, явившееся в результате предшествующего законченного, «целостного» действия, причем это действие то остается в тени, то заметно выступает вперед в зависимости от контекста, лексического

---

[275] Здесь *познал* и *познавам* — разные глаголы, а не формы одного глагола.

[276] См. В. В. Бородич. Об одной особенности болгарского глагола.— Сб. «Славянская филология», вып. 2. Изд. МГУ, 1954, стр. 76—96.

[277] В отношении страдательного причастия краткие замечания, касающиеся значения причастий совершенного и несовершенного вида, находим в «Kategorie znaczeniowe» (стр. 76), в «Основна българска граматика» Л. Андрейчина (§ 340), в «Български език. Учебник за педуч.» (§ 313) и «Съвременен български език», ч. II, стр. 100.

inslav

значения и синтаксической функции причастия. Аористное и «формально-страдательное» причастие имеют, как уже упомянуто, действительное залоговое значение, т. е. в них субъект состояния и субъект предшествующего действия совпадают; в подлинно страдательном причастии, которое в рассматриваемых здесь функциях встречается только от переходных глаголов [278], субъект состояния всегда оказывается прямым объектом предшествующего действия. По отношению к сказуемому того предложения, в котором употреблено данное причастие, состояние, выраженное этим причастием, выступает как одновременное, а действие, лежащее в основе состояния, как предшествующее.

Рассмотрим прежде всего примеры, в которых мысль о действии, вызвавшем данное состояние, не акцентируется, остается в тени. В этих случаях значение совершенного аористного или страдательного причастия ближе всего напоминает статальное значение перфекта или плюсквамперфекта (исторически, конечно, правильнее было бы сказать так: статальное значение указанных составных форм есть отражение статального значения аористного причастия).

Примеры с аористным причастием: «По дългия път на Борово буйно лети в галоп, *възседнал* на дребен кон, млад селянин, здраво *впил* ръце в черната грива на коня, притискайки крака в голите му страни без седло и стремена» (Велк.); «Той размахваше дългите си широки длани и стъпваше умерено, *засвирил* с уста детската песничка: «Вятър ечи от балкана»» (Калч.); «... мнозина липсват. За всеки *липсал* — се обажда другарят му: — Холерен е, господин старши» (Л. Стоян.). Здесь *възседнал* значит не столько 'севший', сколько 'сидящий на коне' (или 'сидя на коне'), *впил* — не столько 'впившийся', сколько 'впивающийся, крепко держащийся (впиваясь)', *засвирил* — не 'начавший насвистывать' в соответствии со значением глагола *засвиря/засвирвам*, а просто 'насвистывающий (насвистывая)', *липсал* — не 'нехвативший', а скорее — 'недостающий'. Большое количество примеров подобного употребления приводит в упомянутой статье В. В. Бородич [279], в частности много ярких примеров с причастиями *седнал*, *легнал*, *светнал*, *пламнал* (*пламнали очи* уже не 'засверкавшие', а 'сверкающие, горящие глаза'), *пийнал* (ср. и русск. *подвыпивший*), *яхнал* (= възседнал коня), *зеленясал*, *заспал* и др. Интересно отметить, что самый круг этих причастий своеобразно перекликается с кругом глаголов, способных в совершенном перфекте и плюсквамперфекте выступать в статальном значении.

Примеры с формально-страдательным причастием непереходных возвратных глаголов: «*Загледан* в една точка на тавана, той си спомняше старческите им лица...» (Л. Стоян.); «... едвам сдържаха *разиграните си* коне» (Йовк.). Ряд подобных примеров с причастиями *загледан*, *заслушан*, *замислен*, *зазяпан*, *замечтан*, *задълбан*, *разтреперан*, *засмян*, *усмихнат* и другими находим в той же статье В. В. Бородич [280].

Принципиально отличаются от рассмотренных сейчас примеров те, в которых ослабление или полная утрата мысли о действии связана с адъективацией, «окачествлением», с переходом аористного или формально-страдательного причастия в чистое прилагательное, чего в приведенных случаях не наблюдалось. Ср., например, значение формы *свършилия* в следующем контексте: «Тате и чичо Мито правеха съществена разлика

---

[278] В сочетаниях с глаголом «быть» в безлично-страдательных конструкциях типа *по тревата е ходено* встречается подлинно страдательное причастие и от непереходных глаголов (см. Л. Андрейчин. Залогът в българската глаголна система.—«Български език», VI, кн. 2, 1956, стр. 112).

[279] См. В. В. Бородич. Указ. соч., стр. 77—90.

[280] См. там же, стр. 90—94.

inslav

между учения и *свършилия* човек. Този, който беше добил знанията си в училище, за тях беше свършивш (таким образом, *свършивш* = *свършил*, обе формы употребляются без различия.—*Ю. М.*), а самообразованият се — учен. Тяхното уважение клонеше повече към последния» (Бел.).

Что касается подлинно страдательных причастий, то в них при ослаблении мысли о действии, пожалуй, в большей степени наблюдается тенденция к адъективации, например: «Скоро малката кадънка, *обидена* и готова на отчаяни сцени, хвръкна по дирите му» (Е.-П.); «Отзад... имаше... една драскотина, която повече приличаше на *ожулено*, отколкото на *ударено*» (Карасл.) — с окказиональной субстантивацией и т. д. Ср. еще пример с параллельным использованием аористного и страдательных причастий: «*Понесла* тежки поражения, значително *обезкървена*, *лишена* от най-добрите свои ръководни кадри, Партията преживяваше особенно труден период от своето развитие». (Г. Димитров).

Приведенным сейчас примерам противостоят такие, в которых мысль о прошедшем действии составляет важную, иногда — важнейшую часть семантики причастия. Так, например, с аористным причастием: «*Спечелили* доверието му, той ни даваше и ключа от тавана...» (Бел.), — т. е. 'после того, как мы завоевали его доверие'. Аналогично с формально-страдательным причастием: «Не съм чул вълк да е изял телето на някоя крава, скоро *отелена*...» (Йовк.) — здесь значение действия подчеркнуто в причастии наречием *скоро* 'недавно'; «Дъхът му се спря, сърцето заби и той *забравен* изскочи срещу Христина...» (Е.-П.) — здесь мысль о действии выступает на первый план, так как причастие как бы образует промежуточное звено между двумя действиями на линии повествования: 'сердце забилось и он забылся и выскочил'; так же и в следующем примере: «Матей Матов напрегна слух да чуе какво говореше той. Но *убеден*, че нищо не чува, започна да следи движенията на свещеника...» (Л. Стоян.) — здесь *убеден* — не 'убежденный (кем-то)' и не 'убежденный' в смысле прилагательного (без мысли о действии), а только 'убедившийся (убедившись)', т. е. 'но когда он убедился'. Наконец, с подлинно страдательным причастием: «Ракията *наляна*, той поднася на непробудените юнаци» (Конст.) 'когда водка была налита'. Как видим, мысль о прошедшем действии активизируется в причастии при его использовании в абсолютном обороте или под влиянием окружающего контекста.

В общем, как мы видим, аористное и страдательное причастие совершенного вида должно быть определено с точки зрения выражаемого им состояния как причастие одновременности, а с точки зрения действия, вызвавшего это состояние (в тех случаях, когда это действие осознается), как причастие предшествия. И при той, и при другой точке зрения временнóе значение совершенного причастия выступает как значение относительного времени: ни форма, ни значение его не изменятся, если сказуемое перевести в другое время, например, в будущее.

Аористное причастие несовершенного вида употребляется за пределами составных глагольных форм крайне редко. Оно обозначает либо состояние в прошлом (т. е. предшествующее моменту речи, но, может быть, одновременное действию сказуемого); либо состояние, предшествующее по отношению ко времени сказуемого данного предложения, но иногда—оставившее по себе какие-либо последствия; причем состояние это во всех случаях есть вместе с тем и действие того же самого лица.

Состояние в прошлом: «Попаднала продължително време в нелегално положение, *търпяла* тежки поражения и *понасяла* огромен брой скъпи жертви, нашата партия нито за момент не е преставала да съществува и да се бори» (Г. Димитров) — состояния, выраженные причастиями *търпяла*

inslav

и *понасяла* (вместе с зависящими от них словами), одновременны действию, выраженному сказуемым (*не е преставала да съществува* и т. д.), и вместе с ним относятся к прошлому. Здесь, следовательно, значение прошедшего времени в причастии надо понимать только в смысле «абсолютного» времени, т. е. оно определяется как прошедшее по отношению к моменту речи, но не является прошедшим (= предшествующим) по отношению к сказуемому данного предложения [281].

Состояние, предшествующее времени сказуемого: «... и изнесе софрата навън. Едно куче *чакало* през всичкото време бафна насреща ѝ» (Даск.) — состояние, выраженное причастием *чакало*, предшествует действию *бафна*. Здесь, следовательно, речь идет об «относительном» времени, определяемом как «прошедшее», или точнее предшествующее, исключительно по отношению ко времени сказуемого предложения, независимо от отношения этого сказуемого к моменту речи. Та же картина была бы и при замене аориста будущим: «Едно куче, *чакало* през всичкото време, ще бафне насреща ѝ». Ср. пример А. Теодорова-Балана: «*Духове, бродили в нощта,... изчезват* — или: *изчезваха, изчезнаха, ще изчезнат, щом се съзори*» («Нов. бълг. гр.»).

С оттенком актуальности последствий предшествующего состояния: «*Влачил* ралото дълги години безропотно, той беше вече изнемощял и остарял» («Бълг. ез. за педуч.»). Так же, но с полной адъективацией и последующей субстантивацией, в пословицах: «Не питай старо, а *страдало*». (Славейк.); «Не питай старо, ами *патило*» (там же). Ср. рассмотренный выше второй оттенок акционального значения перфекта и плюсквамперфекта.

Страдательное причастие несовершенного вида употребляется довольно широко. Оно имеет ряд значений.

1) Чаще всего — значение причастия одновременности в полном и всестороннем смысле слова. Причастие обозначает состояние предмета или лица, непрерывно воспроизводимое направленным на этот предмет (или лицо) действием. Так как состояние, выраженное причастием, одновременно сказуемому предложения, а действие, лежащее в основе состояния, также одновременно этому состоянию, то одновременными оказываются и оба действия — действие сказуемого и действие, лежащее в основе состояния, выраженного причастием. Например: «И *мъчен* от желания, *изгарян* от страст, той се въртеше на одъра си...» (Йовк.); «По мрачното му лице играеха дълбоки бръчки, *движени* от гняв» (Е.-П.); «Така се създават «боледуващи» организации, *раздирани* от ежби...» (Г. Димитров); «В лагер «Ботев» има лазарет, *обслужван* от Веселин Павлов и Гигов...» (Карасл.); «Да каже на всички като него, прости и *ограбвани*, че...» (там же); «... той видя загрижените лица на жена си и двете си дъщери,.. които го гледаха с *нескривана* жалост» (Л. Стоян.); «По улицата ситно подскачаха врабци, *разгонвани* от скърцането на волски коли...» (Дим.); «Вие сте сигурно от града на господин Морев?.. — продължи девойката, *водена* от някакво бездънно любопитство» (там же); «Клоните на дърветата... *полюшвани* от северния вятър, се поклащаха...» (Григ.); «Над окопите легна тъмна отровна барутна мъгла и, *носена* от слабия утринен вятър, запълзя по ничията земя към българските позиции» (Веж.); «Но къде беше *търсеният* и той сам не знаеше» (Хадж.) и т. д.

---

[281] То же самое мы наблюдаем и в отношении функционально соответствующих причастий прошедшего времени несовершенного вида действительного залога в русском языке («Партия, *терпевшая* тяжелые поражения, не переставала бороться»), причем здесь это «абсолютное» употребление распространено даже шире, чем «относительное».

inslav

Рассмотренное значение было отмечено в болгарской грамматической литературе, именно — Л. Андрейчиным, как одно из возможных значений несовершенного страдательного причастия[282]. Мы думаем, что значение одновременности надо считать основным для этой формы, пожалуй, наименее связанным контекстуально, что как будто подтверждается и анализом примеров, в которых форма несовершенного страдательного причастия выступает с другими значениями.

2) Значение причастия предшествия: причастие обозначает состояние, длившееся до тех пор, пока длилось вызывавшее его действие, но затем прекратившееся вместе с этим действием, и, таким образом, по отношению ко времени сказуемого — предшествующее. Это второе значение в большинстве случаев выступает как контекстуально обусловленное. Приведем примеры.

С обстоятельствами предшествующего или прошедшего времени: «А в ума му се въртяха чудни, хубави, нови и *не мислени до тогава* мисли» (Влайк.); «Те не се учудваха на това, че чуват мисли, *таени*, но *неподозирани досега*» (Карасл.); «... мълчишком смигна на момчурлячето... да му донесе един петдесетник от *укоряваната снощи* от него ракия...» (М. Георг.); «Изходът от аграрната криза. Реч, *държана* в Народното събрание *на 1 юни 1932 г.*» (Л. Стан.).

С обстоятельствами продолжительности, относящимися к предшествующему отрезку времени: «Но между тия излияния в мисълта му безцеремонно се изтърколи оная ужасна печена тиква... и разбърка в главата му архивата от идеи, *брани в продължение на четиринадесет годишна служба*» (Е.-П.); «В къщи изпълзяха като змии, незнайно откъде, сръдни, недоразумения, крамоли, и отровиха мекия домашен покой, сладко *сгряван толкова дълги години* от любогрейната топлина на общото огнище» (там же); «Ней навярно се искаше да остане, но тя, *хулена* и *тъпкана толкова години*, не можеше да надделее над себе си» (там же); «*Набираната в течение на две десетилетия* омраза против фашизма и решимост на трудещите се маси за разправа с него избликнаха неудържимо и пометоха с един замах фашисткия режим» (Г. Димитров); «На самия връх стърчеха останките от венецианска или турска крепост, *разрушавана* и *поправяна много пъти през вековете*» (Дим.).

С другими указаниями в контексте на предшествие сказуемому предложения: «Това свето дърво, *обожавано от прадедите*, рухна под брадвата на внуците...» (Е.-П.); «А в туй време слугите водят към чифлика кулестия жребец, изхапан и окървавен, като че *давен от вълк*» (Йовк.); «Той бе млад човек, бивш пехотинец, *раняван няколко пъти*» (Дим.).

Лишь изредка встречаются и такие примеры, в которых ближайший контекст формы не дает никаких указаний на предшествующий отрезок времени, а между тем интересующая нас форма причастия все же имеет — как становится ясно из более широкого контекста — именно значение предшествия. Так, в примере «Впусна се да разправя за *четения* роман» (Хадж.) причастие *четения*, как мы узнаем из предшествующего пове-

---

[282] В учебнике для педучилищ «Български език» (§ 313) Л. Андрейчин говорит, что «страдательное причастие прошедшего времени» (т. е. в нашей терминологии — просто страдательное причастие) вообще «обозначает предшествующее действие» (следуют примеры с причастием совершенного вида), «но в некоторых случаях, если оно образовано от несовершенного глагола, оно может обозначать и одновременное действие (независимо от времени глагола)». Так же по сути освещается вопрос и в других работах Л. Андрейчина. Только в книге «Основна българска граматика» (§ 340), один пример с несовершенным причастием (*Това не беше друго, а лени куршуми*) находим также и под рубрикой «предшествия», или «действия прошлого по отношению к моменту, о котором говорится»).

inslav

ствования (ср. там же: «Още с първите си страници книгата го завладя. Прочете я на един дъх»), надо понимать как 'читанный', 'тот, который он читал раньше' (по существу = 'прочитанный'), а не 'читаемый', не 'тот, который он читал в это время, т. е. еще не кончил читать', как естественнее было бы понять эту форму, если не учитывать предшествующего хода событий. Ср. еще в прямой речи, где такое употребление возможно, так как по ситуации, хорошо известной собеседникам, смысл причастия может быть в данном конкретном случае только таким, а не иным: «— Бре, момче,... тепавицата и дарака не са те научили на ум и разум! — Защо? Не може ли?... Материалът, *готвен* за тепавицата и дарака, ще влезе в работа всичкият...» (Е.-П.). Здесь *готвен* — не 'заготавливаемый (сейчас)', а' заготавливавшийся (нами) ранее', 'тот, что мы готовили', так как в момент этого разговора план постройки валяльни и чесальни уже давно оставлен и материал для них более не заготавливается.

В общем, из приведенных примеров следует, что обычно значение предшествия поддерживается в несовершенном страдательном причастии его ближайшим контекстом, указывающим на предшествие, но иногда это значение может проявиться и вне такой поддержки. В конечном счете, таким образом, будучи взята вне контекста, форма несовершенного страдательного причастия оказывается двусмысленной, могущей обладать и значением одновременности, и значением предшествия. Но первое из этих двух значений — значение одновременности, как менее нуждающееся в контекстуальном подкреплении, все же должно быть признано основным, ведущим, хотя это, очевидно, противоречит историческим соображениям и существующей традиции, которая, как известно, именует нашу форму причастием «прошедшего времени».

3) Наконец, в некоторых случаях страдательное несовершенное причастие глаголов imperfectiva tantum (абсолютных и относительных) может обозначать состояние, оставшееся после предшествовавшего действия. Во всех таких случаях мысль об этом действии стирается, исчезает, остается одно состояние-качество, одновременное сказуемому предложения или вообще «вневременное», как качества, обозначаемые чистыми прилагательными. Да и в целом в этих случаях причастие превращается в чистое прилагательное или стоит на пути такого превращения. Ср. следующие примеры: *Бит* [*бито* сирене, *бито* мялко 'обезмаслено'; *бито* платно 'гъсто тъкано' (АкР под *бит*); субстантивировано: *Бит* небита носи (МлТР под *бит* II) и т. д.]; *белязан* [човек: От *белязан* челяк да бягаш (Йовк.)]; *грян* [или *греян* — о водке и т. д.: «... дядо Славчо беше много мераклия на *греяната* ракия» (Влайк.); «... подава *гряна* ракия на г-жа Радибоева» (Кюл.) и т. д.]; *дялан* [«...оградено с тежки *дялани* камъни...» (Карасл.)]; *кале́н* [«стари, *калени* комунисти» (Дим.)]; *канен*, *неканен*; *па́рен* [в посл. «*Парен* каша духа» (Славейк.); впрочем, ср. там же вариант с совершенным причастием *опарен*]; «*писани* закони» (ТР под *писан*) и т. д.[283]

Разумеется, в соответствующих контекстах мысль о действии может и не вполне исчезать, может отчасти сохраняться. Так с сочетанием *неканени посетители* ср. «Ако Станка *не се тътри канена и неканена*... той може би ще се увлече по нея, по Марина» (Карасл.), где причастие, выступая в функции предикативного определения, в большей мере сохраняет свою «глагольную природу».

Во всяком случае, рассмотренное здесь третье значение является для несовершенного страдательного причастия лексически ограниченным и периферийным.

---

[283] Сюда же относится и *лени куршуми* (см. предыдущую сноску).

inslav

В общем и целом система причастий современного болгарского языка (если оставить в стороне некоторые частности и включить в рамки полученной картины еще причастие настоящего времени действительного залога на *-щ*, *-ещ* (*-ащ*), нами здесь не рассмотренное и существующее, как известно, только в несовершенном виде) выглядит следующим образом.

Причастия совершенного вида — действительное (причастие аориста) и страдательное (на *-т*, *-н*) — обладают категорией относительного времени и должны рассматриваться: а) с точки зрения выраженного в них состояния — как причастия одновременности и б) с точки зрения действия, вызвавшего это состояние, — как причастия предшествия.

Причастия несовершенного вида — действительное (причастия на *-щ*, *-ещ*, *-ащ*) и страдательное (на *-т*, *-н*) — также обладают категорией относительного времени, но представляют собою, в первую очередь, причастия одновременности (в полном смысле слова) и только отчасти и в определенных случаях выступают как причастия, обозначающие предшествие (действия и состояния) действию сказуемого. Эта последняя возможность была показана сейчас для страдательного причастия, но она встречается, хотя в значительно меньших размерах и уже только при наличии точных указаний на предшествие, и в действительном причастии настоящего времени, например: «Много опасно бе *съществуващото тогава* в Партията схващане, че...» (Г. Димитров); «... едно от класическите произведения, чрез които нашият народ познава една отдалечена по време историческа епоха и *господствуващите в миналото* исторически условия на живота» (Пант. Зарев, предисловие к «Бай Ганю» А. Константинова). Очевидно, различия, еще существующие в этом отношении между одним и другим причастием, связаны с историческим прошлым того и другого; но тенденция современного языка направлена на их уравнивание и в отношении этой возможности, как и в отношении их стилистической окраски (тенденция к постепенной утрате формами на *-щ* их книжно-канцелярского характера).

В рамках описанной системы собственно излишним оказывается несовершенное причастие аориста. Именно поэтому оно встречается редко в атрибутивном и других интересующих нас здесь типах употребления, т. е. постепенно превращается в «псевдопричастие», функционирующее лишь как элемент ряда составных глагольных форм (таким «псевдопричастием» является, как известно, и «пересказывательное причастие», образуемое с формантом *-л* от основы имперфекта обоих видов)[284]. Несовершенное причастие аориста и по значению несколько выпадает из системы других причастий, поскольку оно может выступать и со значением «абсолютного времени». Выступая же со значением относительного времени, оно обозначает предшествие без перфективности, т. е. обслуживает ту сферу, в которую лишь начинает проникать (только при наличии соответствующих указаний на предшествие) причастие на *-щ*, как это мы только что видели.

Но если несовершенное причастие аориста «выпадает» из системы, то совсем вне системы причастий стоят так называемые страдательные причастия настоящего времени типа *любим*, *уважаем*, *непоносим* и т. д. Большинство этих форм — прилагательные. Те же из них, которые под чужим влиянием в какой-то мере выражают причастное значение, все более оттесняются сейчас несовершенным страдательным причастием на *-н* и *-т*; так, *уважаеми* употребляется как эпистолярная формула или

[284] А также и страдательное причастие непереходных глаголов, используемое только в безличном пассиве (см. выше сноску 278).

inslav

форма вежливости, вообще же причастие 'уважаемый' нормально выражается сейчас формой *уважаван*: «...негови другари бяха отдавна генерали, хора с една и две къщи, *уважавани* и с положение...» (Л. Стоян.); «Уважаван от всички полковник...» (там же) и т. д.

Так обстоит дело с системой причастий в современном болгарском литературном языке. Как видим, в этой системе категория совершенного и несовершенного вида получает яркое проявление; по существу именно на виде основываются здесь главные различия во временно́м значении причастий.

13. СИСТЕМА ВИДО-ВРЕМЕННЫ́Х ФОРМ ПРИЧАСТНО-СТРАДАТЕЛЬНОГО СПРЯЖЕНИЯ [285]

Один компонент причастно-страдательных форм — страдательное причастие — уже был рассмотрен нами с точки зрения его видо-временны́х значений, как они выступают при его самостоятельном употреблении. Теперь рассмотрим в таком же плане, вне сочетаний с причастием, второй их компонент — вспомогательный глагол, — после чего можно будет заняться изучением сочетания обоих компонентов в многочисленных формах причастно-страдательного спряжения.

Общеизвестно, что глагол *съм-бъда* 'быть' резко отличается от всех других глаголов современного болгарского языка не только образованием своих форм, но даже самим составом парадигмы. Особое место занимает он и в видовой системе языка.

В настоящем времени и образуемых от него составных формах (конъюнктиве, будущем, будущем в прошедшем) интересующий нас глагол располагает, как известно, двумя рядами образований, а именно:

1) *съм*, *си*, *е*, *сме*, *сте*, *са* и соответственно *да съм*.., *ще съм*.., *щях да съм*..;

2) *бъда*, *бъдеш*, *бъде* и т. д. и соответственно *да бъда*.., *ще бъда*.., *щях да бъда*...

Формы первого ряда характеризуются несовершенным видовым значением. Так, ср. в настоящем времени: «—Къде *е* другият офицер? — Съвсем не зная, господин поручик...» (Веж.); «Инженер-химик *съм*... Работя в една маслодайна фабрика...» (там же); «Докато *съм* аз, няма да говориш за това» (ТР под *съм*) и т. д. В конъюнктиве: «Тази нощ Боян се измъчваше от мисълта, че *да си* син на Делийски съвсем не е така почтено, както бе вярвал като дете...» (Ман.). В будущем времени: «—Момчета, завивайте се добре, че таз нощ ще има роса, студено *ще е* — говореше чичо Митуш» (Йовк.); «И *няма* ли *да* ти *е* мъчно за мене, Аго?» (там же) и т. д. Формы *съм*, *си* и т. д. встречаются во всех значениях несовершенного вида. Только в тех случаях, когда бывает необходимо особенно подчеркнуть многократность, вместо *съм* используется глагол многократного способа действия *бивам*, например: «...тя отиде с мъка и със скрити сълзи под венчилото. Но времето ѝ дойде на помощ, както *бива* повече в подобни случаи...» (Ваз.); «...белите коне не се раждат бели, а отначало *биват* сиви и побеляват, когато поостареят» (Йовк.); «Очите и на двамата

[285] Термин «причастно-страдательное спряжение» употребляю здесь вслед за Л. Андрейчиным («Залогът в българската глаголна система».—«Български език», VI, кн. 2, 1956, стр. 106—120; «Глаголните времена в българското страдателно спрежение». «Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан по случай деветдесет и петата му годишнина». София, 1955, стр. 69—75). Думаю, что я был неправ, когда в «Очерке болгарской грамматики» утверждал, что сочетания глагола «быть» с причастием страдательного залога «следует рассматривать не как составные формы глагола, а как случаи предикативного употребления страдательного причастия» (стр. 168), хотя, безусловно, степень слитности «знаменательной» и «служебной» части аналитической формы здесь меньшая, чем, например, в перфекте и других временах его группы.

inslav

са широко разкрити и мечтателни, каквито *биват* у хора, които до скоро са слушали нещо привлекателно и хубаво» (Йовк.) и т. д.

Формы второго ряда трактуются некоторыми авторами — Цоневым, Болье (214), Костовым (159) — и словарями Г и МлТР (но не ЕПР) как совершенные, но такая трактовка является односторонней. Ближе к истине АкР, дающий при *бъда* помету «нсв. и св.» Однако действительное положение дел здесь сложнее, чем это можно отразить в краткой словарной помете. Поскольку формы ряда *бъда* (в знаменательном или связочном употреблении) обозначают бытие, существование (в связочном употреблении — существование признака, обозначенного знаменательной частью сказуемого), они имеют только значение несовершенного вида. Вместе с тем в синтаксическом употреблении этих форм наблюдаются некоторые черты, характерные для форм совершенного вида, а в некоторых контекстах и само значение их несколько изменяется и приближается к совершенному.

В настоящем времени формы типа *бъда* встречаются вообще очень редко, например: «Е, няма нищо де, Марине. Голяма работа. Ще направим една разходка, ще се поразтъпчем... И не виждаш ли, че не Васил, а Галунка иска туй. А като *бъде* за Галунка, защо да не отидем... Ще отидем...» (Йовк.), т. е. 'если дело касается Г., почему не пойти'. Как видим, здесь форма *бъде* употреблена в придаточном предложении с *като* при наличии формы конъюнктива в главном предложении, иными словами — в синтаксических условиях, наиболее типичных для форм совершенного настоящего. Однако в подобных условиях встречается и несовершенный вид, и в данном случае следует понимать интересующую нас форму именно в смысле несовершенного вида: *като бъде за Галунка* здесь в связи с предшествующим предложением = *като дума става* (не: *стане*! — *Ю. М.*) *за Галунка*, т. е. не в смысле будущего. Вместе с тем важно подчеркнуть, что в наиболее специфическом значении несовершенного настоящего, в конкретно-процессном значении (в так называемом настоящем в смысле ответа на вопрос «Что это ты делаешь? Чем это ты занят?»), формы типа *бъда*, *бъдеш* и т. д. никогда не употребляются. В этом значении возможно только *съм*, *си* и т. д. [см. выше: «Къде *е* (т. е. 'где находится конкретно в данный момент'. — *Ю. М.*) другият офицер?»].

В конъюнктиве чрезвычайно показательны сочетания с глаголами фазовости, неопровержимо доказывающие несовершенное видовое значение рассматриваемых форм, например: «Така господин генералният директор си запазваше правото... да почне преговорите, когато намереше за добре, т. е. когато... работническите делегати *престанеха да бъдат* вече делегати» (Дим.); «Вие *продължавате да бъдете* сантиментален...» (там же); «Синият залив *продължаваше да бъде* тих» (там же) и т. д. Ср. и другие примеры с явно несовершенным значением: «И куче *да бъде* вълка, Давидко... ти пак се пооглеждай» (Йовк.), т. е. 'пусть даже волк — собака, ты все же будь внимателен' (ответ на слова: — «Не ме е страх мене от вълка, ей! Какво *е* вълка? — Куче. Не искам да го зная»); «Но и в града му повториха същото: да яде зеленчукови ястия, никакво месо, всичко *да бъде* безсолно и без оцет...» (Карасл.).

В некоторых, более редких, случаях формы конъюнктива *да бъда*, *да бъдеш* и т. д. могут пониматься в смысле совершенного вида, хотя и не обязательно должны пониматься только так. Например: «А тя трябва да се прибере. Та отиде Васил да я доведе. Там *да бъде*, та каквото е нейно, да си го вземе» (Йовк.). Желая сохранить значение совершенного вида, мы могли бы в русском переводе сказать так: 'пусть *побывает* там (или съездит туда) и возьмет то, что ее'. А в болгарском тексте здесь можно было бы также сказать *там да дойде* или *да отиде* (но никак не *там да*

inslav

дохожда или *да отива*). Ср. и контекстуальный параллелизм с другими формами совершенного вида. Далее: «Докато да изгрее месец, трябва *да бъдат* там» (Карасл.) = *трябва да стигнат там*. Впрочем в этом же контексте было бы возможно и *да са* (*вече*) *там*, т. е. форма с явно несовершенным значением. Чистое значение бытия, разумеется, по своей сути относится к числу непредельных значений, значений imperfectiva tantum. Возможность понимания приведенных и других подобных примеров в смысле совершенного вида обусловлена особым пониманием в этих примерах самого лексического значения глагола в духе начинательного или ограниченно-длительного способа действия. Первый из этих двух оттенков генетически объясняется первоначальным начинательным значением основы *bǫd-* в славянских языках.

Аналогичную картину имеем и в формах будущего времени (и будущего в прошедшем). В большинстве случаев выступает явное значение несовершенного вида, например: «*Ще бъдеш* и занапред управител на чифлика» (Йовк.); «Пак се оживи чичо Митуш, току нареждаше какво да правят, когато *не ще бъде* тука, как да гледат добитъка» (там же); «„Така е било и така *ще* си *бъде*: по-младият брат да се покорява на по-старият", — мислеше си Иван» (Карасл.) и т. д. В отдельных контекстах и для форм типа *ще бъда* не исключено совершенное видовое значение, хотя оно, во-первых, нигде не является единственно возможным и, во-вторых, всегда бывает связано с особыми лексическими оттенками, чаще всего с начинательным оттенком. Так, например: «И сега да ѝ го даде? Не, само това *няма да го бъде*!» (Карасл.) = «Не, само това няма да стане». Отметим, что и АкР толкует выражение *няма да го* (*я*, *ги*) *бъде* как 'няма да стане' (см. АкР под *бъда*).

Таким образом, хотя рассматриваемый глагол располагает в настоящем, конъюнктиве, будущем и будущем в прошедшем двумя рядами форм, как все нормальные глаголы, смысловая дифференциация этих двух рядов форм не совпадает с противостоянием совершенного и несовершенного видов. Один ряд форм (*съм* и т. д.) выступает всегда с несовершенным значением, другой ряд (*бъда* и т. д.), выступая также обычно с несовершенным значением, имеет более ограниченную сферу применения, именно — в настоящем времени, чем несколько сближается с совершенным видом, но значение совершенного вида может получать лишь в более редких случаях и при условии значительной модификации лексического значения глагола.

Своеобразно складываются отношения у глагола «быть» и в сфере простого прошедшего времени. Здесь этот глагол располагает следующими рядами форм:

1) *бях*, *беше* (или *бе*), *беше* (или *бе*), *бяхме*, *бяхте*, *бяха*;
2) *бъдех*, *бъдеше*, *бъдеше*, *бъдехме*, *бъдехте*, *бъдеха*;
3) *бидох*, *биде*, *биде*, *бидохме*, *бидохте*, *бидоха*.

Первый ряд, самый употребительный, может быть квалифицирован как простое прошедшее в узком смысле слова, как форма, стоящая над различиями имперфекта и аориста, как слияние этих двух образований в определенном единстве. Лишь в очень редких случаях (как увидим ниже, только в сочетаниях с причастиями и то редко) можно обнаружить слабый намек на смысловое различие между формами *беше*, *беше* и *бе*, *бе*. В громадном большинстве случаев они представляют собою равнозначные дублеты. Для всего первого ряда характерно (мы, как условились, оставляем пока в стороне сочетания с причастиями) значение несовершенного вида: «— Къде *бяхте* цяла сутрин? — попита той строго. Младият офицер се забърка. — На баня *бях*, господин поручик — запъна се той» (Веж.); «Първо време болерската класа *беше* проста, с ограничени потреб-

inslav

ности, и поради това крепостничеството не *бе* тъй тежко за населението» (Благ.); «*Беше* слаб и низък, около тридесет и пет годишен, с тъмно, кораво и сериозно лице. Изразът му *бе* неподвижен и затворен...» (Веж.); «Той (Отечествен фронт. — *Ю. М.*) *бе* и продължава да бъде една жизнена необходимост за нашата страна» (Г. Димитров) и т. д.

Второй и третий ряд форм (имперфект *бъдех*... и аорист *бидох*...) используются очень ограниченно. По значению и употреблению, как и по образованию, они представляют собою известную аналогию к типу *бъда* в настоящем времени. Особенно это относится к *бъдех*, *бъдеше* и т. д. — к форме, которая, как и *бъда*, неспособна употребляться в конкретно-процессном значении и встречается только в контекстах, наиболее типичных для имперфекта совершенного вида. Ср., например, в модальном употреблении: «Мислите на Костова в тоя завършек на статията му, за да *бъдеха* във всичко приемливи, трябаше да бъдат очистени, освободени...» и т. д. (А. Теодоров-Балан. — БЕ, 1952, кн. 3—4, стр. 226).

Формы *бидох*, *биде* и т. д. в современном языке используются только в сочетаниях со страдательным причастием [286], но у писателей XIX в. еще можно было встретить эти формы и вне таких сочетаний, например: «Но борбата, макар жестока, *не биде* дълга. Сърцето удържа победа» (Ваз.); «Но една случка, на която той *биде* очевидец в надвечерието на изборите, му даде да разбере...» (Конст.) и т. д. В семантическом отношении, как нам кажется, форма *биде* в этих примерах, особенно в первом, ближе всего стоит к несовершенному аористу. Впрочем, она, по-видимому, не представляет каких-либо специфических отличий от формы *беше* (или *бе*), которая вполне могла бы здесь ее заменить уже и в тексте XIX в., не говоря о современном тексте.

Кроме трех указанных рядов форм простого прошедшего, в языке встречаются остатки использования четвертого ряда форм — старого аориста *бих*, *би* [287], но только в 3-м лице единственного числа в составе выражения (*но*) *не би* 'не вышло', 'не удалось', например: «На няколко пъти момите се помъчиха да свият хоро, но *не би*» (Карасл.); «...обиколих всички врачки и баячки — *не би*, не хваща място» (там же) и т. д.

Как видим, все сказанное о формах простого прошедшего времени глагола 'быть' не свидетельствует о наличии здесь обычного противопоставления совершенного и несовершенного вида или обычного для простого прошедшего времени противопоставления имперфекта и аориста. Наиболее употребительный (можно сказать — единственно употребительный) ряд форм всегда имеет здесь значение несовершенного вида и стоит вне противоположности имперфект — аорист. Все остальные формы, более или менее редкие, по значению в общем тоже относятся к несовершенному виду, хотя некоторые из них (чаще всего формы ряда *бъдех*, *бъдеше*) по синтаксическому употреблению больше напоминают формы совершенного имперфекта.

Как и в настоящем времени, при необходимости подчеркнуть многократность может быть использована форма имперфекта, образованная от основы специфически-многократного глагола *бивам*, например: «Когато баща му *биваше* пиян, Павел трепереше от гняв и ненавист...» (Е.-П.); «Имаше лоши и завистливи свекърви — ако снахата *биваше* по-спретната и по-гиздава, оставяха я да си гледа работата в къщи» (Карасл.); «Никоя зима по-тежка не беше прекарвал Дамян... Само до кръчмите, ако отидеше

---

[286] На это указывает, в частности, АкР под *бидох*.

[287] Эти формы аориста, как известно, превратились во вспомогательный глагол составного условного наклонения типа *бих ходил* 'я ходил бы' и т. п. и оторвались от системы форм глагола «быть».

inslav

по някой път, това му *биваше* всичката разтуха» (Даск.); «Лимонов също, когато *биваше* дежурен, обичаше да разговаря с него...» (Хадж.).

Формы перфекта и плюсквамперфекта не вызывают особых замечаний. В подчеркнуто-многократном значении используются формы многократного глагола *бивам*, например: «И никога тишината в гората *не е бивала* тъй голяма» (Йовк.); «Щом изпаднеше в такова състояние, веднага снахите повикваха бръснаря Асан, който пускаше кръв на хаджията. Аз *съм бивал* свидетел на такава операция» (Бел.) и т. п.

В общем, как видим, будучи употребленным вне сочетаний с причастием на *-л* или страдательным причастием, глагол «быть», поскольку он действительно значит 'быть', имеет всегда несовершенное видовое значение, хотя некоторые его формы, образованные от основы *бъд-*, по характеру своего синтаксического употребления в той или иной мере сближаются с совершенным видом, а иногда — выступая не в чистом значении бытия — могут сближаться с ним даже и по значению. Столь своеобразное положение дел не может корениться в закономерностях системы современного языка и могло бы быть объяснено только исторически. По всей вероятности, основа *бъд-* постепенно утрачивала свойственное ей когда-то лексическое значение начинательности и совершенное видовое значение, втягивалась в систему форм глагола «быть», усваивая его лексическое и видовое значение. Если это так, то отмеченные выше черты основы *бъд-*, в той или иной мере напоминающие черты совершенного вида, должны рассматриваться, как пережиточные следы более старого состояния [288].

Своеобразным и еще вполне «живым» пережитком старины является параллельная многократная основа *бива-*, остаток более обширной в прошлом системы глаголов многократного способа действия.

Переходим к формам аналитического пассива, т. е. к сочетаниям глаголов «быть» и «бывать» с причастиями страдательного залога. В этих сочетаниях наблюдается взаимодействие видовых значений причастия и глагола *съм-бъда* (и *бивам*), приводящее к своеобразным результатам, как это отмечается в той или иной мере и в других славянских языках, в частности в русском.

Конкретно речь идет о следующих типах аналитических форм:

1) глагол «быть» + страдательное причастие несовершенного вида, в частности, глагол «быть» а) в настоящем времени, б) в простом прошедшем, в) в перфекте, г) в плюсквамперфекте, д) в будущем и т. д.;

---

[288] Правильность высказанного предположения подтверждается также сравнительными данными других славянских языков. Так, для старославянского А. Достал устанавливает, что формы *бѫдѫ*, *бѫди* (а также *быхъ*, *быти*, *бывъ*) имеют два значения: 1) лексическое значение 'стать' в сочетании с совершенным видом и 2) лексическое значение 'быть' в сочетании с несовершенным видом. Второе значение рассматривается как исторически более позднее, обусловленное влиянием форм *ѥсмь*, *сы* и т. д. (см. Dostál. Studie, стр. 147 и след. и стр. 153—154). Для современного сербского *будем* наличие двойственного видового значения и вместе с тем смысловую и синтаксическую нетождественность (в несовершенном видовом значении) с формой *јесам* убедительно показал Павле Ивић («О виду глаголског облика *будем*». «Наш језик». Нова серија, кн. VI, 1955, стр. 237—245; там же см. разбор и ряда предшествующих высказываний о виде серб. *будем*). Для польского ср. Kr. Netteberg. Etudes, стр. 122—128, где также дан критический разбор некоторых более старых толкований вопроса о виде этой основы в других славянских языках, в частности и в русском. Специально для русского см. J. Ferrell. On the Aspects of *byt'* and on the Position of the Periphrastic Imperfective Future in Contemporary Russian, «Slavic Word», Vol. 9, No 4, 1953, стр. 362—376. Предположение об исконном начинательном значении основы *bąd-* в славянских языках поддерживается и сравнительной грамматикой (ср. Chr. Stang. Das slavische und baltische Verbum. «Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo», II, Hist.-filos. Klasse. 1942, № 1, стр. 61).

inslav

2) глагол «быть» + страдательное причастие совершенного вида с аналогичными подразделениями в зависимости от времени глагола: а) настоящее, б) простое прошедшее, в) перфект и т. д.

3) и 4) многократный глагол «бывать» (*бивам*) + страдательное причастие с теми же подразделениями.

В болгарской лингвистике были предложены определенные толкования видо-временнòго значения указанных аналитических форм. Наиболее важна для нас схема, разработанная в недавнее время Л. Андрейчиным, согласно которой «причастно-страдательное спряжение» болгарского глагола включает следующие времена [289]:

Несовершенный вид

настоящее время — *Тази книга е много четена* (= *много се четé*);
аорист (мин. свърш. вр.) — *Книгата бе* (*беше, биде*) *четена от всички с интерес* (=*се чéте от всички* и т. д.);
имперфект (мин. несв. вр.) — *Книгата бе* (*беше*) *четена постоянно* (= *се четеше* и т. д.);
перфект (мин. неопр. вр.) — *Книгата е четена винаги с интерес, Протоколът е четен вече* (=*се е чел, чела*);
плюсквамперфект (мин. предв. вр.) — *Книгата беше* (*бе*) *четена от мновина и преди това* (=*беше се чела, бе се чела*);
будущее — *Книгата ще бъде четена винаги, Протоколът ще бъде четен днес* (=*ще се чете*);
будущее предварительное — *Протоколът ще бъде четен от всички* (= *ще се е чел*);
будущее в прошедшем — *Влязох, когато щеше да бъде четен протоколът* (= *щеше да се чете*);

Совершенный вид

настоящее время — *Когато книгата бъде прочетена* (или «с повторительным оттенком» *бива прочетена*) *внимателно, вижда се* (= *Когато книгата се прочетé* и т. д.);
аорист — *Книгата бе* (*беше, биде*) *прочетена от всички с интерес* (= *се прочéте от всички с интерес*);
имперфект — *Ако книгата бъдеше прочетена* (*биваше прочетена*) *внимателно, щеше да се види, че...* (=*Ако книгата се прочетеше* и т. д.);
перфект — *Книгата е прочетена навярно с интерес от всички*; *Протоколът е прочетен вече* (= *се е прочел, прочела*);
плюсквамперфект — *Книгата беше*(*бе*) *прочетена от всички*, (=*беше се прочела*);
будущее — *Книгата ще бъде прочетена веднага от всички* (=*ще се прочете*);
будущее предварительное — *Книгата ще бъде* (*ще е*) *прочетена още преди това* (=*ще се е прочела*);
будущее в прошедшем — *Книгата щеше да бъде прочетена веднага от всички* (=*щеше да се прочете*).

В пояснениях к схеме Л. Андрейчин, в частности, указывает (это видно и из схемы), что многие времена совпадают между собой, так что, например, сочетание *бях четен* может обозначать аорист, имперфект и плюсквамперфект, *бях прочетен* — аорист и плюсквамперфект, *четен съм* — настоящее и перфект и т. д. Однако по соответствию этих форм определенным временам возвратно-страдательного и действительного спряжения мы и в причастно-страдательном спряжении должны различать все указанные времена как отдельные категории, «не зависящие от случайных формальных совпадений».

По сравнению с предыдущими попытками такого рода схема проф. Андрейчина являет собою значительный шаг вперед в деле уточнения семантики видо-временнýх форм страдательного залога. Но нам представляется, что привлечение примеров из текстов (таких примеров Андрейчин приводит только пять или шесть) позволило бы внести в некоторые рубрики этой схемы известные дополнительные уточнения. Нам кажется также,

[289] Схема излагается здесь по статье Л.Андрейчина «Глаголните времена...» в сборнике в честь акад. А. Теодорова-Балана (стр. 73 и пояснения к схеме на стр. 74—75), но с необходимыми дополнениями по статье «Залогът...» в журнале «Български език», 1956, VI, стр. 118; ср. и «Български език за педуч.», стр. 211.

inslav

что хотя метод сопоставления страдательно-причастных сочетаний с возвратно-страдательными и действительными формами (прием обратимости), конечно, совершенно необходим при исследовании этого вопроса, мы не должны на основании каких-либо априорных соображений добиваться полного параллелизма между системой времен действительного (или возвратно-страдательного) спряжения и системой причастно-страдательного спряжения. Параллелизма может и не быть, и не должно даже быть, так как сама система форм глагола «быть» отнюдь не тождественна общей системе видо-временны́х форм болгарского глагола и так как видо-временна̀я семантика причастия, взаимодействуя со значением глагола-связки в разных формах, конечно, может дать и, очевидно, дает дополнительные рубрики, отсутствующие в действительном залоге и в возвратно-страдательных формах [290].

Чтобы избежать всякого априоризма, мы расположим материал, исходя не из временны́х значений, а из типов сочетаний, т. е. по признаку их внешней формы.

Формы с несовершенным страдательным причастием

При настоящем времени вспомогательного глагола (именно — *съм*, *си* и т. д.) все сочетание, как это указано и в схеме Л. Андрейчина, имеет значение либо настоящего времени, либо перфекта.

Первое значение, значение процесса, развертывающегося в настоящем, в наших материалах встречается реже, например: «Попрусинов *е мразен* от вас и тук вие му подхвърлихте, когато говореше по бюджета на църквата, че той ще си получи заслуженото. Попрусинов *е мразен* от буржоазията, защото...» и т. д. (Л. Стан.); «...така разсъждават тези първи ударници на бригадата, които *са сочени* от всички, с които всички се гордеят». (Карасл.).

Значение действия, развертывавшегося или повторявшегося в прошлом, но в том или ином отношении актуального по своим последствиям для настоящего момента, т. е. значение перфекта, представлено бо́льшим количеством примеров и среди них следующими: «Божан... уверяваше всички... че тоя имот, който имат, *е* с пари *купуван*...» (Е.-П.) 'что добро, которым они владеют, покупалось на деньги'; аналогично: «Моята душица знае как *е събирана* тая стока...» (Карасл.) 'как накапливалось это добро'; «В дома на Павлови. Хол. Мека, посивяла мебел, пердета, които отдавна *не са сменявани*...» (Гул.); «Миналото на италианеца се губеше в неизвестност, а злите езици разправяха, че *е улавян* в измама на покер» (Дим.); «Бийте стръвниците и да не забравяме, че *не сме побеждавани* досега и пак трябва да победим!» (Хадж.). Характерен пример с прямым противопоставлением прошлого и настоящего: «Едно време хората *са посрещани* по дрехите, а *са изпращани* по ума. Сега по дрехите посрещат и по дрехите изпращат...» (Карасл.).

Широкое распространение перфектного значения рассматриваемых аналитических форм интересно отметить в связи с тем, что вне сочетаний с глаголом *съм*, как мы видели выше, картина является обратной: значение одновременности стоит в страдательных причастиях несовершенного вида на первом месте, а значение предшествия — на втором.

---

[290] Аналогично и в современном русском языке, где в рамках причастно-страдательного спряжения можно говорить, например, как это делал акад. Шахматов, о «перфекте» (*стол накрыт*, *письмо отослано*), т. е. о категории, не существующей (по крайней мере, в качестве отдельной формы) в системе действительного и возвратно-страдательного залога (см. А. А. Шахматов. Синтаксис..., стр. 489).

inslav

При простом прошедшем времени вспомогательного глагола, именно — при формах *бях*, *беше* (*бе*) и т. д., соответственно имеем те же два значения, но применительно к прошедшему времени.

Значение простого прошедшего иногда трудно подразделить на «имперфект» и «аорист», хотя прием «обратимости» и контекстуальный параллелизм с другими глаголами могут в ряде случаев дать необходимые указания на этот счет. Так, ср., в значении имперфекта: «Най-напред *бяха носени* ордените му, после следваха венците...» (Л. Стоян.); «Само отвременавреме хората се стряскаха от... внезапни арести на комунисти, които после, оковани с вериги, *бяха изпращани* към близкия областен град» (Дим.). В первом примере имеем конкретно-процессное значение имперфекта, во втором — неограниченно-повторительное. Многократное значение, близкое и к значению несовершенного имперфекта и к значению несовершенного аориста, имеем в следующем примере: «И така през тая нощ писарят *бе викан* час по час в дежурната стая, *разпитван*, *въртян* и *заплашван*» (Хадж.). В действительном залоге можно соответственно представить себе и, скажем, «дежурният офицер... *викаше* го час по час, *разпитваше*, *въртеше* и *заплашваше*» и «дежурният офицер... *викà* го, *разпитвà*, *въртя* и *заплашвà*».

Значение предшествия основной линии повествования и актуальности последствий, т. е. значение плюсквамперфекта, представлено бóльшим количеством примеров. Ср. следующие: «Играеха като луди, потънали в пот, като че *бяха кълпани*» (Йовк.); «Станка... прочете... името на фотографа и града, в който *беше правена* снимката» (Карасл.); «Имената на войниците *бяха надраскани* нечетливо и небрежно, някои от тях *бяха зачерквани* и *поправяни*, а по листа тук-таме имаше петна» (Веж.) 'некоторые из них зачеркивались и исправлялись' (что было видно по грязи, имевшейся в момент, когда герой рассматривал эти списки); «Косата му, която отскоро *не бе стригана*, бе... руса, дори белезникава...» (Григ.) и т. д.

Рядом с рассмотренными аналитическими формами стоят и такие, в которых роль вспомогательного глагола выполняет имперфект глагола *бивам*. Все они имеют подчеркнутое значение многократности, а по временнóму значению, насколько позволяют судить наши примеры, представляют собою имперфект, а не плюсквамперфект, хотя в принципе, вероятно, не может быть исключено и второе. Например: «И доколкото в неговата среда държаха... на добросъвестното изпълнение на дълга — а то бяха редки случаи — прибягваха до него; в останалото, което обикновено ставаше на тъмно, ...той *биваше* старателно *отстраняван* като опасен и несигурен съучастник» (Л. Стоян.); «Отвреме-навреме те прекаляваха и *биваха нахоквани* от по-старите» (Дим.); «В самия гр. Плевен... няколкото опита на Работническата партия да свика събрание *биваха осуетявани* и десетки тамошни граждани, желаещи да отидат на събрание, *биваха арестувани* по улиците и жестоко *бити*. При други три опита да се направят събрания в селата Д. Дъбник, Пелишат и Д. Митрополия агитаторите *биваха залавяни*, *закарвани* в околийското управление и *бити* от 10 души под командата на самия околийски началник» (Л. Стан). Ср. еще в переводе с русского: «Земята се тресеше от взривове, бойците *биваха засипвани* от пръст» (А. Толстой. Навъсено утро; в русском тексте: «бойцов *заваливало* вихрями земли»).

Далее имеются сочетания, в которых глагол «быть» стоит в форме перфекта, сочетания, не фигурирующие в схеме Л. Андрейчина. Они имеют значение перфекта, но выражают его яснее (однозначнее), чем сочетания с настоящим временем *съм*. Ср. параллельное употребление

inslav

одного и другого сочетания: «До думата „наливам“ всичко *е било преглеждано* от покойника и тогава *е давано* да се печата» (Т. Панчев. Предисловие к IV тому словаря Герова) ‘до слова «наливам» все просматривалось покойным и затем сдавалось в печать’. Другие примеры: «Другите войници не са останали с възпитанието до преди девети септември, а са получили тук на фронта ново, войнишко. Его в такъв нов дух *не са били възпитавани* войниците от втора рота...» (Веж.); «Той (народ. — *Ю. М.*) умее да разбира хубавото, когато му се покаже, и е способен да го брани, но там е работата, че това хубаво *е било* старателно *скривано* от втора рота...» (Веж.); «Та не само земята, и селяни ли *са били продавани?*» (Карасл.). Перфект вспомогательного глагола используется, как показывают примеры, особенно в тех случаях, когда важно подчеркнуть, что речь идет о факте прошлого, ныне (или отныне) уже не существующем, факте, который не повторится (ср. оба примера из Вежинова, в которых новый командир роты говорит о порядках, существовавших в роте до его назначения туда), либо тогда, когда при недостаточности контекста употребление настоящего времени вспомогательного глагола могло бы повести к недоразумению (ср. пример из Караславова).

Учитывая эти факты, мы могли бы обозначить перфект причастно-страдательного спряжения формулой *Протоколът е(бил)четен*, где скобки обозначали бы возможность опущения компонента *бил*, возможность, в большинстве случаев реализуемую, если нет обстоятельств, которые препятствуют ее реализации.

Изредка встречаются такие же сочетания с перфектом от *бивам*, например: «Формите на сигматичния аорист с удължена коренна гласна още в среднобългарско време *са бивали взимани* механично от постари оригинали» (К. Мирчев. Стари и нови iterativa в източно-македонските говори.— СпБАН, т. L, клон ист.-филол. и филос.-обществен, 24, 1934, стр. 217); «По-долу ще направим последователен преглед на начините, по които са отразени в румънските славянизми българските гласки, за да видим какъв характер са имали тия гласки в езика на българското дакийско население в оная далечна епоха, когато това население постепенно *е бивало поглъщано* от романския елемент» (Его же. Историческа граматика на българския език. Учебник за учителските институти. София, 1953, стр. 43). Значение многократности ясно чувствуется в первом примере, во втором оно ослаблено до значения постепенности осуществления действия.

Формы ряда *бъда*, *бъдеш* и т. д. в сочетаниях с несовершенным страдательным причастием используются в составе форм конъюнктива, будущего времени и будущего в прошедшем, причем во всех случаях общее значение сочетания является значением несовершенного вида. Ср. примеры. Конъюнктив: «Отдолу тя (площадка в горах. — *Ю.М.*) не можеше *да бъде обстрелвана*, докато този, който се укрепи на нея, имаше възможност да контролира местността...» (В. Георг.). Будущее: «Селската буржоазия (кулачеството) *ще бъде* все повече *ограничавана* и *изтиквана* от нейните икономически позиции...» (Г. Димитров). Будущее в прошедшем: «Много от авторите на писмата... сега *щяха да бъдат съдени* от Народния съд» (Дим.).

В общем, из всех сочетаний с несовершенным страдательным причастием, включенных в схему Л. Андрейчина, нам ни разу не встретилось в текстах только сочетание со связкой в форме *бидох*, *биде* (хотя, как увидим ниже, с совершенным причастием данная форма сочетается нередко). Зато к этой схеме можно добавить, как мы видели, четыре типа аналитических форм: с *бивах*, *бил съм*, *бивал съм* и *да бъда*.

inslav

Формы с совершенным страдательным причастием

При настоящем времени вспомогательного глагола, именно — в форме *съм*, *си* и т. д., сочетание с причастием совершенного вида имеет, как отметил проф. Андрейчин, значение перфекта. Особенно часто здесь можно наблюдать значение «перфекта состояния», или, что то же самое, значение «настоящего времени пассива состояния», т. е. все сочетание обозначает наличие в настоящем (в момент речи, в момент, обозначенный историческим настоящим и т. д.) состояния, вызванного предшествующим, закончившимся «целостным» действием. Ср.: «Защо *сме родени*, нали да теглим — за друго ли е сиромашта?» (Е.-П.), т. е. 'для чего мы рождены = для чего мы существуем'; «Тя разбра — зълва й не идеше при нея случайно... *Пратена е* от свекървата...» (Карасл.) 'она подослана свекровью' и т. д. Реже встречается «акциональное» значение, указание на «целостное» действие в прошлом, оставившее результат, который, однако, не доминирует над этим действием, либо так или иначе связанное с настоящим моментом. Ср. например: «Той видя колата и разбра, че *е счупена и после поправена*...» (Йовк.); «По тези места, дето *съм роден*, ... на воловете казват ангели» (Йовк.).

В единичных случаях формы рассматриваемого типа используются как историческое настоящее, например: «Назначават го учител по български език в Пловдивската реална гимназия. Заради проявени интереси към устройството на учебното дело през учебната 1887/88 г. той *е назначен* за началник на средното образование в Министерството на народната просвета, но разочарован от известни порядки, на следната година пак се връща учител по български език в Първа мъжка гимназия... В началото на 1889 г... Висшият педагогически курс се преименува във „Висше училище" ...академик Балан *е избран* за негов ректор» (Ст. Стойков. Сб. в честь акад. А. Теодорова-Балана).

Сочетания с участием формы *бъда* встретились нам только при использовании этой формы в составе конъюнктива и будущего времени. Это, однако, нисколько не опровергает той трактовки, которую дает формам типа *бъде прочетен* проф. Андрейчин. Как мы уже видели выше, форма *бъда* и вне сочетаний с причастием очень редко и лишь при наличии специфических условий используется в качестве формы настоящего времени глагола «быть». См. уже приводившийся нами пример «А като *бъде* за Галунка» и т. д. (Йовк.). Эта форма не может использоваться в наиболее специфических значениях настоящего времени, конкретно-процессном и непрерывно-длительном, а по синтаксическому употреблению напоминает формы совершенного настоящего, хотя и отличается от них по видовому значению. Ясно, что при сочетании этой формы с причастием совершенного вида дело не может обстоять иначе.

Сочетания с конъюнктивом и с будущим выражают значение акционального пассива, т. е. подлинного пассива действия совершенного вида. Ср. с конъюнктивом: «Зад думите му се криеше страшно и скришно желание, *да бъдат те послушани*» (Е.-П.) (в активе было бы: *да ги послушат*); «Лила знаеше адреса му от писмата, които си разменяха, *преди да бъде изключен* от партията» (Дим.) = «преди да го изключат» и т. д. С будущим: «...лост, с който раят *ще бъде снет* от небето на земята...» (Карасл.) = = «с който ние ще снемем рая» и т. д.

При использовании в сочетании с причастием совершенного вида настоящего времени глагола *бивам* мы иногда получаем отмеченный Андрейчиным «повторительный оттенок», например, в следующем случае: «Остане ли недоволен от някой ученик, изведнъж в погледа му блесва упрек... а ученикът, що се е нещо провинил, *бива обхванат*

inslav

от силно смущение» (Влайк.). Но в других случаях (и, как нам кажется, чаще) никакого повторительного оттенка нет, и, наоборот, речь идет о явно однократном, разовом действии. Ср. следующие примеры:

«И ето сега махалата приятно *бива изненадана* от вестта, че Алдьовичиният Симонко, дето преди три години бе изпратен във Филибе.., си дошъл» (Влайк.); «И когато един празничен ден след черкова това, що се очакваше, *бива извършено* от първенците, техните сърца се изпълват с някакво особено задоволство...» (там же); «Преди година и нещо, един празничен ден, в църквата *бива подхвърлено* някакво писмо — сàтира някаква, написана с черковни букви» (там же); «Но през лятната ваканция в гимназията става една злополука: *извършен бива* обир в касата на дирекцията... Заради тая нежелателна пакост, а, може би, и защото на Министерството се е зловидяло оня свободен дух, който бе установен в гимназията, в началото на идната учебна година, когато постъпвам в седми клас, Агура *бива отстранен* от директорството» (там же); «Григорий предава по-късно ръкописа... на епископ Климента (Васил Друмев), и този го напечатва... в Периодическо списание. Оригиналът след това *бива загубен* — и неговите следи се откриват едва напоследък...» (М. Арнаудов. Непознатият Бозвели. София, 1942); «Три години след Търновското царство пада Видинското — с него заедно цяла България *бива покорена* от турците» (Б. Пенев. Българска литература. Кратък исторически очерк, 1946); «След падането на Стамболова, Величков се връща в България, *бива избран* за народен представител и почти веднага става министър» (Примечания к «Бай Ганю» А. Константинова); «След като прекарва три години като директор, в началото на учебната 1893/94 г. той отново *бива назначен* за преподавател във Висшето училище...» (Ст. Стойков. Сб. в честь А. Теодорова-Балана). Очевидно, сюда же относится следующий пример из описания исторического развития города Софии: «Улиците и площадите около двореца, около къщите и дюкяните на буржоата *биват павирани* със скъпи жълти керамични блокчета, прокарват се канали и водопроводи...» (Славин.). Хотя здесь действие, выраженное сочетанием *биват павирани*, осуществлялось постепенно, при переводе повествования в действительный залог и в план прошедшего времени мы получили бы аорист совершенного вида (в суммарном значении): «улиците *павираха* (замостили), *прокараха* канали».

Общая особенность всех приведенных примеров, включая и приведенный несколько выше пример с многократным, «повторительным» значением, заключается в том, что все они представляют собою историческое настоящее. Никаких иных разновидностей не встретилось. Таким образом, мы можем констатировать, что сочетание «*бива* + совершенное страдательное причастие» есть и с т о р и ч е с к о е н а с т о я щ е е с т р а д а т е л ь н о г о з а л о г а, функционирующее как при передаче многократного, так и при передаче однократного действия, причем чаще — при передаче однократного. В этом последнем случае глагол *бива* выступает в составе рассматриваемой аналитической формы не в качестве многократной параллели к «быть», а в качестве несовершенного вида к пережиточному значению 'стать', следы которого в отдельных формах глагола «быть» мы отмечали выше. В этом смысле *Книгата бива прочетена* собственно значит 'книга становится прочитанной' [291]. Именно такой своеобразный характер исходного значения данной аналитической формы, сочета-

[291] Ср. в польском страдательные сочетания типа zostaje + страдательное причастие (прошедшего времени) совершенного вида, а за пределами славянских языков страдательный залог с глаголом становления в качестве вспомогательного в немецком и скандинавских языках (нем. wird, шв. blir, дат. bliver, букв. 'становится' +причастие II).

inslav

ние в ней четко выраженной несовершенности (*бива*) с не менее четко выраженной совершенностью (в форме причастия) делает ее особенно удобным средством выражения исторического настоящего — категории, в которой, как мы уже знаем, в болгарском литературном языке, как и в русском, имеет место своеобразная «нивелировка» видовых различий. Если в действительном залоге настоящее историческое несовершенного вида, соответствующее совершенному аористу, как бы неразвернуто содержит в себе и совершенность, раскрывающуюся при переходе в план прошлого, то в страдательном залоге эта совершенность выражается «эксплицитно» в форме причастия, хотя в целом сочетание и здесь остается несовершенным. Очевидно, для исторического настоящего, соответствующего совершенному аористу, нужна динамичность, предельность, которой нет в статическом, непредельном *е*, *са*, особенно в сочетании с несовершенным причастием, но которая есть в *бива* в смысле 'становится'. Именно потому рассматриваемое сочетание и специализировалось как особая грамматическая форма исторического настоящего, хотя в отдельных случаях в функции исторического настоящего используется, как мы видели выше, и сочетание совершенного страдательного причастия с *е*, *са* [292].

Среди сочетаний совершенного страдательного причастия с формами простого прошедшего времени вспомогательного глагола рассмотрим сначала более однозначные и ясные по своей семантике типы сочетаний, а именно — сочетания с *бидох*, *биде*, с *бъдех*, *бъдеше* и с *бивах*, *биваше*. Их можно квалифицировать как специализированные формы простого прошедшего времени страдательного залога.

Форма с *бидох* всегда соответствует по значению совершенному аористу. Ср. следующие примеры.

В конкретно-фактическом значении: «Но тоя диалог *биде прекъснат* от слугинята.— Како Доне, ела, че на дяда Юрдана прилошà — каза тя уплашена» (Ваз.); «Но тоз последният тозчас *биде освободен* с големи извинения от онбашията, като не рая, а поданик на австрийския император» (там же); «...преди няколко години дрезденското общество *биде разтревожено* от една крайно печална катастрофа...» (Конст.); «В края на 14 век (1393 год.) то (второе болгарское царство — *Ю. М.*) *биде покорено* от турците, дошли от Азия» (Благ.); «Свободата и братството, мечтата за народното добруване *биде* много скоро *разпъната* на кръста от новите християнски паши, нов ярем смени стария, нови теглила и мъки се притуриха оттогава върху старите...» (Велк.); «Тоя факт *биде предаден* от селяни лично на министър Йорданов...» (Л. Стан.);«В резултат на това двояко приложение на сравнително-историческия метод *бидоха установени* така наречените „звукови закони"...» (Цв. Тодоров.— Сб. «Въпроси на езикознанието в сталинско осветление». София, 1951).

В суммарном значении: «Голямата част от останалите живи след Септемврийското въстание кадри на Партията *бидоха избити*, *натикани* по затворите или *принудени* да емигрират» (Г. Димитров). Суммарность заключена в самих глаголах (ср. и предлог *по*).

В действительном залоге (и в страдательном залоге с *се*) нашим сочетаниям во всех приведенных примерах могут соответствовать только формы совершенного аориста («слугинята *прекъсна* тоя диалог» и т. д.).

Форма с *бъдех* соответствует совершенному имперфекту. Ср. пример в модальном употреблении: «Дори ако *бъдеха повикани* с радиограма,

[292] Очевидно, по тем же причинам и в польском языке сочетание с zostaje, параллельное, как мы видели, болгарскому сочетанию с *бива* (см. предыдущую сноску), специализировалось, между прочим, в качестве формы исторического настоящего (ср. E. Koschmieder. Nauka..., стр. 123).

inslav

близките нямаше да пристигнат преди смъртта» (Дим.). В действительном залоге было бы: «дори ако (Ирина) ги *повикаше*» и т. д.

Форма с *бивах* соответствует несовершенному имперфекту, употребленному в неограниченно-кратном значении: «Само Еньо внасяше живот и раздвижваше мъртвия дух в тая къща... Той влизаше често в стаята на брата си... И занемелите предмети вътре сякаш се приближаваха доверчиво наоколо му. Вечният порядък на нещата се нарушаваше. Котката напущаше мястото си, столовете *биваха разместени*, долапите *отворени*» (Е.-П.). Здесь, как видим, глагол *бивам* сохраняет присущее ему многократное значение, как это имеет место и при его сочетании с несовершенным страдательным причастием в примерах, рассмотренных раньше. Совершенное видовое значение причастий *разместени*, *отворени* не оказывает в данном случае влияния на видовое значение всего сочетания в целом, хотя, по-видимому, и подчеркивает, что данные действия — перестановка стульев, открывание шкафов — происходили по одному разу при каждом приходе Еньо. При использовании соответствующих форм несовершенного причастия (*биваха размествани*, *отваряни*) предложение можно было бы понять и так, что указанные действия происходили при каждом приходе по нескольку раз (ср. приведенный на стр. 299 пример из Л. Станева, где ряд сочетаний имеет именно такой оттенок значения). В данном случае, как и выше в случае исторического настоящего, мы снова видим, что причастно-страдательный залог, благодаря своему составному, аналитическому характеру, имеет в некоторых пунктах возможность более тонкой формальной дифференциации видо-временных оттенков, чем действительный.

Аналитические формы с *бях*, *беше* (*бе*) представляют собою «неспециализированную форму» прошедшего времени, так как могут выступать в разных значениях, а именно — в значении «пассива состояния» или «плюсквамперфекта состояния», в значении плюсквамперфекта акционального пассива и в значении простого прошедшего времени акционального пассива, соответствующего совершенному аористу. Во 2-м и 3-м лице единственного числа обе параллельные формы глагола 'быть' — и *беше*, и *бе* — используются в каждом из перечисленных значений; но в значении аориста известное предпочтение оказывается форме *бе*.

Очевидно, именно в связи с этим Л. Андрейчин в своей схеме (как она дана им в сборнике в честь акад. А. Теодорова-Балана) для аориста (а в несовершенном виде и для имперфекта) на первое место ставит *бе*, а *беше* дает в скобках, тогда как для плюсквамперфекта поступает наоборот.

Приведем сначала примеры с плюсквамперфектными значениями.

Плюсквамперфект состояния (или, что то же самое, имперфект статального пассива) обозначает состояние, наличествовавшее в прошлом, «в момент, о котором говорится». Так, в описаниях внешнего облика персонажей, обстановки и т. п.: «Около шията му *беше завито* червено шалче — не за да му държи топло, а за да крие белега от голямата заздравяла рана на врата му» (Йовк.); «Лицето им, косата им, самите им клепачи *бяха покрити* със ситен, черен прах» (там же); «На едно място той се поспря и се наведе: до стената *бяха нахвърлени* дървета» (там же) 'лежали набросанными'; «Изкачи се по стълбите, вратата пред него *беше отворена* ('стояла открытой') и той влезе в хаетя» (там же); «Дъбакът викна засмяно към глухия старец, който *бе унесен* в работата» (Е.-П.); «Книги имаше и по етажерките, и по перваза на прозореца, дори и по пода. На леглото *бе хвърлена* небрежно куртката му и риза от домашно платно...» (Веж.); «Вратата на ротната канцелария *бе отключена*, но вътре нямаше никой» (там же) и т. д. Во всех примерах наше сочетание обозначает ста-

inslav

тическое состояние в прошлом, наличие уже «готового» признака в момент, о котором идет речь. Становление признака относится к какому-то предшествующему отрезку времени: Медара обмотал, когда-то раньше, красную шаль вокруг своей шеи, и вот, в момент, о котором идет речь, мы видим его с уже намотанной шалью; пыль уже раньше покрыла лица батраков, и мы видим эти лица в момент, о котором идет речь, уже покрытыми пылью и т. д.

Плюсквамперфект действия (плюсквамперфект акционального пассива) обозначает действие, предшествовавшее другому действию прошлого и имевшее последствия, сохранявшие актуальность в момент этого другого действия: «Жестокостите, с които *бе потушено* видинското възстание, обърна внимание даже на европейските правителства...» (Благ.) — о самом факте подавления видинского восстания в порядке последовательного изложения событий сообщается там же выше.

Аорист акционального пассива совершенного вида обозначает действие как конкретный целостный факт или суммарную целость ряда фактов, как это характерно для совершенного аориста: «Подир доста препирни още Огнянов възтържествува над страхуванията на домовладиката и тръгването *бе решено*» (Ваз.); «В 1835 г. Априлов основа... в родния си град, Габрово, първото българско училище... В същото време в търговския град Свищов гръцкото училище *бе обърнато* в славяно-българско» (Благ.); «Непосредствено след 9.IX.1944 г. у нас *бе осъществена* основна правописна реформа, която опрости правописа и го направи по-лесен за усвояване от широките народни маси» («Лит. фр.»); «Те замълчаха, и като че ли в тази минута *беше решено* всичко» (Карасл.); «Ударът беше сполучлив, фигурите *бяха разделени*, обаче дойде друго нещастие» (Бел.) и т. д.

Таким образом, в своих плюсквамперфектных значениях форма с *беше*, *бе* более специфична, т. е. незаменима другими рассмотренными типами форм, а иногда может даже контекстуально противопоставляться форме с *биде*, например: «Вечерта, в тоя ден, когато Тахир бей *беше вдигнал*... тази сума и я *бе занел* в къщата си (события, которые имели место раньше и о которых уже сообщалось читателю. — *Ю. М.*), Кюскията *биде повикан* на бързо от пристава на градския участък (событие, о котором сообщается впервые, которое находится на основной линии повествования. — *Ю. М.*)» (М. Георг.).

С другой стороны, выступая в значении аориста форма с *бе* (*беше*) оказывается вполне равнозначной форме с *биде*. Это видно на следующем примере: «На практика вторият път надделя и той доведе до двете балкански войни (1912—13), в резултат на които Македония *бе освободена* от турско иго, но в същото време тя *биде разпокъсана* между Сърбия, Гърция и България» (Г. Димитров). Нет сомнения в том, что в болгарском языке намечается тенденция к постепенному оттеснению форм *бидох*, *биде* и т. д. в пользу *бях* и т. д. Это проявилось в том, что сейчас *бидох* не употребляется в литературном языке вне сочетаний с причастием страдательного залога (хотя в XIX в. такое употребление было возможно, см. выше, стр. 295), как и в том, что нам не встретилось случаев сочетания *бидох*, *биде* с несовершенным страдательным причастием. Что же касается непосредственно здесь рассматриваемого сочетания с совершенным страдательным причастием, то, по-видимому, оттеснение *бидох*, *биде* постепенно происходит и в нем, но только, по всей вероятности, оно протекает неравномерно в разных частях болгарской языковой территории. Об этом говорит та неравномерность, с какой *биде* с причастием представлено у писателей. Так, в XIX в. оно широко встречается у Ив. Вазова, но значительно реже у А. Константинова и М. Георгиева; в XX в. его почти

inslav

совсем не знают Й. Йовков, Г. Караславов и ряд других писателей, но к нему нередко прибегают Г. Димитров, Цв. Тодоров.

Последний тип аналитических форм, который мы здесь рассмотрим, — форма с перфектом вспомогательного глагола. В нашем распоряжении имеется ряд примеров из языка газет, причем многие из них могут трактоваться как пересказывательное наклонение с неопущенным *е*, *са*. Приведем самый очевидный пример: «Българският пълномощен м-р в Будапеща... *е бил натоварен* да уведоми унгарското правителство, че...» («Утро», 7.IX. 1944). Очевидно, назначение этих форм — более точная передача значения акционального перфекта пассива, поскольку формы с настоящим временем *съм* и т. д. могут иметь и, как мы видели, чаще имеют перфектно-статальное значение.

Так обстоит дело в отношении сочетаний глаголов «быть» и «бывать» с формой совершенного страдательного причастия. Как видим, наш материал в основном соответствует изложенной выше схеме проф. Андрейчина, хотя и позволяет в некоторых пунктах внести в нее те или иные добавления или уточнения. В общем можно сказать, что все сочетания вспомогательного глагола «быть» с совершенным причастием страдательного залога обладают совершенным видовым значением [293], выступающим в тех же своих разновидностях, в которых это значение выступает при аналогичных условиях и в действительном залоге. В противоположность этому формы со вспомогательным глаголом *бивам* в основном имеют значения несовершенного вида, хотя причастие в составе этих аналитических форм и сохраняет свою совершенность, что своеобразно отражается на некоторых особенностях семантики всего сочетания.

Сравнивая между собою сочетания 1) глагол «быть» + совершенное страдательное причастие и 2) глагол «быть» + несовершенное страдательное причастие, мы видим, что не все формы глагола «быть», используемые в первом типе, оказываются представленными и во втором. Как видно уже из схемы проф. Андрейчина, формы *бъда* (без *да* или *ще*, т. е. в значении настоящего времени) и *бъдех* в сочетания с несовершенным причастием не вступают. Таким образом, именно те формы глагола «быть», которые были охарактеризованы выше как стоящие по своему синтаксическому употреблению ближе к совершенному виду, только с этим видом и сочетаются в причастно-страдательном спряжении. Кроме того, по показаниям нашего материала, в тот же ряд должна быть, очевидно, включена и форма *бидох*, *биде*. Остальные, т. е. обычные формы глагола «быть», используются без ограничений и в том и в другом типе сочетаний, причем встречаются случаи, когда одна форма вспомогательного глагола относится к двум причастиям противоположных видов. Ср.: «За пръв път въпросът за миналото на Партията и за нейното болшевизиране *беше поставен* и *разискван* от Московското съвещание през 1925 г...» (Г. Димитров) — 'был поставлен и рассматривался', с определенным противопоставлением совершенного и несовершенного причастия.

Формы от основы *бива-*, сочетаясь с причастием страдательного залога, как и вне таких сочетаний, сохраняют свое многократное значение. Только сочетание настоящего времени *бивам* с совершенным страдательным причастием, используемое в функции исторического настоящего, может обозначать и нередко обозначает однократное, разовое событие. Но в этих случаях *бивам* выступает уже не в качестве формы многократного глагола

[293] Ср. и в русском языке сочетания типа *письмо было* (или *будет*) *написано*, которые при переводе в действительный залог нормально дадут *письмо написали* (*напишут*), т. е. формы совершенного вида.

inslav

бивам 'бывать', а в качестве изолированной несовершенной формы к значению 'стать', пережиточно сохраняющемуся в отдельных формах глагола *бъда*, *бъдех* и т. д., наряду с остатками их былого совершенного значения.

14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ СОВЕРШЕННОГО И НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА

В ходе предшествующего изложения мы рассмотрели функционирование категории глагольного вида в современном болгарском языке. Нам предстоит сформулировать некоторые общие выводы.

Изучение функционирования вида позволяет поставить вопрос о его грамматической сущности, об определении (дефиниции) совершенного и несовершенного вида.

В разделах 8—12 мы видели, что формы совершенного вида вне контекстуальной обусловленности имеют значение, названное там конкретно-фактическим. Они обозначают одиночный, однократный акт действия, отдельный факт, взятый в его целостности. Наряду с этим в соответствующем контексте эти формы могут обозначать и объективно многократное действие, причем выражать его двояким образом, либо в порядке «суммирования», сведения многократного действия к интегральной целостности (суммарное значение), либо в порядке «экземплификации», показа многократного действия на наглядном примере одного конкретного случая (наглядно-примерное, или конкретно-репрезентативное значение). Суммарное значение встречается (при показателях ограниченной кратности и в некоторых других типах контекстов) в формах конъюнктива, аориста, перфекта и плюсквамперфекта совершенного вида, как и в ряде других совершенных форм, вроде будущего времени, повелительного наклонения и т. д., употребление которых не было описано в данной работе. Наглядно-примерное значение выступает при наличии соотносительности с другим многократным действием или вне подобной соотносительности, но всегда в строго определенных условиях контекста в формах конъюнктива, настоящего времени и имперфекта совершенного вида, а изредка и в некоторых других несовершенных формах. Обобщая все указанные случаи, мы можем сказать, что формы совершенного вида всегда обозначают действие в его целостности, все равно, «естественная» ли это целостность (при выражении объективно однократного действия), или полученная путем суммирования или экземплификации действий, объективно многократных.

Именно на значение неделимой целостности действия в формах совершенного вида указывает рассмотренный в шестом разделе факт несоединимости этих форм с показателями фазовости и вообще процессности действия; факт невозможности их употребления в конкретно-процессном значении (в настоящем времени, в имперфекте и т. д.); отмеченная в пятом разделе невозможность образования от основ совершенного вида таких специфически-процессных по своему значению форм, как причастие настоящего времени, деепричастие и процессное существительное на *-не*; а также и знающее лишь немного исключений «правило Андрейчина» о несоединимости приставки *за-* в начинательном значении с основами совершенного вида [294].

---

[294] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe..., стр. 19; его же. Основна българска граматика, § 230. На некоторые единичные исключения из «правила Андрейчина» указал Г. К. Венедиктов в статье «К вопросу о глаголах с двумя приставками в современном болгарском языке» («Ученые записки ЛГУ», т. 180, 1955, стр. 184—185).

inslav

Что касается форм несовершенного вида, то они вне контекстуальной обусловленности могут обозначать, как мы видели, и однократное, отдельное действие в процессе его осуществления (конкретно-процессное значение), и многократное действие в его неограниченной повторяемости (неограниченно-кратное и потенциальное значение) и, наконец, могут служить для обобщенного выражения факта, выражения его в общем плане, независимо от различий однократности и многократности (обобщенно-фактическое значение). Оставляя в стороне некоторые специальные типы основ, способных только или почти только к многократному значению (*бива-*, основы вроде *попийва-* и некоторых других с приставкой *по-*), можно сказать, что все основы несовершенного вида, независимо от своего морфологического строения (т. е. от того, идет ли речь о «первичной», в старой терминологии «дуративной», или о «вторичной», в старой терминологии «итеративной», основе), способны выступать в любом из указанных значений — конкретно-процессном, неопределенно-кратном (и потенциальном) или обобщенно-фактическом. Разграничиваются эти значения ситуацией высказывания и окружающим контекстом. В определенных условиях в формах несовершенного вида появляются и некоторые другие значения — постоянно-непрерывное, конативно-тендентивное, ограниченно-кратное, подчеркнуто-длительное, аннулированности непосредственных результатов и т. д. В некоторых же случаях значение несовершенных форм (особенно образованных от основ глаголов imperfectiva tantum) приближается к конкретно-фактическому значению соответствующих форм совершенного вида.

Для всех перечисленных частных значений несовершенного вида невозможно найти общую положительную формулировку. Так, было бы большой натяжкой, если бы мы попытались интерпретировать все эти значения как проявления или варианты «процессности». Если неограниченно-кратное значение без труда можно истолковать как значение «процесса» (процесса неограниченного повторения данного действия) то, например, в случаях обобщенно-фактического значения никакой «процессности», т. е. никакого повышенного внимания к самому процессу протекания действия, мы не наблюдаем. Таким образом, видеть в «процессности» общее значение несовершенного вида, как это делают некоторые ученые, начиная от Вацлава Иоанна Росы [295], значит — давать слишком узкую формулировку, не охватывающую всех случаев. Еще менее оснований, как мы могли убедиться в разделе седьмом, усматривать специфику несовершенного вида в значении «длительности» выражаемых им действий. Очевидно, мы должны ограничиться для несовершенного вида отрицательной характеристикой, указанием на то, что в нем нет того подчеркнутого значения неделимой целостности действия, которая ярко бросается в глаза в формах совершенного вида. И такое чисто отрицательное определение будет здесь вполне уместно, так как в категории совершенного — несовершенного вида, как мы могли видеть и из анализа парадигмы, и из анализа ряда ограничений в синтаксическом употреблении совершенного вида, и из анализа случаев, в которых совершенные формы могут быть заменены несовершенными [296], именно совершенность

[295] Роса писал, что глагол, «aut significat actionem rei in fieri tantum, ut oslazowal /pokladal/ dulcefaciebat, ponebat, aut in facto esse, ut osladil /položil/ dulcefecit, posuit, illud dicitur imperfectum, hoc perfectum» («Grammatica linguae Bohemicae», стр. 141). Перечень ученых XIX и XX в., определяющих несовершенный вид понятием «действия в процессе протекания, в развитии» дает А. Достал («Studie», стр. 13). Впрочем, он, как мне кажется, без достаточных оснований включает в этот перечень Р. О. Шор, Н. С. Чемоданова и меня.

[296] Помимо случаев, рассмотренных в разных местах данного исследования, яркие примеры замены совершенного вида несовершенным дают в разных славянских

inslav

составляет в болгарском языке ведущий, положительный член противопоставления, а несовершенность является отрицательным, или «нулевым», членом, так сказать, лишь фоном для совершенности.

Итак, определение совершенного и несовершенного вида, к которому нас приводит проделанное исследование, формулируется следующим образом: категория совершенного и несовершенного вида в современном болгарском языке (очевидно, и вообще в современных славянских языках) есть отражение объективно обусловленной возможности двоякого взгляда говорящего (пишущего) на обозначаемое глагольной формой действие, — взгляда на него как на неделимое целое (совершенный вид) или без восприятия целостности этого действия (несовершенный вид). Слова «взгляд» и «восприятие» не обозначают в этом определении, что выбор вида всегда или хотя бы в большинстве случаев зависит от субъективного произвола. Во-первых, сама возможность двоякого взгляда на обозначенное глаголом действие обусловлена, как сказано в определении, объективно, и это не пустые слова, а отражение, в частности, того языкового факта, что не все существующие в языке лексические глагольные значения допускают эту возможность: в одних случаях природа выражаемых действий позволяет выразить их в обоих видах (предельные глагольные значения), в других же случаях эта природа не дает возможности осмыслить действие в совершенном виде (непредельные глагольные значения) и заставляет говорящего осмыслять его всегда и исключительно в несовершенном. Во-вторых, и в тех случаях, когда по природе действия возможен выбор точки зрения на это действие как на целостность или не как на целостность, самый выбор осуществляется обычно в зависимости от объективного отношения данного действия к другим (в частности — от его временнóго отношения к другим действиям, — предшествия, последования во времени или одновременности), т. е. в зависимости от того «контекста», в котором находится это действие в самом отражаемом в данном высказывании «куске» объективной действительности. Лишь в части случаев выбор точки зрения на действие приобретает черты субъективности, может отражать субъективные особенности восприятия этого действия говорящим или пишущим [297].

Определение совершенного вида как обозначающего действие в его неделимой целостности, а несовершенного вида — как отрицательного члена видового противопоставления, представляющего собою лишь противоположность совершенного, не является, как известно, чем-либо новым в аспектологической литературе.

Уже Эм. Черный в 1876 г. писал, что совершенный вид изображает действие «собирательно, сомкнуто, в совокупности, суммарно, в сжатом виде» [298], в «собирательной сосредоточенности» [299]. Правда, для несовершенного вида он давал положительную, с нашей точки зрения, слишком узкую формулировку, называя его «протяженным» видом и говоря, что

языках, в том числе и в болгарском, формы повелительного наклонения. См. Вл. Георгиев. Отрицателната заповед в гръцки, латински, български, староиндийски и инюнктивът. «Годишник на Софийския университет». Историко-филологически факултет, кн. XXXI, 4, 1934, стр. 40—46; М. Ивић. Употреба вида у словенском императиву с негацијом. «IV международный съезд славистов. Славянская филология. Сборник статей». II. Москва, 1958, стр. 96—111.

[297] В этой связи представляет большой интерес разработанная Э. Кошмидером и проиллюстрированная им на польском материале схема разных типов обусловленности выбора вида в зависимости: 1) от самого факта, 2) от ситуации, 3) от так называемых вторичных факторов (когда ситуация допускает использование как одного, так и другого вида).

[298] ЖМНП, т. CLXXXVIII, 1876, Отдел классич. филол., стр. 11.

[299] Там же, стр. 15. Обе формулировки Черный относит как к славянскому совершенному виду, так и к греческому аористу.

inslav

он представляет действие «в протяженном, растянутом, развернутом, раскрытом виде, в его продолжении и развитии» [300]. Пятнадцатью годами позже Л. П. Размусен дал формулировку еще более близкую к нашей и для совершенного вида — «...действие, рассматриваемое как одно целое (начало, середина и конец — совокупно)», и для несовершенного вида — «...действие, рассматриваемое только со стороны вещественных (знаменательных) своих признаков, без обозначения целости действия» [301]. В дальнейшем, уже в XX в., похожие определения семантики совершенного вида находим у ряда других ученых [302] и, в частности, специально для совершенного вида в болгарском языке — у Л. Андрейчина: «Совершенный вид... определяется здесь как синтетический вид, не только охватывающий целостность протекания действия, весь исчерпанный срок его продолжения, но прежде всего представляющий само действие как известную целость...» [303]. Соответственно несовершенный вид Л. Андрейчин определяет как «аналитический», причем он вкладывает в это понятие положительное содержание, по существу тождественное тому, которое вкладывал в понятие несовершенного вида Черный: «Глаголы несовершенного вида, — говорит Андрейчин, — выражают действие в его последовательном совершении», как «развивающийся процесс» [304].

Наряду с этим, независимо от того, как именно те или иные ученые определяли совершенный вид, в аспектологической литературе постепенно пробивала себе дорогу идея, что несовершенный вид есть только отрицание, отсутствие того значения, которое содержится в совершенном, и что поэтому общим определением несовершенного вида может быть только отрицательное определение. Эта идея отчетливо выражена у А. М. Пешковского, а затем в работах структуралистов как «пражского», так и «копенгагенского» направления. Наконец, А. Достал в книге о старославянском виде органически соединяет обе линии — определение совершенного вида через понятие «целостности действия» и определение несовершенного вида как противоположности совершенного — и дает формулировку, ближе всего напоминающую Размусена, но более точную: «Глагольный вид (аспект) есть способность глагола выразить, как говорящий рассматривает реальное событие, действие (или представление о нем), как целостность или наоборот» [305]. Совершенный вид, составляющий главный член корреляции, соответствует целостному взгляду на действие и точнее мог бы быть назван «целостным видом» (celkový vid); несовершенный вид, представляющий собою подчиненный член, отражает нецелостный взгляд на действие, отсутствие указания на целостность, и мог бы быть назван «нецелостным» (necelkový vid).

Таким образом, я, собственно, не предложил какого-либо нового определения вида, а лишь присоединился к одному из определений, уже выдвигавшихся в науке (хотя далеко еще не общепризнанному), и попытался дать этому определению новую, несколько более развернутую редакцию. Основное же внимание было здесь обращено не столько на само определе-

[300] Там же, стр. 11. Эта формулировка относится Черным как к славянскому несовершенному виду, так и к греческому презенту и имперфекту.

[301] «О глагольных временах».— ЖМНП, 1891, стр. 379. Отметим, что Размусен считает указанные значения совершенного и несовершенного вида позднейшими и выводит их соответственно из значения достижения действием его цели, предела, либо «приготовления к достижению цели» (там же).

[302] См. A. Dostál. Studie, стр. 15.

[303] L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe, стр. 8.

[304] Там же, стр. 9; Основна българска граматика, § 218. Наряду с приведенными сейчас формулировками, в «Основна българска граматика» есть и другие, более традиционные (и потому менее удачные), которых мы здесь не приводим.

[305] A. Dostál. Studie, стр. 18.

inslav

ние как таковое, сколько на метод выведения его из общих особенностей функционирования совершенного и несовершенного вида, т. е. из объективных грамматических различий между одним и другим видом (в составе парадигмы, в сочетаемости с теми или иными категориями слов и т. д.).

Разумеется, наше определение, как и любое другое подобное ему определение совершенного и несовершенного вида, является недостаточным, слишком общим и схематичным, если оно берется в отрыве от анализа всей гаммы частных видовых значений одного и другого вида, если оно рассматривается как замена этого анализа.

Надо сказать, что вопрос о частных видовых значениях разрабатывался в славянской аспектологии меньше, чем вопрос об общем определении совершенного и несовершенного вида. Значительное внимание описанию частных видовых значений уделили А. Мазон в «Emplois...» и в несколько ином духе Э. Зейдель в специальной статье [306]. Более систематическому, хотя и несколько одностороннему, исследованию подвергся этот вопрос, по крайней мере применительно к несовершенному виду, в работах советского аспектолога Б. Н. Головина, который называет частные видовые значения «внутривидовыми» [307]. У всех трех ученых, независимо от того, какой терминологией они пользуются, речь фактически идет о тех разновидностях значения одного и другого вида, которые определяются условиями функционирования глагольных форм в том или ином контексте, а в известных пределах также способом действия соответствующего глагола.

На работу Мазона мы уже ссылались в ряде случаев выше. О работах же Головина и Зейделя надо сказать вкратце следующее. Б. Н. Головин различает в пределах несовершенного вида четыре «внутривидовых» значения, которые он называет «первым, вторым и т. д. значениями определенности». Первое значение определенности соответствует нашему конкретно-процессному, второе — неограниченно-кратному и отчасти обобщенно-фактическому, третье (которое, как признает Головин, не всегда легко отделить от второго) — потенциальному, а четвертое, более редкое и тесно связанное с лексическими значениями соответствующих глаголов,— постоянно-непрерывному. В отношении совершенного вида Головин делает попытку найти в нем те же самые «значения определенности», но так как «основное видовое значение совершенности находится исторически в резком противоречии со вторым и третьим значениями определенности» [308], то в совершенном виде оказывается чаще всего представленным одно первое значение, которое здесь соответствует нашему конкретно-фактическому. Наиболее ценное в работах Головина — исследование конкретных условий, способствующих проявлению или, наоборот, ограничивающих проявление каждого из указанных значений в глаголах, как мы бы сказали (Головин не пользуется этим термином), разных способов действия. Но самый перечень внутривидовых значений, конечно, неполон и построен только под одним углом — большей или меньшей конкретности обозначаемого действия. Вместе с тем не выявлены такие важные частные значения несовершенного вида, как обобщенно-фактическое и общефактическое, хотя обобщенно-фактическое значение, собственно, было уже описано в формах несовершенного вида русского глагола А. Мазо-

[306] E. Seidel. Zu den Funktionen des Verbalaspekts.— TCLP, 1936, t. 6, стр. 111—129.

[307] См. Б. Н. Головин. О видовых и внутривидовых грамматических значениях современных русских глаголов.— «Ученые записки Вологодского пед. ин-та», т. VII, 1950, стр. 249—287; его же. О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе.—«Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина», т. LXIV, 1951 (на загл. л.: 1952), стр. 37—76.

[308] Там же, стр. 55.

inslav

ном [309], и оно не может быть отождествлено со вторым значением определенности Головина, так как совсем не обязательно предполагает многократное осуществление действия. Кроме того, конкретно-фактическое значение совершенного вида никак не отграничено у Б. Н. Головина от конкретно-процессного значения несовершенного вида. Подчеркнуто лишь то, что их сближает (момент конкретности, так сказать, индивидуальной отнесенности глагольного действия), но не выявлено то, что их резко противопоставляет друг другу (процессность и ее отсутствие). Совсем в тени остались суммарное и наглядно-примерное значения совершенного вида, хотя и они уже были выделены в русском глаголе А. Мазоном [310].

Что касается Зейделя, то в его построениях интересна та мысль, что хотя в целом или в большинстве случаев несовершенный вид выступает как отрицательный член противопоставления, в отдельных своих функциях, или, как мы бы сказали, в отдельных частных видовых значениях он, наоборот, оказывается наделенным положительным содержанием. В частности, Зейдель говорит о случаях, когда несовершенный вид «маркированно» обозначает «занятость действием» («Fälle, wo der Aspekt „merkmalhalt" das „Dabeisein bei einer Handlung" bezeichnet»)[311]. Иными словами он рассматривает как наделенное положительным признаком то частное значение несовершенного вида, которое мы называем конкретно-процессным. И это правильно, так как признак процессности, безусловно, отсутствует у совершенного вида. В болгарском языке, как мы видели выше, положительное значение процессности действия нашло себе в сфере прошедшего времени даже специальное выражение в формах имперфекта, но и за пределами имперфекта мы не раз имели случай убедиться в том, что конкретно-процессное значение в формах несовершенного вида должно рассматриваться как очень яркое и положительное. Важно только не считать его, как было подчеркнуто выше, общим значением несовершенного вида.

Учет частных видовых значений, подробно рассмотренных нами выше в отдельных формах совершенного и несовершенного вида, позволяет представить общую картину видовой системы болгарского языка несколько более сложной, чем это было бы возможно на основе одной только голой дефиниции вида. Значение целостности действия в формах совершенного вида конкретизируется в ряде значений — конкретно-фактическом, суммарном и наглядно-примерном, обладающих своими специфическими особенностями, а значение отсутствия целостности действия в несовершенном виде — в конкретно-процессном, неограниченно-кратном и потенциальном, постоянно-непрерывном, обобщенно-фактическом и общефактическом, с дальнейшими подразделениями внутри некоторых из этих рубрик. При этом некоторые из частных видовых значений несовершенного вида (собственно, в той или иной мере все они, кроме общефактического) обладают и известным положительным содержанием (даже в такой вдвойне отрицательной форме, как несовершенный аорист), хотя общее значение несовершенного вида, общая «скобка», охватывающая все эти значения, и оказывается лишенной такого положительного содержания.

Рассмотренные выше, в разделах 10 и 11, факты взаимодействия видовых значений совершенного и несовершенного вида с видовыми в широком смысле значениями, заключенными в противопоставлениях 1) имперфект — аорист и 2) времена перфектной группы — остальные времена, еще более усложняют живую картину видовых отношений в современном болгарском языке.

---

[309] Ср. рубрику «обобщенное действие» (action généralisée) во всех или почти всех главах книги Мазона «Emplois...», посвященных несовершенным формам.

[310] См. выше, стр. 233.

[311] E. Seidel. Указ. соч., стр. 117.

inslav

Е. И. ДЕМИНА

ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая работа посвящена одному из важных, интересных и вместе с тем спорных и недостаточно выясненных вопросов болгарской грамматики — вопросу о пересказывательных формах.

Пересказывательными формами («преизказани форми») в последнее время принято называть особую группу форм болгарского глагола, которые употребляются, «когда мы сообщаем о действиях, о которых мы слышали от других лиц или где-нибудь читали» [1]. Название «пересказывательные формы», «пересказывательные времена» означает, «что действие не высказывается прямо — по наблюдению, а высказывается повторно — «пересказывается» со слов другого лица» [2].

По вопросу об объеме пересказывательных форм существуют разные мнения. В последнее время нет расхождений в отнесении к пересказывательным следующих форм: *пишел съм, пишел*; *бил съм писал, бил писал*; *щял съм да пиша, щял да пише* (с вариантом *ще съм пишел, ще пишел*); *бил съм пишел, бил пишел*; *щял съм бил да пиша, щял бил да пише* [3]. Как пересказывательная обычно рассматривается и форма типа *писал съм, писал*, омонимичная с формой перфекта.

В настоящее время в болгарской грамматической науке пересказывательные формы принято рассматривать как особое «пересказывательное» наклонение наряду с изъявительным, повелительным и условным наклонениями.

История возникновения и становления пересказывательных форм в характерном для них значении до сих пор почти не изучалась. Имеются лишь отдельные, нередко не подкрепленные фактическим материалом высказывания по этому вопросу. Ряд ученых, начиная с Б. Цонева, связывает происхождение пересказывательного значения и средств его формального выражения с влиянием турецкого языка [4]. Основанием для

---

[1] Л. Андрейчин, Ст. Стойков, К. Попов. Български език. Учебник за VIII клас на общообразователните училища. София, 1955, стр. 72.

[2] Л. Андрейчин. Българска граматика за VI клас на общообразователните училища. София, 1951, стр. 48.

[3] Мы приводим здесь и далее формы 1-го и 3-го лица единственного числа, поскольку именно в 3-м лице обоих чисел проявляется характерный признак пересказывательных форм — отсутствие вспомогательного глагола *е, са*.

[4] Б. Цонев. Определени и неопределени форми в българския език. София, 1911, стр. 15—18; его же. История на българский език, т. III. София, 1937, стр. 106; К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1953, стр. 48, 123; Л. Андрейчин. Въпросът за национална самобитност на езика. «Известия на Института за български език», кн. II, София, 1952, стр. 39—45.

inslav

подобного мнения служит, в частности, полное совпадение морфологической модели пересказывательных времен в болгарском языке и аналогичных форм турецкого глагола [5]. Как отмечает Л. Андрейчин, «становление пересказывательного наклонения в болгарском языке могло произойти путем расширения функций болгарского (по происхождению — общеславянского) перфекта под влиянием употребления перфекта в турецком языке. В дальнейшем на базе формальных отношений в перфекте развилась целая система болгарских пересказывательных форм, причем использовался чисто болгарский морфологический материал» [6]. Начало процесса расширения функций перфекта, приведшего впоследствии к образованию пересказывательных форм, К. Мирчев относит к XIV в. [7]

Теория турецкого влияния на происхождение пересказывательных форм разделялась и разделяется далеко не всеми учеными. Ю. Трифонов, например, связывает возникновение пересказывательного значения с особенностями развития болгарского перфекта, в частности с возможностью опущения в 3-м лице обоих чисел вспомогательного глагола, с употреблением перфекта в дополнительных предложениях косвенной речи и относит процесс зарождения пересказывательных форм еще к среднеболгарскому периоду, т. е. к эпохе до захвата Болгарии турками [8]. Против мнения о неболгарском происхождении пересказывательных форм высказывались Н. Дилевский, Г. Гылыбов [9]. Основным в их доводах является указание на ограниченный характер двуязычия болгарского населения в период турецкого ига (в домашнюю среду болгар, особенно в язык женщин, турецкое влияние не проникло), кроме того, турецкий язык был распространен только в восточной Болгарии. Отмечаются факты из истории других языков балканской языковой общности, которые веками находились под исключительно сильным влиянием турецкого языка, но несмотря на это не восприняли систему пересказывательных глагольных форм.

Наличие указанных противоречивых точек зрения свидетельствует о настоятельной необходимости специального исследования вопроса о происхождении пересказывательных форм в болгарском языке. Подобное исследование, однако, не может входить в задачи нашей работы, написанной в чисто синхронном плане.

В качестве самостоятельной грамматической категории пересказывательные формы стали выделять относительно недавно. В большинстве грамматик XIX в. о формах с пересказывательным значением ничего не говорится. Часть этих форм, например, формы типа *щял съм да пиша*, *щял да пише*; *щял съм бил да пиша*, *щял бил да пише*, вообще не включалась в парадигму болгарского глагола, хотя их употребление в языке XIX в. является вполне установившимся. Далеко не во всех грамматиках отмечаются формы, в состав которых входит причастие на *-л* от основы имперфекта. Т. Шишков, который вслед за А. и Д. Цанковыми и Д. Мирковичем приводит эти формы в своей грамматике, не отграничивает их от форм, в состав которых входит причастие на *-л* от основы аориста, т. е. от форм типа *писал съм*, *писал* (*е*); *бил съм писал*, *бил* (*е*) *писал*. Возмож-

---

[5] Подробно этот вопрос рассматривается в указанной в предыдущей сноске статье Л. Андрейчина.

[6] Л. Андрейчин. Въпросът за национална самобитност на езика, стр. 40.

[7] См. К. Мирчев. Историческа граматика, стр. 123.

[8] См. Ю. Трифонов. Синтактични бележки за съединението на минало действително причастие с глагола *съм* в новобългарския език. «Периодическо списание на българско книжевно дружество» (в дальнейшем: ПСП), кн. 66. София, 1905, стр. 168 — 173.

[9] См. «Известия на Института за български език», кн. II, стр. 236, 239—240.

inslav

ность употребления этих форм с особым, пересказывательным значением им, как и другими авторами, не отмечается[10].

Ничего не говорится почти во всей грамматической литературе того времени об употреблении с пересказывательным значением и таких форм, как *писал съм*, *писал* (*е*); *бил съм писал*, *бил* (*е*) *писал*. Лишь в некоторых определениях чувствуется слабая попытка отразить существовавшее в языке значение пересказывания. Так, Сл. Кесяков и П. Горов (Начална българска граматика. Пловдив, 1882), приводя явный пример пересказывания («учителят дума, че *съм бил дремал* на урок»), пишут, что это, как они его называют, «давно-прошедшее время» выражает действие, «которое осуществилось помимо воли действующего лица». С первым более или менее точным определением специфики пересказывания, обусловленной употреблением особых форм глагола, мы встречаемся не в учебниках по языку или грамматике, а у Ивана Вазова. В критических замечаниях по поводу одного перевода (1881) он пишет: «Предложение „Иван седял" устанавливает, что тот, кто тебе говорит это, не видел Ивана лично, не был свидетелем того, как он сидел, а услышал об этом от другого и, следовательно, не может уверенно утверждать истинность этого факта, а предполагается, что автор любого романа непременно был очевидцем событий, о которых он рассказывает тебе с такой точностью и подробностью, иначе правдивость и свежесть рассказа в глазах читателя ослабевает»[11].

Из лингвистов на грамматическое явление пересказывания первым обращает внимание А. Теодоров-Балан. В статье «Неуспеваемость по болгарскому языку в наших школах» (1887)[12] он указывает на наличие в болгарском языке параллельных форм глагола, имеющих одинаковые временные значения и употребляющихся соответственно либо в прямой, либо в косвенной речи для указания на то, сообщается ли о действии как о личном познании говорящего или как о чужой мысли. Глагольные формы, употребляющиеся в прямой речи (*пиша*, *пишех*, *писах*, *писал съм*, *писал бях*, *ще пиша*, *ще бъда писал*), он относит к изъявительному наклонению; формы, употребляющиеся в косвенной речи (*пишел съм*, *писал съм*, *бил съм писал*, *ще съм пишел* или *щял съм да бъда писал*), — к «сослагательному» наклонению на том основании, что они различаются по «виду мысли (modus) по отношению к говорящему лицу». Теодоров-Балан впервые отграничивает употребление формы типа *писал съм* в качестве одного из времен изъявительного наклонения от употребления внешне такой же формы при пересказывании со значением аориста. Форме изъявительного наклонения *писал съм* в «сослагательном наклонении» соответствует форма *бил съм писал*. В статье приведена таблица соответствий форм прямой и косвенной речи для всех перечисленных выше времен, включая настоящее время. В замечаниях Теодорова-Балана еще много неточностей и прямых ошибок. Так, он упускает из виду, что обе группы форм — изъявительного и «сослагательного» наклонений — могут употребляться равным образом как в прямой, так и в косвенной речи. На это он позднее указывает сам[13]. В качестве временнóго эквивалента для настоящего времени неверно приводится форма типа *писал съм бил*. Однако в целом наблюдения Теодорова-Балана как первая попытка

[10] A. und D. Cankoff. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852; Д. Миркович. Кратка и методична българска граматика. Цариград, 1860; Т. Шишков. Начална българска граматика. Търново-Цариград, 1872, стр. 66.

[11] Цит. по статье Л. Андрейчин. Иван Вазов и българския език. «Иван Вазов. Сборник по случай сто години от рождението му». София, 1950, стр. 180.

[12] См. А. Теодоров-Балан. Неуспехът по българския език в нашите училища. — ПСП, кн. XXI—XXII. Средец, 1887, стр. 518—520.

[13] См. А. Теодоров-Балан. Състояние на българската граматика. София, 1947, стр. 126—127.

inslav

характеристики интересной особенности болгарского языка для своего времени имели важное значение.

В «Синтаксисе болгарского языка» Ат. Илиева[14], появившемся вскоре после статьи А. Теодорова-Балана, ясно ощущается влияние последней. Илиев также говорит о противопоставлении времен прямой и косвенной речи в связи с разграничением сообщения о действии как о личном познании говорящего или как об услышанном от другого. Но в отличие от Теодорова-Балана Илиев не выделяет времена косвенного рассказа в качестве особой грамматической категории. Поэтому он выстраивает в один ряд времена прямого высказывания и пересказывания с целью найти темпоральное различие между ними, отказываясь от верного замечания Теодорова-Балана о том, что различие между этими формами является отнюдь не временным. Так, например, различие между формами *четях* и *четял съм* Илиев видит в том, что первая будто бы обозначает длительное действие, совершившееся недавно одновременно с другим и высказываемое как наше познание, а вторая — длительное действие, совершавшееся намного раньше настоящего времени и передаваемое с чужих слов[15]. По тому же принципу определяется им различие между формами *четох* и *чел съм*. Первая, по его мнению, означает действие, совершившееся недавно и высказываемое как наше личное познание, а вторая — действие, совершившееся значительно раньше настоящего времени и высказываемое как услышанное от других[16]. Таким образом, Илиев смешивает различие между формами по времени с различиями принципиально иного порядка. Он не сумел разграничить омонимические формы типа *чел съм*. В его системе отсутствует форма косвенного высказывания для настоящего времени.

Большим шагом вперед в изучении вопросов пересказывания явилась интересная работа Ю. Трифонова «Синтаксические замечания о соединении действительного причастия прошедшего времени с глаголом *съм* в новоболгарском языке», опубликованная в 1905 г.[17] Четко разграничив отдельные функции сочетания формы на *-л* + + *съм* (значение перфекта, значение прошедшего неопределенного времени), автор уделяет большое внимание употреблению его в качестве формы «косвенного высказывания» при передаче событий с чужих слов, по слуху. Трифонов считает, что противопоставление форм «прямого» и «косвенного» высказывания охватывает все времена изъявительного и сослагательного наклонений за исключением «будущего неуверенного» (*ходи ща*) и архаической формы условного наклонения (*ходил бих*). При этом понятие «косвенного высказывания» мыслится им шире понятия косвенной речи. Достаточно самого употребления глагольной формы косвенного высказывания, чтобы указать, что передаются чужие слова.

К временам косвенного высказывания Трифонов относит формы типа *пишел съм*, *писал съм*, *бил съм писал*, *щял съм да пиша*, *щял съм да бъда писал*, *ядвал съм*, причем он первым отметил, что формальным признаком времен косвенного высказывания является опущение в 3-м лице обоих чисел вспомогательного глагола[18]. Формы косвенного высказывания Трифонов объединяет с формой *писал съм*, *писал е* (с сохранением в 3-м лице вспомогательного глагола), употребляющейся при выражении предполагаемого действия, в общую категорию «воспринятости и невоспринятости действия» («категория за възприетост и невъзприетост на действието»)[19].

[14] Ат. Илиев. Синтаксис на българския език. Пловдив, 1888.
[15] Там же стр. 58 и 60.
[16] Там же, стр. 57 и 59.
[17] Ю. Трифонов. Указ. соч., стр. 155—192.
[18] Там же, стр. 168.
[19] Там же, стр. 190.

inslav

В работе Трифонова впервые указывается на наличие в болгарском языке особых форм косвенного высказывания для выражения «обессиливания» сообщаемого или сомнения в нем («форми за съмнение и обезсилване»), образуемых путем включения причастия *бил* в соединения невосприятости, в состав которых это причастие не входит [20]. Эти формы впоследствии Л. Андрейчин назвал формами «эмфатического» или «усиленного» пересказывания. Наконец, Трифонов пытается рассмотреть вопрос о формах косвенного высказывания в генетическом плане [21]. Наблюдения А. Теодорова-Балана и Ю. Трифонова легли в основу дальнейшего изучения пересказывательных форм в работах ученых, рассматривающих эти формы в качестве самостоятельной грамматической категории. Но наряду с этим существовало и другое направление в изучении интересующих нас форм, начало которому было положено в работах М. Иванова «О спряжении в новоболгарском языке» (1894) и «Из истории нашей грамматической терминологии» (1903) [22]. Отмечая несостоятельность укоренившейся в грамматиках XIX в. точки зрения, согласно которой аорист как «определенное» время противопоставлялся перфекту как «неопределенному» на основании определенности или неопределенности времени совершения обозначенного ими действия, М. Иванов выдвигает в противовес ей свое понимание определенности или неопределенности времен. «Определенные» и «неопределенные» времена, по его мнению, разграничиваются в зависимости от того, был ли говорящий очевидцем действия, о котором он сообщает, или нет. Это разграничение охватывает группу прошедших времен. «Определенными» временами являются имперфект, аорист, плюсквамперфект, «неопределенные» представлены формами типа *писал съм, пишел съм, бил съм писал, бил съм пишел*. М. Иванов не разграничивает двух омонимических форм типа *писал съм*, видя в них лишь одно значение «неопределенного» времени. Исходя из этого, он утверждает, что в тех случаях, когда было невозможным присутствие говорящего при совершении действия (имеется в виду «интеллектуальное присутствие»), нельзя обозначить действие формой аориста и, наоборот, когда говорящий непременно присутствовал при совершении действия, нельзя употребить форму перфекта. Встав перед необходимостью объяснить в таком случае употребление формы перфекта в 1-м лице (т. е. в случаях, когда отсутствие говорящего невозможно), М. Иванов прибегает ко всякого рода ухищрениям, например, случаи типа «*учил съм* 12 години» он объясняет тем, что моменты прошедшего повторявшегося действия, как исчезнувшие из памяти, рассматриваются отдельно от настоящего «я», т. е. как такие, при которых это «я» не присутствовало [23].

М. Иванов не ставит вопроса о том, как следует квалифицировать разграничение «определенных» и «неопределенных» прошедших времен глагола с точки зрения основных грамматических категорий.

В работах Ст. Младенова, П. Калканджиева, Н. Костова, Дм. Попова [24] разграничение прошедших времен на «определенные» и «неопределенные» с точки зрения того, был ли говорящий очевидцем действия или

---

[20] Ю. Трифонов. Указ. соч., стр. 168.

[21] Там же, стр. 190.

[22] См. М. Иванов. За спрежението в новобългарския език.— Сб. НУНК, X. София, 1894, стр. 367—368; его же. По история на нашата граматическа терминология. ПСП, кн. 64. София, 1903, стр. 176—187.

[23] М. Иванов. За спрежението в новобългарския език, стр. 367.

[24] См. St. Mladenov. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin — Leipzig, 1929, стр. 249—253; Ст. Младенов и П. Василев. Граматика на българския език. София, 1939; Н. Костов. Българска граматика. София, 1939; Дм. Попов. Българска граматика. София, 1941.

inslav

нет, нередко сопровождается теми или иными указаниями на темпоральные различия между параллельными формами. Так, например, по мнению Ст. Младенова, аорист — это прошедшее близкое и лично воспринятое, а «прошедшее неопределенное» (*писал съм*) — это прошедшее отдаленное и лично не воспринятое. Среди названных авторов относительно наибольшее внимание уделяет вопросу о «неопределенных» формах или «формах косвенного рассказа» Н. Костов. Он приводит «неопределенные» формы не только для прошедших времен, но и для простого условного наклонения (тип *ядвал съм*).

К описанному направлению в изучении пересказывательных форм примыкает Л. Больё [25], а также Б. Цонев, который разграничение времен прямого и косвенного рассказа считал проявлением особой категории определенности и неопределенности, пронизывающей, по его мнению, всю систему болгарского языка и находящей свое отражение как в лексике, так и в морфологии и синтаксисе [26]. В целом для всех представителей этого направления характерно отсутствие четкого осознания пересказывательного значения, неумение выделить пересказывание в качестве самостоятельного грамматического явления. В изучении пересказывательных форм их работы не сыграли существенной роли.

Современное состояние изучения вопросов пересказывания связано с именами таких языковедов, как акад. А. Теодоров-Балан и проф. Л. Андрейчин. Именно Теодоровым-Баланом было выдвинуто утвердившееся сейчас в болгарской лингвистике мнение о том, что пересказывательные формы представляют собой особое, четвертое наклонение болгарского глагола — пересказывательное наклонение [27]. В работах Л. Андрейчина [28] содержится наиболее подробное из всех имеющихся описание значения отдельных пересказывательных форм и основных случаев их употребления. Андрейчин уделяет большое внимание вопросам образования пересказывательных форм, выявлению системы временных эквивалентов, вопросу о так называемых формах усиленного или эмфатического пересказывания. Касается он и вопроса о происхождении пересказывательных форм. На мнении этих ученых по тем или иным конкретным вопросам мы будем останавливаться в дальнейшем, поэтому позволим себе ограничиться здесь этими беглыми замечаниями.

По вопросу о системе форм пересказывательного наклонения выступил недавно советский лингвист Ю. С. Маслов [29]. Вопросам пересказывания

---

[25] L. Beaulieux. Grammaire de la langue bulgare. Paris, 1950.

[26] Б. Цонев. Определени и неопределени форми в българския език.

[27] А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940; его же. Състояние на българската граматика.

[28] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej. Kraków, 1938; Л. Андрейчин. А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика (рецензия), «Македонски преглед», год. XIII, кн. I. София, 1942; его же. Основна българска граматика. София, 1944 (русский перевод В. В. Бородич. М., 1949); Л. Андрейчин, Н. Костов, Е. Николов. Българска граматика. София, 1947; Л. Андрейчин. Език и стил на Л. Каравелов. «Годишник на Софийския университет», истор.-филол. ф-т, т. XLVI, кн. 4, 1950; Л. Андрейчин. Българска граматика за VI клас на общообразователните училища; его же. Въпросът за национална самобитност на езика, стр. 39—45; его же. Употреба на преизказаните глаголни времена. «Работническо-селски дописник», София, 1953, № 9, стр. 20—22; Л. Андрейчин, Ст. Стойков, К. Попов. Български език, учебник за VIII клас на общообразователните училища. София, 1953; то же за IX клас. София, 1955; то же за X и XI клас, София, 1955. Л. Андрейчин, Н. Костов, К. Мирчев, Е. Николов, Ст. Стойков. Български език. Учебник за педагогически училища за начални учители. София, 1955.

[29] Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения. «Сборник в чест на Александър Теодоров-Балан». София, 1956, стр. 311—318; его же. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

inslav

уделяется внимание в «Грамматике болгарского языка» польского языковеда Ф. Славского [30].

Следует, однако, признать, что в целом вопросы пересказывания разработаны еще далеко не достаточно. Как видно из нашего краткого обзора, этими вопросами занималась в основном нормативная грамматика причем им уделялось далеко не центральное место. До настоящего времени нет ни одного монографического исследования по пересказыванию. За исключением указанной выше небольшой статьи Ю. С. Маслова, нельзя назвать ни одной специальной работы, посвященной хотя бы отдельным сторонам данной проблемы. Фактический языковый материал привлекался к исследованию весьма ограниченно.

В настоящей работе рассматриваются следующие вопросы: возможность и целесообразность выделения группы пересказывательных форм глагола, состав пересказывательных форм, значение и употребление этих форм и их место в общем грамматическом строе болгарского глагола, временнóе значение пересказывательных форм, их стилистическое употребление. Решение генетических вопросов в задачи работы не входит.

Автор не претендует на исчерпывающее решение проблемы пересказывания. Цель работы будет достигнута, если нам удастся поставить в ней основные вопросы, связанные с изучением пересказывательных форм, и тем самым наметить проблематику дальнейших исследований.

КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ГРУППЫ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ

Ставя своей задачей изучение форм, имеющих пересказывательное значение, мы должны прежде всего решить вопрос о критериях их отграничения от частично (в 1-м и 2-м лице единственного и множественного числа) или полностью (во всех лицах обоих чисел) совпадающих с ними форм, обладающих иным значением, поскольку выделение пересказывательных форм в качестве самостоятельного объекта исследования может явиться обоснованным лишь при признании не только их смысловой, но и формальной самостоятельности. В этой связи следует рассмотреть, во-первых, вопрос о возможности и целесообразности отделения форм типа *пишел съм, пишел; писал съм, писал; бил съм писал, бил писал; щял съм да пиша, щял да пише*, имеющих пересказывательное значение, от форм типа *пишел съм, пишел е; писал съм, писал е; бил съм писал, бил е писал; щял съм да пиша, щял е да пише*, употребляющихся при выражении предполагаемого говорящим действия.

Далее следует обосновать выделение пересказывательной формы *писал съм, писал* наряду с формой перфекта, учитывая возможное опущение вспомогательного глагола *е, са* в 3-м лице формы перфекта и, следовательно, возможность полного формального совпадения между этими временами. Наконец, следует решить вопрос о правомерности рассмотрения форм типа *пишел съм, пишел; писал съм, писал* с пересказывательным значением и таких же форм с адмиративным значением как случая грамматической омонимии.

Перейдем к рассмотрению этих вопросов.

Пересказывательные формы и формы предполагаемого действия

Наличие в болгарском языке особых средств для выражения действия, не воспринятого говорящим лично, когда говорящий тем не менее

[30] F. Sławski. Gramatyka języka bułgarskiego. Warszawa, 1954.

inslav

подчеркивает, что высказывает собственную мысль о нем, было впервые отмечено Ю. Трифоновым [31]. Описывая употребление формы типа *писал съм*, *писал е* при выражении действия, очевидцем которого говорящий не был, он замечает, что в этих случаях говорящий, хотя и не является личным свидетелем рассказанного, больше подчеркивает действительность последнего, чем свою отдаленность от него. При этом вспомогательный глагол сохраняется во всех лицах. Указанные случаи Трифонов объединяет со случаями употребления пересказывательных форм (форм «за косвено изказване») в общую «категорию воспринятости и невоспринятости действия» («категория за възприетост и невъзприетост на действието») [32].

Л. Андрейчин в работе «Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej» (стр. 66—67) выступает против подобного объединения. Выделяя особую группу форм, а именно формы типа *писал съм*, *писал е*; *пишел съм*, *пишел е*; *бил съм писал*, *бил е писал*; *щял съм да пиша*, *щял е да пише*, употребляющихся в авторском высказывании (т. е. при отсутствии пересказывания) для обозначения прошедших лично не воспринятых говорящим действий, Андрейчин рассматривает их как проявление особой категории «источника для высказывания» (или «основания для высказывания» — kategorii podstawy wypowiedzi). Далее Андрейчин ставит вопрос: какая из двух категорий — категория «источника для высказывания» или категория «способа высказывания» (kategoria rodzaju wypowiedzi), проявляющаяся в разграничении форм авторской речи и пересказывания, является основной? Этот вопрос, как и ответ на него (основной является категория способа высказывания), свидетельствуют о том, что указанные категории не рассматриваются Андрейчиным как полностью самостоятельные [33]. Иных указаний на взаимоотношение этих категорий между собой и с другими категориями болгарского глагола в работе нет.

В своих последующих работах, в частности в «Грамматике болгарского языка», Л. Андрейчин не поднимает вопроса о наличии в болгарском языке категории источника для высказывания. Отмечая, что для передачи в качестве личного утверждения действия, свидетелями которого мы не были, нельзя употребить аорист, имперфект, плюсквамперфект и будущее в прошедшем, а следует употреблять соответственно или «прошедшее неопределенное время» (перфект), или те же формы, что и для «прошедшего несовершенного пересказанного времени», «прошедшего предварительного пересказанного времени», «будущего в прошедшем пересказанного времени», но с сохранением в 3-м лице этих форм вспомогательного глагола *е*, *са* (см. §§ 292, 295, 300, 306 грамматики), Андрейчин не дает никакого объяснения, как следует рассматривать это явление, куда относятся указанные формы. Параграфы, посвященные этим формам, он включает в раздел о пересказывательных временах. Лишь о «прошедшем неопределенном времени» (перфекте) со значением предполагаемого действия Андрейчин говорит в связи с описанием случаев обозначения различных оттенков в категории наклонения (§ 335).

С указанием на возможность употребления перфекта для выражения предполагаемого действия мы встречаемся также и у других авторов [34].

---

[31] Ю. Трифонов. Указ. соч., стр. 168—169.

[32] Там же, стр. 190.

[33] Ведь нельзя, например, поставить вопрос, какая категория является основной — категория вида или категория времени,— именно потому, что эти категории являются самостоятельными.

[34] См. Б. Цонев. Определени и неопределени форми в българския език, стр. 13; его же. Две български граматики за чужденци.— СпБАН, I, 1911, стр. 133; Н. Костов. Българска граматика, стр. 189; Ст. Младенов и П. Василев. Граматика на българския език, стр. 289; Дм. Попов. Българска граматика, стр. 90—91.

inslav

Употребление других форм в аналогичной функции ими не отмечается.

Нам кажется, что при решении вопроса о возможности отделения пересказывательных форм от форм, употребляющихся при выражении предполагаемого действия, следует учитывать следующие факты.

1. Значение форм типа *пишел съм*, *пишел е*; *писал съм*, *писал е*; *бил съм писал*, *бил е писал*; *щял съм пиша*, *щял е да пише* является принципиально отличным от значения сходных с ними пересказывательных форм. В частности, форма типа *пишел съм*, *пишел е* употребляется в соответствии с имперфектом при выражении действия, наличие которого в прошлом только предполагается говорящим на основании каких-то имеющихся у него данных, восстанавливается говорящим путем умозаключения. Ср. следующие примеры (в кармане убитого нашли свисточки. Один из присутствующих предполагает, почему они у него оказались): «Видя ли свирчиците? Той трябва да е имал деца и на тях ги *е носел*. Ех, таквоз нещо е живота!»(Йовк.); «И едва когато го арестуваха, тя разбра защо се е връщал толкова късно. Но дори и след като ѝ стана ясно къде *се е губел* през толкова нощи, тя никому думица не продума...» (Карасл.); «Три кадъни се лутат в шубраките и берат в кошници трънки, там където някога *са пълзели* към крепостта ордите на Челебията» (Карал.); «Не срещаш никого. И никой няма работа тъдява. Няма реки, села и пътеки. Тук не се идва отникъде и заникъде не се отива. И все пак през Лонгурли и Кърлъка *са преброждали* хора — десетки, стотици... Кога? Закъде? Какво *са търсели*?» («В първите редици»). Ср. также (говорящий доказывает, что смерть — естественный процесс): «Без нея няма битие... Значи, съвсем погрешно е да я ненавиждаме... Така. *Имало е* древни времена, когато човекът *е имал* по-справедливо отношение към нея. Тогава на погребенията *са пеели* песни, вместо да леят сълзи...» (Велк.); «Що се отнася до включването на турските лексикални заемки в системата на българските имена, *важели са* същите принципи, които се прилагат и към заемки от други езици» (К. Мирчев. Истор. гр. на бълг. език, София, 1953); «Той идеше откъм морето и, както се виждаше, *наблюдавал е* нещо, защото на гърдите му висеше открит бинокъл» (Йовк.). Последний пример хорошо иллюстрирует замену формы имперфекта формой типа *пишел е*, *пишел* при выражении личного предположения говорящего о действии, основанного на знании некоторых сопутствующих обстоятельств.

В соответствии с аористом при выражении предположения о прошедшем действии употребляется форма типа *писал съм*, *писал е*, внешне совпадающая с формой перфекта. Например: «Трябва много да приличам на мама — помисли си тя. — Както се вижда, мама *са я знаяли* всички» (Йовк.); «— Къде се губиш? — попита дебеличкият Алоис и другарски го смуши по гърдите. — Толкова дни те няма! — прегърна го през рамото Карли, а Хайни, като сбърчи подигравателно лунестото си личице, избърбори: — Какво се чудите? Нали знаете нашия Францл? *Стоял е* около печката при майка си!» (Спас.); «Цонка погледна часовника си и каза: Минува десет часът. Сега *се е зафанало* венчаването в Княжево» (Ваз.); «По-далеч, оттатък зелените градини, се вижда дим, остро пищи свирката на локомотив. Токущо *е пристигнал* тренът» (Йовк.); «— Револвера кой е зел от стената? — Револвера? — Петров погледна из вратата.— Той ми се чини, че беше окачен одеве, — каза той зачуден. — *Земала* го *е* госпожица Георгиева, — каза Фотина, съвсем прибледняла» (Ваз.); «— Сетих се! — извика победоносно една от госпожиците Каневи, червенобуза девойка — *отпътували са* за Варна» (там же).

Форма типа *бил съм писал*, *бил е писал* употребляется в соответствии с плюсквамперфектом при выражении предположения относительно сло-

inslav

жившейся к фиксируемому моменту прошлого ситуации или при выражении прошедшего предполагаемого действия, представленного с точки зрения его актуальности для определенного момента в прошлом. Например: «Под влияние на тия мои приказки не знам как у мен *се е бил втълпил* един особен израз, който често ще да съм повтарял» (Влайк.); «Това аз го отдавам на неговия (Игната. — *Е. Д.*) житейски опит и донейде на старото му приятелство и общуване с Василев, който, може би някога, в по-младите си години, донасяйки тук социализма от града, *е бил почнал* с Игната *и свършил* печално само с него» (Велк.).

Форма *щял съм да пиша, щял е да пише* употребляется в соответствии с будущим в прошедшем временем при выражении предположения, что в фиксируемый момент прошлого субъекту предстояло осуществление действия. Например: «Нона... продължаваше да гледа фотографията... Както се виждаше, Манолаки и Антица бяха ходили на черква — черква се виждаше малко настрана — и бяха се снели с каруцата и с конете. Отпред стоеше дядо Христо, ...а отзад беше Манолаки, както си ходеше, с наметнато палто, с калпак. Долу на земята, както *е щяла да се качва*, стоеше Антица...» (Йовк.). Ср. также пример из романа «Под игом» И. Вазова (на заседании тайного общества получено письмо, в котором содержится сообщение о грозившей членам комитета опасности): «Виеше се и друга буря над главите ви тая вечер, но се пръсна. Благодарете на мене!»; «...— Види се, че ние му дължим повече от това, което знаем — забележи Ганчо Попов; — той споменува още за някаква буря — дали не *сме щели да бъдем* нападнати тука и уловени?.. Нали чухте, че Стефчов е бил в конака и негов човек ни е шпионирал, като влазяме?».

Примеры показывают, что существенным моментом в значении этих форм является указание на то, что говорящий, хотя и не являлся непосредственным свидетелем того, о чем он сообщает, высказывает тем не менее свое собственное мнение о действии, основанное на знании некоторых обстоятельств и выводимое путем умозаключения. В значении же пересказывательных форм, когда они употребляются при сообщении о факте, как это уже отмечалось и подтверждается нашим материалом (см. ниже), существенным является прежде всего указание на то, что о данном действии говорящий знает с чужих слов.

2. Как это уже неоднократно отмечалось [35] и подтверждается нашим материалом, в формах, употребленных с пересказывательным значением, вспомогательный глагол *съм* в 3-м лице обоих чисел (*е, са*) последовательно отсутствует. Это касается не только перечисленных выше, но и всех остальных пересказывательных форм, в частности форм типа *бил съм пишел, бил пишел; щял съм бил да пиша, щял бил да пише*. В отрицательных формах пересказывания для будущего времени, включающих в свой состав безличный глагол *нямало*, вспомогательный глагол отсутствует во всех лицах. Отдельные случаи сохранения вспомогательного глагола в 3-м лице при наличии пересказывания носят случайный характер и не могут поколебать общей закономерности [36]. Поэтому отсутствие

---

[35] См., например, Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 266.

[36] Приведем некоторые очевидные примеры употребления пересказывательных форм с сохранением вспомогательного глагола в 3-м лице: «...срещнахме една бабичка, носи два гълъба... Купих ги — казва... Момчето ми е болно, уплаши се, че щеше да го претъпче кон, та ми казаха да взема сърце от гълъб докато е още жив, и да му го дам да глътне. Ей боже, като почервеня онзи хаджи Петър, като кипна...— Ти—казва— каква си, не те ли е срам... Дай сам гълъбите... Бабата разтрепера, даде ги.— А като ти *е било* болно детето — каза хаджи Петър — нà ти пари да го цериш» (Йовк.). Здесь глагол-связка *е било* в составе сложного составного сказуемого выступает как пересказывательная форма настоящего времени при сообщении на основании высказывания другого лица (ср. сказуемое *е болно* в предыдущей фразе). Подобное понимание формы подтверждается контекстом — ребенок болен, когда происходит этот разговор, хаджи

inslav

вспомогательного глагола в 3-м лице обоих чисел можно рассматривать как морфологический признак пересказывательных форм.

Для форм со значением предполагаемого действия, напротив, обязательно присутствие в 3-м лице вспомогательного глагола. Таким образом, пересказывательные формы отделяются от форм предполагаемого действия также и наличием у каждой из этих групп форм самостоятельных формальных признаков. Не случайно некоторые исследователи (Б. Цонев, Н. Костов, Ст. Младенов, Дм. Попов — см. сноску на стр. 320) сохранение вспомогательного глагола в 3-м лице в формах типа *писал съм, писал е* считали средством выражения значения неопределенности, предположительности, в противоположность значению уверенности, положительности, имеющему место при пропуске вспомогательного глагола в 3-м лице данной формы при рассказе с чужих слов.

3. Пересказывательные формы и формы предполагаемого действия по своему значению объединяются с различными группами форм. В систему форм с пересказывательным значением помимо перечисленных входят формы типа *бил съм пишел, бил пишел; щял съм бил да пиша, щял бил да пише*. Исследователи отмечают также наличие специальных пересказывательных форм для простого условного наклонения [37]. Мы считаем, кроме того, возможным поставить вопрос о наличии особых пересказывательных форм, соответствующих повелительному наклонению (см. стр. 331—332).

В свою очередь, со значением предполагаемого действия, помимо перечисленных выше, могут употребляться также формы типа *ще пише, ще да пише; ще е писал, ще да е писал* [38]. Форма типа *ще пише, ще да пише* употребляется в соответствии с настоящим временем при выражении предположения относительно действия в настоящем. Например: «И трепна: чу стъпки. Той е, той *ще е*!» (Страш.); «Нима е жив лелиния Генин мъж, мамо? Пък аз, като рече ти, че е жена, помислих си, че тя *ще да е* вдовица, затова си са сами с баба Минчовица» (Влайк.); «Какво *ще да е* тая работа — си помислих аз. — Той добър, няма му нищо; и тя се смее и сякаш че е весела, а пък така се е смахнала и тъй ѝ са влетеле очите в главата! Тук *ще да има* нещо» (там же); «Болната запъпри клепачи. Той беше: той трябва да е — със своите малки остри очи. Видя ѝ се понапълнял: добре *ще* му *е* в живота. Навярно станал е фотограф: той гласеше това...» (Страш.).

Форма типа *ще е писал, ще да е писал* употребляется в соответствии с перфектом при выражении прошедшего предполагаемого действия, представленного с точки зрения его актуальности для настоящего момента, а также вообще при выражении предполагаемого действия. Увидев кружащихся над одним и тем же местом ворон, говорящий делает вывод: «Там има леш — каза той. И бърже си нарами чифтето, па тръгна. Ако не е някой удавен несретник — мислеше турчинът — добитък *ще да се е изтървал* от яра» (Страш.); «Навярно лицето му *ще да е било* твърде бледно и твърде измъчено, за да се яви това плахо състрадание в погледа ѝ» (Йовк.); «Навярно и животните, които са носили тия звънци, *ще да са били* по-други» (там же); «Помисли че както често се случва, жената *ще е станала* нещо около децата, но тъй като лампата не угасваше, той се

Петр дает деньги, чтобы его вылечить. Ср. также: «—Не съм чул вълк да е изял телето на някоя крава, скоро отелена,— каза Ерофим.— Туй не съм чувал, ала съм чувал, че смок *е смучел* млякото им. Увивал се около краката им, спъвал ги като с въже и бозаял» (Йовк.). Здесь сказуемое *е смучел*, как и сказуемые *увивал, спъвал, бозаял*, представляет собой форму пересказывательного настоящего времени, на что ясно указывает контекст — передается народное поверье о повадках ужей вообще.

[37] Ю. Трифонов. Указ. соч., стр. 191; Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 306; Н. Костов. Българска граматика, стр. 190.

[38] См. Л. Андрейчин. Основна българска граматика, стр. 244, 249.

inslav

приближи до прозореца и погледна» (там же); «Петров си изтри набързо с пешкиря и дойде при нея. — Няма ли ги? — Няма — отговори Цонка. — Ха, те *ще са отишле* на разходка, както и другите наши, — каза той, като гледа с влюбен поглед момата» (Ваз.); «Може да е слязъл право у кмета — каза Стаменко след няколко мислене. — Защо у кмета — попита Цонка зачудена. — Той ми каза, ако видя кмета, да му кажа, да го чака тая вечер в къщи, да не излазя никъде. *Ще да се улисали* в приказка, па е забравил да прати да ти обади» (там же).

Таким образом, можно говорить о наличии целой системы форм, служащих для выражения предполагаемого действия в соответствии почти со всеми основными временами изъявительного наклонения [39].

Принадлежность интересующих нас здесь пересказывательных форм и форм предполагаемого действия к различным по своему составу и по своему смысловому назначению системам форм служит, на наш взгляд, еще одним доказательством их грамматической самостоятельности.

Таким образом, у нас есть все основания для отделения перечисленных выше пересказывательных форм от форм со значением предполагаемого действия. Совпадение данных форм в 1-м и во 2-м лице обоих чисел следует рассматривать как случай частичной грамматической омонимии.

Пересказывательная форма *писал съм*, *писал* и перфект

Как отмечено выше, в болгарской грамматической науке уже давно возникла и в последнее время получила свое развитие точка зрения, согласно которой пересказывательная форма типа *писал съм*, *писал* отделяется от формы перфекта (*писал съм*, *писал е*, но и *писал съм*, *писал* [40]).

В качестве обоснования такого отделения обычно указывают на тот факт, что форма типа *писал съм*, *писал* (*е*) может выступать в составе двух парадигм: в составе непересказывательных форм со значением перфекта и в составе пересказывательных форм со значением пересказывательного аориста. При этом для перфекта есть свой пересказывательный эквива-

---

[39] В нашу задачу не входит детальное изучение значения и сферы употребления данных форм и выявление их места в общей системе болгарского глагола. Возможно, наличие этих форм следует рассматривать как тенденцию к созданию особого «предположительного» наклонения за счет переосмысления уже существующих языковых средств (ср. изменение темпорального значения перфекта, будущего и будущего предварительного времени при употреблении их в качестве форм предполагаемого действия). Решение этого вопроса может составить задачу самостоятельного исследования.

[40] Вспомогательный глагол в 3-м лице формы перфекта обычно опускается: а) при описании сложившейся к настоящему моменту ситуации для придания живости рассказу: «Нима не гледаш, как ходят децата? Обущата *се скъсали*, трябва подметки да им се турят» (Кюл.); «Трябваше да ми каже как да се обърна и да го изсипя, а тя — мълчи. Чакам, чувалът ще ме смаже, краката ми *се разтреперали*, ще ми се скъсат жилите—тя мълчи» (Йовк.); «А манастирът—манастир ли е? Ни коридор, ни чардаци. *Лепнало се* едно такова допотопно къщленце в полите на Стара-планина, *турили* му един кръст отгоре, а в двора едно клепало и — манастир» (Кюл.); б) при передаче действий, завершение которых в ближайшем будущем неизбежно должно привести к определенному результату: «А сега партизаните шетаха около него... а той стоеше чужд и неловък край тях и не знаеше какво да им каже, за да разберат, че е свой... «Току виж — *зървали* ме!» — помисли с тревожен срам възрастният човек» (Веж.); «Ако трепеш змия, трябва да ѝ смачкаш главата, иначе току виж — *обърнала се* и те *ухапала* за петата» (там же); «Да, да, добър е Господ: току вижте, Големанови *се озовали* пред Цариград!» (Страш.); в) в оборотах, выражающих пожелание: «Кучета ви *яли*! процеди през зъби той» (Гул.); «— Стига, *убил* ви Господ, чух! — пищи тя» (там же); г) в различных устойчивых словосочетаниях, пословицах, поговорках: «— Ти даван ли си под съд? .. *Пазил* ме Бог» (Конст.); «А нас ни чака работата сега... Дявол да ви вземе републиките!.. Още не *седнал* на магаре, *замахал* крака» (Ваз.); «—Ето какви простаци Варлаамовци са се наели да съсипят турското петстотингодишно царство! *Изпила* им кукувица ума!» (там же); «Женен *бил*, неженен *бил*, сѐ ще се мре, нали?» (там же); «Е, какво *било—минало*» (Е.-П.), «Каквото *търсил — намерил*!» (Веж.).

inslav

лент (форма типа *бил съм писал, бил писал*) [41]. Указывается также на наличие частичных формальных различий между перфектом и пересказывательным аористом, а именно на то, что в 3-м лице пересказывательной формы отсутствие вспомогательного глагола является обязательным, в то время как опущение вспомогательного глагола в 3-м лице формы перфекта встречается относительно редко и носит факультативный характер. По мнению Ю. С. Маслова, для признания грамматической самостоятельности формы достаточно того, чтобы различиям в грамматическом значении (различиям функции) соответствовали какие-то, пусть частичные (например, охватывающие лишь часть лексики), пусть даже в какой-то мере факультативные различия формального порядка, различия во внешних показателях грамматического значения. Поэтому возможность полного (во всех лицах обоих чисел) формального совпадения перфекта и пересказывательного аориста еще не может противоречить признанию их самостоятельными в грамматическом отношении формами [42]. Соглашаясь с этим, а также учитывая тот факт, что перфект и пересказывательный аорист по своему значению принадлежат к различным системам форм, мы считаем оправданным рассмотрение названных форм как грамматических омонимов.

Пересказывательные формы *писал съм, писал; пишел съм, пишел* и адмиратив

Как известно, форма типа *пишел съм, пишел* может употребляться не только с пересказывательным, но и с так называемым «адмиративным» значением при выражении факта из области настоящего, только что ставшего известным говорящему и неожиданного для него. Г. Вайганд, который первым обратил внимание на эту интересную особенность болгарского глагола [43], приводит, в частности, следующий пример употребления «адмиратива» в живом разговорном языке (в погожий день, выглянув в окно, говорящий неожиданно для себя обнаруживает, что идет дождь): «Ах, то *валяло*!» 'Оказывается, идет дождь!' . Как отмечает В. Бешевлиев, к употреблению формы «перфекта» вместо формы настоящего времени часто прибегают в тех случаях, когда хотят исправить прежнее неверное мнение о чем-либо в связи с неожиданно сделанным «открытием» [44].

Ср.: «Чухме — погинал си, пък ти *си бил* жив, лели!» (Е.-П.); «Но чудно нещо! Гриша не изглеждаше пиян. Добре се държеше, говореше свързано, ясно. „Гледай го, какъв *бил*!.. А пък аз го знаех за порядъчен човек. Какъв прикрит лицемер ...“» (Кюл.); «Димо (влиза облечен само с долна фланела, като се изтрива с кърпата): — А, извинявайте! Не знаех, че *имало* чужд човек!» (Вас.); «Той искаше да се нареди на работа в живота, който в неговата младежка чистота му се виждаше подобен на тая светла

[41] А. Теодоров-Балан. Неуспехът по българския език, стр. 519; L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe, стр. 55.

[42] Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения, стр. 312—313.

[43] G. Weigand. Der Admirativ im Bulgarischen. «Balkan-Archiv», I. Leipzig, 1925, стр., 150—152. О значении и природе адмиратива писали также Ст. Романски («Македонски преглед», година II, кн. 3. София, 1926, стр. 143—145) и В. Бешевлиев («Македонски преглед», година IV, кн. I. София, 1928, стр. 174—177) в своих рецензиях на статью Вайганда. См. также L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe, стр. 68; Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 335; Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения, стр. 314 и 316.

[44] Как Г. Вайганд и Ст. Романски, В. Бешевлиев отождествляет с перфектом все формы глагола, образованные с использованием причастия на *-л* и настоящего времени вспомогательного глагола *съм*.

inslav

просторна лаборатория, дето владее тишина... Но ето, че животът *бил* друга лаборатория, нечиста, неприветлива, неуредена» (Е.-П.); «Е, какво ли ще е искал тоя княз? — попита тате. — Разбрах, ама късно, и то след като другите братушки ми изядоха цяла свиня. „Катлети“ *значело* пържоли» (Бел.); «Дяволът почна да се смее, колкото може, и да трие подмръзналите си ръце. На душата хареса това. — Виж, какъв симпатичен господин *бил* това Дяволът, — помисли си тя...» (Е.-П.).

С адмиративным значением может употребляться также форма типа *писал съм*, *писал*, отличающаяся от обычного перфекта констатации факта (как мы уже отмечали, часто употребляющегося без вспомогательного глагола в 3-м лице обоих чисел) своим эмоционально-экспрессивным оттенком неожиданности, удивления.

Ср. «Натисках дръжката и вратата се отвори. Стаята празна. *Заминали*» (Конст.); «На пръста му се показа струйка кръв. — Кръв! — извика Вера. — Че той много ви *ухапал*» (Йовк.); «Коларят напоява конете, после поглежда в колата, спира се за миг и казва равнодушно: „Гледай, гледай. Той *умрял*“» (Л. Стоян.); «— Стреляй, бай Митьоо! — викам колкото ми глас държи. Митю го няма. Поизвърнах се аз така, както лежах, кога гледам — що да видя: *качил се* моят мечкар на едно дърво — хее, там далече на двесте крачки и ми вика нещо» (Кюл.); «Обръщам се към бай Ганя... Боже! Какво виждам! Бай Ганю *се съблякъл* по ръкави и си *разкопчал* жилетката, която го стяга... един от служителите на театъра го хванал с два пръста за ръкава и му прави с глава недвусмислени знакове да поизлезе вън; бай Ганю *се облещил* насреща му и му отговаря също със знакове...» (Конст.); «След малко Чудото се върна безмълвен и прибледнял. Като се надвеси над ухото на Златан, той каза глухо: Сами сме... Пехотата *офейкала*!..» (Веж.); «— Чухте ли новината? — извика Марк Аврелий... — Каква новина? — обадихме се всички. Бай Ганю *се върнал* от Европа!.. аз го видях, говорих с него...» (Конст.).

Некоторые исследователи указывают на возможность употребления с адмиративным значением и других форм. Так, Г. Вайганд считает, что с адмиративным значением может употребляться «das doppelt zusammengesetzte Perfekt»: «Ти си бил много напреднал!»; «Той бил се твърде много изменил!» Подлинные текстовые примеры такого употребления с достаточно широким, исключающим возможность двоякого истолкования, контекстом им не приводятся. Приведенный в статье Ю. С. Маслова пример употребления данной формы с «адмиративным» значением у Михалаки Георгиева — «Като не знаех отначало причината на това зло настроение на бае Гета, аз го отдадох на влиянието на петдесетника, що прехвърли тази сутрин, но попосле видях, че *съм се бил лъгал*», — не представляется нам несомненным. Нам кажется, что форма *съм се бил лъгал* выражает здесь предполагаемое действие ('позже я увидел, что, по-видимому, ошибался', а не' увидел, что, оказывается, я ошибался'). Такое понимание поддерживается общим контекстом высказывания, представляющего собой сообщение о различных предположениях говорящего. В работе Л. Андрейчина «Kategorie znaczeniowe konjugacji bułgarskiej» говорится об адмиративном употреблении формы типа *щял съм да пиша*, *щял да пише*, а также форм эмфатического пересказывания, но примеры из текстов на такое употребление также отсутствуют. Поскольку достоверных примеров употребления этих форм с адмиративным значением нам также не встретилось, мы считаем возможным говорить об адмиративном употреблении лишь для форм типа *пишел съм*, *пишел*; *писал съм*, *писал*.

При употреблении указанных форм с адмиративным значением вспомогательный глагол в 3-м лице обоих чисел последовательно опускается, как это имеет место и при употреблении аналогичных форм с пересказы-

inslav

вательным значением, поэтому говорить о каком-либо различии в формальных показателях данных значений нет оснований. Исходя из полного тождества средств выражения пересказывательного и адмиративного значений, Ю. С. Маслов (см. указ. соч.) включает употребление форм с адмиративным значением в пересказывательное наклонение. Пересказывательные формы типа *пишел*, *писал*, *бил писал*, *да пишел*, по его мнению, могут иметь два значения: пересказывательное и непересказывательное, адмиративное.

Такое решение вопроса, хотя и обусловленное стремлением при разграничении грамматических категорий последовательно исходить из наличия внешних показателей значения, не представляется нам достаточно убедительным. Вызывают возражение уже термины «пересказывательное первое», «пересказывательное второе» и под. по отношению к формам, которые могут иметь как пересказывательное, так и непересказывательное значение. Встает вопрос, почему не наоборот: адмиративные формы с пересказывательным значением. Ведь совершенно не доказано, что формы с адмиративным значением по своему происхождению являются переосмыслением пересказывательных форм. Если даже исходить из правомерности объединения пересказывательного и адмиративного значений в рамках единой категории, то и в таком случае более уместными оказались бы термины «пересказывательно-адмиративное первое» и под. И вообще нам кажется неоправданным включение в рамки одной категории как случаев употребления формы, когда она обладает определяющими признаками данной категории, так и случаев, когда она этими признаками не обладает. Так, с нашей точки зрения, например, было бы неправомерным включать в категорию повелительного наклонения русского глагола случаи употребления форм типа «возьми» со значением прошедшего мгновенно-произвольного действия (ср., например: «А он возьми, да и скажи») именно потому, что они по своему значению не обладают признаками данной категории, хотя внешне полностью совпадают с одной из форм данной категории. На этом же основании мы рассматриваем формы типа *пишел съм*, *пишел*; *писал съм*, *писал* с адмиративным значением как омонимические по отношению к обладающим признаками иной категории, но внешне сходным с ними пересказывательным формам.

Формы адмиратива по своему значению и по своим смысловым связям занимают своеобразное место в общей системе глагольных форм. Для их употребления безразлично, является ли действие, неожиданно ставшее известным говорящему, таким, о котором он узнал из непосредственного опыта, или с чужих слов, или путем умозаключения. Говорящему важно выразить не это. Выбрав форму адмиратива, он передает лишь свое эмоциональное восприятие неожиданно «открытого» им факта. Это хорошо видно из следующих примеров: «Подпоручикът погледна часовника си и възкликна: „Я гледай, то *било* вече обед!“» (Веж.); «...— Нали и папá е търговец — на спирт. А пък спирт *се правел* от царевица и картофи. Представете си — чак сега научих това» (Спас.); «Едва тогава усещам мокрота вътре в крака — ботушът е нагизнал в кръв. Един момент на загубено съзнание — помня го; ето значи де *била* причината...» (Л. Стоян.).

Факт, о котором сообщается в первом примере, как это можно определить на основании общего контекста, стал известен говорящему непосредственно, во втором — с чужих слов, в третьем — путем умозаключения. Употребление же форм адмиратива независимо от этого во всех трех примерах вызвано общей причиной — стремлением подчеркнуть неожиданность для говорящего только что ставшего ему известным факта.

Своеобразие значения адмиративных форм, тот факт, что система адмиратива по своему составу не может быть приравнена к системе

inslav

пересказывательных форм, позволяют говорить об адмиративе как о самостоятельном явлении. В то же время мы согласны с Л. Андрейчиным в том, что «было бы преувеличением» считать адмиратив особым наклонением, ибо формы с адмиративным значением «выражают только определенное внешнее отношение говорящего лица к действию» [45]. По нашему мнению, адмиратив следует рассматривать как особую по своему значению и по некоторым формальным признакам (мы имеем в виду последовательное отсутствие вспомогательного глагола *е*, *са* в формах адмиратива) группу форм, примыкающую к изъявительному наклонению.

Итак, пересказывательные формы, объединяемые наличием у них общего значения и общего морфологического признака (отсутствие в 3-м лице обоих чисел вспомогательного глагола), могут рассматриваться как самостоятельная система форм и в качестве таковых являются объектом нашего исследования.

СОСТАВ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ

Вопрос о составе форм, выступающих с пересказывательным значением, до сих пор является предметом обсуждения[46].

Прежде всего вызывает сомнение практическое наличие в языке некоторых отмеченных грамматистами форм, в частности форм типа *щял съм да съм писал*, *щял съм да бъда писал*, *щял съм бил да съм писал*, *щял съм бил да бъда писал*, *ще съм бъдел писал*. Поскольку существование подобных форм не подтверждается реальными текстовыми примерами, Ю. С. Маслов предлагает не включать их в систему пересказывательных форм, хотя бы это требовалось логикой данной системы [47]. В обследованных нами текстах употребление данных форм не отмечено.

Не встретилось нам и употребление пересказывательных форм для простого условного наклонения типа *ядвал съм*, *ядвал*, на наличие которых в болгарском языке указывали Ю. Трифонов, Л. Андрейчин и Н. Костов. У Андрейчина приведены также и формы «усиленного» пересказывания для простого условного наклонения типа *ядвал съм бил*, *ядвал бил*[48]. К сожалению, подлинные текстовые примеры употребления этих форм никем из названных авторов не приводятся. Следует заметить, что вопрос о практическом наличии этих пересказывательных форм нельзя решить без привлечения к исследованию живого разговорного языка, которому наиболее свойственны формы простого условного.

В некоторых работах последнего времени содержится попытка рассмотрения сочетания служебной частицы *да* с формой настоящего времени глагола в болгарском языке как формы особого наклонения — конъюнктива[49]. Приводятся и пересказывательные эквиваленты конъюнк-

---

[45] L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe, стр. 68.

[46] См. Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения.

[47] Там же, стр. 312.

[48] См. сноску 37 на стр. 323.

[49] Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения в болгарском языке, стр. 318; его же. Очерк грамматики болгарского языка, стр. 260—262. Мы не беремся здесь решать, насколько правомерна такая точка зрения. Нам хотелось бы лишь заметить, что значение и функции сочетания с *да* являются весьма неоднородными. *Да* в составе этого сочетания (а также в сочетаниях с другими временными формами) может выступать как в качестве модальной частицы,

inslav

тива — «пересказывательный конъюнктив I» типа *да съм пишел, да пишел* и «пересказывательный конъюнктив II» типа *да съм бил пишел, да бил пишел* [50]. Это обязывает нас рассмотреть материал с точки зрения возможностей замены формы настоящего времени в составе сочетания с *да* ее пересказывательным эквивалентом.

Следует заметить, что форма настоящего времени может «пересказываться» не во всех случаях употребления в сочетании с *да*. Прежде всего это сочетание, естественно, не может быть замещено пересказывательным эквивалентом во всех тех случаях, когда оно не входит в состав сказуемого, а функционирует в качестве других членов предложения, например в качестве подлежащего. Кроме того, настоящее время не может быть замещено пересказывательной формой, если данное сочетание, подобно инфинитиву других славянских языков, входит в состав сложного глагольного сказуемого. При необходимости выразить значение пересказывания употребляется пересказывательная форма от глагола, представляющего изменяемую часть составного сказуемого. Например: «Класикът не беше съгласен: интелигенцията *не бивало да се хвърля* в огъня; *трябвало да* ѝ *поверят* тилова служба» (Страш.); «Почнах да чувам от хората в селото, че тя *не искала да остане* при мен, че не ме обичала, че щяла да ме напусне. Най-после и на мен ми каза, че *не можела да остане* да живеем повече» («Жената днес»); «Навсякъде, дето са минавали, превръщали всичко на прах и пепел с огън и меч, опожарявали, убивали, грабили. Освен това тия разбойнички орди обсадили и *започнали да нападат* и градове...» (Л. Стоян.); «Писателят все седял и все писал... Само когато вече съвсем се уморявал, той *преставал да пише*» (Е.-П.); «Той им разказа покъртен как се заблудил в дола, как дирил напразно отряда, как... той *решил да умре* геройски и с гол нож се хвърлил въз сърбите в селото...» (Ваз.); «Казват, че *обичал да посръбва*, особено напоследък се пропил, уж от яд и отчаяние» (Л. Стоян.).

Пересказывательный эквивалент сочетание *да + настоящее время* имеет в следующих случаях.

1) Когда *да* выступает в функции союза придаточного предложения цели, в частности в сочетании с *за*. Например: «Тук бяха нахлули тълпа студенти, водени от посивял професор: ще се запишат войници, но искат предварително да им се отпусне музика, *да демонстрирали* из града» (Страш.); «Когато началникът на гарнизона се съгласи да изпрати няколко фургона с войнишки хляб към крайните квартали — *за да се избегнели* демонстрации, които можело да вземат политически характер, — той

например, при выражении повеления или желания: «ти *да мълчиш*!», «*да живее*!», так и в качестве союза, например, в качестве союза, присоединяющего придаточное предложение цели: «Аз трябва да те махна от света, *да* ме не срамиш пред хората» (Карав.). Специфичны функции *да* в составе придаточного предложения косвенной речи, а также в случаях, когда сочетание *да + настоящее время* по своей синтаксической функции соответствует инфинитиву других славянских языков. Рассматривая *да* как союз, А. Теодоров-Балан выступал на этом основании против выделения в болгарском языке сослагательного наклонения —конъюнктива («Състояние на българската граматика», стр. 114). Нам кажется, что, во всяком случае, вопрос о возможности рассмотрения сочетания *да + настоящее время* как формы конъюнктива может быть решен лишь в итоге специального всестороннего исследования употребления сочетания *да* с глагольной формой, которое до сих пор не было осуществлено.

[50] Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения, стр. 317—318. Обе формы представлены в следующем приведенном в статье примере: «... в последно време излезе една нова мода, чуждите думи и имена *да сме ги били пишели* (пересказывательный конъюнктив II.— *Е. Д.*) тъй, както се били уж изговаряли, напр. да не пишем министр, а да пишем министър, да не пишем ансамбл, а да пишем ансамбъл, да не пишем Бокл, а *да сме пишели* Бокъл (пересказывательный конъюнктив I.— *Е. Д.*)—защото това било уж по-свойствено на българския език» (Конст.).

inslav

постави изрично условие, хлябът се дава на заем...» (Спас.); «...той напросто си присвои цялата книга, като я преиначи колкото може по свой личен език под извет, *да бъдела* подостъпна на неговите ученици» («Сб. в чест на А. Теодоров-Балан», 1955); «Навярно станал е фотограф: той гласеше това — *за да бъдел* независим» (Страш.); «... — Това са приходите ви. По нареждане на господин Коен пресмятам нарочно във ваши пари, *за да сте* си *правели* по-лесно сметката — каза той» (Спас.).

2) Когда *да* выступает в функции модальной частицы и в сочетании с формой настоящего времени употребляется для выражения возможного действия. Например: «Планът на стария е бил изработен и до най-малките подробности. Докато наемателите *да разберели* каква е работата, житото щяло да бъде продадено!» (Карасл.).

3) Когда сочетание *да* + *настоящее время* выступает в качестве сказуемого в придаточном предложении косвенной речи или в предложении, поясняющем глагол типа *искам*. В последнем случае обязательно отсутствие согласования по лицу между глаголом *искам* и формой настоящего времени в составе сочетания с *да*. Например: «Какво каза ли? — усмихна се Йови и се залови да обяснява на деда Пея. — Каза *да сме отидели* таз нощ в Сърнено. Там щели да додат и от други села» (Йовк.); «— Колко лесно може да пропадне едно момиче сега — заговори учителката. — Още в трена почна — ето този — да ме придумва, *да съм идела* с него в Търново: имал там имоти и стара майка, та щял да я пита, и можело да се венчеем, ха-ха!» (Страш.); «Това лято ми се замоли *да съм я пуснел* да иде да жъне. Сиромаси сме, нуждаем се, ама като я гледах такава слабичка, болнава, не ми се пущаше. Моля ти се, тейко, пусни ме, и аз искам да ида с момичетата» (Йовк.); «Но когато баща му поиска *да останел* една година на практика при позната виенска търговска къща — синът отказа...» (Спас.); «Вижте, агалар, какво иска тоя непрокопсан син на исляма: *да* му *закарал* пашата двеста товара жито, че тогава щял да говори!» (Л. Стоян.). Сюда же, по-видимому, следует отнести приведенный выше пример из статьи Ю. С. Маслова. Роль *да* в этих примерах можно толковать двояко: с одной стороны, *да* выступает в качестве связующего звена между главным и придаточным предложениями, а с другой — *да* служит средством указания на значение побуждения к действию, выражаемое сказуемым придаточного предложения.

4) Когда сочетание модальной частицы *да* с формой настоящего времени употреблено в независимом предложении при изложении чужого высказывания, содержащего побуждение к действию. Например: «И каква ще да е тази болест, дето я е измислило нашето докторче — това да не яде, онова да не яде, това да пие, онова да не пие!.. И здрав — прав човек *да лежал* на сянка, и много — много *да* не *се мърдал*, *да* си *живеел* в отделна стая, чиста, хигиенична... Не, не му хващам дип вяра аз, не знам дали има такава царска болест по света...» (Карасл.). Из этого примера хорошо видно, что сочетания типа *да пие* и *да лежал* разными средствами воспроизводят одно и то же значение побуждения к действию.

Ср. также: «Това им беше първият разговор. Тогава Василев скочи и наруга Стилияна — *да се* не *грижел* той за селото, ами *да* си *уредял* къщата, че на халос е ял солдашкия хляб, като храни сега такава жена» (Страш.); «— А, ходих и порано, до нашия си доктор го водих, до общинския, но... разправя едни работи дето не са за нас... — Какви работи? — Туй *да ядяло*, онуй *да ядяло*, *да лежало* на едно място...» (Карасл.); «Приказките на Фиката бяха ясни и разбрани. Казакът обичаше да го слуша. Но защо сега нещо му беше тъмно и чоглаво? *Да оставел* Деяна, *да оставел* този, който пет години с лъжи и измами смука кръвта му... *Да се борели*... Но с кого? И как?» (там же); «И той реши да си послужи с хитрост... той обеща,

inslav

каза на Кантонера, че разрешава събранието да се направи в салона, но нямало ключа! Не знаели къде е, бил в еди кого си, той го предал на друг, *да намерели* ключа» (Даск.); «Тогава господин Калеф, преди за излезе, се ухилваше, казваше, че бил свободен да отиде при когото иска, но *да знаел*, че такива условия като при тяхната фирма нямало никъде да намери» (Спас.); «...— Лелини ти Кинини снахи питаха вчера... Защо, викат, не намине към нас... Петковица иска да си плете като твоето фигаро, та *да* ѝ *си покажела*. — Ами да ида, да ѝ покажа» (Карасл.); «И сега, за да залъжат селото, рекли — *да* си *земели* селяните на сила чифлика» (Страш.); «Но още на часа му досвидяло: напълнил само една стъклена кана и нея изпратил. Но пак със заръки-поръки: за пости *да* го *пазели*, само по едно грозденце *да ядели*...» (Страш.).

В аналогичных условиях контекста при воспроизведении побуждения к действию может употребляться также сочетание модальных частиц *нека*, *нека да* с пересказывательной формой настоящего времени. Возможность употребления пересказывательной формы в сочетании с частицами *нека*, *нека да* в литературе еще не отмечалась. Например: «Но Бена настоя: паднал ѝ се случай да погледа столичния свят, та *нека бъдел* там и Раданов с жена си: искала да ги види заедно» (Страш.); «Касева съобщаваше, че тръгва веднага — *нека обадели* това на Добри, ако трябвало и можело» (там же); «...Димитър беше приседнал между две маси и разправяше на съселяните си, че в града дружбата била решила да тръгне подир Томов и че настоявали и тяхната дружба в село да вземе същото решение... Имало време до изборите, разправяше Димитър, но *нека да знаели*: — в града са вече с Томов» (Спас.); «А кесиджият от моста пущаше приказки. Болярево има много мера, та *нека* му *дадели* под село място за ниви и ливади, че тогава *нека да видели* турските хаймани — дали ще може край Болярево птичка да прехвръкне» (Страш.); «Разсилният въртеше очи без да го погледне. Той ще извърши каквото е обещал. Само — човекът е вече говорил в легацията, затова *нека* г-н лекарят *да идел*, ако може, още сега...» (там же).

Таковы основные случаи употребления сочетания *да* + *пересказывательная форма настоящего времени*. Вопрос о том, встречаемся ли мы здесь с формой пересказывательного конъюнктива, а если да, то всегда ли, может быть решен лишь при наличии принципиальной договоренности относительно конъюнктива вообще. Приведенный здесь материал должен способствовать решению этого вопроса.

Нам хотелось бы подробнее остановиться на последнем из отмеченных выше случаев, когда сочетание модальных частиц *да*, *нека*, *нека да* с пересказывательной формой настоящего времени замещает в пересказывательном контексте формы повелительного наклонения прямого высказывания.

Наблюдение над употреблением этих сочетаний в качестве сказуемого независимого предложения при выражении воспроизводимого говорящим побуждения к действию ставит перед исследователем вопрос, правомерно ли рассматривать эти сочетания как пересказывательный эквивалент повелительного наклонения, как особые пересказывательные формы повелительного наклонения.

Нам представляется возможным ответить на этот вопрос положительно. В интересующих нас примерах значение побуждения к действию и одновременно указание на то, что говорящий не выступает при этом как лицо, которому принадлежит данное волеизъявление, передается не описательным способом, а с помощью самого употребления сочетаний типа *да съм пишел*, *да си пишел*, *да пишел*, *да сме пишели*, *да сте пишели*, *да пишели*, *нека пишел*, *нека пишели*, *нека да пишел*, *нека да пишели* в качестве

inslav

сказуемого независимого предложения. Отдельные члены в составе каждого из этих сочетаний утрачивают свою самостоятельность, сочетание в целом выступает как устойчивое образование, обладающее определенным значением. Оно последовательно употребляется при необходимости выразить средствами пересказывания повелительную модальность. Все это, как нам кажется, дает основание рассматривать названные сочетания как аналитические, образованные с использованием модальных частиц пересказывательные формы повелительного наклонения.

В целом наш материал позволяет говорить о наличии следующих пересказывательных форм. В корреляции с непересказывательными формами изъявительного наклонения употребляются пересказывательные формы типа *пишел съм*, *пишел*; *писал съм*, *писал*; *бил съм писал*, *бил писал*; *щял съм да пиша*, *щял да пише* (возможен другой вариант данной формы — *ще съм пишел*, *ще пишел*); *бил съм пишел*, *бил пишел*; *щял съм бил да пиша*, *щял бил да пише*.

В корреляции с непересказывательными формами повелительного наклонения употребляются пересказывательные формы типа *да съм пишел*, *да си пишел*, *да пишел*; *нека пишел*; *нека да пишел*.

В своих дальнейших выводах мы в известной степени учитываем также отмеченную Ю. Трифоновым, Л. Андрейчиным и Н. Костовым возможность корреляции пересказывательных форм типа *ядвал съм*, *ядвал*; *бил съм ядвал*, *бил ядвал* с непересказывательными формами простого условного наклонения [51], однако отсутствие в нашем материале текстовых примеров не позволяет нам включить эти формы в систему пересказывательных форм. Имеем в виду мы также и тот факт, что если будет доказана правомерность рассмотрения сочетания настоящего времени с *да* как формы болгарского конъюнктива, то и для этого наклонения можно будет говорить о наличии корреляции с пересказывательными формами. При данном состоянии изучения этого вопроса мы не находим возможным включить так называемый пересказывательный конъюнктив в систему пересказывательных форм современного болгарского литературного языка.

Большинство пересказывательных форм может быть образовано от глаголов обоих видов. Практически нам не встретилось лишь употребление пересказывательных форм типа *ще съм пишел* от глаголов несовершенного вида, а также употребление форм типа *бил съм пишел* от глаголов совершенного вида.

С точки зрения выражаемого ими значения пересказывательные формы разделяются на две группы: на формы «обычного пересказывания» и на формы «эмфатического», или «усиленного», пересказывания [52]. Каждая из этих групп обладает особыми средствами для выражения аналогичных временны́х значений. В рассмотренном нами материале в качестве форм обычного, неэмфатического пересказывания выступают формы типа *пишел съм*, *пишел*; *писал съм*, *писал*; *щял съм да пиша*, *щял да пише* (*ще съм пишел*, *ще пишел*), а также пересказывательные формы для повелительного наклонения. В качестве форм эмфатического пересказывания — формы типа *бил съм пишел*, *бил пишел*; *щял съм бил да пиша*, *щял бил да пише*. Форма типа *бил съм писал*, *бил писал* может выступать и в качестве формы обычного пересказывания (тогда ее временно́е значение оказывается соответствующим, как увидим ниже, непересказывательным

---

[51] Формы сложного условного наклонения в пересказывательном контексте остаются без изменения. Ср.: «Всяка майка треперела при мисълта, че нейното чадо *би се помамило* от славата на велик подвиг. Момците мислели и въздишали» (*Е. - П*).

[52] См. L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe, стр. 56; его же. Основна българска граматика, § 284.

inslav

перфекту и плюсквамперфекту), и в качестве формы эмфатического пересказывания (тогда ее временно́е значение соответствует пересказывательному аористу).

ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ

Определение «пересказывательного» значения

Исследуемые в данной работе формы объединяются общим для них пересказывательным значением. Этот «ясный для каждого болгарина смысловой оттенок»[53] не получил, однако, в болгарской, да и не только в болгарской лингвистике достаточно четкого и общепринятого определения. Прежде всего бросается в глаза, что многие авторы, пытаясь определить это значение, в действительности подменяют его более или менее полной характеристикой наиболее распространенных случаев употребления пересказывательных форм. Так, в статье М. Иванова говорится, что эти формы употребляются в тех случаях, когда говорящий не был очевидцем действия, о котором сообщает [54]; в статье Ю. Трифонова — что к ним прибегают в тех случаях, «когда говорящий хочет подчеркнуть, что действие, о котором он сообщает, не является его личным наблюдением, что он не является его личным свидетелем, а передает его по слуху, а если он и был личным свидетелем, то не обратил на него должного внимания, забыл о нем и рассказывает о нем с чужих слов»[55]. Такого рода подмена определения значения описанием случаев употребления встречается до сих пор. Вот что, например, говорится о значении пересказывательных форм в школьной грамматике 1955 г.: «Когда мы сообщаем о действиях, о которых слышали от других лиц или где-нибудь о них читали, мы пользуемся другими формами соответствующих глагольных времен, напр.: *той дошъл* (вм. *дойде*), *попитал* (вм. *попита*), *донесъл* (вм. *донесе*), *казал* (вм. *каза*), *чел* (вм. *чете*), *четял* (вм. *четеше*), *бил чел* (вм. *беше чел*), *щял да говори* (вм. *ще говори* или *щеше да говори*) и пр. Эти формы глагольных времен мы называем пересказывательными временами. Они представляют особое наклонение нашего языка — пересказывательное наклонение»[56].

Это приводит к тому, что многие авторы в своих конечных выводах о значении интересующих нас форм опираются на какой-либо из частных случаев их употребления и фактически выдают частное значение этих форм, т. е. значение, проявляющееся в конкретном контексте, за общее значение данной грамматической категории.

Так, например, языковеды, рассматривающие эти формы как проявление категории неопределенности, считали, что главное в значении этих форм — указание на то, что говорящий не был очевидцем действия, о котором идет речь. Между тем известно, что пересказывательные формы могут употребляться и в тех случаях, когда говорящий был очевидцем действия, если при этом выделяется что-то, сказанное о действии другим лицом [57]. Л. Андрейчин в «Грамматике болгарского языка» вынужден рассматривать этот факт в разделе об особых случаях употребления пересказывательных времен (§ 311) опять-таки потому, что при определении

---

[53] Л. Андрейчин, Ст. Стойков, К. Попов. Български език, стр. 75.

[54] М. Иванов. По история на нашата граматическа терминология, стр. 185.

[55] Ю. Трифонов. Указ. соч., стр. 165—166.

[56] Л. Андрейчин, Ст. Стойков. К. Попов. Български език, стр. 72.

[57] L. Andrejczin. Kategorie znaczeniowe, стр. 66, 67; его же. Основна българска граматика, стр. 290.

inslav

общего значения этих форм он опирался на частный случай их употребления при выражении действия, очевидцем которого говорящий не был; см. § 281 грамматики Андрейчина, где дается «основное определение» значения пересказывательных форм: «Формы пересказывания глагольных форм служат для передачи действия, о котором мы говорим со слов другого лица и *очевидцами которого не были*» (курсив наш. — *Е. Д.*).

Чтобы избежать указанной ошибки, мы стремимся дать по возможности наиболее полное описание всех случаев употребления пересказывательных форм, пытаясь в каждом конкретном случае выявить тот оттенок мысли о действии, который вносит в предложение употребление пересказывательной формы в противоположность непересказывательной. Это должно в итоге позволить нам выявить существенные, коррелятивные признаки пересказывательного значения, как охватывающего и объясняющего все случаи употребления пересказывательных форм.

Поскольку в нашу задачу входит выявление признаков пересказывательного значения как общего для всех пересказывательных форм, свой анализ мы строим не на описании употребления отдельных форм, а на выделении и описании круга частных значений, присущих целым группам пересказывательных форм.

Употребление обычных и эмфатических пересказывательных форм мы рассматриваем отдельно, поскольку, несмотря на наличие общего признака в значении, эти две группы форм существенно различаются между собой.

Перейдем к описанию употребления обычных пересказывательных форм (в дальнейшем изложении мы опускаем определение «обычные» и называем эти формы просто пересказывательными формами), а именно форм типа *пишел съм*, *пишел*; *писал съм*, *писал*; *бил съм писал*, *бил писал*; *щ ял съм да пиша*, *щял да пише* (*ще съм пишел*, *ще пишел*); *да съм пишел*, *д а пишел*; *нека пишел*, *нека да пишел*.

Обычные пересказывательные формы

При описании употребления пересказывательных форм мы основываемся на следующем понимании терминов «частное значение» и «функция». Частное значение пересказывательной формы как отмеченного члена корреляции может быть установлено путем анализа причин, обусловивших в данном конкретном случае употребления выбор именно пересказывательной формы в противоположность непересказывательной, т. е. путем выявления того оттенка мысли о действии, который вносит в предложение пересказывательная форма. Иными словами, частное значение пересказывательной формы — это тот существенный коррелятивный признак, благодаря наличию которого пересказывательная форма в данном конкретном случае употребления противопоставляется непересказывательной форме.

Способность пересказывательных форм выражать данное частное значение может использоваться говорящим с различными целями. О различных случаях употребления пересказывательных форм с той или иной конечной целевой направленностью мы говорим как о функциях пересказывательных форм. Функция пересказывательной формы раскрывается в итоге анализа содержания конкретного высказывания или отрывка текста. Каждая из функций пересказывательных форм охватывается и объясняется данным частным значением. Таким образом, частное значение формы включает в себя признак, общий для ряда сходных случаев употребления пересказывательных форм.

inslav

В нашем описании мы принимаем во внимание как случаи, когда значение пересказывательной формы не осложнено дополнительными модальными оттенками, привносимыми особой интонацией высказывания или употреблением в составе предложения особых модальных слов и выражений, так и случаи употребления пересказывательных форм с дополнительными модальными оттенками значения. При анализе последних мы всегда стремимся отметить, какие условия определили наличие этих дополнительных оттенков значения.

Анализ употребления пересказывательных форм позволяет выделить следующие частные значения.

I. Пересказывательные формы представляют действие как такое, о котором говорящий узнал опосредствованно, с чужих слов. Этим они противопоставляются непересказывательным формам, которые или вообще не указывают на источник знания о действии или обозначают действие, как воспринятое говорящим непосредственно.

Пересказывательные формы с данным значением употребляются в контекстах, представляющих собой по содержанию сообщение о факте, который говорящий считает неизвестным собеседнику. Целью говорящего при этом является ознакомление собеседника с данным фактом. Например: «Горският пак не дойде... Вместо него дойде старият дядо Мартин. — Пак ли ти, дядо Мартине? Ами другият? — попита зачудено и с трепет Иглика. — Той си отиде във Варненско... Преместиха го там. Жена му *била* болна. А ти как си? — запита добродушният дядо Мартин» (Е.-П.).

В приведенном диалоге сказуемое *била болна*, в состав которого входит пересказывательная форма, указывает на то, что о данном действии говорящий знает опосредствованно, с чужих слов. В противоположность этому непересказывательные формы *отиде*, *преместиха* означают действие, о котором говорящий осведомлен непосредственно.

Однако, хотя бóльшую часть знаний мы заимствуем из чужого опыта (часто даже не помня об источнике наших знаний), далеко не во всех случаях, сообщая о факте, ставшем ему известным с чужих слов, говорящий специально указывает на это обстоятельство.

Когда же возникает необходимость в таком специальном указании на то, что источником знания о факте являются полученные от другого лица сведения, а следовательно, и в употреблении в качестве сказуемого предложения пересказывательных форм?

Этот вопрос является чрезвычайно сложным. Выбор между возможностью указать на источник знания о факте (с помощью разграничения пересказывательных и в противоположность им непересказывательных форм) или оставить эту мысль невыраженной (употребление непересказывательных форм в условиях, при которых допустимо употребление и пересказывательных форм) зависит от конкретного задания речи, от того, какой факт сообщается, из какой он области, в каком хронологическом отношении к моменту сообщения о нем он находится, насколько широко известным он является и в связи с этим насколько ответственным для говорящего является утверждение о нем. Все это решается говорящим применительно к каждому конкретному случаю сообщения о факте. И тем не менее можно отметить некоторые общие закономерности употребления пересказывательных форм при сообщении о факте как о таком, который стал известен говорящему с чужих слов.

Так, употребление пересказывательных форм является обязательным при рассказе о конкретном происшествии в недавнем прошлом, о «событиях дня», если говорящий сам не был очевидцем того, о чем он рассказывает, и знает об этом лишь с чужих слов, на основании полученных от кого-то сведений. Это позволяет говорящему определить свою роль по

inslav

отношению к сообщаемому и служит своего рода средством конкретизации сообщения о событии и о том месте, которое занимает говорящий как лицо, узнавшее о событии лишь опосредствованно. Например: «—Имам още двама братя. Единият е шестнайсетгодишен, другият — тринайсет. Малкият засега разнася само позиви, а по-големият е член на младежкото ни дружество и работи добре. На изборния ден *се дигнал* сам, още в три часа сутринта, да разлепя афиши и карикатури. Но го *хванали* някакви шайкаджии и така го *напердашили*, че два дни не можа да си мръдне врата...» (Карасл.); «—Дадох си показанията и аз.— Добро момче е, що да си кривя душата! *Работило* му на оня изедник, и накрая не му *платил*. Колко пъти ще ви разправям!» (Даск.); «—Станое, проклетникът *бил запалил* кръстците ми, той сам се изказа» (Ваз.).

Рассмотрим первый из приведенных примеров. Употребив в качестве сказуемого пересказывательные формы *се дигнал*, *хванали*, *напердашили*, говорящий тем самым дает понять собеседнику, что сам он участия в данном происшествии не принимал, не присутствовал при том, как схватили его брата и т. д. Употребление пересказывательных форм является здесь обязательным в том смысле, что если бы говорящий употребил вместо них непересказывательные формы, собеседник был бы ложно информирован, у него сложилось бы мнение, что говорящий и сам принял участие в описываемом мероприятии или оказался его очевидцем. Сказуемое *не можа да си мръдне*, в состав которого входит непересказывательная форма, не содержит в своем значении указания на источник знания о факте.

То же и в последующих примерах. Сказуемые *работило*, *не платил*, *бил запалил*, представленные пересказывательными формами, указывают на то, что говорящий знает о данных действиях с чужих слов. С помощью них говорящий сообщает собеседнику, что он не был очевидцем данных действий.

Пересказывательные формы, как правило, употребляются при сообщении об исторических событиях и фактах из прошлого, если говорящий не был их современником. Например: «Въстанието в Северозападна България от 1688 г. *било* едно от най-крупните движения в тила на турците по време на Австро-турската война от края на XVII в. Ръководна роля в подготовката и организацията на това въстание *играла* търговско-занаятчийска прослойка от Чипровец и останалите католишки селища в Северозападна България. Успехът на въстанието обаче *зависел* от това, доколко в борбата *щели да бъдат* въвлечени православните маси на българския народ. Макар че в това отношение дейността на българските католици *не била* съвсем безрезултатна, обстоятелството, че въстанието *се възглавявало* от католишките елементи, които в религиозно и културно, а до голяма степен и в стопанско отношение *се отделяли* от православните маси на българския народ, *се отразило* неблагоприятно върху развитието на самото въстание» («Ист. прегл.»).

Однако здесь возможны отклонения. В отдельных случаях, когда говорящий не стремится выразить свое личное отношение к этим фактам как к воспринятым лишь с чужих слов, при сообщении о них могут употребляться и непересказывательные формы. Примеры такого рода приводятся в «Грамматике болгарского языка» Л. Андрейчина (§ 314). Ср. также: «Още от детинството и юношеството си Христо Ботев сам бе преживял непоносимото вече положение на народа. И се вълнуваше и гневеше, че народът все още „мълчи“, „търпи“» (Павл.).

Как отмечает Л. Андрейчин, непересказывательные формы употребляются при сообщении о широко известных событиях и фактах прошлого, очевидцем которых говорящий не являлся, также и в тех случаях, когда говорящий был их современником и своевременно узнал о них. При этом

inslav

обыкновенно с помощью непересказывательных форм передаются факты более общего характера. При передаче конкретных подробностей и деталей данных событий переходят к употреблению пересказывательных форм [58].

Следует, однако, отметить, что на практике такое разграничение фактов более общего и более частного характера не всегда соблюдается. Ср. например, следующий отрывок исторического текста, где общие факты и конкретные подробности равным образом передаются с помощью непересказывательных форм: «Партията *работеше* особено активно сред тютюноработниците. Ето защо делегационното движение сред тях *получи* големи размери. През май 1936 г. при министъра на външните работи *се яви* 15-членна делегация на тютюноработниците... и *предяви* исканията: освобождаване на всички арестувани, спиране преследването и търсенето на други стачници, връщане на работа на всички уволнени работници и работнички. Тютюноработниците пък от австрийската режия *свикаха* събрание, на което *присъстствуваха* над 450 души. След това *избраха* делегация, която *срещи* на министъра на търговия и труда искане за връщане на парите, удържани за разни данъци и за членски внос» («Ист. прегл.»).

К этому отрывку даны две сноски, показывающие, что автор статьи знает о данных фактах лишь опосредствованно, на основании источников. Однако в цель его высказывания не входило указание на это обстоятельство, вследствие чего он и употребляет непересказывательные формы, как не содержащие указания на источник знания о действии.

В связи с этим нам еще раз хотелось бы подчеркнуть тот факт, что способность пересказывательных форм употребляться для выражения действия, очевидцем которого говорящий не является, не следует рассматривать как необходимость обязательного употребления этих форм во всех тех случаях, когда говорящий на практике узнал о действии опосредствованно. К употреблению пересказывательных форм говорящий прибегает в тех случаях, когда указание на источник знания о факте входит в конкретное задание его высказывания. Поэтому мы не можем согласиться с утверждением Л. Андрейчина о «грамматической необходимости» употребления пересказывательных форм в тех случаях, когда говорящий на практике не был очевидцем действия. Понятие грамматической необходимости пересказывательных форм мы могли бы признать только в том случае, если бы под этим подразумевалось то, что выражение действия как воспринятого с чужих слов, как такого, очевидцем которого говорящий не был, присуще лишь пересказывательным формам и что в речевой практике определились случаи, когда указание на источник знания о факте составляет необходимую часть сообщения (это прежде всего случаи сообщения о конкретном происшествии в недалеком прошлом, о событиях дня, участником или не участником, очевидцем или не очевидцем которых мог быть говорящий).

Следует отметить, что указание на то, что говорящий не был очевидцем данного действия, в какой-то степени может служить косвенным свидетельством того, что у говорящего нет полной уверенности в достоверности сообщаемого. Говорящий сам мог явиться объектом действий, о которых он сообщает с помощью пересказывательных форм. В этом случае употребление пересказывательных форм показывает, что по каким-то обстоятельствам говорящий не смог узнать об этих действиях непосредственно (например, он был без сознания или же не помнит о них). Ср.: «Когато се събудих, бях целият мокър. Нашите ме *намерили* паднал пред портата и ме *свестили* с вода» (Бел.).

---

[58] См. Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 291.

inslav

Употребление пересказывательных форм в противоположность непересказывательным при сообщении об опосредствованно воспринятых фактах из настоящего или будущего зависит от степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого и используется обычно с целью придать утверждению меньшую категоричность, т. е. в тех случаях, когда говорящий, узнав о данном факте опосредствованно, не берет на себя ответственности безоговорочно утверждать его соответствие действительности. При этом не исключена возможность, что говорящий в какой-то мере доверяет полученным сведениям и даже, исходя из их достоверности, выдвигает те или иные требования, строит свои планы на будущее. Ср. в этом отношении следующие примеры: «Относително пътуването аз измених плана си. Ще прекарам лятото в България, вероятно в Балкана, по Борущенската линия. Там *била* природата чудесна, и въздух, и тишина...» (Ваз.); «—Знаеш ли какво, Панчо? *Щяла да се продава* Миточковичината къща, дето е при мамини. Хайде да я купим, а?»(Влайк); «Николай каза: —Едни ботуши *имало*, да ми дадат тях. —Какви ботуши, кой ти каза? —Нона, аз и на нея казах за царвулите, а тя — ако искаш, кай, ботуши има...» (Йовк.). Сообщая о факте «там била природата чудесна» как о воспринятом с чужих слов, говорящий тем не менее исходит из его достоверности и строит свои планы относительно поездки в эту местность. О факте «*щяла да се продава* Миточковичината къща» говорящий также сообщает с целью сделать из него практические выводы («хайде да я купим, а?»). Сообщение «Едни ботуши *имало*» служит основанием для выдвигаемого говорящим требования («да ми дадат тях»). И тем не менее выбор именно пересказывательных форм при сообщении о данных фактах подчеркивает ту мысль, что говорящий знает о них лишь с чужих слов, и тем самым придает его утверждению меньшую категоричность, нежели бы это имело место при употреблении непересказывательных форм. А это в свою очередь позволяет собеседнику должным образом расценить степень достоверности сообщения.

Таким образом, можно отметить еще одну функцию пересказывательных форм, вытекающую из данного частного значения и связанную с возможностью выбора при сообщении о факте из настоящего или будущего между пересказывательными и непересказывательными формами, а именно — указание на отсутствие уверенности в достоверности сообщаемого. Выбор между пересказывательными и непересказывательными формами определяется при этом говорящим применительно к каждому конкретному случаю и отражает степень уверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

Пересказывательные формы последовательно употребляются во всех тех случаях, когда источником знания говорящего о данном факте послужили слухи, молва, сплетни и т. п. При этом на конкретный источник знания о факте указывается в общем контексте сообщения. Например: «Появиха се и поличби. В Белизненската махала една крава беше родила теле с две глави... А по-рано — това някои вярваха някои не — в черквата, когато *останала* съвсем празна и *нямало* никого освен момчето, което прислужва на поп Руска... свети Николай Чудотворец *слязъл* от иконата си и *приказвал* с него. И още какви не приказки ходеха из село» (Йовк.); «Паднал веднъж в ръцете на тираните, той, наранен с два куршума, както казват, *изял* отрова, за да остане верен на клетвата си; но като ядът *не подействувал*, той си *блъснал* главата у тъмничния зид в София, но тя *излязла* по-твърда от камъка и той полумъртъв бе провесен на въжето» (Ваз.); «Там, казват, *търсели* постоянно работници и добре *плащали*...» (Велк.); «—Бадома... къде е то? — На егейския бряг. —А-а! Казват, там *било* хубаво» (Страш.).

inslav

Выбор пересказывательных форм в этих случаях обусловлен отсутствием у говорящего уверенности в соответствии сообщаемого действительности.

Следует отметить также случаи употребления пересказывательных форм с данным частным значением в вопросительных предложениях, когда говорящий уточняет какие-либо обстоятельства относительно воспринятого с чужих слов действия. Здесь мы, собственно, также имеем дело с сообщением о факте, но непосредственной целью данного сообщения является не ознакомление собеседника с самим фактом, а выяснение тех или иных связанных с ним обстоятельств. Поэтому меняется и адресат, к которому обращается говорящий: им становится или лицо, от которого получены сведения о факте, или лицо, которое, по мнению говорящего, с данным фактом знакомо. Например: «—...те казват, че в Манджилари се явила... явила се е една бяла лястовичка! Досущ бяла, като сняг...—Ами истина ли е?— извика Моканина.— Къде *била* таз лястовичка?— Нали ти казах, тук се явила, в Манджилари» (Йовк.); «„ — Тате, — г-н Галчев доде!“ Навярно Манолаки не чу или не разбра, защото Нона влезе вътре и, както беше се спрял до вратата, Галчев чу гласа на стареца: — Кой? Кой *бил дошел*?» (там же); «— Ей сега ми казаха, че от София е дошъл един много голям адвокат, ще ида да се допитам до него за дяла, — пошушна ѝ поверително той.— Дошъл само за два-три дни, имам там един познат, той ще ме заведе при него, няма и пари да ми вземе... Старата омекна, шията ѝ се удължи: — Кога *щял да* си *ходи*? — Знам ли? Може и днеска още да си замине...» (Карасл.); «—Пръст *щял си да докарваш*? — обърна се Димо.— Пръст.— Кога?— Сега» (там же).

Употребление пересказывательных форм в вопросительных предложениях данного типа позволяет говорящему показать, что основанием для его вопроса послужил факт, о котором он узнал с чужих слов. В связи с этим вопросительное предложение приобретает особый характер: стремясь уточнить обстоятельства данного факта, говорящий отдает себе отчет в том, что к достоверности самого этого факта следует относиться с известной осторожностью.

Пересказывательные формы в вопросительных предложениях употребляются также в тех случаях, когда говорящий стремится выяснить у собеседника, насколько достоверным является тот или иной факт, о котором ему стало известно с чужих слов. Например: «—Комендар-ефенди, истина ли е — ти си учен човек, — истина ли е, че в морето *имало* толкоз големи змии, че *спирали* и параходите дори?» (Йовк.); «Една дебела, безформена, задъхана дама се блъсна в запасния генерал.— Наистина ли сега *щели да обесят* трима комунисти? — попита го тя... —Ба, ще ги погалят с гъше перо! — измърмори той...» (Карасл.); «Казват, че *имала* дете, верно ли е?» (Гул.).

Пересказывательные формы при этом служат средством указания на то, что о данном факте говорящий знает с чужих слов.

Следует отметить, что в тех случаях, когда выбор пересказывательной формы в противоположность непересказывательной позволяет указать на отсутствие у говорящего полной уверенности в достоверности его сообщения, в контекст высказывания часто включаются слова, указывающие на конкретный источник, откуда говорящий узнал о факте, и тем самым конкретизирующие, насколько следует доверять сообщаемому. Ср. в этом отношении приведенные выше примеры, когда в контексте говорится, что говорящий знает о факте по слухам, из сплетен и т. п., и в противоположность этому пример, когда говорящий называет конкретную личность, от которой им были получены данные сведения: «Станое, проклетникът, бил запалил кръстците ми, *той сам се изказа*» (Ваз.).

inslav

Таким образом, в том случае, когда выбор пересказывательной формы в противоположность непересказывательной позволяет представить действие как такое, о котором говорящий знает на основании полученных от кого-то сведений, с чужих слов, пересказывательные формы могут выступать в следующих функциях, обусловленных конечным целевым заданием высказывания:

1) определять роль говорящего по отношению к описываемым событиям как лица, которое не являлось очевидцем или участником данных событий;

2) указывать на то, что в силу каких-то особых обстоятельств говорящий не может непосредственно судить о действиях, объектом которых он являлся;

3) указывать на отсутствие у говорящего полной уверенности в соответствии сообщаемого реальной действительности, в частности придавать его утверждению меньшую категоричность.

II. Пересказывательные формы представляют действие как такое, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу. Этим они противопоставляются непересказывательным формам, которые или вообще не определяют, кому принадлежит первичная констатация действия — самому говорящему или какому-то другому лицу, — или же указывают на то, что первичная, непосредственная констатация действия принадлежит говорящему.

С таким же и только с таким значением употребляются и пересказывательные формы для повелительного наклонения, указывающие на то, что первичное побуждение к действию приписывается говорящим другому лицу в противоположность непересказывательным формам повелительного наклонения, выражающим непосредственное побуждение к действию.

Пересказывательные формы с данным значением употребляются в контекстах, содержанием которых является изложение высказываний, утверждений другого лица, его рассказа, письма, сочинения, ознакомление собеседника с тем, что было высказано другим лицом по тому или иному поводу, каково мнение этого лица относительно чего-либо, какое объяснение было дано им тем или иным своим поступкам или поступкам других, каковы его желания, намерения, требования. Иными словами, в данном случае говорящий ставит своей целью сообщение не о самом факте, а о том, как расценивался этот факт другим лицом. Например: «Но като декан Шишманов ме повика еднаж в канцеларията си да ми посъветва, че вече е време да поизменя малко външността си: *не* ми *приличало* да ходя в тъмна дочена риза, която великотърпиво *можела* да пониса всякакъв кир, и без вратовръзка. *Не съм бил* от улицата човек, за да се нося така. И аз от тоя ден насетне се «изфренчих» не от друго, а от стеснение пред Шишманов» (Чилинг.).

В приведенном отрывке сказуемые *не приличало*, *можела да пониса*, *не съм бил човек*, в состав которых входят пересказывательные формы, указывают на то, что первичная констатация данных действий принадлежит другому лицу и что говорящий, следовательно, сообщает о них повторно, воспроизводя чужое утверждение. В противоположность этому непересказывательные формы *повика*, *изфренчих*, выступая в качестве сказуемого, означают действие, первичная, непосредственная констатация которого принадлежит самому говорящему. Непересказывательные формы в составе сказуемых *е време*, *се нося*, употребленных в придаточных предложениях, не содержат в своем значении указания на принадлежность первичной констатации действия.

Способность пересказывательных форм выражать действие, первичная констатация которого или первичное побуждение к осуществлению кото-

inslav

рого приписываются другому лицу, может использоваться говорящим с различными целями в зависимости от общего задания высказывания. Так, в тех случаях, когда прямым заданием высказывания является ознакомление собеседника с содержанием утверждения какого-либо лица, с его точкой зрения, с выдвинутыми им требованиями, употребление пересказывательных форм позволяет указать на непричастность говорящего к передаваемому им с чужих слов, а также подчеркнуть, что лицо, с утверждением которого знакомит говорящий, расценивало данный факт, событие или явление именно так. Например: «— И художник един се обади по телефона. Картина някаква *трябвало да ти покаже*» (Вас.); «— Е, че тази стая нали беше на жена ми? Аз тук я оставях... — Е да, ама пие ги разменихме. Тя не искаше балкона. *Духало* ѝ от вратата...» (Е.-П.); «След малко се обади детски глас от края на навалицата. — Я, фурната не пуши... — Какво каза, бе момче? — Фурната *не пушела*, каза!» (Спас.); «Но Бена настоя: паднал ѝ се случай да погледа столичния свят, та *нека бъдел* там и Раданов с жена си: *искала* да ги види заедно» (Страш.).

Рассмотрим первый пример. Употребив в составе сказуемого предложения *трябвало да покаже* пересказывательную форму, т. е. указав на то, что первичная констатация данного действия принадлежит другому лицу, говорящий подчеркивает свою непричастность к сообщаемому. Это позволяет ему показать, что он объективно передает чужое утверждение, не определяя своего к нему отношения. Выражению данной мысли соответствует и «нейтральная» интонация высказывания. Во втором примере указание на непричастность говорящего к сообщаемому с чужих слов, выражаемое сказуемым *духало*, служит аналогичной цели: сообщая о том, что женщина перешла в другую комнату потому, что в этой, по ее словам, дуло из двери, говорящий тем самым показывает, что он не берется судить о том, действительно ли дело обстояло так. То же и в третьем примере: употребив пересказывательную форму *не пушела*, говорящий показывает, что он лишь передает чужое утверждение о данном факте, к которому сам он непричастен. Аналогичным является и последний пример. Заметим, что указание на непричастность говорящего к сообщаемому с чужих слов в этих случаях не означает того, что говорящий не согласен с чужим утверждением. Напротив, пересказывательные формы позволяют подчеркнуть нейтральное, объективное отношение говорящего к содержанию чужого утверждения. Подобное употребление пересказывательных форм представлено весьма широко, с ним мы встречаемся при изложении чьего-нибудь рассказа, письма, художественного произведения, научного сочинения с целью ознакомления собеседника с их содержанием.

Ср. употребление пересказывательных форм при изложении чужого рассказа: «Оплаква ми се и жена му. Тя беше зла и сприхава баба. Молеше ме да забраня на подофицерина и на Шефкета да се събират със стареца ѝ. Те го *подлудили*. По-рано той *бил* тъй добър, разумен и кротък. Сега постоянно ѝ *се карал*, *заплашвал* я... *Не ядял* почти и *не можел* да спи или ако *заспивал*, *започвал* да гълчи в съня си на някакъв див и неразбиран език» (Йовк.); при ознакомлении с содержанием письма: «— Имаш ли писмо? — Имам... Не, няма го! Изгубил съм го или е в палатката. Ама аз помня. Добре *били* всички, и стрина, и децата. Нивата в гората до колибата я *засели* със жито... И малкият *проговорил* вече. Христо де, *приказвал* вече» (там же); при изложении содержания художественного произведения: [59]

[59] Следует, однако, заметить, что, как об этом говорит Л. Андрейчин, для изложения художественных произведений лучше всего подходит настоящее историческое, поскольку употребление пересказывательных времен переносит фабулу такого произведения в план конкретной действительности. См. Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 320.

inslav

«Още по-голяма е пъстротата по достоинството в съдържанието на стихотворенията. Напр., на стр. 61 стих. „Ратайкиня“: авторът вижда една жена със „свърхчеловешки бяло чело“, *спрял се* и *рекъл* ѝ: „Русалко“, а другарят му, като *видял* у нея къдри „магёснически черни“... *спрял се* и *рекъл* ѝ „Весталко“. А пък тя, жената, да *не била* русалка нито весталка, но „слуга при дядо Брайко“» (Конст.); при изложении содержания научной статьи: «В кратка статия Атилио Будрович (Рим) разглежда етимологията на сърбохърватската дума „патуле“, която *чувал* като дете в хърватския говор от Спалато и с която *означавали* белега, който обикновено *оставал* върху ръката при вакциниране срещу вариола» (ЕЛ).

С аналогичным употреблением пересказывательных форм мы встречаемся также в тех случаях, когда прямой целью высказывания является напоминание собеседнику того, что было им высказано ранее по какому-либо поводу, или того, о чем он ранее слышал или читал. Пересказывательные формы при этом позволяют подчеркнуть буквальность возобновляемой в памяти собеседника мысли. Например: «— Нито знаеш как е било, нито знаеш как съм я разправял! — обиди се престорено дядо Илю. — Хайде, разправи я ти, като знаеш много. — Ще я разправя. — Разправи я де. — Ти самичък разказваше, че *си отишъл* у човека на гости и там *си нашъл* стария Ганчоолу. „Нито думица“, *казал* ти той, и толкова» (Карасл.); «—Но вие сам цитирахте Ленин! Нали той лично, а не друг, препоръчва усвояването на цялата стара култура? Само този човек, обогатеният, *можел* де се нарича истински комунист!» (Вас.); «—Голям вълк ей — говореше Мавроди, —Марине, ти казваше, че като *си минал* край него, *не станал*. Какво ще стане, то голямо нещо...» (Йовк.).

В тех случаях, когда у говорящего возникает необходимость выразить свои эмоции по поводу передаваемого (иронию, насмешку, возмущение и т. п.), это достигается, в частности, с помощью интонационно-мелодических средств. Пересказывательные формы при этом получают дополнительные оттенки значения. Например: «— А, ходих и по-рано, до нашия си доктор го водих, до общинския, но...разправя едни работи дето не са за нас... — Какви работи? — Туй *да ядяло*, онуй *да ядяло*, *да лежало* на едно място...» (Карасл.).

Насмешливо-пренебрежительная интонация данного высказывания в сочетании с другими особенностями изложения чужой речи (мы имеем в виду преднамеренное опущение деталей при ознакомлении с советом врача: «туй да ядяло, онуй да ядяло») позволяют говорящему выразить свое эмоциональное отношение к передаваемому. Пересказывательные формы, подчеркивающие, что говорящий лишь воспроизводит чужое утверждение, оказываются в такой ситуации весьма уместными.

С иронически-насмешливым и вместе с тем недоверчивым отношением говорящего к содержанию передаваемого им чужого утверждения мы встречаемся, по-видимому, и в следующих примерах: «— Ум не ща! Пари ми дай на мене, пари! И да бях отишъл, какво щеше да ме научи? Това, дето от десет години го слушам: та лоши години *щели да дойдат*, та светът *щял да се размъти*, та всичко на прах и на пух *щяло да стане*...Санким, седни и чакай. Видяхме ги тези, дето запретаха ръкави и чакаха рибата сама да им падне в шепите» (Карасл.); «— Колко лесно може да пропадне едно момиче сега! — заговори учителката. — Още в трена почна — ето този — да ме придумва, *да съм идела* с него в Търново: *имал* там ... майка, та *щял да* я *пита*, и *можело* да се венчеем, ха-ха!» (Страш.).

И здесь выражение этой мысли достигается средствами специфической интонации в сочетании с употреблением в качестве сказуемого предложения пересказывательных форм.

inslav

К сожалению, мы были лишены возможности исследовать сферу устной речи, употребление пересказывательных форм в живом разговорном языке. Поэтому проблема выразительных возможностей пересказывательных форм в свете интонационного строя высказываний не может быть даже поставлена в рамках данной работы. Мы можем лишь с уверенностью предполагать зависимость некоторых дополнительных оттенков значения пересказывательных форм от различных типов экспрессивной интонации.

В предложение, сказуемое которого представлено пересказывательной формой, могут быть кроме того включены модальные слова, указывающие на степень достоверности высказывания, в данном случае — на степень достоверности передаваемого с чужих слов. Следует подчеркнуть, что эти вводные слова могут указывать как на сомнение, неуверенность в достоверности сообщаемого, так и на уверенность в достоверности, правоте сообщаемого.

Ср. в этом отношении следующие примеры. С одной стороны, выражение недоверия, сомнения, несогласия с содержанием чужого утверждения: «—А пък унгарците говорят, че *уж* немците *щели да почнат* офанзива — обади се неохотно един войник» (Веж.); «—Отзарана са пратили да хванат Джонка бае Петров, че щели да го карат в града, защото снощи се *уж сджокал* с Баланов Грозя. А всичко туй става само да се стори път на писаря» (Страш.); «—Той е абсолютно невинен... *Уж бил* гестаповец, уж не знам какво си, пък то... Нищо подобно» (Кюл.). С другой, — выражение полной уверенности в соответствии чужого утверждения действительности: «—Ех, аз се изпотих, сгорещих се; *наистина*, златото *топлело* — каза Македонски» (Ваз.); «От Соколовите думи или, по-право, отчет, всичко стана ясно за Огнянова сега и той намираше отгадката на енигмата... Бяла черква *действително не била въстанала*, както всичките други села и градове...» (там же); «Тоя ред аз виждам буквите ясно и без особено стеснение отговарям. *Наистина си* ги *бил изучил* сичките—казва» (Влайк.).

Значение сомнительности, недостоверности действия, выражаемое пересказывательными формами в сочетании с наречием *уж* ('якобы'), привносится значением этого модального слова. Об этом ясно свидетельствует тот факт, что пересказывательные формы равным образом могут сочетаться с модальными словами противоположного значения типа *наистина*, *действително*, подчеркивающими уверенность в достоверности сообщаемого с чужих слов.

Особый случай представляет собою употребление пересказывательных форм в диалоге при «передразнивании» только что высказанного собеседником утверждения, когда необходимость ознакомления с этим утверждением отсутствует и единственной целью повторного сообщения о нем становится выражение отношения говорящего к его содержанию.

При помощи «передразнивания» обычно выражается недоверие к содержанию утверждения собеседника или прямое несогласие с этим утверждением, несогласие с тем, какие выводы из него делаются, обоснованием чего оно служит, а также указывается на то, какие эмоции — возмущение, негодование, насмешку — вызвало у говорящего это утверждение: «—Няма я, Стоилко, — върна се изплашена Стоилица...— *Нямало* я! На орехи ли ще играем? — опули се дядо Стоилко» (Страш.); «—Една звезда падна, — каза Марин. — Умря някой...— *Умрял*... знаеш ти... Бабини деветини... Бабини деветини... повтаряше Аго и се смееше» (Йовк.); «—Ти не си човек, тебе за нищо не те бива. Мюхлюзин! Мюхлюзин!.. — Аз си искам парите! — извика Тошо — Зестрата и алтъните на жена си искам. Дай ми ги, че тогаз ме пъди. Мюхлюзин *съм бил*. Не съм се женил като тебе втори път та да харча за таз жена чужди пари» (там же); «Иглика — ...Разсърди му се ти, Еленке, ти имаш по-кораво сърце...

inslav

—Еленка — У-у!... Аз не мога го направи. Кораво сърце *съм имала*! Каква си, Иглико!» (Е.-П); «—Потънахте в грехове до шия, продадохте душите си на дявола... Сега сърбайте, каквото сте дробили!... Само младите негодуваха против думите на попа и говореха явно: — Греховни *сме били*, а? Пияници! Я нека се поогледа светинята му!» (там же); «—Без друго е нужно нарочно човек да пратим... за да приеме от него всичките нужни сведения... А в Букурещ засега нямало такъв човек, защото понадеждните изпратили по други мисии... —Тия букурещки патриоти *нямали* човек за такава работа, срам! —избъбра едни хъш. — Може и да нямат —отговори друг един. —Имат, ама никой не иска да си тури главата в торбата» (Ваз.).

В других случаях непосредственной целью «передразнивания» может явиться насмешка над собеседником, высмеивание его утверждения, содержание которого по существу не вызывает сомнения у говорящего: «—Кой ти пречи на рибарлъка? Дунав поне е широк — лови риба колкото ти душа иска... Велико Косев се наежи, залови се за мустака си, после ядосано замаха пръст. — Навсякъде все тая приказка ни навират в носа! — забоботи той. — Широк *бил* Дунавът, та широк... Ами като е широк Дунав, бе бай Косто, защо не отидеш ти да си наловиш риба в него?..» (Веж.); «—Да ида оттатък, може да ме види, — погледна тя плахо. — Кой? — кресна Арнаутката. — Че какво като те види? Да не си влязла да крадеш? Я я гледай ти нея! *Щяла да я види*! Нека те види!» (Карасл.); «—И речи яко да ми вържат ръцете! Яко, зере знайте си, селяни! — обърна се той към другите —знайте: да си не видя само ръцете отвързани, глави ще късам!... —Глей го ти него—извърна се старецът към другите селяни, —ще се противи, глави *щял да къса*! Ба!» (Страш.); «—Какво ли има в тоя ваш рай, та лъжете хората? — каза дяволът. — Всичко, каквото поискаш. Из реките мед и мляко тече, всякъде е ясно, светло, чисто... — Виж го, даскале, ти него, с какво ще ми се похвали — с мед и мляко!.. Всичко *било* ясно, всичко светло, всичко явно!» (Е.-П.); «—Хич бива ли в тоя студ на босо кал да се меси а? Че сега и циганин бос няма да ти влезе тука, а ти нея си накарала. Че ти ще я умориш така... Старата изтръпна. Тя поиска да каже нещо, но не можа, задуши се... *Щяла съм да я уморя*! Че ти толкова ли я жалиш, глупчо глупав!.. Че защо си навираш гагата в работи, дето не ги знаеш и не ги разбираш... *Щяла съм да я уморя*! повтаряше в ума си тя, занемяла от яд. Приказвай! Дрънкай!» (Карасл.).

Отметим, что на практике «передразниванию» чаще всего подвергаются высказывания о фактах из настоящего или будущего. Однако возможны случаи «передразнивания» высказываний и о прошедших фактах (ср. приведенный выше пример: «Умря някой» — «*Умрял*... знаеш ти...»).

Поскольку при «передразнивании» всегда употребляются пересказывательные формы, можно думать, что выражение отрицательного отношения говорящего к содержанию передаваемого им чужого утверждения является одной из их важных функций. При этом, как мы видели, пересказывательные формы могут получать различные дополнительные оттенки значения, связанные с выражением тех или иных эмоций говорящего.

Характерным для пересказывательных форм, обозначающих действие, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу, является то, что, будучи употребленными в качестве сказуемого независимого предложения, они сами по себе придают этому предложению характер чужой речи. При этом какие бы то ни было иные указания на то, что в высказывании говорящего данное предложение является изложением чужой речи, могут отсутствовать. По-видимому, именно эту способность пересказывательных форм имел в виду Л. Андрейчин, когда он писал: «Глагольные формы пересказывания самим значением указывают, что за

inslav

нашими словами скрывается чья-то чужая речь, не передавая этого специальной синтаксической формой» [60]. Ср.: «—Поп Сава ме пъди от черква. Гласът ми *бил* като на старо куче» (Карал.).

Приведенная реплика состоит из двух независимых предложений. Первое из предложений, сказуемое которого представлено непересказывательной формой *пъди*, выступает как собственное утверждение говорящего, имеющее своей целью ознакомление собеседника с данным фактом. В отличие от этого второе предложение, в состав сказуемого которого входит пересказывательная форма *бил*, выступает как предложение чужой речи. Целью говорящего при этом является ознакомление собеседника с тем, что было высказано другим лицом в качестве обоснования своего поведения. Поскольку в контексте речи говорящего отсутствуют лексические указания на то, что он излагает содержание чужого утверждения, поскольку данное предложение является независимым, есть все основания считать, что именно выбор пересказывательной формы позволил придать ему характер чужого утверждения.

В качестве примеров, иллюстрирующих нашу мысль, могут служить приведенные выше примеры «передразнивания». Можно думать, что последовательное употребление пересказывательных форм при «передразнивании» в какой-то мере обусловлено потребностью указать на характер данного предложения как чужого утверждения, поскольку иные средства выражения данной мысли при этом отсутствуют. Например: «—Тоя църньо, тоя вълшльо да ни яде хлеба, да го върве и зеленици изедат!.. —Млъкни, ти казах! — сопна ѝ се бай Камен. — *Ядел* ни хлеба! Яде го, защото ни работи, своя хлеб яде» (Даск.).

В контексте речи говорящего предложение «*Ядел* ни хлеба!» воспринимается как чужая речь именно в силу того, что в качестве сказуемого употреблена пересказывательная форма. В противоположность этому предложения «Млъкни, ти казах!», «Яде го, защото ни работи, своя хлеб яде» носят характер собственного утверждения говорящего.

Таким образом, предложение, в качестве сказуемого которого употреблена пересказывательная форма, может выступать как один из способов ознакомления с чужой речью. Эта способность пересказывательных форм широко используется авторами художественных произведений как один из возможных стилистических вариантов ознакомления с речью персонажей. Например: «Вела не се омъжи за него по любов... Майка ѝ я убеди да го вземе. *Бил* сам, каквото *имал* — само на него *щяло да остане*, *нямала* свекър, а свекървата *била* добра, *щели да се разбират* с нея... Младото момиче е като млад стрък — навеждай го все на една посока и то ще се превие. Така се преви и склони и Вела» (Карасл.).

При передаче чужого утверждения с помощью независимого предложения, в качестве сказуемого которого употреблена пересказывательная форма, это утверждение подвергается существенным преобразованиям, во многом совпадающим с преобразованиями при переводе прямой речи в косвенную. Эти преобразования легче всего проследить на примерах употребления пересказывательных форм в диалоге при непосредственном повторении только что сказанных собеседником слов.

Чужое утверждение при пересказывании, как об этом свидетельствуют и сами пересказывательные формы, передается от лица говорящего. В связи с этим прежде всего меняется представление о связи действия, о котором сообщается в чужой речи, с действующим лицом. Связь действия с действующим лицом устанавливается с точки зрения говорящего, независимо от того, как определялась эта связь лицом, чьи слова передаются.

---

[60] Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 323.

inslav

При передаче чужих слов о действии, субъектом которого оказывается сам говорящий, употребляются формы 1-го лица: «—Бе, приятелю,— каза Давидко,— ти какви магии правиш на кучетата? Защо не те лаят кучетата? Ти май не си чист човек.— Гледай го сега, не *съм бил* чист човек. Не ида нито да крада, нито да убивам» (Йовк.).

При передаче чужих слов о действии, субъектом которого является собеседник, употребляются формы 2-го лица: «—Свилене, не говори така... ти знаеш ли, колко аз те... мисля... колко още те обичам!.. —Пшът! Сълзи не искам! — рече нежно той,— сълзи не искам! *Обичала си* ме още, викаш» (Е.-П.).

При передаче высказывания о лице, к которому не обращаются, употребляются формы 3-го лица: «—Мене тя не може да лъже...— Тя ли?.. Защо ти е такъв умът, бре?.. Не *можела* да го излъже! Мълчи! Мълчи!» (Карасл.). Формы 3-го лица всегда сохраняются при передаче чужого высказывания, представляющего собой безличное предложение: «—Защо не го продадеш? Парички ще ти начетат хората!— Мило ми е — рече дядо Божил.— Дрън, дрън, ерина! Мило ти *било*» (Карал.).

В соответствии с точкой зрения говорящего заменяются также личные и притяжательные местоимения (ср. замену местоимений *те — ме*, *мене — го*, *ми — ти* в приведенных примерах). Становится невозможным обращение от лица того, кому принадлежит излагаемая речь. Чужое высказывание подвергается интонационному преобразованию, лишается конкретной эмоционально-экспрессивной окраски [61]. Интонация становится средством выражения эмоций говорящего, его отношения к передаваемому (ср. замену утвердительной интонации на ироническую, пренебрежительную, недоверчивую в приведенных выше примерах на «передразнивание»).

Степень точности передачи чужого высказывания, близости к подлинным словам зависит от цели, которую ставит перед собой говорящий. Наиболее полно индивидуальные особенности чужого высказывания сохраняются обычно при передаче речи персонажа автором в художественных произведениях. Воспроизводя речь персонажа, автор нередко стремится в какой-то степени сохранить ее строй, элементы ее языковой манеры, представленные в ней вводные слова оценочного характера. Ср. несколько примеров из романа П. Спасова: «Когато вечерта разправи на Сара придобивката си, тя се зарадва, само че го укори за първото му предложение — да ограбят селяните. Не било хубаво така, добре станало, че не го приели. Моис се ухили. Той бил знаел, че няма да приемат предложението му и го бил направил само за да може изобщо да говори с чорбаджиите, иначе — нали знаел — никога не му изслушват жалбите и все отлагат за друг път»; «Слезе в хотел «Империал». Попита за Алфред Коен. Заминал си бил, заедно с госпожица Коен. За Браила, по всяка вероятност»; «Алфред Коен... продължаваше да вдъхва надежди на Любомир

---

[61] При необходимости воспроизвести интонационное или эмоционально-экспрессивное своеобразие чужой речи прибегают к описательной характеристике особенностей чужого высказывания. В частности, это достигается путем выбора глагола-сказуемого главного предложения, к которому относится придаточное косвенной речи. Ср. «Кой е? Отгде е? Защо е дошъл? Какъв е? Никой не знаеше... Госпожа Апраксия *се кълнеше*, че *бил* руски княз...» (Ваз.); «...всичките му слуги... отричаха да знаят нещо за такава връзка. Те не казваха, че той бил винаги сам, но *твърдяха* и *се кълняха*, че не *били виждали* някой да идва при техния господар» (Спас.); «Той *се хвалеше*, че някога *бил* социалист, по сетне *разбрал*, че социализъм не *отговарял* на нашите условия и на характера на нашия земеделски народ» (Карасл.); «Останалите знаеха това и му *се присмиваха*, че *бил* мамино детенце» (Спас.); «Отпосле Теохарий често *закачаше* дяда Давида, че *се бил уплашил* от старшията» (Йовк.); «Един *се оплакваше* от попа, че *плячкосвал* какво види по домовете...» (Даск.).

inslav

Василев. Работите непременно щели да се оправят. Житото му нямало да остане — ще се продаде».

Следует помнить, что пересказывательные формы отнюдь не во всех случаях своего употребления могут придавать предложению характер чужой речи. В тех случаях, когда частным значением пересказывательной формы является указание на то, что говорящий знает о действии опосредствованно, с чужих слов, предложение, в качестве сказуемого которого она употреблена, выступает как собственное утверждение говорящего, основанное на полученных от другого лица сведениях. Все особенности словесного выражения сообщаемой мысли в данном случае принадлежат непосредственно самому говорящему лицу.

В свете способности пересказывательных форм, обозначающих действие, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу, выступать в качестве средства указания на включение чужой речи в речь говорящего следует, по-видимому, рассматривать и вопрос о степени обязательности и факультативности употребления пересказывательных форм при передаче чужой речи. В том случае, когда в общем контексте высказывания отсутствуют какие бы то ни было лексические или лексико-синтаксические средства, указывающие на передачу чужой речи, для придания высказыванию характера чужого утверждения о б я з а т е л ь н о употребление в качестве сказуемого пересказывательных форм. Если же указание на передачу чужой речи дано с помощью лексических или лексико-синтаксических средств, в качестве сказуемого предложения, содержанием которого является изложение чужого утверждения, могут быть употреблены как пересказывательные, так и непересказывательные формы. В таком случае выбор между ними определяется чисто семантическими причинами.

Так, сопоставление сложных предложений с придаточными косвенной речи, когда в качестве сказуемого придаточного предложения выступают либо пересказывательные, либо непересказывательные формы, позволяет установить следующие оттенки мысли о действии, которые вносит в изложение чужого утверждения употребление пересказывательных форм.

Пересказывательные формы, выступая как сказуемое придаточного предложения косвенной речи, позволяют подчеркнуть буквальность, подлинность передаваемого. Например: «— Има си хас да е написал такива щуротии, каквито ни разправяше, че приказва! Ще ни се смее оня. — А, не вярвам! Нали каза — *щял да* ме *препоръча*! — каза уверено Любомир» (Спас.); «— Какво казва, Марине? — попита пак Галунка. — Какво ще казва...казва, че всичко *било* в ръцете на Бога. Каквото *кажел* Бог. Казва още, че *знаял* лек и *щял да опита*. Може да помогне» (Йовк.).

При употреблении непересказывательных форм в качестве сказуемого придаточного предложения косвенной речи содержание чужого утверждения передается в более общем виде: «В един разговор, който имахме, Добрев каза, че *има* подходящи хора за изпращане по селата» («В първите редици»); «Намерих и писмо до нейния приятел. Тя му пишеше, че денонощно мисли за него, че само за него *живее*...» («Жената днес»).

Пересказывательные формы в качестве сказуемого придаточного предложения косвенной речи позволяют указать на непричастность говорящего к передаваемому и, в частности, выразить сомнение, недоверие к содержанию излагаемого утверждения: «Учените казват, че и на звездите *имало* хора, — рече Марин» (Йовк.); «Това повторение на изказаните там мисли и на немски той обяснява с това, че английският език в България не *бил* твърде познат» (Ст. Романски. Македонски преглед, II); «Някой твърдеше, че щастливците *се раждали* в изключителна обстановка и с особени знаци на челото. По това още от пръкването им *личело*, че тям е отредена

inslav

по-особена съдба под небесния връшник» (Бел.); «Това ли беше вчерашният изгубен умоляющ Митрофан... Седнали да казват някои, че самолюбието не *правело* велики хора!» (Ваз.); «—Помниш ли оная година? Дядо Толю разправяше в Митошовата кръчмарница, че Господ му *се явил* на сън и му *рекъл*: „Кризата ще мине...“» (Карасл.); «... в една домашна приписка от 1828 год. се казва, че турците, за да накарат българите от Шуменско и Варненско да говорят турски, им *режели* езиците» (ИИБЕ).

Именно поэтому пересказывательные формы в придаточных предложениях косвенной речи последовательно употребляются во всех тех случаях, когда в главном предложении указано, что передаются молва, слухи, сплетни или утверждение, с которым говорящий заведомо несогласен. Например: «Има едно поверие, че коминочистачите *носели* щастие. Не си ли чувал?» (Спас.); «Мълва се бе пръснала, че разбойници *отвели* Недя чорбаджи в гората, *отвели* го из къщата му, тъй както *спал*!» (Ваз.); «Какво можеше да направи? Казваха, че ако на заспал човек се пусне живак в ухото, *умирал* без да се усети. Казваха още, че *се умирало* на часа ако те боднат с остра игла над врата... Но само разправяха. Старата не беше видяла с очите си, не знаеше дали наистина може да стане така» (Карасл.); «— Е, Панко, додохте ли си? — посрещна го засмяна Галунка. Нищо не ви се случи, нали? Нали пусто се чува, че *обирали* по пътищата...» (Йовк.); «Чак след година се разчу из селото, че и новият му чорбаджия го *напъдил* и нищо му *не дал*» (Даск.); «А те какво направиха? — Купиха всичко, оставиха някакви нищожни партиди и ме лъгаха, че реколтата *била* голяма и че купеното от тях количество *не било* дори половината» (Спас.).

Сопоставление независимых предложений, в состав которых включены вводные слова типа *според него*, *според както се говори*, *казват*, указывающие на то, что содержанием этого предложения является ознакомление с чужим утверждением, позволяет установить, что пересказывательные формы употребляются в них в тех случаях, когда говорящий не разделяет данного утверждения. Например: «—Той ни «експлоатираше», но «принадената стойност» не оставаше в неговите ръце, тъй като според него ние *сме вършели* народополезна работа» (Бел.); «—Защото *сме били* малки, казват, затова не *трябвало* да ни се плаща като на големите. А пък ние работим толкова, колкото и те работят» (Спас.).

При употреблении в предложениях такого типа непересказывательных форм отношение говорящего к содержанию чужого утверждения остается невыраженным: «На 10 февруария (стар стил) ще се съберат в Търново народните представители, на число около 280 души. Според както се говори, сичките едногласно *ще предложат* съединението за Източна Румелия с Княжеството...» (Ваз.); «Според Яко Молхов и четирите разгледани романа *разкриват* някои нови страни в борбата на нашия народ против фашизма» («Лит. фр.»); «Докато нашите най-значителни писатели странят от съвременността, ние няма да имаме вълнуващи произведения за днешния живот и за днешния човек. От обективните причини — според докладчика — най-важната *е* изменчивост на живота» (там же).

Анализ всех случаев употребления пересказывательных форм, обозначающих действие, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу, позволяет придти к выводу, что семантические функции пересказывательных форм при этом сводятся к выражению отношения говорящего к содержанию чужого утверждения.

Это отношение может быть, во-первых, объективным, нейтральным. Функцией пересказывательных форм в данном случае является указание на непричастность говорящего к содержанию чужого утверждения. Говорящий показывает, что, объективно излагая чужое утверждение, он и

inslav

не берется судить о том, насколько оно соответствует действительности. Помимо этого, употребление пересказывательных форм в ряде случаев позволяет подчеркнуть буквальность, подлинность передаваемого.

Отношение говорящего к излагаемому может быть, во-вторых, субъективным, оценочным. Указывая на непричастность говорящего к передаваемому, пересказывательные формы в сочетании со специфической интонацией или модальными словами способствуют выражению отрицательного отношения к содержанию чужого утверждения, выражению сомнения, неуверенности в его достоверности. В условиях контекста, допускающих в равной степени употребление и пересказывательных и непересказывательных форм (например, в придаточном предложении косвенной речи), сам выбор пересказывательных форм в качестве сказуемого в условиях обычной интонации и при отсутствии модальных слов может служить средством выражения отрицательного, недоверчивого отношения к чужому утверждению.

Характерным для употребления пересказывательных форм с данным частным значением является то, что они могут выступать как средство, указывающее на включение чужой речи в речь говорящего лица.

Итак, в том случае, когда выбор пересказывательной формы в противоположность непересказывательной позволяет представить действие как такое, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу, пересказывательные формы могут выступать в следующих функциях, обусловленных конечным целевым заданием высказывания:

1) указывать на непричастность говорящего к передаваемому им с чужих слов, в частности подчеркивать объективность и доподлинность изложения;

2) указывать на отрицательное отношение говорящего к чужому утверждению, с которым он знакомит собеседника.

Рассмотренными выше двумя типами противопоставления между пересказывательными и непересказывательными формами охватываются все случаи употребления обычных пересказывательных форм. Большинство из них мы уже описали. Нам хотелось бы в заключение остановиться еще на одном широко распространенном случае употребления пересказывательных форм, а именно на употреблении их при ознакомлении собеседника с чужим утверждением, которое в свою очередь стало известным говорящему не в непосредственном общении, а лишь с чужих слов. Мы, естественно, имеем в виду лишь те случаи, когда последнее обстоятельство специально отмечается говорящим путем выбора соответствующих языковых средств.

Чужие слова могут быть переданы буквально, от лица того, кому они принадлежат, т. е. в форме прямой речи. Тогда для указания на то, что о самом факте наличия в прошлом данного высказывания, как и об его содержании, говорящий узнал опосредствованно, с чужих слов, в соединительном предложении к прямой речи употребляется пересказывательная форма от глагола говорения (или от глагола, заменяющего последний). Например: «—Ни ум, ни чувства, — отговори дебелата, ами глупости... Представи си, какво *разправяла*: —Върбанов, *викала*, е трудолюбив човек...» (Е.-П.); «И той целува единия по челото, целува и другия. — Е. сега, *рекъл*, свърши се. Сега може да умра. Легнал, скръстил ръце и до вечерта умрял» (Йовк.); «Майка ѝ по скланяла да я дадат, ама бащата се опрял. Едно момиче, *рекъл*, имам, не го давам, *рекъл*, на вдовец» (Карасл.).

Указывая на источник знания говорящим того, что данное высказывание имело место в прошлом (полученные от кого-то сведения), пересказывательная форма в соединительном предложении вместе с тем позволяет

inslav

подчеркнуть ту мысль, что сам говорящий отнюдь не утверждает, что данное лицо выразилось именно так, и что он воспроизводит это высказывание лишь с чужих слов. Тем самым говорящий дает понять собеседнику, что к факту наличия в прошлом именно такого по содержанию высказывания следует отнестись с известной осторожностью.

Чужие слова могут быть переданы также в изложении от лица говорящего при синтаксическом оформлении предложения как сложного с придаточным косвенной речи. Тогда для указания на то, что о самом факте наличия в прошлом данного высказывания, как и об его содержании, ныне излагаемом говорящим, последний узнал опосредствованно, с чужих слов, в главном предложении, к которому относится придаточное косвенной речи, также употребляется пересказывательная форма от глагола говорения или глагола, заменяющего последний. Сказуемое придаточного предложения косвенной речи при этом может быть представлено как пересказывательными, так и непересказывательными формами или же и теми и другими вместе. Например: «Говореше меко и звучно, да не му се наслушаш! Много искал да ме види. Баща ми му *разказвал*, че *ще ставам* учител, след като се завърна от казармата» («В първите редици»); «Но Димо се метна на колата и седна на капрата срещу него. И още щом излязоха от вратнята, той подхвана от далече: много работа, забравиха се, не могат да се срещнат, да се видят, да си продумат... Младите нещо се сърдели, *подхвърляли*, че Иван *се крие*, че нарочно *бяга* от тях. Димо им *разправял*, че сега той е нов кръщовник, на гърба му *е легнало* всичко та не трябвало да му издирват много» (Карасл.); «Чак на третия ден всички в селото научиха как е станало нападението... Сега Георги Ганчовски бил в Пловдив, в Католишката болница, но докторите *разправяли*, че *нямало* скоро да излезе» (там же); «Научихме го от нашия човек. Нарочили го да намери за двама души квартира — и той посочил Грозданова та. Поразпитал тук-там и разбрал, че за седем души търсят място. *Говорело се*, че *били* всички с шмайзери и че *носели* и една лека картечница. Ние отначало не повярвахме. Рекохме си: иска да се отличи момчето, разправя ги» (Гул.); «—Не им е за чифлика — говореше той. — Аз от жените узнал одеве. Сама Николица, кметовата сестра, го *казала*: братята ѝ *пратили* да хванат Джонка и *щели* вързан *да* го *закарат* в града че уж *посегнал* нощес да убие едного си» (Страш.); «Но полуумрялото дете оживя и сега е здрав левент и се нарича майор П. Покойната му баба, като му е разказвала тия събития, *говорила* му, че *дължи* оздравяването му не толкова на небрежната молитва на сърдития калугер, колкото на добрината, която не *можала* да направи, но *искала* от сърце да направи» (Ваз.); «Господинът твърде вежливо се обърнал, отърсил с пръст пепелта от цигарото си и като грациозно зажумял, поднесъл му цигарото. Дакито, очарован от такава любезност, *попитал* да узнае кой *бил* негова милост. *Казали* му, че той *е* министър Х...» (там же).

Между примерами с употреблением в придаточном предложении косвенной речи форм прямого высказывания или пересказывательных форм, возможно, имеются некоторые семантические и стилистические различия, однако они, во всяком случае, настолько незначительны, что не поддаются четкому определению. Дело в том, что ставя своей задачей изложение речи какого-либо лица, воспринятой лишь опосредствованно, говорящий в первую очередь стремится выразить свое отношение к тому, имел ли вообще место факт именно такого по содержанию высказывания (пересказывательная форма глагола говорения в главном предложении указывает, что данный факт утверждается говорящим с чужих слов). Определение же отношения к самому содержанию излагаемого высказывания в задачу говорящего поэтому уже не входит. По-видимому, именно вследствие скла-

inslav

дывающихся при этом нивелированных условий в придаточном предложении в равной степени и с одинаковыми (или очень близкими) функциями могут употребляться как пересказывательные, так и непересказывательные формы.

Употребление же пересказывательных форм в главном предложении является необходимым, если говорящему важно указать на источник своего знания о том, что некое лицо высказалось в прошлом, причем высказалось именно так, что говорящий не берет на себя ответственности безоговорочно утверждать данный факт.

Отметим также встретившийся нам пример «двойного» — с помощью употребления пересказывательной формы и с помощью вводного слова *кай* — указания на то обстоятельство, что о содержании передаваемой речи, как и о самом факте ее наличия в прошлом, говорящий узнал опосредствованно, с чужих слов: «—Ректора, кай, не го оставя. Не може, кай, *казал* му за три месеца да станеш доктор, кай» (Конст.). Это буквально можно перевести так: 'Ректор, говорит, не оставляет его. Нельзя, говорит, сказал он ему, за три месяца стать доктором, говорит' (т. е. 'он говорит, что ректор сказал ему: «Нельзя за три месяца стать доктором»').

Наконец, нам хотелось бы, вслед за Л. Андрейчиным [62], еще раз отметить ту интересную особенность, что при употреблении пересказывательных форм в повествовании о прошедших последовательных событиях они могут чередоваться с непересказывательными формами настоящего времени в функции исторического настоящего. Например: «Действително той беше Боримечката в ямурлука си. Като *зачул* врявата на улицата, *отишел* у Петрови, дето се научил за всичко. Без да бави ни минута, той *се завръща* у дома си, *изпраща* булката си при майка ѝ, *втиква* в пояса си топора... и *хуква* да гони дружината...» (Ваз.); «Я попитайте Хаджи Славчовия син, какво пати миналия септември в Павликени: тамам *събрал* от ниви-ливади, *натъпкал* купи-хамбари, *напълнил* бъчви с вино... та както *разтворил* порти в чифлика, от вечер та до заран, *викнал*: „елате братя селяни! Яжте и пийте до гуша, ала мен да изберете!“ Че като *руква* порой селяни... *запретват* ръце до лакът, *отварят* уста кат' лами, *поядат* хляба до троха ... *изпиват* вино до капка... па *натъпкват* и запас в колата си, *потеглят* с гайди към изборното място, *напъхват* Хаджи Славчовите бюлетини дето не трябва... *изваждат* бюлетините на бай Гена и Габровски и ги *спущат* в урните. *Сетил се* Хаджи Славчовият син, ама късно. Излязъл на портите и *се провикнал* „А-а-а-х! Ваш'та мама да разплача!“... селяните се *кикотят* и *вдигат* на ръце бай Гена и Габровски...» (Конст.).

Итак, пересказывательные формы в конкретном употреблении противопоставляются непересказывательным, во-первых, в связи с указанием на источник знания о действии — пересказывательные формы выражают действие как воспринятое опосредствованно, с чужих слов, в противоположность чему непересказывательные формы или не несут указания на источник знания о действии, или же выражают действие как воспринятое говорящим непосредственно — и, во-вторых, в связи с указанием на принадлежность первичной, непосредственной констатации действия — пересказывательные формы выражают действие как такое, первичная констатация которого принадлежит другому лицу, т. е. указывают на повторный характер констатации действия, в противоположность чему непересказывательные формы или не несут указания на принадлежность первичной констатации действия, или же выражают действие как такое, первичная констатация которого принадлежит самому говорящему.

---

[62] Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 288.

inslav

Иными словами, в основе разграничения пересказывательных и непересказывательных форм лежат два коррелятивных признака:

1) указание на источник знания о действии;

2) указание на принадлежность первичной констатации действия.

Каждый из этих признаков связан с конкретными условиями контекста. По признаку источника знания о действии пересказывательные формы противопоставляются непересказывательным в тех случаях, когда конкретным заданием высказывания является сообщение о факте. Характерным для данных типов контекста является то, что при этом пересказывательные формы никогда не могут быть употреблены при обозначении действия, очевидцем которого на практике являлся говорящий [63].

Другой характерной особенностью данных типов контекста является то, что в них наряду с непересказывательными и пересказывательными формами могут употребляться также и времена предполагаемого действия. При этом в сообщении о прошедших событиях пересказывательные формы, обозначающие действие как воспринятое с чужих слов, и формы предполагаемого действия, обозначающие действие, предположительно, на основании каких-то данных устанавливаемое самим говорящим, порознь противопоставляются непересказывательным формам, обозначающим действие, как известное говорящему непосредственно. Соотношение между этими тремя группами форм можно отобразить в следующей схеме:

Действие, известное говорящему с чужих слов (пересказывательные формы)	
	Действие, известное говорящему непосредственно (непересказывательные формы)
Действие, предположительно устанавливаемое говорящим (формы предполагаемого действия)	

В корреляции с непересказывательными формами пересказывательные формы и формы предполагаемого действия проявляют себя в качестве маркированных членов. Кстати, приведенная схема показывает, что название «непересказывательные формы», которым мы пользуемся, является условным, так как оно отражает лишь одну из возможных корреляций, в которые вступают эти формы.

По признаку принадлежности первичной констатации действия пересказывательные формы противопоставляются непересказывательным в тех случаях, когда конкретным заданием высказывания является ознакомление с чужим утверждением или «передразнивание» чужого утверждения. Характерным для данных типов контекста является то, что в них пересказывательные формы могут употребляться при обозначении действия, на практике известного говорящему непосредственно. Например: «Кольо, ти не можа ли да си намериш някоя булка? — каза Филип. Барем сега, след войната, вдовици има много... —Има, казваш. Има, ама я тръгни да търсиш, че ще видиш. Една не ме харесвала, защото *съм бил* черен и *съм*

[63] Мы не учитываем здесь возможность преднамеренно ложного сообщения о факте, когда в высказывании о нем с той или иной целью искажается действительное положение дел, а также случаи, когда говорящий по тем или иным обстоятельствам не помнит или не знает о событиях, случившихся с ним самим.

inslav

имал големи мустаки. Друга не ще, че *съм имал* много деца» (Йовк.); «Моите другари казват, че *съм бил* „ръбат“ човек» (Гул.); «...—Разправиха ми, че като *съм бил запял* на сцената, момичето най-напред зяпнало от изненада, после се било разплакало, най-сетне — като *съм бил помлъкнал* — станало и запяло» (Спас.).

Это объясняется тем, что выбор пересказывательных форм в данных случаях был связан не с потребностью указать на источник знания о факте.

Другой особенностью данных типов контекста является то, что только в них употребляются пересказывательные формы для повелительного наклонения, указывающие на то, что первичное волеизъявление приписывается говорящим другому лицу.

Наконец, при ознакомлении с содержанием чужих утверждений и при «передразнивании» не могут употребляться времена предполагаемого действия.

Исходя из определенных выше частных значений пересказывательных форм, путем логической абстракции можно установить общий признак, присущий пересказывательным формам во всех конкретных случаях их употребления. Таким признаком является, по нашему мнению, указание на вторичный, т. е. либо основанный на полученных от другого лица сведениях, либо повторный характер констатации действия говорящим лицом.

Эмфатические пересказывательные формы

Перейдем к выявлению значения и описанию случаев употребления эмфатических пересказывательных форм, т. е. форм типа *пишел съм бил, пишел бил*; *писал съм бил, писал бил*; *щял съм бил да пиша, щял бил да пише*.

Эмфатические пересказывательные формы представляют действие как такое, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу. При этом употребление данных форм в качестве сказуемого предложения всегда является свидетельством отрицательного отношения говорящего к его содержанию.

Выражение отрицательного отношения к утверждению о действии является непременным и отличительным признаком значения эмфатических пересказывательных форм.

С точки зрения указания на принадлежность первичной констатации действия эмфатические пересказывательные формы противопоставляются непересказывательным формам, которые или вообще не определяют, кому принадлежит первичная констатация действия — самому говорящему или какому-то другому лицу, — или же указывают на то, что первичная, непосредственная констатация действия принадлежит говорящему.

Ср. в этом отношении употребление эмфатической пересказывательной формы *съм бил хранел* и непересказывательной формы *храня* в следующем примере: «—Защо не си го хранил? Не те ли е грях?..— Не го давам аз, бай Василе, не си давам коня — започна Иван, като си разпали и вече не усмихваше.— Тоз кон е тъкмо за мене, той ми гледа децата. Не *съм* го *бил хранел*. *Храня* го аз...» (Йовк.).

Сказуемое *не съм бил хранел* указывает на то, что первичная констатация данного действия приписывается другому лицу и что, следовательно, говорящий сообщает о нем повторно, воспроизводя чужое утверждение. В противоположность этому сказуемое *храня* означает действие, первичная, непосредственная констатация которого принадлежит самому говорящему.

Как мы видели, противопоставление аналогичных оттенков мысли о действии может быть передано также с помощью противопоставления

inslav

обычных пересказывательных и непересказывательных форм. Это свидетельствует о правомерности отнесения эмфатических форм к группе пересказывательных форм болгарского глагола.

С точки зрения второго признака — выражения отрицательного отношения говорящего к чужому утверждению о действии — эмфатические пересказывательные формы вступают в коррелятивные отношения с формами обычного пересказывания, проявляя себя как маркированный член данной корреляции. А именно: эмфатические пересказывательные формы всегда содержат указание на отрицательное отношение говорящего к утверждению о действии, в то время как обычные пересказывательные формы могут (в определенных условиях контекста и интонации) иметь это значение, а могут его и не иметь, указывая на нейтральное, объективное отношение говорящего к чужому утверждению о действии. Характерным в этом отношении является тот факт, что обычные пересказывательные формы в составе предложения могут употребляться в сочетании с модальными словами типа *наистина*, *действително* (см. примеры выше), в то время как эмфатические пересказывательные формы никогда не могут сопровождаться модальными словами указанного типа.

Эмфатические пересказывательные формы употребляются в таких условиях контекста, когда говорящему необходимо выразить свое отрицательное отношение к содержанию чужого утверждения, которое он излагает. Особенно часто эфматические пересказывательные формы употребляются при «передразнивании», позволяя выразить самые яркие эмоционально-экспрессивные оттенки отношения говорящего к чужому утверждению: несогласие с ним, недоверие к нему, возмущение по поводу того, что оно было сделано, иронически-пренебрежительное, насмешливое отношение к его содержанию. Следует отметить то обстоятельство, что обычные пересказывательные формы употребляются при «передразнивании», как правило, в тех случаях, когда говорящий «передразнивает» утверждение своего собеседника, обращаясь к нему самому. Эмфатические пересказывательные формы употребляются как в аналогичных случаях, так и в тех случаях, когда «передразнивается» утверждение лица, не присутствующего при разговоре, т. е. когда перед говорящим стоит и задача ознакомить собеседника с чужим утверждением, а не только задача выразить свое отрицательное отношение к содержанию этого утверждения. Это свидетельствует о том, что данное значение эмфатических пересказывательных форм не связано с условиями ситуации и контекста, как это имеет место при обычных пересказывательных формах, а является собственным значением этих форм. Например: «—Невредници, батакчие, изядохте ме, довършихте ме, бре-е-ей! — Я го гледай ти какъв чивяк. Не постига му богатство! Иска да продаде къщата и на тоя сиромах... Охо-о-о, пък *изяле* го *биле* тия сиромаси. Че твоето имане всичкото село не може го изя» (Влайк.); «— Та ще ти кажа, Давид се докачил и се жалвал. Ще ме съди. От сега нататък абокатите ще ни разправят. Добре де, нека да е тъй! — каза той и се поусмихна. Подир малко друго му мина през ума и се разсърди: — *Щял съм бил да* го уби*вам*! Какво ще го убивам, казах му, че видях пчелите му при моите, меда ми крадат, туй му казах» (Йовк.); «— Когато узреят храните — ще се върна да си прибера житото. Опитай се да ме спреш! Ще ти стане тясно... Гурко сне вилата. — *Щял бил дажъне*. Един клас няма да ти дам да отрежеш от нивата ми. Ще ме познаеш ти мене по-късно!» (Карал.); «—Стига! — взе да се дърпа назад Топур паша, не ща да слушам таквиз приказки... — Ох, светеца. Ох, непорочната калугерица! Не *щял бил да слуша*. Че защо не щеш?» (там же); «—...И какво съм му крива? *Искал бил* дъщеря ми. Добре, но тя не го иска, насила хубост не става» (Йовк.).

inslav

Таким образом, функцией эмфатических пересказывательных форм при «передразнивании» является указание на иронически-пренебрежительное отношение говорящего к содержанию излагаемого им чужого утверждения, выражение несогласия с этим утверждением. С аналогичной функцией эмфатические пересказывательные формы выступают и в контекстах, представляющих собой ознакомление собеседника с чужим утверждением. Например: «—Знаете ли какво още ни крои хубавото кметче? — заразправя един ден Славчо Колокмана... — Какво? — запитаха някои с любопитство. — *Щял бил да издири* и кой какво е превзел от селската мера и от храсталака... и *щял да* го *отнеме*... и на твоите парчета *бил фърлил* око... *Щял бил да* ти *отнеме* и нивето там при Сухата Бара. — Ами какво ли ще ги прави тия всичките ниви, и ливади, и бостани, дето ще ги отнеме от нас? — запита друг уж на шега, ала в същото време и с нескривано любопитство. — *Щял бил да* ги *запази* за издържка на училището — поясни Колокмана, като отпи от своята половница. — А пък от бостана баев Стойков щял уж да направи някаква училищна градина» (Влайк).

В приведенном примере употребление форм эмфатического пересказывания *щял бил да издири*, *щял бил да отнеме*, *щял бил да запази* в качестве сказуемого позволяет говорящему выразить свое насмешливо-недоверчивое отношение к планам нового старосты, свое возмущение ими. Заметим, что форма обычного пересказывания *щял да направи* выражает аналогичное значение лишь в сочетании с модальным словом *уж* — *щял уж да направи*.

Как и обычные пересказывательные формы, формы эмфатического пересказывания, будучи употребленными в качестве сказуемого независимого предложения, при отсутствии лексических или лексико-синтаксических указаний на передачу чужой речи сами по себе придают данному предложению характер чужой речи. В качестве примеров могут служить все приведенные выше отрывки текста с употреблением эмфатических пересказывательных форм. Способность эмфатических пересказывательных форм выступать в качестве средства указания на передачу чужой речи обусловлена их значением, выражением действия как такого, первичная констатация которого приписывается говорящим другому лицу.

Вопрос о степени обязательности и факультативности употребления эмфатических пересказывательных форм, по нашему мнению, решается так. Если говорящему необходимо указать на то обстоятельство, что содержанием его сообщения является изложение чужого утверждения, при отсутствии лексических и лексико-синтаксических средств выражения этой мысли обязательным является употребление пересказывательных форм. Выбор же между обычными и эмфатическими пересказывательными формами определяется при этом на основании чисто семантических причин. Эмфатические пересказывательные формы позволяют более ярко выразить отрицательное отношение говорящего к содержанию чужого утверждения, причем для выражения отрицательного отношения достаточно самого употребления этих форм. Случаев, когда обязательным является употребление именно эмфатических пересказывательных форм, нет.

С употреблением эмфатических пересказывательных форм в придаточных предложениях косвенной речи мы встречаемся в тех случаях, когда говорящему особенно важно подчеркнуть свое недоверчиво-ироническое отношение к излагаемому им чужому утверждению или свое несогласие с его содержанием. Например: «Капитан Петракев обаче внесе ред. Той просто изгони жените, като заяви, че *щели били да гулят* „по мъжки“» (Спас.); «Той избра за носене най-здравите, за лопатиране най-слабите, после отдели избраните настрана и доверително им пришепна, че още *не бил знаел*, по колко ще му платят Василеви...» (там же).

inslav

Употребление эмфатических пересказывательных форм в контексте с обычными пересказывательными формами позволяет подчеркнуть отрицательное отношение говорящего именно к данному действию и вместе с тем является средством выражения недоверчиво-иронического отношения к содержанию всего чужого утверждения в целом. Например: «—Елице снахо, знаеш ли какво ми каза тя вчера?.. Че баща ми имал пари, пък аз *съм* ги *бил взел* и *съм* го *уморил*» (Йовк.).

В заключение следует отметить, что сфера употребления эмфатических пересказывательных форм является более ограниченной, чем сфера употребления обычных пересказывательных форм, не только потому, что объем значений эмфатических пересказывательных форм как маркированного члена корреляции является более узким, но и потому, что функции эмфатических пересказывательных форм могут выполнять и на практике часто выполняют обычные пересказывательные формы в сочетании со средствами интонации и с модальными словами оценочного характера. Кроме того, здесь играют роль и стилистические факторы. Как отмечает Л. Андрейчин, употреблением эмфатических пересказывательных форм не следует злоупотреблять [64].

Общее в значении пересказывательных форм

После того как мы рассмотрели употребление обычных и эмфатических пересказывательных форм, нам предстоит выявить соотношение значений этих форм.

Обычные и эмфатические пересказывательные формы объединяет признак, который для обычных пересказывательных форм является одним из частных значений, а для эмфатических пересказывательных форм — их основным значением. Это указание на то, что первичная констатация данного действия приписывается говорящим другому лицу. В отличие от обычных пересказывательных форм эмфатические пересказывательные формы не могут служить средством указания на источник знания о действии. Следовательно, с непересказывательными формами они коррелируются лишь по признаку принадлежности первичной констатации действия. А отсюда следует, что они не могут употребляться в совместном контексте с временами предполагаемого действия.

Обычные и эмфатические пересказывательные формы коррелируются между собой по признаку отношения говорящего к данной оценке действия. И здесь значение эмфатических пересказывательных форм оказывается, как мы видели, более узким: они всегда выражают отрицательное отношение говорящего к данной оценке действия и, следовательно, выступают в качестве маркированного члена корреляции.

В итоге можно утверждать, что значение пересказывательных форм в целом, как обычных, так и эмфатических, заключается в указании на вторичный характер констатации действия.

МЕСТО ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ В ГРАММАТИЧЕСКОМ СТРОЕ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА

Как мы уже отмечали, способность некоторого круга форм выступать с пересказывательным значением позволяет современным лингвистам говорить о наличии в болгарском языке особого пересказывательного наклонения. Это мнение впервые было выдвинуто и обосновано А. Теодо-

[64] Л. Андрейчин. Употреба на преизказаните глаголни времена, стр. 22.

inslav

ровым-Баланом [65], а затем воспринято болгарской грамматикой. В последнее время к точке зрения А. Теодорова-Балана присоединился и Л. Андрейчин [66], который прежде выступал против отнесения пересказывательных форм к особому наклонению, включая их в изъявительное наклонение и рассматривая как проявление категории «способа высказывания» (см. § 176 и § 324 его «Грамматики болгарского языка»).

Теодоров-Балан рассматривает вопрос о пересказывательном наклонении в свете традиционного понимания категории наклонения в болгарском языке. Он считает, что категория наклонения отражает отношение говорящего к глагольному действию. Существует четыре типа отношения говорящего к действию, находящих себе выражение в особых формах глагола: изъявление, повеление, условие и пересказ. Говорящий или изъявляет («прямо высказывает»), или повелевает (велит, желает), или обусловливает (условие, допущение), или пересказывает какое-либо действие [67]. В соответствии с этим различаются изъявительное, повелительное, условное и пересказывательное наклонения. Форма в пересказывательном наклонении означает, что действие представлено с точки зрения какого-то другого говорящего, названного или нет, действительного или выдуманного. Говорящий сообщает о действии не прямо от своего лица, но так, как будто о нем «рассказывает» кто-то другой, т. е. пересказывая [68]. По своему значению пересказывательное наклонение непосредственно противопоставляется изъявительному наклонению, с помощью которого говорящий прямо, от своего лица, сообщает о действии. «Изъявителен (начин. — *Е. Д.*) по който беседникът напросто изявява едно вестно, знато или знайно вършене» [69]. Определение значения повелительного и условного наклонений дается вне такого противопоставления с изъявительным или пересказывательным наклонениями. О повелительном наклонении говорится, что с его помощью говорящий высказывает волю к действию («дава воля на едно вършене»), об условном — что с помощью него говорящим допускается возможность действия [70].

Такое понимание категории наклонения в болгарском языке и роли пересказывательных форм вызывает у нас ряд возражений [71].

Прежде всего, нетрудно убедиться, что у Теодорова-Балана нет единого критерия для выделения отдельных наклонений, того «основания сходства» (tertium comparationis), которое позволяло бы рассматривать

---

[65] А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика, стр. 164 и 200—202; его же. Състояние на българската граматика, стр. 112—113, 116—119, 128 и 169—171.

[66] Л. Андрейчин. Въпросът за национална самобитност на езика, стр. 39—45; его же. Употреба на преизказаните глаголни времена, стр. 20—22; Л. Андрейчин. Ст. Стойков, К. Попов. Български език. Учебник за VIII клас на общообразователните училища, стр. 69; то же за IX клас, стр. 45; то же за X и XI клас, стр. 49, Л. Андрейчин, Н. Костов, К. Мирчев, Е. Николов, Ст. Стойков. Български език за педагогически училища за начални учители, стр. 212—213.

[67] А. Теодоров-Балан. Състояние на българската граматика, стр. 170.

[68] Там же, стр. 117. Поскольку язык Теодорова-Балана является своеобразным и трудно поддается переводу, приводим это определение в подлиннике: «Облик в приказно наклонение значи, че едно вършене е поставено в площ на друг някой беседник, именуван или не, истински или присторен; беседникът изявява едно вършене не направо от себе, сир. знайно, вестно, но както да го «приказва» друг някой, сир. невестно, приказно, а този някой може да бъде и сами беседникът».

[69] А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика, стр. 164.

[70] Там же, стр. 164.

[71] То же самое можно сказать и о написанном Л. Андрейчиным разделе «Наклонение» учебника для педагогических училищ, в котором проводятся аналогичные мысли. См. Л. Андрейчин, Н. Костов, К. Мирчев, Е. Николов, Ст. Стойков. Български език, стр. 212—234.

inslav

понятия, передаваемые с помощью форм различных наклонений, как проявление единой грамматической категории наклонения. Усматривая существо грамматической категории наклонения в выражении отношения говорящего к действию, в том, «как ставит себя в речи говорящий по отношению к действию» [72], Теодоров-Балан само понятие отношения к действию трактует весьма широко — то как проявление способа сообщения о действии (прямое изъявление от своего лица или пересказывание с точки зрения другого лица), то, безразлично к этому, как указание на отношение действия к действительности (воля к действию, т. е. к реализации действия, или допущение возможности действия, т. е. возможности реализации действия). Из определений Теодорова-Балана следует, что изъявительное и пересказывательное наклонения различаются между собой по признаку, сообщает ли говорящий о действии прямо, непосредственно, или пересказывая. В то же время изъявительное, повелительное и условное наклонения различаются по признаку отношения действия к действительности. Таким образом, повелительное и условное наклонения, с одной стороны, и пересказывательное наклонение, с другой, выделяются с точки зрения различных признаков. Лишь в значении изъявительного наклонения совмещается указание на оба признака.

Необходимо учитывать, что с помощью пересказывательных форм может быть, с свою очередь, передано значение побуждения к действию и что, следовательно, пересказывательное значение как бы «перекрещивается» со значением изъявительного и повелительного наклонений. Поэтому мы пытаемся по-иному осветить вопрос о грамматической категории наклонения в болгарском языке и о месте пересказывательных форм в системе болгарского глагола.

Прежде всего возникает вопрос, насколько целесообразным является стремление рассматривать пересказывательные формы именно в связи с категорией наклонения?

Сообщение о действии с помощью непересказывательных форм всегда предполагает установление говорящим лицом отношения этого действия к реальной действительности, иными словами выбор между изъявительным, повелительным и условным наклонениями. Поэтому и пересказывательные формы как категория, коррелирующаяся с непересказывательными формами, непременно содержат в своем значении указание на признак отношения действия к реальной действительноти. В этом, на наш взгляд, и заключается то общее, что позволяет говорить о пересказывательных формах в связи с категорией наклонения.

Далее встает вопрос, является ли отношение действия к действительности, устанавливаемое с помощью пересказывательных форм, принципиально новым по сравнению с теми типами отношения действия к действительности, на которые указывают непересказывательные формы изъявительного, повелительного и условного наклонений?

Как известно, Л. Андрейчин в свое время отвечал на этот вопрос отрицательно (см. § 324 его «Грамматики болгарского языка»). Он относил пересказывательные времена наряду с непересказывательными к изъявительному наклонению, представляющему действие с его фактической стороны, подчеркивая, что «пересказывание действий в своей основе не имеет прямого отношения к их фактической стороне». «В этом случае действие представляется переданным другим лицом, но уверенность в его достоверности от этого не уменьшается». Вопрос о том, как следует рассматривать приведенные в его грамматике пересказывательные формы для простого условного наклонения, он не затрагивает.

---

[72] А. Теодоров-Балан. Състояние на българската граматика, стр. 113.

inslav

Из определений Теодорова-Балана также следует, что с точки зрения отношения действия к действительности между значениями изъявительного и пересказывательного наклонений разделения провести нельзя.

Проделанный нами анализ показал, что с точки зрения отношения действия к действительности пересказывательные формы как бы дублируют значение форм изъявительного и повелительного наклонений. В том случае, когда в значении пересказывательной формы содержится указание на отсутствие уверенности в достоверности передаваемого, это обусловлено прямым влиянием интонации и контекста или иными особенностями употребления. Мы же придерживаемся точки зрения, что категория наклонения охватывает только те разновидности отношения действия к действительности, для выражения которых в языке существуют особые формы глагола, только те модальные значения, которые входят «в смысловую структуру самого глагольного действия», присущи ему «не в плане синтаксической характеристики, как сказуемому, а в морфологическом аспекте, т. е. самому глагольному слову» [73].

Эмфатические пересказывательные формы также не представляют исключения, поскольку их отличительным признаком является указание на эмоциональное отношение говорящего к той оценке отношения действия к действительности, которая была установлена другим лицом.

Таким образом, пересказывательные формы как бы дублируют те типы отношений действия к действительности, которые передаются с помощью изъявительного, повелительного и, возможно, условного наклонений, отличаясь от них и противопоставляясь им наличием принципиально нового признака значения, благодаря которому и создается корреляция пересказывательных и непересказывательных форм, однотипных с точки зрения отношения действия к действительности.

Таким признаком, по нашему мнению, является указание на вторичный характер оценки говорящим лицом отношения действия к действительности, а именно, или на то, что данная оценка отношения действия к действительности производится говорящим на основании полученных от другого лица сведений, или же на то, что говорящий воспроизводит оценку отношения действия к действительности, которая впервые была произведена другим лицом. В связи с этим пересказывательные формы с точки зрения выражаемого ими отношения действия к действительности могут быть определены как наклонения вторичной оценки, или, проще, как вторичные наклонения. В противоположность этому непересказывательные формы с точки зрения отношения действия к действительности могут быть определены как наклонения первичной оценки, или как первичные наклонения.

Таким образом, следует признать, что категория наклонения в болгарском языке является своеобразной по сравнению с другими славянскими языками не только и не столько по количеству отдельных наклонений, сколько по значению самой грамматической категории наклонения. Категория наклонения в болгарском языке является такой грамматической категорией глагола, с помощью которой действие определяется говорящим лицом с точки зрения двух признаков:

1) с точки зрения отношения этого действия к реальной действительности и

2) с точки зрения характера оценки, причем конкретизируется, что послужило основанием для данной оценки (непосредственное суждение, предположение или полученные от другого лица сведения), является ли

---

[73] Н. С. Поспелов. Категория времени в грамматическом строе русского глагола. Сб. «Вопросы теории и истории языка». М., 1952, стр. 292.

inslav

она впервые производимой говорящим или лишь воспроизводящей чужую оценку, вторичной.

Категория наклонения проявляется через формы первичных и вторичных наклонений[74].

К первичным наклонениям относятся изъявительное, повелительное и условное наклонения, различающиеся между собой с точки зрения отношения обозначенного ими действия к реальной действительности и объединяемые указанием на первичный характер оценки.

К вторичным наклонениям относятся вторичное изъявительное и вторичное повелительное наклонения, различающиеся между собой с точки зрения отношения обозначенного ими действия к реальной действительности и объединяемые указанием на вторичный характер оценки.

Первичное и вторичное изъявительные наклонения, первичное и вторичное повелительные наклонения находятся между собой в коррелятивных отношениях, причем вторичные наклонения выступают как маркированный член корреляции.

Условное наклонение, как показывает наш материал, проявляется через специальные формы лишь в качестве первичного наклонения. Как мы уже говорили, на основании данных некоторых болгарских языковедов можно говорить и о наличии особых форм вторичного условного наклонения.

Вторичное изъявительное наклонение, в свою очередь, разделяется на два коррелятивных ряда форм, различающихся между собой по признаку отношения говорящего к данному утверждению о действии. В связи с этим можно говорить об обычных формах вторичного изъявительного наклонения и об эмфатических формах вторичного изъявительного наклонения.

В целом система наклонений болгарского глагола представляется нам в следующем виде:

Первичное изъявительное наклонение	Вторичное изъявительное наклонение Обычные пересказывательные формы / Эмфатические пересказывательные формы
Первичное повелительное наклонение	Вторичное повелительное наклонение
Первичное условное наклонение	Пересказывательные формы для простого условного наклонения (?)

[74] Всестороннее изучение времен предполагаемого действия, как мы уже отмечали, возможно, позволит говорить также о становлении предположительного наклонения в современном болгарском языке. Во всяком случае, мы считаем необходимым выделить группу этих форм, с помощью которых констатируется наличие действия в настоящем или в прошлом и одновременно указывается на то, что эта констатация действия основана на предположении, устанавливается говорящим путем умозаключения на основании каких-то известных ему данных. В систему наклонений эти формы мы не включаем, учитывая, в частности, слабую разработанность вопроса, однако наше понимание категории наклонения в болгарском языке охватывает и объясняет значение этих форм и позволяет дать их модальную характеристику.

inslav

Как мы уже отмечали, если будет доказана правомерность рассмотрения сочетания модальной частицы *да* с формой настоящего времени глагола в болгарском языке как формы особого наклонения — конъюнктива, то и для этого наклонения можно будет говорить о наличии пересказывательного эквивалента — «вторичного конъюнктива». Тогда наша таблица дополнилась бы еще одним рядом.

Итак, говорить о наличии в болгарском языке пересказывательного наклонения в том смысле, какой придавал этому А. Теодоров-Балан, т. е. как об одном из наклонений в ряду других наклонений, на наш взгляд, нет оснований. Если воспользоваться этим термином, то можно говорить о пересказывательных наклонениях. Пересказывательные формы в общей системе болгарского глагола предстают как формы, через которые находит свое воплощение система вторичных наклонений и которые существенным образом изменяют значение грамматической категории наклонения в болгарском языке.

Формы вторичного изъявительного наклонения служат для констатации действия, которое имело, имеет или будет иметь место в реальной действительности, с указанием на вторичный, с точки зрения говорящего лица, характер оценки отношения действия к действительности. При этом выбор между обычными и эмфатическими пересказывательными формами конкретизирует отношение говорящего лица к данному опосредствованному суждению о действии.

Формы вторичного повелительного наклонения служат для выражения побуждения к действию с указанием на вторичный, с точки зрения говорящего лица, характер этой оценки отношения действия и действительности, т. е. на то, что данное волеизъявление не принадлежит самому говорящему лицу.

С помощью дальнейшего выбора между формами вторичного изъявительного наклонения определяется лицо (число) и время действия, между формами вторичного повелительного наклонения — лицо (число).

Перейдем к вопросу о временно́м значении форм вторичного изъявительного наклонения.

Временно́е значение пересказывательных форм

Вопрос о временно́м значении отдельных пересказывательных форм всегда привлекал внимание лингвистов, занимавшихся вопросами пересказывания. На основании сопоставительного изучения временны́х значений пересказывательных и непересказывательных форм было установлено, что с помощью пересказывательных форм в различных условиях контекста могут быть переданы все основные типы временны́х значений, которые выражаются формами непересказывательных времен. Но при этом количественно состав пересказывательных форм оказывается более ограниченным. Некоторые типы временны́х значений, находящие себе в системе первичного изъявительного наклонения особые формальные средства выражения, передаются одной и той же пересказывательной формой. Так, например, форме настоящего времени *пиша* и форме имперфекта *пишех* соответствует одна и та же пересказывательная форма *пишел съм*, *пишел* (при эмфатическом пересказывании *бил съм пишел*, *бил пишел*). Пересказывательная форма *бил съм писал*, *бил писал* совмещает значения перфекта и плюсквамперфекта, а при эмфатическом пересказывании — также и аориста; форма *щял съм да пиша*, *щял да пише* (при эмфатическом пересказывании *щял съм бил да пиша*, *щял бил да пише*) — значения будущего и будущего в прошедшем.

inslav

В связи с этим возникает естественный вопрос, как следует рассматривать формы, совмещающие различные временные значения: встречаемся ли мы здесь с явлением грамматической омонимии или речь может идти лишь о разнообразии функций единой грамматической формы? Л. Андрейчин придерживается первого решения. Он считает, что поскольку формы пересказывания имеются при всех временах болгарского спряжения, эти формы нужно рассматривать отдельно при каждом из девяти времен, сохраняя и здесь соответствующие основные названия времен. Поэтому он говорит о наличии в болгарском языке девяти времен обычного пересказывания и такого же числа времен эмфатического пересказывания соответственно девяти непересказывательным временам [75]. А. Теодоров-Балан дает иное решение этого вопроса. Он стремится закрепить за каждым типом пересказывательных форм, кроме форм типа *бил съм писал*, выражение только одного временнóго значения. Так, по его мнению, выражение значения настоящего времени следует закрепить за формой типа *пишел съм*, а значение имперфекта — за формой *бил съм пишел*; выражение значения будущего времени — за формой типа *ще съм пишел* (*щял съм да пиша*), а значение будущего в прошедшем — за формой типа *ще съм бил пишел* (*щял съм бил да пиша*). Форму *писал съм*, *писал* он исключает из состава пересказывательных времен, поскольку она совпадает с формой перфекта, а в форме *бил съм писал* усматривает общую пересказывательную форму для перфекта, плюсквамперфекта и аориста. Таким образом, он искусственно создает стройную систему пересказывательных времен, не соответствующую в ряде пунктов живому употреблению перечисляемых им форм. С критикой концепции Теодорова-Балана выступил Л. Андрейчин, подчеркнувший, что предложенное акад. Баланом разграничение форм типа *пишел съм* и *бил съм пишел* по времени не существует в народной речи и поэтому является абсолютно неприемлемым. «Никто не может обязать болгарский народ не говорить «В това време децата играели на двора», а говорить только «В това време децата били играели на двора». С другой стороны, нельзя доказать, что в первом высказывании употреблено настоящее пересказывательное вместо прошедшего несовершенного пересказывательного времени» [76].

В своем ответе [77] А. Теодоров-Балан пытается доказать, что при определении грамматического времени в предложении с пересказывательными формами следует принимать во внимание: а) момент, когда другое лицо сообщило говорящему о действии, о котором сейчас говорящий повторно сообщает, и б) тот факт, было ли сообщено говорящему о данном действии очевидцем, или он узнал о нем от третьих лиц. Теодоров-Балан считает, что о настоящем пересказывательном времени следует говорить тогда, когда говорящий пересказывает действие, о котором недавно узнал от лица, сделавшего данное утверждение, и что в этом случае может быть употреблена только форма типа *пишел съм*, *пишел*. Когда говорящий пересказывает действие, сообщенное когда-то давно другому лицу и лишь через посредство третьих лиц ставшее известным говорящему, он употребляет форму прошедшего несовершенного пересказывательного времени *бил съм пишел*, *бил пишел*.

Л. Андрейчин не соглашается с этими утверждениями Теодорова-Балана и считает, что разграничение времен пересказывательного накло-

---

[75] Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 283, 284 и 286.

[76] Л. Андрейчин. Граматиката като наука и нейната практическа роля. «Български език», София, год. III, 1953, кн. 4, стр. 306.

[77] А. Теодоров-Балан. Граматични разногласия. «Български език», год. IV, 1954, кн. 3, стр. 216—218.

inslav

нения осуществляется на общих основаниях, как и при отсутствии пересказывания. Моменты, отмеченные А. Теодоровым-Баланом, на практике не влияют на выбор пересказывательных форм, а следовательно, не могут быть приняты за основу при определении значения пересказывательных времен. В частности, для употребления таких форм, как *играели* и *били играели*, безразлично, когда и кем было сделано сообщение, на основе которого осуществляется пересказывание [78].

С иными критериями к рассмотрению форм, совмещающих различные временные значения, подходит Ю. С. Маслов. Он считает, что поскольку такие выделяемые Л. Андрейчиным формы, как, например, «пересказывательный перфект» и «пересказывательный плюсквамперфект», полностью и всегда (во всех лицах обоих чисел у всех глаголов) являются омонимичными друг другу, поскольку никакого различия формальных показателей (кроме различий общего контекста, не поддающихся подведению под определенные правила) в данном случае нет, отделять друг от друга эти формы нет никаких оснований.

В основу группировки материала следует положить объективные различия между пересказывательными формами («пересказывательным I», «пересказывательным II» и т. д.), и лишь внутри каждой формы учитываются ее функции и ее соответствия тем или иным формам изъявительного наклонения [79].

В принципе такая постановка вопроса представляется нам правильной. Мы считаем, что рассматривать, например, употребление формы типа *пишел съм*, *пишел* со значением настоящего времени и со значением имперфекта как случай грамматической омонимии нет оснований, в частности, еще и потому, что здесь мы имеем дело с различиями, не противоречащими причислению обоих случаев к одной и той же грамматической категории. К тому же в значении пересказывательных форм, совмещающих два временных значения, всегда легко обнаруживается признак, общий для всех случаев употребления данной формы. Так, например, для всех случаев употребления форм типа *пишел съм*, *пишел* общим является то, что действие при этом предстает в момент, на который распространяется его протекание или повторение. В значении формы типа *щял съм да пиша*, *щял да пише* во всех случаях ее употребления воспринимается общий признак выражения действия как предстоящего. Это лишний раз показывает, что в подобных случаях целесообразно говорить о наличии единой формы, совмещающей различные временные значения, которые выступают как частные значения данной формы.

Мы согласны с Л. Андрейчиным в том, что и при пересказывательных формах объективное грамматическое время определяется по отношению действия к моменту речи говорящего, а в ряде случаев — также и к моменту, о котором говорится.

Для системы времен вторичного изъявительного наклонения характерно то, что однотипные временные значения находят здесь выражение в двух рядах форм — в формах обычного пересказывания и в эмфатических пересказывательных формах.

Таким образом, следует говорить, собственно, о двух системах времен внутри вторичного изъявительного наклонения, каждая из которых в той или иной мере соответствует системе времен первичного изъявительного наклонения.

---

[78] Л. Андрейчин. За някои «граматични разногласия». «Български език», год. V, 1955, кн. 3, стр. 224—227.

[79] Ю. С. Маслов. К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения, стр. 312—313.

inslav

Времена обычного пересказывания

1) Форма типа *писал съм*, *писал* во всех случаях ее употребления выражает законченное действие, отнесенное в прошлое [80]. По своим функциям в обособленных высказываниях и в повествовательном контексте она может быть определена как пересказывательный аорист, например: «— Поручика го няма, — каза Йови. — Таз сутрин ми каза един войник, че го нямало. *Заминал* надолу по границата» (Йовк.); «След сръбско-българската война, в която го *ранили*, той дълго *служил* като полицейски старшия, но после *се уволнил* и *се прибрал* в село» (Е.-П.).

2) Форме типа *пишел съм*, *пишел* во всех случаях ее употребления присуще значение действия, представленного в момент, на который распространяется его протекание или повторение. В конкретном употреблении это действие выступает или отнесенным в прошлое, или распространяющимся и на настоящий, с точки зрения говорящего, момент. В зависимости от этого форма типа *пишел съм*, *пишел* имеет значение или пересказывательного имперфекта, или пересказывательного настоящего.

Со значением пересказывательного настоящего времени данная форма употребляется чаще всего в разговорном языке, в диалоге, в частности в следующих случаях: если в высказывании имеются специальные обстоятельственные слова, свидетельствующие о том, что действие относится к настоящему, с точки зрения говорящего, моменту, например: «— Онези двамата ловци от Сърнено, Енчевите братя, нали ги знаеш? Те намерили де се крие вълчицата, взели ѝ вълчетата... *Сега вардели* да убият и нея, вълчицата» (Йовк.); «Но за такова важно послание трябва човек, дързостен и изкусен... А в Букурещ *засега нямало* такъв човек, защото по-надеждните изпратили по други мисии» (Ваз.); «— Комунистите *имали* праздник *днеска*» (Карасл.); когда речь идет о действии обычном, постоянном, «могущем произойти в любой момент на протяжении большего или меньшего временнóго отрезка» [81], если в контексте не сказано, что этот отрезок относится к прошлому, например: «Разправят, от краката най-лесно *се простивало*...» (Карасл.); «Казват, че кога едни кучета са много зли, ранокъсно *се овълчавали*» (Йовк.); когда пересказывательная форма *пишел съм*, *пишел* употребляется в составе сказуемого, указывающего на неизменные, «вневременнýе» качества подлежащего: «— За тебе думат хората, че *си бил* българин. — Не съм» (Карал.); в диалоге при «передразнивании» утверждения собеседника относительно действия в настоящем, например: «— Няма я, Стоилко, — върна се изплашена Стоилица... — *Нямало* я! На орехи ли ще играем? — опули се дядо Стоилко» (Страш.); если из общего смысла высказывания явствует, что действие, обозначенное пересказывательной формой, имеет место в настоящий, с точки зрения говорящего, момент. В частности, сюда относятся случаи, когда в своих намерениях или требованиях говорящий исходит из факта наличия в настоящий, с его точки зрения, момент какого-то действия или состояния или когда именно этим фактом объясняются те или иные поступки в настоящем, например: «— Бате Еньо, кака Иваница поръча да си отидеш у дома. Кака Цвета *била* у вас» (Е.-П.); «— Забравих да ви кажа, че там, до чешмата, има гроб, казват жена *излизала* нощe, страхуват се хората. Таз жена *идела* на чешмата, *плискала се*, *миела се*, сетне *сядала* на плочата горе и си *че-*

---

[80] Мы намеренно не учитываем здесь случаи употребления этой формы вместо форм типа *пишел съм, пишел*, встречающиеся в языке некоторых писателей (например, Л. Каравелова, Елин-Пелина) под влиянием западных говоров, поскольку такое употребление противоречит нормам литературного языка.

[81] Ю. С. Маслов. Очерк болгарской грамматики, стр. 230.

inslav

шела косата» (Йовк.); «—Поп Сава ме пъди от черква. Гласът ми *бил* като на старо куче» (Карал.); «Д-р Кондов: ...Мичето *искало* да учи италиански. Майка ѝ ме моли да съм ѝ давал уроци» (Йовк.).

Если об одном и том же в принципе факте сообщается то с помощью непересказывательной формы настоящего времени, то с помощью пересказывательной формы типа *пишел съм*, *пишел*, последняя также выступает со значением пересказывательного настоящего времени: «— Виж, каква съм руса! Прекръстили ме Пшеничката, защото *съм приличала* на узрял клас, и очите ми *били* на котка. По нас не обичат русите хора» (Е.-П.).

Со значением пересказывательного настоящего времени форма типа *пишел съм*, *пишел* употребляется в ответе на вопрос относительно настоящего момента; например (собравшиеся около пекарни люди волнуются, шумят, узнав, что она не работает; заметив это волнение, одна из женщин спрашивает): «— Какво е станало?... — Казват — фурната *не пушела*. —Че защо трябва да пуши? — каза спокойно дребната уморена жена. — Нали сега фурната е напечена, пълна с хляб» (Спас.). В диалоге, когда высказывание является наиболее имплицитным[82], рассчитанным на предварительное знание собеседником некоторых обстоятельств, специальное указание на то, что речь идет о настоящем моменте, может отсутствовать, поскольку это и так известно собеседнику. Тогда значение данной пересказывательной формы как настоящего времени становится ясным из общей ситуации: «— Яде калая Буцов — говори Никола... — *Отстъпвали* нашите. Кой ти каза, че отстъпват!» (Йовк.).

Употребление формы типа *пишел съм*, *пишел* со значением пересказывательного имперфекта наиболее широко представлено в повествовательном контексте, реже — в обособленных высказываниях. В частности, о значении пересказывательного имперфекта можно говорить в следующих случаях: если в высказывание включены специальные обстоятельственные слова, свидетельствующие о том, что действие имело место в прошлом, например: «Но най-много говори за своя кон. Наскоро те *имали* поход... Конете по цели дни *гладували*. И с истиника скръб Делчо разказва, как конят му *биел* с крак земята, *разравял* снега, за да търси трева, как *гризел* кората на фиданките, или дори сухи греди» (Йовк.); при сообщении об обычных, постоянных, могущих произойти в любой момент на протяжении большего или меньшего временного отрезка действиях, если в контексте сказано, что этот отрезок времени относится к прошлому, например: «Когато биваше спокоен, Манолаки често обясняваше какво значи мюхлюзин: едно време на ония, които от мързел или пиянство *задлъжнявали* и не си *изплащали* дълговете, *удряли* им на челото печат с нагорещено желязо и ги *пущали*, та всеки да ги познава» (Йовк.); в повествовании о прошлом в контексте с пересказывательным аористом, например, «— Мангалчето, — разправяше той, — не е толкова глупав, колкото си го мислите. Пред следователя той държеше на едно: че си *стоял* в кафенето и си *мислел*, как ще живее, как ще си храни децата след заграбването на нивата му. И като видял да минава Ганчовски, притъмняло му пред очите, грабнал брадвата на Мандя и се измъкнал навън» (Карасл.); «И той излязъл и тръгнал към къщи, все така юначен и хубав, все така нежно усмихнат над детето. Мъдро *вървели* след него старите жени, а юнаците *пиели* вино из бакъри, *пеели* и *стреляли* с револверите си» (Йовк.).

3) Форма типа *щял съм да пиша*, *щял да пише* во всех случаях ее употребления выражает действие как предстоящее. В конкретном употреблении это действие выступает или как предстоящее по отношению

---

[82] Термин заимствован у Ш. Балли («Общая лингвистика и вопросы французского языка», М., 1955).

inslav

к моменту речи говорящего, или же как предстоявшее по отношению к прошедшему моменту, о котором говорится. В зависимости от этого форма типа *щял съм да пиша*, *щял да пише* имеет значение или пересказывательного будущего времени, или пересказывательного будущего в прошедшем.

Со значением пересказывательного будущего времени данная форма чаще всего употребляется в разговорном языке, в диалоге, в частности, в следующих случаях: если в высказывании имеются специальные обстоятельственные слова и выражения, указывающие на отнесенность действия к еще не наступившему периоду, например: «— Казват, че Панайот *щял скоро да дойде* от Сърбия» (Ваз.); «Къде остави писмото? Прочети го. Той *тази вечер щял да намине!*» (Страш.); «Донка ми казà, че *след света Богородица* Стойчо *щял да прати* годежници» (Влайк.); «— Ами че, тате, нали ти казах. Случило му се работа, сега пък *след десетина деня щял да тръгне*» (Йовк.); в диалоге при «передразнивании» утверждения собеседника относительно предстоящего действия, например: «— И речи яко да ми вържат ръцете! Яко, зере знайте си, селяни! — обърна се той към другите — знайте: да си не видя само ръцете отвързани, глави ще късам!.. — Глей го ти него — извърна се старецът към другите селяни, ще се противи, глави *щял да къса!*» (Страш.); если из общего смысла высказывания явствует, что действие, обозначенное пересказывательной формой, является предстоящим по отношению к моменту речи говорящего; в частности, сюда относятся случаи, когда в своих намерениях или требованиях говорящий исходит из того, что в будущем должно иметь место какое-то действие, например: «— Знаеш ли какво, Панчо? *Щяла да се продава* Миточковичината къща, дето е при мамини. Хайде да я купим, а?» (Влайк.); «—Хайде, ба Русе, откога те чакам — завика Димитър. — Хайде, че жената дума, *щял съм да изпия* всички пари, пусти да останат, че то пари ли са? Гледай — това е всичко» (Спас.); «Дошъл един... депутатин ли го рече, какъв. *Щял да сказва* слово в Желязовия салон, да си отидел и ти» (Йовк.).

Форма типа *щял съм да пиша*, *щял да пише* имеет также значение пересказывательного будущего времени, если она употреблена в ответе на вопрос относительно действия в будущем: «— Днеска дали ще пускат в затвора, а? — попита баба Дара... — Така казват, *щели да пускат* — измърмори старецът...» (Карасл.). В диалоге говорящий может рассчитывать на знание собеседником того, о чем идет речь, и тогда специальное указание на то, что данное действие является будущим, может отсутствовать, например: «... — Е, кажи де, какво ти прави годеникът? Чуваме, че *щял да доде*.— Ще доде, бабо Лукано!» (Йовк.).

Со значением пересказывательного будущего времени употребляется также форма типа *ще съм пишел*, *ще пишел*, например: «Вечерта д-р Мавров намери в спалнята си записка от учителката — хвърлила я през балкона. Съобщава му, че тръгва за София (едвам успяла да си извади открит лист), *ще се срещнели* там с инженер Раданова. Щяла да види въобще какво може да се направи, за да се «парират» интригите» (Страш.); «— И сам той не иска да напусне града. Говори даже... странни работи: *ще* си *разбиел* черепа, ха-ха!» (там же).

Со значением пересказывательного будущего в прошедшем форма типа *щял съм да пиша*, *щял да пише* обычно употребляется в повествовании о прошлом в контексте с пересказывательным аористом, например: «Било неделен ден и *щели да кръстят* детето. И ето всички видели войводата да излиза от къщата си... той сам носел детето си, усмихнат и щастлив» (Йовк.); «Петлю тъй много се зарадвал, че *щял* от цяло гърло *да извика*: «Кукуригу», но си премълчал» (Е.-П.).

inslav

При этом она нередко выступает с модальным значением возможного в прошлом, но не совершившегося действия, например: «Врабчето заподскачало от клонче на клонче. Не можело да се нарадва на хубавата си премяна. Изведнаж голяма змия скочила отгоре му. Насмалко *щяла да* го *налапа*» (Е.-П.); «Отворила Лиса лапи, пуснала Петля. Той пухнал с криле и хвъркнал на дървото... Лиса *щяла да пукне* от яд» (там же); «И на другия ден всички знаеха, че Марьола Сайбийката пъдела снаха си. И всички само за това приказваха. Жените се спираха на улицата, викаха се през оградите, питаха се, преувеличаваха, измисляха.— Карали се, марии, очите си *щели да издерат*!.. — Какво ти каране! Ступали се, та ако не бил Мал-Трифон да ги разтърве, косите си *щели да омъкнат*» (Карасл.); «Майка ѝ казваше, че ако батко ѝ Юрдан не бил тръгнал с Борис... сега *щял да* си *бъде* свободен» (там же).

4) Форме типа *бил съм писал*, *бил писал* во всех случаях ее употребления в качестве формы обычного пересказывания присуще значение прошедшего действия, представленного с точки зрения его актуальности для последующего момента, в частности, действия, результат которого наличествует в последующий момент. В конкретном употреблении это прошедшее действие выступает или как представленное с точки зрения его актуальности для настоящего момента, или как представленное с точки зрения его актуальности для последующего также прошедшего момента. В зависимости от этого форма типа *бил съм писал*, *бил писал* имеет значение или пересказывательного перфекта, или пересказывательного плюсквамперфекта.

Со значением пересказывательного перфекта данная форма употребляется обычно в разговорном языке, в частности, в следующих примерах: «— Бре Марине, бре човече, де се изгуби? Да не си се борил пак с мечката, със стръвницата? Пак *се била явила* в Липов-дял» (Йовк.); «— А пък дето казват, че вълчицата *се била овълчила* в нивите, не вярвам. Там е тя, там — в гората» (Йовк.); «— Маки, стреляли сме ние за женки, а за свобода не йощ стреляли — това си е! Разнесе се дрезгав смях. Големан загледа тъмните лица. Отде излизаха тия книжни думи у тях? Те за свобода още не *били стреляли*...» (Страш.); «— Ти знаеш ли?— «Дунав» сваля съвсем маската на Огнянова: изображава го цял! Той *бил избягнал* из Диярбекир и го търсят под листо... Аз се заклевам, че той е...» (Ваз.); «Бай Доверчинов започна да разгръща един по един вестниците... — Юбилей, бе, юбилей се празнува утре. Цяла България го празнува. Има нареждане от всички министерства. По всички отрасли юбилярът *бил заслужил*» (Е.-П.); «— Новото — започва авторитетно Вълчо,— новото е туй, че турците бягат и се събират към Чаталджа. А днес-утре — Одрин пада!— Че уж *бил паднал* вече я! — обажда се Кръстан» (Йовк.).

Со значением пересказывательного плюсквамперфекта форма типа *бил съм писал*, *бил писал* употребляется в повествовании о прошлом, в частности, в контексте с пересказывательным аористом. Например: «Нашето дружество прилича на оная бабичка, която купила ведро да дои кравата, а кравата още не *се била* и *отелила*» (Карав.); «— Там имаше малко дърво, криво, убого, грозно. Но то *било плувнало* в бели цветове, когато Евгений спрял последен поглед върху него» (Спас.); «Махмуд се качил и го отсякъл... Ето че иде Хаджията... Взел парите, нахокал го и го изпъдил, че не му дал дори и клона, дето го *бил отсякъл*» (Йовк.).

Времена эмфатического пересказывания

1) Форма типа *бил съм пишел*, *бил пишел* по своему временно́му значению совпадает с формой обычного пересказывания типа *пишел съм*, *пишел*,

inslav

отличаясь от нее лишь своим модальным значением. В конкретном употреблении эта форма также имеет либо значение пересказывательного настоящего времени, либо значение пересказывательного имперфекта.

Со значением пересказывательного настоящего времени данная форма употреблена, в частности, в следующих примерах: «Вида: ...Хората казват, че *бил имал* пари. Де са те? Кой ги е видял?» (Йовк.); «Андрея: Ти да не се бъркаш. Знам ти езика аз тебе. Вида: Че какво пък? Онзи ден, като бяхме на лозе, колко работи? *Знаял* ми *бил* езика...» (Йовк.); «Разсъждава върху «употреба на сегашни глаголни форми от свършени глаголи»... и трупа грешка въз грешка... Не *можело било* да се каже по български: изляза в четири часа...» (А. Теодоров-Балан. Съст. на бълг. гр.).

Со значением пересказывательного имперфекта данная форма употребляется значительно реже. Например: «Когато вечерта разправи на Сара придобивката си, тя се зарадва, само че го укори за първото му предложение — да ограбят селяните. Не било хубаво така, добре станало, че не го приели. Моис се ухили. Той *бил знаел*, че няма да приемат предложението му и го бил направил само за да може изобщо да говори с чорбаджиите...» (Спас.); «— Той пак завел дело. Щял да ни съди, задето бяхме излезли да орем нивата. *Искали сме били* да го убиваме» (Йовк.) — имеется в виду случай в прошлом, когда, по мнению лица, слова которого пересказываются, его хотели убить.

2) Форма типа *щял съм бил да пиша*, *щял бил да пише* по своему временно́му значению совпадает с формой обычного пересказывания типа *щял съм да пиша*, *щял да пише*, отличаясь от нее лишь своим модальным значением.

Ср. примеры употребления данной формы со значением пересказывательного будущего времени: «— Страшно ни се заканват ей. *Щели били да чукат* главите ни на камък» (Йовк.); «— Само че — каза Тошо като помисли малко — сеновчани се канели да ни изпреварят.— Как да ни изпреварят? — Заканвали се да изорат нивата...— Хайдуци! Всички са хайдуци! — избухна Манолаки.— *Щели били да орат* нивата, коя нива ще орат? Тяхна ли е нивата?» (Йовк.); «— От никого съвет не взимаш — казва. Всичко на своя глава караш. Ще пропаднеш — казва, — че целия ни дом ще посрамиш. Аз като кипнах: — Тъй ли била тя! Значи дома ѝ ще посрамя? Виж ти!.. Оттогава цял месец думица не ѝ продумах. *Щял съм бил да пропадна!* Какво пречи ней моето пропадане!» («Жената днес»).

Значително реже встречается употребление данной формы со значением будущего в прошедшем. Например: «Та ще ти кажа, Давид се докачил и се жалвал. Ще ме съди. От сега нататък абокатите ще ни разправят. Добре де, нека да е тъй!— каза той и се поусмихна. Подир малко друго му мина през ума и се разсърди: — *Щял съм бил да* го *убивам*! Какво ще го убивам, казах му, че видях пчелите му при моите, меда ми крадат, туй му казах» (Йовк.) — имеется в виду ссора в прошлом, которая и послужила основанием для передачи дела в суд.

3) Форма типа *бил съм писал*, *бил писал*, выступая в качестве формы эмфатического пересказывания, по своему временно́му значению совпадает с формой обычного пересказывания типа *писал съм*, *писал*. Она также употребляется со значением пересказывательного аориста, но встречается, как правило, в изолированном высказывании о прошлом, в частности при «передразнивании». Например: «Уби Грозя... ей такъв камък беше... Джонко го уби! — не се съвземаше Дойно и се наведе край Николица, която опомняше Грозя. Тоя беше закачен малко по главата...— Ами, *убил* го *бил*! На че ще си стане момчето! — говореше Николица. — На главата му няма ни като един лешник дупка, едвам шурти кръв...» (Страш.);

inslav

«— Е, пък ваша милост, кажете какво има? — обърна се към него бае Петър... Знам, подочух някаква за сина си...— Гледай, *подочул бил!* — изсумтя злобно ухилен дядо Стоилко, а Баланът пресилено се изсмя» (там же).

Тот факт, что, выступая в качестве формы эмфатического пересказывания, данная форма изменяет не только свое модальное, но и временно́е значение, вступает в иные взаимосвязи с другими пересказывательными и непересказывательными временами, позволяет, на наш взгляд, рассматривать ее как омонимическую по отношению к внешне совпадающей с ней форме обычного пересказывания типа *бил съм писал*, *бил писал*.

Анализ показывает, что в системе времен обычного пересказывания формально разграниченными оказываются следующие признаки значения:

1) выражение действия как законченного;

2) выражение действия как представленного в момент его протекания или повторения;

3) выражение действия как предстоящего;

4) выражение действия как актуального для последующего момента.

Такие признаки временно́го значения, как указание на то, относится ли момент протекания или повторения действия к настоящему или к прошлому, является ли действие предстоящим в момент речи или предстоявшим в прошлом, представлено ли оно с точки зрения его актуальности для настоящего или для прошедшего момента, воспринимаются лишь в конкретном употреблении, в контексте. То же самое можно сказать о системе эмфатических времен, где формально выраженными предстают первые три из указанных выше признаков временно́го значения.

Этот факт сам по себе является чрезвычайно интересным. Вопрос о том, почему при пересказывании для ряда времен остаются формально не разграниченными такие признаки значения, как указание на то, относится ли действие к плану настоящего или к плану прошлого, должен стоять в центре внимания исследователя истории возникновения и становления пересказывательных форм. В синхроническом исследовании, каким является данная работа, решение этого вопроса носило бы гадательный характер. Поэтому нам хотелось бы лишь обратить внимание на следующие факты, которые, как нам кажется, могут в какой-то степени наметить путь решения данной проблемы. Мы имеем в виду то обстоятельство, что в болгарском языке в придаточных предложениях, относящихся к глаголам типа *усещам*, *мисля*, *казвам* (в том числе и в предложениях косвенной речи), в том случае, если сказуемое главного предложения представлено формой прошедшего времени, для выражения одного и того же временно́го соотношения могут употребляться непересказывательные формы настоящего времени и имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта, будущего и будущего в прошедшем [83], т. е. формы тех времен, которые при пересказывании являются формально не разграниченными. Напомним в этой связи следующее замечание Ю. Трифонова: «Едва ли можно сомневаться в том, что замена аориста и прошедшего несовершенного в случаях, когда подчеркивается, что говорящий не является личным свидетелем рассказанного, возникла прежде всего в дополнительных предложениях, в которых передаются чужие слова, т. е. в косвенной речи» [84].

---

[83] Л. Андрейчин. Основна българска граматика, § 245, г; § 258, в; § 262, в; § 265.

[84] Ю. Трифонов. Указ. соч., стр. 168.

inslav

Факт совмещения отдельными пересказывательными формами принципиально отличных временных значений очень затрудняет вопрос об их наименовании. Не случайно Ю. С. Маслов в статье «К вопросу о системе форм пересказывательного наклонения» предложил дать пересказывательным формам нейтральные номерные обозначения: «пересказывательное I», «пересказывательное II» и т. п. В «Очерке болгарской грамматики», стремясь конкретизировать эти наименования, он вводит термины «пересказывательное прошедшее — настоящее I и II», «пересказывательное прошедшее I и II», «пересказывательное будущее I и II». При этом цифрой «I» обозначаются времена обычного пересказывания, цифрой «II» — времена недоверчиво-неодобрительного пересказывания.

Следует заметить, что и в этой номенклатуре есть свои слабые стороны. Принцип наименования не всегда является единым. Так, если термин «пересказывательное будущее время» отражает общий признак значения форм типа *щял съм да пиша*, *щял да пише*; *щял съм бил да пиша*, *щял бил да пише*, присущий им во всех случаях употребления, то термин «пересказывательное прошедшее — настоящее время» дает представление лишь о сумме частных значений форм типа *пишел съм*, *пишел*; *бил съм пишел*, *бил пишел*. Не вполне оправданным является термин «пересказывательное прошедшее II», так как он может навести на мысль о том, что форма типа *бил съм писал*, *бил писал* относится только к эмфатическому пересказыванию. Между тем известно, что данная форма может выступать и на практике чаще выступает как форма обычного пересказывания. В то же время трудно придумать более удачные наименования. Поэтому, поскольку номенклатура, предложенная Ю. С. Масловым, уже знакома читателю, мы считаем возможным сохранить ее, внеся лишь следующие изменения: случаи употребления формы типа *бил съм писал*, *бил писал* со значением пересказывательного перфекта и пересказывательного плюсквамперфекта обозначить термином «пересказывательное время предшествия», сохранив за омонимической формой эмфатического пересказывания термин «пересказывательное прошедшее II».

В том случае, когда речь идет о частных значениях той или иной пересказывательной формы, мы находим удобным сохранить предложенные Л. Андрейчиным термины: «пересказывательное настоящее», «пересказывательный имперфект», «пересказывательный аорист» и другие, подобно тому, как мы говорим о творительном инструментальном, творительном времени, творительном социативном как о частных значениях творительного падежа.

Особенности употребления пересказывательных форм в различных жанрах

В заключение работы нам хотелось бы отметить некоторые сложившиеся на практике нормы употребления пересказывательных форм в различных жанрах деловой, публицистической, научной и художественной литературы и, в частности, затронуть вопрос о возможностях использования пересказывательных форм в стилистических целях. Это должно способствовать уяснению сферы применения пересказывательных форм и дополнить их грамматическую характеристику.

Прежде всего остановимся на вопросе о том, чем в том или ином жанре определяется выбор между пересказывательными и непересказывательными формами для повествования о фактах прошлого.

В различных жанрах нехудожественной литературы, т. е. в произведениях, исключающих художественный вымысел (сюда относятся произведения деловой, публицистической, научной, мемуарной литературы, различные газетные и журнальные жанры),

inslav

выбор между непересказывательными и пересказывательными формами указывает на действительное отношение автора к сообщаемому, на то, судит ли автор о данном событии непосредственно, как его современник и очевидец, или же он выступает как лицо, которое знает о данном событии лишь опосредствованно, с чужих слов. Недостаточно последовательное употребление пересказывательных форм в этих случаях может, как отмечает Л. Андрейчин, лишить рассказ правдивости, дезориентировать читателя [85].

Следует особо отметить лишь следующие сложившиеся на практике нормы употребления.

В произведениях научного и научно-популярного характера, содержанием которых является сообщение об исторических событиях, пересказывательные формы употребляются в повествовании в том случае, если автор не был современником данных событий. Для повествования об исторических событиях, современником которых автор являлся, употребляются непересказывательные формы независимо от того, знает ли автор о них опосредствованно, на основании тех или иных источников, или же как живой свидетель этих событий. Так, например, в первом томе «История Болгарии» (София, 1954), посвященном периоду с древнейших времен и до освобождения Болгарии от турецкого ига, и во втором томе (София, 1955) — до сентябрьских событий 1923 г. повествование ведется с помощью пересказывательных форм, а о последующих событиях — с помощью непересказывательных форм.

Следует заметить, что, с точки зрения различных авторов, современными, естественно, представляются события разных хронологических периодов. Так, например, в учебнике по болгарской истории для VII классов общеобразовательных школ Л. Унджиевой и Б. Божикова («Българска история». София, 1955) пересказывательные формы употребляются при описании событий вплоть до сентября 1944 г.

Повествование с помощью пересказывательных форм нередко сопровождается ссылками на тот или иной конкретный источник, откуда автор почерпнул данные сведения. Например: «Настъпилото разложение във феодално-спахийската система и проникването на стоково-паричните отношения *се отразило* и върху положението на върбишките султани, които бързо *се приспособили* към новата обстановка. През 1844 г. те вече *закупили* големи пространства лозя в Кузлуджа. Това се вижда от един тефтер (регистър). През 1867—1868 г. земите на с. Гьолмен *били* превърнати в техен собствен чифлик въпреки масовото недоволство на селяните. Напразни *били* опитите на селяните да се избавят от това. От запазените три писма на чиновника по земите в Русе от 1867 г. на шуменския каймакамин (окол. управител) от 1868 г. и на Бехадър Герай до русенския валия от 1868 г. всичко това изпъква добре» («Ист. прегл.»).

В сочинениях на исторические темы, имеющих характер научного исследования, когда автор ставит перед собой задачу строго отграничивать свои мысли, выводы, утверждения относительно событий, современником которых он не являлся, от фактического повествования, прибегают к употреблению времен предполагаемого действия. Так, например, в статье «За началото на славянската писменост и книжнина», выступая против мнения о том, что создание славянской письменности и литературы зависело от случайного стечения обстоятельств, Ал. Бурмов излагает собственную точку зрения. В качестве сказуемого предложений, содержащих собственные предположения и выводы автора, употреблены формы типа

---

[85] Л. Андрейчин. Употреба на преизказаните глаголни времена, стр. 21.

inslav

писал съм, *писал е* со значением предполагаемого действия, а в предложениях, содержащих повествование,— пересказывательные формы. Например: «Най-сетне господствуваща класа в славянските държави *е почувствувала* нужда от култура, от приобщаване към културните достижения на времето си. Това най-лесно *е могло да стане* на собствен език, а не на гръцки или латински, еднакво чужди и еднакво мъчни за изучаване... Ето защо опити за създаване на славянската азбука, на писменост на славянски език *са били* правени твърде отдавна. По съобщения на Черноризец Храбър, български писател от X век, славяните *правили* отначало опити да пишат «с черти и резки», а след проникването на християнството между тях те *правили* опити да приспособят за своя език гръцката и латинска азбука. По сведения на Кириловото житие в мисията си при хазарите Кирил *намерил* в Кримския полуостров книги, писани с «роски» букви, които книги той лесно *прочел*, след като *се запознал* с особеностите на писмото им. Очевидно, това *са били* книги на славянски руски език, написани с някаква самобитна, изработена в южна Русия азбука. Всички тези опити, каквито намираме у повечето славянски народи, не са били напълно сполучливи и следователно *не са могли* да отговорят на нуждата, която ги е предизвикала. Употребяваните азбуки и азбучни системи не са могли да изразят всички особености на славянския език, както това отбелязва и Черноризец Храбър, тъй като *са* им *липсвали* букви за специфичните славянски звукове... Кирил и Методи следователно *са имали* пред себе си дълъг опит, който *са използували*, когато *са пристъпили* към създаването на съвършена славянска азбука, отговаряща на всички особености на славянския език и когато *са пристъпили* към написването на първите славянски книги» («Ист. прегл.»); «През XVII и XVIII век условията за живот в Османската империя *са били* съвсем неблагоприятни за мирно духовно развитие и поддържане на книжовност. Догдето *траели* войните на Турция с Русия, Австрия и Венеция, османските войски *кръстосвали* българските земи по всички посоки, като *се издържали* в значителна мяра от реквизиции, конфискации и грабежи из селищата, лежащи по пътя им. Такава е била общоприетата военна практика на епохата, и то не само Турция: насилията и погромите в собствената страна *се приемали* като обикновено занимание на войниците през време на поход. Но още по-страшни последици *имали* набезите на кърджалиите и нередовните военни тълпи... Те *оставяли* зад себе си винаги опустошения, пожарища и трупове на избити» (Хр. Гандев; пример Л. Андрейчина).

Как отмечает Л. Андрейчин [86], в подобных случаях нет никаких оснований говорить о механическом смешении пересказывательных форм и форм предполагаемого действия или о потере ими функциональной специфики. Но в общем употребление времен предполагаемого времени в историческом повествовании нельзя назвать достаточно последовательным. Нередко формы с наличием вспомогательного глагола с 3-м лице и без него употребляются без четкого противопоставления. Ср.: «По-нататъшното развитие на производителните сили в нашите земи през бронзовата епоха е ясно подчертано от находките. Откритите калъпи за отливане на бронзови предмети, направени от местни скали, ...свидетелствуват, че металургичното производство *е било* развито в нашите земи, особено през последния период на бронзовата епоха. За развитието на металургичното производство *спомогнали* освен рудните находища в Родопите, Врачанската планина, Илийските възвишения и др. също и културното влияние на юг (Егейския свят), от запад (Централна Европа — Моравия) и от изток (Предна Азия и главно Кавказ). Калаят *е бил* внасян по всяка ве-

[86] Л. Андрейчин. Употреба на переизказаните глаголни времена, стр. 143.

inslav

роятност отвън. У нас са намерени единични и колективни находки от плоски брадви, киркомотики... и др... Размяната през тази епоха *добила* още по-широки размери, като *обхванала* и по-далечни земи» («История на България», т. 1).

В умении в меру пользоваться временами предполагаемого действия, по мнению Л. Андрейчина, заключается одна из тонкостей болгарского повествовательного стиля [87].

В сочинениях биографического характера в качестве основного времени повествования принято употреблять настоящее историческое время, которое может чередоваться с пересказывательными формами. Так, например, к употреблению пересказывательных форм часто прибегают при описании событий детства, переходя затем к употреблению форм настоящего исторического времени. Например: «На 20.VIII — 1881 год. в малката весела къщичка се ражда Никола, едно момче между три сестри. Кочо, както галено *наричали* малкия Никола, *бил* силно привързан към майка си. Вместо да играе на улицата с другарчетата си, той *предпочитал* да се върти около нея с часове, да слуша песните ѝ, да я наблюдава как тъче, как подрежда багрите. Много го *привличали* тоновете, цветята в градината, нацъфтелите шибои и мушкати по прозорците; дълго *следял* той играта на трептящите сенки, които *хвърляла* върху калдъръма на двора натежалата от плод лоза... Като ученик в училище «Васил Левски» Никола Петров попада в средата на свободомислещи и прогресивни момчета... Двадесетина на брой момчета образуват малък младежки кръжок със социален оттенък. За своите срещи те тайно наемат стая... Секретар на кръжока става Христо Стоянов» (Мих.).

В художественных произведениях, построенных как рассказ от первого лица, когда рассказчик выступает в качестве одного из персонажей произведения, является участником описываемых в нем событий, выбор между непересказывательными и пересказывательными формами в повествовании о прошлом позволяет отделить события, известные рассказчику непосредственно, от событий, которые он излагает с чужих слов. Например: «На средата на масата с важност седеше Гаврил кметът... Той ме поздрави, подмигна лукаво... и почна гръмливо да се смее. Тоя Гаврил беше чуден човек. Дългите му извити като два сърпа мустаци придаваха юнашки вид на господарската му външност и будеха почит. След сръбско-българската война, в която го *ранили*, той дълго *служил* като полицейски старшия, но после *се уволнил* и *се прибрал* в село. Той беше сиромах, но не му се работеше, обичаше да продава чорбаджилък» (Е.-П.).

Имея своей конечной целью определение, по выражению Л. Андрейчина, действительного отношения рассказчика к излагаемым фактам, это употребление находится в непосредственной связи с общим художественным замыслом автора.

Иными нормами определяется выбор между непересказывательными и пересказывательными формами в авторском тексте произведений, представляющих собой художественный вымысел автора о событиях, в которых он сам не принимал участия, когда повествование ведется в третьем лице и образ повествователя отодвинут на задний план, скрыт. Установилась практика, по которой в произведениях такого рода в качестве основных времен повествования выступают непересказывательные времена. Это позволяет автору показать, что он дает свое осмысление описываемых им событий, свое понимание

---

[87] Л. Андрейчин. Същност и употреба на минало «неопределено» време в български език. «Език и литература», 1956, № 2, стр. 142—143.

inslav

психологии героев, мотивов, которые ими руководили в тех или иных поступках. Выбор пересказывательных времен для основного повествования поставил бы автора в положение человека, сообщающего о происходившем с чужих слов, что, как подчеркивал уже И. Вазов (см. цитату на стр. 315 данной работы), лишило бы рассказ убедительности, правдивости и свежести непосредственного изложения.

Было бы, однако, неверным думать, что авторский текст описываемого здесь типа художественных произведений вообще не допускает употребления пересказывательных форм. Так, пересказывательные формы могут быть введены в общий повествовательный контекст с целью показать, что некоторые события стали известными автору лишь по сведениям, полученным от кого-то. Благодаря этому как бы подчеркивается, что остальные события известны автору непосредственно, что придает повествованию характер истинного происшествия. Этот стилистический прием широко используется многими писателями, особенно Елин-Пелином. Например: «Подир два деня се върна снаха му. Тя *оставила* Ивана в болницата. Той *не можал* още нищо до говори, слабо *виждал*, с едното ухо *не чувал* никак, но докторите *казали*, че ще оздравее и ще се спаси. Надеждите на Еньо се закрепиха. Него вече никой не го подозираше» (Е.-П.); «Чак след месец един стражар доведе Зуза. *Намерили* я в някакво далечно село. *Ходила*, *обикаляла* навсякъде да търси Скореца. Тя се прибра съсипана, изгладняла... Не я познаха. Само черните ѝ огнени очи бяха останали същите» (там же).

Ср. также пример из рассказа И. Вазова «Белимелецът»: «На 1862 г., в август, падна в ръцете на турските заптиета едно подобно горско пиле, един разбойник от четата на Минча войвода — Славчо Белимелецът, или, както просто го викаха — «Белимелецът». Както го показва и името, той беше от Бели Мел. Преди да напусне селото и къщата си и да улови планината, Славчо *бил* мирен и работлив лозар и никой *не можал да предвиди*, че ще свърши с хайдутлук кроткият белимелец. Но съдбата си играе с хората. Еднъж, при едно скарване с някой свой роднина за едно късче бранище, той *се сборичкал* с него и как — сам не знае, го *ръгнал* с ножчето си... Тогава той *забегнал* и *се сбрал* с дружината на Минча войвода, която *върлувала* от няколко години тъдява. Много пакости, много обири и убийства *лежали* вече на душите на юнаците, без да може някой да ги закачи. Преди един месец те *обрали* пощата, която *носела* от Видин до София държавни пари от около сто хиляди гроша; трима души от заптиетата, що *придружавали* пощата, *паднали*. Но подир тая голяма сполука за четата *настали* тежки дни. Силни потери *били пратени* навсякъде. Вчера четата *била* загащена при Влашко село, трима души *били* убити, другите *се разбягали*, а двама *паднали* в плен — единият от тях бе Славчо... Селото настръхна от ужас, като видя, че се подадоха десетина заптиета с насочени пушки в гърба на Славча, който вървеше отпреде им с вързани ръце отзад. Това беше през последните дни на август месец. Горещ пот, размесен с кървави вади, течеше по дебелия врат и широкото почерняло лице на хванатия разбойник».

При этом, как правило, факты, о которых сообщается с помощью пересказывательных форм, оказываются такими, которые хронологически выпадают из общего повествования, относясь к более раннему периоду.

Формы пересказывания употребляются в авторском тексте также и в тех случаях, когда автор желает придать излагаемому характер слуха, молвы, сплетни и т. п. Например: «Тая пролет слухът за Славча с още по-голяма упоритост се разнесе. *Видели* го даже някои, че *слязъл* по урвите при село Помеждин, в което му *било* тайното гнездо; три пушки бяха изпразнени преди една неделя срещу един карааса, като минувал край Лясковското бранище, и всички вярваха, че тия пушки са хвърлени от Слав-

inslav

човата дружина. Името на Славча пак хвана да прониква в селото, в къщята и в разговорите и образът му да оживява в душите на белимелци» (Ваз.).

Включение пересказывательных форм в авторский текст выступает как особый стилистический прием также в тех случаях, когда автор употреблением пересказывательной формы для сообщения о факте как бы предупреждает читателя, что к истинности этого факта следует отнестись с известным недоверием. Например: «Тетка Кирилица извади нови черги и грижливо приготви легло на Велин. Той легна несъблечен от страх да не настине, защото *бил* потен» (Е.-П.). То обстоятельство, что автор сообщает о факте *бил потен* как об известном с чужих слов, настораживает читателя. И действительно, из последующего повествования выясняется, что на самом деле Велин лег одетым с целью незаметно встать ночью, обокрасть дом и уйти.

Среди анализируемого типа произведений выделяются произведения Л. Каравелова, который в отличие от всех болгарских писателей последовательно употребляет пересказывательные времена в основном повествовании.

Как указывает Л. Андрейчин в своем тонком и детальном анализе употребления пересказывательных форм в произведениях Л. Каравелова[88], этот выбор не является случайным. Ставя автора в положение пересказчика описываемых событий, он позволяет придать рассказу характер действительно зарегистрированного происшествия, что находится в полном соответствии с общей творческой манерой Л. Каравелова, всегда стремившегося подчеркнуть правдивость, истинность своих сочинений. Андрейчин отмечает, что с точки зрения художественной такой способ изложения не является вполне оправданным, так как при этом страдает живость и непосредственность повествования, а многое выглядит неестественным, например точное воспроизведение прямой речи действующих лиц или описание подробностей, которые вряд ли могли быть рассказаны автору другим лицом.

В сказках, легендах, былинах и других жанрах, самим условием существования которых некогда являлась передача из уст в уста, в качестве основных времен повествования употребляются пересказывательные формы. Первоначально такое употребление отражало действительную позицию рассказчика по отношению к излагаемым фактам как к передаваемым с чужих слов. Со временем оно стало восприниматься как обязательная принадлежность этих фольклорных жанров и неизменно появляется в любой стилизации под сказку, если даже замысел ее созрел у самого автора этой сказки. Можно привести пример стилизации под сказку из сатирической газеты «Стършел». Под заголовком «Приказки от цял свят. Среща в Михайлов градско» идет такой текст: «*Срещнали се* един председател на ТКЗС и един служител от РКС. *Поспрели се* и така *се заоплаквали* един на друг...»

См. также пример аналогичной стилизации из рассказа Елин-Пелина. Отец рассказывает сыну тут же сочиняемую им самим сказку: «— Е, Бобо, ти пак ли искаш приказка. Добре, да ти разправя... Едно време *имало* един писател... Ето, такъв един писател, Бобо, *станал* причина, щото малките деца, които *чели* неговите стихчета, да се превърнат на врабчета. *Седял* тоя писател по цял ден на масата и *писал* приказки и стихчета. Под прозореца на тоя писател цял ден *стоял* един издател и *поемал* всяко написано листче и *издавал* книжки. Писателят все *седял* и все *писал*. Той *не знаял* почивка. *Бил* много трудолюбив. Само когато вече съвсем *се уморявал*, той *преставал* да пише. *Преставал да пише*, но *не ставал* от масата.

---

[88] Л. Андрейчин. Език и стил на Л. Каравелов, стр. 44—67.

inslav

През времето на почивката той *рисувал* на една книжка проект на паметника, който *трябвало* да му въздвигне признателното потомство».

Лишь в тех случаях, когда автор желает представить сказочный сюжет как собственное художественное творение, в качестве основных времен повествования употребляются непересказывательные формы. Например: «Една вечер, преди двесте години, змеят *излезе* от пещерата. *Беше* нощ. Той *разтвори* криле и *се дигна* над Ъглен. Селото *спеше*... На горния край, където са росеновите ливади, *се къпеха* цял орляк русалки... Змеят *мина* над главите им...» (Карал.).

До сих пор мы рассматривали вопрос о нормах употребления непересказывательных и пересказывательных времен в основном повествовании при сообщении о фактах прошлого. Но употребление пересказывательных форм во всех рассмотренных выше жанрах может определяться,кроме того, потребностью изложить чужое утверждение, познакомить читателя с чужой точкой зрения по какому-то вопросу, особенно в тех случаях, когда автору важно указать на свою непричастность к этому утверждению с целью подчеркнуть объективность своего изложения или, напротив, выразить несогласие с излагаемым. Ср.: «Неправилен е също метафизическият възглед за народните маси като нещо еднородно и непроменливо, извънисторично, който намери широко разпространение и в българската буржоазна литература. В нея се разпространяваха такива възгледи, според които българският народ *се състоял* от няколко етнически групи, всяка от които се отличава със свои специфични и неизменни черти. Шопите например *били* родени войници — поносливи, покорни и беззаветно верни на водачите си. Здраво привързани към земята и традицията, те *не се интересували* от околния свят, консервативни *били* и не *се поддавали* лесно на влияние. Те *реагирали* по «закона за контраста»: колкото по-приемливо и по-убедително е новото, толкова по-силно се теглят и утвърждават в своето. Поради своя консерватизъм шопите наймъчно *ставали* граждани и по-далеч от бакали и кръчмари в село те *не отивали*... Всички тези измислици на идеолозите на българската буржоазия, които позоряха и клеветяха българския народ, нямаха нищо общо с обективната истина, с науката» («Ист. прегл.»).

Пересказывательные формы в авторском тексте широко употребляются также при изложении рассказа какого-либо лица. Ср., например, изложение рассказа корреспондентом в одном из газетных репортажей: «И разказа обширно историята на един негов приятел от танцовия състав на колектива — ученик Трифон Петров. Той *играел* добре, едва ли не най-добре от всички, но неговото младо и леко сърце го *теглело* твърде много към гуляи и шумни компании. „Не може — *разсъждавал* той — човек, който обича веселието, да не живее бохемски...“» («Лит. фр.»).

Вот пример аналогичного употребления пересказывательных форм в произведении мемуарного жанра: «Сякаш за да потвърди тая си мисъл, той започна да ни разправя случки и приключения из студентските си години. Аз запомних една — изненадата, която му *създала* жилетката на новите дрехи. Когато ги *чистел* еднаж, *намерил* в джобчето един забравен от него наполеон. А тъкмо *бил останал* без пари...» (Чилинг.).

Особенно часто употребление пересказывательных форм при изложении чужого рассказа встречается в авторском тексте художественных произведений. Например: «Муратлийски се изтегна цял на камъка... и в това покойно положение дълго разказва историята си. Той *бил участвувал* в софийското съзаклятие под Димитра Общи и в ограбването на орханийската поща. Попаднал в тъмницата, подир издайството, той *избягнал* Диярбекир или бесилото само по едно чудо. После *отишъл* във Влашко, дето

inslav

година и половина *се скитал* и *борил* с мизерията, а оттам с мисия *минал* пак в България... Тая пролет той *се озовал* в Стара Загора и с ентусиазъм *работил* за приготвянето на бунта» (Ваз.); «Ала когато баба Йова разправи за последния му час, всички се увериха, че тоя път той не се шегува. *Върнал се* човека от дърва, *разтоварил* магаренцето си, *вързал* го, *турнал* му сенце, и щом *влязъл* в къщи та *приседнал* край огъня и *запалил* лулата си, нещо го *прерязяло* през половината, той *легнал*, *заохкал* и...» (Е.-П.).

Употребление пересказывательных форм используется, в частности, как особый стилистический прием, обогащающий выразительные возможности передачи чужой речи, разнообразящий язык произведения. Это хорошо видно на следующем примере, когда диалог действующих лиц произведения передается автором то в форме прямой речи, то от своего лица при употреблении в составе независимого предложения пересказывательных форм: «От скука — влезе в разговор с моряците. Преди това не им обръщаше внимание. И от тях разбра, че те ходят в града и си купуват разни стоки, които в Румъния са по-евтини, отколкото в България. Например — копринени платове.

— Че с какво ги купувате? Имате ли толкова пари?

— Купуваме ги с цигари. Стават двойно по-евтини.

—Ами как ги пренасяте?

— Кое?

— Цигарите. Не ви ли е страх, че могат да ви хванат?

Моряците отрекоха. Не ги *било* страх. Войниците ги *били познавали* вече, пък и в краен случай *можело* да се жертвува една кутия и всичко *се нареждало*.

— Ами в България? Там митничарите няма ли да проверят парахода? — искаше да знае мичман Андреев.

— И още как! — потвърдиха моряците. — Та нали цялото пристанище знае, че от Румъния се контрабандират копринени платове.

— Ами тогава?

Но и за това *имало* цяр. Обясниха му — *щели* така *да наредят*, че да пристигнат привечер. В две от лодките на шлеповете *щели да сложат* поголямата част от купеното. Тия две лодки, пуснати от въжетата още преди да се приближи пристанището, ще спрат на определено място, където никой не проверява. А за залъгване на митничарите ще им покажат другите стоки, които ще останат в моряшките куфарчета.

— Но и за тях няма да платим нищо. Ние си познаваме хората. Общо сме купили по нещо и за техните жени — смееха се моряците.

— Виж ти каква корупция! — каза гласно мичман Андреев, но вътрешно в себе си се замисли» (Спас.).

В части предложений при изложении речи персонажа автором употреблены непересказывательные формы (*ще спрат*, *ще покажат*, *ще останат*), так как указание на то, что передается чужая речь, уже дано в предыдущих предложениях (ср. употребление пересказывательных форм *щели да наредят*, *щели да сложат*). Следует отметить, что отношение автора к содержанию речи персонажей одинаково нейтрально и в случаях, когда чужая речь передается непосредственно от лица персонажа, и тогда, когда ее содержание излагается от лица автора. Один способ передачи чужой речи может непосредственно сменяться другим (см. предпоследнюю реплику, которая сначала передается от лица автора, а затем переходит в прямую речь). Это позволяет думать, что при выборе между указанными способами передачи чужой речи автор руководствовался стремлением избежать однообразия, монотонности изложения, т. е. чисто стилистическими соображениями.

inslav

То же в следующих примерах: «После когато мъжът мислеше, че болната задрямва, тази изведнаж заговори тихо и свободно. — Тя *живяла* мъчно, много мъчно. И когато майка ѝ *заболяла* с нея по селата, тя *склонила* на молбите ѝ да се задоми. — Аз тогава не мислех вече за тебе, Косе. И се задомих» (Страш.); «По едно време ледът застрашително пропука. Но това бе само повод за нови смехове. Как ли *щели да изглеждат*, ако наистина някой от тях падне във водата!» (Спас.); «Изведнаж всеки се досети за нещо: бръснар *нямало*, *не получавали* редовно дажбата цигари, *не достигнали* до тях подаръци от България. Поручик Манев търпеливо ги слушаше и отвреме-навреме записваше нещо в бележника си...» (Веж.).

Таким образом, в художественных произведениях употребление пересказывательных форм в качестве сказуемого независимого предложения при изложении речи персонажа может выступать как один из стилистических вариантов передачи чужой речи. Вопрос о том, чем именно руководствуется автор при выборе того или иного способа передачи чужой речи, непосредственно связан с изучением мастерства конкретного писателя и составляет предмет собственно стилистического анализа.

---

inslav

М. Г. РОЖНОВСКАЯ

БЕЗЛИЧНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ БОЛГАРСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Безличные предложения, как и вообще весь синтаксис болгарского языка, еще сравнительно мало исследованы. Специальных работ, посвященных этому вопросу, до настоящего времени нет. Только в общих грамматиках можно найти отдельные замечания относительно безличных предложений. Поэтому своей главной целью мы ставим систематическое описание безличных предложений современного болгарского языка.

При описании безличных предложений неизбежно встает ряд теоретических вопросов, например, вопросы о принципах классификации безличных предложений, о разграничении лексических и грамматических значений в безличных предложениях и другие, без разрешения которых нельзя выполнить поставленной задачи. Мы решаем их на материале болгарского языка, однако многие выводы могут быть распространены и на другие славянские языки.

Безличные предложения являются одним из типов односоставных предложений. В болгарском языке господствуют двусоставные предложения. Именно на общем фоне двусоставных предложений и воспринимаются как особые типы предложения односоставные. Поэтому изучение односоставных предложений естественно проводить в сравнении с двусоставными.

Характерной чертой безличных предложений, отличающей их от двусоставных личных, является своеобразие сказуемого и отсутствие подлежащего. Особенность сказуемого и отсутствие подлежащего тесно связаны и представляют собой две стороны одного и того же языкового явления: своеобразие сказуемого безличных предложений состоит именно в том, что при нем невозможно употребление подлежащего. Именно на эту характерную черту указывали исследователи, давая определение безличных предложений. Свою первую задачу мы и видим в том, чтобы выяснить, чем обусловлено своеобразие сказуемого в безличных предложениях, от чего зависит невозможность постановки при нем подлежащего. Сравнение различных типов безличных предложений с личными предложениями дает возможность ответить на этот вопрос.

Среди безличных предложений имеются предложения, которые воспринимаются на фоне личной конструкции как известное семантически и стилистически обусловленное отклонение от нее. Второй задачей является выявление этих семантических и стилистических отличий безличных предложений от параллельных им личных.

inslav

Следующая задача заключается в установлении степени продуктивности и употребительности различных типов безличных предложений.

При изучении безличных предложений не может быть обойден вопрос и о лексическом выражении сказуемого. Безличное предложение принадлежит к таким категориям грамматики, при изучении которых вопрос о лексике особенно важен. Круг лексики, употребляющейся в безличных предложениях, вырисовывается весьма четко. Не случайно лексический признак является основой одного из традиционных делений безличных предложений. Таким образом, определение круга лексики, употребляющейся в безличных предложениях болгарского языка, также является задачей данной работы [1].

Хотя безличное предложение может выступать в языке самостоятельно, как простое предложение, и может входить в состав сложного предложения, мы считаем возможным при описании ограничиться рассмотрением только самостоятельных безличных предложений. Безличное предложение в принципе является грамматической категорией, относящейся к области простого предложения. Все основное, главное, что характерно для безличного предложения, имеется уже в простом безличном предложении. Что касается безличного предложения в составе сложного предложения, то оно в одних случаях принципиально не отличается от простого безличного предложения. В других случаях наблюдаются черты, свойственные только сложному предложению. Так, иногда часть сложного предложения, взятая вне связи со всем предложением в целом, имеет безличный характер, но при учете ее связи со всем предложением трудно говорить о безличном характере этой части, так как другая часть сложного предложения может рассматриваться как подлежащее к ней.

В безличном предложении не всегда имеются такие четкие показатели безличности, как, например, безличный глагол, безличная форма с *се*. Существуют предложения, в которых показатели безличного характера менее ярки и безличный характер у которых полностью проявляется толь-

---

[1] В лингвистической литературе отмечалось различие между главным членом односоставных предложений, с одной стороны, и подлежащим и сказуемым двусоставных предложений, с другой. В связи с этим было высказано мнение, отрицающее правомерность употребления термина «сказуемое» по отношению к главному члену безличного предложения. Однако мы считаем возможным говорить о «сказуемом» безличного предложения. Односоставные предложения, в том числе и безличные предложения как один из типов этих предложений, разнохарактерны. Одни из них далеки от двусоставных предложений, другие, напротив, имеют близкие соответствия среди двусоставных предложений, и их нельзя искусственно отрывать от близких им двусоставных. Употреблять в одних случаях термин «главный член», а в других — термин «сказуемое» нам представляется неудобным. Мы считаем необходимым избрать единый термин для обозначения главного члена безличных предложений. Ориентироваться здесь, по нашему мнению, следует на те безличные предложения, в которых можно наблюдать соответствия сказуемому двусоставного предложения, так как именно такие безличные предложения являются продуктивными в болгарском языке (продуктивность подобных предложений отмечается также в других славянских языках). Исходя из того, что указанные безличные предложения имеют главный член — сказуемое, мы употребляем термин «сказуемое» и по отношению к главному члену других безличных предложений. Попутно заметим, что называя главный член безличного предложения просто «главный член», исследователи дают лишь его наиболее общую характеристику, не раскрывая более частные черты этого члена предложения. Ведь термин «главный член» употребляется и по отношению к подлежащему и сказуемому, являясь при этом лишь более широким термином, чем термины «подлежащее» и «сказуемое».

Употребление термина «сказуемое» не означает, что в нашей работе в какой-либо степени затушевываются различия между сказуемым двусоставных личных предложений и сказуемым безличных предложений. Напротив, вопрос о своеобразии сказуемого безличных предложений, как уже было сказано выше, является одним из центральных вопросов данной работы. Детальное выяснение отличий сказуемого различных типов безличных предложений от сказуемого личных предложений составляет одну из наших основных задач.

inslav

ко в контексте. В этих случаях мы лишь указываем на роль контекста и, давая примеры, приводим его, но подробно контекст не анализируем.

Прежде чем давать свое описание, считаем нужным подвести итог тому, что уже сделано болгароведами в данной области. Некоторые сведения о безличных предложениях можно найти уже в грамматике Неофита Рильского [2]. Вопрос о безличных предложениях затрагивался в работах А. Т. Илиева [3], П. Ст. Калканджиева [4], Ст. Младенова [5], Н. Костова [6], А. Теодорова-Балана [7], Л. Андрейчина [8], Л. Болье [9], Фр. Славского [10]. В указанных исследованиях в той или иной степени освещены следующие вопросы.

1) Из общей массы предложений выделены безличные предложения и дано определение этих предложений.

Болгароведы придерживаются в основном традиционного взгляда по данному вопросу. Однако у А. Теодорова-Балана не разграничиваются безличные предложения и предложения, которые принято называть неопределенно-личными. Непоследователен в этом отношении Н. Костов: давая определение безличных предложений, он указывает, что в этих предложениях отсутствует возможность постановки подлежащего и что в них употребляются формы 3-го лица единственного числа, а затем приводит в числе безличных предложений такие предложения, как *Хората казват* (т. е. предложения, в которых есть подлежащее и глагол имеет форму множественного числа). Л. Андрейчин, напротив, специально подчеркивает разницу между безличными и неопределенно-личными предложениями.

2) Произведено деление безличных предложений болгарского языка на отдельные группы. В принципах деления есть элементы, отличающие его от традиционных классификаций безличных предложений. Подробнее этот вопрос разбирается нами в главе «Классификация безличных предложений».

3) Частично указан состав предложений (при классификации) и дано его описание. Основное внимание уделено глагольным типам предложений и самому глаголу.

а) Выделена группа безличных глаголов, дано их определение, указаны наличествующие у них формы. Некоторые авторы (Н. Костов, Л. Андрейчин, А. Теодоров-Балан) относят к группе безличных глаголов *има*, *може*, *трябва* в конструкциях *има да чета*, *трябва да бъда* и т. п., которые в действительности представляют собой явления другого характера.

б) Среди значений возвратной формы глаголов отмечено безличное значение. Указана возможность прибавления *се* с таким значением и к непереходным глаголам. Н. Костов и Л. Андрейчин пишут, что такая форма образуется от любого глагола. На самом деле образование формы с *се*

---

[2] См. Н. Рилски. Българска граматика. Крагуевац, 1835.

[3] См. А. Т. Илиев. Синтаксис на българския език за гимназиите, реалките, семинариите, педагогическите и общинските главни училища и за самоука. Пловдив, 1888.

[4] См. П. С. Калканджиев, преподавател в Пловд. учителски институт (с съдействието на Ал. Д. Пиронков, гимназиален учител). Българска граматика. Звукословие, видословие, слъвосъчинение, правопис, ударение, произношение и сведения за историята на езика и на писмото. Второ допълнено издание. Пловдив — София, 1938.

[5] См. Ст. Младенов и С. П. Василев. Граматика па българския език. София, 1939.

[6] См. Н. Костов. Българска граматика. София, 1939.

[7] См. А. Теодоров-Балан. Нова българска граматика. София, 1940.

[8] См. Л. Андрейчин. Основна българска граматика. София, 1944.

[9] См. L. Beaulieux. Grammaire de la langue bulgare, 2 éd. Paris, 1950.

[10] См. Fr. Sławski. Gramatyka języka bułgarskiego. Warszawa, 1953.

inslav

с безличным значением возможно лишь от строго определенного круга глаголов (хотя этот круг и весьма широк).

в) Обращено внимание на то, что в безличных предложениях употребляются не только собственно безличные глаголы, но и при известных условиях личные глаголы.

Интересно отметить следующее теоретическое обобщение, данное Л. Андрейчиным: «Вопрос о безличных глаголах не столько вопрос лексический, касающийся деления глаголов, сколько функциональный — касающийся их употребления. В определенных случаях каждый глагол может быть употреблен в безличном смысле, т. е. без связи в данном случае с определенным действующим лицом»[11].

г) В грамматике А. Теодорова-Балана имеется замечание о том, что ряд личных глаголов в безличном предложении приобретает особое значение. Отмеченное явление имеет существенное значение для проблемы безличных предложений. Поэтому, хотя указанное замечание у А. Теодорова-Балана не получило дальнейшего развития и подобных высказываний нет у других исследователей, мы сочли нужным выделить его.

д) Затронут вопрос о лексическом значении безличных глаголов: отмечены глаголы, обозначающие явления природы, и глаголы, обозначающие душевные и физические состояния.

4) В описании состава безличных предложений отмечены винительная форма личного местоимения (прямое дополнение) и дательная форма личного местоимения (косвенное дополнение). Указано, что они обозначают логический субъект. Какие-либо упоминания о всех других второстепенных членах полностью отсутствуют.

5) Затронут вопрос о значении безличных предложений. Специально об этом пишет только П. С. Калканджиев. Однако у него нет четкости в этом вопросе: он не разграничивает грамматическое значение конструкции и реальное содержание высказывания. Внимание остальных авторов привлекали, в основном, только конструкции типа *Спи ми се*, о значении которых в грамматиках имеются отдельные замечания.

6) Употребительность некоторых разновидностей безличных предложений отмечена Н. Костовым.

Из всего сказанного видно, что вопрос о безличных предложениях болгарского языка, не ставившийся до настоящего времени специально, а лишь нашедший известное отражение в общих грамматических трудах, освещен крайне недостаточно. Не описаны отличия структуры безличных предложений от личных предложений. Лишь затронут вопрос о грамматическом значении безличных предложений. Совершенно недостаточно освещен вопрос о лексическом значении глаголов и безлично-предикативных слов. Нуждаются в изучении вопросы о продуктивности и употребительности отдельных типов безличных предложений и большое количество других вопросов, группирующихся вокруг указанных здесь основных проблем. Мы в своей работе пытаемся до некоторой степени восполнить этот пробел.

I. КЛАССИФИКАЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Описание безличных предложений болгарского языка мы начинаем с их классификации. Вопрос классификации в данном случае имеет принципиально важное значение. Во-первых, в классификации выражается само понимание явления безличных предложений. Во-вторых, являясь

---

[11] Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 154.

inslav

отправным пунктом исследования, она определяет пути и возможности этого исследования. Не случайно вопрос о классификации безличных предложений затрагивался в работах многих ученых.

Так как безличные предложения болгарского языка специально не изучались, не ставился теоретически и вопрос об их классификации. Вследствие близости безличных предложений различных славянских языков мы сочли возможным обратиться к опыту изучения безличных предложений в других славянских языках, прежде всего — в русском языке. Поэтому ниже при разборе существующих классификаций мы имеем в виду не только и не столько исследования по болгарскому языку, а те работы по славянским языкам, в которых безличным предложениям уделено значительное место и в том или ином виде решается вопрос об их классификации. Следует заметить, что в своей полемике мы выходим за рамки исследований по болгарскому языку не только в вопросе о классификации, но и в дальнейшем описании при решении других вопросов.

Существующие классификации безличных предложений славянских языков в основном придерживаются принципов, которые можно видеть еще у Ф. Миклошича [12]. Выделяются две главные линии деления безличных предложений: 1) по форме — на основе того, чем выражено сказуемое, 2) по значению — в зависимости от того, что́ выражают безличные предложения. Зачастую деление по форме и деление по значению сочетаются в одной классификации. Как на пример осуществления этих двух принципов классификации безличных предложений (в различных вариациях) достаточно сослаться на труды по русскому синтаксису [13] — работы Д. Н. Овсянико-Куликовского [14], А. М. Пешковского [15], А. А. Шахматова [16], на специальные исследования в области безличных предложений, опубликованные в последние годы Е. М. Галкиной-Федорук [17], а также на работы зарубежных славистов: А. Красновольского [18], З. Клеменсевича [19], Ф. Травничка [20] и др. Эти же две тенденции проявляются при классификации безличных предложений и в названных выше болгарских грамматиках.

Детальный анализ существующих классификаций показывает, что они страдают известными недостатками.

Прежде всего укажем на наиболее общий недостаток, которым страдают эти классификации: в них не выдерживается такое важнейшее требование классификации, как единство критерия. Для иллюстрации рассмотрим классификацию А. М. Пешковского в работе «Русский синтаксис в научном освещении». Им выделяются такие типы безличных предложений: 1) «обозначение различных процессов, происходящих внутри

---

[12] См. F. Miklosich. Vergleichende Syntax der Slavischen Sprachen. Subjectlose Sätze. Wien, 1883.

[13] Здесь не называется А. А. Потебня, так как глава «Устранение подлежащего» в его труде «Из записок по русской грамматике» (т. III, Харьков, 1899) рассматривает пути возникновения отдельных бессубъектных оборотов, и систематизация материала в ней подчинена этой задаче.

[14] См. Д. Н. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е, СПб., 1912; его же. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений.— ИОРЯС, т. 5, кн. 4.

[15] См. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е, М., 1938.

[16] См. А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е, Л., 1941.

[17] См. Е. М. Галкина-Федорук. Безличные предложения в современном русском языке. (докт. дисс.) М., 1948.

[18] См. A. Krasnowolski. Systematyczna składnia języka polskiego. Warszava, 1909.

[19] См. Z. Klemensiewicz. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. Kraków, 1937.

[20] F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny. Část II, Skladba. Praha, 1951.

inslav

человеческого тела, посредством соответствующего глагола третьего лица (а в прошедшем времени среднего рода) и существительного в винительном падеже или в разных падежах с разными предлогами»; 2) «обозначение различных стихийных явлений (природы и социальной жизни) посредством соответствующего глагола в тех же формах и существительного в творительном падеже»; 3) «безличное составное сказуемое, состоящее из безличной связки (при глаголе *было* — *будет* в настоящем времени нулевой) и безлично-предикативной формы на *-о*»; 4) «та же конструкция с бесформенным словом в качестве безлично-предикативного слова»; и далее в том же духе, всего девять типов [21].

Первые два типа характеризуются, как можно видеть, тремя чертами — значение предложений, сказуемое, второстепенные члены. Таким образом, различая эти типы, А. М. Пешковский принимает во внимание значение предложений; однако в остальных приводимых А. М. Пешковским типах безличных предложений признак значения предложений не используется совсем. Характеризуя первый и второй тип, Пешковский пишет, что глагол в этих предложениях имеет одинаковую форму. Следовательно, получается, что первый и второй типы различаются лишь значением и второстепенными членами. Если же обратиться к третьему и четвертому типам, то здесь Пешковский проводит границу между этими типами безличных предложений на основании того, что выступает в качестве безлично-предикативного слова. Таким образом, предложения типа *Смех было смотреть* и *Смешно было смотреть* должны быть отнесены к разным типам. Если третий и четвертый тип разъединяет различие в сказуемом, то почему общность сказуемого не объединяет первого и второго типа? И наоборот, если первый и второй типы разъединяет различное значение предложений и второстепенные члены, то почему эти признаки не могут объединить предложения *Смех было смотреть* и *Смешно было смотреть*? Таким образом, уже по первым четырем типам видно, что у А. М. Пешковского нет единого критерия классификации.

Такое же отсутствие единого основания классификации наблюдается и у других авторов. В качестве еще одного примера можно указать классификацию безличных предложений у Теодорова-Балана. Одну часть безличных предложений Теодоров-Балан выделяет на основе состава предложения, другую — на основе вещественного значения глаголов, третью — просто путем перечисления конкретных глаголов, употребляющихся в них [22]. Так, в пункте «ж» им выделяются «безличные предложения в 3 л. мн. ч. от глаголов, означающих действие лиц, которые говорящий оставляет неопределенными, неизвестными; это — какие-нибудь люди или все люди»: *казват, че той нявга ходил с Минча воевода*; *дума се, че тамо трепят де кого намерят*. Как можно видеть, указав признаки данного разряда предложений (следует отметить, что в данном случае к безличным причисляются предложения, которые принято квалифицировать как неопределенно-личные), А. Теодоров-Балан среди примеров дает предложение *дума се, че тамо трепят де кого намерят*, не имеющее одного из указанных признаков: в нем глагол употреблен в форме 3-го лица единственного числа, а не множественного. Это предложение естественнее было бы видеть в выделенной им под буквой «д» группе безличных «*се*-предложений», образуемых от глагола в форме 3-го лица единственного числа в сочетании с возвратным местоимением. Для выделения пункта «ж» А. Теодоров-Балан опирается на признак грамматического значения кон-

---

[21] См. А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 324—337.
[22] А. Теодоров-Балан. Указ. соч., стр. 406—412.

inslav

струкции, который им не учитывался при выделении других разрядов предложений. В результате такой непоследовательности выходит, что одно и то же предложение можно отнести к двум совершенно различным разрядам.

Отсутствие твердого критерия при делении безличных предложений приводило к тому, что различные типы их исследовались с разных сторон, нарушалась единая картина этого синтаксического явления, отдельные группы предложений оказывались разобщенными и изолированными друг от друга и благодаря этому ускользала от внимания их внутренняя связь, то общее, что их объединяет, а с другой стороны, ускользали те особенности и оттенки различных типов безличных предложений, которые могут быть выявлены только лишь в общей системе.

Важнейший недостаток существующих классификаций связан с решением вопроса о том, какой признак должен лечь в основу классификации. Несомненно, что это должен быть основной, наиболее характерный признак. Еще Д. Н. Овсянико-Куликовский писал: «Когда дело идет о том, чтобы исследовать целый разряд известных оборотов, и сам собою выдвигается вперед вопрос о их классификации, тогда, конечно, с особливой настойчивостью сказывается потребность найти в этих оборотах общую им, объединяющую их синтаксическую черту и положить ее (а не другие черты) в основу классификации»[23]. Однако это непременное требование либо вовсе не принималось во внимание, либо проводилось неполностью. Нетрудно видеть, что с данным недостатком связан и тот, который уже указан нами выше, — отсутствие единого критерия.

В связи со сказанным рассмотрим две существующие тенденции в классификации безличных предложений. Как уже отмечалось, безличные предложения делятся либо по значению, либо на основе того, чем выражено их сказуемое.

Первое из указанных делений заключается в том, что безличные предложения подразделяются на ряд групп в зависимости от того, что они выражают. Например, выделяются предложения, обозначающие явления природы, физическое и психическое состояние человека, действия мифической силы или же предложения, обозначающие предрасположенность к действию, и т. п. Такое деление безличных предложений не может быть нами принято. Конечно, при изучении безличных предложений нельзя обойти вопроса о лексической стороне их и вопроса о грамматическом значении безличных конструкций. Однако, строя классификацию, необходимо помнить, что мы выделяем безличные предложения из других предложений не на основании того, что они выражают явления природы, физическое и психическое состояние живых существ, действия мифической силы и т. п. Признак значения в них является не основным и не может быть положен в основу классификации. Поэтому попытки провести деление безличных предложений по значению и были безуспешными. Такая классификация ошибочна в своей основе, и отсюда закономерно вытекают ее недостатки.

Характерно, что при классификации безличных предложений на основании того, что они выражают, исследователи нередко не разграничивают лексическое значение и значение грамматическое. Например, А. А. Шахматов, разделяя одну из групп безличных предложений на более мелкие подгруппы, выделяет их на основании вещественного значения глаголов [24]. Так, он выделяет предложения с глаголами, означающими внутренние физические ощущения человека и изменения в отправлениях организма

[23] Д. Н. Овсянико-Куликовский. Из синтаксических наблюдений, стр. 1147.

[24] А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 11.

inslav

[«Ты, Микита, не вереди, где *наболело*». (Л. Толстой. «Власть тьмы», V)] и т. п. В одном ряду с этими подгруппами оказывается у А. А. Шахматова и подгруппа предложений «с глаголами, обозначающими действия, произведенные не указанным производителем» [«У нас незадолго до смерти отца *гудело* в трубе». (Чехов. «Три сестры», II»)]. В этой группе вещественное значение глаголов не определяется,а говорится о значении их в совершенно ином плане. Подобным образом определяют обычно вообще все безличные глаголы, противопоставляя их этим личным глаголам. В самом деле, как глагол, означающий действие, произведенное не указанным производителем, можно характеризовать не только приведенный здесь А. А. Шахматовым глагол *гудело*, но с не меньшим основанием и глагол *наболело*, который у А. А. Шахматова помещен в другую подгруппу. Такое объединение разнохарактерных явлений под одним термином «значение» присуще многим исследованиям.

В бесплодности классификаций безличных предложений по значению убеждались и сами авторы этих классификаций. Например, Е. М. Галкина-Федорук в своей диссертации выделяет ряд групп на основе «форм образования, структуры предложения», а дальнейшую классификацию внутри этих групп проводит на основе того, что́ выражают предложения. Однако группа безличных предложений, образованных из краткой формы причастий страдательного залога, делится Е. М. Галкиной-Федорук по их «формальным особенностям»: 1) безличные предложения без вспомогательного глагола (т. е. с нулевой связкой перфектного значения и без дополнения), 2) безличные предложения, образованные из краткой формы страдательного причастия с оценочным словом, и т. д. Е. М. Галкина-Федорук объясняет это тем, что предложения, сказуемое которых выражено причастной формой, не имеют такого четкого семантического деления, как другие предложения, и что на более дифференцированные группы эти предложения делятся по своим формальным особенностям [25], т. е. Е. М. Галкина-Федорук признает, что в данном случае классификацию безличных предложений на основе того, что́ выражают эти предложения, провести невозможно.

Необходимо сделать еще следующее замечание о классификации по значению. На первый взгляд может показаться, что речь идет о более или менее удачных формулировках у различных исследователей. Однако на деле это приводит к принципиальной ошибке. У одних исследователей такое безличное предложение, как, например, *Уже рассвело* квалифицируется как «предложение с глаголом, означающим явление природы». Такая формулировка сама по себе не содержит ничего ошибочного. И наши возражения в адрес этих авторов направлены не против формулировки, а против того, что они признак вещественного значения глаголов кладут в основу классификации безличных предложений.

Другие исследователи указанное предложение квалифицируют как «предложение, означающее явление природы». Такая формулировка неприемлема. Конкретное содержание предложений не является предметом грамматики. Мы можем говорить о значении по отношению к предложению лишь в том случае, если речь идет о значении, выражаемом самой конструкцией. Например, можно говорить о том, что предложение *Спи ми се* имеет модальное значение желания, ибо это значение выражается не конкретными словами предложения, а самой грамматической конструкцией.

Мы показали, почему не может быть принято деление безличных предложений по значению. Рассмотрим теперь вторую тенденцию в классифи-

---

[25] См. Е. М. Галкина-Федорук. Указ. соч., стр. 488 — 489.

inslav

кации безличных предложений — деление на основе того, чем выражено их сказуемое.

Постановка в центр внимания сказуемого закономерна. Категория безличных предложений выделяется на основании синтаксических особенностей этих предложений. Эти синтаксические особенности и следует прежде всего иметь в виду при изучении безличных предложений.

Признаком, который отделяет, с одной стороны, безличные предложения от других предложений и, с другой стороны, объединяет все безличные предложения, является, как уже было сказано, своеобразие сказуемого и отсутствие подлежащего. Из этого и надо исходить при построении классификации. Внимание здесь, таким образом, должно быть сосредоточено на сказуемом. Оно является центром структуры безличного предложения. Своеобразие сказуемого — отличительная черта всех безличных предложений, но создается это своеобразие по-разному в различных предложениях. На различиях в сказуемом и должна строиться классификация.

При правильности основной посылки авторы классификаций безличных предложений по различиям в сказуемом допускают, однако, существенную ошибку. Они ограничиваются в основном учетом различий только в самом сказуемом, связи же сказуемого с второстепенными членами предложения обычно не принимаются ими во внимание. Нельзя сказать, что эти связи вообще не освещаются в исследованиях. О многих из них пишется, и в ряде случаев на основании синтаксических связей сказуемого даже выделяются определенные группы предложений. Но это обычно одиночные группы. Иногда исследователи в своих описаниях стараются более полно отразить второстепенные члены в безличных предложениях. Такое стремление можно видеть, например, в диссертации Е. М. Галкиной-Федорук. Однако дифференциация безличных предложений в зависимости от имеющихся в них второстепенных членов не входит в этой работе в систему самой классификации, оторвана от деления этих предложений на группы в зависимости от различий в самом сказуемом: между этими двумя ступенями стоит еще одна ступень — деление предложений по значению. Таким образом, при классификации безличных предложений такой признак, как различия в сказуемом с точки зрения его связей с второстепенными членами, обыкновенно не служит основанием для разделения предложений.

С нашей точки зрения, игнорирование при классификации связей сказуемого безличных предложений с второстепенными членами является ошибкой.

Безличное предложение и сказуемое есть категории синтаксические, а поэтому в основу классификации должен быть положен именно синтаксический признак. Нельзя ограничивать понимание сказуемого рамками только слова или группы слов, которыми оно выражено; сказуемое как синтаксическая категория включает в себя, помимо этого, и связи с другими членами предложения. Различия в этих связях также должны учитываться при классификации, наряду с учетом различий в форме сказуемого.

Второстепенные члены в безличных предложениях действительно играют значительную роль. На важность второстепенных членов уже указывали исследователи безличных предложений. Так, А. М. Пешковский пишет, что «часто само безличное значение глагола зависит от строения того предложения, в котором он является сказуемым. Это бывает во всех тех случаях, когда личный глагол употреблен в смысле безличного, а таких случаев в языке гораздо больше, чем случаев с собственно безличными глаголами. Во всех этих

inslav

случаях описание уже не может ограничиться констатированием того факта, что личный глагол принял безличное значение, а должно показать, какая именно конструкция, какая форма словосочетания вызвала такую перемену в значении глагола»[26].

В литературе указывалось также, что нельзя сводить сущность особенностей безличных предложений к особенностям безличных глаголов. Однако на практике при классификации безличных предложений исследователи принимали во внимание только само сказуемое, не учитывая его связей с другими членами предложения.

Специфика болгарского языка заключается в том, что здесь без некоторых второстепенных членов безличное предложение не может быть построено. Например, в болгарском языке нельзя сказать *Не се спи*, в то время как в русском языке предложение *Не спится* вполне отвечает языковым нормам. Показательно, что ряд безличных глаголов, которые в болгарском языке выступают всегда вместе с прямым или так называемым дательным дополнением, и в словарях как правило не отделяются от этих обязательно сопутствующих им элементов. Это своеобразие языка не могло не наложить своего отпечатка на болгарские классификации безличных предложений. Поэтому в некоторых грамматиках отдельные группы безличных предложений выделены по признаку присутствия в них дополнений. Так, А. Теодоров-Балан обращает внимание на дополнения в безличных предложениях и в ряде случаев дифференцирует предложения по этому признаку. Такую же тенденцию можно видеть и у П. Калканджиева в его классификации глаголов, выступающих в безличных предложениях. Однако ни у П. Калканджиева, ни у А. Теодорова-Балана эта тенденция четко не оформлена и не получила развития, а тем более какого-либо теоретического обоснования.

Исходя из вышеизложенного, мы строим классификацию по следующему принципу: сначала все безличные предложения делятся на основе различий в самом сказуемом этих предложений; дальнейшее деление производится на основе различий во второстепенных членах, связанных со сказуемым.

При классификации мы учитываем не все второстепенные члены, имеющиеся при сказуемом, а лишь те из них, которые являются обязательным элементом структуры безличного предложения, т. е. такие члены, без которых безличное предложение не может быть построено. Таким второстепенным членом является, например, дательное дополнение в предложении *Не ми се спи*.

Второстепенные члены, не являющиеся обязательным элементом структуры безличного предложения (таково, например, обстоятельство времени в предложении *Тази нощ не ми се спеше*), рассматриваются нами по ходу анализа, однако при основной классификации предложений они не учитываются. Мы считаем, что прежде всего должно быть изучено то, что́ является общим и основным. В приведенных нами в качестве примеров двух безличных предложениях — *Не ми се спи* и *Тази нощ не ми се спеше* — общим и основным является сказуемое и дательное дополнение.

В общем виде наша классификация представляется следующим образом.

I. Предложения с глагольным сказуемым.

1. Сказуемое выражено глаголом без *се*: а) при сказуемом нет обязательных второстепенных членов: «*Заесенѝ*» (Л. Стоян.); б) при сказуемом имеется обязательное прямое дополнение: «*Него го беше втресло*» (Ваз.); в) при сказуемом имеется обязательное дательное дополнение: «*На свещеника му дожаля*» (Е.-П.).

---

[26] А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 324.

inslav

2. Сказуемое выражено глаголом с *се*: а) при сказуемом нет обязательных второстепенных членов: «Докторе, *ще се мре*, прощавай на веки, брате...» (Ваз.); «*Съмваше се*» (Велк.); б) при сказуемом имеется обязательное дательное дополнение: «*На Монката се не спеше*» (Е.-П.); в) при сказуемом обязательно имеется какой-либо второстепенный член: «*Обаче с измама далеч не се отива*» («Раб. дело»).

II. Предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами.

1. Сказуемое выражено безлично-предикативным словом на *-о*: а) при сказуемом нет обязательных второстепенных членов: «Пък и *студено беше*» (Е.-П.); б) при сказуемом имеется обязательное дательное дополнение: «*На бае Илчо му стана неприятно*» (там же).

2. Сказуемое выражено безлично-предикативным словом с формой существительного: а) при сказуемом нет обязательных второстепенных членов: «— Недей, брайно, *срамота е* — хора сме!» (Е.-П.); б) при сказуемом имеется обязательное прямое дополнение: «Па *страх ни беше*, ма Чоне» (Л. Стоян.); в) при сказуемом имеется обязательное дательное дополнение: «...*жал ми е*. Полето гори» (Е.-П.).

Помимо указанных предложений, имеются безличные предложения, где глагол без *се*, глагол с *се*, безлично-предикативное слово на *-о* или безлично-предикативное слово с формой существительного входят в состав сложного сказуемого. Основные схемы построения таких предложений аналогичны тем, по которым строятся безличные предложения с простым сказуемым.

Выделенные здесь группы показывают основные схемы построения безличных предложений болгарского языка. Несмотря на большое разнообразие безличных предложений и широкие возможности наличия в них второстепенных членов предложения, каждое из них может быть отнесено в конечном счете к одной из указанных групп.

Данная классификация, отражая структуру безличных предложений, важна также как служебное средство: она помогает произвести систематический анализ безличных предложений и описать их в свете поставленных задач.

II. ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ГЛАГОЛЬНЫМ СКАЗУЕМЫМ

Исследование безличных предложений с глагольным сказуемым невозможно провести без уяснения вопроса о том, какой глагол выступает в роли сказуемого данного предложения. Глаголы, выступающие в функции сказуемого безличных предложений, не однородны с точки зрения категорий лица и безличности. Среди них имеются: безличный и личный глаголы, глагол — переходная ступень, безличная форма с *се*.

Безличные глаголы характеризуются тем, что при них совершенно невозможно употребление именительного падежа существительного или местоимения. Они оформляются как формы 3-го лица единственного числа, а в сложных временах — как формы среднего рода. Безличным глаголам свойственны категории времени и наклонения.

В функции сказуемого безличных предложений употребляются без изменения основного лексического значения и личные глаголы (в форме 3-го лица единственного числа).

Деление глаголов на личные и безличные определяет «полярные» группы глаголов. В языке имеются, кроме того, глаголы, представляющие собой переходные ступени между этими двумя группами глаголов. Такую переходную ступень представляют собой личные глаголы, употребляемые лишь в форме 3-го лица. Существует и другой вид переходной ступени.

inslav

Выше было указано, что в функции сказуемого безличного предложения личные глаголы употребляются без изменения основного лексического значения. Однако кроме этих случаев, где можно говорить о безличном употреблении личных глаголов в строгом смысле слова, есть случаи, когда наблюдается различие между значением глагола в безличном и личном предложениях. Крайней точкой здесь являются случаи, когда глаголы в безличном употреблении настолько отходят по своему значению от соответствующих им личных глаголов, что образуют особые глаголы, являющиеся лишь омонимами к соответственным личным. В случаях же, когда при одном глаголе наблюдается различие между безличным и личным значением, можно говорить лишь о переходной ступени.

Деление глаголов на указанные три группы (безличные глаголы, личные глаголы, глаголы — переходные ступени) является лишь наиболее общим делением. Степень устранения лица у глаголов может быть весьма различна.

Границы между глаголами безличными, глаголами — переходными ступенями, глаголами личными не являются незыблемыми.

Среди глаголов, употребляющихся в функции сказуемого безличных предложений, особую группу составляют безличные формы с *се*. В современном болгарском языке элемент *се*, помимо других значений, имеет и безличное значение. Личная форма глагола в 3-м лице единственного числа путем прибавления элемента *се* изменяется в безличную форму, которая обозначает действие как протекающее независимо от воли действующего лица.

В лингвистической литературе часто по отношению к этим формам употребляют термин «безличный глагол». У ряда исследователей имеется мнение, что описываемые нами формы есть результат процесса словообразования. У этих исследователей, таким образом, употребление термина «безличный глагол» как-то обосновано. Другие исследователи, мнение которых мы разделяем, считают их результатом процесса формообразования. Однако и сторонники этой теории по отношению к описываемым формам нередко употребляют термин «безличный глагол», не замечая, что этим они противоречат своим теоретическим положениям. Мы в своей работе различаем термины «безличный глагол» и «безличная форма с *се*». Нам представляется существенным подчеркнуть терминологией различия, имеющиеся между безличным глаголом и безличной формой с *се*. Для понимания категории безличности важно четко представлять эти различия.

У безличного глагола, например у глагола *мързи*, кроме некоторых определенных форм, отсутствуют все другие формы (см. характеристику безличных глаголов на стр. 389). Что касается безличной формы с *се*, — например, *спи се*, — то здесь дело обстоит иначе. Это одна из форм глагола *спя*, который при учете всех имеющихся у него форм не может быть причислен к безличным глаголам. Наличие известного сходства между *спи се* — одной из форм глагола *спя* — и такими безличными глаголами, как например *мързи*, недостаточно для того, чтобы отрывать *спи се* от других форм глагола *спя* и объединять ее с глаголами типа *мързи*. Ниже, при описании предложений с безличным глаголом и предложений с безличной формой с *се* различия между ними будут видны особенно наглядно.

Элемент *се* имеет в языке несколько значений, поэтому при анализе безличных предложений следует помнить, что не каждый глагол с *се*, употребляющийся в безличном предложении, представляет собой описанную форму. Помимо нее среди этих глаголов встречаются немногочисленные личные глаголы — таков, например, глагол в предложении «Първа глава. Как *се започна*» (Л. Стоян.). Кроме того, среди глаголов с *се*, употребляющихся в безличных предложениях, имеются и собственно

inslav

безличные глаголы, например, *зазорява се*, *съмва се*. Большинство подобных безличных глаголов вовсе не имеет параллельных форм без *се* (так, например, не существует в языке слова *зазорява*), а в тех случаях, когда глагол имеет параллельную форму (например, *съмва се*, *съмва*), отношение формы с *се* к форме без *се* не представляет собой отношения безличного глагола к личному — обе формы одинаково безличны.

Ниже, в описании безличных предложений с глагольным сказуемым, каждый глагол охарактеризован нами с точки зрения категории лица. Естественно, эту характеристику глаголов нельзя считать вполне исчерпывающей. Подобное исследование глаголов — самостоятельная большая тема, выходящая за пределы задач настоящей работы. Так, например, в эту тему входит вопрос об омонимии глаголов. Мы его обходим и в тех случаях, когда наблюдаются различия между значением глагола в безличном и личном предложениях, всегда говорим о глаголе безличного предложения как о переходной ступени, хотя, вероятно, в ряде случаев следовало бы говорить о двух самостоятельных глаголах-омонимах.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ-ГЛАГОЛОМ БЕЗ *СЕ*

1. Предложения без обязательных второстепенных членов

Безличные предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов, состоят: а) либо из одного сказуемого, например: «*Ще вали...*» (Зид.); б) либо из сказуемого с второстепенными членами, не являющимися, однако, обязательным элементом структуры безличного предложения, например: «*Тука мъчно вали...*» (там же), — необязательный характер обстоятельства образа действия *мъчно* и обстоятельства места *тука* четко виден при сравнении этого предложения с первым предложением.

Безличные предложения со сказуемым-глаголом без *се*, при котором нет обязательных второстепенных членов, с точки зрения своеобразия их сказуемого по сравнению со сказуемым личных предложений неоднородны. Здесь выделяются две группы предложений, различия между группами проходят по линии самих глаголов-сказуемых. Глаголы без *се*, употребляющиеся в предложениях без обязательных второстепенных членов, представляют собой либо глаголы, переходные между личными и безличными, либо личные глаголы. Собственно безличные глаголы без *се* в таких предложениях не употребляются.

Первую группу составляют безличные предложения, сказуемые которых — глаголы, представляющие собой переходные ступени между личными и безличными глаголами: *вали*, *завалява* — *завали*, *заесенява* — *заесени*, *застудява* — *застуди*, *захладява* — *захлади*, *гърмя*, *прогърмя*, *святкам* — *светна*, *засвяткам* [27]. Ниже мы приводим безличные предложения с этими глаголами.

[27] Ряд глаголов, представляющих собой переходную ступень между личными и безличными глаголами, употребляется в функции сказуемого безличного предложения в двух формах — в форме без *се* и в форме с *се* (характерной для разговорной речи): ср., например, «*Заесени*» (Л. Стоян.) и «Винаги щом *се заесенееше...*» (Даск.). Безличные предложения, подобные только что приведенным, мы помещаем, ввиду их тесной связи, в одном месте. Мы рассматриваем предложения с глаголами *заесенява* (*се*) — *заесени* (*се*), *застудява* (*се*) — *застуди* (*се*), *захлядява* (*се*) — *захлади* (*се*), *святкам* (*се*) — *светна*, *засвяткам*(*се*) в настоящем разделе нашей работы, а не в разделе «Предложения со сказуемым глаголом с *се*» потому, что в настоящем разделе они объединяются с другими предложениями; в разделе же «Предложения, со сказуемым-глаголом с *се*» предложения с перечисленными глаголами, благодаря отличию этих глаголов от соответствующей группы глаголов с *се* (*задрезгавява се*, *зазорява се* — *зазори се* и т. д. — см. стр. 419), стояли

inslav

А. Предложения без второстепенных членов: «*Ще вали, ще вали!*» (Е.-П.); « — Дъждовни облаци идат, Ненчо. — *Ще завали* и ще побърка на харманя» (Ваз.); «*Заесенѝ*. Дните намаляха» (Л. Стоян.); «*Захладяваше*, хората се наметаха с палта» (там же); «*Валя цяла нощ, светкá се, гърмя*» (Йовк.); «Задушно беше, *святкаше се*» (там же); «*Засветка*. Затрещяха небесата» (Е.-П.).

Б. Предложения с необязательными второстепенными членами: «*В петък срещу събота валя като из ведро*» (Карасл.); «*Привечер заваля по-силно*» (там же); «*В малката стаичка застудя*» (Л. Стоян.); «Стана много тъмно и, макар че беше късна есен, *засвятка се, погърмя няколко пъти*, а след туй заваля тих дъжд» (Йовк.); «*Но ето, на изток светна*. Алена ивица загоря над черната линия на полето» (там же); «Навън заваля дъжд, *засвятка се, загърмя* и едри капки почнаха да шибат през отворения прозорец» (Е.-П.).

Глаголы *вали, заваля́ва — завали, заесенява — заесени, застудява — застуди, захладява — захлади, гърмя, прогърмя, святкам — светна, засвяткам*, выступающие в качестве сказуемых приведенных предложений, мы квалифицируем как глаголы — переходные ступени между личными и безличными. Основанием для этого служит следующее. Перечисленные глаголы имеют в языке, кроме безличного, и личное употребление. Возможности эти у разных глаголов различны.

Проанализируем употребление глагола *вали*. Нами уже приведены безличные предложения с этим глаголом. Однако он может выступать и в личных предложениях, например: «И *снегът* сѐ *валеше*» (Ваз.); «През нощта *валя* хубав пролетен *дъжд*...» (Е.-П.).

В приведенных личных предложениях глагол *вали* стоит в форме 3-го лица единственного числа, т. е. в той же форме, что и в безличных предложениях. Следует отдельно от таких личных предложений отметить нижеследующие предложения, личный характер которых наиболее ярок, так как в них глагол стоит в форме, возможной лишь в личных предложениях (множественное число и мужской род причастия): «Наскоро *бяха валели* дъждове и полето беше се раззеленило като през пролет» (Е.-П.); «Следите бяха ясни, тъй като нов сняг още *не бе валял*» (Л. Стоян.).

Анализируя данные примеры употребления глагола *вали*, можно видеть, что этот глагол употребляется в личных предложениях только в форме 3-го лица, т. е. представляет собой переходную ступень к безличным глаголам (см. стр. 389).

Интересны следующие единичные в современном литературном языке предложения: «През нощта *беше валяло дъждец*» (Е.-П.); «Два месеца *не бе валяло дъжд*...» (там же). Эти предложения отличаются от предыдущих тем, что сказуемое их не согласовано с подлежащим в роде. Л. Андрейчин рассматривает предложение «*Наваляло е много сняг*» как свидетельство того, что некогда такие предложения, как *Вали сняг* были безличными («...формата за среден род на сказуемото показва, че *сняг* не е първоначален подлог, а допълнение») [28].

бы изолированно, были бы оторваны от других предложений. Эти отличия глаголов заключаются в следующем: 1) глаголы *заесенява* (*се*) — *заесени* (*се*), *застудява* (*се*) — *застуди* (*се*) и т. д. принадлежат к переходным ступеням между личными и безличными глаголами, а глаголы *задрезгавява се, зазорява се — зазори се* и т. д. представляют собой самостоятельные безличные глаголы; 2) кроме указанного морфологического различия существует и лексическое различие: глаголы *заесенява* (*се*) — *заесени* (*се*), *застудява* (*се*) — *застуди* (*се*) и т. д. обозначают явления природы, однако среди них нет таких, которые обозначали бы явления, связанные со сменой дня и ночи, что является характерным для глаголов *задрезгавява се, зазорява се — зазори се* и т. д.

[28] Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 451.

inslav

Глаголы *завалява — завали*, *заесенява — заесени*, *застудява — застуди*, *захладява — захлади* сходны с глаголом *вали*. Они также употребляются и в личных предложениях, причем исключительно в форме 3-го лица. Например: «*Заваляха* първите студени есенни *дъждове*» (Карасл.); «*Времето* отново *застудя*, после почна да вали сняг» (Веж.); «*Нощите захладяха*, сутрин ставаше студеничко» (Карасл.).

Следует отметить, что глаголы *вали*, *завалява — завали* широко употребляются как в безличных, так и в личных предложениях; глаголам же *заесенява — заесени*, *застудява — застуди*, *захладява — захлади* личное употребление менее свойственно, чем безличное.

Несколько иными являются глаголы *гърмя*, *прогърмя*, *святкам — светна*, *засвяткам*. Эти глаголы представляют другой вид переходной ступени между личными и безличными глаголами: здесь можно наблюдать различие в лексическом значении глагола в безличном и личном предложениях.

Вот примеры личных предложений с глаголом *гърмя*: «*Гърмят* тежки *звънци*...» (Йовк.); «През всичкото време на страшния сговористки режим единствен *той си позволяваше да гърми* било на гуляй, било така само да сплаши някого» (Даск.); «Дебелият му гърлест *глас гърмеше*, смееше се» (Йовк.). Глагол *гърмя* широко употребляется в личных предложениях во всех трех лицах. «Български тълковен речник» его значения определяет следующим образом: «а) о звуках от различных предметов; б) стрелять из орудия, ружья и т. п.; в) о криках и голосах людей» [29]. В этих значениях *гърмя* употребляется как личный глагол. Однако когда речь идет о громе, для этого глагола характерным является безличное употребление.

С глаголом *гърмя* сходны глаголы *прогърмя*, *светкам — светна*, *засвяткам*. В них также наблюдается расхождение лексического значения в безличных и личных предложениях. Для сравнения приводим несколько личных предложений с этими глаголами: «*Вик* на изненада, гняв и протест *прогърмя* зад него» (Карасл.); «Само *очите* на Стефан *светнаха* възбудено» (Дим.); «И ето, под белите му вежди *засвятка нещо весело*, той взе да се усмихва: израстнал беше Давидко като върлина, висок, плещест, с дълги крака, с дълги ръце» (Йовк.).

Определяя рассмотренные здесь глаголы с точки зрения категорий лица и безличности как переходную ступень между личными и безличными, мы тем самым отвечаем на вопрос, обладает ли в безличных предложениях с этими глаголами само сказуемое (без учета его возможной связи с второстепенными членами) спецификой, т. е. возможен ли такой глагол-сказуемое в личных предложениях. Принадлежность глаголов к переходным ступеням между личными и безличными означает, что возможность употребления этих глаголов в функции сказуемого личных предложений существует, однако такое употребление весьма ограниченно.

Переходим к рассмотрению сказуемого с учетом еще возможной связи с второстепенными членами. Необязательными второстепенными членами в безличных предложениях с глаголами *вали*, *завалява — завали*, *заесенява — заесени*, *застудява — застуди*, *захладява — захлади*, *гърмя*, *прогърмя*, *святкам — светна*, *засвяткам* являются, как это можно видеть из приведенных выше примеров, обстоятельства образа действия, времени, места, меры.

Анализируя личные предложения с перечисленными глаголами, можно видеть, что в них также могут присутствовать эти обстоятельства. Итак, обстоятельства образа действия, времени, места, меры одинаково могут наличествовать как в безличных предложениях с глаголами *вали*,

---

[29] «Български тълковен речник», стр. 494.

inslav

завалява — завали и т. д., так и в личных предложениях с этими глаголами. Это означает, что в этих безличных предложениях своеобразие сказуемого не связано с наличием при этом сказуемом второстепенных членов.

Вторую группу безличных предложений, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов, составляют предложения, сказуемые которых — личные глаголы, т. е. глаголы, которые широко употребляются и в личных предложениях, причем лексическое значение их в личных и безличных предложениях одинаково. Следует отметить, что безличные предложения с этими глаголами обыкновенно имеют в своем составе второстепенные члены. Их нельзя, однако, квалифицировать как обязательные, так как иногда могут встретиться предложения и без этих второстепенных членов, кроме того здесь могут быть разнообразные второстепенные члены, заменяющие друг друга без всякого ущерба для безличного характера предложения.

Личными глаголами, употребляющимися безлично в данной группе предложений, являются глаголы *капя*, *омекна*, *повея*, *светвам*, *светя*, *утихвам — утихна*. Например: «*През керемидите на сайванта капеше* и от стряхата се стичаха тънки струйки от дъжда...» (Л. Стоян.); «— Студено, а? Хич не е да стои човек на пост. — *Сега е малко омекнало...*» (Веж.); «...дърветата метнаха тъмната черга на плътните си сенки. *Повея слабо*, листата и тревите трепнаха леко, и това като че не беше лъх, а някакво вълшебно събуждане на целия кър» (Карасл.); «...широки светкавици бляскаха, после пак ставаше тъмно, *пак святваше*» (Йовк.); «*На широкия прашен мегдан в някои кръчми вече светеше*» (Л. Стоян.).

К каждому из приведенных предложений можно привести параллельное личное предложение: «Той знаеше, че малката *капчица*, като *капе* постоянно и упорито на едно място, пробива и камъка» (Карасл.); «*Студът*, който щипеше заранта ушите му, *беше омекнал*» (Даск.); «Тънък и студен *ветрец повя* над потъналата във влага земя» (Е.-П.); «*Светваха* кратки, червени *светкавици...*» (Йовк.); «Той не обърна внимание, че *прозорецът* на неговата стая *светеше*» (Карасл.); «...*канонадата* значително *утихна* и се разреди» (Веж.).

В рассмотренных примерах и личные, и безличные предложения одинаково имеют в своем составе обстоятельства; таким образом, обстоятельства не являются специфической особенностью безличных предложений. Особо следует отметить роль обстоятельства места. Наличие обстоятельства места (хотя оно возможно и в личных предложениях) делает безличный характер предложения более определенным, более ощутимым. Следует заметить, что сказуемые, представляющие собой глаголы, личный характер которых достаточно ярок, в безличных предложениях часто выступают именно с таким обстоятельством места.

В безличных предложениях, сказуемое которых выражено личным глаголом и которые имеют второстепенные члены, обычные для личных предложений, безличность проявляется менее четко, иногда она спорна. На безличный характер этих предложений указывают только отсутствие подлежащего и форма 3-го лица единственного числа глагола-сказуемого. Эти показатели не являются яркими показателями безличного характера предложения, ибо отсутствие подлежащего и форма 3-го лица единственного числа глагола возможны и в личном предложении. Безличный характер у подобных предложений полностью проявляется только в контексте.

Отдельно надо отметить безличные предложения, в которых как правило, кроме сказуемого, имеется еще второстепенный член предложения — косвенное дополнение с предлогом *на*. Например: «*Миришеше на вино, тютюн и манджи*» (Е.-П.); «Няколко мини изтрещяха остро на де-

inslav

сетина метра от тях, вдигна се пръст, *замириса на експлозив*» (Веж.); «*Отвънка ухае на люляк*, отвънка е синьо небе» (Н. Вапц.).

Подобные предложения следует все же рассматривать лишь как отдельную подгруппу в группе безличных предложений, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов. Косвенное дополнение с предлогом *на* нельзя квалифицировать как непременный второстепенный член, так как возможны случаи отсутствия его. — Например: «Ами че пазете чистота, бе хора. *След една седмица тука така ще размирише*, че полковникът веднага ще ви натири на фронта!» (Веж.).

В функции сказуемого таких предложений употребляются личные глаголы *мириша*, *замириша*, *размириша*, *ухая*; ср. «Белите *чаршафи миришеха* на чисто, изпрано» (Л. Стоян.). Такие безличные предложения близки уже рассмотренным выше безличным предложениям с личным глаголом.

К целому ряду безличных предложений, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов, в языке имеются, как это можно было видеть, параллельные личные предложения. Отличие значения безличного предложения от значения параллельной личной конструкции состоит в том, что в безличном предложении выражается проявление какого-либо действия независимо от активного деятеля.

Безличные предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов, с точки зрения лексического значения глаголов — их сказуемых весьма определенны. Эти глаголы обозначают состояние природы, окружающей среды, а глаголы *мириша*, *замириша*, *размириша*, *ухая* — ощущения от внешних явлений (чувственные восприятия и внешние явления как объект этих восприятий).

Предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов, употребляются в языке довольно широко, но круг глаголов, выступающих в функции их сказуемого, ограничен: это касается как глаголов, близких к безличным, так и безличного употребления личных глаголов.

2. Предложения с обязательным прямым дополнением

Безличные предложения со сказуемым-глаголом без *се*, при котором имеется обязательное прямое дополнение, с точки зрения своеобразия их сказуемого по сравнению со сказуемым личных предложений неоднородны. Здесь выделяются три группы предложений, различия между группами проходят по линии самих глаголов-сказуемых.

Первую группу составляют безличные предложения, сказуемые которых представляют собой безличные глаголы. К таким глаголам относятся *втриса — втресе*, *мързи* и небольшая, но четкая (благодаря единству с точки зрения словообразования — см. ниже, стр. 413) группа глаголов, включающая в свой состав *догрешава — догрешее*, *досмешава — досмешее*, *досрамява — досрамее*, *дострашава — дострашее*, *доядява — доядее*, *доболява — доболи*, *домързява — домързи*, *досърбява — досърби*.

Ниже мы приводим безличные предложения с перечисленными глаголами. Параллельный материал личных предложений в данном случае не даем, так как личных предложений с этими глаголами в языке нет.

А. Предложения с одним прямым дополнением: «*Него го беше втресло*» (Ваз.); «Иван видя в очите му зъл огън и *го досмеша*» (Е.-П.); «*Дори ме достраша* и си помислих дали ще се справя добре» («Раб. дело»).

Б. Предложения с прямым дополнением и другими второстепенными членами: «Трябва да забеле-

inslav

жим, че *Асенча го беше втресло днес...*» (Ваз.); «Но когато дойде лето, но когато дойде пек, *псето — знаете — проклето, страшно много го мързи*» (Н. Вапц.); «—...Само като си помисля какви хора са те — *досрамява ме, от всичко ме досрамява... И от мене си дори ме досрамява...*» (Веж.); «*В Клисура ме достраша, самичка и отхвърлена...*» (Ваз.).

Мы привели группу безличных предложений, сказуемые которых представляют собой безличные глаголы. Определение этих глаголов как безличных дает положительный ответ на вопрос, обладает ли само сказуемое спецификой: в приведенных предложениях само сказуемое-глагол обладает спецификой, т. е. такой глагол невозможен в личных предложениях.

Второстепенными членами, которые употребляются при сказуемых — безличных глаголах *втриса — втресе, мързи, догрешава — догрешее, досмешава — досмешее, досрамява — досрамее, дострашава — дострашее, доядява — доядее*, являются: 1) прямое дополнение — обязательный элемент структуры безличного предложения; 2) косвенное дополнение с предлогом *от*, обстоятельства образа действия, времени, места, меры, причины — возможные, но не обязательные элементы структуры безличного предложения. Необходимость анализа сказуемого с учетом его связи с второстепенными членами в данном случае отпадает, так как если мы выяснили, что сам глагол-сказуемое не может быть употреблен в функции сказуемого личного предложения, то это значит, что он не может быть употреблен в такой функции и с какими бы то ни было второстепенными членами.

Вторую группу составляют безличные предложения, сказуемые которых — глаоглы, представляющие собой переходную ступень между личными и безличными глаголами. Такими являются глаголы *боли, заболява — заболи, сърби*.

А. Предложения с одним прямым дополнением: «...ала и на нас ни е мъчно, *и нас ни боли*» (Карасл.); «Стори му се, че детето остава вече сирак *и го заболя*» (Велк.).

Б. Предложения с прямым дополнением и другими второстепенными членами: «*Там*, кай, дето беше зъмята, *ме боли*» (Йовк.); «На Боян се стори, че *в тоя миг Липованеца най-силно го заболя*» (Даск.); «Те не знаят *къде ги сърби...*» (Л. Стоян.).

Эти глаголы, наряду с безличным употреблением, выступают в языке и в роли сказуемых личных предложений, но личное употребление их ограничено — они употребляются так только в форме 3-го лица. Ср.: «Нея *нищо я не болеше*» (Е.-П.); «Като венец на всички беди — *заболя* го силно *зъб...*» (Веж.).

В приведенных безличных предложениях сказуемое представляет собой глагол, стоящий на границе между личными и безличными глаголами, т. е. само сказуемое у этих предложений занимает какое-то среднее положение: возможность такого сказуемого в личных предложениях существует, но эта возможность ограничена.

Второстепенные члены, употребляющиеся в безличных предложениях с глаголами *боли, заболява — заболи, сърби*, это: 1) обязательное прямое дополнение, 2) необязательные обстоятельства образа действия, времени, места, причины. Они не определяют безличный характер предложений, так как возможны и в личных предложениях.

Особняком стоит обстоятельство места. Так, у безличного предложения «...ала и на нас ни е мъчно, *и нас ни боли*» (Карасл.), которое состоит из сказуемого и прямого дополнения, к самому глаголу-сказуемому подстановка подлежащего возможна: вполне можно было бы сказать «...*и нас ни боли сърцето*». Если же в безличном предложении, кроме сказуемого

inslav

и прямого дополнения при нем, имеется еще и обстоятельство места, то у такого предложения возможность подстановки подлежащего отсутствует. Например, ни к одному из следующих предложений: «*Там*, кай, дето беше зъмята, *ме боли*» (Йовк.); «...да ме извините, госпожа, знам *где ви боли*, но няма да ви го кажа» (Е.-П.); «Знаеше *къде я боли*» (Л. Стоян.); «Те не знаят *къде ги сърби*...» (там же) — подставить подлежащее нельзя. Существует, следовательно, несомненная связь между безличным характером предложений и наличием в этих предложениях обстоятельства места.

Третью группу составляют безличные предложения, сказуемые которых представляют собой личные глаголы. Такими являются глаголы *връщам*, *свъртам*, *сдържам* — *сдържа*, *тегля*, *ям*.

А. Предложения с одним прямым дополнением: «*Огнянова го не сдържá*. Той напусна всяка предпазливост, изскокна из скривалището си и бързо се покачи на върха...» (Ваз.).

Б. Предложения с прямым дополнением и другими второстепенными членами: «И може би тъкмо защото имаше нещо селско, не дотам изящно, допадаше повече на Гарчо, *връщаше го назад, към мириса на земя и жито*» (Даск.): «Дните му се виждаха безкрайно дълги. В *къщи го не свърташе*, домашните разправии го ядосваха...» (Е.-П.); «*Него го сдържаше на едно място*» (там же); «Тъкачев издебна момент, когато Мачков беше се заплеснал в една нова група посетители, извини се пред Кръстя и като кимна мълчешком, измъкна се на улицата. *Теглеше го навън от селото, сред есенната красота на полето*» (Карасл.); «...Ама така, *яде ги отвътре*, и доде не овъргалят човека, не мирясват!» (Даск.).

Указываем параллельные личные предложения с этими глаголами. «...петстотин жълтици сте ми взели. Да ми ги *върнете*» (Е.-П.); «...като се намеся и аз, *няма да* те *свърти окръга*» (Зид.); «...ха сега! *Тегли*! Стойчо дръпна оглавниците, прекръсти се и пойде» (Е.-П.); «*Тя* изгуби охота и *не можеше да яде*» (там же).

Обстоятельство места для данной группы безличных предложений очень характерно, однако все же оно не может быть квалифицировано как обязательное. В большинстве случаев эти второстепенные члены не определяют безличный характер этих предложений, так как такие же второстепенные члены могут наличествовать и в личных предложениях с глаголами *връщам*, *свъртам*, *сдържам*, *тегля*, *ям*. Однако иногда такая связь между наличием второстепенного члена — обстоятельства места — и безличным характером предложения существует. Так, в предложениях «...ама така, *яде ги отвътре*...» (Даск.); «...с исключение на Соколова, *когото ядеше отвътре*» (Ваз.), благодаря лексическому значению слова *отвътре*, которое выступает здесь в роли обстоятельства места, подставить какое-либо подлежащее невозможно.

Таким образом, третью группу безличных предложений составляют предложения, у которых как само сказуемое-глагол, так и второстепенные члены при нем, могут употребляться (за редким исключением) и в личных предложениях. Отличие таких предложений от неполных личных предложений обнаруживается лишь в контексте.

Значение безличных предложений с обязательным прямым дополнением, имеющих параллельные личные конструкции, отличается от значения последних тем, что в безличных предложениях выражается проявление какого-либо действия независимо от активного деятеля.

С точки зрения лексического значения глаголов безличные предложения, при сказуемом которых имеется обязательное прямое дополнение, весьма определенны. Все употребляющиеся в этих предложениях безличные глаголы и глаголы, которые являются переходной ступенью между

inslav

личными и безличными, означают или психические переживания человека, или внутренние физические ощущения и физиологические изменения в отправлениях организма, в его состоянии. Относительно личных глаголов, выступающих в роли сказуемого данных безличных предложений, можно сказать следующее. Круг значений этих глаголов шире, однако в безличном употреблении они также характеризуют психические переживания человека.

Круг глаголов, которые употребляются в безличных предложениях с обязательным прямым дополнением, невелик. Общее количество таких предложений, имеющееся в исследованных нами текстах, весьма небольшое.

Среди безличных предложений, имеющих сказуемое — глагол без *се* и прямое дополнение при нем, особняком стоят предложения с глаголом *има — няма*. Прямое дополнение в подавляющем большинстве случаев присутствует в подобных предложениях, однако эллипсис здесь, в противоположность всем рассмотренным выше предложениям с прямым дополнением, возможен.

Необязательными второстепенными членами безличных предложений с глаголом *има — няма* являются: косвенное дополнение с предлогом *за*, обстоятельства места, времени, меры.

А. Предложения с одним прямым дополнением: «Бай Мичо, *никого няма*» (Ваз.); «*Ще има свидетели*, *разпити*, *огледи*» (Карасл.).

Б. Предложения с прямым дополнением и другими второстепенными членами: «*В колата нямаше никого...*» (Л. Стоян.); «*Не, няма да има оправдание след това!*» (Карасл.).

Помимо указанных здесь необязательных второстепенных членов, которые являются характерными для безличных предложений с глаголом *има — няма*, встречаются случаи присутствия в таких предложениях косвенного дополнения с предлогом *у*. Например: «Дядо попе, *у тебе има три работи...*» (Ваз.); «*У кучето няма толкова вярност*, колкото той носи в душата си» (Л. Стоян.). Такое дополнение является не типичным для болгарского языка. В случаях, аналогичных приведенным, болгары употребляют обыкновенно личную конструкцию. Например: «*Кучето няма толкова вярност*, колкото той носи в душата си».

Глагол *има — няма*, как глагол, означающий существование, употребляется только безлично. Личное употребление этого глагола связано с другим его значением.

Специфика сказуемого рассматриваемых предложений заключается в характере глагола *има — няма*. Параллельных личных конструкций с глаголом существования *има — няма* в болгарском языке нет.

Безличные предложения с глаголом *има — няма* употребляются в современном болгарском языке чрезвычайно широко. Они являются одним из самых употребительных типов безличных предложений.

3. Предложения с обязательным дательным дополнением

С точки зрения своеобразия сказуемого по сравнению со сказуемым личных предложений, все безличные предложения болгарского языка, имеющие сказуемое-глагол без *се* и обязательное дательное дополнение при нем, распадаются на четыре группы. В зависимости от глаголов-сказуемых можно разделить все предложения на три группы: одну группу составляют предложения, сказуемое которых представляет собой безличный глагол; другую — предложения со сказуемым-глаголом, стоящим

inslav

на границе между личными и безличными глаголами; третью — предложения со сказуемым — личным глаголом. Эта последняя группа предложений со сказуемым — личным глаголом на основании различий, существующих в связях сказуемого с второстепенными членами, распадается, в свою очередь, на две части. Таким образом, всего здесь имеется четыре группы предложений.

Сказуемыми первой группы являются безличные глаголы: *дожалява — дожалее*, *докипява — докипи*, *докривява — докривее*, *домилява — домилее*, *домъчнява — домъчнее*, *призлява — призлее*, *прикипява — прикипи*, *прилошава — прилошее*, *примъчнява — примъчнее*, *причернява — причернее*. Круг этих безличных глаголов ограничен морфологическими, словообразовательными рамками. Все эти глаголы являются производными, образованными по продуктивному в болгарском языке способу образования безличных глаголов (см. об этом на стр. 413).

А. Предложения с одним дательным дополнением: «*На свещеника му дожаля*» (Е.-П.); «...дори да изпсува понякога, *когато му докривее...*» (Л. Стоян.); «— Как така ще го биеш? *Няма ли да ти домилее*, да размислиш, че за някаква си нищожна заплата биеш брата си?» (Е.-П.); «*Домъчняло на Сивушко* — бил неопитен и млад» (Вапц.); «*Нему му прикипяваше*, но той се силеше да не избухне» (Ваз.); «*На Райна ѝ прилошава*» (Вас.); «А ти да не знаеш много, *че както ми е причернело...*» (Л. Стоян.).

Б. Предложения с дательным дополнением и другими второстепенными членами: «Какво майсторе? *За казаните ли ти дожаля!*» (Веж.); «И, както правеше винаги, *когато ѝ докривееше много*, тя се разшета бързо, завика и се заокайва» (Йовк.); «...Ех, стари и беззъби дяволи, наклекали по калибарските прагове и оброчища, вижда се, *че ви е домиляло за изпустялите кожи!..*» (Велк); «Тя не беше голяма и Казака нищо не му каза, *но му домъчня малко*, защото не знаеше защо му я задържа...» (Карасл.); «...Занесли го, *ама пак му призляло* и там на къшлата умрял» (Йовк.); «Зави му се свят *и пак му прилоше*» (Е.-П.); «*Само на обед и вечер*, като си отиваха работниците, изхвърлени от фабриката подобно на кълба сгурия из корема ѝ, *му примъчняваше*» (Даск.); «...*Иначе току виж някой ден ми причерняло*, та не знам какво ще направя...» (Веж.).

В данной группе безличных предложений употребляются следующие второстепенные члены: 1) дательное дополнение — обязательный элемент структуры безличного предложения; 2) косвенное дополнение с предлогом *за*, обстоятельства образа действия, времени, места, меры — возможные, но не обязательные элементы структуры безличного предложения.

Безличный характер таких предложений обусловлен характером самого глагола-сказуемого.

Во вторую группу мы включаем безличные предложения с глаголами *върви*, *олеква — олекне*, *потръгне*, *провърви*, представляющими собой переходную ступень между личными и безличными. Основанием для этого служит следующее: безличные формы перечисленных глаголов характеризуются смысловым обособлением от параллельных им личных форм. Как уже указывалось, в тех случаях, когда у глагола обнаруживаются различия между его безличным и личным значением, глагол-сказуемое безличного предложения представляется возможным рассматривать как близкий к безличным. Ниже мы приводим безличные предложения с этими глаголами.

А. Предложения с одним дательным дополнением: «*На брат ти му върви*» (Дим.); «Еньо слушаше със страх всичко това, *но все пак му олекваше*» (Е.-П.); «*Дано на момчето*, като е добро и паметно, *да му потръгне*, та и Станка да се нареди, мислеше си

inslav

Кръстевица» (Карасл.); «*Ама... провървя му*, замогна се и... иди го гони вече...» (там же.)

Б. Предложения с дателным дополнением и другими второстепенными членами: «Ако питаш мене, — каза Златан, — *на оръдието повече ти върви, отколкото при Юлия...*» (Веж.); «*Сега вече олеква на Гарчо*» (Даск.); «*Тоя път дано ни потръгне...*» (Веж.). Ср. значение глаголов *върви, олеква — олекне* в приведенных безличных предложениях со значением их в следующих личных: «От Махмуда и досега *Турция е вървяла* с гигантски крачки към своята пропаст...» (Хр. Бот.); «...*полковете*... съвсем *олекнали* от бойните си запаси...» (Веж.).

Мы привели группу безличных предложений с глаголами, которые употребляются в языке и безлично и лично, но имеют при этом различия в лексическом значении. На вопрос, обладает ли сказуемое у безличных предложений с глаголами *върви, олеква — олекне, потръгне, провърви* спецификой, должен быть дан положительный ответ. В таком значении этот глагол невозможен в личных предложениях.

В безличных предложениях с глаголами *върви, олеква — олекне, потръгне, провърви* употребляются: 1) дательное дополнение — обязательный элемент структуры безличного предложения; 2) обстоятельства образа действия, времени, места — возможные, но не обязательные элементы структуры безличного предложения.

Третью и четвертую группу составляют безличные предложения со сказуемым — личным глаголом. Эти группы отличаются от предыдущих групп — первой и второй — самим сказуемым: в первой группе глагол-сказуемое представляет собой безличный глагол, во второй — переходную ступень между личными и безличными глаголами. Между третьей и четвертой группой различия проходят уже по линии связи сказуемого с второстепенными членами.

Третью группу составляют безличные предложения, в роли сказуемых которых выступают личные глаголы *кипна, припадна*. Из сравнения безличных и личных предложений с этими глаголами можно видеть, что основное лексическое значение их при безличном употреблении остается неизменным (т. е. положение здесь иное, чем мы наблюдали во второй группе с глаголами *вървя, олеквам — олекна, потръгна, провървя*, безличные формы которых характеризуются смысловым обособлением от параллельных им личных форм). Это означает, что следует квалифицировать глаголы *кипна* и *припадна* именно как личные глаголы и говорить лишь об их безличном употреблении.

А. Предложения с одним дательным дополнением: «...*ще ми кипне*, та после не отговарям...» (Даск.); «...отишъл Божил — кехая и като погребвали Рахня, *припаднало му* и се схванал» (Йовк.).

Б. Предложения с дательным дополнением и другими второстепенными членами: «...едвам се е повдигнал, *ето сега ще му припадне*» (Ваз.).

Ср. с этими предложениями личные предложения с глаголами *кипна, припадна*: «*Той кипна*, но се въздържа» (Карасл.); «*Майката* разпери ръце и *припадна*» (там же).

Мы привели ряд безличных предложений, у которых сказуемое представляет собой личный глагол. У таких предложений, следовательно, к самому глаголу-сказуемому возможна подстановка подлежащего.

Второстепенными членами, которые употребляются в безличных предложениях с глаголами *кипна, припадна*, являются: 1) дательное дополнение — обязательный элемент структуры безличного предложения;

inslav

2) обстоятельство времени — возможный, но не обязательный элемент структуры безличного предложения.

При анализе связи сказуемого с второстепенными членами обнаруживается значительная роль дательного дополнения в безличном характере предложений. Дополнение представляет собой дательный субъекта, не свойственный личным предложениям с этими глаголами. Что касается возможного в безличных предложениях обстоятельства времени, то оно в безличном характере предложений роли не играет, так как может наличествовать и в личных предложениях.

Проиллюстрируем все сказанное здесь о роли второстепенных членов на следующем примере: «...едвам се е повдигнал, *ето сега ще му припадне*» (Ваз.). К самому сказуемому этого предложения, взятому в отрыве от связанных с ним второстепенных членов, подставить подлежащее можно: так, вполне возможно предложение *Той ще припадне*. Эта возможность подстановки подлежащего не исчезает и в том случае, если сказуемое имеет при себе обстоятельство времени — возможно предложение *Сега той ще припадне*. Если же при сказуемом имеется дательный субъекта, то подстановка подлежащего уже невозможна: сказать «Едвам се е повдигнал, *ето сега той ще му припадне*» нельзя.

Таким образом, в третьей группе безличных предложений специфика сказуемого, невозможность подстановки подлежащего, связана не с самим сказуемым-глаголом, а с наличием при этом сказуемом дательного субъекта.

Четвертую группу составляют безличные предложения, в роли сказуемых которых выступают личные глаголы *лютя*, *мина*, *премина*, *тежа*.

А. Предложения с одним дательным дополнением: «Той премига, отвори очи *и макар че му люти*, вижда как тръсва сметта на бунището» (Даск.); «*Ще ти мине*! Дребна работа!» (Л. Стоян.); «—Лалке, успокойтесе, *ще ви премине*,—каза й докторътс приветлив глас...» (Ваз.); «Тя биваше и нощна смяна във фабриката *и не й тежеше*» (Даск.).

Б. Предложения с дательным дополнением и другими второстепенными членами: «*Но на Ерофима скоро му мина*» (Йовк.); «Леко му се зави свят, *но скоро му премина*» (Даск.).

Ср. с указанными примерами личные предложения: «*...мина ли ти главичката?*» (Йовк.); «*...болестта ще премине*» (там же); «*Тежеше* й тази страшна *разпра* за имота» (Карасл.).

В рассматриваемых безличных предложениях к самому глаголу-сказуемому возможна подстановка подлежащего, так как перечисленные глаголы являются личными.

Второстепенными членами, употребляющимися в группе безличных предложений с глаголами *лютя*, *мина*, *премина*, *тежа*, являются: 1) дательное дополнение — обязательный элемент структуры безличного предложения; 2) обстоятельство времени — возможный, но не обязательный элемент структуры безличного предложения. Дательное дополнение в безличных предложениях с глаголами *лютя*, *мина*, *премина*, *тежа* не определяет безличный характер предложений, так как такое же дополнение может иметь место и в личных предложениях с этими глаголами (т. е. положение здесь иное, чем можно было наблюдать в предыдущей группе предложений). Ср. с безличным предложением «Гарчо си мислеше, че гледат с недоверие към него *и му тежеше*» (Даск.) личное предложение «*...споменът* за Харков *му тежеше*» (Веж.), в котором и само сказуемое и дательное дополнение подобны сказуемому и дательному дополнению безличного предложения.

Обстоятельство времени, возможное в анализируемых безличных предложениях, также является «нейтральным» с точки зрения безличного характера предложений, так как оно может наличествовать с соответ-

inslav

ствующими глаголами и в личных предложениях. Следовательно, в безличных предложениях с глаголами *лютя*, *мина*, *премина*, *тежа* трудно говорить о специфике сказуемого, ибо как сам глагол-сказуемое, так и второстепенные члены у этих предложений такие, какие могут быть и в личных предложениях.

О значении безличных предложений с обязательным дательным дополнением следует сказать то же, что говорилось нами о рассмотренных выше предложениях. Безличные предложения отличаются по своему значению от параллельных личных тем, что выражают проявление какого-либо действия независимо от активного деятеля.

Предложения с обязательным дательным дополнением употребляются в болгарском языке довольно широко, хотя количество глаголов, выступающих в функции их сказуемого, сравнительно невелико.

В болгарском языке имеются безличные предложения, которые образуют внутри предложений с обязательным дательным дополнением четкую подгруппу. Например: «...чакаше с нетърпение да свърши денят, че да яхне веднаж младия арап *и да му олекне на сърцето*» (Даск.). Такие предложения, как и рассмотренные выше, имеют при сказуемом, представляющем собой глагол без *се*, в качестве обязательного элемента дательное дополнение, что и объединяет их с рассмотренными выше предложениями в одну группу. Помимо дательного дополнения в данных предложениях имеется еще один член предложения — косвенное дополнение, выраженное существительным определенного лексического значения (оно обозначает орган или часть тела) с предлогом. Это косвенное дополнение нельзя квалифицировать как обязательный второстепенный член безличного предложения, так как наряду с таким предложением, как «...*и да му олекне на сърцето*», в языке возможно и предложение «...нека си поплаче ...*да ѝ олекне*...» (Зид.). Однако это дополнение существенно отличается от всех других необязательных второстепенных членов, которые могут иметь место в предложениях, имеющих обязательное дательное дополнение. Это и заставляет выделить рассматриваемые предложения в отдельную подгруппу.

Отличие косвенного дополнения, выраженного существительным, которое обозначает орган или часть тела, от всех других необязательных второстепенных членов состоит в следующем. В безличных предложениях с этим косвенным дополнением наблюдается чередование дательного дополнения с определением при указанном косвенном дополнении. Ср. предложение с дательным дополнением: «На страх живеех, *сега ми олекна на душата*» (Е.-П.) и предложение, где дательного дополнения нет, но при другом дополнении имеется определение, выраженное краткой формой дательного падежа личного местоимения: «О, налейте! Ще да пия, *на душа ми да олекне*...» (Хр. Бот.). Укажем еще подобную пару предложений: ср. предложение с дательным дополнением: «Аз чух из стаята си стъпките на турците и разбрах, че идат за мене, *и ми притъмня пред очите*» (Ваз.) и предложение с определением при другом дополнении: «*Притъмня пред очите на Гарчо*» (Даск.).

В предложениях рассматриваемой подгруппы представлены: 1) самостоятельные безличные глаголы; 2) глаголы, представляющие собой переходную ступень между личными и безличными; 3) глаголы личные.

1. Самостоятельным безличным глаголом, употребляющимся в подобных предложениях, является глагол *причернява — причернее*. Например: «— Не, Ибрахим ага, не съм ятак на Синапа, но казвам, че когато хората мрат от глад *и им причернее пред очите*, не знаят какво правят» (Л. Стоян.). Специфика сказуемого данного предложения связана с характером глагола.

2. Глаголами — переходными ступенями являются глаголы *застудява — застуди*, *олеква — олекне*, *притъмнява — притъмнее*. Примеры без-

inslav

личных предложений с этими глаголами: «*На челото му застудя*, каточе по него плъзна змия» (Л. Стоян.); «...чакаше с нетърпение да свърши денят, че да яхне веднаж младия арап *и да му олекне на сърцето*» (Даск.); «Игнат познаваше добре и врага, срещу който щяха да вдигнат и вече се дигаха, усети, че нещо се завърти в главата му, *притъмня пред очите му за миг* и той прехапа тревожно мустак...» (Велк.).

Безличный характер у предложений с глаголами *застудява — застуди*, *олеква — олекне*, *притъмнява — притъмнее* четок. Специфика сказуемого здесь заключается в характере глагола.

3. Сюда относятся глаголы *буча*, *тежа*, *тъмнея*. Примеры безличных предложений с этими глаголами: «*Все пак в ушите му бучеше* и необикновена слабост проникваше в цялото му тяло...» (Л. Стоян.); «*Тежеше ѝ на стомаха...*» (Карасл.); «Дядо попе, хвърли брадвата настрана, *че ми тъмнее пред очите...*» (Е.-П.).

Ср. эти предложения с параллельными личными: «*Главата* му *бучеше*» (Даск.); «...гора, където сивата *пелена* на облаците *тъмнееше* в гъсти оловни тонове» (Веж.).

Выясняя, в чем заключается специфика сказуемого безличных предложений с глаголами *буча*, *тежа*, *тъмнея*, необходимо обратиться к второстепенным членам этих предложений, так как сам глагол-сказуемое в них — личный глагол, допускающий употребление подлежащего.

Анализируя безличные предложения русского языка, А. М. Пешковский указывает на «случаи, когда один и тот же глагол без резкого изменения своего вещественного значения может быть употреблен т о л и ч н о, т о б е з л и ч н о, причем в последнем случае на безличность ясно указывают д р у г и е формы из состава того же предложения» [30]. Среди сравниваемых им личных и безличных предложений имеются и такие предложения, как *Голова трещит — В голове трещит*. Относительно подобных безличных предложений Пешковский пишет: «...глагол сам по себе терпит подлежащее, но д а н н о е сочетание его не терпит» [31]. Анализируя безличные предложения болгарского языка, сказуемое которых представляет собой личный глагол, можно видеть, что лишь часть из них аналогична случаям, указанным Пешковским. Таким является, например, предложение «Дядо попе, хвърли брадвата настрана, *че ми тъмнее пред очите*» (Е.-П.). Подстановка именительного падежа в это предложение невозможна.

В другой же части безличных предложений, сказуемое которых — личный глагол, присутствие дополнений не делает подстановку подлежащего полностью невозможной. Так, например, наряду с личным предложением «*Ушите ѝ бучаха* и главата ѝ се въртеше от мъка и срам» (Карасл.) в языке имеется безличное предложение «*Все пак в ушите му бучеше* и необикновена слабост проникваше в цялото му тяло...» (Л. Стоян.). Однако подстановка подлежащего не является здесь невозможной, ибо вполне возможно такое предложение, как «*В ушите му бучеше шумът на изтощението*» (Велк.).

Таким образом, безличные предложения с личным глаголом в функции сказуемого неоднородны. Во всех них сам глагол-сказуемое допускает подстановку подлежащего. Но в одних из них подстановке подлежащего мешает присутствие дополнений, в других же присутствие дополнений не исключает подстановку подлежащего [32].

---

[30] А. М. П е ш к о в с к и й. Указ. соч., стр. 320.

[31] Там же.

[32] Второстепенные члены в рассматриваемой подгруппе предложений обыкновенно ограничиваются уже названными (именно — либо два дополнения, либо дополнение, имеющее при себе определение). Другие второстепенные члены (например, обстоя-

inslav

Безличные предложения с косвенным дополнением, которое выражено существительным, обозначающим орган или часть тела, близки с точки зрения вещественного значения их глаголов основной массе безличных предложений с дательным дополнением. Глаголы данной подгруппы обозначают физическое или психическое состояние человека.

Безличные предложения рассмотренной подгруппы являются весьма употребительными в современном болгарском языке, хотя круг глаголов, которые выступают в них, сравнительно невелик.

Общий вывод о безличных предложениях с глаголом без *се* может быть сформулирован так. Безличные предложения, сказуемое которых выражено глаголом без *се*, с точки зрения своеобразия их сказуемого не однородны. У одних из них специфика сказуемого связана с характером глагола: оно представляет собой безличный глагол, либо глагол, близкий к безличным. Параллельных личных предложений такие безличные предложения не имеют.

У других предложений специфика сказуемого связана с второстепенными членами: само сказуемое у них — личный глагол, однако наличие при нем дательного дополнения (дательный субъекта) делает невозможной подстановку подлежащего. В некоторых случаях определяющим является присутствие в предложении обстоятельства места.

Наконец, существуют безличные предложения, в которых имеется такой глагол-сказуемое и такие второстепенные члены, связанные с ним, которые возможны и в личных предложениях. Безличный характер таких предложений нередко спорен и полностью выявляется только в контексте.

К ряду безличных предложений, сказуемое которых выражено глаголом без *се*, в языке имеются параллельные личные предложения. Отличие значения безличного предложения от параллельной личной конструкции состоит в том, что в безличном предложении выражается проявление какого-либо действия независимо от активного деятеля.

Безличные предложения, сказуемое которых выражено глаголом без *се*, с точки зрения лексического значения их глаголов — сказуемых весьма определенны.

Безличные предложения с глаголом без *се* распространены в болгарском языке весьма широко, но круг глаголов, употребляющихся в этих предложениях, сравнительно невелик. Особенно употребительны предложения с глаголом *има — няма*.

4. Безличные предложения с глаголом без *се* в составе сложного сказуемого

В болгарском языке, помимо безличных предложений с глаголом без *се*, выступающим как простое сказуемое, есть ряд безличных предложений с глаголом без *се*, входящим в состав сложного сказуемого.

Существует два вида предложений с глаголом без *се* в составе сложного сказуемого: одни такие предложения имеют глагол без *се* как основной глагол, а другие — как вспомогательный.

Безличные предложения со сложным сказуемым, в которых глагол без *се* является основным, соответствуют отдельным предложениям с простым сказуемым. Они отличаются от предложений с простым сказуемым только тем, что имеют еще один элемент — модальный глагол, обозначающий возможность, долженствование. Соответствующие предложения со сложным сказуемым имеются к некоторым предложениям, рассмотрен-

---

тельство времени «*...сега ми олекна на душата*» (Е.-П.) в подобных безличных предложениях редки и не связаны с безличным характером предложений.

inslav

ным в первом пункте настоящего раздела («Предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов»), например: «Всеки миг *можеше да завали*» (А. Михаилов. Калинка).

В основном же безличные предложения со сложным сказуемым представляют собой соответствия предложениям с глаголом *има*. В таких безличных предложениях со сложным сказуемым наличествуют помимо *има*, являющегося основной частью сказуемого, еще и модальные глаголы *може*, *трябва*, *бива*. Например: «Без това *не може да има* правилна организация и правилно ръководство в промишлеността» («Раб. дело»); «*Трябваше* винаги *да има* някой при него — такива бяха наставленията на доктора» (Л. Стоян.); «*Бива ли* при тия красоти *да няма* кръчма?» (Е.-П.).

Присутствие модального глагола не вносит каких-либо существенных изменений в характер этих предложений. Модальные глаголы *може*, *трябва*, *бива* широко употребляются и в личных предложениях болгарского языка. Например: «Другарите трактористи нямаха доверие в нашата бригада и смятаха, че *ние не ще може да работим* като тях» («Раб. дело»); «*Аз трябва да отмъстя* за баща си...» (Ваз.); «Другарю, *вие трябва да излезете*» (Л. Стоян.); «*Те* на никаква цена *не бива да допускат* каквото и да е обюрократизиране на работата по охраната на труда...» («Раб. дело»); «Но *ти не бива да заминеш* така...» (Зид.).

Глаголы *може*, *трябва*, *бива*, таким образом, в безличных предложениях определяющей роли не играют, так как они возможны и в личных предложениях. Следовательно, все основное, что было сказано нами о безличных предложениях с простым сказуемым, относится и к соответствующим безличным предложениям со сложным сказуемым. Нет необходимости поэтому давать здесь подробный анализ предложений со сложным сказуемым. Единственное имеющееся различие — присутствие модального глагола в одних предложениях и отсутствие его в других — с точки зрения безличного характера предложений не существенно.

Вторым видом безличных предложений со сложным сказуемым являются такие предложения, в которых глагол без *се* является вспомогательной частью сложного сказуемого. Основные схемы построения таких предложений аналогичны тем, по которым строились безличные предложения с простым сказуемым.

Первую группу образуют предложения со сказуемым, не имеющим при себе обязательных второстепенных членов. Сюда относятся предложения со вспомогательным глаголом *остава*, *предстои*, *иде*. Например: «Той махна с ръка. *Оставаше само да я моли и да я залъгва с имот*» (Карасл.); «Най-добре би било, ако може някак чрез брата си... да се добереш до оперативните им планове. *Предстояло да ги пращат за утвърждение в щаба*...» (Вас.); «Мъже бяха, *не идеше да плачат*, но не им беше добре...» (Йовк.).

Выясняя, с чем связан безличный характер данных предложений, мы сталкиваемся с новым явлением. В приведенных предложениях сказуемое имеет два элемента: основной глагол и вспомогательный. Основной глагол здесь личный, выступающий в подобных предложениях в форме всех трех лиц обоих чисел. Вспомогательные глаголы этих предложений употребляются в языке и как самостоятельные глагольные сказуемые. В последнем случае они представляют собой личные глаголы. В функции же вспомогательных глаголов они всегда безличны, при них невозможно употребить подлежащее. Таким образом, безличный характер предложений со вспомогательными глаголами *остава*, *предстои*, *иде* обусловлен тем, что эти глаголы являются безличными (подробнее об этом см. ниже, в конце раздела «Предложения с глагольным сказуемым»).

inslav

Вторую группу составляют предложения с обязательным прямым дополнением. Это предложения, в которых в функции вспомогательных глаголов выступают безличные глаголы *мързи*, *домързи*, *догрешее*, *досрамее*. Например: «*Тия кучи синове ги мързяло да работят*» (Дим.); «*Домързя го да става, да пали лампата*» (Л. Стоян.); «Пет-сто-тин лева, булка! *Догреша ме да взема толкова пари*» (Карасл.); «Зачерви се Венета, *па я досрамя по-нататък да моли*, като знаеше кой е бай Камен, и само добави...» (Даск.). Безличный характер в приведенных предложениях обусловлен тем, что в них входит как вспомогательная часть сказуемого безличный глагол.

В третью группу входят предложения, сказуемое которых имеет обязательное дательное дополнение. В качестве вспомогательных глаголов здесь употребляются глаголы *дотегне*, *идва — иде*, *омръзва — омръзне*, *прилича*. Например: «*Дотегна му да слуша тоя гол и гладен народ*» (Л. Стоян.); «*Идеше му да заплаче, да счупи нещо, да убие, да смачка някого...*» (Карасл.); «*Омръзна ми да слушам за вашите нови оръжия!*» (там же); «*Прилича ли на тебе, стар човек, да прибираш в къщата си бесни кучета?*» (Л. Стоян.).

В данной группе предложений безличный характер обусловлен, как и в двух предыдущих группах, присутствием безличного вспомогательного глагола. Вспомогательные глаголы *дотегне*, *идва — иде*, *омръзва — омръзне*, *прилича* близки вспомогательным глаголам первой группы предложений: они употребляются в языке и в своих полных лексических значениях, являясь в этих случаях личными глаголами.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО СКАЗУЕМЫМ-ГЛАГОЛОМ С *СЕ*

1. Предложения без обязательных второстепенных членов

Первую группу безличных предложений, которые имеют в качестве сказуемого глагол с *се*, составляют предложения, состоящие: а) либо из одного сказуемого; б) либо из сказуемого с второстепенными членами, не являющимися, однако, обязательным элементом структуры безличного предложения[33].

Отличительной чертой данной группы безличных предложений от всех других групп безличных предложений болгарского языка является то, что глагол-сказуемое в ней употребляется только в форме будущего времени (или будущего в прошедшем). Во всех других безличных предложениях болгарского языка глагол-сказуемое может выступать в различных формах времени.

В данной группе безличных предложений в функции сказуемого выступают глаголы, представляющие собой безличную форму с *се*. Ниже мы приводим эти безличные предложения. Предварительно укажем здесь личные глаголы, от которых эти безличные формы с *се* образованы: *мра*, *умирам*, *черпя*, *спя* и др.

А. Предложения без второстепенных членов: «Зле ми е, много ми е зле, момчета!... *Ще се мре...*» (Е.-П.); «Женен бил, неженен бил, *сѐ ще се мре*, нали?» (Ваз.); «...нашто ярко слънце ще просветне. И нека като пеперуда малка крилата ми опърли най-подире. Не ще проклинам, няма да се вайкам, защото все пак, знам, *ще се умира*» (Н. Вапц.); «—Толкова место орязахме днеска, от тебе ще е черпнята... Добър вечер, добър вечер, — поклони се той, — няма какво, *ще се черпи...*» (Карасл.).

---

[33] Часть предложений такого же состава мы выделяем в отдельную группу, рассматриваемую в другом месте.

inslav

Б. Предложения с второстепенными членами: «Ясно е — *тука ще се умира*! Изведнаж в сърцето му стана чисто и спокойно. *Тука ще се умира*. Колко сигурни и нетрепкащи бяха вече ръцете му ...*Тука ще се умира*! Добре! Човек умира веднаж и щом това е неизбежно, нека поне умре с чест» (Веж.); «Игнат се изпъна с цялата си дължина на сламеника, сложи на тила си ръцете, вместо възглавница, и се замисли. *Тази нощ щеше да се спи тука*» (Велк.).

В функции сказуемого в приведенных предложениях выступают глаголы в безличной форме с *се*, следовательно, само сказуемое у этих предложений обладает спецификой: оно невозможно в личных предложениях.

В некоторых из приведенных предложений имеются второстепенные члены: обстоятельство времени и обстоятельство места. Эти второстепенные члены не связаны с безличным характером предложений, так как они возможны и в личных предложениях. Ср. *Тука ще се умира* и *Тука ще умира*; *Тази нощ щеше да се спи тука* и *Тази нощ щеше да спи тука*.

Таким образом, своеобразие сказуемого у безличных предложений этой группы связано только с элементом *се* глагола: достаточно во всех только что приведенных предложениях (как распространенных, так и не распространенных) заменить форму с *се* на форму без *се*, и эти предложения станут личными предложениями.

Безличные предложения рассматриваемой группы воспринимаются на фоне личной конструкции как известное, семантически и стилистически обусловленное отклонение от личной конструкции. Ср. два предложения — безличное и личное: «— Толкова место орязахме днеска, от тебе ще е черпнята... — Добър вечер, добър вечер, — поклони се той, — няма какво, *ще се черпи*...» (Карасл.)' — Добрый вечер, добрый вечер, — поклонился он, — ничего не поделаешь, *придется угощать*...' и «— Добър вечер, добър вечер, — поклони се той, *ще черпя*...»' — Добрый вечер, добрый вечер, — поклонился он, — *буду угощать*'.

Безличные предложения рассматриваемой группы выражают модальное значение необходимости какого-нибудь действия: действие обязательно, неизбежно должно совершиться, независимо от воли лиц, с которыми оно связано. Такого значения нет у параллельных личных предложений.

В приведенном здесь примере мы специально даем безличное предложение в контексте, так как в контексте ярче видно его значение. При замене безличного предложения на личное не случайно опущена часть контекста *няма какво*, так как эта часть своим лексическим значением тесно связана с грамматическим значением следующего за ним безличного предложения.

Предложения с безличной формой с *се* глаголов *мра*, *умирам* составляют основную массу этих предложений. Сравнительно частое употребление этих глаголов в роли сказуемого безличных предложений рассматриваемой группы может быть объяснено, нам представляется, тем, что грамматическому значению данной группы предложений созвучно вещественное значение глагола: он выражает нечто прямо противоположное намеренности, нечто совершенно не зависящее от нашей воли.

Предложения этой группы встречаются в современном болгарском литературном языке сравнительно редко. Мы считали, однако, необходимым проанализировать их, так как эти предложения не только не освещены в лингвистической литературе о болгарском языке, но даже не отмечены в ней. Вторым основанием для того, чтобы остановиться на этих предложениях, послужила определенная близость их к другим безличным предложениям, широко употребляющимся в болгарском языке, именно употребление в функции их сказуемого безличной формы с *се*.

inslav

2. Предложения с обязательным дательным дополнением

Сказуемое предложений этой группы также выражено глаголом в безличной форме с *се*. Приводим перечень некоторых из личных глаголов, от которых образуются безличные формы с *се*, употребляющиеся в предложениях данной группы: *воювам*, *вярвам*, *говоря*, *годя*, *живея*, *играя*, *идвам*, *излизам*, *лежа*, *мисля*, *обикалям*, *отивам*, *пея*, *плача*, *повръщам*, *пущам*, *пътувам*, *работя*, *свиря*, *слизам*, *слушам*, *спя*, *ставам*, *стоя*, *ходя*, *ям* и др.

А. Предложения с одним дательным дополнением: «Ами какво? *Не му се воюва ли*?» (Веж.); «*Повръща ми се*...» (Вас.); «*Не му се слушаше*» (Велк.); «*Наистина не му се спеше*» (Веж.).

Б. Предложения с дательным дополнением и другими второстепенными членами: «*И сега пак ти се воюва*, така ли?» (Веж.); «*От пастърмите и суджуците на бай Колю му се повръщаше*» (Л. Стоян.); «Той бе музикален, *но сега не му се слушаше никак*» (Дим.); «Ох! *Мен ми се спи, тетко... много ми се спи*!» (Е.-П.).

В этих предложениях само сказуемое обладает спецификой: оно невозможно в личных предложениях.

В предложениях данной группы употребляются следующие второстепенные члены: 1) дательное дополнение — обязательный элемент структуры безличного предложения; 2) косвенное дополнение с предлогом, обстоятельство образа действия, времени, места, причины, меры — возможные, но не обязательные элементы структуры безличного предложения.

Дательное дополнение здесь представляет собой дательный субъекта, невозможный в личных предложениях. Возьмем предложение «*Плачеше ѝ се*» (Карасл.) — в него нельзя подставить подлежащее. Возможность употребления подлежащего появляется лишь при замене безличной формы глагола *плача* на личную форму и одновременном изъятии из предложения дательного субъекта: (*Тя*) *плачеше*. Изменение в безличном предложении *Плачеше ѝ се* только одного элемента, т. е. либо только замена безличной формы глагола *плача* на личную, либо только изъятие из предложения дательного субъекта, не делает возможной подстановку подлежащего: нельзя сказать ни (*Тя*) *се плачеше*, ни (*Тя*) *ѝ плачеше*.

Иначе обстоит дело с прочими второстепенными членами — косвенным дополнением с предлогом, обстоятельствами образа действия, времени, места, причины, меры. Перечисленные второстепенные члены возможны не только в безличных, но и в личных предложениях. Для иллюстрации приводим безличное предложение с косвенным дополнением с предлогом *за*: «*Плаче ми се за тебе*, моя забравена песен!» (Е.-П.). Если в данном предложении заменить безличную форму глагола с *се* на личную форму, изъять из предложения дательный субъекта, а косвенное дополнение с предлогом *за* оставить без изменений, то станет возможной подстановка в предложение подлежащего: «(*Аз*) *плача за тебе*, моя забравена песен!» Подобное положение можно наблюдать и при анализе предложений со всеми другими второстепенными членами.

Таким образом, в рассматриваемых предложениях своеобразие сказуемого по сравнению со сказуемым личных предложений заключается в двух элементах: во-первых, в самом глаголе-сказуемом: оно представляет собой безличную форму с *се*, невозможную в личном предложении; во-вторых, в имеющемся при этом сказуемом дательном дополнении: оно представляет собой дательный субъекта, невозможный в личном предложении. Все другие второстепенные члены с безличным характером предложений не связаны, так как они возможны и в личных предложениях.

inslav

Безличные предложения рассматриваемой в группы современном болгарском литературном языке воспринимаются на фоне личной конструкции как известное семантически и стилистически обусловленное отклонение от личной конструкции. Предложения рассматриваемой группы, т. е. типа *Плачеше ѝ се* 'Ей хотелось плакать', отличаются от параллельных личных предложений — *Тя плачеше* 'Она плакала' — тем, что они выражают модальное значение желания производить какое-нибудь действие, причем возникновение этого желания не зависит от воли лица, с которым желаемое действие связано.

Ряд авторов касался значения безличных предложений этого типа. А. Илиев, А. Теодоров-Балан, Н. Костов указывают на значение желания в этих предложениях. П. Калканджиев относит их к предложениям, означающим состояния, которые не зависят от воли человека. По нашему мнению, оба эти значения взаимосвязаны, они выражаются одновременно.

Следует отметить, что в русском языке значение безличных предложений подобного состава отличается от значения их в болгарском языке. В русском языке ими выражается самостоятельно возникшая предрасположенность к действию.

Безличные предложения этого типа представляют собой в современном болгарском литературном языке явление продуктивное. Вместе с тем продуктивность этой группы предложений все же не является беспредельной. Образование подобных безличных предложений производится в определенных границах. Такие границы существуют как в области глагола (не всякий глагол может получить элемент *се* и стать сказуемым подобного безличного предложения), так и в области членов предложения (с некоторыми членами подобные безличные предложения не могут быть образованы). Одну из границ мы, фактически, уже указали, а именно: только глагол, обозначающий действия человека, может получить элемент *се* и стать сказуемым подобного безличного предложения. Ниже мы укажем еще некоторые основные ограничения в образовании безличных предложений этого типа.

Однако прежде чем перечислять эти ограничения, мы опишем еще одну группу безличных предложений болгарского языка. Необходимость такого описания вызывается здесь тем, что употребление безличных предложений со сказуемым-глаголом с *се*, при котором имеется обязательное дательное дополнение, тесно связано с употреблением другой группы безличных предложений, и перечисление ограничений поэтому интересно дать в плане сопоставления с этой последней группой предложений.

В болгарском языке есть группа безличных предложений, обязательный состав которых также образуют сказуемое и дательное дополнение, но в которых сказуемое представляет собой не просто глагол с *се* (как в предложении *Плачеше ѝ се*), а является сложным глагольным сказуемым, состоящим из модального глагола со значением желания — *иска* или *ще* — в форме с *се* и связанного с ним посредством *да* другого глагола (предложения с другими модальными глаголами желания — *поиска*, *отще* — *отщява* — стоят особняком, см. ниже, стр. 412). Примеры таких предложений: без необязательных второстепенных членов — «*Искаше ѝ се да остане*, но нямаше сили» (Карасл.); с необязательными второстепенными членами — «*На Станка се искаше да остане колкото се може по-дълго време в чистата светла стая на младия, шеговит, любезен и приятен учител*» (там же).

У предложений этой группы, как и у предложений типа *Плачеше ѝ се*, безличный характер обусловлен, во-первых, наличием безличной формы с *се*, во-вторых, наличием дательного субъекта. Так, лишь с изъятием из безличного предложения «*На Мавроди му се искаше поне да извика*, но очите

inslav

му бяха в вълка» (Йовк.) дательного субъекта и при замене безличной формы с *се* модального глагола на личную форму появляется возможность подстановки подлежащего: «(*Мавроди*) *искаше поне да извика...*»

Необязательные второстепенные члены безличных предложений этой группы очень разнообразны. С безличным характером предложений они не связаны.

Между предложениями со сложным сказуемым и предложениями типа *Плачеше ѝ се* имеется известная близость и с точки зрения отличия их значений от параллельных им личных предложений. Безличные предложения типа *Плачеше ѝ се*, как уже указывалось выше, отличаются от параллельных личных предложений тем, что выражают модальное значение желания производить какое-нибудь действие, причем возникновение этого желания не зависит от воли лица, с которым желаемое действие связано. Предложения со сложным сказуемым отличаются от параллельных им личных предложений [т. е. от таких предложений, как «*Искат да стоварят всичко на Хайдутов...*» (Даск.)] лишь оттенком независимости от воли лица.

Между собой предложения со сложным сказуемым и предложения типа *Плачеше ѝ се* очень близки по значению. Предложениями обоих типов выражается модальное значение желания производить какое-нибудь действие — возникновение этого желания не зависит от воли лица, с которым желаемое действие связано, с той лишь разницей, что значение желания в предложениях со сложным сказуемым, в противоположность таким предложениям, как *Плачеше ѝ се*, где оно выражается грамматически, выражено лексическим элементом; ср.: «*Та не плаче ми се, ма...*» (Е.-П.) и «Притискаше я мъка, *щеше ѝ се да заплаче*» (Карасл.).

Существует близость между предложениями со сложным сказуемым и предложениями с простым сказуемым и с точки зрения лексики: в предложениях со сложным сказуемым с модальным глаголом употребляются те же самые глаголы, что и в предложениях типа *Плачеше ѝ се*, т. е. глаголы, обозначающие действия человека.

Предложения со сложным сказуемым также являются продуктивными.

Мы описали группу безличных предложений со сложным сказуемым и показали большую близость таких предложений к предложениям типа *Плачеше ѝ се*. Разница между этими двумя группами предложений сводится к разнице в их сказуемых: одни предложения имеют простое сказуемое, которое представляет собой безличную форму глагола, выражающего желаемое действие; другие — сложное сказуемое, состоящее из безличной формы глагола с лексическим значением желания, союза *да* и личной формы глагола, выражающего желаемое действие; ср.: *Лежи му се...*(Карасл.) и *Искаше ѝ се да легне...* (Л. Стоян.).

Употребление простого или сложного сказуемого не является случайным, здесь обнаруживаются определенные закономерности.

1. В роли простого сказуемого может выступать безличная форма с *се*, образованная от глагола несовершенного вида. Так, во всех приведенных в этом разделе предложениях (см. стр. 408) в качестве простого сказуемого употреблены глаголы несовершенного вида.

В тех случаях, когда глагол, выражающий желаемое действие, необходимо употребить в совершенном виде, этот глагол употребляется в составе сложного сказуемого. Например: «*Искаше ѝ се да побегне*, но остана» (Е.-П.); «*Ней навярно се искаше да остане*, но тя, хулена и тъпкана толкова години, не можеше да надделее над себе си» (там же).

2. Нормально глаголы, имеющие *се* в личной форме, не могут употребляться в роли простого сказуемого. Однако отдельные случаи употребления таких глаголов в функции простого сказуемого в болгарском языке

inslav

имеются (например, у Хр. Ботева: «Не пей ми се, *не смей ми се*, от днес вече ще да блея»). Подобное явление наблюдается и в русском языке. В исследованиях по русскому языку указывается, что безличные формы не образуются от личных глаголов, оканчивающихся на *-ся* (например, от глаголов *веселиться*, *радоваться*, *улыбаться*). Однако благодаря продуктивности такого образования безличных форм в языке имеется тенденция производить вторично такие формы даже от глаголов на *-ся* [34].

За исключением указанных выше редких отклонений от нормы, глаголы, имеющие *се* в личной форме, употребляются только в составе сложного сказуемого, например: «...*ами ще ли ти се барем да се поразтъпкваш*?» (Карасл.).

3. При простом сказуемом не может быть прямого дополнения: такое сказуемое представляет собой глагол в форме с *се*, а общее значение возвратной формы — значение непереходности. При образовании безличной формы от личного переходного глагола происходит устранение переходности глагола. Напротив, в составе сложного сказуемого глагол остается переходным, поэтому в предложениях со сложным сказуемым может наличествовать прямое дополнение. Например: «... *и не му се искаше да среща хора*» (Е.-П.); «*Искаше му се да има огромна свръхестествена сила*...» (Л. Стоян.).

4. В тех случаях, когда при глаголе, выражающем желаемое действие, имеется дательное дополнение, обозначающее предмет или лицо, на которое действие переходит, этот глагол выступает только в составе сложного сказуемого. Например: «*Искаше му се да... им говори за умерения живот*...» (Л. Стоян.).

5. Сложное сказуемое употребляется и в тех случаях, когда глагол, который нормально не имеет дательного дополнения, употребляется с *си*. Например: «— Гладен ли си, тетьо? — правеше си оглушки Станка *и все още не ѝ се искаше да си иде*» (Карасл.).

Препятствием для употребления простого сказуемого, помимо прямого и еще одного дательного дополнения, служат нередко и другие второстепенные члены. Причем здесь уже нельзя сказать, что такой-то второстепенный член всегда невозможен в предложении с простым сказуемым (как это имеет место в указанных выше случаях). Здесь все зависит от конкретных условий. Так например, в предложении с обстоятельством времени «*Тъй му се искаше да спи още дълго, цяла вечност*...» (Л. Стоян.) сложное сказуемое не может быть заменено простым без искажения смысла предложения; при других же условиях обстоятельство времени в предложениях с простым сказуемым вполне правомерно (см. примеры на стр. 408).

Естественно, что в тех случаях, когда имеется не одно препятствие к образованию безличного предложения с простым сказуемым, а несколько, также употребляется сложное сказуемое. Такие случаи очень многочисленны. Например: «*Как им се искаше да видят една такава сватба*!» (Карасл.); «...*Не ми се ще да си затварям къщата*» (Е.-П.); «*Искаше ѝ се да му напише всичко за тежкия живот, за недоимъка, за притесненията*, които всеки ден се увеличаваха» (Карасл).

Следует отметить, что в языке порой наблюдаются кажущиеся отклонения от указанных выше норм употребления простого и сложного сказуемого (причем так называемые отклонения идут за счет расширения сферы употребления сложного сказуемого). На самом деле это бывает

---

[34] См. «Грамматика русского языка», т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 32; В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 468.

inslav

обусловлено стилистическими соображениями или же контекстом, в котором употреблена конструкция. В этом можно убедиться на следующем примере: «*Искаше ѝ се да легне, да лежи, да лежи и никога вече да не стане*» (Л. Стоян.). Глагол *лежи* употреблен здесь в составе сложного сказуемого, хотя по перечисленным выше нормам следовало бы ожидать употребления его в функции простого сказуемого. Это обусловлено тем, что глагол *лежи* является одним из однородных членов предложения и на него влияет то, что глагол совершенного вида *легне* может быть употреблен только в составе сложного сказуемого.

Сравнение предложений с простым сказуемым и сложным позволяет сделать следующее заключение. Тот или другой тип предложений употребляются закономерно: каждый из них имеет в языке свою собственную область. Реальное значение любого предложения с простым сказуемым может быть передано предложением со сложным сказуемым, хотя такая замена происходит лишь в случаях, обусловленных контекстом или стилистическими требованиями. Замена же предложения со сложным сказуемым предложением с простым сказуемым не осуществима, так как возможности в передаче реальных значений у предложений со сложным сказуемым значительно шире, чем у предложений с простым сказуемым. Бóльшие возможности предложений со сложным сказуемым обуславливаются наличием в них второго, модального, глагола, который позволяет образовывать безличные предложения с основным глаголом несовершенного и совершенного вида невозвратным и возвратным, с глаголом, имеющим *си*, с прямым дополнением, с дательным дополнением и допускает значительное разнообразие других второстепенных членов.

В связи с указанным явлением мы остановимся теперь на тех предложениях со сложным сказуемым, которых мы умышленно пока не касались. Это предложения с модальными глаголами *поиска*, *отще* — *отщява*. Благодаря наличию модального глагола предложения со сложным сказуемым могут передавать путем прибавления к глаголу соответствующих приставок различные оттенки значения желания: начало, конец желания. Например: «Тъга, безкрайна тъга притисна душата му, *прииска му се да заплаче...*» (Л. Стоян.); «— Като гледам как се е наредил новият ни учител, *та ми се е отщяло да влизам тук* — рече тя и посочи с поглед към срещната стая, която даваха под наем» (Карасл.); «Тук пък, на трапезата в бащината му къща, имаше прекалено голяма хигиеничност, а когато към това се прибавяше и надута тържественост като тази, *човеку просто се отщяваше да яде*» (там же).

Этих оттенков нельзя передать предложениями с простым сказуемым, т. е. предложениям, имеющим модальные глаголы *поиска*, *отще* — *отщява*, нет в языке эквивалентных по значению предложений с простым сказуемым. Поэтому мы и не рассматривали предложения с *поиска*, *отще* — *отщява* там, где проводится сравнение употребления простого и сложного сказуемого.

Мы рассмотрели не все наличествующие в болгарском языке безличные предложения со сказуемым-глаголом с *се*, при котором имеется обязательное дательное дополнение. Нами была опущена часть предложений, именно такие, как: «*Доплака му се*» (Велк.); «*Ако някому се допиеше*, отиваше в кръчмата на Нако» (там же); «...*Когато и вам се доспи*, влезнете и легнете си, както завърнете!» (Ваз.); «*Как му се е доиграло*!» (Е.-П.); «*И още повече му се дояде сред тия прости и тихи хорица*» (Даск.); «Аз не съм гладен, *пък и ако ми се прияде*, ще стана, сега ми е по-харно» (Карасл.).

Мы до сих пор не касались этих предложений, потому что хотели сначала показать основное, общее во всех (т. е. и в приведенных прежде, и в только что данных) безличных предложениях со сказуемым-глаголом

inslav

с *се*, при котором имеется обязательное дательное дополнение. Эти же предложения имеют некоторое своеобразие в сравнении с основной массой таких безличных предложений.

Выше было сказано, что для каждой безличной формы с *се*, выступающей в функции сказуемого, может быть указана соотносительная личная форма глагола, отличающаяся от безличной лишь отсутствием *се*. Но в болгарском языке имеются и предложения, образцы которых были нами сейчас приведены, где сказуемое представляет собой уже дальнейшее развитие безличной формы с *се*. Это безличные глаголы, образованные от безличной формы с *се* с помощью приставки *до-* или реже *при-* [35].

Приведенные здесь предложения отличаются от всех остальных предложений со сказуемым-глаголом с *се*, имеющим дательное дополнение, еще и тем, что в них сказуемое представляет собой глагол совершенного вида. Совершенный вид в глагол здесь вносит приставка *до-* или *при-*. Если проследить, каковы те безличные формы с *се*, к которым была присоединена приставка, то можно видеть, что они образованы от несовершенного вида глагола. Наличие же предложений с простым сказуемым, являющимся глаголом совершенного вида, есть следствие дальнейшего развития языка. Следует отметить, что и среди этих случаев с приставками *до-* и *при-* имеются предложения со сказуемым-глаголом несовершенного вида, так как возможно дальнейшее образование несовершенного вида глагола, например: «*Доплаква ѝ се*» (Е.-П.).

Безличные глаголы с приставками *до-* и *при-* имеются и в предложениях со сложным сказуемым: «*Доиска му се страшно да я види*» (Е.-П.); «Като разбра, че вълкът е вече надвит, *на Петра се дощя да го досвърши, да го доунищожи*» (Йовк.); «...*че на Гарчо се прииска веднага след свършването на срещата да иде с тях и види*» (Даск.).

---

[35] В болгарском языке имеется продуктивный тип образования безличных глаголов. Этот словообразовательный тип — одна из специфических черт болгарского языка, отличающих его от русского.

Данное явление возникло уже на почве безличных предложений и является дальнейшим развитием этих предложений, о чем свидетельствует следующее. Безличные глаголы образуются лишь только от тех слов, которые сами употребляются в роли сказуемого безличных предложений. Приведем для примера несколько предложений с производными безличными глаголами и со словами, от которых образованы эти производные глаголы: «Дори ме *достраша* и си помислих дали ще се справя добре» («Раб. дело») и «Па *страх* ни беше, ма Чоне» (Л. Стоян.); «*Домъчняло* беше на Бърдоква за родния му край» (Велк.) и «Не ми е за парите, ами за стареца ми е *мъчно*» (Е.-П.); «*Доплака* му *се*» (Велк.) и «*Плачеше ѝ се*» (Карасл.). Подобные пары предложений можно указать для каждого производного безличного глагола. Морфологическая сторона здесь не имеет значения: процесс образования безличных глаголов охватывает и глагольные, и именные основы (*плаче се — доплаче се*, *страх — дострашее*); образование производных безличных глаголов возможно и от безличного глагола (*мърви — домърви*), и от глагола, стоящего на границе между личными и безличными глаголами (*боли — доболи*), и от личного глагола (*кипи — прикипи*), и от безличной формы с *се* (*спи се — доспи се*).

Безличные глаголы образуются далеко не от всех слов, употребляющихся как сказуемое безличного предложения. Такие образования возможны только от слов, которые в безличном предложении имеют при себе обязательное прямое или дательное дополнение, т. е. от слов, характеризующих состояние человека.

Производные безличные глаголы сохраняют синтаксические связи тех слов, от которых они образованы.

Образование безличных глаголов происходит по одному типу — к основе прибавляется приставка *до-* или *при-* (именная основа получает, кроме того, суффикс *-е*): *до-боли*, *при-кипи*, *до-играе се*, *до-страш-ее*, *при-лош-ее*. С основами слов, имеющих прямое дополнение, употребляется только приставка *до-*. С основами же слов, имеющих дательное дополнение, употребляются обе приставки.

Производные безличные глаголы являются глаголами совершенного вида. Однако в языке наблюдается дальнейшее образование от этих глаголов несовершенного вида: *досрамее — досрамява*.

inslav

В болгарском языке есть предложения, которые, на первый взгляд, можно отнести к безличным. Так и делают некоторые болгароведы (Ат. Т. Илиев, А. Теодоров-Балан) [36]. Например: «...ще яде сирене. *Сирене му се яде...*» (Йовк); «Слугите се помайваха, *не им се похващаше нищо*, макар да имаха работа» (там же); «— Аз мислех, че си отишъл вече в село. — *Не ми се оставяше хубавото място*, — каза Павел, — пък трябва и да съм позадремал малко» (Е.-П.); «Ето, започна да дели на ума си нивата при Пътчето. *И никое от парчетата не му се даваше*» (Карасл.); «Мълчи, мами, мълчи... *Водичка ли ти се пие*, гълъбче?» (там же); «Добитъкът, измъчен цяла зима в оборите, се е крепнал по поляните и вече пробира тревите, *не му се яде коя да е*» (Даск.).

В этих предложениях наличествует глагол с *се* и дательное дополнение, обозначающее субъект действия. Предложения выражают модальное значение желания и независимость от воли лица. Однако в этих предложениях присутствует подлежащее. Так, в первом из приведенных предложений подлежащим является слово *сирене*. Другого толкования здесь быть не может. Предположение, что это прямое дополнение, должно быть отвергнуто, так как глагол с *се* не может иметь прямого дополнения.

Из всей массы предложений подобного типа мы привели такие предложения, личный характер которых является менее очевидным, так как глагол-сказуемое в них имеет форму 3-го лица единственного числа, т. е. ту же форму, что и глагол-сказуемое безличных предложений. Как можно видеть, даже в этих предложениях имеется достоверный показатель синтаксической роли наличествующих в них существительных или местоимений. Другие предложения подобного типа с еще большей наглядностью подтверждают правильность нашего определения этого типа предложений как личных. Ср.: 1) *Сирене му се яде*; 2) *Ядат ми се ябълки*; 3) *Ядвала му се баница*. В первом предложении показателем является только невозможность постановки при глаголе с *се* прямого дополнения. Во втором — помимо того, глагол имеет форму 3-го лица множественного числа, в третьем — форму женского рода. Употребление же глагола во множественном числе или в каком-либо другом роде, кроме среднего, в безличных предложениях исключено. Следовательно, данный тип предложений можно определять только как личные.

Эти личные предложения употребляются лишь в разговорном языке. В письменном литературном языке они фактически отсутствуют. Во всем исследованном нами материале встретилось только шесть приведенных выше предложений этого типа. В письменном языке в тех случаях, когда необходимо при глаголе, обозначающем желаемое действие, указать объект, употребляется безличное предложение со сложным сказуемым (см. стр. 411).

3. Предложения с обязательным второстепенным членом

В современном болгарском литературном языке безличные предложения, в которых сказуемое представляет собой глагол с *се*, занимают значительное место. Рассмотренные уже предложения не исчерпывают всех случаев безличных предложений со сказуемым — глаголом с *се*. Самой многочисленной группой предложений этого типа является группа предложений, при сказуемом которых обязательно имеется какой-либо второстепенный член.

Определить эту группу с точки зрения обязательного состава предложения можно лишь очень неточно. У этих предложений имеется только

[36] У Л. Андрейчина эти предложения отделены от безличных.

inslav

один общий всем предложениям член — сказуемое. Каждое предложение, кроме того, имеет в своем составе и какой-либо второстепенный член (или второстепенные члены), определить точнее которые не представляется возможным (они чрезвычайно разнообразны), но наличие одного или нескольких второстепенных членов в предложениях этой группы обязательно.

Эта группа отграничивается от двух предыдущих групп безличных предложений со сказуемым-глаголом с *се* достаточно четко. От предложений типа *Ще се мре* они отличаются тем, что, в противоположность последним, имеют в своем составе обязательный второстепенный член. От предложений типа *Спи ми се* рассматриваемые предложения отличаются тем, что в них дательное дополнение, совершенно обязательное в первых предложениях, может быть заменено другим второстепенным членом. При такой замене изменится лишь реальное содержание высказывания, а тип предложения останется прежним. Ср. предложения «...плаща ли им някой нещо на тия хора допълнително, за дето си губят нощите с тях. Па като разбра, *че не им се плаща*, врътна глава...» (Даск.) и «...*За тези работи така се плаща*...» (Карасл.). В первом в качестве обязательного члена выступает дательное дополнение, а во втором — обстоятельство образа действия и обстоятельства места. Следует обратить также внимание на различие в значении дательного дополнения в рассматриваемых предложениях и предложениях типа *Спи ми се*. В предложениях типа *Спи ми се* это дополнение является дательным субъекта, которого не может быть в рассматриваемых предложениях.

Примеры предложений, при сказуемом которых обязательно имеется какой-либо второстепенный член: «*Тук се влиза с дигната глава*» (Л. Стоян.); «... *с голи ръце не се върви срещу оръдията на нашите душмани*» (Велк.); «*Как ще се живее вече, чичо Симоне*!» (Е.-П.); «*С чужда стока лесно се купува*!» (Карасл.); «*Но седи ли се сам в тия пукащи пролетни дни?..*» (Даск.).

Глагол-сказуемое данной группы безличных предложений представляет собой безличную форму с *се*. Так, в приведенных примерах *влиза се*, *върви се*, *живее се*, *купува се*, *седи се* представляют собой безличные формы с *се*, образованные от личных глаголов *влизам*, *вървя*, *живея*, *купувам*, *седя*. Аналогично могут быть образованы такие безличные формы от личных глаголов *бягам*, *воювам*, *възразявам*, *гладувам*, *гледам*, *говоря*, *гърмя*, *заговоря*, *заспивам*, *звънна*, *ликвидирам*, *минавам*, *мра*, *надвивам*, *напомням*, *окопавам*, *ора*, *отивам* — *отида*, *паля*, *плача*, *почукам*, *премина*, *простивам*, *работя*, *разговарям*, *разправям*, *разчуя*, *следвам*, *спя*, *стоя*, *стрелям*, *умервам*, *умирам*, *ходя*, *шетам*, *ям* и т. п.

Таким образом, безличный характер предложений связан с формой их глагола-сказуемого.

Второстепенные члены таких предложений весьма разнообразны. Они не связаны с безличным характером предложений, так как возможны и в личных предложениях. Так, если во всех приведенных предложениях второстепенные члены оставить без изменений, а заменить лишь форму с *се* глагола-сказуемого на форму без *се*, то эти предложения станут личными. Таким образом, своеобразие сказуемого у рассматриваемых предложений по сравнению со сказуемым личных предложений заключается только в элементе *се* глагола-сказуемого.

Четкость безличного характера предложений этой группы не одинакова. Безличный характер очень четко выступает в тех предложениях, в которых сказуемое представляет собой безличную форму с *се*, образованную от непереходного личного глагола (так как такие глаголы в форме с *се* выступают только в безличных предложениях). Когда безличная

inslav

форма с *се*, выступающая в функции сказуемого, образована от переходного личного глагола, нередко возникают сомнения при решении вопроса — безличное перед нами предложение или личное с опущенным подлежащим.

К этой группе безличных предложений имеются в языке параллельные личные конструкции. Ср. безличное предложение «...*Стреля се* някъде зад гърба ни...» (Веж.) и личное «(*Врагът*) *стреля* някъде зад гърба ни...» Различие в значении между безличным и личным предложениями состоит в том, что в безличном предложении говорящий на первый план выдвигает само действие, оставляя в стороне вопрос о лице, с которым это действие связано.

Определяя данные предложения как такие, в которых на первый план выдвинуто действие, а вопрос о лице, с которым оно связано, игнорируется, мы даем только их наиболее общую характеристику; при более детальном анализе можно видеть, что эти предложения не однородны, в них обнаруживаются известные различия. В одних предложениях глагол-сказуемое означает действие повторяющееся, обычное: «*На тези години вече се пълнее*» (Карасл.). В других глагол означает действие конкретное, единичное, но лицо, с которым это действие связано, или неизвестно говорящему, или не привлекает его внимания, так как говорящему важен лишь факт самого действия. Например: «*Към десет часа навън се позвъни дълго и нервно*» (Веж.); «*В кръчмите и кафенетата само за това се приказвало*» (Карасл.). В третьих глагол обозначает действие, которое только мыслится говорящим как возможное (или невозможное): «...ама нали се забавихме... При Върлишница турци вече, *не се отива натам*...» (Ваз.).

Предложения анализируемого нами типа синонимичны неопределенно-личным предложениям. Неопределенно-личные предложения в болгарском языке значительно менее употребительны, чем безличные предложения рассматриваемой группы.

С точки зрения лексического значения сказуемые рассматриваемых предложений представляют собой глаголы, обозначающие какое-либо действие человека.

Эта группа безличных предложений является в болгарском языке продуктивной. Однако не каждое личное предложение может стать безличным путем соответствующей замены в нем глагола-сказуемого.

Выяснилось, что есть ряд условий, ограничивающих образование безличных предложений рассматриваемого типа. Такие безличные предложения образуются лишь с глаголами, обозначающими действия человека. Глаголы, имеющие *се* в личной форме, не могут стать сказуемым подобных безличных предложений. Препятствием к образованию безличных предложений служит и необходимость наличия при глаголе прямого дополнения: такого дополнения не может иметь данный тип безличных предложений, так как глагол в форме с *се* всегда является непереходным. Как было сказано ранее, эти же условия являются препятствием к образованию предложений типа *Спи ми се*. Кроме того, при анализе предложений типа *Спи ми се* мы указали, что невозможно образовать такие предложения от глагола совершенного вида и что в них не может быть дательного дополнения, обозначающего предмет или лицо, на которое действие переходит. Образованию рассматриваемого нами сейчас типа безличных предложений два последние условия не мешают. Здесь возможно употребление в качестве сказуемого глагола совершенного вида и употребление дательного дополнения, обозначающего предмет или лицо, на которое переходит действие. Например: «На вратата леко *се потропа*» (Л. Стоян.); «В селото за него *се заговори* като за добър и услужлив човек» (Карасл.); «Те знаеха, че *на болни* от артериосклероза не се възразява» (Дим.).

inslav

В болгарских грамматиках высказывалось мнение, что безличные предложения рассматриваемого типа могут быть образованы от любого глагола. Это положение правильно лишь тем, что говорит о продуктивности данного типа предложений. Однако мнение, что безличное предложение такого типа может быть построено с любым глаголом, является ошибочным. Продуктивность этого типа предложений ограничена указанными выше рамками.

Данный тип безличных предложений широко употребляется в художественной литературе, в научном языке и в периодической печати. В русском языке аналогичные предложения менее распространены, чем в болгарском. В безличных предложениях такого типа форма с *-ся* образуется здесь только от глаголов переходных, в болгарском же языке — и от переходных, и от непереходных. И даже в пределах переходных глаголов эта конструкция в болгарском языке распространена гораздо шире, чем в русском. Что касается неопределенно-личных предложений, то они употребляются в русском языке значительно шире, чем в болгарском.

При рассмотрении безличных предложений типа *Спи ми се* мы указали на наличие в языке страдательных конструкций, близких по составу и грамматическому значению этому типу безличных предложений. Однако такие страдательные конструкции свойственны лишь устной речи. К анализируемым нами безличным предложениям, при сказуемом которых обязательно имеется какой-либо второстепенный член, также имеются близкие по составу и грамматическому значению страдательные конструкции, употребляющиеся в тех случаях, когда необходимо указать объект действия. Но эти конструкции, в противоположность первым, широко употребляются и в письменном литературном языке.

Близость между безличным предложением и соответствующей страдательной конструкцией можно проследить на следующих примерах: «...и много други случаи ни показват, че и тази година в контрола по изпълнение на договорите *не се осигурява* навсякъде активното *участие* на работниците. Това показва, че все още *не се гледа* на колективния трудов договор като на стопанско-политически документ...» («Раб. дело»); «Как е попаднала тук, в тая работнишка среда, дето *се пуши*, *пускат се приказки* не за жени» (Даск.); «Той проникна и в всяка къща на града. След като *се даде* това успокоително *предупреждение* на домочадията, *престъпи се* до работа. Делчо секна огън...» (Ваз.).

Мы привели три отрывка, в которых рядом употреблены два предложения: одно со страдательной конструкцией, а другое безличное. В страдательной конструкции так же, как и в безличном предложении, на первый план выдвигается само действие, вопрос же о лице, с которым это действие связано, оставляется в стороне. Отличие от безличного предложения заключается лишь в том, что в страдательной конструкции вместе с действием указывается и выдвигается на первый план объект действия, который оформляется, как подлежащее.

Очень наглядны также следующие примеры: «...ние погребахме стария вол в дълбок гроб, *както се погребва човек*» (Е.-П.); «А дъщерята стоеше и я гледаше безпомощно, *както се гледа луд човек...*» (Л. Стоян.). Здесь интересующая нас страдательная конструкция находится в сравнительном придаточном предложении. Сравниваются два действия. Благодаря наличию страдательной конструкции и отсутствию выражения действующего лица в придаточном предложении действие еще больше подчеркивается, выдвигается на первый план. Оказывается в центре внимания и объект действия, что также отвечает цели высказывания. Ясно видно в приведенных примерах, что глагол страдательной конструкции означает действие повторяющееся, обычное, наблюдаемое постоянно. Так, в первом из приве-

inslav

денных предложений сообщается, что похоронили старого вола в глубокой могиле, как обыкновенно хоронят человека. Во втором — что дочь стояла и смотрела на мать беспомощно, как обычно смотрят на сумасшедшего человека. И так далее. Аналогичный оттенок значения наблюдается и в безличных предложениях.

Синонимичность рассматриваемых конструкций неопределенно-личным предложениям ярко видна и из следующего примера: «Макар в градчето да *се знаеше всичко* и за всички — за него малко *знаеха*» (Веж.). В грамматиках высказывается мнение, что страдательные конструкции в болгарском языке малоупотребительны. Может быть, это положение справедливо по отношению к каким-то типам, но его нельзя распространять на все страдательные конструкции. К этому выводу нас приводит проведенное исследование. Мы исследовали не все имеющиеся в языке страдательные конструкции, а лишь те из них, которые близки безличным предложениям. Этот тип страдательных конструкций является очень продуктивным и широко употребляется в художественной литературе, в научном языке, в периодической печати.

Подведем итог трем разделам. В современном болгарском литературном языке имеется значительное количество безличных предложений, имеющих в качестве сказуемого глагол с *се*, который представляет собой продуктивную безличную форму, образованную путем прибавления к личному глаголу (в форме 3-го лица единственного числа) элемента *се*. Эти предложения обнаруживают единство в ряде своих особенностей.

Во-первых, у всех этих предложений безличный характер тесно связан с элементом *се* глагола-сказуемого (различия здесь заключаются в том, что у одних предложений своеобразие сказуемого заключается только в самом сказуемом, у других же предложений, кроме самого сказуемого, своеобразие касается и синтаксических связей сказуемого).

Во-вторых, у всех этих предложений . глагол-сказуемое обозначает какое-нибудь действие человека.

В-третьих, большинство предложений является продуктивными конструкциями.

Единство предложений проявляется частично и в области грамматического значения: во всех них действие представляется протекающим независимо от воли действующего лица. Однако в грамматическом значении разных предложений с безличной формой с *се* в качестве сказуемого имеются значительные различия. Различия в значении зависят от второстепенных членов предложения.

Сравним следующие предложения: а) «Докторе, *ще се мре*, прощавай на веки, брате...» (Ваз.) 'Доктор, *придется умирать*, прощай навеки, брат...'; б) «—...*не ми се мре*» (Вас.) '...*мне не хочется умирать*'; в) «Простинал ли беше, що ли, но той знаеше, *че на неговите години бързо се мре*» (Карасл.) 'Простудился ли он, или еще что-нибудь, но он знал, *что в его возрасте быстро умирают*'.

Из сравнения видно, что однородные с точки зрения самого сказуемого предложения (все они имеют сказуемое *се мре*) обнаруживают значительные различия между собой. В зависимости от отсутствия или наличия, а в случае наличия — от характера второстепенных членов (следует подчеркнуть, что в данном случае существенны лишь обязательные второстепенные члены) безличное предложение а) либо выражает модальное значение необходимости какого-нибудь действия: действие обязательно, неизбежно должно совершиться, независимо от воли лиц, с которыми оно связано (см. п. 1); б) либо выражает модальное значение желания производить какое-нибудь действие, причем возникновение этого желания не зависит от воли лица с которым желаемое действие связано (см. п. 2);

inslav

в) либо употребляется говорящим тогда, когда на первый план выдвигается само действие, вопрос же о лице, с которым это действие связано, оставляется в стороне (см. п. 3).

Роль второстепенных членов в предложениях со сказуемым-глаголом с *се*, таким образом, чрезвычайно значительна.

4. Особняком стоящие безличные предложения со сказуемым-глаголом с *се*

В языке имеются безличные предложения, которые стоят особняком среди основной массы безличных предложений, со сказуемым-глаголом с *се*. С точки зрения состава это — предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов. Однако они отличаются от описанных (см. стр. 406—407) безличных предложений такого же состава. Столь же значительно они отличаются и от всех других рассмотренных нами типов безличных предложений с глаголом с *се*.

Сказуемые безличных предложений этой группы представляют собой самостоятельные безличные глаголы. Это глаголы *задрезгавява се, зазорява се — зазори се, здрачава се — здрачи се, мръква се — мръква се, разсъмва се — разсъмне се, посмрачи се, развиделява се — развидели се, раззаря се, свечерява се — свечери се, смрачава се — смрачи се, смръква се — смръкне се, стъмнява се — стъмни се, съмва се — съмне се.*

А. Предложения без второстепенных членов: «*Зазори се*» (Карасл.); «*Здрачаваше се*» (Велк.); «— *Мръкна се* — махна той с ръка» (Карасл.); «*Разсъмваше се*, когато излезе от селото» (там же); «И напоследък, *като се посмрачи*, все на огледалото, и все се гласи, все се маже, а сетне току се запилее към хармана по тъмното...» (там же); «Севда гледаше с нетърпение към тесните прозорчета, чакаше *да се развидели*, та да се пораздвижи и да си поеме свободно дъх» (там же); «*Раззаряше се*» (Е.-П.); «*Беше се свечерило*, небето на западбързо прегаряше» (Веж.); «*Смрачаваше се*, откъм реката вееше тънък резлив студ» (Карасл.); «*Смръкнало се бе*» (Ваз.); «*Стъмняваше се*» (Йовк.); «Тошо, *съмна ли се*, бре?» (Карасл.).

Б. Предложения с второстепенными членами: «*Зазори се добре*» (Ваз.); «Когато се наместиха в гъстака, *вече се задрезгавяваше*» (там же); «*Навън се беше вече здрачило...*» (Веж.); «*Навън се мръкваше съвсем*» (Велк.); «*Скоро съвсем се разсъмна* (Веж.); «Ето сега, *като сепосмрачи малко*, тя ще дойде» (Карасл.); «*Развиделяваше се вече*» (Ваз.); «*Свечеряваше се вече*» (там же); «*Смрачи се добре*» (там же); «*Навън беше се стъмнило съвършенно*» (там же); «*В тия високи места се съмва много рано*» (Л. Стоян.).

Мы привели группу безличных предложений, у которых глагол-сказуемое — безличный глагол и у которых, следовательно, само сказуемое обладает спецификой.

Второстепенными членами, употребляющимися в данной группе безличных предложений, являются обстоятельства образа действия, времени, места, меры; все они представляют собой возможные, но не обязательные элементы структуры безличного предложения. Анализа сказуемого с учетом его связи с второстепенными членами в тех случаях, когда сказуемое представляет собой безличный глагол (следовательно, и в данном случае), мы не даем.

Выяснив, что своеобразие сказуемого данной группы безличных предложений заключается в самом сказуемом-глаголе с *се*, необходимо рассмотреть еще один вопрос, а именно: является ли здесь *се* элементом, определяющим безличность.

Глаголы *задрезгавява се, зазорява се — зазори се, здрачава се — здрачи се, мръкне се — мръкне се, разсъмва се — разсъмне се, посмрачи се, развиделя-*

inslav

ва се — развидели се, раззаря се, свечерява се — свечери се, смрачава се — смрачи се, смръква се — смръкне се, стъмнява се — стъмни се, съмва се — съмне се в своей основной массе употребляются только в форме с *се*. Лишь отдельные из этих глаголов имеют и формы без *се*, которые, однако, употребляются реже, чем формы с *се*; так, наряду с *мръква се — мръкне се, съмва се — съмне се* в современном болгарском языке известны и формы без *се* этих глаголов. Такие формы без *се* также являются безличными глаголами и совершенно равнозначны с параллельными им формами с *се*. Например: «Още *не бе мръкнало*» (Л. Стоян.); «Не се вижда, кога *съмва*, кога *мръква*» (Е.-П.); «— *Съмна*, — рече тихо ловецът и залепи лице на малкия отвор» (там же).

Все сказанное позволяет видеть, что *се* не является элементом, определяющим безличность, ибо большинство глаголов, выступающих в роли сказуемых предложений этой группы, вообще не употребляется в форме без *се*, а в тех случаях, когда глагол имеет параллельную форму, отношение формы с *се* к форме без *се* не представляет собой отношения безличного глагола к личному — обе формы одинаково безличны. Положение Ф. Ф. Фортунатова: «...в *смеркается* нет, понятно, никакой связи между образованием на *-ся* и безличностью данного глагола...»[37] целиком применимо и к рассматриваемому материалу болгарского языка.

На вопрос о том, возможно ли восприятие рассматриваемой группы безличных предложений со сказуемым-безличным глаголом на фоне личной конструкции как семантически и стилистически обусловленного отклонения от личной конструкции, должен быть дан отрицательный ответ. Такие предложения, как *Здрачаваше се, Мръкна се* и т. д., параллельных личных предложений не имеют.

Безличные глаголы-сказуемые предложений рассматриваемой группы едины в семантическом отношении: все они означают явления природы (явления, связанные со сменой дня и ночи). Круг этих глаголов ограничен; он включает в себя немногим более десяти глаголов (см. их полный список на стр. 419). Новых подобных глаголов не образуется.

В современном болгарском языке безличные предложения рассматриваемой группы употребляются весьма широко.

Как видно из всего изложенного, данная группа безличных предложений со сказуемым-глаголом с *се* отличается от всех других групп с глаголом с *се*. Сказуемое данной группы — безличный глагол, у других же предложений сказуемым является безличная форма с *се*. Для данной группы нет в языке параллельных личных предложений, все же другие группы имеют соответствия среди личных предложений. Глаголы данной группы обозначают явления природы, глаголы же всех других обозначают действия человека. Наконец, предложения данной группы имеют в качестве сказуемого очень небольшое количество глаголов, которые могут быть перечислены. Круг же глаголов, выступающих в функции сказуемого других групп безличных предложений, весьма широк, поэтому дать их полный перечень трудно.

5. Безличные предложения с глаголом с *се* в составе сложного сказуемого

В современном болгарском литературном языке имеется ряд безличных предложений с глаголом с *се*, входящим в состав сложного сказуемого.

---

[37] Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола.— ИОРЯС, т. IV, кн. 4, стр. 1158.

inslav

Эти предложения бывают двух видов: в одних глагол с *се* является основным глаголом, в других — вспомогательным.

Безличные предложения первого вида не представляют собой чего-либо принципиально нового: они соответствуют безличным предложениям с простым сказуемым-глаголом с *се*. Отличие их от этих последних предложений заключается лишь в том, что в них имеется еще один элемент: либо глагол со значением начала действия, либо модальный глагол.

В болгарском языке, как уже было указано выше, имеются следующие основные типы безличных предложений с простым сказуемым-глаголом с *се*: 1) предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов; 2) предложения, при сказуемом которых имеется обязательное дательное дополнение; 3) предложения, при сказуемом которых обязательно имеется какой-либо второстепенный член; 4) особняком стоящие предложения с безличными глаголами, обозначающими явления природы (обязательный состав этих предложений такой же, как и у первого типа). В языке нет безличных предложений со сложным глагольным сказуемым, которые соответствовали бы предложениям первого типа. То же самое можно сказать и о предложениях второго типа. Во всем исследованном материале нам встретился лишь один случай образования сложного сказуемого в предложении с обязательным дательным дополнением: «*Почна да му се повръща*, но не каза нищо» (Л. Стоян.). Параллели наблюдаются лишь в предложениях третьего и четвертого типа.

К третьему типу имеются соответствующие предложения со сложными сказуемыми, в функции вспомогательного глагола которых выступают модальные глаголы, обозначающие возможность, долженствование — *може*, *трябва*, *бива*. Например: «Как *не може да* му *се помогне*?» (Ваз.); «За тая рота *трябва да се поприказва*» (Веж.); «Със съкратените думи обаче *не бива да се злоупотребява*» (ЕЛ).

Менее распространено сложное сказуемое с глаголом, означающим начало действия. Например: «Сега *започна да се говори* не за спиране на войната, а за намесата на неутралните държави» (Карасл.).

Мы не даем подробного описания этих предложений и сравнения их с личными. Все сказанное о предложениях с простым сказуемым относится и к описываемым нами предложениям со сложным сказуемым: а) предложения со сложным сказуемым имеют такой же состав, как и предложения с простым сказуемым; отличия между ними заключаются только в структуре сказуемого; б) безличный характер предложений также связан с элементом *се* глагола-сказуемого; в) различия в значении между описываемыми безличными предложениями и параллельными им личными также заключаются в том, что в безличных предложениях говорящий на первый план выдвигает само действие, оставляя в стороне вопрос о лице, с которым это действие связано, ср. безличное предложение «*Трябваше да се замине още тази нощ*» (Велк.) и личное предложение (*Той*) *трябваше да замине още тази нощ*; г) в описываемых безличных предложениях в функции основного глагола употребляются также лишь глаголы, обозначающие действия человека; д) безличные предложения со сложным сказуемым, как и предложения с простым сказуемым, являются продуктивными.

Четвертый тип безличных предложений, в котором в функции сказуемого выступают безличные глаголы, обозначающие явления природы, тоже имеет соответствующие предложения со сложным сказуемым. В качестве вспомогательного глагола здесь выступают глаголы со значением начала действия — *вземе*, *почне*, *започва* — *започне*. Например: «Когато *взе да се развиделява*, отърча при рова» (Йовк.); «И ето, че *почна да се*

inslav

развиделяева» (там же); «*Започва да се свечерява...*» (там же); «Не мина много и *започна да се стъмнява*» (там же).

Подробного описания данных предложений мы не даем, ибо, как уже подчеркивалось, все сказанное об аналогичных предложениях с простым сказуемым относится и к предложениям со сложным сказуемым.

Помимо рассмотренного вида безличных предложений со сложным глагольным сказуемым, в языке имеется и другой вид, а именно — предложения, в которых глагол с *се* является вспомогательным. Это предложения с модельными глаголами *налага се — наложи се*, *случва се — случи се*. Например: «*Налога се да прекъснем играта*» (Веж.); «*...Наложи се да изменим посоката, да загубим времето и осъмнем ей тука, а не в планината*, както трябваше и както гласеше заповедта от щаба» (там же); «*Никога до сега не беше му се случвало да пее*» (там же); «*Случеше ли му се да мине от там*, той гледаше тъжно отъпканата ливада, която някога даваше найхубавото сено в цялата околност...» (Карасл.).

Обязательный состав таких предложений — это прежде всего сложное сказуемое. Что касается дательного дополнения, то оно непременно имеется только в предложениях с глаголом *случва се — случи се*; предложения же с глаголом *налага се—наложи се* возможны как с дательным дополнением, так и без него.

В этих предложениях мы снова сталкиваемся с явлением, которое уже отмечалось нами при описании безличных предложений с глаголом без *се*. В них сказуемое состоит из двух глаголов: основного и вспомогательного. Основной глагол является личным, он выступает в таких предложениях в форме всех трех лиц обоих чисел.

С вспомогательными глаголами этих предложений дело обстоит иначе. Глаголы *налага се — наложи се*, *случва се—случи се* употребляются в языке не только как вспомогательные, но и в своих полных лексических значениях — как самостоятельные глагольные сказуемые. Например: «*Това се случи непредвидено...*» (Веж.). В этих случаях они представляют собой личные глаголы. Однако как вспомогательные эти глаголы являются безличными глаголами. Личное предложение со вспомогательными глаголами *налага се — наложи се*, *случва се — случи се* не может быть построено.

Проанализируем предложение «*Никога до сега не беше му се случвало да пее*» (Веж.). Это безличное предложение со сложным глагольным сказуемым, состоящим из основного глагола *пея* и вспомогательного глагола *случва се*. Второстепенные члены предложения представлены дательным дополнением и обстоятельством времени. Если из данного предложения изъять вспомогательный глагол и зависимое от него дательное дополнение, то изменится весь строй предложения: появится возможность подстановки подлежащего — *Никога до сега* (*той*) *не беше пял*. При такой замене сложного сказуемого на простое предложение превращается из безличного в личное, причем основное содержание высказывания остается тем же самым. Однако опущение вспомогательного глагола, который имеет свое собственное, хотя и ослабленное, лексическое значение, влечет за собой некоторые изменения в смысловом оттенке: исчезает модальное значение возможности.

Итак, безличный характер исследуемых предложений связан с наличием в них вспомогательных глаголов *налага се—наложи се*, *случва се—случи се*.

Сравнивая это с тем, что мы наблюдали в других безличных предложениях, можно сделать следующий вывод. Исследуемые предложения, несмотря на то, что в их составе имеется безличный глагол, не могут быть объединены с уже рассмотренными нами предложениями, в которых без-

inslav

личный глагол выступает как самостоятельное простое сказуемое. В данном случае безличный глагол является лишь вспомогательным, с помощью которого образуется безличное сказуемое от другого глагола.

Это явление более похоже на образование от личного глагола безличной формы с *се*. Функция вспомогательных глаголов *налага се — наложи се*, *случва се — случи се* в какой-то степени аналогична функции элемента *се*. Эти вспомогательные глаголы в значительной степени потеряли свою самостоятельность как лексические единицы и не могут быть рассматриваемы в отрыве от основного глагола, с которым они образуют единое безличное сказуемое. Они употребляются только в безличных предложениях и являются, как и элемент *се*, составной частью безличного сказуемого, образованного от личного глагола.

Очень показательно в этом отношении то, что при опущении вспомогательных глаголов *налага се — наложи се*, *случва се — случи се*, как мы это наблюдали на примере проанализированного нами предложения, предложение не распадается, а превращается, так же как и при опущении элемента *се*, в личное.

Однако нельзя полностью приравнивать указанные вспомогательные глаголы к элементу *се*. Элемент *се* является морфологической единицей, а вспомогательные глаголы представляют собой синтаксическую единицу предложения, они имеют свое, хотя и ослабленное, лексическое значение. Поэтому нельзя объединять безличные предложения со вспомогательными глаголами *налага се — наложи се*, *случва се — случи се* и предложения, содержащие безличную форму с *се*.

Итак, образование сложных сказуемых от личных глаголов с помощью глаголов *налага се — наложи се*, *случва се — случи се* является еще одним способом создания безличности предложения.

Для полноты характеристики предложений остается указать, что с точки зрения лексического значения основные глаголы их — это глаголы, обозначающие действия человека, и что эти предложения являются продуктивным, хотя и ограниченным лексическими рамками, типом безличных предложений современного болгарского литературного языка.

III. ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СКАЗУЕМОЕ КОТОРЫХ ВЫРАЖЕНО БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫМИ СЛОВАМИ

Помимо уже рассмотренных безличных предложений с глагольным сказуемым в болгарском языке имеется большая группа предложений, где в роли сказуемого выступают особые предикативные слова.

Уже длительное время подобные слова привлекают внимание исследователей. Ряд ученых считает, что в русском языке эти слова представляют собой самостоятельную часть речи — категорию состояния. Однако это мнение встречает возражения у других ученых. Работы русских ученых оказали влияние на грамматическую теорию других славянских языков. Были высказаны мнения по вопросу о категории состояния в чешском, словацком языках.

Вопрос о категории состояния поставлен и болгарскими языковедами [38]. Мы в своей работе не решаем вопроса о категории состояния в болгарском языке. По отношению к подобным словам мы употребляем термин «безлично-предикативные слова».

---

[38] См. Бл. Блажев. За думите, които спадат към категорията на състоянието в руски и български език. — «Български език», 1955, кн. 1.

inslav

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СКАЗУЕМОЕ КОТОРЫХ ВЫРАЖЕНО БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫМ СЛОВОМ НА *-О*

Безлично-предикативные слова по своей форме совпадают или с наречиями на *-о* — *тихо*, *лошо*, *весело* и другие,— или же с существительными— *грях*, *срам*, *яд* и др. Первый вид безлично-предикативных слов мы будем называть в дальнейшем описании «безлично-предикативные слова на *-о*», второй — «безлично-предикативные слова с формой существительного».

Безлично-предикативные слова употребляются в языке как составная часть сказуемого в безличных предложениях.

1. Предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов

В функции сказуемого в этих безличных предложениях выступают очень многочисленные безлично-предикативные слова на *-о*. Даем их примерный список: *безгрижно*, *безлюдно*, *близо*, *възможно*, *важно*, *вярно*, *високо*, *влажно*, *весело*, *глухо*, *готово*, *гостоприемно*, *горещо*, *добре*, *дъждовно*, *душно*, *далече*, *евтино*, *задушно*, *здрачно*, *закътано*, *излишно*, *интересно*, *късно*, *кишаво*, *лошо*, *леко*, *логично*, *малко*, *мирно*, *мрачно*, *мъгливо*, *невъзможно*, *непоносимо*, *низко*, *непроветрено*, *нужно*, *опасно*, *открито*, *опушено*, *просторно*, *приветно*, *пълно*, *пусто*, *прохладно*, *приятно*, *прясно*, *рано*, *радостно*, *страшно*, *строго*, *сухо*, *скъпо*, *студено*, *спокойно*, *светло*, *сънно*, *тъмно*, *тежко*, *тихо*, *тревожно*, *топло*, *тайнствено*, *трудно*, *удобно*, *хубаво*, *хладно*, *чудно*, *чисто*, *човешко*, *широко*, *шумно*, *ясно*.

Особняком с точки зрения формы стоят безлично-предикативные слова *добре*, *далече*.

В качестве вспомогательного глагола с этими словами употребляются глаголы *е*, *става* — *стане*. Второстепенными членами предложений в данной группе являются различные обстоятельства: образа действия, времени, места, меры, причины, условия.

А. Предложения без второстепенных членов: «—В градината пак? —Не, *дъждовно е*, в зимника са» (Ваз.); «*Беше спокойно, топло и таинствено*» (Карасл.); «Тъй ли? *Възможно ли е*?» (Л. Стоян.); «*Логично е*, — съгласи се Тимошкин» (Веж.); «*Стана тъмно*» (Е.-П.); «Звучаха първите реплики. *Ставаше интересно*» (Л. Стоян.).

Б. Предложения с второстепенными членами: «*Колко е високооо*!» (Е.-П.); «*Много хубаво беше*, колега. Поздравявам те» (Л. Стоян.); «— Как излезе атаката? — *Не беше много трудно*!» (Веж.); «*После постепенно стана топло, почти душно*» (Л. Стоян.); «Огледай наоколо. *От другата страна е много низко*» (там же); «*Наоколо беше пак тъй светло и прясно*» (Е.-П.).

При рассмотрении безличных предложений с глагольным сказуемым мы выясняли в каждом конкретном случае, в чем заключаются особенности сказуемого в них: имеются ли к нему параллели среди сказуемых личных предложений, а если имеются, то в чем состоит различие между ними. Обращаясь к безличным предложениям с безлично-предикативными словами, мы должны констатировать, что в данном случае параллелей среди личных предложений нет, ибо эти слова употребляются только в безличных предложениях. В этом отношении безлично-предикативные слова сходны с безличными глаголами. В академической «Грамматике русского языка» отмечается: «Наряду с безличными глаголами существует еще одна категория слов, за которой закреплена функция выражения главного члена безличных предложений. Это — предикативные слова, по форме совпадающие с наречиями или представляющие собой застывшие формы

inslav

имен существительных, обозначающие состояние или имеющие значение долженствования, необходимости, возможности и т. п.»[39].

Вследствие того, что в роли сказуемого рассматриваемых предложений выступают слова, которых мы не встречаем в личных предложениях и которые сами по себе являются безличными вне зависимости от того, с какими второстепенными членами они употреблены, становится излишним при выяснении своеобразия сказуемого этих предложений подробно анализировать его связи с второстепенными членами.

Характеризуя рассматриваемые предложения с точки зрения лексического состава сказуемых, надо отметить, что, несмотря на все ее многообразие, можно выделить несколько основных групп слов. Эти безлично-предикативные слова выражают: 1) состояние среды: *хладно*, *студено*, *тъмно*, *мрачно*, *спокойно*, *топло*, *тихо*, *задушно*, *дъждовно*, *душно*, *горещо*, *пусто*, *глухо*, *прохладно*, *непроветрено*, *кишаво*, *закътано*, *здрачно*, *просторно*, *светло*, *сухо* и др.; 2) модальную окраску: *нужно*, *невъзможно* и др.; 3) оценку какого-либо состояния: *хубаво*, *лошо*, *леко*, *трудно* и др.

Безлично-предикативные слова на *-о* чрезвычайно многочисленны и продуктивны. Безличные предложения с этими словами очень широко употребляются в болгарском языке.

2. Предложения с обязательным дательным дополнением

В предложениях этой группы как сказуемое употребляются безлично-предикативные слова на *-о*: *безразлично*, *блудкаво*, *весело*, *високо*, *горещо*, *драго*, *жално*, *криво*, *леко*, *лошо*, *мило*, *мъчно*, *неловко*, *неприятно*, *обидно*, *приятно*, *противно*, *свидно*, *студено*, *страшно*, *съвестно*, *тежко*, *топло*, *трудно*, *тръпчиво*, *тягостно*, *тясно*, *тъжно*, *хубаво* и др. Количество этих слов больше, чем приведенный нами список, однако оно не так велико, как количество безлично-предикативных слов предыдущей группы предложений. К этой же группе примыкают безлично-предикативные слова *добре*, *зле*, отличающиеся формой. Как вспомогательный глагол в этих предложениях употребляются *е*, *става* — *стане*.

А. Предложения с одним дательным дополнением: «*На самия бай Мича беше неловко*» (Ваз.); «*Лошо ми е, лошо ми е*! Ще умра!» (Е.-П.); «*На Станчо му стана весело*» (там же); «*Стана му блудкаво, противно и страшно*» (Карасл.); «Как се чувствуваш? *По-добре ли ти е*?» (Л. Стоян.); «— Нищо, — каза Вакулю, — *не ми е студено*» (там же).

Б. Предложения с дательным дополнением и другими второстепенными членами: «*Не ми е за парите, ами за стареца ми е мъчно*» (Е.-П.); «*А, лошо му е на тоя чист въздух*!» (там же); «Ей, хора, каня ви на софра... *Ще ми бъде много приятно*» (Л. Стоян.); «Има ли или няма, *от това нямаше да му стане по-топло*» (там же).

Безличность приведенных предложений связана с характером слов, употребляемых в роли сказуемого.

Безлично-предикативные слова данной группы можно разделить на две группы:

1) слова, выражающие физическое состояние человека или вообще живого существа: *блудкаво*, *горещо*, *зле*, *студено* и др.;

2) слова, выражающие психическое состояние человека: *безразлично*, *весело*, *жално*, *обидно*, *страшно*, *съвестно*, *свидно* и др.

Как видно из сказанного, группа безлично-предикативных слов, употребляемых с обязательным дательным дополнением, имеет более узкий

[39] «Грамматика русского языка», т. II, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 28.

inslav

круг значений, чем группа безлично-предикативных слов, употребляемых без обязательных второстепенных членов. Следует отметить, что ряд слов (*весело*, *горещо*, *добре*, *леко* и др.) употребляется в обеих группах предложений, т. е. и без второстепенных членов, и с дательным дополнением. Дать характеристику физического или психического состояния человека они могут только при наличии дательного дополнения. Ср. «*Беше тихо, спокойно и нетърпимо горещо*» (Карасл.) и «*Стана му горещо...*» (Л. Стоян.).

Как мы уже указывали, количество безлично-предикативных слов, употребляющихся в предложениях с дательным дополнением, весьма значительно. Подобные предложения широко распространены в языке.

При рассмотрении безличных предложений с глагольным сказуемым мы отмечали среди предложений со сказуемым-глаголом без *се*, имеющим дательное дополнение, особую подгруппу с косвенным дополнением — существительным, обозначающим орган или часть тела. Это предложения типа «Той ще го подари — *да му олекне на душата*» (Е.-П.). Дательное дополнение в подобных предложениях чередуется с определением, выраженным дательным падежом личного местоимения и относящимся к косвенному дополнению.

Аналогичное явление наблюдается и среди предложений с безлично-предикативными словами на *-о*, имеющими дательное дополнение. Например: «Не мога, господин управителю, *противно ми е на стомаха...*» (Е.-П.); «Той не иска вече нищо, *освен да му е леко на душата*» (там же).

В приведенных предложениях порядок слов таков, что дательный падеж личного местоимения может трактоваться лишь как дательное дополнение. Имеются предложения и с иным порядком слов. Например: «*...в устата ѝ беше блудкаво и противно*» (Карасл.); «Маринка не вярва на сънища, *но на душата ѝ става топло*» (Е.-П.); «Иглика изгуби посоката му, *а на сърцето ѝ стана тъжно*» (там же). В этом случае местоимение в дательном падеже занимает такое место в предложении, которое может занимать и дательное дополнение и определение к косвенному дополнению. Таким образом, порядок слов допускает двоякое понимание синтаксической роли местоимения. Мы склонны все же считать это местоимение определением при косвенном дополнении, ибо такое местоимение представляет собой энклитику и интонационно объединяется с предшествующим ему косвенным дополнением.

Во всех данных здесь предложениях употреблены безлично-предикативные слова, которые могут употребляться и с одним дательным дополнением. Однако в подобных предложениях могут выступать и такие безлично-предикативные слова, которые без существительного, обозначающего орган или часть тела, не могут употребляться с дательным дополнением. Например: «Душата му миришеше на тютюн, *в гърдите му беше празно и блудкаво*» (Карасл.); «*В главата му беше тъмно...*» (Л. Стоян.); «*В душата му беше лепкаво и горчиво*» (там же). Именно благодаря наличию существительного, обозначающего орган или часть тела, становится возможным употребить такое, например, слово, как *празно*, для характеристики состояния человека (сказать *беше му празно* нельзя).

3. Безличные предложения с безлично-предикативным словом на *-о* в составе сложного сказуемого

Безлично-предикативное слово на *-о* может употребляться вместе с так называемым «*да*-изречением». В этом случае образуется сложное сказуемое, где безлично-предикативное слово выполняет функцию вспомогательной части. «*Да*-изречение» является основной частью сказуемого. Глагол «*да*-изречения» выступает в форме одного из трех лиц.

inslav

Предложения с безлично-предикативными словами в составе сложного сказуемого распадаются на две группы. Одна группа — предложения без обязательных второстепенных членов, другая — с обязательным дательным дополнением.

В предложениях первой группы употребляются безлично-предикативные слова *безразсъдно*, *безумно*, *благоразумно*, *възможно*, *грешно*, *добре*, *естествено*, *зле*, *излишно*, *късно*, *леко*, *лесно*, *мъчно*, *неприлично*, *неуместно*, *нужно*, *опасно*, *потребно*, *приятно*, *редно*, *трудно*, *удобно*, *харно*, *хубаво* и др. Например: «*Безразсъдно беше да се престрашава, и да отива на явна гибел*» (Ваз.); «*—Не е зле да си опиташ пак ръчицата*, отче игумене» (там же); «*Добре ли ще е да го изпратим в болница, а?*» (Карасл.); «*Излишно е повече да мъдруваме и да търсим вини и отговорности*» (Веж.).

Безличный характер приведенных предложений обусловлен тем, что в состав сказуемого их входит безлично-предикативное слово.

Если рассмотреть составные части такого сложного сказуемого, то оказывается, что вспомогательная часть его, выраженная безлично-предикативным словом, дает оценку действия «да-изречения». Некоторые из указанных нами безлично-предикативных слов употребляются как правило в составе сложного сказуемого, например, *безразсъдно*, *естествено*, *неприлично* и другие, так как они требуют после себя слова, конкретизирующего их значение. Однако такое слово не всегда имеется в составе предложения, а может находиться в соседнем контексте, как это имеет место, например, в следующем предложении: «*Затова няма да ви моря с никакви запитвания... Та па и не е нужно*» (Ваз.). С учетом этого обстоятельства ряд предложений с простым сказуемым, приведенных нами в разделе «Предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов», можно рассматривать как эллипс предложений со сложным сказуемым.

В языке встречаются предложения со сложным сказуемым, у которого безличны вспомогательная часть и «*да*-изречение». Например: «*Беше безумно да се мисли за възпротивление, или за пробивание навалицата*, която наводняваше околността» (Ваз.); «Тя ръсеше сол, опитваше как е с черния пипер и се чудеше дали да сложи още малко червен пипер или да не слага. *Не беше леко да се сготви за бъдещ зет*» (Карасл.); «Дарба! *А мъчно беше да се излезе срещу дарбата*» (там же); «*Нужно беше при него да има винаги човек*, който да му услужва, защото сам той не биваше да става» (Л. Стоян.).

Основным центром безличности является в этих предложениях безлично-предикативное слово. Безличность же в «*да*-изречении» является факультативной, что видно из сравнения приведенных предложений с предыдущими.

Во второй группе в составе сложного сказуемого употребляются многие из тех безлично-предикативных слов на *-о*, которые выступают как простые сказуемые предложений с обязательным дательным дополнением. Например: «Горката, *мило ѝ е да те гледа...*» (Ваз.); «*Нему му беше съвестно да отсътствува от Клисура в един ужасен час за нея...*» (там же); «*Беше ѝ тежко и противно да води тези пазарлъци...*» (Карасл.); «Младите хора работеха с въодушевление, *драго им беше да го гледат, тъй възбуден и възторжен, горд...*» (Л. Стоян.).

Как и в предыдущей группе, безличность этих предложений обусловлена наличием в них безлично-предикативных слов. В отличие от предыдущей группы здесь возможен лишь один центр безличности. «*Да*-изречение» всегда содержит личный глагол. Наличие дательного дополнения исключает возможность безличности в «*да*-изречении».

inslav

Безлично-предикативные слова рассматриваемых предложений означают состояние человека. Все эти слова употребляются с дательным дополнением и без «*да*-изречения». Предложения с безлично-предикативными словами в составе сложного сказуемого широко распространены. Это касается и предложений без обязательных второстепенных членов и предложений с обязательным дательным дополнением.

В предложениях с безлично-предикативными словами на *-о* в качестве вспомогательных глаголов в большинстве случаев выступают два глагола: *е* и *става — стане*. Однако возможны и другие вспомогательные глаголы. Например: «...подхвърли безучастно някаква дума. *Стори му се глупаво* и му стана неловко» (Е.-П.); «Не знам... *Не ми се вижда опасно*» (Л. Стоян.); «*А тъй лесно и просто му се виждаше* до тази вечер да обиколи избирателите, да им поприказва, да ги погъделичка, да ги похвали и да им пообещае туй-онуй, за да ги привлече на своя страна» (Карасл.).

Употребление глаголов *вижда се*, *стори се* в такой функции редко. Эти предложения отличаются от рассмотренных выше не только вспомогательным глаголом, но и характером дательного дополнения. Оно связано непосредственно со вспомогательным глаголом. Об этом свидетельствует тот факт, что глаголы *вижда се* и *стори се*, будучи употреблены как вспомогательные глаголы в личных предложениях, также имеют при себе дательное дополнение. Если сравнить эти глаголы со вспомогательными глаголами *е* и *става—стане*, то оказывается, что при вспомогательных глаголах *е* и *става—стане* в личных предложениях нет дательного дополнения. Следовательно, вспомогательные глаголы *вижда се* и *стори се*, употребляемые всегда с дательным дополнением, эквивалентны вспомогательным глаголам *е* и *става — стане*. Ср. *Тя беше хубава* и *Тя ми се вижда хубава*.

Таким образом, указанные нами безличные предложения со вспомогательными глаголами *вижда се*, *стори се*, которые, на первый взгляд, можно было бы объединить с рассмотренными выше предложениями с дательным дополнением, в действительности объединяются с предложениями, сказуемое которых не имеет обязательных второстепенных членов. Действительно, такие предложения, как «Не знам... *Не ми се вижда опасно*» (Л. Стоян.) и «Завий се добре. *Опасно е* наистина» (там же) чрезвычайно близки между собой и по сути дела отличаются лишь вспомогательными глаголами. Близость этих предложений и отличие предложений со вспомогательными глаголами *вижда се*, *стори се* от предложений с обязательным дательным дополнением проявляются и в следующем. Если предложения с дательным дополнением содержат безлично-предикативные слова, обозначающие физическое или психическое состояние человека, то в предложениях со вспомогательными глаголами *вижда се*, *стори се*, как и в предложениях, не имеющих обязательных второстепенных членов, безлично-предикативные слова дают оценку какого-либо состояния, положения.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СКАЗУЕМОЕ КОТОРЫХ ВЫРАЖЕНО БЕЗЛИЧНО-ПРЕДИКАТИВНЫМ СЛОВОМ С ФОРМОЙ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

1. Предложения, при сказуемом которых нет обязательных второстепенных членов

В функции сказуемого предложений этой группы выступают безлично-предикативные слова с формой существительного *грехота*, *срамота*. Возможный второстепенный член таких предложений — косвенное дополнение с предлогом *от*.

А. Предложения без второстепенных членов: «Темелко, я чуй ма. *Грехота е*. Ще умре добичето, ако стои на тия плочи» (Йовк.); «— Недей, брайно, *срамота е* — хора сме!» (Е.-П.).

inslav

Б. Предложения с второстепенными членами: «Не думай така! *От бога е грехота*!» (Карасл.); «...докато не сме почнали харман, идете, идете, *срамота е от хората*» (Карасл.).

Безлично-предикативные слова, выступающие в функции сказуемого данных предложений, выражают оценку состояния с морально-этической стороны.

Данный тип безличных предложений в болгарском языке непродуктивен. Эти предложения имеют характер фразеологизмов. Они образуются лишь с двумя словами: *грехота*, *срамота*. Характерным является парное употребление этих слов в безличных предложениях, например: «Казълбашката виждаше, как и старият се мъчи и сумти все по-недоволен, та реши сама да издебне случай и да каже на Стойка. *Не е нито срамота, нито грехота*» (Карасл.); «Той ги мъмреше, че не знаят да гледат децата си, затворили са ги в тия вмирисани дупки, без въздух и слънце — може ли така? *Грехота е от аллаха и от хората срамота*» (Л. Стоян.).

Как можно было видеть, число второстепенных членов этих предложений чрезвычайно ограничено. В них может находиться лишь дополнение с предлогом *от*, причем в этой функции употребляется строго ограниченный круг слов: *хора* (при *срамота*), *господ* и идентичные *бог*, *аллах* (при *грехота*). Во всем изученном материале мы лишь у Ст. Ц. Даскалова встретили один случай употребления слова *срамота* с другой синтаксической связью: дополнение — местоимение 1-го лица с предлогом *за*: «Вие не гледайте мен, *за мене не е срамота* да остана на опашка» (Даск.).

Предложения рассматриваемого типа встречаются лишь в прямой речи или же в тех случаях, когда автор излагает мысли героев в виде косвенной речи.

2. Предложения с обязательным прямым дополнением

В функции сказуемого предложений этой группы выступают безлично-предикативные слова с формой существительного *грижа*, *грях*, *еня*, *смях*, *срам*, *страх*, *яд*.

Возможные, но не обязательные, второстепенные члены таких предложений: косвенные дополнения с предлогами *за*, *на*, *от*, обстоятельства времени, условия, меры.

А. Предложения с одним прямым дополнением: «*Ама как не ги е грях, боже, как не ги е грях*!» (Карасл.); «— Кмете, ти защо се смееш? — *Смях ме е*» (Е.-П.); «*Срам я е, страх я е*, — нека й прости» (там же); «— Вие и двете го обичате. — *Тебе — яд ли те е*?» (там же).

Б. Предложения с прямым дополнением и прочими второстепенными членами: «*Ха, за него да ви не е грижа*» (Ваз.); «Какво говорят за него хората, Бодура знаеше, *но малко го беше еня*» (Йовк.); «*Още беше я срам в моминския накит*» (Е.-П.); «*Не го беше страх нито от кучета, нито от нищо*» (Карасл.); «Ето! *Затова най-много ме е яд*!» (там же).

Безлично-предикативные слова, выступающие в функции сказуемого данных предложений, выражают оценку состояния либо с эмоциональной, либо с морально-этической стороны.

Круг безлично-предикативных слов, употребляемых в рассматриваемых предложениях, строго ограничен и невелик по количеству. Предложения употребляются преимущественно в разговорной речи.

3. Предложения с обязательным дательным дополнением

Безличные предложения, при сказуемом которых имеется обязательное дательное дополнение, характеризуются тем, что в них обыкновенно

inslav

присутствует еще и косвенное дополнение с предлогом *за*. Например: «*Мъка ѝ беше само за изгубения плод*, мъка ѝ беше, че трябва да пише на Въкрил за това, а тъй ѝ се искаше Въкрил да бъде радостен, доволен и спокоен» (Карасл.).

Однако причислять это дополнение с предлогом *за* к обязательному составу предложений нельзя. Возможны предложения и без такого дополнения. Например: «Срам ме е, *жал ми е*. Полето гори» (Е.-П.). Кроме того, дополнение с предлогом *за* отсутствует в аналогичных с рассматриваемыми, но имеющих сложное сказуемое предложениях. Например: «*...сякаш ѝ беше мъка да се повърне назад*» (Йовк.). Как можно видеть из первого примера, оно отсутствует и в предложении с простым сказуемым, являющимся главным в сложноподчиненном предложении («*...мъка ѝ беше, че* трябва да пише»). Эти факты нельзя не учитывать при определении обязательного состава безразличных предложений данной группы.

В предложениях этой группы употребляются безлично-предикативные слова *жал*, *мъка*. По своему составу эти предложения однотипны. Например: «Не знам. *Жал ми е за детето*» (Велк.); «...жал ли ти е за мене?» (Вас.); «*Мъка му беше за Кръстя и за Кръстевица*, които, като всички родители бяха загрижени и се тревожеха от хорските думи» (Карасл.).

Отдельно отметим предложение «—То...,— продължи Казълбаша,— *мъка е и за нас, и за вас*, но... какво да се прави...» (Карасл.). Здесь наблюдается известное отличие от обычного построения подобных предложений: вместо дательного дополнения в данном предложении употреблено дополнение с предлогом *за* (не следует смешивать это дополнение с дополнениями с тем же предлогом вышеприведенных предложений).

Безлично-предикативные слова *жал*, *мъка* выражают оценку состояния с эмоциональной стороны.

Как видно из вышеизложенного, в рассматриваемой группе предложений выступает очень ограниченный круг слов, это *жал* и *мъка*. Употребляются такие предложения сравнительно редко.

4. Безличные предложения с безлично-предикативным словом с формой существительного в составе сложного сказуемого

Большинство безлично-предикативных слов с формой существительного, указанных в трех предыдущих пунктах, может выступать в составе сложного сказуемого как его вспомогательная часть. Вторую часть сказуемого образует «*да*-изречение» — глагол в форме одного из трех лиц, соединенный со вспомогательной частью посредством *да*. Основное лексическое значение несет в таком сказуемом «*да*-изречение». Первая же часть сказуемого выражает отношение к действию, ее роль близка к роли модального глагола. Приводимые ниже примеры предложений со сложным сказуемым располагаем в соответствии с предыдущими пунктами данного раздела.

1) «*Грехота е, чада, да ви държим вече под ключ...*» (Ваз.); «*Срамота е да се прибере преди време у майкини си, срамота и грехота е*» (Карасл.).

2) «*Как не го беше грях да остърже джобовете им до стотинка!*» (там же); «*Срам я беше да излезе на улицата*» (Е.-П.); «*Страх ме беше да ида дето нямах никого познат*» (Ваз.); «*Яд ме е да ги гледам* като се влачат такива из селото» (Веж.).

3) «*...сякаш ѝ беше мъка да се повърне назад*» (Йовк.).

Как видно из приведенных примеров, состав предложений со сложным сказуемым, вспомогательная часть которого выражена безлично-предикативным словом с формой существительного, в значительной степени перекликается с составом предложений с простым сказуемым, выраженным

inslav

таким же словом. Их синтаксические связи во многом сходны между собой хотя наличие «*да*-изречения» в сложном сказуемом ограничивает некоторые связи, возможные при простом сказуемом. В то же время за счет «*да*-изречения» при сложном сказуемом появляются новые связи, невозможные в простом.

Среди предложений со сложным сказуемым и тех предложений с простым сказуемым, которые были рассмотрены в двух первых пунктах настоящего раздела, есть много таких, которые чрезвычайно близки между собой. Эта близость доходит до того, что упомянутые предложения с простым сказуемым можно рассматривать как эллипс сходных предложений со сложным сказуемым. Причина этого кроется в том, что хотя в таком предложении с простым сказуемым и нет «*да*-изречения», содержащееся в нем высказывание подразумевает какое-то действие, которое известно из контекста.

Безличность в приведенных в данном разделе предложениях целиком зависит от вспомогательной части сложного сказуемого, т. е. от безлично-предикативных слов. Известную параллель здесь можно провести со сложным глагольным сказуемым, в котором в качестве вспомогательной части выступает безличный глагол: в предложениях с таким сказуемым безличность зависит от безличных глаголов, т. е. также от вспомогательной части сложного сказуемого.

Не исключена возможность, что безличность имеется и в «*да*-изречении». Например: «Няма вече хубост за нея, няма драгост, но такава била волята божия, а срещу бога, мислеше си Севда, *грехота е да се излезе*...» (Карасл.). Появление безличности в «*да*-изречении» обусловлено необходимостью передачи дополнительного смыслового оттенка. Действительно, если в предыдущих «*да*-изречениях» выражалось действие, относящееся к какому-то определенному лицу, то «*да*-изречение» данного предложения выражает действие безотносительно к какому-либо лицу, т. е. в данном предложении имеется два самостоятельных центра безличности.

Возможен и другой вариант сложного сказуемого с безлично-предикативным словом с формой существительного, когда такое слово выступает не в роли вспомогательной, а в роли основной части сказуемого. Например: «Като виждам всемирната тишина по улицата, рекох си: *от това тряба да те е страх*, Иванчо...» (Ваз.). Однако сказуемые такого типа мало распространены.

Заканчивая описание безличных предложений, сказуемое которых выражено безлично-предикативным словом с формой существительного, отдельно отметим следующие предложения с необычным употреблением слов *срам* и *грехота*: «*Срам е за нас* да търпим повече такова положение!» (Веж.); «А бре, баба, защо направи така? *Не беше ли те грехота* от бога?» (Ваз.).

Подведем итоги анализа и сделаем некоторые выводы.

Анализ безличных предложений и сравнение их с личными показали разнохарактерность безличных предложений с точки зрения вопроса о своеобразии их сказуемого и позволили выявить различные явления из области синтаксиса, морфологии, лексики, которые определяют безличный характер этих предложений. Они сводятся к следующему:

1. В языке существует разряд слов, которые не могут употребляться с именительным падежом существительного или местоимения. Это безличные глаголы и безлично-предикативные слова.

2. От личного глагола образуется форма с *се*, которая близка к безличному глаголу: при ней также невозможна постановка именительного

inslav

падежа. Однако другие формы этого глагола с именительным падежом употребляются и являются личными.

3. В ряде случаев невозможность постановки подлежащего обусловлена связями сказуемого с второстепенными членами предложения.

4. Отдельно надо отметить безличные предложения со сложным сказуемым. В них одна часть сказуемого обычно выражена личным глаголом, а вторая представляет собой слово, не допускающее подстановки именительного падежа. Последний фактор определяет характер всего предложения.

Степень безличности в предложениях может быть различна. Безличность предложения очень ярка в тех случаях, когда в предложении имеется какой-то элемент, невозможный в личном предложении. Менее ярок, а иногда даже спорен, безличный характер тех предложений, в которых такого элемента нет.

Следует сказать, что некоторые исследователи употребляют термин «степень безличности» в ином смысле. С их точки зрения, предложение *Смеркается* отличается по степени безличности от предложения *Меня тошнит*, так как во втором предложении указан логический субъект действия. С нашей точки зрения, степень безличности у двух этих предложений совершенно одинакова, ибо безличность в нашем понимании — это невозможность подстановки подлежащего.

Разнохарактерны безличные предложения в болгарском языке и по отличию грамматических значений безличного и пареллельного личного предложений. В этом отношении все безличные предложения делятся на две части. Одну часть составляют предложения, для которых в языке нет параллельных личных конструкций. Другую часть составляют безличные предложения, которые имеют параллельные личные предложения. Безличность у них имеет какую-то специальную значимость, которой они отличаются от личных предложений. Эти безличные предложения, в противоположность предложениям, не имеющим параллелей среди личных предложений, можно назвать активно-безличными.

Между безличными предложениями, к которым есть в языке параллельные личные конструкции, также наблюдаются существенные различия. Одни безличные предложения отличаются по своему значению от параллельных личных предложений лишь тем, что в них выражается проявление каких-либо процессов или состояний независимо от активного деятеля. Другие безличные предложения, помимо того, что в них также выражается проявление каких-либо процессов или состояний независимо от активного деятеля, имеют еще и другие значения, отсутствующие в параллельных личных предложениях:

а) модальное значение необходимости какого-нибудь действия;

б) модальное значение желания производить какое-нибудь действие;

в) обобщающее значение.

Это свойственно тем предложениям, где в функции сказуемого выступает безличная форма с *се*. Какое из этих значений выражается дополнительно в предложении — зависит от второстепенных членов.

Изучение безличных предложений болгарского языка показывает, что в роли сказуемого в них выступает хотя и весьма широкий, но в целом достаточно четко очерченный круг лексики.

Безличные предложения — живая, развивающаяся категория в болгарском языке. Говоря об этом, следует отдельно отметить явление, которого нет в русском языке. В болгарском языке на базе безличных предложений возник особый способ образования безличных глаголов при помощи приставок *до-* и *при-*. Безличные предложения широко употребляются в устной и письменной речи.

inslav

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Авр.— Аврамов М. Рилски партизани. София, 1954
АкР. — Речник на съвременния български книжовен език. Глав. редактор акад. Ст. Романски. Българска академия на науките. Институт за български език, т. 1 (А — К). София, 1955; т. II (Л — П). София, 1957
Анг.— Ангелов М. На живот и смърт. София, 1953
Арн.— «Български пословици и гатанки». Отбор и характеристика от проф. М. Арнаудов. София, 1949
Арн. (Ваз.) — Арнаудов М. Вступительная статья к сочинениям И. Вазова (к т. 15)
Асен.— Асенов Д. Нашият взвод. София, 1956
Бар.— Барух А. Ралеви. София, 1955
БЕ — журн. «Български език»
Бел.— Белев Г. Иглата се счупи. София, 1946; Нови хора, София, 1949
Бенд.— Бендов Г. Многозабойчикът Александър Русимов. София, 1951
Бернштт.— Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1953
Благ.— Благоев Д. Принос към историята на социализма в България. М., 1944; Литературно-критически статии. София, 1951
Болг.— Болгар Б. Чиста монета. София, 1950
Бон.— Боновски С. Селска хроника. София, 1947
Хр. Бот.— Ботев Хр. Съчинения на Христо Ботев под ред. на М. Димитров, т. 1—3. София, 1945
«Бълг.-съв. др.»— журн. «Българско-съветска дружба»
Ваз.— Вазов И. Избрани произведения в четири тома под ред. на акад. Т. Павлов, П. Зарев и Е. Стефанов, т. 1—4. София, 1950 (т. 1 — Лирика; т. 2 — Разкази и повести; т. 3 — Под игото; т. 4 — Пътеписи и писма); Казаларската царица. София, 1903
Вайганд-Дорич — Българско-немски речник от проф. д-р Г. Вайганд с сътрудничество на д-р А. Дорич. Изд. 6-е, Лейпциг, 1943
Б. Вапц.— Вапцарова Б. Спомени за Вапцаров. София, 1952
Н. Вапц.— Вапцаров Н. Пролет. (Избрани стихове за юноши). София, 1953
Вас.— Василев О. Драми. (Тревога, Любов, Щастие). София, 1956; Хайдутин майка не храни. София, 1945
Веж.— Вежинов П. Сухата равнина. София, 1952; В полето. Златан. Втора рота. София, 1953
Велк.— Велков Кр. Село Борово. Животът на Петър Дашев. Водител. София, 1956
Влайк.— Влайков Т. Преживяното, София (ч. 1 — Детските години, 1934; ч. 2 — Като бях момче, 1939; ч. 3 — Гимназист в София, 1942); Избрани съчинения. София, 1949
«В първите редици»— Сб. «В първите редици». София, 1954
Г.— Геров Н. Рѣчникъ на блъгарскый языкъ съ тлъкувание рѣчи-ты на блггарскы и на русскы,ч. I—V. Пловдив, 1895 — 1904 (ч. IV и V вышли посмертно под ред. Т. Панчева)
Ген.— Геновска В. Утро.—Сб. «Рассказы современных болгарских писателей», под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1950; Светлини. София, 1956
В. Георг.— Георгиев В. (Андреев). В Лопянската гора.—Сб. «Рассказы современных болгарских писателей», под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1950

inslav

М. Георг.— Георгиев М. Избрани разкази, т. II. София, 1943
Григ.— Григоров Кр. Новодомци (разкази), София, 1949; Три разказа.—«Септември», 1950, № 7. Сеитба.—Сб. «Рассказы современных болгарских писателей», под ред. проф. С. Б. Бернштейна
Груб.— Грубешлиева М. Избрани стихотворения. София, 1952; Пред прага (разкази за миналото). София, 1955
Гул.— Гуляшки А. Стъпки в снега. София, 1946; Обещание (пиеса).—«Септември», 1949, № 2; МТ станция (разкази). София, 1950; Село Ведрово. София, 1954; Любов. София, 1955
Гулев — Гулев Д. Връстници (разкази). София, 1956
Д.— Дювернуа А. Л. Словарь болгарского языка по памятникам народной словесности и произведениям новейшей печати, вып. 1—9. М., 1885—1889
Дан.— Данаилов Т. Борба за зетьове. София, 1955
Даск.— Даскалов С. Двор (разкази). София, 1946; Път. София, 1948; Преломът. София, 1953; Своя земя. София, 1954; Мелницата Липовански. София, 1955
Дим.— Димов Д. Тютюн. София, 1953
Г. Димитров — Димитров Г. Сборник избрани писма, статии и речи. София, 1947; Доклад пред V конгрес на Българската работническа партия (комунисти) 19 декември 1948 г. М., 1951
Дич.— Дичев Ст. За свободата. София, 1954
ЕЛ — журн. «Език и литература»
Е.-П.— Елин-Пелин. Събрани съчинения, т. I—V. София, 1949; Приказки и разкази. София, 1955
ЕПР — Младенов С. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941
«Жената»— сб. «Жената в борба за мир и социализъм». София, 1954
«Жената днес»— журн. «Жената днес»
«Защита на мира»— журн. «Защита на мира»
«Изкуство»— журн. «Изкуство»
Измир.— Измирлиев Т. Избрани произведения (хумор и сатира). София, 1955
ИИБЕ — журн. «Известия на Института за български език», БАН
«Ист. прегл.»— журн. «Исторически преглед»
Йовк.— Йовков Й. Събрани съчинения в седем тома. София, 1956
Калф.— Калфов Д. Така ги видях. София, 1954
Калч.— Калчев К. В края на лятото. София, 1945; Всемогъщият човек. София, 1948
Карав. и Хр. Бот.— Каравелов Л. и Ботев Хр. Знаеш ли ти кои сме? София, 1947
Карав.— Каравелов Л. Избрани произведения, т. 1—3. София, 1954—1956 (т. 1—2 — Повести и разкази, 1954 и 1955; т. 3 — Стихотворения. Спомени. Фейлетони, 1956)
Карал.— Каралийчев А. и др. Едноактни пиеси за селото. София, 1951; Избрани произведения. София, 1956; Вихрушка. София, 1946
Карасл.— Караславов Г. Селски истории. София, 1946; Проходът на младежта.—Сб. «Рассказы современных болгарских писателей», под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1950; От Лидице до Банска Бистрица. София, 1951; Обикновени хора, ч. I. София, 1953; Танго. Неверникът Тома. София, 1954; Крилете на човека. София, 1955; Габерови. София, 1955; Татул. София, 1955; Снаха. София, 1955
С. Карасл.— Караславов С. Шестима за един (разкази). София, 1957
Кирк.— Кирков Г. Избрани произведения. София, т. I, 1950; т. II, 1951
Колев — Колев Ж. По хайдушките пътеки. София, 1954
Конст.— Константинов А. Съчинения, т. III (Фейлетони. На свободна почва. Литературна критика). София, 1945; Бай-Ганю. София, 1948; До Чикаго и назад (пътни бележки). София, 1954
Кор.— Коралов Е. Край Марица. София, 1953
Крал.— Кралевски С. Железничари. София, 1956
Кюл.—Кюлявков Кр. Задгробни грижи. София, 1945; Изкуство и политика. София, 1947; Избрани произведения. София, т. I, 1953; т. II, 1956; т. III, 1954
Ламбр.— Ламбрев К. Средногорски партизани. София, 1949
Лил.— Лилянов С. Преходно време (разкази). София, 1954
«Лит. фр.»— газ. «Литературен фронт»
Ман.— Манов Е. Краят на Делиите. София, 1954
Мар.— Маринов Н. Стоманеният възел. София, 1955
Март.— Мартинов Н. Разкази и повести. София, 1954
Минк.— Минков Св. Избрани произведения. София, 1956
Мих.— Михалчева И. Никола Петров. София, 1956
МлТР — Младенов С. Български тълковен речник с оглед към народните говори. София, т. 1, 1951
«Нар. млад.»— газ. «Народна младеж»

inslav

Наша род.»— журн. «Наша родина»
«Наш спорт» — журн. «Наш спорт»
«Ник.— Николов С. Мечта.—Сб. «Рассказы современных болгарских писателей», под ред. проф. С. Б. Бернштейна. М., 1950
Нин.— Нинов С. Върховете са близко. София, 1953
«Ново вр.»— журн. «Ново време»
«Отеч. фр.»— газ. «Отечествен фронт»
Павл.— Павлов Т. За метода изобщо и частно за художествения социалистическо-реалистическия метод. София, 1956; Христо Ботев, безсмъртен учител и вожд на народа. БАН. София, 1956
Павурджиев — Павурджиев В. Избрани произведения (фейлетон «Опасни елементи»). София, 1953
«Пер. сп.»— журн. «Периодическо списание на българското книжовно дружество»
«Раб. дело» — газ. «Работническо дело»
СбНУ — «Сборник за народни умотворения»
С. П.— «Сборник пиеси от български автори». София, 1954
«Св. път»— сб. «Светъл път»
«Септ.»— журн. «Септември»
«Слав.»— журн. «Славяни»
Славейк.— «Български притчи или пословици и характерни думи». Събрани от Петко Славейков. София, 1954
Слав.— Славински П. Оран. Очерки. София, 1954
Смирн.— Смирненски Хр. Избрани произведения. М., 1953
Спас.— Спасов П. Хлябът на хората. София, 1954; Белите коминочистачи. София, 1955
Сп БАН — «Списание на Българската академия на науките»
Е. Стан.— Станев Ем. Когато скрежът се топи. София, 1950
Л. Стан.— Народният трибун Лазар Станев. Избрани речи и статии. Спомени на съвременици. София, 1954
Станч.— Станчева П. Нови жени. София, 1953
З. Стоян.— Стоянов З. Записки по българските въстания. София, 1952
Л. Стоян.— Стоянов Л. Избрани съчинения. София, 1952—1954 (т. 3 — Повести: Холера, Мехмед Синан, Сребърната сватба на полковник Матов; т. 4 — Зазоряване)
Страш.— Страшимиров А. Съчинения, т. I—V. София, 1947—1948
Стрелк.— Стрелков Л. Разузнаване. София, 1950
«Стърш.»— журн. «Стършел» (седмичник за хумор и сатира)
«Стърш. Ант.»— Стършел. Антология. Няма лабаво. София, 1948
Тал.— Талев Д. Илинденци. София, 1955
П. Тодор.— Тодоров П. Избрани произведения. София, 1948
Цв. Тодор.— Тодоров Цв. Северо-западни български говори.— СбНУ, кн. XLII. София, 1936
ТР — Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст. и др. Български тълковен речник. София, 1955
Хадж.— Хаджимарчев И. Овчарчето Калитко. София, 1955
«Хоро»— сб. «Хоро. Хумор за деца». София, 1955
Челк.— Челкаш Б. 9 септември 1944 г. София, 1947; Пясък в машината.—«Септември», 1954, № 11
Чилинг.— Чилингиров Ст. Моите съвременици. София, 1955
Чуд.— Чудомир. Аламинут. Весели разкази. София, 1946; Не съм от тях. София, 1946
Чук.— Чукалов К. Руско-български речник. София, 1951

---

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Е. В. Чешко. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке
Падежи 5
Введение 8
Дательный падеж 16
Винительный падеж 36
Именительный падеж 45
Система падежей болгарского местоимения 50
Предлоги 60
Словосочетания с предлогом *от* 62
Словосочетания с предлогом *на* 73
Словосочетания с предлогом *за* 82
Словосочетания с предлогом *с* 91

Е. А. Захаревич. Производные основы со значением лица в современном болгарском литературном языке 100
Вводные замечания 100
Производные основы мужского рода со значением лица 107
Производные основы женского рода со значением лица 147

Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) 157
1. Предварительные замечания по поводу некоторых понятий . . . 157
2. Общий характер грамматической категории совершенного и несовершенного вида в славянских языках 165
3. Способы действия и их влияние на категорию вида 184
4. Разработка в грамматических трудах и в словарях вопросов вида болгарского глагола 202
5. Функционирование вида как отражение его грамматической сущности. Парадигма совершенного и несовершенного вида в болгарском языке 216
6. Сочетания с показателями фазовости процесса 218
7. Сочетания с обстоятельствами продолжительности действия . . . 222
8. Употребление совершенного и несовершенного вида в формах конъюнктива 230
9. Различия между совершенным и несовершенным видом в употреблении форм настоящего времени 238
10. Видовые различия в простом прошедшем времени 252
11. Совершенный и несовершенный вид в формах перфекта и в других временах его группы 275
12. Видо-временно́е значение аористного и страдательного причастий 285
13. Система видо-временны́х форм причастно-страдательного спряжения 292
14. Заключение: общее и частные значения совершенного и несовершенного вида 307

inslav

Е. И. Дёмина. Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке . . . 313
Вводные замечания . . . 313
Критерии выделения группы пересказывательных форм . . . 319
Пересказывательные формы и формы предполагаемого действия . . . 319
Пересказывательная форма *писал съм, писал* и перфект . . . 324
Пересказывательные формы *писал съм, писал*; *пишел съм, пишел* и адмиратив . . . 325
Состав пересказывательных форм . . . 328
Значение и употребление пересказывательных форм . . . 333
Определение пересказывательного значения . . . 333
Обычные пересказывательные формы . . . 334
Эмфатические пересказывательные формы . . . 353
Общее в значении пересказывательных форм . . . 356
Место пересказывательных форм в грамматическом строе болгарского языка 356
Временное значение пересказывательных форм . . . 361
Времена обычного пересказывания . . . 364
Времена эмфатического пересказывания . . . 367
Особенности употребления пересказывательных форм в различных жанрах. . 370

М. Г. Рожновская. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке . . . 379
Введение . . . 379
I. Классификация безличных предложений . . . 382
II. Предложения с глагольным сказуемым . . . 389
Предложения со сказуемым-глаголом без *се* . . . 391
Предложения со сказуемым-глаголом с *се* . . . 406
III. Предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативными словами . . . 423
Предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативным словом на *-о* . . . 424
Предложения, сказуемое которых выражено безлично-предикативным словом с формой существительного . . . 428

Условные сокращения . . . 433

inslav

Вопросы грамматики болгарского литературного языка

•

Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

•

Редактор издательства *Г. А. Лесскис.* Технический редактор *С. Г. Маркович*

•

РИСО АН СССР № 68—76В. Сдано в набор 10/XII 58 г. Подписано к печати 27/VII 1959 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 27,5—36,67 усл. печ. л. Уч.-издат. л. 38,8.
Тираж 1500 экз. Т-09125. Изд. № 2916. Тип. зак. 1502

Цена 24 р. 80 к.

•

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР. Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Академия наук СССР

inslav

24 руб. 30 к.

Вопросы грамматики болгарского литературного языка

inslav